

Жизнь Флоренс Найтингейл, том 2 из
2

Сэр Эдвард Тайас Кук

THE LIFE
OF
FLORENCE NIGHTINGALE

BY
SIR EDWARD COOK

IN TWO VOLUMES

VOL. II

(1862-1910)

MACMILLAN AND CO., LIMITED
ST. MARTIN'S STREET, LONDON

1913

The Project Gutenberg eBook of The Life of Florence Nightingale, vol. 2 of 2

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Жизнь Флоренс Найтингейл, том 2 из 2

Автор: Сэр Эдвард Тайас Кук

Дата выхода: 16 июля 2012 [eBook #40058]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джинни Хаус, Йенсом Нордманном, Брайаном Нессом и группой онлайн-распределенной корректуры на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/Canadian Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE LIFE OF FLORENCE NIGHTINGALE, VOL. 2 OF 2 ***

ЖИЗНЬ ФЛОРЕНЦИИ СОЛОВЬЕВОЙ

MACMILLAN AND CO., Limited
ЛОНДОН - БОМБЕЙ - КАЛЬКУТТА
МЕЛЬБУРН

КОМПАНИЯ МАКМИЛЛАН
НЬЮ-ЙОРК - БОСТОН - ЧИКАГО
ДАЛЛАС - САН-ФРАНСИСКО

МАКМИЛЛАН CO. OF CANADA, Ltd.
ТОРОНТО

Флоренс Найтингейл

1887

С картины сэра Уильяма Ричмонда в Клейдоне

ЖИЗНЬ ФЛОРЕНС СОЛОВЬЕВОЙ

СЭРА ЭДВАРДА КУКА

В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ. II

(1862-1910)

МАКМИЛЛАН И КО, ЛИМИТЕД
ST. MARTINS-СТРИТ, ЛОНДОН
1913

КОПИРАЙТ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ V

ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ АРМИИ В ИНДИИ
(1862-1865)

ГЛАВА I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ. ПОТЕРЯ ДРУЗЕЙ
(август-декабрь 1861 года)

СТРАНИЦА

Отчаяние после смерти Сиднея Герберта -
сэр Джордж Льюис и военное министерство -
лорд де Грей вновь назначен заместителем
министра. II. "Спасение вещей от крушения" -
госпиталь Герберта в Вулвиче - капитан
Гальтон в Военном министерстве -
казарменное расследование на
Средиземном море - мисс Найтингейл и
волонтеры. III. Гражданская война в Америке
- мисс Найтингейл и медсестры - британские
подкрепления в Канаде - мисс Найтингейл
"работает, как во времена Сиднея Герберта".
IV. Мисс Найтингейл и Артур Хью Клаф - Его
помощь ей - Его смерть (ноябрь 1861 года) -
Ее горе - Письма с соболезнованиями - Ее
жажда сочувствия - Болезнь

3

ГЛАВА II

ПРОВИДЕНИЕ ИНДИЙСКОЙ АРМИИ
(1862, 1863)

Высокий уровень смертности среди
британской армии в Индии: Мисс
Найтингейл как "спасительница" армии. Ее
решимость добиться создания Королевской
комиссии для Индии по образцу комиссии

18

1857 года для домашней армии - лорд Стэнли одобряет эту идею: Сидни Герберт, председатель, которого сменил лорд Стэнли - Выборы комиссаров. II. Работа мисс Найтингейл в Комиссии (1859-1862 гг.) - Сбор доказательств из Индии: ее циркуляр расследования - Подготовка статистических доказательств на родине: Мисс Найтингейл и доктор Фарр - Мисс Найтингейл и свидетели. III. Анализ письменных отчетов из Индии: "Замечания мисс Найтингейл" по этому поводу (1862 г.)-Рассылка "Замечаний"-Отчет о них-Абстракт свидетельств мисс Найтингейл и доктора Сазерленда. IV. Смерть сэра Джорджа Льюиса - ее желание видеть лорда де Грея назначенным в военное министерство - сообщения в прессе: письмо лорду Пальмерстону. V. Подготовка доклада комиссии - роль мисс Найтингейл в нем - рекомендации - предложенный ею механизм: (1) санитарные комиссии в Индии, (2) надзор в Англии - принятие ее политики - подписание доклада (май 1863 г.). VI. "Рекламная кампания" мисс Найтингейл - распространение ранних копий - уведомления в прессе - исключение ее "Замечаний" и индийских свидетельств из более дешевого официального издания Доклада - отдельная публикация - переиздание Доклада с ее "Замечаниями": тираж переиздания военным министерством. VII. Физические недостатки, при которых работала мисс Найтингейл

ГЛАВА III НАЧАЛО РАБОТЫ РЕФОРМАТОРОВ (1863-1865)

"Отчеты не должны быть самостоятельными": Решимость мисс Найтингейл претворить в жизнь "Индийский доклад". Переписка с лордом Стэнли, беседа с сэром Чарльзом Вудом, просьба мисс Найтингейл подготовить проект "Предложений" для отправки в Индию, критика доклада со стороны министерства: задержка. II. Смерть лорда Элгина, вице-короля - вопрос о его преемнике - восхищение мисс Найтингейл сэром Джоном Лоуренсом - его назначение -

ее интервью с ним. III. Сэр Джон Лоуренс объявляет о назначении санитарных комиссий в Индии и просит ее ускорить отправку "Предложений". Еще одна задержка в департаменте. Нетерпение мисс Найтингейл. Вмешательство лорда Стэнли. "Предложения" одобрены и напечатаны. Задержка с отправкой: мисс Найтингейл обходит ее. IV. Оперативные действия сэра Джона Лоуренса в Индии - переписка с мисс Найтингейл - реформы сэра Хью Роуза (лорда Стратнейрна) - статья мисс Найтингейл *"Как люди могут жить и не умирать в Индии"* - критика отчета Королевской комиссии из Индии - ответ мисс Найтингейл - ход санитарной реформы в армии в Индии. V. Мисс Найтингейл как консультант и вдохновитель санитарной реформы в Индии - трудности сэра Джона Лоуренса - дань уважения лорда Стэнли - важность сотрудничества между ней и сэром Джоном Лоуренсом

ГЛАВА IV КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПРИ ВОЕННОМ МИНИСТЕРСТВЕ (1862-1866)

Мисс Найтингейл и военное министерство: ее положение консультанта. Объяснение должности - ее экспертный авторитет по некоторым вопросам - официальное наследство Сиднея Герберта - переписка с сэром Джорджем Льюисом - ее друзья в военном министерстве. II. Смерть постоянного заместителя секретаря - мисс Найтингейл и назначение капитана Гальтона - ее надежды на реорганизацию военного министерства. III. Санитарная комиссия армии - мисс Найтингейл и улучшения в казармах - уход за больными в военных госпиталях. IV. Армейская медицинская школа и положение армейских врачей - мисс Найтингейл как защитник врачей - нападки лорда Панмура на госпиталь Герберта - доводы мисс Найтингейл в защиту. V. Широкий круг вопросов, по которым она давала советы - Женевская конвенция (1864) - Предложения по оплате труда солдат и матросов - методы мисс Найтингейл. VI.

Государственное регулирование вице -
усилия мисс Найтингейл по организации
солдатских клубов, комнат отдыха и т.д. VII.
Ее исследования в области исчезновения
аборигенных рас. VIII. Духовное утешение -
Воспоминания о героизме в Крыму

ГЛАВА V ПОМОЩНИКИ, ГОСТИ И ДРУЗЬЯ (1862-1866)

Годы самой напряженной работы мисс
Найтингейл. Ее помощники - незаменимый
доктор Сазерленд - его постоянная служба -
мисс Найтингейл в качестве хозяйки - ее
метод "беседы" с помощью письменных
заметок. II. Уединение от друзей - ее строгие
правила жизни - Письма к мадам Моль -
Визит Гарибальди (1864) - Ее рассказ об
интервью - Оценка Авраама Линкольна -
Смерть лорда Пальмерстона. III. Схема мисс
Найтингейл по инвестированию рабочим
классом небольших земельных участков -
переписка с мистером Вильерсом и
мистером Гладстоном. IV. Сочувственные
письма друзьям - литературная переписка с
М. Модем. V. Дружба с мистером Джоуэттом -
их переписка - работа мисс Найтингейл в
армии и в Индии - случайное "призвание" - ее
стремление к работе в больнице

84

ГЛАВА VI НОВЫЕ МАСТЕРА (1866)

Общественные события 1866 года,
связанные с деятельностью мисс
Найтингейл. Письма по поводу этих событий.
II. История потерянной депеши. Схема
санитарной организации Индии сэра Джона
Лоуренса - стремление мисс Найтингейл
пересмотреть ее до падения либерального
правительства - депеша, потерянная в
индийском офисе: ее находит лорд Рипон -
его ответ на нее, составленный, когда
правительство пало. III. Раздражение мисс
Найтингейл - отсутствие доктора Сазерленда
- визит лорда Напира по поводу его
назначения на пост губернатора Мадраса .

104

IV. Консервативное правительство - желание мисс Найтингейл вступить в контакт с новыми министрами - переписка с лордом Крэнборном (Управление по делам Индии) и мистером Гаторном Харди (Совет по делам бедных). V. Австро-прусская война - мисс Найтингейл и военные медсестры - переписка с принцессой Алисой и кронпринцессой Пруссии. VI. Отпуск в Эмбли с матерью - Частные размышления

ЧАСТЬ VI

МНОЖЕСТВО НИТЕЙ (1867-1872)

ГЛАВА I

РЕФОРМА РАБОТНЫХ ДОМОВ

(1864-1867)

Состояние трудовых лазаретов - отчет о столичных трудовых домах в 1866 г. - мисс Найтингейл - главная движущая сила исправляющего законодательства 1867 г. II. Ее дружба с мистером Уильямом Рэтбоуном - его план по введению квалифицированных медсестер в лазарете в Ливерпуле - переговоры с мисс Найтингейл - ее подруга, мисс Агнес Джонс, назначена леди суперинтендантом - реформы, проведенные ею (1865). III. Решимость мисс Найтингейл использовать ливерпульский эксперимент в качестве рычага для реформ в Лондоне - скандалы в рабочих домах в Лондоне - переписка и интервью с мистером Вильерсом - дружба с мистером Фарналлом, инспектором по делам бедных - схема реформы закона о бедных мисс Найтингейл (1865) - одобрена мистером Вильерсом - статьи в "*Таймс*" - поражение правительства. IV. Мистер Гаторн Харди сменяет мистера Вильерса - Удаление мистера Фарналла из Лондона - Общение мисс Найтингейл с мистером Вильерсом - Комитет, назначенный мистером Харди - Мисс Найтингейл приглашена высказать свои взгляды: излагает свою схему в меморандуме. V. Билль мистера Харди (1867) - различные взгляды на него - усилия мисс Найтингейл по его расширению - важность реформ,

включенных в билль: отправная точка
реформы работного дома. VI. Успех
новаторской работы мисс Агнес Джонс - ее
смерть (1868 г.) - рассказ мисс Найтингейл о
ней в *"Добрых словах"* - выбор преемника -
влияние статьи

ГЛАВА II

СОЮЗ С СЭРОМ БАРТЛОМ ФРЕРОМ

(1864-1867)

Забота мисс Найтингейл о лучшей
организации службы здравоохранения в
Индии. Приближающаяся отставка сэра
Джона Лоуренса: ее стремление вставить
"главную пружину" - пункты, за которые она
боролась. II. Лорд Крэнборн сменил в
индийском офисе сэра Стаффорда Норткота
- дружба мисс Найтингейл с сэром Бартлом
Фрером - она решает продвигать - споры
"Двери против окон". III. Ее общение с сэром
С. Норткотом - беседы с ним - принятая ею
схема организации - депеши и другие
санитарные документы, составленные ею. IV.
Отношение правительства Индии - Письма от
сэра Джона Лоуренса - Отказ от программы
женского ухода - Недовольство мисс
Найтингейл. V. Продолжение переписки с
сэром Джоном Лоуренсом - его возвращение
в Англию - визит к мисс Найтингейл

144

ГЛАВА III

МИССИОНЕР ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ИНДИИ

(1868-1872)

Маленький индийский отдел мисс
Найтингейл, где она была предоставлена
самой себе, - главное занятие">занятие.
Отдых в Малверне (декабрь 1867 г.)- Визит к
матери в Леа-Херст (июль-октябрь 1868 г.)-
Передвижения мисс Найтингейл в
последующие годы. II. Призыв мистера
Джоуэтта поменьше заниматься
чиновничьей рутинной и побольше
литературным трудом - его *"Заметка о
пауперизме"* в журнале *Фрейзера* - интерес
к колонизации - интервью с мистером
Гошеном. III. Здравоохранение Индии: (1)
переписка и интервью с индийскими

161

чиновниками - интервью с лордом Майо - переписка с лордом Напьером (Мадрас) - "Специальное расследование холеры". IV. Эпизод: Вмешательство мисс Найтингейл, чтобы спасти Санитарную комиссию армии и Медицинскую школу армии от прекращения существования - Статистические доказательства санитарной реформы. V. Интервью с лордом Напьером из Магдалы - дальнейшая переписка с лордом Майо - другие интервью и переписка. VI. Санитарная работа в Индии: (2) знакомство и переписка с индийскими джентльменами - санитарный призыв к деревенским старейшинам. VII. Работа по охране здоровья в Индии: (3) работа в связи с Санитарным департаментом при Индийском офисе - вклад и пересмотр Ежегодника по охране здоровья в Индии. VIII. Десять лет прогресса: *Как некоторые люди жили, а не умирали в Индии* - как много и как мало!

ГЛАВА IV ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТНИК ПО ГОСПИТАЛЯМ И СЕСТРИНСКОМУ ДЕЛУ (1868-1872)

Мисс Найтингейл в качестве центрального управления, касающегося больниц и медсестер. Критика планов больниц - "Предложения" по организации сестринского дела в государственных учреждениях. II. Визиты по таким вопросам великих особ - интервью и переписка с кронпринцессой Пруссии. III. Наблюдение за Мисс Найтингейл прием леди суперинтендантов и медсестер, выходящих из школы на другие должности. IV. Закрытие акушерской школы при больнице Королевского колледжа - *Заметки* мисс Найтингейл *об учреждениях для лежащих больных*. V. Франко-германская война - Мисс Найтингейл и "Национальное общество помощи больным и раненым" - Общение с кронпринцессой Германии - Общества Красного Креста. VI. Продолжение болезни мисс Найтингейл - постоянная помощь доктора Сазерленда

ЧАСТЬ VII

РАБОТА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (1872-1910)

ГЛАВА I

"ВНЕ СЛУЖБЫ". ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(1872-1874)

211

Мысль мисс Найтингейл о поступлении в госпиталь Святого Томаса (1872) - Высказывание мистера Джоуэтта - "В этом году я ухожу из офиса" - Смысл ее заявления - Ее связь с военным министерством закрыта - Лорд Нортбрук не приходил к ней. II. Неустроенность и депрессия - просьба мистера Джоуэтта заняться литературным трудом - просьба мистера Милла о том, чтобы она высказалась. III. Статьи в *Fraser's Magazine* (1873): воплощение некоторых из ее предложений для размышлений - мнения Фруда и Карлайла о статьях - мисс Найтингейл и ее критики. IV. Смерть мистера Милла - оценка его мисс Найтингейл. V. Теологические эссе, написанные по предложению мистера Джоуэтта - Дискуссии с ним - Вклад в пересмотренное издание его *Платона* - Предложения по поводу его проповедей - Сотрудничество в "*Детской Библии*" - Замечания о такой литературной работе

ГЛАВА II

МИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ

231

Пристрастие мисс Найтингейл к католическим книгам о набожности - идея сделать подборку - взгляды мистера Джоуэтта на мистицизм. II. Предисловие мисс Найтингейл к ее "*Заметкам из преданных авторов средневековья*". III. Прерывание работы из-за смерти отца (1874) - его характер - смерть миссис Брейсбридж: Мисс Найтингейл отдает дань уважения ей и ее мужу - семейные заботы. IV. Ее книга о мистиках так и не закончена - Ее собственная мистическая жизнь - Ее личные размышления - Путь к совершенству

ГЛАВА III

ШКОЛА МИСС НАЙТИНГЕЙЛ (1872-1879)

246

Повышенное внимание мисс Найтингейл к Школе обучения. Открытие новых зданий больницы Святого Томаса Назначение нового медицинского инструктора испытуемых и "домашней сестры". II. Беседы мисс Найтингейл с испытуемыми - ее характер - зарисовки и другие записи - ее чувство юмора. III. Районные медсестры в Лондоне - мисс Флоренс Лис - отбор и повышение - некоторые любимые ученики - широкое влияние медсестер Найтингейл - тесные отношения мисс Найтингейл со своими старыми учениками в их новых должностях - ее ласковая забота о них - типичные письма - объем ее корреспонденции. IV. Ее "Обращения к испытуемым" - ведущие идеи в них - стиль обращения, напоминающий школьные проповеди. V. Ее идеал призвания медсестры - ее вера в индивидуальное влияние, а не в организацию - мисс Найтингейл как "основательница"

ГЛАВА IV ИНДИЙСКИЙ РЕФОРМАТОР (1874-1879)

273

Работа мисс Найтингейл по индийским вопросам. Ее источники информации и усердное изучение: ее возможности эффективного действия меньше, чем в предыдущие годы. II. Продолжение интереса к санитарии в армии - письмо от лорда Напира из Магдалы - переписка с лордом Солсбери и лордом Нортбруком. III. Переписка с лордом Солсбери и герцогом Бекингом об осушении Мадраса. IV. Голод в Индии и расширение интересов мисс Найтингейл - переписка с сэром Артуром Коттоном. V. Кампания по ирригации - обращение мисс Найтингейл к лорду Солсбери с просьбой вернуть ирригацию - результаты - лорд Солсбери об экспертах - мисс Найтингейл продолжает выступать за ирригацию - ее статья в *"Девятнадцатом веке"* о *"Народе*

Индии" (1878) - переписка с лордом Крэнбруком. VI. Переписка и интервью с мистером Гладстоном - смерть лорда Лоуренса. VII. Неопубликованная книга мисс Найтингейл о землевладении в Индии и ирригации - ее карты ирригации. VIII. Ее нетерпение по поводу медленных темпов индийских реформ - Философская защита политики лорда Солсбери

ГЛАВА V

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ НА ЮЖНОЙ УЛИЦЕ И В ДЕРЕВНЕ

Дом мисс Найтингейл на Южной улице - дом сэра Гарри Верни на той же улице. II. Ее слуги - Уборка дома. III. Мисс Найтингейл как хозяйка - Воспоминания подруги-медсестры. IV. Комната мисс Найтингейл - Личный облик - Редко выходит за дверь - Любовь к птицам - Замечание о влиянии лондонского неба. V. Отдых за пределами Лондона - "вилла, похожая на лобстера" в Норвуде (1875) - ежегодные визиты к матери в Леа Херст - интерес мисс Найтингейл к ее бедным соседям - мать и дочь - впечатление, произведенное мисс Найтингейл на ее друзей - мистер Джоуэтт - великая герцогиня Баденская - леди Эшбертон. VI. Письма к М. и М. Моль - Смерть М. Моль (1876) - Смерть доктора Паркеса - Вмешательство мисс Найтингейл в спасение Армейской медицинской школы - Восточный вопрос - Мисс Паулина Ирби. VII. Была ли жизнь мисс Найтингейл счастливой? Письма от мистера Джоуэтта

300

ГЛАВА VI

ЛОРД РИПОН И ГЕНЕРАЛ ГОРДОН

(1880-1885)

Смерть матери мисс Найтингейл - болезнь - посещение морского побережья и Клейдона. II. Выборы 1880 года - ее особые заботы и общая работа в этот период - посещение больницы Святого Томаса. III. Дружба с генералом Гордоном и его кузиной, миссис Хоторн - расследование о работе санитаров в военных госпиталях - письма от генерала Гордона. IV. Индийская политика лорда

323

Рипона - энтузиазм мисс Найтингейл - ее усилия по поддержке лорда Рипона - беседы с индийскими чиновниками и политиками - ее интерес к индийскому сельскому хозяйству и образованию - индийские гражданские служащие в Оксфорде: предложения Арнольду Тойнби - ее статья о законопроекте лорда Рипона о землевладении в Бенгалии. V. Египетская кампания 1882 года - мисс Найтингейл и возвращение гвардейцев - ее появление на публике - недостатки в организации госпиталей в Южной Африке и Египте (1880-82 гг.) - представления мисс Найтингейл - комитет по расследованию - мисс Найтингейл и лорд Уонтедж. VI. Королевский Красный Крест, врученный ей (1883 г.) - Переписка с королевой - Билль Ильберта - Больничный корпус - Реформы в соответствии с рекомендациями Комитета - Лорд Уолсли и женщины-медсестры. VII. Прогресс реформ лорда Рипона - его отставка - беседа мисс Найтингейл с его преемником, лордом Дафферином - мистер Гладстон и Индия - возвращение лорда Рипона. VIII. Экспедиция в Судан - мисс Найтингейл и военные медсестры - воспоминания сестры Филиппы - письма мисс Уильямс - размышления мисс Найтингейл - смерть старых друзей

ГЛАВА VII

"БИТВА МЕДСЕСТЕР"; И ЗДОРОВЬЕ В ДЕРЕВНЕ

(1885-1893)

Юбилейный год мисс Найтингейл - ретроспектива (1837-1887). Выбор новой матроны в больнице Святого Томаса. II. Юбилейный институт королевы Виктории для медсестер" - Недоумения - "Битва медсестер": за и против регистрации - противоборствующие силы - лидерство мисс Найтингейл в "Анти" - ход битвы - слушания в Тайном совете - результат - позиция мисс Найтингейл. III. Ее работа для индийской санитарии - политические неурядицы на родине - беседы мисс Найтингейл с лордом Робертсом и другими - введение лордом Робертсом женского медперсонала в

индийских военных госпиталях - Ассоциация леди Дафферин. IV. "Преемственность Сазерленда" - угроза роспуска Санитарного комитета армии - предложение об упразднении санитарных комиссаров в Индии - кампания мисс Найтингейл в защиту - обращение к лорду Дафферину - общение с лордом Кроссом и мистером У. Х. Смитом - отставка лорда Рэндольфа Черчилля - смена мистера Смита в военном министерстве мистером Стенхопом - отставка доктора Сазерленда - воссоздание Санитарного комитета армии. V. Проект депеши в министерство Индии в поддержку санитарной политики "вперед" - резолюция индийского правительства о назначении провинциальных санитарных советов - лорд Лэнсдаун сменяет лорда Дафферина. VI. Мисс Найтингейл и санитарное обслуживание деревень в Индии - схема предоставления средств, представленная лорду Кроссу - ее письмо, распространенное среди местных органов власти в Индии - окончательный ответ правительства Индии (1894) - ее ретроспектива своей работы в Индии. VII. Мисс Найтингейл и деревенская санитария в Англии - Смерть ее сестры - Сэр Гарри Верни и мисс Найтингейл - Ее визиты в Клейдон - Ее схема миссионеров здравоохранения, принятая Советом графства Бакс

ГЛАВА VIII

МР. ДЖОУЭТТ И ДРУГИЕ ДРУЗЬЯ

Общественные знакомые и частные друзья мисс Найтингейл. Ее отзывчивый характер - знакомства, завязавшиеся по общественным делам, переходящие в дружбу - сэр Генри Юл. II. Симпатия к ее отношениям - смерть ее "тети Май" (1889) - письма к ее младшим родственникам - ограбление на Саут-стрит. III. Последние годы жизни с мистером Джоуэттом - его болезнь на Саут-стрит (1887) - их план создания "Соловьиного профессора статистики" - болезни и смерть мистера Джоуэтта (1892) - смерть сэра Гарри Верни и мистера Шора Смита (1894). IV. Мисс Найтингейл о смерти мистера Джоуэтта -

Переписка с лордом Лансдауном -
Наставления мистера Джоуэтта о старости

ГЛАВА IX
СТАРОСТЬ. СМЕРТЬ
(1894-1910)

Дух рабби Бен Эзры. Последние годы как лучшие - письма мисс Найтингейл в этом смысле - ее собственная полнота работы. II. Постоянный интерес к Индии - санитарная инспекция деревень лорда Элгина. III. Интерес к армейским делам - письмо герцогу Кембриджскому (1895) - казармы в Гонконге (1896) - индийские расквартирования (1896-97) - выставка "Викторианская эпоха" (1897): Крымские "реликвии" - Заметка ко дню Ватерлоо (1898) - Южноафриканская война (1899). IV. Интерес к сестринскому делу - снова "битва медсестер" - настоящие "ангелы" - переписка с великой герцогиней Баденской и мистером Рэтбоуном - смерть старых друзей и коллег по работе. V. Постепенный упадок сил мисс Найтингейл - потеря зрения - ее компаньоны - ее любимое чтение - посетители. VI. Награды - Орден "За заслуги" (1907) - Свобода города (1908) - Ее слава - Возобновление культа "народной героини". VII. Смерть и похороны - Мемориалы

402

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

424

ПРИЛОЖЕНИЯ

A. Хронологический список трудов мисс Найтингейл

437

B. Список некоторых работ о мисс Найтингейл

459

C. Список портретов

467

ИНДЕКС

471

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Флоренс Найтингейл: 1887 год. (С портрета сэра Уильяма Ричмонда, К.С.В., R.A.)

Фронтиспис

Флоренс Найтингейл в своей комнате на Саут-стрит. (С фотографии мисс Э. Ф. Босанкет, 1906 г.)

306

Флоренс Найтингейл: 1907 год. (С акварельного рисунка мисс Ф. Амиси де Биден Футнер)

418

Почерк Флоренс Найтингейл: факсимиле части письма Джону Стюарту Миллю, 11 августа 1867 года

216

ЧАСТЬ V

О ЗДОРОВЬЕ АРМИИ В ИНДИИ (1862-1865)

Вопрос не менее актуален, чем этот: Как создать департамент общественного здравоохранения для Индии; как привнести в Индию более высокую цивилизацию. Какая работа, какая благородная задача для правительства - не "бесславный период нашего владычества", а самый славный! Это будет создание Индии заново. Ведь Бог отдает в руки человека Свою собственную силу, Свои собственные животворящие законы. Он позволяет человеку создавать человечество по этим законам, равно как и уничтожать человечество, пренебрегая этими законами" - Флоренс Найтингейл: *"Как люди могут жить и не умирать в Индии"*, 1864.

ГЛАВА I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ - ПОТЕРЯ ДРУЗЕЙ

Но задачи в часы озарения
Могут быть выполнены в часы уныния.

Мэтью Арнольд.

Годы, прошедшие сразу после смерти Сидни Герберта, были одними из самых напряженных и полезных в жизни мисс Найтингейл. В эти годы она занималась тем, что переносила их "незаконченную совместную работу" на новое поле. В предыдущем томе мы увидели, как мисс Найтингейл использовала свое положение героини Крымской войны, чтобы стать основательницей современного сестринского дела и инициировать реформы для благополучия британского солдата. Среди тех, кто знает, признается, что услуги, которые она оказала британской армии на родине, вряд ли были больше, чем те, которые она смогла

оказать Британской Индии, и именно эта индийская работа, которая после смерти Сиднея Герберта стала одним из главных интересов ее жизни. Она бросилась в нее, как мы услышим, с полным рвением и привнесла в нее много энергии и ресурсов. Но сначала она должна была чтить и защищать память своего друга, а затем часы уныния должны были усугубиться потерей другого, не менее дорогого для нее друга.

Закончив свою работу о Сиднее Герберте, мисс Найтингейл покинула отель "Берлингтон", чтобы больше никогда не вернуться, и поселилась в Хэмпстеде (август-октябрь 1861 года). Ее настроение было глубоким унынием. Она была склонна отгораживаться от большинства своих бывших коллег по работе. Против внешнего мира она закрыла ставни на два засова. Ее дядя строго-настрого приказал никому не давать своего адреса; она попросила, чтобы все ее письма направлялись ему в Лондон и от него. Формула должна была гласить, что "великое и непреодолимое несчастье полностью исключает возможность для мисс Найтингейл" видаться или писать кому-либо. "Ради нее самой следует искренне пожелать, - писала ее кузина Беатрис мистеру Чедвику (18 сентября), - чтобы вы могли немедленно вступить с ней в контакт. Вы верите, что ее рабочие дни еще не закончились, что она может работать на другом поприще, поскольку ее собственное теперь закрыто для нее. Я не нахожу, чтобы кто-нибудь из тех, кто был с ней в последнее время, разделял эту надежду, не столько из-за ее здоровья, сколько из-за ее состояния крайнего уныния". Это был случай не только, возможно, не в первую очередь, личной потери, но и общественной досады; дело было не только в том, что министр умер, но и в том, что его работа, казалось, тоже должна была умереть. Эта точка зрения прослеживается в ее письмах к доктору Фарру:.

10 сентября. Мы благодарны Вам за память о моем дорогом Учителе, которую Вы вознесли в сердца нации.^[1] Действительно, именно в сердцах нации он будет жить, а не в сердцах министров. Там он уже мертв, если они вообще есть. Не успел он остыть в могиле, как Гладстон присутствует на его похоронах, а затем пишет мне, что не может взять на себя обязательство оказать какую-либо помощь в проведении реформ своего друга. Царствование интеллекта в военном министерстве закончилось. Началось царствование муфты. Единственное правило поведения в бюрократии там и в Конной гвардии - отменить его решение, его суждение и (если они больше ничего не могут сделать) его слова.

2 октября.... Мой бедный хозяин умер два месяца назад - слишком долгий срок, чтобы его не забыть.... Собаки топчут его мертвое тело. Увы! Семь лет в этом месяце я сражался с военным министерством и проиграл его!

2 ноября. Мой дорогой хозяин умер три месяца назад. Бедная леди Герберт на следующей неделе уезжает с детьми за границу и закрывает Уилтона, старшего мальчика в школу. Как будто земля разверзлась и поглотила даже Имя, которое наполняло всю мою жизнь эти пять лет.

Но были дела, которые нужно было сделать во имя ее друга, и она обратилась за ними. Сила бюрократии была сильна, потому что новый государственный секретарь был новичком в своем деле, а лорд Герберт, не сумев провести радикальную реорганизацию Военного министерства, как она сказала, не смог заложить "главную пружину в свои дела".

"Главнокомандующий ездит над ученым государственным секретарем, как над соломой". Но в этом деле был один обнадеживающий и полезный фактор. Теперь, когда военный министр был в общинах, лорд де Грей был вновь назначен заместителем министра. Он был настоящим реформатором. Он знал мысли своего бывшего шефа. Он с большой симпатией

относился к леди Герберт. Он был знаком с мисс Найтингейл. Власть заместителя секретаря очень мала, но то, что он мог сделать, он делал. Письмо, полученное ею от друга как лорда де Грея, так и ее самой, ободрило ее:...

(Р. Монктон Милнс - мисс Найтингейл.) 21 октября. Я знал, какую невосполнимую потерю понесла смерть Герберта для вас и ваших целей в жизни, но мне хотелось бы, чтобы вы знали, что лорд де Грей готов сделать все, что в его силах, для осуществления ваших великих и мудрых замыслов. Я говорю "в его силах", ибо они, как вы знаете, крайне ограничены, но он может сделать что-то для вас косвенным путем, и, не обладая особой оригинальностью, он обладает значительным тактом и ловкостью. Вам не понравится сэр Г. Льюис, но где-то вы должны это сделать, потому что в своем искреннем взгляде на вещи и в своем критическом и любопытном духе он ни в коей мере не похож на вас. Он, без сомнения, гораздо лучше справляется с проклятиями работы, чем вы, - хотя неизвестно, кем бы вы стали, если бы вас развратила общественная жизнь. Я пишу это о де Грее, потому что не так давно гостил у него, и он очень искренне высказался на эту тему.

//

Так что, возможно, кое-что еще можно было, как она выразилась, "спасти от крушения". Лорд де Грей уже дал понять о своей доброй воле и мужестве. Он повидался с леди Герберт и спросил о намерениях ее мужа. Она знала о них в общих чертах, но за подробностями обратилась к мисс Найтингейл, которая, таким образом, могла быть полезной в реализации плана лорда Герберта по строительству солдатского дома в Олдершоте. Затем возник вопрос о Главном госпитале, который должен быть построен в Вулвиче. Главнокомандующий был против этого плана и попросил сэра Джорджа Льюиса отменить его. Возможно, за искушением министра стояла экономика. Но лорд де Грей, присутствовавший на беседе, стоял твердо. "Сэр, - сказал он, - это невозможно. Лорд Герберт принял решение, и Палата общин проголосовала за него".[2] В конце концов, Конная гвардия и Военное министерство смирились с неизбежным; был отдан приказ о начале строительства, и было принято предложение мисс Найтингейл окрестить его "Госпиталем Герберта".

Лорд де Грей также повлиял на то, чтобы добиться пересмотра обязанностей капитана Гальтона в военном министерстве. Леди Герберт сказала лорду де Грею, что это был один из последних официальных вопросов, по которому она слышала речь своего мужа. Мисс Найтингейл снова сообщила подробности, и на ее союзника была возложена ответственность (при государственном секретаре) за строительство новых барачков. По некоторым другим вопросам мисс Найтингейл испытывала горечь, видя, как отказываются от проектов, которые почти созрели у нее и лорда Герберта. "Сейчас очень тоскливо, - писал ей капитан Гальтон (19 августа), - видеть, как со всех сторон предпринимаются попытки разрушить все, что Сидни Герберт с таким трудом построил". Она рассказала о некоторых разочарованиях в письме к Гарриет Мартино, и та, чья искренняя симпатия к делу, возможно, была усилена журналистским нюхом на "копию", с готовностью встала на тропу войны. "Никакого вреда, - писала она мисс Найтингейл (4 октября), - попытка опозорить Конную гвардию не принесет. Я посоветовалась со своим редактором [газеты "Дейли ньюс"], и если мне удастся получить достаточное количество ясных фактов, я с радостью буду донимать главнокомандующего так, как его еще никогда не донимали, то есть буду писать против него каждую субботу в течение стольких недель, сколько будет обвинений против него и его департамента. Мы не хотим затягивать дело". Мисс Найтингейл должна была поставлять порох и дробь, а мисс Мартино - стрелять из пушек. Мисс Найтингейл отказалась от партнерства. Она объяснила это тем, что ей больше не мешает получать много внутренней информации. Но у нее, несомненно, были и другие причины. Были дела, которые ей только

что удалось довести до конца. Перед ней открывались и другие возможности принести пользу. Она вела сложную игру. Она не думала, что ее руку укрепит газетная полемика, за форму которой она не отвечает, но информация в которой может быть отслежена до нее. Среди пунктов, которые ей только что удалось набрать, было назначение уже упомянутой комиссии[3] для распространения казарменного расследования на средиземноморские станции. Штаб пытался помешать этому. "И я победила их", - сказала она мисс Мартино (24 сентября), - "с помощью уловки, которую они были слишком глупы, чтобы понять". Ее бумаги не раскрывают природу "трюка", с помощью которого была проделана эта великолепная работа.

И еще одна вещь, которую она сделала, чтобы продвинуть работу Сиднея Герберта, хотя и в области, не относящейся к их сотрудничеству: она написала захватывающее письмо (8 октября) о Волонтерском движении, которое он организовал в 1859 году. Оно принесло ей несколько "предложений", как мы уже слышали[4]; и, напечатанное крупным шрифтом на открытке, должно быть, привлекло многих новобранцев. Она написала его как человек, имеющий опыт войны и ее уроков; как человек, который работал на армию "семь лет в этом месяце, без перерыва на один час бодрствования". Она красноречиво взывала к патриотическому духу британского народа, а также приводила такие личные переживания: "В самую печальную ночь в моей жизни, два месяца назад, когда мой дорогой шеф Сидни Герберт лежал при смерти, и я знала, что вместе с ним умирает большая часть благополучия британской армии - он тоже так гордился, так справедливо гордился своими добровольцами - в ту ночь я лежала и слушала оркестры добровольцев, когда они последовательно маршировали - это был день смотра - и я сказала себе: "Нация никогда не сможет вернуться назад, которая способна на такое движение, как это; Это не дух времени; это люди, которым есть от чего отказаться; все люди, чье время ценно для денег, которые не являются их богом, как говорят о нас другие народы." Я не знаю, является ли имя Флоренс Найтингейл все еще - как это должно быть - именем силы в народе. Если да, то ее письмо от 1861 года вполне можно перепечатать в связи с набором в территориальные войска. Она сделала акцент на добровольном духе в противовес принуждению. Но она также подчеркивала исключительную важность эффективной подготовки: "Добровольцы Гарибальди прекрасно справлялись с партизанскими движениями; они потерпели неудачу перед регулярной армией четвертого класса".

///

Вскоре на пути мисс Найтингейл встала старая работа в новой форме. Она вернулась в Лондон в ноябре, главным образом для того, чтобы быть на месте для консультаций и предложений в связи с мемориалом Сиднею Герберту. В частности, она предложила включить в мемориал призовую медаль Армейской медицинской школы. На время этого пребывания в Лондоне сэр Гарри Верни предоставил мисс Найтингейл свой дом на Саут-стрит[5]. Гражданская война в Америке теперь занимала ее. "Говорила ли я вам, - писала она доктору Фарру (8 октября), - что я переслала военному министру в Вашингтоне, по его просьбе, все наши формы и отчеты военного министерства, статистические и другие, воспользовавшись случаем, чтобы сказать им, что, поскольку США приняли номенклатуру нашего генерального регистратора, им было бы легче принять наши формы армейской статистики. Похоже, что они, северные штаты, озадачены тем, что у них самих нет никакой армейской организации. Я также воспользовался случаем, чтобы рассказать им о наших китайских успехах в снижении смертности в армии до одной десятой от того, что было, и постоянных больных до одной седьмой от того, что было в первую зиму Крымской войны, благодаря моему дорогому хозяину". Когда началась Гражданская война, пример мисс

Найтингейл в Крыму произвел немедленный эффект. В Нью-Йорке была создана "Центральная женская ассоциация помощи". В сотрудничестве с другими организациями они обратились к военному министру с просьбой назначить санитарную комиссию, и после некоторой задержки это было сделано. Лагерь были проинспектированы; в госпитали были направлены женщины-медсестры; были поставлены приспособления для улучшения приготовления пищи, и, в общем, многое из крымской работы мисс Найтингейл было воспроизведено.^[6] Вскоре она стала принимать более непосредственное участие. В конце года (1861) Англия была на грани втягивания в конфликт, и, в то время как ажиотаж вокруг дела *Трента* был на пике, британское правительство решило отправить подкрепление в Канаду. Многие приготовления были поручены лорду де Грею. Он спросил мисс Найтингейл (3 декабря), может ли он лично проконсультироваться с ней "по поводу санитарных мероприятий в целом". Он хотел воспользоваться ее опытом и суждениями относительно транспортов, госпиталей, одежды для войск, снабжения, удобств для больных и вообще относительно "недостатков и опасностей, которых следует опасаться", и того, как их лучше предотвратить. Он также попросил прислать ему имена подходящих людей для должности главного врача и еще раз проконсультировался с ней, прежде чем назначить. Не теряя ни минуты, она приступила к работе вместе с доктором Сазерлендом и прислала свои предложения. Проект инструкций для офицеров, ответственных за экспедицию, был отправлен ей 8 декабря. 10 декабря лорд де Грей написал: "Я получил все ваши предложения, включенные в инструкцию, и очень вам за них благодарен". "Мы отправляем экспедицию в Канаду так быстро, как только можем", - писала она мадам Моль (13 декабря). "Я работаю так же, как во времена Сиднея Герберта. Увы, он не оставил после себя никакой организации, мой дорогой хозяин! Но Конная гвардия была так напугана мыслью о народном возмущении, если они потеряют еще одну армию, что они согласились на все". Через несколько дней через капитана Гальтона ей прислали еще один проект инструкций. "Мы очень внимательно изучили ваш проект, - писала она (18 декабря), - и обнаружили, что, хотя он включает почти все необходимое, в нем недостаточно точно определено, каким образом мясо должно попадать из комиссариата в солдатский котелок, а одежда - из склада Главного медицинского управления армии на спину солдата. Вы должны определить все это. Иначе у вас будут люди, как в Крыму, уклоняющиеся от ответственности". Записки среди бумаг мисс Найтингейл показывают, с какой тщательностью она прорабатывала проблемы. Ее ум представлял себе место проведения операций. Она рассчитала расстояния, которые придется преодолевать на санях; она подсчитала эшелоны и склады; она сравнила относительный вес и согревающую способность одеял и буйволиных халатов. Когда Флоренс Найтингейл родилась женщиной, ее страна потеряла великого командира. Ее предложения в случае с канадскими подкреплениями, к счастью, не прошли проверку войной. Дело *Трента* было сглажено, во многом, как теперь хорошо известно, благодаря умеренным советам принца-консорта. Это было его последнее служение принятой им стране. Мисс Найтингейл восприняла его смерть как национальную потерю. "Он не нравился, - сказала она о нем, - и не был любим. Но что он сделал для нашей страны, никто не знает".

IV

Работа мисс Найтингейл в связи с канадской экспедицией был сделан в разгар личного горя ее собственного, второй по остроте, если второй вообще, что вызвано смертью Сидни Герберта. Это была смерть Артура Хью Клафа. В апреле 1861 года его здоровье пошатнулось, и он был отправлен за границу, а она настоятельно просила его уехать. Однако он умер во Флоренции 12 ноября. Они были близкими друзьями с момента ее возвращения в Англию из Крыма. Его милый нрав, его юмор, его возвышенные моральные чувства одинаково привлекали ее. Он, со своей стороны, глубоко восхищался ею и посвятил ее служению те

силы - увы, но немного, что оставалось у него от работы в канцелярии Тайного совета. Он подносил и уносил для нее вещи. Он организовывал ее поездки, как мы слышали, и сопровождал ее. Он встречался с ее печатниками, исправлял ее гранки. За скромную зарплату он стал секретарем Фонда Найтингейла. Это была плохая работа для поэта, но он выполнял ее с веселой скромностью. Он намеревался, сказал он мисс Найтингейл, "делать простую работу"; он "учился и учил", сказал он, "слишком много для собственного морального блага человека". В 1860 году его здоровье стало подводить. Мисс Найтингейл иногда была немного нетерпелива. В его преданности и рвении она никогда не сомневалась, но была склонна считать, что ему не хватает инициативы и энергии. Она всегда была склонна немного подгонять желающих лошадей. В случае с Клафом, как и в случае с Сиднеем Гербертом, она иногда приписывала немощи воли то, что на самом деле было вызвано немощью тела. И в каждом случае ее горе, когда наступал конец, не было свободно, как мне кажется, от некоторого элемента самоуничижения. "Я всегда чувствовала, - писала она своему дяде (7 декабря 1860 года), - что я сильно подрывала здоровье и настроение Артура, гораздо сильнее, чем мне хотелось бы, если бы я не обещала ему умереть раньше". "Она виделась с моим отцом, - писала ее кузина Беатрис мистеру Найтингейлу (4 декабря), - чтобы говорить только об Артуре, как может говорить только она. Она была совершенно естественна, очень ласкова, очень, очень тронута". Но в состоянии одиночества и нервного истощения ее чувства к потерянным друзьям иногда были болезненными. По ее словам, в течение нескольких месяцев после смерти Сидни Герберта и Клафа она не могла открыть газету, боясь увидеть упоминание любимого имени. Несколько лет спустя миссис Клаф прислала ей книгу. "Мне очень приятно, - ответила она (13 ноября 1865 года), - как приятно получить от вас эту книгу. Но мне было бы невозможно читать ее или смотреть на нее, не от недостатка времени или сил, а от того, что слишком много того и другого уходит на его воспоминания, на то, чтобы думать не слишком мало, а слишком много о нем. Но я говорю это не для других. Я считаю, что это болезненная особенность долгой болезни, потеря силы сопротивления болезненным мыслям. Мне невыносимо видеть портреты тех, кого уже нет". Глубина ее горя по поводу смерти мистера Клафа выражена или отражена в письмах, которые она писала или получала в то время:-.

(Бенджамин Джоуэтт - мисс Найтингейл.) Баллиол, 19 ноября [1861 г.]. Спасибо, что написали мне. Я очень огорчен известием, которое принесло мне ваше письмо. Я полностью согласен с Вашей оценкой характера нашего дорогого друга. Я впервые увидел его в 1836 году (годовщина будет на следующей неделе), когда он был избран в стипендиаты Баллиола. Никто из тех, кто знал его только в последующей жизни, не может представить себе, каким благородным, поразительным юношей он был до того, как его побеспокоили ложные взгляды на религию и мир. Я не встречал ни одного человека, который был бы более высокодуховным: Я считаю, что он всю жизнь действовал просто из чувства правоты. Он, несомненно, обладал большим гением, но какое-то отсутствие воли или гармонии с окружающими его вещами не позволило ему создать ничего достойного себя. Я рад, что он был женат: жизнь была для него мрачной, и жена и дети сделали его настолько счастливым, насколько он был способен быть счастливым. От природы он был очень религиозен, и я думаю, что он так и не оправился от грубого потрясения, которое его религия получила в первые годы учебы в Оксфорде. Он не видел и все же верил в великую веру всех людей - поступать правильно. Цитировал ли я вам когда-нибудь выражение, которое Неандер говорил мне о Бланко Уайте: *einer Christ mehr in Unbewusstseyn als in Bewusstseyn*? Меня огорчает, что вы потеряли такого бесценного друга. Ни одно земное испытание не может быть сильнее, чем продолжать без друзей дело, которое ты начал вместе с ними. И все же

оно тем нужнее, что опирается только на одного. Если и есть в этом мире способ уподобиться Христу, то он должен заключаться в том, чтобы в одиночестве и болезни, без поддержки сочувствия или общественного мнения, трудиться на благо человечества. Я надеюсь, что вы иногда позволите мне получать от вас весточки. Позвольте мне заверить вас, что я никогда не перестану интересоваться вашими предметами и трудами.- Всегда искренне ваш, Б. Джоуэтт.

(Мисс Найтингейл - сэру Джону Макнилу.) Саут-стрит, 18 ноября.... Он был человеком редкого ума и нрава. Тем более что он с удовольствием выполнял "простую работу". Мне же, видевшему, к каким бестолковым хлопотам мы его приучали, он казался скаковой лошадью, запряженной в грузовик с углем. И не потому, что он выполнял "простую работу" и делал ее так хорошо. Ведь лучшие из нас не могут быть использованы лучше, чем это. Он очень помог мне, хотя и не официально, своими здравыми суждениями и постоянным сочувствием. "О, Джонатан, брат мой Джонатан, моя любовь к тебе была очень велика, превосходящая любовь женщины". Сейчас не осталось ни одного человека (которого я могу назвать мужчиной) из всех тех, с кем я работал эти пять лет. Но, как вы говорите, "мы все умираем".

(Сэр Джон Макнилл - мисс Найтингейл.) Эдинбург, [13] 19 ноября. Мне трудно передать, как сильно огорчило меня ваше письмо. Я не знаю, что я когда-либо так сильно переживала за человека, которого я так мало видела, как за Клафа. Возможно, это не совсем по его вине, ведь знать, что он рядом с вами, было утешением, но если бы он не был вполне достойным человеком, то не могло бы возникнуть такого смешанного чувства. Его смерть оставляет вас в ужасном одиночестве посреди вашей работы, но эта работа - ваша жизнь, и вы можете делать ее в одиночку. Нет более сильного чувства, чем одиночество - по крайней мере, я всегда находил его таким. Сесть на лошадь и поехать по пустыне в одиночестве, когда небо замыкает круг, и мы с лошадью - единственные живые существа, я всегда находил в этом глубокое удовлетворение. Работа над взглядами, в которой мне никто не помогал, всю жизнь была для меня источником бодрости и силы. Не сомневаюсь, что так будет и с вами, ведь у вас есть сила и мощь для добра, на которые я никогда не мог претендовать. Умереть на несколько дней раньше, чем обычно, - это мелочь. Великое дело - работать, пока есть день, и так распорядиться своими силами, чтобы максимально использовать отпущенные нам дни. Это вы и сделаете. Герберт, Клаф и многие другие могут пасть вокруг вас, но вам суждено совершить великую работу, и вы не сможете умереть, пока она не будет в значительной степени, если не в видимой, завершена. Вы оставляете свой след в эпохе, в которой живете, и отпечаток вашей ноги будет прослеживаться еще не родившимися поколениями. Продолжайте - для вас случайности смертности должны быть как падение листьев осенью. С уважением и искренностью ваш Джон Макнилл.

Мисс Найтингейл могла, как и предсказывали ее друзья, продолжать в часы мрака те задачи, которые в часы озарения она решала; и продолжать, без прежнего сочувствия со стороны близких друзей, ту работу, которую она когда-то выполняла при сотрудничестве с Сиднеем Гербертом или по совету Клафа. Но она все равно жаждала сочувствия - благородного, хотя и требовательного. Ибо под "симпатией" она понимала не такое чувство, которое выражалось бы просто в привязанности или личном отношении к себе, а сочувствие к объектам, выражавшееся в готовности следовать за ней в служении им с чем-то вроде ее собственной практической преданности. Она не думала о себе отдельно от своей миссии".

(Мисс Найтингейл - мадам Моль.) 32 Саут-стрит, Лондон, 13 декабря [1861 г.]. Я прочла половину вашей книги через [мадам Рекамье] и безмерно очарована ею. Но [14] с

некоторыми вещами я не согласен и еще больше не понимаю. Это относится не к персонажам, а к вашим выводам, *например*, вы говорите, что "женщины вызывают больше симпатии, чем мужчины". Если бы я писал книгу на основе своего опыта, я бы начал "*Женщины не сочувствуют*". Ваши слова - это традиция. Моя - убежденность опыта. Я не нашел ни одной женщины, которая хоть на йоту изменила бы свою жизнь из-за меня или моего мнения. Теперь посмотрите на мой опыт в отношении мужчин. Государственный деятель, вышедший из среднего возраста, поглощенный политикой в течение четверти века, из симпатии ко мне переделывает всю свою жизнь и политику - осваивает самую сухую, самую техническую, самую трудную науку, администрацию, в той мере, в какой она касается жизни людей, - не так, как я, в полевых условиях, из волнующего опыта, а путем написания сухих инструкций в лондонской комнате у дивана со мной. Вот что я называю настоящим сочувствием. Другой (Александр, которого я назначил генеральным директором) делает почти то же самое. Он тоже мертв. Клаф, прирожденный поэт, если таковой когда-либо существовал, занимается сестринским делом точно так же, как и я. Я упомянул только трех человек, чья жизнь изменилась благодаря сочувствию ко мне. Но я мог бы упомянуть и многих других - Фарра, Макнилла, Туллока, Сторкса, Мартина, которые в меньшей степени изменили свои произведения под влиянием моего мнения. И, что самое замечательное, человек, рожденный без души, как Ундина, - все эти пожилые люди.

А теперь просто посмотрите, в какой степени женщины вызывают симпатию - насколько я могу судить по своему опыту. А мой опыт общения с женщинами почти такой же большой, как в Европе. И он такой интимный. Я жил и спал в одной постели с английскими графинями и прусскими бауриннами. Ни один римско-католический супериор никогда не опекал женщин разных вероисповеданий, которые были у меня. Ни одна женщина не возбуждала "страсти" среди женщин больше, чем я. И все же я не оставила после себя никакой школы. Мои доктрины не прижились среди женщин. Ни одна из моих крымских последователей не научилась у меня ничему, ни на минуту после возвращения домой не посвятила себя выполнению уроков той войны или тех госпиталей.... Ни одна женщина, которую я знаю, никогда не *приложила усилий к тому, чтобы учиться*. И я объясняю это отсутствием сочувствия. Вы где-то сказали, что у женщин нет внимания. Да. И я приписываю это желанию сочувствовать. Ничто не вызывает у меня такого нетерпения, как люди, жалующиеся на отсутствие памяти. Как можно запомнить то, чего никогда не слышал?... Меня бесит, что "Права женщин" говорят о "нехватке поля" для них, в то время как я знаю, что с радостью отдал бы 500 фунтов в год за женщину-секретаря. И две английские леди-суперинтенданты сказали мне то же самое. И мы не можем найти *такую женщину*.... Они не знают имен министров кабинета. Они не знают офисов в Конной гвардии. Они не знают, кто [15] из людей того времени мертв, а кто жив. Они не знают, в какой из церквей есть епископы, а в какой нет. Теперь я уверен, что не знал этих вещей. Когда я поехал в Крым, я не отличал полковника от капрала. Но есть такие вещи, как армейские списки и альманахи. И все же я так и не смог найти женщину, которая из сочувствия обратилась бы к ней за советом по поводу моей работы. Единственной женщиной, на которую я когда-либо влиял из симпатии, была одна из тех леди-суперинтендантов, которых я называл. И все же она, как и я, поглощена своими делами.... В каком-то смысле я действительно считаю, что я "как мужчина", как говорит Парте. Но в чем? *В том, что у меня есть сочувствие*. Я уверен, что больше у меня ничего нет. Я уверена, что у меня нет гения. Я уверен, что мои современники, Парте, Хилари, Марианна, леди Дансани, были умнее меня, а некоторые из них - бескорыстнее. Но ни у кого из них не было ни капли сочувствия. Так, жена Сиднея Герберта просто из чистого сочувствия выполняла за мужа работу секретаря (без которой мне приходилось обходиться). Она не понимала его политики. И все же она могла писать за него письма "как мужчина". Я думаю, что M^{me}Récamier была еще одним образцом чистой симпатии.... Женщины жаждут,

чтобы их любили, а не чтобы они любили. Они целыми днями кричат вам о сочувствии, но не способны дать его взамен, потому что не могут помнить о ваших делах достаточно долго, чтобы сделать это.... Они не могут точно изложить факт другому, и этот другой не может достаточно точно его воспринять, чтобы он стал информацией. Не является ли все это результатом отсутствия сочувствия?...

Вы говорите о М^рРекамье, что ее существование было "пустым, но блестящим". И вы объясняете это отсутствием семьи. О, дорогой друг, не поддавайтесь подобным традициям. Мне часто говорят: "Вы не знаете, что чувствует жена и мать". Нет, говорю я, не знаю и очень рад, что не знаю. И *они* не знают, что *чувствую я*.... Я болен негодованием по поводу того, что жены и матери делают из самого вопиющего эгоизма. А люди называют все это материнской или супружеской привязанностью и считают, что так говорить красиво. Нет, нет, пусть каждый расскажет правду на собственном опыте. Иезекииль бегал голым "для знамения". Я не могу бегать голым, потому что это не принято в нашей стране. Но я бы надел на голову три вдовьих чепца "для знамения". И я бы воскликнул: "Это за Сидни Герберта, это за Артура Клафа, а это, самая большая из всех вдовьих шапочек, за потерю всякого сочувствия со стороны самых дорогих и близких мне людей".[7] ...

Я не могу понять, как М^рРекамье могла давать "советы [16] и сочувствие" таким противоположным людям, как, *например*, М^рСальваж и Шатобриан. Я также не могу понять, как она могла оказывать "поддержку", не рекомендуя определенную линию политики, - просто поддерживая высокий тон. Это как если бы я сказал Сиднею Герберту: "Будь государственным деятелем, будь государственным деятелем" - вместо того, чтобы указать ему определенный курс государственной политики, которому он должен следовать. Также я уверен, что никогда не смог бы дать "совет и сочувствие" Гладстону и С. Герберту - людям, проводящим противоположные линии политики. Также я уверен, что никогда не смог бы стать другом и советчиком Сиднея Герберта, Александра и других, просто поддерживая общий тон беседы по самым разным вопросам. Мы вместе обсуждали и решали *вопросы*. Так мы и поступали. Адье, дорогой друг.... Я получил две консультации. Они говорят, что все эти переживания привели к застойным явлениям в позвоночнике, которые ведут прямо к параличу.....

(Мисс Найтингейл своей матери.) 9 Честерфилд-стрит, У., 7 марта [1862]. Дорогая мама, твои письма отнюдь не "скучны", ты единственный человек, который сообщает мне хоть какие-то новости. Я так и не смог преодолеть болезненное чувство, когда вижу в газете имена моих потерянных двоих, так что я не смотрю газет. Я не знала о смертях, о которых вы упоминаете.... Но они и другие не знают, как многого им удастся избежать, если к их горю не примешивается горечь. С каждой из моих потерь была связана такая невыразимая горечь - гораздо, гораздо большая, чем само горе.... Иногда я удивляюсь, что мне так не терпится умереть. Если бы мне оставалось только стоять и ждать, я думаю, это было бы пустяком, хотя боль так велика, что я удивляюсь, как кто-то может бояться операции.... Думаю, больше всего (в течение последних трех месяцев моей крайней слабости) я чувствовал, что ни один человек не может сказать мне ни одного вдохновляющего слова или хотя бы одного верного факта. Я рад, что заканчивается день, который никогда не сможет вернуться, рад, что заканчивается ночь, рад, что заканчивается месяц. Я почувствовала это гораздо больше, устроив (впервые в жизни) модный дом старой девы в фешенебельном квартале (хотя и благодарна папиной либеральности за то, что она позволила мне это сделать), потому что это, как бы, выбор нового и независимого курса в моей разбитой старости.... Большое спасибо за еженедельную коробку. Я не мог не послать дичь, курицу, овощи и цветы в больницу Королевского колледжа. Я никогда не вижу весны, не думая о моем Клафе. Он

рассказывал мне, как распускаются листья, всегда помня, что без его [17] глаз я никогда больше не увижу весну. Слава Богу! Мои потерянные двое живут в более светлых источниках, чем наш. Бедная миссис Герберт сказала мне, что главным утешением для нее была его маленькая китайская собачка, которую он тоже не очень любил (он всегда говорил, что христиане ему нравятся больше, чем звери), но которая приходила целовать ее веки и слизывать слезы с ее щек. Помню, я считала это ребячеством. Но сейчас я так не считаю. Моя кошка поступает со мной точно так же. Бессловесные звери наблюдают за вами гораздо больше, чем говорящие существа; и гораздо лучше знают, о чем вы думаете.... Всегда, дорогая мама, твое любящее дитя, Ф.

На рубеже 1861-62 годов мисс Найтингейл была очень больна, и два врача, доктор Уильямс и доктор Сазерленд, были в ежедневном посещении. К счастью, однако, случай был далеко не так серьезен, как она сообщила мадам Моль, и в 1862 году она смогла посвятить неустанный труд одной из самых тяжелых и самых полезных работ, которые она когда-либо делала.

ГЛАВА II

ПРОВИДЕНИЕ ИНДИЙСКОЙ АРМИИ (1862, 1863)

В этом случае вы делаете гораздо больше, чем просто заботитесь о здоровье войск; ведь чтобы быть эффективным, улучшение должно распространяться на гражданское население, и таким образом будет введен еще один великий элемент цивилизации" - сэр Чарльз Тревельян (*письмо Флоренс Найтингейл*, 11 августа 1862 года).

Принято считать, что Британская империя в Индии была завоевана и удерживается британским оружием. И это правда, хотя и не вся правда о том, как удерживается империя. Также верно, но менее известно, что британская доблесть принесла более тяжелые жертвы, чем те, которых требовала война и которые сделали ее славной. Большая часть британских жизней, пролитых в Индии, была потеряна не в бою, а от болезней. Берк сказал о британском правлении в Индии в свое время: "Англия не строила мостов, не прокладывала дорог, не прокладывала навигации. Если бы нас сегодня изгнали из Индии, ничто не свидетельствовало бы о том, что во время бесславного периода нашего владычества она была чем-то лучшим, чем мыанг-аутанг или тигр". [8] В то время, о котором мы сейчас говорим, это было уже не так. Началась эпоха, когда "проложить дорогу и перекинуть мост через брод" стало песней англичан. Но земля еще не была "очищена от зла". Британского солдата все еще посылали в Индию, чтобы он бесславно погиб из-за пренебрежения санитарными законами.

В 1859 году было установлено, что среднегодовой уровень смертности среди британских солдат в Индии с 1817 года составлял 69 на 1000 человек. Сегодня этот показатель составляет чуть более 5 на 1000 человек. Изменения в казармах и военной санитарии в Индии, которые в первую очередь ответственны за это значительное сохранение жизни, напрямую связаны с рекомендациями Королевской комиссии, которая была назначена лордом Стэнли в 1859 году, и которая представила отчет в 1863 году. Эти сведения читатель сайта может найти в любом заслуживающем доверия справочнике или другом стандартном источнике. Что он не найдет обычно говорится, что назначение Королевской комиссии непосредственно прослеживается мисс Найтингейл, что она большая часть его доклад был написан, и что предложения по реформе, основанные на нем были также ее работы. На

Международном конгрессе, состоявшемся в Лондоне в 1860 году, французский делегат, как уже говорилось, говорил о Флоренс Найтингейл как о "Провидении английской армии". Она была не меньшим провидением для индийской армии. Для британского солдата в Индии, как и дома, она была "спасительницей". Вводя эту тему, мы должны вернуться немного назад во времени, поскольку работа в Индии началась за несколько лет до смерти Сиднея Герберта.

"Я должна открыть вам секрет, - писала мисс Найтингейл Гарриет Мартино в 1859 году (19 мая), - потому что я думаю, что это доставит вам удовольствие. В течение восьми долгих месяцев я "умоляла" моего "несправедливого судью", то есть лорда Стэнли, дать нам Королевскую санитарную комиссию, чтобы она делала для армии в Индии то же самое, что последняя делала для армии дома. Мы только что добились этого. Королева подписала ордер. Так что это безопасно. Председателем, конечно же, является мистер Сидни Герберт. Доктора Сазерленд, Мартин, Фарр и Александр, чьи имена вам известны, а также сэр Р. Вивиан и сэр П. Каутли из Совета по делам Индии входят в его состав".

Мисс Найтингейл приняла решение сделать это за два года до того. Мятеж в Индии, который наполнил умы некоторых людей мыслями о мести и репрессиях против туземных солдат, наполнил ее скорее мыслями о жалости и реформах в отношении британских солдат. Она вникала в цифры смертности в индийской армии в то время, когда анализировала цифры смертности в армии на родине. Убийство" совершали не только сипаи. Убийством было и то, что британские солдаты были обречены на смерть из-за пренебрежения санитарными мерами предосторожности. В конце своих *"Заметок об армии"* (1857) она вставила форзац, предвещавший ее индийскую кампанию: *"В то время, как листы печатались в типографии, в них было написано"*

Пока эти листы проходили через печать, в Индии произошли те прискорбные события, которые привели к всеобщему убеждению, что эта огромная империя должна отныне удерживаться британскими войсками. Если бы мы руководствовались прошлым опытом предполагаемого влияния индийского климата на европейскую конституцию, наша страна могла бы почти отчаяться в том, что сможет поставлять людей в достаточном количестве.... Британская раса перенесла в эти края солнца свои привычки, свои обычаи и свои пороки, не учитывая, что при низкой температуре человек может безнаказанно совершать то, что при более высокой температуре равносильно смерти. Наша огромная Индийская империя состоит из многих зон, из многих регионов, из многих климатов. Если говорить только о климате, то, несомненно, даже в подавляющем большинстве случаев человек в состоянии так расположить станции и так соединить их железными дорогами и телеграфами, что войскам едва ли придется занимать нездоровые районы. Даже в отношении таких районов возникает вопрос, в какой степени нездоровье неизбежно и в какой степени оно может быть исправлено.... В качестве иллюстрации необходимости вмешательства правительства в этот вопрос, можно привести первый пример того, что после кампании, возможно, одной из самых тяжелых и успешных в истории, когда малочисленность британских войск и время года требовали принятия всех санитарных мер для сохранения войск, некий энергичный офицер назначил санитарного инспектора для очистки захваченного города и захоронения около тысячи трупов людей, лошадей, ослов, быков, верблюдов и слонов, которые отравляли воздух. Бомбейское правительство, которому было передано это назначение, "не одобрило его", *"потому что не было прецедента"*! В будущем индийское правительство должно быть обязано не требовать прецедентов для подобных процедур. Соблюдение санитарных законов должно стать такой же частью будущего *режима* Индии, как и занятие военных

должностей или само гражданское управление. Это было бы благородным началом нового порядка вещей - использовать гигиену как служанку цивилизации".

Все, что мисс Найтингейл, таким образом, сказал должен быть сделан, был сделан; и делать это, она предоставила, во-первых, движущей силой, а затем, многое из подробного руководства.

Сначала началось движение за то, чтобы добиться принципиального согласия на назначение Королевской комиссии. Ссылка мисс Найтингейл на лорда Стэнли как на "несправедливого судью" не должна восприниматься слишком серьезно. Он был ее очень хорошим другом, как мы знаем;^[9] и именно когда он был переведен из Колониального в Индийский офис (1858), она почувствовала, что ее время пришло. И лорд Стэнли сразу же согласился с ее предложением о *назначении* комиссии. Именно когда дело дошло до рассмотрения вопроса о комиссии, началась задержка. Кто должен обращаться к лорду Стэнли по поводу деталей? И как это должно быть сделано? Мисс Найтингейл и то, что я называл ее кабинетом реформаторов, были в равной степени заинтересованы в подкомиссиях, которые все еще заседали по вопросам санитарии армии дома. Лорд Стэнли хотел, чтобы мистер Герберт возглавил Индийскую комиссию. Должен ли он согласиться на это, рискуя отвлечь часть своего внимания от других реформ? Мисс Найтингейл и ее друзья нашли план, как она надеялась, чтобы убить двух зайцев одним выстрелом. Лорду Стэнли было сказано, что мистер Герберт согласится стать председателем при условии, что будут ускорены реформы в стране. Я не знаю, договорился ли министр по делам Индии с военным министром в этом смысле; если да, то боюсь, что генерал Пиль истолковал "поспешность" как *festina lente*. Как бы то ни было, мистер Герберт согласился стать председателем, и несколько месяцев ушло на определение состава и круга ведения. В состав комиссии должны были войти три эксперта по санитарным вопросам, статистик и два члена Совета Индии. Из двух последних один (сэр Р. Вивиан) был другом дяди мисс Найтингейл, мистера Смита, а о сэре Проби Каутли она слышала хорошие отзывы. Санитары - доктора Сазерленд, Мартин и Александр - и доктор Фарр, специалист по статистике, входили в ее окружение. В последний момент произошла новая задержка. Список был представлен на королевское утверждение, и Ее Величество потребовала, чтобы в состав комиссии был включен "офицер королевы, имеющий признанный опыт работы в Индии". Мистер Герберт попросил мисс Найтингейл найти подходящего человека, под которым он подразумевал человека, чей признанный опыт включал в себя некоторые убеждения в области санитарной науки. Она приложила немало усилий и прибегла к хитрости, чтобы получить лучшие мнения. В частности, она написала своему дяде, попросив его (19 мая 1859 года) связаться с сэром Джоном Лоуренсом через его друга, сэра Р. Вивиана, и попросить дать свои рекомендации. "Вивиан должен быть намылен", - добавила она, - "чтобы он не подумал, что мы недооцениваем его мнение". Сэр Джон Лоуренс, однако, в этом случае оказался не слишком изобретательным; мисс Найтингейл прислала имя офицера, полковника Э. Х. Грейтхеда, которого ей порекомендовали по другому каналу, и он был должным образом включен в состав комиссии. На более раннем этапе она выдвинула интересное предложение, чтобы Джон Стюарт Милль, недавно вышедший в отставку из Ост-Индского дома, был приглашен на службу, но это предложение не встретило поддержки. "Наше дело, - писал один из ее окружения, - лопаты и тачки", и он сомневался, что "Compte" может быть использован в таких целях. Мисс Найтингейл всегда считала, что этот ее союзник, хотя и бесценный во многих отношениях, был немного лишен души. Итак, комиссия была назначена. Ордер был выдан 31 мая 1859 года. Комиссия отчиталась 19 мая 1863 года. В ее составе произошли некоторые изменения из-за смерти и других причин. После свержения правительства Дерби мистер Герберт перешел на работу в военное министерство и вскоре сложил с себя полномочия

председателя. Его сменил лорд Стэнли. Членами комиссии, на которых больше всего полагались и мистер Герберт, и лорд Стэнли, были доктор Сазерленд и доктор Фарр, а также третий, который еще не был ее членом - мисс Найтингейл. И среди этих троих львиная доля работы была выполнена именно ею.

//

Она не стала дожидаться фактического назначения комиссии, чтобы начать собирать, готовить и переваривать доказательства для нее. Первым делом она составила циркуляр, который должен был быть разослан на все станции в Индии. Как и следовало ожидать, в нем не было недостатка в полноте статистических деталей. Подготовив его, она отправила его в виде пробного варианта сэру Джону Макнилу для получения его предложений, попросив его также (9 мая 1859 г.) "любезно высказать свое мнение относительно общего направления, которое должно принять расследование". В тех случаях, когда она была лично знакома с губернаторами или высокопоставленными военными или медицинскими чиновниками в Индии, она писала, прося их о добрых услугах. Сэр Чарльз Тревелиян, тогдашний губернатор Мадраса, обещал сердечное сотрудничество. Затем она и доктор Фарр приступили к работе над статистическими отчетами, которые можно было получить в Ост-Индском доме. Среди ее бумаг есть целая пачка корреспонденции, касающейся трудностей, с которыми она столкнулась и которые преодолела, получив официальное разрешение на канцелярскую работу в этой области. Аппетит доктора Фарра к статистике был таким же ненасытным, как и у нее самой, и она позаботилась о том, чтобы создать достаточные запасы: - (Мисс Найтингейл - доктору Фарру).

(Мисс Найтингейл - доктору Фарру.) Хайгейт, 2 июня [1859]. Ваша комиссия была объявлена 31 мая, и мистер Герберт находится в городе. Поскольку статистику заболеваемости, смертности и инвалидности в индийской армии необходимо будет получать от тамошних медицинских советов, не лучше ли будет использовать некоторые из предложенных форм для Медицинского департамента армии, заполняя их для каждой станции с указанием болезней ежегодно в течение, скажем, 10 лет? Или необходимо предусмотреть другие? Мы должны, конечно, иметь самую подробную статистику - как по солдатам, так и по офицерам в королевских, ротных и туземных войсках. И их мы должны получить таким способом за 10 лет. Я полагаю, что у Медицинских комиссий есть записи в Медицинских книгах Президентов. Нужно ли получать ведомости по каждому корпусу отдельно? Не будет ли важно получить данные о возрасте и времени службы на момент смерти или инвалидности?

Хэмпстед, 6 декабря [1859 г.]. Вследствие вашего неистового желания получить Положение об индийской медицинской службе мы обратились в Большой дом за копиями. Нам ответили, что у них есть только один офисный экземпляр, и если нам нужны другие, мы должны послать их в Индию. Зная их слабость, мы (в наших "Запросах") предварительно разослали в двести индийских станций копии всех "Положений", и надеемся, что результат удовлетворит ваш литературный аппетит".

Доктора Фарра тогда кормили статистикой. Чиновники в Индии были заняты заполнением форм и подготовкой других письменных доказательств. В ноябре 1859 года Комиссия начала принимать устные показания в Лондоне, но это была сравнительно небольшая часть ее работы, и в течение 1860 года публичных заседаний не проводилось. Они были возобновлены в 1861 году. Лорд Стэнли сменил на этом посту мистера Герберта, но хватка мисс Найтингейл в Комиссии не ослабла. Двое из членов комиссии, доктор Сазерленд и доктор Фарр, были в тесном контакте с ней. Первый был с ней почти каждый день, второй просил ее присылать ему вопросы, которые он должен был задать свидетелям. Как и в случае

с бывшей Королевской комиссией, так и сейчас мисс Найтингейл видела некоторых свидетелей до того, как они давали свои показания. Среди ее посетителей в этом роде был сэр Джон Лоуренс, как уже упоминалось, и началась дружба, которая имела важные последствия. Видя, что все было таким образом в хорошем поезде, мисс Найтингейл была в состоянии в течение 1859-60-61 годов, чтобы посвятить свою основную работу на те другие вопросы, с которыми мы были связаны в предыдущих частях. В 1862 году ее главный интерес был в Индийской комиссии, и объем работы, которую она дала для него в течение 1862-1863 годов был огромным.

Ее образ жизни в эти годы был похож на тот, что описан в предыдущей главе. Работа в Комиссии требовала ее постоянного присутствия в Лондоне или в непосредственной близости от него. В 1862 году она жила либо в гостинице (Peary's, 31 Dover Street), либо в наемном доме (9 Chesterfield Street), либо в доме сэра Гарри Верни на Саут-стрит. В августе и сентябре она сняла дом в парке Оук-Хилл, Хэмпстед. В 1863 году она делила свое время между Хэмпстедом, наемными домами в Кливленд-Роу и домом сэра Гарри Верни. Всеми поисками дома занималась ее любящая подруга, миссис Сазерленд. Кливленд-Роу был выбран из-за близости к военному министерству; удобство места настолько уязвило санитарную совесть доктора Сазерленда, что он объявил Кливленд-Роу "самым воздушным местом в Лондоне".

III

Немногие из моих читателей, полагаю, близко сталкивались с докладом *Индийской санитарной комиссии*. Это очень грозная вещь, состоящая из двух объемистых томов, содержащих соответственно 1069 и 959 страниц - всего 2028 страниц, в основном набранных мелким шрифтом. Из этой гористой массы большая часть так или иначе несет на себе отпечаток мисс Найтингейл. В первую очередь, как уже говорилось, именно она составила вопросы, которые были разосланы в каждую военную часть Индии. Ответы, подписанные в каждом случае командиром, инженерным офицером и медицинским работником, занимают весь второй том. Ответы, поступавшие из Индии, отправлялись ей для анализа. По ее словам, их было целая куча, что обходилось ей в 4 фунта 10 шиллингов при смене дома. Благодаря анализу, проведенному ею и доктором Сазерлендом, эти ответы предвосхитили, как она впоследствии отметила,^[10] статистический обзор Индии, который лорд Мэйо заказал десять лет спустя. В то время говорили, что такой полной картины жизни в Индии, как британской, так и местной, нет ни в одной другой существующей книге. В октябре 1861 года Комиссия официально обратилась к ней с просьбой представить замечания по этим Стационарным отчетам. Она выполнила эту задачу к августу 1862 года. Наблюдения мисс Найтингейл, занимающие двадцать три страницы отчета, являются одними из самых замечательных ее работ, а по своим результатам - одними из самых благотворных. Они также очень удобны для чтения, а чтобы сделать их более поучительными, она включила в них ряд гравюр, иллюстрирующих не только индейские больницы и казармы, но и местные обычаи, связанные с водоснабжением и дренажом.^[11] Казначейство, возможно, в ужасе от идеи популяризации Blue-book сделал некоторые возражения по поводу стоимости, но мисс Найтингейл было разрешено решить эту проблему, заплатив за печать, а также иллюстрации, из своего личного кошелька.

Она в полной мере использовала возможность, которую ей предоставила скупость казначейства. Она поторопила печатников, и большое количество ее "Наблюдений" было отпечатано для частного использования. "Я еще раз просмотрел ваши "Замечания", - писал лорд Стэнли (21 ноября), - и они мне нравятся тем больше, чем чаще я их читаю. Один только стиль (помимо авторитета, который несет с собой ваше имя) обеспечит их изучение многими,

кто ничего не знает о предмете. Они прекрасно разбавят сухость нашего официального отчета. Я надеюсь, что все индийские и английские газеты перепечатают их, хотя бы в виде выдержек. Они должны быть распространены вместе с нашим отчетом, отдельно от слишком объемистой массы доказательств, которые мы не можем не приложить. Вы добавили еще одну к своим многочисленным и неоценимым заслугам в этом деле". "Бумага мисс Найтингейл, - писал доктор Фарр доктору Сазерленду (1 декабря), - это шедевр в ее лучшем стиле; и она очень сильно разозлит врага - все для его блага, бедное создание".^[12] Но она распространила свою работу не только среди членов комиссии. Она конфиденциально разослала ее многим своим влиятельным друзьям. "Картина ужасная, - писал сэр Джон Макнейл (9 августа), - но все это правда. Нет ни одного утверждения от начала до конца, которое я был бы склонен подвергнуть сомнению, и есть много таких, которые мои собственные наблюдения и опыт позволяют мне подтвердить". Один экземпляр попал к Джону Стюарту Миллю, который был очень доволен "Наблюдениями" и был уверен, что "их публикация принесет огромную пользу". Мисс Найтингейл переплела экземпляр для королевы и отправила его, а также копию своей работы о Сиднее Герберте через сэра Джеймса Кларка, который отметил отрывки для прочтения королевой. Из разговора он выяснил, что Ее Величество не ограничила свое чтение этими отрывками. В ответ королева прислала копию своего сборника речей принца Альберта. "Королева, - писала мисс Найтингейл М. Молю (14 февраля 1863 года), - прислала мне свою книгу с такой трогательной надписью. Она всегда напоминает мне греческий хор со сцепленными над головой руками, выкрикивающий свое неудержимое отчаяние".^[13] Мисс Найтингейл отправила свои "Наблюдения" также сэру Джону Лоуренсу, который внимательно изучил их и переписывался с ней по этому поводу. Еще одна копия попала к сэру Чарльзу Тревельяну.^[14] "Приняв на себя обязанности финансового члена Совета Индии, - писал он (31 октября 1862 г.), - я могу теперь оказать некоторую помощь в практическом осуществлении рекомендаций вашей комиссии. Вы не должны ожидать от меня столько же, сколько от Сиднея Герберта, поскольку мои полномочия не будут такими же. Только генерал-губернатор и местные губернаторы будут иметь такую возможность. Но я сделаю *все, что в моих силах*. Возможно, вы пришлете мне копию вашего резюме доказательств и направите мое внимание на моменты, имеющие более непосредственное значение. Я буду благодарен за любые подсказки". Мисс Найтингейл ответила, отправив ему бумаги достаточно, чтобы занять все его время в плавании. Похоже, в это время она питала некоторую надежду на то, что ее здоровье позволит ей, когда выйдет отчет, лично посетить Индию; в одном из писем сэра Чарльза говорится о таком визите и выражается удовольствие, которое доставит леди Тревельян и он сам, чтобы принять ее как свою гостью и всячески содействовать ее миссии. Но этому не суждено было случиться. Ее знания об Индии и индийских вопросах и без того были велики, а со временем они стали настолько глубокими, что породили легенду о том, что она сама когда-то там побывала.^[15] Но она так и не увидела страну. Не всегда "пожизненный житель" или, напротив, "Паджетт, магистр философии" лучше, чем студент, разбирается в нуждах страны и служит ей.

"Наблюдения" мисс Найтингейл представляют собой синопсис всей темы. Приводя главы и строфы из отчетов Стационара для каждого из своих утверждений, она показывает, во-первых, что преобладающими заболеваниями были лагерные болезни, подобные тем, что она видела во время Крымской войны - в основном из-за выбора неподходящих мест. Среди причин были плохая вода, плохой дренаж, грязные базары, отсутствие вентиляции и поверхностная скученность в бараках и больничных палатах. Ее замечания по этим нескольким пунктам часто отличаются особой остротой. "Там, где проводились тесты, состав воды напоминает сложный рецепт, содержащий почти все хлориды, сульфаты, нитраты и карбонаты, предусмотренные фармакопеей, кроме кремнезема и большого количества

животных и растительных веществ, которые в отчетах, очевидно, считаются питательными". "Если бы возможности для мытья были столь же велики, как и для питья, наша индийская армия была бы самой чистой в мире". "Здесь нет дренажа в том смысле, в котором мы понимаем это слово. В отчетах говорится о выгребных ямах, как будто это гардеробные". "За исключением тех мест, где побывали два Лоуренса - там всегда можно узнать их следы - базары находятся просто на первой дикарской стадии социальной дикарской жизни". Под заголовком "Скученность" она приводит различные примеры с цифрами и рисунками; она цитирует один отчет, в котором говорится, что мужчины (300 человек на комнату!) "обычно размещаются в бараке без неудобной скученности", и спрашивает: "Что такое *удобная* скученность?" "На некоторых станциях полы земляные, периодически покрываемые коровьим навозом: практика, заимствованная у туземцев. Как Магомет и гора, если люди не хотят идти на нары, то нары, похоже, приходят к ним". Следующий раздел ее книги, посвященный "Распутству", язвителен. В Индии, как и дома, [16], в то время бытовало мнение, что солдат по своей природе - пьяное животное; вопрос, похоже, заключался лишь в том, как ему лучше напиться. На одной из станций, несмотря на то, что солдаты, как сообщается, "в основном умеренные", она обнаружила, что в среднем за десять лет один из трех мужчин попадал в госпиталь непосредственно из-за пьянства. "Мужчины гибнут от болезни печени на столовых спиртных напитках, чтобы спасти их от гибели от болезни печени на базарных спиртных напитках. Разве не может быть какого-то среднего пути, чтобы мужчины не погибали ни от того, ни от другого?" В разделе "Питание" она отмечает абсурдность единообразного рациона по количеству и качеству в любое время года и при любом климате; и осмеливается усомниться в том, что выгребные ямы являются желательным дополнением к кухне. Следующая глава - "Недостаток занятий и упражнений" - плодотворный источник пороков и болезней. Это интереснейшая глава, полная ценных советов и проиллюстрированная забавным рисунком, присланным ей полковником Янгом, "Ежедневные средства для занятий и развлечений *passim*". Здесь, как и во многих других работах мисс Найтингейл, она собрала все лучшие мнения; она выбрала из результатов перед ней любые надежные эксперименты, расширил их, и довести мораль домой. Ее глава "Индийские больницы", естественно, очень полная и подробная. Она обсуждает распространенные структурные дефекты, предлагает улучшения во внутреннем устройстве и отмечает, что "не было ни обученных санитаров, ни женщин-медсестер". Что касается "Станций на холмах", "Наблюдения" мисс Найтингейл показывают опасение, чтобы не слишком полагаться на их превосходную санитарию. Она приводит примеры ужасных санитарных дефектов на горных станциях и навязывает мораль, что "спасение индийской армии должно быть достигнуто санитарными мерами повсюду". После обсуждения "Туземные города", "Солдатские жены" и "Статистика", мисс Найтингейл в целом настаивает на важности создания надлежащей системы санитарной службы в Индии. Отныне, почти до конца своей долгой жизни, она считала себя, и в значительной степени был в состоянии действовать, как санитарный слуга армии и народов Индии.

"Замечания" мисс Найтингейл были лишь частью ее участия в работе Комиссии. Вслед за ними в отчете был приведен анализ, сгруппированный по президиумам, деклараций, на которых основывались "наблюдения". Этот анализ, занимающий почти сто страниц, был составлен, как уже говорилось, мисс Найтингейл и доктором Сазерлендом. Рукопись его, сохранившаяся среди ее бумаг, написана в основном ее почерком. И она сделала гораздо больше, о чем будет рассказано далее.

Когда Комиссия по делам армии в Индии подходила к концу своей работы, произошло событие, которое показалось мисс Найтингейл чрезвычайно важным. 14 апреля 1863 года она узнала от сэра Гарри Верни, что сэр Джордж Льюис, военный министр, внезапно умер накануне. Сэр Гарри добавил, что в клубах обслуживания лорд де Грей рассматривался как вероятный преемник, но также упоминалось имя лорда Панмура. Из другого, более осведомленного источника она узнала, что лорд де Грей надеется получить назначение, но, как полагают, на этом пути есть две трудности. Королева может возразить против того, чтобы военное министерство было передано министру, который еще не был членом кабинета, а на лорда Пальмерстона могут оказать давление из других кругов, чтобы он не назначал пэра. Если один из этих факторов или оба возобладают, наиболее вероятным преемником считался мистер Кардуэлл. Теперь мисс Найтингейл казалось крайне важным, чтобы, когда выйдет доклад о здоровье армии в Индии, военный министр был проверенным санитаром. Ей не хотелось снова "задирать бизона", а мистера Кардуэлла она знала мало. Зато она знала лорда де Грея и считала его сторонником своего дела. Не откладывая ни на минуту, она решила привлечь в его пользу все свое влияние, которым могла обладать либо сама, либо как наследница Сидни Герберта. Телеграмма, написанная *en clair* и сохраненная адресатом, показывает, как была обеспечена хорошая пресса для назначения лорда де Грея:-.

От Флоренс Найтингейл Гарриет Мартино: "Агитируйте, агитируйте за то, чтобы лорд де Грей стал преемником сэра Джорджа Льюиса".

На следующий день (17 апреля) мир был должным образом проинформирован через колонки "*Дейли Ньюс*", что общественное мнение ожидает назначения лорда де Грея. Но мисс Найтингейл приняла другие меры. Она написала письмо лорду Пальмерстону, а его главному коллеге, мистеру Гладстону, отправила его копию. Мистер Гладстон в ответном письме не сомневался, что лорд Пальмерстон очень высокого мнения о лорде де Грее, но от себя добавил, что видит большие трудности в том, что глава военного министерства с его огромными расходами не будет находиться в Палате общин. Письмо лорду Пальмерстону тем временем доставил специальный посыльный, которому было строго поручено проследить за тем, чтобы министр сразу же его прочел. Дальнейшее, описывающее несколько курьезную сцену, лучше изложить словами самого сэра Гарри Верни

Кливленд-Роу, апр. 15 [2.30]. Из Хэмпстеда я вернулся на Саут-стрит и нашел ваше письмо. Затем в Кембридж-Хаус. Лорд Пальмерстон был так добр, что принял меня. Я сказал, что видел вас сегодня утром и что по вашему желанию я просил его разрешить мне прочесть ему письмо от вас. Он сказал: "Конечно"; и я прочел ему его довольно медленно. Прочитав его, я сказал, что сегодня утром вы упомянули, что в течение двух недель после смерти лорда Герберта он не раз говорил вам, что надеется, что лорд де Грей станет его преемником. Затем я добавил: "Мне не нужно требовать ответа или замечаний по поводу письма мисс Найтингейл. Я лишь хочу поблагодарить вас за вашу любезность, позволившую мне его прочесть". Он взял письмо [31] и положил его в карман. Затем он спросил, как вы и где, и я ответил ему. Сегодня в 5.30 состоится заседание кабинета министров. Думаю, если Гладстон получит вашу записку до того, как отправится на него, это будет хорошо".

Как мы уже видели, она предвидела предложение сэра Гарри. Премьер-министр положил ее письмо в карман, но оно там не осталось. Он взял его с собой в Виндзор и прочитал королеве. 22 апреля было объявлено, что Ее Величество соизволила одобрить назначение лорда де Грея военным министром.

Таким образом, мисс Найтингейл была уверена, что когда выйдет отчет по Индии, у нее будет сочувствующий начальник в военном министерстве, и она с еще большим рвением приступила к следующему этапу своей работы, а именно к подготовке отчета комиссарами. Рукопись первой страницы или двух (объясняющих задержку в выпуске отчета и процедуру работы комиссии) написана почерком лорда Стэнли (сохранившимся среди бумаг мисс Найтингейл). Он поручил подготовку первого черновика остальной части отчета, статистических данных доктору Фарру, а остальных - мисс Найтингейл и доктору Сазерленду. Она написала черновой вариант большей части своих разделов отчета еще в апреле 1862 года. К августу он был напечатан и исправлен лордом Стэнли, который "обязался провести его через Комиссию в следующем месяце".^[17] Но раздел доктора Фарра не был так далеко продвинут, и были другие задержки, на которые мисс Найтингейл не мало жаловалась. В мае 1863 года был достигнут последний этап. "Я сделал и сделаю все, что в моих силах, - писал ей лорд Стэнли (10 июля), - чтобы донести до общественности, что доктору Сазерленду и вам мы в основном обязаны тем, что Отчет принял свою нынешнюю форму". Среди ее бумаг - коллекция гранков Доклада на разных стадиях; некоторые из них исправлены доктором Фарром и доктором Сазерлендом, другие исправлены и переправлены ею. Описательная часть отчета, по сути, является повторением ее "Наблюдения", на более холодном языке, который проводится, чтобы добавить вес и достоинство таких документов; хотя здесь и там можно почувствовать прикосновение мисс Найтингейл. Масштабы зла, которое необходимо было исправить, изложены в захватывающей манере. "Помимо смертей от естественных причин [9 на 1000], в Индии ежегодно погибает 60 голов на 1000 наших солдат. Именно за счет этого мы удерживаем там господство в течение столетия; каждые двадцать месяцев в жертву приносится рота из каждого полка. Эти роты угасают в расцвете сил, оставляют мало детей, и их приходится заменять, с большими затратами, очередными партиями новобранцев". Стоимость предотвратимых болезней в индийской армии была подсчитана на уровне 388 000 фунтов стерлингов в год. Список рекомендаций, которым завершается отчет, можно назвать Санитарной хартией для армии Индии - хартией, которая в течение многих лет постепенно вводилась в действие.

Наконец, пришло то, что мисс Найтингейл считала наиболее жизненно важным пунктом всех, а именно, предложение практического механизма, с помощью которого, если правительство примет его, рекомендации комиссии могут быть выполнены. На этом решающем этапе ей предстояла очень жесткая борьба. Механизм, по ее замыслу, должен был состоять из двух частей. Во-первых, в каждом президентстве Индии должны были быть назначены санитарные комиссии. По этому пункту все комиссары, кажется, были согласны; но со вторым пунктом мисс Найтингейл дело обстояло иначе. Отчеты, которые она читала и отмечала на индийских станциях, внушали ей опасение, что если вся инициатива будет передана Индии, то в некоторых случаях работа будет выполнена небрежно или неинтеллигентно. В этой стране еще не было такого воспитания общественного мнения среди правящего класса в области науки санитарии, как в Англии. Она считала необходимым, чтобы механизм, рекомендованный Комиссией, так или иначе включал в себя положения, обеспечивающие Индии опыт, уже полученный в Англии при решении всех видов санитарных вопросов. Она сформулировала свои собственные планы на этот счет еще на ранней стадии работы Комиссии. Сначала она предложила создать санитарный департамент при Министерстве по делам Индии, который, как мы узнаем из последующей главы (стр. 153), был в итоге создан. Было бы хорошо, если бы это предложение было принято с самого начала, так как компромисс, которым оно было заменено, привел к некоторым непонятным трениям между Военным министерством и Министерством Индии. В

качестве второго лучшего плана мисс Найтингейл хотела, чтобы постоянный санитарный комитет при военном министерстве,^[18] усиленный одним или двумя представителями Индии, был наделен полномочиями по санитарному надзору в Индии, и, во-вторых, она хотела, чтобы Санитарный кодекс был издан для Индии правительством внутренних дел. Она назвала двух индийских чиновников и настояла на том, чтобы к ним добавился мистер Роулинсон, в то время ведущий санитарный инженер в Англии.^[19] Но во всем этом были некоторые разногласия. Изо дня в день ее информировали о течениях мысли среди членов комиссии и о ходе обсуждений. Письма, протоколы, меморандумы, в которых она отстаивала свои взгляды, многочисленны. Прежде всего ей нужно было убедить лорда Стэнли, и это ей удалось сделать в ходе личных бесед. Она умоляла его открыть эту тему сэру Чарльзу Вуду, секретарю по делам Индии, который не принял это предложение близко к сердцу. Однако все еще существовали противоположные мнения, но в конце концов ее политика возобладала. "Не могу не сообщить вам, в радости моего сердца, - писала она Гарриет Мартино (19 мая), - что сегодня состоялось последнее заседание Индийской санитарной комиссии, что отчет был подписан и что после очень тяжелой борьбы, длившейся три дня, чтобы убедить этих людей, что отчет не является самостоятельным, наша Рабочая комиссия была проведена, не совсем в первоначально предложенной форме, но в той, которая может оказаться лучшей рабочей формой, поскольку привита к уже существующей. Это рассвет нового дня для Индии в санитарных вопросах, не только в отношении нашей армии, но и в отношении местного населения". Но мисс Найтингейл не могла довольствоваться тем, что свет проникает постепенно; она хотела обеспечить отчету комиссии как можно более полную огласку.

В первую очередь она позаботилась о том, чтобы в газетах появились первые объявления об отчете. Смелость, быстрота, энергия ее действий могли бы вызвать восхищение даже у величайших экспертов в этой области наших дней. Суть доклада, в части изложения фактов, содержалась в ее собственных "Наблюдениях"; как уже говорилось выше, она уже распространила их как в Индии, так и у себя дома. Таким образом, как бы посолив почву, она подготовилась к официальной публикации. Как один из главных авторов доклада, она, очевидно, имела право на несколько экземпляров. Она получила соответствующую записку от председателя лорда Стэнли. Печатник королевы, мистер Споттисвуд, был ее очень хорошим другом, связанным с ней в более чем одном филантропическом предприятии, и, увидев записку лорда Стэнли, он обещал использовать все возможности и позволить мисс Найтингейл получить несколько самых ранних копий. Она немедленно разослала их различным влиятельным друзьям (в том числе сэру Джону Лоуренсу), но в основном писателям для прессы; что касается этих последних, то у нее не было причин сообщать каждому получателю ранней копии, что он не единственный, кому оказана такая милость. Синяя книга в 2028 страниц не осваивается за минуту, и люди удивлялись, как столько газет и журналов смогли так полно ознакомиться с докладом в одно мгновение. "Мистер Бейкер [секретарь Комиссии] вновь обрел спокойствие, - писал печатник (23 июля), - но в течение трех дней он не мог оправиться от шока, вызванного вашими быстрыми действиями". Быстрота мисс Найтингейл вполне могла показаться неприличной для неторопливого чиновничьего ума; ведь прошло шесть месяцев, прежде чем правительство Индии официально получило копии отчета! Эта задержка может показаться невероятной для тех, кто не хорошо разбирается в таких делах, но это записано в правительственной депеше,^[20] и расследование, проведенное мисс Найтингейл в другой задержки подобного рода, возможно, может дать объяснение.^[21] Тем временем, в июле 1863 года, в течение нескольких дней до выхода отчета она занималась подготовкой рецензий в газетах и журналах, в Эдинбурге и Дублине, а также в Лондоне. Особую помощь оказал мистер У. Р. Грег, который направил свои заметки в три важных периодических издания - "Экономист",

"Национальное обозрение" и "Зритель". Мисс Найтингейл также усердно тренировала Гарриет Мартино, много писала, чтобы объяснить пункты, по которым общественное мнение может наиболее полезно заявить о себе. Мисс Мартино писала о докладе в *Daily News*, *Macmillan's Magazine* и *Once a Week*; и сама она внесла свой вклад в это дело. Она была старым другом лорда и леди Элгин. Стоит ли ей писать им? Неутомимая мисс Найтингейл тут же отправила ей текст письма на эту тему, которое должно было немедленно отправиться к вице-королю.

Хотя мисс Найтингейл придавала большое значение объявлениям в прессе, она в равной степени стремилась к тому, чтобы сам доклад привлек внимание влиятельных лиц в парламенте и вне его. И здесь в самом начале она столкнулась с серьезным препятствием, которое, однако, благодаря ее энергии и находчивости было обращено на пользу делу. Синие книги были огромного размера, и клерк подготовил уменьшенное издание. Вследствие того, что официально было названо "ошибкой", именно это уменьшенное издание было "представлено обеим палатам парламента по приказу". Только оно было выставлено на продажу для публики; 1000 экземпляров полной работы (из которых печатнику было приказано разбить шрифт) были зарезервированы для прессы и для официальных целей. Их могли получить (по заявлению) члены парламента, но они были недоступны для публики. Уменьшенное издание, которое чиновники предназначили для общественного пользования, не содержало "Наблюдений" мисс Найтингейл (хотя они и упоминались в отчете) и не содержало свидетельств с индийских станций. Вместо этого в нем приводилось "краткое изложение показаний", сделанное клерком. Это, как считала мисс Найтингейл, было сделано плохо, и, кроме того, на полях были ссылки на отрывки, которые опять же не были доступны общественности. Мисс Найтингейл была естественно и справедливо возмущена на процедуру, которая, таким образом, оставила рекомендации Комиссии не подкреплены, насколько общественность были обеспокоены, основные факты. Она с присущей ей энергией взялась за исправление официальной "ошибки" или, как она подозревала, за обход плана. Если и в самом деле существовало намерение скрыть от глаз общественности весь ужас положения дел в Индии, то авторы замысла не посчитались с грозной леди-главнокомандующей. Что же касается частичного утаивания ее собственных "Наблюдений", то это было легко исправить. Доктор Сазерленд и доктор Фарр, возмущенные таким обращением с ней, быстро договорились с издателем об отдельном выпуске ее "Наблюдений".[22] Эта маленькая "красная книжечка" разошлась большим тиражом и получила множество отзывов в прессе. Таким образом, тема получила вторую серию отзывов. "Это не книга, - сказал один из рецензентов, - а великое действо". Но сама мисс Найтингейл была больше озабочена широким распространением самих "Синих книг". Во-первых, она разослала письма всем членам парламента, которых знала, информируя их о фактах и умоляя подать заявку на неизмененное издание. Один из ответов она получила от лорда Шафтсбери (22 августа): "Я немедленно обращаюсь за копией доказательств, о которых вы упоминаете, но не должны ли мы настаивать на том, чтобы при встрече парламента она была полностью распространена, как и любой другой документ? Возможно, сэр К. Вуд и допустил "ошибку", но гораздо большей ошибкой было бы похоронить это важное дело в "могиле всех Капулетти". ... Вы достигли очень больших успехов; и вы должны благодарить Бога за то, что Он призвал вас к такой работе и так благословил ее. Мне есть о чем с вами поговорить".[23] Во-вторых, она добилась обещания, что дознавателям в офисе Хансарда будет сообщено, что копии неизмененного издания могут быть получены населением по заявлению в офисе Совета по вопросам погребения.[24] Она тщательно следила за тем, чтобы они не были там похоронены. Она побуждала всевозможных людей из числа своих знакомых подавать заявки, и книга расходилась нарасхват. Далее, и это главное, она заботилась о том, чтобы основные части отчета попали в поле зрения каждого офицера и

каждого чиновника в Индии, который в той или иной степени отвечал за здоровье армии и которого знание фактов могло бы побудить к дальнейшему проведению санитарной реформы. Способ, которым она достигла своей цели, был характерным. Мисс Найтингейл была личной обидой в этом вопросе; и она использовала его, как и в предыдущем случае она использовала свой личный престиж, чтобы получить общественную цель. Близкий друг в военном министерстве, она была прямо: "Сделано в том или ином виде, я уверен, что это должно быть". Но с великими людьми, стоящими выше него, она была обходительна - вкрадчиво и опасно обходительна. Она полностью соглашалась с тем, что перепечатывать и широко распространять две огромные "Синие книги" в 2028 страниц будет дорого и нелепо. Их никто не станет читать. Но, с другой стороны, не слишком ли несправедливо по отношению к ней распространять сокращенное издание, из которого исключены все материалы, на которые по просьбе Комиссии она потратила годы труда? Но что было делать? Она знала, как заняты все правительственные чиновники; но она охотно взяла бы на себя труд подготовить исправленное издание небольшого номера. Не возражает ли казначейство против расходов? Если да, то она возьмет их на себя. Так или иначе, сказала она, она потратила 700 фунтов стерлингов в связи с предыдущим докладом о британской армии; стоимость аналогичной работы в связи с Индией будет меньше, и она с радостью оплатит ее. Лорд де Грей разрешил ей приступить к работе 26 августа, и в течение следующих трех месяцев она занималась подготовкой доклада в той форме, в которой он должен был быть распространен среди военных и медицинских офицеров.^[25] Но она еще не была полностью удовлетворена. Она обеспечила лошадей водой, но кто должен был заставить их пить? Ее исправленный отчет должен был быть распространен среди армии в Индии, но будут ли его читать? Боюсь, что нет, если только государственный секретарь специально не обратит на него внимание своих подчиненных. Неужели военное министерство не хочет брать на себя инициативу в вопросе, который касается и индийского ведомства? "Но, конечно, сэр Чарльз Вуд будет очень благодарен вам за то, что вы исправили его ошибку". Министр согласился, и к изданию отчета мисс Найтингейл было добавлено предисловие, в котором военный секретарь объяснял, что он был распространен "с целью предоставления информации по этому вопросу командующим, инженерным и медицинским офицерам". Конечно, были официальные задержки, и это издание Отчета вышло только в августе 1864 года, но это дало мисс Найтингейл возможность организовать еще один крестовый поход в прессе. Через друга Сидни Герберта, графа Стшелечи, который также был другом Делейна, ей удалось добиться публикации в "Таймс" серии статей о санитарных потребностях Индии.^[26] Граф очень гордился тем, что ему удалось сделать для нее. Ни одна из официальных работ мисс Найтингейл не получила более широкого распространения, чем "Наблюдения"; и, я полагаю, ни одна "Голубая книга" на подобную тему никогда не получала большей известности.

VI

Но все это было лишь предварительным шагом. Общественное внимание было привлечено, и каждый смутно понимал, что нужно что-то делать. Оставалось, чтобы это сделало правительство. Шаги, которые мисс Найтингейл предприняла для достижения этой цели, препятствия, с которыми она столкнулась, степень успеха, которого она достигла, будут описаны в следующей главе.

Работа, которая была описана на предыдущих страницах и которые мисс Найтингейл продолжали в течение следующего года, была очень тяжелой, и все это было сделано в тяжелых физических недостатках. В 1857-58 годах, когда она выполняла подобную работу в связи с Королевской комиссией по делам армии дома, хотя она была в очень хрупком здоровье, она все еще была в состоянии двигаться. Когда Сидни Герберт не мог прийти к

ней, она могла пойти к нему. Но теперь, в 1863 году, когда работа над комиссией по индийской армии была в самом разгаре, она была прикована к постели. Когда она приглашала к себе подругу-медсестру, формула звучала так: "Вы придете и проведете со мной в постели с субботы по понедельник?". Она могла принимать посетителей, если вообще принимала, только в своей комнате, и все свои письма писала в постели. Возможно, ее поддерживало в этих условиях сознание своей силы и удовлетворение от ее применения, но главным образом - страстная преданность своему делу. И было еще одно чувство, которое придавало ей силы, как явствует из многих мест в ее частных письмах. Она, как могла, в одиночку выполняла "совместную работу", которая осталась "незавершенной" после смерти Сидни Герберта. "Нет более сильного чувства, - сказал ей сэр Джон Макнилл, когда у нее отняли Артура Клафа, - чем чувство одиночества". Так что, думаю, в каком-то смысле она его обрела. И иногда, как к тому, кто протягивает руки в тоске по дальнему берегу, до нее доносились ободряющие голоса. "На днях, - рассказывала она в 1863 году, - я услышала о двух англичанах, которые едва не погибли, будучи застигнуты приливом на побережье Франции, и маленькая французская девочка-рыбачка побежала по мокрому песку, чтобы показать им единственную скалу в полумиле от берега, которую не накрыл прилив, где она, конечно, должна была остаться с ними. Уже совсем стемнело, вода поднялась выше колен, но вскоре они услышали слабый и далекий шум, и девочка сказала: "Они думают, что прилив начался, и кричат, чтобы подбодрить нас! Мне часто кажется, что я слышу на далеком берегу тех, кто кричит, чтобы подбодрить меня".

ГЛАВА III

РЕФОРМАТОРЫ ЗА РАБОТОЙ (1863-1865)

Я больше, чем вы, надеюсь на благо, которое может быть достигнуто благодаря этому докладу. Хотя наша индийская администрация имеет большие трудности, чтобы противостоять с из-за природы страны и людей, он и честный и способный; и я никогда не знал государственных мер, преимущество которых было общепризнанным, которые в конечном итоге не были приняты должным образом в руках.-Сэр Чарльз Тревелиян (*Письмо Флоренс Найтингейл, 24 августа 1862 года*).

В прошлой главе мы проследили руку мисс Найтингейл на протяжении всего знаменитого отчета Индийской санитарной комиссии. Мы видели, как она работала над включением в рекомендации комиссии механизмов для принятия других рекомендаций; мы также видели, как ловко она лавировала, чтобы добиться широкой огласки и обсуждения всей темы. Но этого ей было недостаточно. Она создала благоприятную атмосферу; она предоставила подходящий механизм; оставалось только привести в движение колеса. "Отчеты не являются самоисполняющимися": она применила свои слова в этом новом направлении; и, как в случае с Комиссией по внутренним делам за пять лет до этого, так и сейчас она не давала ни минуты покоя ни себе, ни другим, на кого она могла повлиять, пока реформы, рекомендованные в отчете, не были начаты.

Мисс Найтингейл так же стремилась, так же спешила начать, так же была полна решимости добиться своего, как и раньше; но трудности теперь были еще больше. В случае с армией внутренних войск речь шла только об одном департаменте (хотя он, конечно, был двойным); в

случае с санитарными мерами для армии в Индии нужно было учитывать не только военное министерство, но и индийский офис и правительство Индии. И каждый, кто хоть что-то знает о государственных делах, понимает, что значит для дела оперативной эффективности, если ведомства начинают враждовать друг с другом. И вот мисс Найтингейл больше не было ее "дорогого хозяина". Лорд Стэнли, председатель Индийской комиссии, был дружелюбен и искренне желал, чтобы все было сделано; но он не был энтузиастом. Его темперамент был холодным, а суждения - критическими. Но, как я уже говорил, он очень верил в мисс Найтингейл, и хотя ей не всегда было легко управлять им, она это делала. Как только отчет был подписан, она встала и пошла к нему. Он должен поступить так же, как Сидни Герберт, то есть немедленно отправиться к министрам и настоять на немедленном принятии мер по воплощению в жизнь рекомендаций доклада. Иначе все их труды могут раствориться в воздухе. Лорд Стэнли предложил подождать и посмотреть.

(Лорд Стэнли - мисс Найтингейл.) 10 июля 1863 года. ...Не бойтесь, что работа лорда Герберта останется незавершенной: санитарные идеи укоренились в общественном сознании, и к ним нельзя относиться как к провидению. Испытание опытом неоспоримо. Завоеванные позиции не могут быть утрачены вновь. --July 12.... Первым делом необходимо узнать, как поступят Военное и Индийское министерства. Если при рассмотрении они согласятся на назначение комиссий, рекомендованных с изменением или без изменения нашего плана, то дело сделано. Я склонен полагать, что они согласятся. Но мы должны дать им время ознакомиться с докладом. Если они не захотят ничего делать, можно попробовать другие методы. У нас есть друзья в Индийском совете, а лорд де Грей - сторонник санитарии. Я полностью согласен с вашими словами о том, что долг - помогать министерству дня в разработке их планов. Практически я действовал в соответствии с этим правилом. В министерстве по делам Индии проходит мало дел, которые не попадают ко мне на рассмотрение. Но такая помощь не может быть предложена посторонним - о ней должны просить те, кто несет ответственность. Если сэр К. Вуд желает получить помощь в реализации санитарных проектов, я не откажу ему в этом. У нас достаточно времени, чтобы все это обдумать".

Итак, лорд Стэнли ждал, когда его попросят. Тогда мисс Найтингейл стала заниматься тем, чтобы сделать так, чтобы его попросили. Она увидела лорда де Грея, умолила его немедленно отправиться в Индийский офис и предложить сэру Чарльзу Вуду обсудить все с лордом Стэнли. Дело было сделано.

(Лорд Стэнли - мисс Найтингейл.) 24 июля. Я имел несколько бесед с сэром Ч. Вудом, и, судя по тому, каких взглядов он теперь придерживается, я считаю решенным, что доклад комиссаров будет принят к исполнению - Комиссия У.О. будет расширена для решения индийских вопросов. Я также договорился с ним об урегулировании всех личных претензий, вытекающих из нашего расследования.^[27] Поэтому я надеюсь, что на данный момент мы можем считать свою работу выполненной. Вероятно, возникнут трудности из-за противоречивых требований индийских и местных властей, но мы должны быть готовы к ним и решать их по мере возникновения. Пока же все идет хорошо.

Герцог Ньюкасл написал ей примерно следующее (31 августа): "Доклад об индийской армии привлекает большое внимание, и я не сомневаюсь, что он принесет много пользы, хотя предполагается, что в индийском офисе все еще очень сильны препятствия". Некоторое время казалось, что официальные меры будут приняты с разумной быстротой. Два члена, представляющие Индию, были добавлены в Комиссию по улучшению казарм и госпиталей. Секретарь по делам Индии прислал депешу (15 августа) с предложением создать санитарные комиссии, как рекомендовано в отчете. Мисс Найтингейл попросили составить

свод предложений, который можно было бы разослать в Индию. Но вскоре возникла заминка. Военный элемент в индийском офисе не согласился с докладом, и было высказано предположение, что аналогичная критика может прозвучать и со стороны военного элемента в правительстве Индии. Подвергалась сомнению точность статистических данных доктора Фарра; возражалось, что "Наблюдения" мисс Найтингейл не во всех случаях отражают современное состояние индийских станций. Как будто отчеты, на сбор которых уходили и должны были уходить месяцы и месяцы, могли быть составлены в последний момент! И как будто сам факт того, что такие отчеты были запрошены, не мог привести к каким-то улучшениям! Не стоит задерживать нас на этих вещах. Это был, как выразилась мисс Найтингейл, "Крым заново", "эти и те" протестовали, что все не так плохо, как рисовалось, и что в любом случае виноват не А, а Б. Но тем временем все было подвешено. Лорд Стэнли, председатель комиссии, чей доклад подвергался сомнению, находился в стране. Мисс Найтингейл "убеждала и подманивала его" (так она это описывала) приехать в Лондон и вернуться к обвинению. Он приехал в ноябре и побеседовал с ней, прежде чем встретиться с сэром Чарльзом Вудом.

//

И вот произошло событие, за которым последовали последствия для ее дела. Лорд Элгин, вице-король, путешествуя по Гималаям, слег с сердечной болезнью, от которой, как ожидалось, он уже не оправится. Вопрос о преемнике стал неотложным. Многие думали о сэре Джоне Лоуренсе, но, за одним исключением, ни один индийский гражданин со времен Уоррена Гастингса не занимал пост вице-короля постоянно. Мисс Найтингейл безгранично восхищалась им. Солдатское сердце в ней любило его героические поступки. "Кем бы стал Гомер, - сказала она однажды, - если бы у него были такие герои, как Лоуренсы, чтобы воспеть их?"^[28] Личное общение наполнило ее еще большим восхищением тем, что лорд Стэнли назвал "некой героической простотой" в этом человеке, его незамутненным благочестием, его суровой честностью, его глубоким сочувствием к человеческим страданиям. В последующие годы в комнате мисс Найтингейл всегда висела фотография портрета Лоуренса, написанного Уоттсом. В тот момент, о котором мы сейчас говорим, она считала его незаменимым человеком для Индии, не столько из-за угрожающей пограничной войны на северо-западной границе (соображение, которое, несомненно, больше всего волновало лорда Пальмерстона), сколько из-за его симпатии к делу санитарной реформы. Появилась возможность вставить свое слово. Сэр Чарльз Вуд посоветовался со своим предшественником в Министерстве Индии, а лорд Стэнли, в свою очередь, обсудил все с мисс Найтингейл. Она горячо убеждала его сделать все, что в его силах, чтобы способствовать назначению сэра Джона Лоуренса на . Лорд Элгин умер 20 ноября. Лоуренс был назначен 30 ноября и должен был немедленно отправиться в Индию.

(Лорд Стэнли - мисс Найтингейл.) 1 декабря. Вчера я видел сэра К. Вуда. Санитарный вопрос был рассмотрен, хотя и не так полно, как мне хотелось бы. Назначение сэра Дж. Лоуренса - большой шаг вперед. Он знает, что нужно, и не имеет предрассудков в пользу существующей военной администрации. Я увижу его сегодня вечером и, вероятно, смогу поговорить с ним на эту тему. Но почему бы ему не встретиться с вами? Планы в основном ваши; никто не сможет объяснить их лучше: вы часто переписывались с ним. Я полагаю, что теперь не возникнет особых трудностей в Индии.... Позвольте мне повторить - вы должны успеть увидеться с сэром Джоном Лоуренсом. Он уезжает только 10-го. Ваше положение в отношении всего этого вопроса настолько своеобразно, что совет от вас будет иметь больший вес, чем от кого-либо другого.

Мисс Найтингейл одной из первых поздравила нового вице-короля; слова, в которых она обратилась к нему, выражали то, во что она искренне и глубоко верила: "Я хочу, чтобы вы поехали в Индию..."

(Мисс Найтингейл сэру Джону Лоуренсу) Среди множества дел и поздравлений, которые будут сыпаться на вас, нет более пылкой радости, нет более сильных добрых пожеланий, чем от одного из самых скромных ваших слуг. Ибо нет под небесами более высокой должности, чем управление огромной Империей, которую вы сохранили для нас. И вы - единственный человек, способный занять его. Так считал государственный деятель, с которым я работал не ежедневно, а ежечасно в течение пяти лет, Сидней Герберт, когда было сделано последнее назначение. В разгар вашего напряжения подумайте о нас, о наших санитарных делах, от которых зависят жизни и здоровье миллионов людей".[\[29\]](#)

Подстрекаемая лордом Стэнли, мисс Найтингейл попросила нового вице-короля позвонить. Он стал первым из череды высокопоставленных индийских чиновников, которые перед уходом на свои посты обязательно заходили к мисс Найтингейл. Беседа состоялась 4 декабря. Мисс Найтингейл никогда не забывала ни саму беседу, ни любезное беспокойство лорда Стэнли о том, что она должна состояться. Тридцать лет спустя (17 февраля 1893 года), отправляя мемуары Эйтчисона о лорде Лоуренсе сэру Гарри Верни, она написала: "Сколько штрихов - коротких, но приятных - я могла бы добавить к книге! Настоящая история о назначении сэра Дж. Лоуренса вице-королем никогда не будет рассказана. В те десять дней, что оставались у Лоуренса до начала работы, он заходил ко мне. Как любезен был лорд Стэнли. Он, как лакей, подошел к моей двери и, не назвав своего имени, послал наверх спросить, не идет ли сэр Джон Лоуренс. Эта беседа никогда не забудется".

Сэр Джон Лоуренс обсудил санитарный вопрос с мисс Найтингейл во всех его аспектах, и они обменялись мнениями в дальнейшем по переписке, прежде чем он покинул Лондон: -

(Мисс Найтингейл - доктору Фарру) 10 декабря. Я имел большую радость быть в постоянном общении с сэром Джоном Лоуренсом и получать от него приказы делать то, что я почти потерял надежду получить разрешение делать - посылать полные заявления и схемы того, что мы хотим, чтобы сделали президентские комиссии. Я с удовольствием предоставляю вам копии моих документов, которые он просил меня написать и которые он взял с собой, касающихся создания президентских комиссий, если вы захотите с ними ознакомиться. Они, разумеется, конфиденциальны. За эти напряженные дни я также не раз видел лорда Стэнли. И с приказом сэра Джона Лоуренса мы чувствуем себя вправе приступить к работе над Комиссией по делам дома,[\[30\]](#) и продолжить наши планы по ее созданию. Сэр Джон Лоуренс не считает наш доклад преувеличенным, он считает его вполне соответствующим действительности".

Таким образом, была проведена подготовка к реализации доклада в Индии. Во время вице-королевства Лоуренса губернатором Бомбея был сэр Бартл Фрере. "Люди говорили, - рассказывал он мисс Найтингейл, - что они всегда знали, когда вице-король получил письмо от Флоренс Найтингейл: это было похоже на звон колокола, призывающий к санитарному прогрессу".

Уже через месяц после прибытия в Индию сэр Джон Лоуренс приступил к работе санитарных комиссий, и ничего не требовалось, кроме подсказок и инструкций из дома: - (Сэр Джон Лоуренс - мисс Найтингейл).

(Сэр Джон Лоуренс - мисс Найтингейл.) Калькутта, 5 февраля [1864 г.]. Пишу, чтобы сообщить, что мы приступили к работе, учредив санитарные комитеты для Калькутты, Мадраса и Бомбея. Они состоят из пяти членов. Их возглавляет гражданский чиновник, а секретарем является офицер-медик. Я надеюсь, что вы ускорите передачу в Индию кодексов, правил и планов, которые были одобрены для страны и колоний. Тогда мы будем иметь представление в практической форме об основных чертах санитарной системы и сможем легко адаптировать ее к специфическим условиям страны. Без такого руководства мы часто будем работать в прямом противоречии с вашими взглядами. В тех случаях, когда мы расходимся во мнениях, мы будем обязаны изложить основания для этого, отправляя наши планы и отчеты домой. Прошу извинить за этот торопливый почерк и поверьте мне, искренне ваш, Джон Лоуренс".

Не мисс Найтингейл была виновата в том, что эта просьба об экспедиции оказалась необходимой. В декабре 1863 года лорд де Грей снова попросил ее составить письмо в Индийское министерство, как из военного министерства, о мерах, рекомендованных Королевской комиссией, и она сделала это. Но проходили дни, недели, месяцы, а ничего не происходило. В январе 1864 года были готовы ее "Предложения относительно санитарных работ, необходимых для благоустройства индийских станций", [31], написанные по настоятельной просьбе генерал-губернатора, с ней сотрудничали доктор Сазерленд, доктор Фарр и мистер Роулинсон. Снова шли месяцы, но ничего не происходило. В декабре Комитет по благоустройству казарм и госпиталей был официально проинформирован о назначении индийских членов и получил просьбу докладывать по любым вопросам, которые могут быть переданы ему секретарем по делам Индии или военным секретарем; но до сих пор ни одного обращения к индийцам не было. Мисс Найтингейл была очень недовольна этой ненужной задержкой. Генерал-губернатор писал ей по адресу, снова и снова настаивая на предоставлении предложений. Она уже давно сделала свою часть работы; военное министерство владело ее проектом уже несколько месяцев. Она пробовала и простое давление, и давление, одобренное сарказмом. "Бедняга!" - писала она, пересылая в военное министерство одно из писем генерал-губернатора (10 марта); "он действительно ожидает депеши. Он думает, что мы можем написать письмо за три месяца! Он, должно быть, больше подходит для психушки, чем для генерал-губернаторства". Или, когда в Палате представителей происходило тесное разделение правительства, [32] попыталась сыграть против военного министерства. "Вы все "выйдете" на этой сессии, - писала она в Военное министерство (7 марта 1864 г.), - после чего я смогу получить от лорда Стэнли [И.О.] все, что захочу, а *вы* не сможете получить от генерала Пиля [В.О.] все, что захотите. Поэтому очень желательно, чтобы это письмо было написано сейчас же, пока вы еще "в деле"". Оказалось, что причина задержки заключалась в следующем: военное министерство направило предварительное письмо в министерство по делам Индии, а министерство по делам Индии возмутилось. Сэр Чарльз Вуд, как объяснили мисс Найтингейл, "нахамил" лорду де Грею. Военное министерство, соответственно, дулось в своих палатках. Министерство Индии, со своей стороны, держалось с достоинством и не собиралось ставить себя в унижительное положение, чтобы принять меры, предложенные ему военным министерством. И именно по этой причине предложения мисс Найтингейл, о которых просил генерал-губернатор, все еще находились в голубиной оболочке. Что касается мелких рекомендаций, содержащихся в

докладе Королевской комиссии, то совершенно верно, что многие из них могли быть выполнены административным приказом, и некоторые из них были выполнены; но трудность в случае других заключалась в том, что до сих пор человеку не хватало смекалки, чтобы определить, на ком лежит власть или ответственность за принятие приказа. Мисс Найтингейл могла бы написать, как она сделала в более чем одном письме этого времени (январь 1864 года): "Ни одно впечатление за всю мою жизнь не было более сильным, чем это, что министры никогда не рассматривали соответствующие юрисдикции У.О. и И.О., и что И.О., У.О., Конная Гвардия дома, Главнокомандующий в Индии, Генерал-губернатор в Индии так же мало определены в отношении соответствующих полномочий и обязанностей, как если бы Индия была Сандвичевыми островами".

Что касается главного вопроса, отправки санитарных предложений для руководства индийскими властями, мисс Найтингейл теперь решила, что задержке должен быть положен конец. Она уже составила ультиматум Военному министерству, угрожая атакой в Палате общин, когда на сцене появился лорд Стэнли, видный член оппозиции. Как мы уже слышали, он предупредил мисс Найтингейл, что ревность между ведомствами приведет к некоторой задержке; но прошло уже семь месяцев с момента выхода отчета его комиссии, и он, похоже, решил, что этого времени достаточно, чтобы дать двум ведомствам выпустить пар между собой. Он написал мисс Найтингейл, предлагая прийти к ней и предлагая, если она согласится, оказать давление либо на лорда де Грея, либо на сэра Чарльза Вуда. Мисс Найтингейл лояльно дала своим друзьям в военном министерстве последний шанс, но они не захотели им воспользоваться. Лорд Стэнли встретился с сэром Чарльзом Вудом, пообещал ему парламентскую поддержку в любых действиях, которые он может предпринять, и дела наконец-то были улажены. Проект "Предложений" мисс Найтингейл был представлен Комиссии по улучшению казарм и госпиталей, и с небольшими изменениями был принят этим органом. Это была комиссия Военного министерства, но о достоинстве Министерства Индии говорило заявление на титульном листе "Синей книги", что "Предложения" были подготовлены указанной комиссией "в соответствии с письмами Государственного секретаря по делам Индии". На самом деле они были подготовлены мисс Найтингейл в соответствии с пожеланиями сэра Джона Лоуренса.

Когда "Предложения" были официально приняты, в ее силах было, заложив запас ранних копий, не допустить ни минуты промедления. Она воспользовалась этой возможностью и не смогла отказать себе в нескольких искренних насмешках над своими друзьями-чиновниками. "Прошу сообщить вам, - писала она капитану Гальтону из Военного министерства (8 августа), - что первой же почтой после подписания я отправила книжной почтой Его Величества, с огромными затратами (так и подмывает предъявить их вам!), сэру Джону Лоуренсу прямое количество копий *предложений* (также в комиссии президентства); и что, поскольку он всегда более готов услышать, чем вы молиться (грешники!), я не сомневаюсь, что они будут приведены в *исполнение* задолго до того, как Управление по делам Индии начнет их рассылать".^[33] Она не сильно ошибалась; прошло шесть или семь недель, прежде чем официальные копии были отправлены,^[34] а тем временем мисс Найтингейл успела ввернуть еще одну колкость. Она узнала от сэра Джона Лоуренса, что он приказал перепечатать "*Предложения*" в Индии. "С таким же успехом, - писала она в Военное министерство, - можно поторопиться с копиями для Индийского ведомства, которое в противном случае получит их первым из Индии".

IV

В самой Индии продвижение вперед с сэром Джоном Лоуренсом во главе было быстрым. Президент и секретарь каждой санитарной комиссии должны были посвятить работе все

свое внимание. Им было поручено "рассматривать и предоставлять советы и помощь во всех вопросах, касающихся здоровья армии, а также следить за постепенным внедрением санитарных улучшений в казармах, госпиталях и станциях, а также в городах, расположенных поблизости от военных станций". О каждом предпринятом шаге мисс Найтингейл была в курсе. Сэр Джон часто писал ей о прогрессе; он описывал ей состояние всех станций, которые он осмотрел по пути в Симлу; он обращался к ней за информацией по особым вопросам. Его личный секретарь, доктор Хатауэй, который также виделся с мисс Найтингейл перед отъездом из Англии, писал еще более подробно и часто. Президентом Бенгальской комиссии был мистер Стрэчи.^[35] Он тоже был знаком с мисс Найтингейл, и они переписывались очень долго. Доктор Дж. П. Уокер, хирург индийской армии, был в Англии в декабре 1863 года. Он писал мисс Найтингейл, как преданный последователь ее школы. Он отправился в Индию, был назначен секретарем Бенгальской комиссии и на каждом этапе консультировался с ней и отчитывался перед ней. Мистер Р. Дж. Эллис, президент Мадрасской комиссии, и доктор Лейт, президент Бомбейской, также переписывались с ней. Любому чиновнику в Индии, начиная с генерал-губернатора и ниже, кто был готов слушать, мисс Найтингейл было что сказать. Наиболее интересна переписка с сэром Джоном Лоуренсом.

(Сэр Джон Лоуренс - мисс Найтингейл.) Симлах, 12 июня [1864]. Очень мило с вашей стороны написать мне и дать такой приятный отзыв о моих детях.... Каким волнующим временем должен был быть визит Гарибальди в Англию. Он действительно благородный человек и полностью достоин всех наших симпатий. Я только верю, что его убедят замолчать и не торопиться. Хороший день для его страны, если только народ заслужит его, обязательно наступит. Я делаю все, что в моих силах, чтобы навести здесь порядок; но это очень трудная работа, и приходится управлять многими влияниями и преодолевать их. Я часто думаю о последнем визите, который я нанес вам перед отъездом из Англии, и о вашем разговоре по этому случаю. Вы, наверное, помните, как много я говорил о трудностях, которые встречаются со всех сторон. Они были продемонстрированы таким образом, что я вряд ли мог понять или предвидеть, добрые люди в Англии действительно считают, что я санкционировал нападение на религию индусов, потому что я хотел улучшить здоровье людей в Калькутте!

(Мисс Найтингейл - сэру Джону Лоуренсу.) 32 Саут-стрит, 26 сентября [1864 г.]. Мой дорогой сэр Джон Лоуренс... Я всегда чувствую, что писать Вам - это своего рода самонадеянность, и удивляюсь тому, что Вы разрешаете это делать. Мне всегда кажется, что Вы - величайшая фигура в истории, а Ваше произведение - величайшая работа в истории в наше время. Но это и есть моя причина. У нас есть только один сэр Джон Лоуренс. Ваша Бенгальская санитарная комиссия делает свою работу, как люди, как мученики, на самом деле, - и какая [51] это работа! Все, что мы имеем в Европе, - просто детские игры по сравнению с ней. Здоровье - это продукт цивилизации, *то есть* настоящей цивилизации. В Европе у нас есть своего рода цивилизация, от которой мы можем отталкиваться. В Индии ваша работа представляет собой не только уменьшение смертности, как у нас, но и увеличение энергии, увеличение силы населения. Я всегда чувствую себя так, как будто Бог сказал: человечество должно создавать человечество. В этом смысле вы - величайший творец человечества в современной истории.....

Не будет ли какой-либо неуместности в том, что ваши санитарные комиссии будут посылать копии своих печатных протоколов в Комиссию по благоустройству барачных и больничных здесь, через Индийский офис - просто для информации? Что касается вашей Бенгальской комиссии: эти люди не нуждаются в убеждении: их не нужно сейчас учить. Все, что может

даже показаться вмешательством в обязанности ваших комиссий, если только не по их собственной просьбе, не только нежелательно, но, что касается Бенгальской комиссии, бесполезно. Но если вы не возражаете против того, чтобы направить протокол для сведения в Комиссию военного министерства здесь, я уверен, что им это очень понравится. Или, если это будет слишком формально и официально (по отношению к здешнему индийскому офису), если они, протоколы, могут быть посланы мне, с разрешением показать их одному или двум, таким как лорд Стэнли (наш покойный председатель Королевской комиссии), доктор Сазерленд и капитан Гальтон из военного министерства и т.д., это будет отвечать той же цели. В *настоящее время* Министерство Индии не проявляет ни малейшей ревности к Комиссии по казармам и больницам (Военного министерства). Напротив, нельзя не улыбнуться тем мелочам, которые оно с удовольствием перекладывает на эту комиссию.

В Калькутте есть три вопиющие (хотя и меньшие) беды, которыми, как я знаю, вы занимались - пусть и меньшие, - и они привлекли ваше внимание и внимание доктора Хатауэя. К ним относятся: (1) Полицейские больницы (или состояние больниц) для больных бедняков в Калькутте. Полицейские учреждения кажутся настолько плохими, насколько это возможно. Действительно, бедные несчастные попадают туда в основном для того, чтобы умереть. Парижская система помощи очень хороша: в каждом полицейском участке Парижа есть средства для временной помощи в экстренных случаях, пока страдальцев не перевезут в больницу. Подобная система с тщательной реформой больниц и дополнительными помещениями, которые могут потребоваться, могла бы удовлетворить потребности Калькутты.

(2) Состояние тюрем и приютов для лунатиков в Индии. Конечно, не мне привлекать к этому ваше внимание или внимание доктора Хатауэя. Возможно, он знает о них больше, чем кто-либо из ныне живущих. Отчеты и рекомендации одного или двух инспекторов тюрем показывают, что им нужен опыт, и я уверен, что доктор Хатауэй согласится со мной. Возможно, мы могли бы помочь [52] вам, разослав такие отчеты по этому вопросу, которые могут быть полезны.

(3) Моряки в больших портах. Вы уже сделали очень много. Но Рим нельзя построить за один день. Плохая вода, плохая еда, купленная на базарах, и плохие напитки вызывают огромное количество болезней и смертей. Самообеспечивающиеся учреждения, такие как наши Дома моряков (которых, я полагаю, вы уже основали несколько), дадут людям полезную еду и питье, а также жилье и комнаты для дневного пребывания за небольшую плату. Так много людей погибает из-за отсутствия такого рода жилья в Калькутте, где это зло кажется самым большим.

Мне кажется, что писать в то время, как вы это делаете, - это так унижительно. О, как бы я мог приехать в Калькутту и организовать хотя бы больничное жилье для бедных несчастных на улицах. Нет ничего, чего бы мне так хотелось. Но глупо желать того, что невозможно. Уверен, вы будете рады услышать, что одно из моих давних желаний, а именно обеспечение лазаретов при работных домах надлежащими медсестрами, вот-вот будет исполнено. Благодаря щедрости одного ливерпульца (который действительно выделяет на эти цели 1200 фунтов стерлингов в год, но не желает называть своего имени), в следующем месяце мы приступаем к работе в ливерпульском рабочем лазарете (на 1000 коек) - первом рабочем лазарете, который когда-либо был устроен, с 15 старшими медсестрами, обученными нами, и леди (добровольцем) Матроной (которая прошла самый серьезный курс обучения в нашей школе медсестер при больнице Св. Томаса), 15 помощниц и 52 бывшие нищенки, которых мы должны обучить профессии медсестры.[36] Я уверен, что не нам говорить о цивилизации. Ведь я видел в наших английских лазаретах пренебрежение, жестокость и злоупотребления,

которые едва ли можно превзойти в полуварварских странах. И тогда я почувствовал, что должен основать школу медсестер для рабочих домов и т. д. Возможность появилась слишком поздно, чтобы я мог сам заниматься уходом за больными в рабочих домах. Но, значит, дело сделано хорошо, и нам неважно, как. Я с величайшим удовлетворением думаю о вашем воссоединении с леди Лоуренс и (некоторыми) вашими детьми. Да благословит вас Господь. Преданно ваша, Флоренс Найтингейл.

P.S. - Муниципалитет Калькутты, похоже, еще не проснулся от осознания своего существования. Он не знает, что он существует: и уж тем более, для чего он существует. Тем не менее, вы заново завоевываете Индию цивилизацией, впервые овладевая империей с помощью знаний, а не меча.-F. N.

Главнокомандующий в Индии сэр Хью Роуз (лорд Стратнейрн) был едва ли менее полезен в этом деле, чем генерал-губернатор. Военное министерство направило ему, через Конную гвардию, письмо с предложением обратить внимание на полковые рекомендации в отчете Королевской комиссии. Его ответ был очень сочувственным, и период его командования был отмечен, среди прочего, двумя реформами, особенно близкими к желаниям мисс Найтингейл: он ввел полковые мастерские и солдатские сады в местах расквартирования. Военное министерство переслало его письмо мисс Найтингейл. "Это стоит того, - написала она в ответ (11 августа 1864 г.), - чтобы получить это письмо от сэра Хью Роуза, все, что было выстрадано. И я всем все прощаю". "Я каждый день пою от радости, - писала она ранее (6 июня), - по поводу правительства сэра Джона Лоуренса". Она публично выразила благодарность. На конгрессе по социальным наукам в Эдинбурге в октябре 1863 года она представила доклад под названием "Как люди могут жить и не умирать в Индии", в котором в сжатой и популярной форме изложила резюме доклада Королевской комиссии. За чтением ее доклада последовали "Три аплодисмента Флоренс Найтингейл". Теперь (в августе 1864 г.) она переиздала статью с предисловием, в котором, так сказать, провозгласила "три аплодисмента сэру Джону Лоуренсу". Она рассказала о том, как в Индии были назначены комиссии по здравоохранению, и как теперь они получили в свое распоряжение все последние результаты санитарных работ и мер, которые были полезны дома. Затем она обратилась к военным властям и описала, как "были устранены или устраняются некоторые из худших личных причин нездоровья, которым солдат подвергался в прежние времена". "Люди, - писала она, - начали понимать, что лучше работать, чем спать и пить, даже во время дневной жары. Один полк, шедший на станцию, где два года свирепствовала холера, был измучен полками, шедшими оттуда, и им сказали, что они никогда не выйдут оттуда живыми. Бойцы прибывшего батальона отвечали: вот увидят, у нас не будет холеры, думают они. И они развели огороды с таким успехом, что имели удовольствие не только есть свои овощи, но и получать за них плату от комиссариата. И это на почве, которую до этого ни один полк не мог возделывать. И ни один человек не заболел холерой. Эти хорошие солдаты боролись с болезнями, также с помощью мастерских и гимназий". [37] Она рассказала о торговле, сберегательных кассах, играх, библиотеках; отметила, что уже сделано и что еще предстоит сделать. "В то же время норма в два драма была снижена до одного. Законодательный акт налагает крупный штраф или тюремное заключение за незаконную продажу спиртных напитков вблизи мест расквартирования. Там, где есть комнаты отдыха, прохладительные напитки (цены обозначены) разложены на красивом чистом столе". Все эти вещи, которые в 1864 году были новыми или исключительными, в последующие годы стали устоявшимся правилом. Однако главными причинами болезней в индийской армии были, как продолжает мисс Найтингейл, отсутствие дренажа, отсутствие надлежащего водоснабжения, отсутствие надлежащих казарм и госпиталей. Но в этих аспектах она настраивала реформаторов на работу, которая продолжается с того дня и по сей день.

Поначалу, конечно, была критика, но она касалась только прошлого и не оказывала серьезного влияния на будущее. Индийские чиновники, как я уже говорил, были обижены строгими требованиями, содержащимися в докладе Королевской комиссии, и это движение вылилось в два документа: один - контрдоклад доктора Лейта, председателя Бомбейской санитарной комиссии (октябрь 1864 года); другой - депеша (8 декабря) от правительства Индии (сэр Джон Лоуренс в одном важном вопросе не согласился). Лорд Стэнли решил, что доктору Лейту следует ответить немедленно, и написал мисс Найтингейл (25 октября) за советом по этому вопросу. Она предложила отправить ответ в виде отчета по письму доктора Лейта, подготовленного Комиссией по улучшению казарм и больниц, - гениальный план, поскольку он давал возможность этому экспертному органу дать дальнейший совет одной из комиссий при Президенте. Мисс Найтингейл и доктор Сазерленд составили отчет, который был принят комиссией 6 января 1865 года. "Я с удовольствием, - писал ей лорд Стэнли (26 декабря), - отправляю проект ответа доктору Лейту с одной или двумя предложенными устными поправками. Он кажется мне хорошо выполненным, умеренным по тону и убедительным по аргументации". Ответ на депешу индийского правительства, подписанный лордом Стэнли, доктором Фарром и доктором Сазерлендом, был отправлен 20 мая. Мисс Найтингейл в своем рвении была сильно раздражена этой критикой,^[38] и лорд Стэнли часто говорили ей, что она слишком много делает из того, что было лишь временными всплесками. "Не унывайте, дорогая мисс Найтингейл, - писал он (22 января), когда пришла депеша от правительства Индии, - практическая работа может продолжаться, пока идут споры. Я думаю, что индийским властям нужно время, чтобы навести порядок - они готовы исправить ситуацию, но не склонны ставить нам в заслугу то, что мы первыми навели их на путь истинный. Такова человеческая природа". Лорд Стэнли оказался настоящим пророком. Индийские власти действительно исправились, и эта работа была проведена длинной чередой командиров, администраторов и инженеров настолько успешно, что уровень смертности от предотвратимых заболеваний в британской армии в Индии упал намного ниже цифры, которую Королевская комиссия назвала советом совершенства.^[39]

V

В этой работе "спасения" мисс Найтингейл в течение многих лет, чтобы играть роль в качестве консультанта, а иногда и вдохновителя. В ноябре 1864 года генерал-губернатор в Совете сообщил о своей готовности рассмотреть схему для работы медсестер в военных госпиталях, и тогда Бенгальская санитарная комиссия попросила мисс Найтингейл помочь им своими советами. В феврале следующего года она в сотрудничестве с сэром Джоном Макнилом написала обширную серию "Предложений".^[40] В течение всего года (1865) мисс Найтингейл время от времени занималась индийскими санитарными делами, а ее дом служил штаб-квартирой для санитарных реформаторов. Мистер Эллис, президент Мадрасской комиссии, приехал домой в середине года, чтобы изучить санитарные реформы в этой стране. Мисс Найтингейл пригласила его в свои комнаты; отправила доктора Сазерленда сопровождать его в инспекционных поездках по больницам и казармам; организовала встречи между ним и лордом Стэнли; обсудила с ним изменения, которые сэр Джон Лоуренс предлагал внести в конституцию комиссий президентства. Сам генерал-губернатор свободно общался с ней на ту же тему. Секретарь Бенгальской комиссии обратился к ней за информацией о надежных тестах для обнаружения органических веществ в воде. Не имея возможности получить желаемое от доктора Паркеса, она обратилась к доктору Ангусу Смиту (изобретателю воздушного теста), который написал для нее брошюру на эту тему. Она была напечатана за ее счет. Она получила одобрение Санитарного комитета

Военного министерства, и большое количество экземпляров было распространено по всей Индии. Она убедила генерал-губернатора в важности активизации работы индийских муниципалитетов. Билль о муниципальном благоустройстве индийских городов (1865) был представлен на ее критику, и она написала "Заметку об отношениях, которые должны существовать между полномочиями по сбору и расходованию налогов, которые предлагается предоставить местным властям, и надлежащим выполнением санитарных работ и мер в Индии". Ее друг, сэр Чарльз Тревелиян, ушел в отставку с поста министра финансов Индии в 1865 году, и она познакомилась с его преемником, мистером У. Н. Мэсси. Она очень ликовала, когда "получила семь миллионов голосов за мои индийские казармы". Она была подавлена, когда генерал-губернатор время от времени писал ей о том, что большим препятствием на пути к скорейшему проведению реформ является нехватка денег; но она оправдывала своего героя. "Сэр Джон Лоуренс, - писала она мадам Моль (20 марта 1865 г.), - так же сильно мешает конной гвардии там, как и я здесь. Он постоянно пишет мне, извиняясь за то, что его успехи невелики. В самом последнем письме он пишет, что я буду считать его "робким и, возможно, даже упускающим время". Я не мог удержаться от смеха. Конечно, сэр Дж. Лоуренс - единственный человек, который когда-либо называл сэра Дж. Лоуренса временщиком, разве что в самом высоком смысле - служить своей стране в самое трудное для нее время самым высоким образом". Она постоянно переписывалась с лордом Стэнли, призывая его выиграть для нее очки у секретаря по делам Индии. "Я только что видел сэра Чарльза Вуда", - писал лорд Стэнли (10 февраля). "Он согласен с целесообразностью ежегодной отправки домой отчета о санитарных станциях в каждом президентстве". "Молитесь никогда не говорить о том, что вы доставляете мне хлопоты", - написал он еще раз (15 мая): "Мне очень приятно немного помочь вам в этом великом деле: Я не знаю другого способа, с помощью которого мое время могло бы быть столь же полезным". Он часто виделся с сэром Чарльзом Вудом по вопросам, на которых она настаивала, и заслужил почти высшую похвалу с ее стороны. "Лорд Стэнли, - говорила она, - великолепный работник". Его холодный здравый смысл, возможно, иногда был полезным противовесом против ее почти лихорадочного рвения. "Публичность, - сказал он (17 августа), - в конечном счете сделает то, что мы хотим. Люди не потерпят, чтобы их травил, когда они знают об этом". Ежегодные отчеты президиумов, полученные мисс Найтингейл несколько лет спустя (стр. 155), были представлены для ее "Наблюдений"; и во многих других отношениях, как мы услышим, было замечательно, насколько близкое отношение к ходу санитарной реформы в Индии поддерживалось этой леди из спальни в Мейфере. Но в основном работа мисс Найтингейл была вдохновителем и первопроходцем. Эти главы покажут, я думаю, что комплимент, сделанный ей председателем Индийской санитарной комиссии, был не только верным, но и изящным:-.

(Лорд Стэнли - мисс Найтингейл.) Сент-Джеймс Сквер, 25 июля [1864]. Я не удивляюсь, что задержки "дикого племени" испытывают ваше терпение; и тем более восхищаюсь тем, с какой осторожностью и успехом вы сдерживаете внешнее проявление раздражения. Я бы предпочел, чтобы меня критиковал кто угодно, только не вы! Сегодня я только проездом в городе, мне нечего делать, но в четверг я снова буду здесь и готов ждать вас, если потребуется уладить какие-нибудь дела. Если же нет, могу лишь пожелать вам здоровья - успех обязательно придет - и попросить, чтобы вы помнили о ценности своей государственной службы и не ставили под угрозу ее продолжение из-за переутомления. Прошу простить за предостережение, которое, уверен, я делаю не в первый раз. С каждым днем я все больше убеждаюсь в двух вещах: во-первых, в огромном влиянии на общественное сознание санитарных комиссий последних лет - я имею в виду ускорение идей, которые в противном случае были бы ограничены несколькими людьми; и во-вторых, в том, что все это произошло благодаря вам, и почти только вам.

В один из многих моментов досады на задержки "дикарей" в их красной ленте, мисс Найтингейл написал так капитану Гальтону (23 июня 1864 года): "Конные гвардейцы говорят, что им было известно о ходатайстве сэра Джона Лоуренса и о задержке, но что "это единственный и неповторимый объект интереса сэра Дж. Лоуренса, в то время как для Военного министерства он *один из тысячи*". Они должны были бы получить V.C. за свою хладнокровную бесстрашность перед лицом правды. Я рассказал сэру Дж. Лоуренсу о том, что думают эти забегаловки о его тяжелой работе. И думаю, что опубликую его после своей смерти". Но "нелицеприятные детеныши", как она сказала в Скутари, "вырастают в старых добрых медведях"[41]; и я цитирую это письмо не для того, чтобы свести счеты с "щенками". За замечанием, вызвавшим праведный гнев мисс Найтингейл, скрывался элемент неосознанной правды, и именно он подводит итог этой и предыдущей главе. Это было, действительно, невежественная неправда, чтобы сказать, что сэр Джон Лоуренс не было никакой другой работы или интерес, кроме продвижения санитарных улучшений для армии в Индии; и это было бы неправдой также, как последующие главы покажут, чтобы сказать то же самое о мисс Найтингейл. И все же для продвижения этой работы в Индии имело значение то, что во главе ее стоял человек, чье сердце и душа были в ней. А дома все решала одна решительная воля в сочетании с ясной головой, которая должна была придать импульс и направление этой работе. Вероятно, было совершенно верно сказать, что для многих, возможно, для большинства людей в Военном министерстве и Конной гвардии этот вопрос о санитарном состоянии армии в Индии представлялся лишь "одним из тысячи" вопросов. Для мисс Найтингейл это был, в очень буквальном и мгновенном смысле, вопрос жизни и смерти; и это была ее страстная убежденность, которая обеспечила инициативу и движущую силу, которая заставила реформы. Если бы генерал-губернатор того времени был настроен враждебно или апатично, даже ее настойчивость могла бы быть сорвана. Но как бы то ни было, сотрудничество между сэром Джоном Лоуренсом и Флоренс Найтингейл было столь же благотворным по своим результатам для благосостояния британской армии в Индии, как и сотрудничество между ней и Сиднеем Гербертом в случае армии на родине.

ГЛАВА IV

КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПРИ ВОЕННОМ МИНИСТЕРСТВЕ (1862-1866)

Мы пытаемся привести хаос в порядок. Сегодня исполняется три года с тех пор, как я впервые почувствовал, в какой ужасный крах я попал. Я вмешиваюсь в дела правительства, а капитан моего корабля, без которого я никогда бы этого не сделала, умирает и оставляет меня, женщину, за главного. Какую чушь несут люди, когда говорят о том, что люди находят себе подходящие должности и ищут подходящую работу! Я уверена, что если кто-либо в мире больше всего не подходит для писательской и официальной работы, так это я. И все же я семь лет не делала ничего другого, кроме как писала Постановления" - Флоренс Найтингейл (*Письмо Джулиусу Молу*, 1 января 1864 года).

Хотя основная работа мисс Найтингейл в эти годы была связана с армией в Индии, она также постоянно занималась работой для Военного министерства в отношении армии на родине. Действительно, в некоторых отношениях работа была такой же постоянной, и она была такой же разнообразной, если не такой масштабной, как в те дни, когда Сидни Герберт был государственным секретарем. Она была своего рода Консультативным советом при Военном министерстве по всем вопросам, входящим в ее сферу, и по некоторым за ее пределами; но

обращения к ней были гораздо более частыми, чем обычно бывает в этих несколько теневых органах; кроме того, она была привилегированным лицом, имевшим право инициировать предложения. Картина ее отношений с военным министерством, как она раскрывается в ее бумагах, примечательна. Есть десятки писем от министров. От одного из (неполитических) заместителей секретаря - сотни. Ее собственные ответные письма столь же многочисленны. Имеется большая коллекция проектов, протоколов, ордеров, постановлений. Ее личные письма рассказывают о частых беседах с одним из министров. Был ли когда-нибудь другой случай, когда почти каждый сложный вопрос в управлении военным министерством (, кроме чисто военных) почти как само собой разумеющееся передавался частной даме, да еще и инвалиду в постели? Маловероятно, что такая ситуация когда-нибудь повторится; и становится интересно проследить "соловьиную силу" в этом вопросе до ее истоков.

Первичное объяснение простое. В большом классе вопросов, которые занимали внимание военного министерства в это время мисс Найтингейл считался первым экспертом дня. Это видно из того, что к ней обращались за консультацией в связи с работой, в пределах ее компетенции, для других ведомств, кроме военного министерства. Так, в 1865 году мистер Р. С. Райт (впоследствии судья) был назначен Колониальным министерством для подготовки отчета о состоянии колониальных тюрем. Он обратился к мисс Найтингейл с просьбой (27 апреля) "разрешить ему представить вам для критики выводы, к которым я могу прийти. Если предположить, что они будут одобрены вами, то будет большим преимуществом, если я смогу заявить, что вы их одобряете".^[42] И, во-вторых, - повторяю фразу, которую я уже применял к ней, - она была официальной наследницей Сиднея Герберта. Все, кто находился за кулисами, знали, что его работа была и ее работой, а репутация Сиднея Герберта как реформатора была очень высока. Официальный мир армии в это время разделился на два лагеря - тех, кто хотел завершить работу Герберта, и тех, кто пытался ее отменить. Мисс Найтингейл, как хранитель традиции Герберта, был незаменимым союзником первой партии против второй. Ее подруга, леди Герберт, изложила дело с ее точки зрения, когда написала (7 марта 1862 года), отвечая на письмо, в котором говорилось о большой слабости и усталости: "Если вы никогда не захотите жить ради себя, все же потерпите, дорогая, какое-то время, чтобы выполнить его работу и сохранить его память свежей в сердцах людей". Возникли некоторые вопросы реформы, против которых сэр Бенджамин Хоуз выдвинул многочисленные возражения. "Не окажет ли мисс Найтингейл услугу заместителю секретаря по политическим вопросам, предложив ответ на вопросы Хоуза?" Иногда она была единственным человеком, обладающим необходимыми документами. "У вас есть копия отчета Комитета по организации медицинской школы? У Военного министерства фактически *нет* копии, а у Медицинского департамента армии есть только неподписанный и предположительно измененный экземпляр?"

Но помимо всего этого в деле были и личные факторы. У мисс Найтингейл больше не было, правда, близкого друга во главе Военного министерства, а с преемником лорда Герберта, сэром Джорджем Льюисом, она была знакома не иначе как по переписке. В начале 1862 года он сделал предложение через сэра Гарри Верни, желая, чтобы ему была оказана честь сделать мисс Найтингейл лично знакомой. Она, однако, была слишком больна, чтобы принять его, и, зная, возможно, ее знания в классике, он послал ей несколько своих *jeux d'esprit*. Это предложение не возымело никакого умиловительного эффекта. Во многих ее письмах выражается возмущение тем, что военный министр должен писать пустяки на латыни, вместо того чтобы реформировать военное министерство. Не меньшее возмущение вызвало у нее и то, что он в свое время опубликовал научные труды по древней астрономии и египтологии.

Мистер Джоуэтт был в некотором роде того же мнения: "Я согласен с вами по поводу сэра Г. Льюиса и его книги. Я испытывал такое же отвращение к Гладстону за то, что он писал чепуху о Гомере, пока билль об Ост-Индии проходил через палату". Из этого, однако, не следует, что мистер Гладстон был бы более заинтересован в законопроекте об Ост-Индии, если бы не занимался поисками Троицы на горе Олимп, или что сэр Джордж Льюис был бы более расположен к реорганизации военного министерства, если бы не применял египтологический метод к современной истории или не переделывал "Hey diddle diddle" в латинский стих. В другом размышлении мисс Найтингейл о министре (19 февраля 1863 года) есть более острый момент: "Если бы сэр Джордж Льюис, вместо того чтобы писать "Диалог о лучших формах правления", написал (или, скорее, беззвучно сыграл) *монолог* о том, что двойная форма - худшая форма правления, Военное министерство от этого только выиграло бы". Но во время его пребывания на посту заместителем секретаря был лорд де Грей; с ним она была в очень дружеских отношениях, и он, как видно из переписки, был высокого мнения о ее знаниях, способностях и влиянии. О том, какую роль она сыграла в назначении лорда де Грея на пост государственного секретаря после смерти сэра Г. Льюиса, уже говорилось. В лице капитана Гальтона она имела постоянного союзника в Военном министерстве, а ее ежедневный помощник, доктор Сазерленд, был членом Санитарного комитета армии. А в крайнем случае, если возникала трудность, достойная такого решения, она прибегала к помощи премьер-министра.

//

Такой случай действительно возник, когда 15 мая 1862 года смерть отстранила от работы в военном министерстве старого противника мисс Найтингейл - постоянного заместителя секретаря сэра Бенджамина Хоуза. В 1861 году она пыталась реорганизовать его до незначительности, но "Бен победил Сиднея Герберта".^[43] Теперь у нее появился шанс осуществить план, который они с мистером Гербертом часто обсуждали, - сломать бюрократию и разделить канцелярию. До сих пор департаменты подчинялись постоянному заместителю секретаря; согласно плану реформы, они должны были отчитываться непосредственно перед государственным секретарем. Сэр Э. Лугард, военный заместитель секретаря, уже частично владел этой должностью. Пусть капитан Гальтон сложит с себя полномочия и возьмет вторую половину, как гражданское лицо (и, что не менее важно для нее, как убежденный и профессиональный санитар). Она донесла эту идею до премьер-министра и убедила его. Лорд Пальмерстон рассказывал ей потом, что, когда об этом назначении впервые заговорили в Конной гвардии, они сказали, что это "просто невозможно". Но премьер-министр посоветовал сэру Джорджу Льюису все же сделать это назначение.

(Мисс Найтингейл своему отцу.) 9 Честерфилд-стрит, *День рождения бедной королевы*, 1862 год. Должна сказать вам, что это первая радость, которую я испытала после смерти бедного Сидни Герберта. Лорд Пальмерстон заставил сэра Г. Льюиса в *какой-то мере* осуществить наш с мистером Гербертом план реорганизации Военного министерства. Место Хоуза на не будет занято. Гальтон будет выполнять свою работу в качестве помощника заместителя секретаря. Это влечет за собой и другие реформы. Лорд де Грей говорит, что он может реорганизовать Военное министерство с помощью капитана Гальтона, потому что сэр Г. Льюис ничего об этом не узнает и никогда не поинтересуется. Сэр Г. Льюис написал об этом (невинно) королеве вчера, и капитан Гальтон был назначен сегодня, разумеется, с отставкой от армии. Нет, сэр Чарльз Тревелиян вообще не стал бы этого делать [на месте Хоуза]. Это было бы увековечиванием принципа (против которого я боролся всю свою

официальную жизнь, *то есть* восемь лет) иметь диктатора, автократа, безответственного перед парламентом, совершенно неприступного ни с какой стороны, неподвижного в центре (так называемого) конституционного правительства и при государственном секретаре, ответственном перед парламентом. И, поскольку Тревельян лучше и умнее Хоуза, это было бы хуже для любой принципиальной реформы. Я не хочу сказать, что я первый человек, который это сделал. Но я верю, что я первый человек, который почувствовал это так горько, остро, постоянно, чтобы отказаться от жизни, здоровья, радости, приятного занятия ради такой неблагодарной работы, как эта.... Слишком поздно пришло счастье к Гальтону, как оно пришло слишком поздно ко мне. Он выглядит скорее подавленным, чем довольным. И я полагаю, что если он и испытывает какое-то удовольствие, то только от того, что теперь он может в какой-то мере осуществить планы Сиднея Герберта. И это может показаться вам некоторой компенсацией за те огромные расходы, которые я вам причиняю, ведь если бы меня здесь не было, это не было бы сделано. Если бы Сидни Герберт мог дожить до этого сам! Как бы бедняга Клаф мог дожить до этого! Он так этого хотел - ради меня.

Большие надежды, которые мисс Найтингейл возлагала на эту небольшую реорганизацию, были обречены на разочарование. Ни в качестве заместителя министра, ни после апреля 1863 года, когда он стал государственным секретарем, лорду де Грею не удалось, и я не знаю, чтобы он всерьез пытался реформировать Военное министерство в корне и полностью.^[44] Он и капитан Гальтон, по словам мисс Найтингейл, "неправильно оценили свои силы". Она неустанно проповедовала им необходимость реформ - в сезон и, как они иногда думали, не в сезон, поскольку была очень настойчивым человеком; и с помощью доктора Сазерленда она снабдила их подробными схемами. Ее принципы были столь же восхитительны, как и ее язвительная критика, когда любое нарушение этих принципов попадало в поле ее зрения. По ее словам, во всем должно быть четкое определение ответственности и логическое разграничение функций, а дело Военного министерства - готовиться к войне, а не бегать трусцой с организацией, которая может держаться в мире, но сломается в полевых условиях. Некоторые документы были представлены на ее критику (июнь 1862 года). "Что меня в них поражает, - писала она, - так это черное невежество, полное отсутствие воображения относительно состояния *войны*, в котором, похоже, находится *Военное* министерство. В самом деле, если бы это было акционерное общество по производству шкур, оно не могло бы, насколько можно судить, менее привычно созерцать, представлять или помнить о состоянии войны". Боюсь, что большинство из нас пережили времена, когда можно было бы высказать такую же критику. Будем надеяться, что теперь все это - предмет древней истории. Ей были направлены документы, касающиеся вопросов снабжения и комиссариата. До сих пор комиссариат был банкиром армии, и некоторые из постоянных чиновников не видели причин для изменений. Из своего опыта в Крыму она объяснила им причину. Путаница функций плохо сказывалась на делах.^[45] Как и должно было быть, ибо это было абсурдно. "Разве человек, который покупает быков, лучше всего подходит на роль банкира? Не лучше ли иметь отдельного казначея для армии, который бы получал все деньги и выдавал их всем департаментам? В частной жизни никто не делает своего управляющего или дворецкого банкиром. Это было бы неэкономично. Финансы - это такая же специальность, как и маркетинг, и в армии, мягко говоря, не меньше, чем в частной жизни".

///

Полная реформа Военного министерства, таким образом, должна была остаться задачей будущего; но мисс Найтингейл считала, что лорд де Грей и капитан Гальтон хорошо справились с административной работой. Многие из этого было сделано с ее помощью. С

точки зрения мисс Найтингейл, самым важным из того, что было сделано при Льюисе и де Грее, было создание на постоянной основе Комиссии по улучшению казарм и госпиталей. Она была важна, во-первых, тем, что санитарные принципы занимали ведущее место при проведении новых работ в стране. Кроме того, как уже объяснялось, она обеспечивала механизм для продвижения санитарных улучшений в Индии. Наряду с постоянством, на котором она настаивала больше всего, Комиссия не должна находиться в подчинении Медицинского департамента армии, а должна быть непосредственно ответственна перед государственным секретарем. "Лорд де Грей сказал, - писал капитан Гальтон (25 июня 1862 г.), - что он принял в точности ваше предложение об инструкциях для Комиссии". С секретарем комиссии, мистером Дж. Дж. Фредериком, мисс Найтингейл была в очень дружеских отношениях, а доктор Сазерленд был ее самым активным членом. Большинство планов новых казарм и госпиталей представлялись ей, и ее инспекция и критика были очень полезны. В 1862 году правительство собиралось построить новый военный госпиталь на Мальте. С помощью доктора Сазерленда она вникала во все детали, и ее отчет о планах занимает двадцать четыре страницы рукописи. В 1865 году сэр Хоуп Грант сменил сэра Ричарда Эйри на посту генерал-квартирмейстера и в этом качестве стал председателем Комиссии по казармам, название которой теперь было изменено на Санитарный комитет армии. Он зашел к мисс Найтингейл, "гордясь тем, что она его помнит"; и разговор, должно быть, был удовлетворительным, потому что "наш новый президент - козырь", - сообщил ей доктор Сазерленд.

Изучая планы, она всегда думала о лошадях. Когда ей прислали на рассмотрение планы кавалерийских казарм, она попросила (4 июня 1863 года), чтобы в свободных будках были окна, через которые лошади могли бы видеть. "Я говорю не понаслышке, - писала она капитану Гальтону, - а на основании личного знакомства с лошадьми, причем интимного. И уверяю вас, они говорят мне, что для их здоровья и настроения, когда они находятся в свободном боксе, крайне важно иметь окно, в которое можно выглянуть. Достаточно небольшого бычьего глаза. Я говорил об этом доктору Сазерленду, но он ничего не чувствует". На что доктор Сазерленд добавил: "Мы оборудовали такое окно, и каждая лошадь может выглянуть наружу, если захочет встать на задние ноги, прижав передние к стене. Это наименьшее усилие, которому он может подвергнуть себя, и если ваша доктрина верна, он, несомненно, сделает это". Мисс Найтингейл научилась любить армейскую лошадь в Крыму. Много лет спустя в Ирландии закрыли несколько очень плохих казарм, а людей и лошадей перевезли в Курраг. Она писала, что это сделали именно лошади. "Если нас не переведут, сказали они, мы взбунтуемся". *Военные* лошади вполне способны организовать движение. Вы когда-нибудь слышали о Джеке? Джек был безлошадным (его хозяин был убит) при взятии Балаклавы. И его видели, когда он собрал около 30 безлошадных лошадей и во главе своего отряда повел их обратно, полагаю, в штаб кавалерии. Мне не удалось выяснить, разрешал ли Джек безлошадным людям садиться на своих лошадей. Эти люди, конечно, вернулись на лошадях, но когда они обнаружили, что товарищ или офицер пропал без вести, они поскакали назад, один за другим, подняли раненого и с боем пробивались из русского меле, но многие погибли при этом - славной смертью. И когда я вижу, как лошади, которые по своим прекрасным ногам, должно быть, были охотниками или даже скакунами, скачут по Парк-Лейн галопом, пока могут стоять, я тоже говорю "славная смерть"; и лошади должны учить нас, а не мы их, долгу - как вы думаете".[46]

Все правила для военных госпиталей и их медперсонала были аналогичным образом представлены мисс Найтингейл. Она была невысокого мнения о способности мужского ума устанавливать правила для женщин-медсестер. "Объединенными усилиями, - писала она (16 февраля 1863 г.), - господ -- и -- были составлены следующие правила для женских

госпиталей: (1) Разбейте ваших медсестер на питомники и держите их на цепи, пока они не понадобятся; (2) Когда число пациентов не превышает --, держите медсестер на цепи без еды; (3) Пусть число медсестер меняется каждый день, как меняется число пациентов. Я посылаю вам *исправленную* копию, которая, если вы одобрите, может быть напечатана". К ней постоянно обращались в связи со спорами, вызванными в Нетли тяжелым нравом миссис Шоу Стюарт, суперинтенданта женского медперсонала. Она и мисс Найтингейл больше не были близкими подругами, но чувство справедливости мисс Найтингейл было сильно, и она постоянно поддерживала авторитет миссис Стюарт.

IV

Другая большая часть полуофициальной переписки касается любимого детища мисс Найтингейл, Армейской медицинской школы, и положения армейских врачей в целом. Проблем у профессоров было еще много; отношения школы с государственным секретарем, с одной стороны, и с Медицинским департаментом армии - с другой, вызывали много вопросов; а когда школа была переведена в Нетли (1863), возникли новые трудности. К мисс Найтингейл постоянно обращались, то сотрудники, то военное министерство, чтобы сгладить трудности, предложить пути выхода, уладить спорные вопросы. Военное министерство признало ее своего рода суперпрофессором. Один из сотрудников обратился за официальной санкцией на выпуск книги о работе Школы: "Лорд де Грей хочет знать, способен ли он на это, а также хорош ли предложенный им учебный план. А также получить любые критические предложения по ней, которые мисс Найтингейл могла бы любезно сообщить". Ее вердикт был благоприятным. Мне сказали, что некоторые армейские врачи современности, мало что зная о мисс Найтингейл, кроме того, что она нашла ошибку с медицинскими мероприятиями в Крыму, полагают, что она не была их другом. Ничто не может быть дальше от истины. Она обвиняла не врачей (большинством из которых она восхищалась), а систему. От первого до последнего она была самым эффективным другом, который когда-либо был у медицинской службы армии. В 1862-63 годах существует длинная серия ее писем в военное министерство, в которых она настойчиво требует улучшения их статуса и вознаграждения. Именно в связи с этим вопросом она писала капитану Гальтону (24 декабря 1863 г.): "Что касается медицинского ордера, я кроткая и смиренная, но "режусь грубо". Я - то животное, о котором говорил Бюффон: *Cet animal féroce mord tous ceux qui veulent le tuer*". Вы должны что-то сделать для этих врачей; или они сделают это для вас, просто не приходя к вам". Серия писем сэру Джеймсу Кларку в следующем году показывает, с какой настойчивостью она боролась за врачей армии и как возмущалась любыми оскорблениями в их адрес:-.

6 апреля [1864]. Я писала угрожающие письма и лорду де Грею, и капитану Гальтону по поводу ордера [офицеров-медиков]; и после того, как я указала, что восстановление ордера и увеличение жалованья сейчас необходимы, я показала, как, когда мы требуем от офицера-медика обязанностей, таких как санитарные рекомендации его командиру, которые, по сути, требуют, чтобы он имел положение джентльмена со своим командиром, - мы делаем вещи, такие как разборка его на параде, лишение его президентства на советах и т.д., которые в военной жизни, в такой степени, о которой мы не имеем ни малейшего представления в гражданской жизни, лишают его веса джентльмена среди джентльменов".

7 апреля. В.О., кажется, теперь готовы выслушать какие-то условия. Они напуганы. Они прислали мне ваше письмо. Оно было очень хорошее, очень твердое. Не будьте примирительны.

9 апреля. Я в десятый раз написал заявление на восьми страницах, с разрешением использовать его по своему усмотрению, за моей подписью, относительно намерений лорда Герберта. Но я категорически отказался писать мистеру Гладстону, который, конечно, не должен предоставлять мне то, чего не требует военный министр.

11 апреля. Нужно надеть намордник на герцога Кембриджского и сказать ему, что он *не должен* изменять королевский ордер.

15 апреля. Вы можете подумать, что я неразумен в своем гневе. Но уверяю вас, когда я пишу вежливо, я получаю вежливый ответ - и *ничего не делается*. Когда я пишу яростно, я получаю грубое письмо - и *что-то делается* (даже не всегда, а *только тогда*)".

В следующем году в Палате лордов состоялись дебаты о военных госпиталях, которые очень заинтересовали и лично затронули мисс Найтингейл. В начале марта лорд Далхаузи (в прежние времена лорд Панмур)^[47] сообщил о предложении обратить внимание на расходы на госпиталь Нетли и госпиталь Герберта соответственно, и ходили слухи, что экс-министр намеревался обрушиться на двух своих преемников, покойного лорда Герберта и лорда де Грея. Военное министерство, чтобы быть полностью готовым, направило мисс Найтингейл за краткой информацией. Она с радостью предоставила его и вступила в борьбу с большим духом. Она была очень зла, что память ее "дорогого хозяина" подвергается нападкам, но я думаю, что она не мало наслаждалась перспективой еще одной встречи с "бизоном". Она уже побеждала его раньше и была полна решимости победить его сейчас. Она посоветовала лорду де Грею не давать преимущества противнику, утаивая любые заслуги, на которые он имел справедливое право. Она вспомнила, что во время их последней встречи лорд Панмур жаловался ей на то, что она приписывает все санитарные реформы в армии Сиднею Герберту, хотя некоторые из них были начаты им самим. Она признала и посоветовала лорду де Грею признать, что лорд Панмур заслужил хорошую репутацию армии благодаря мерам, которые он предпринял в Крыму, и инициированию некоторых шагов по снижению смертности на родине. Если это признать, то защита лорда Герберта будет иметь больший вес. Вооружив государственного секретаря материалами, чтобы встретить любую атаку, которая может быть сделана, мисс Найтингейл обратился к организации второй линии обороны. Сэр Гарри Верни был отправлен спросить совета у мистера Гладстона. Мистер Гладстон решил, что для обороны следует привлечь лорда Харроуби, и обратился к нему. Мисс Найтингейл также отправила наблюдательные записки своим друзьям, лорду Шафтсбери и лорду Хоутону.^[48] Когда ходатайство лорда Далхаузи было принято, слухи оказались вполне обоснованными. Он превозносил свою больницу Нетли (не "павильонную") как идеальную, критиковал больницу Герберта ("павильонную") как дорогую игрушку в стиле "стекло и блики" и в длинной речи нападал на "расточительную" систему, которую ввел лорд Герберт, обращая внимание на "гигиенистов, которые слишком далеко зашли в своих мнениях". Полагаю, он имел в виду "этого буйного парня", мисс Найтингейл, когда "не мог не думать, что все эти ненужные безделушки в госпиталях были введены отчасти из-за привычки, которая преобладала в военном министерстве, консультироваться с гигиенистами, не связанными с армией". Личная неприязнь в этой атаке была настолько очевидна, что речь провалилась. А ответ лорда де Грея - "совершенно восхитительный", по словам мисс Найтингейл, - был настолько учтивым и в то же время убедительным, что ее "советники" единодушно сочли, что больше не нужно ни слова. Помимо личных вопросов, речь лорда Далхаузи^[49] имеет определенный исторический интерес как воплощение некоторых предрассудков, против которых мисс Найтингейл как реформатор больницы должна была бороться. Чуть позже в том же году в Палате общин возникла угроза военной атаки на санитаров, но она приняла лишь форму вопросов о голосовании, в рамках которого

появилась выплата от Военного министерства доктору Сазерленду.[50] Мисс Найтингейл направила записку в военное министерство, изложив факты и подчеркнув ценность его услуг в деле улучшения санитарных условий.

V

Это были темы, в которых мисс Найтингейл принимала непосредственное участие, но к ней обращались и по многим другим вопросам. Из переписки с Военным министерством за эти годы я узнал, что, помимо вопросов, упомянутых в этой главе, ее совета просили по таким темам, как ордер на аптеку, казармы для Цейлона, "настойки от лихорадки", инструкции по лечению холеры, фитинги для военных госпиталей, предлагаемое объединение медицинской службы в Индии и дома, организация госпиталей для солдатских жен, санитарные инструкции для Новой Зеландии, пересмотр солдатских пайков, назначение персонала в Нетли, назначение вест-индских штабных хирургов, вспышка желтой лихорадки на Бермудах, отношение комиссариатских казарм и снабжения на иностранных станциях, снабжение продовольствием на транспортах и военный трибунал в Мхоу.[51] Однажды ее попросили прислать подсказки для выступления в Палате общин. Лорду Хартингтону, тогдашнему заместителю военного министра, пришлось бы отстаивать значительное увеличение голосов за госпитальную и медицинскую службу. Крымская война и крестовый поход мисс Найтингейл увеличили расходы с 97 000 фунтов стерлингов в 1853-54 годах до 295 000 фунтов стерлингов в 1864-65 годах. "Не могли бы вы прислать мне абзац для речи лорда Хартингтона, - попросили ее, - чтобы показать основные моменты того, что нация получает за свои деньги? Что-нибудь лаконичное, в вашей лучшей манере". "Нет ничего на свете, что бы мне так понравилось", - ответила она (29 февраля 1864 года), - "как произнести речь лорда Хартингтона и встать на его место по такому случаю". Она прислала несколько метких сравнений, а на случай, если министр захочет чего-нибудь потяжелее, - подробный меморандум. Полагаю, лорд Хартингтон выбрал тяжеловесность и отверг содержательность; ведь когда мисс Найтингейл прочитала парламентский отчет, она сочла речь плохим выступлением.[52] Такого же рода ссылки на мисс Найтингейл продолжались, когда в 1866 году, после перехода лорда де Грея в Индийское министерство,[53] лорд Хартингтон стал военным министром. "Можете ли вы пролить свет, - спросили ее (21 июня 1866 года), - на положение медицинских работников *гвардии*? Это очень актуально. Все дело в ужасном беспорядке, и лорд Хартингтон очень хочет как-то урегулировать его". На следующий день от нее пришел ясный и исчерпывающий меморандум по этому вопросу.

В июле 1864 года мисс Найтингейл была привлечена к работе для Военного министерства, которая была тесно связана с ее крымским опытом и ее европейской репутацией. Именно в августе того года состоялся международный конгресс, на котором была принята знаменитая Женевская конвенция. Британскими делегатами были друг мисс Найтингейл, доктор Лонгмор, и доктор Резерфорд, и она составляла их инструкции. Принцип конвенции заключался в нейтрализации раненых под эгидой Красного Креста. Общества, созданные под эгидой Красного Креста, вскоре были организованы по всей Европе, и это движение привело к большому развитию добровольного сестринского дела в военное время.

Иногда мисс Найтингейл присылала предложения от своего имени. Она тесно общалась с солдатами и моряками, и сочувственное понимание женщины проявляется в этом письме:-.

(Мисс Найтингейл капитану Гальтону.) 21 сентября [1863]. Люди жалуются, что когда полк отплывает, многие из их жен и детей остаются позади, и солдаты не в состоянии обеспечить их, пока они не достигнут места назначения, скажем, Китая или Калькутты (после четырехмесячного плавания вокруг мыса), и не смогут послать деньги через своих капитанов

своим семьям дома. Тем временем семьи переживают пять или шесть месяцев бедственного положения. Для моряков, покидающих порт в Англии или Ирландии, Адмиралтейство предоставляет право издавать постоянный приказ о регулярной отправке определенной суммы жалования их семьям. W.O. возражает, что подобная договоренность "повлечет за собой изменения в их бухгалтерском учете". Это не повлечет никаких изменений. Речь идет о небольшом дополнении. Я готов потратить 6 ден. ст. на то, чтобы предоставить W.O. бухгалтерскую книгу, которая позволит им вести эти дополнительные счета. У.О. также возражает, что это лишит капитана возможности штрафовать солдат за любые военные проступки. Но они могут изучить систему Адмиралтейства; и хотя есть и другие способы "заниматься" солдатами, их жалование - единственное средство обеспечить хлебом их семьи, голодающие (или еще хуже) дома. Конечно, солдатам можно было бы разрешить оставлять на вероятное время плавания и на месяц или два после него сумму, которая будет еженедельно выплачиваться их представителям дома. Сэр Э. Лугард уже пробовал и потерпел неудачу. Пожалуйста, исправьте это. Но W.O. не были бы W.O., если бы не было таких вещей, как эти. И когда они перестанут быть таковыми, перестанет быть и Военное министерство".

Сатира была не единственным оружием, которое использовала мисс Найтингейл для того, чтобы добиться своего. Иногда она обращалась к мотиву соперничества. Министр задерживается? Ну, все, что она могла сказать, это то, что Сидни Герберт сделал бы это в одно мгновение. На пути были трудности, не так ли? Подчиненные чиновники нагромождали то, что они с удовольствием называли "причинами" обратного, не так ли? "В этот день много лет назад, - писала она (18 июня 1862 года), - французские пушки снова и снова пытались выбить нас со двора в Гугомоне, а мы отвечали решительными фразами, часто повторяя их, пока не удержали завоеванные позиции. Я никогда не слышал, чтобы французские пушки называли причины. И я советую вам отвечать так же, потому что другого способа ответить нет". Минута лорда де Грея - это пушка, которая просто обязана стрелять снова и снова". А иногда она, как в старые добрые времена, прибегала к издевательствам. "Я посылаю вам, - писала она (26 марта 1863 года), - мой протест по поводу Медицинской школы. Пользуйтесь им как хотите. Но если у нас ничего не получится, я направлю его лорду Пальмерстону, который, как вы знаете, дружил с нами в прошлом (после смерти Хоуза)", - это было очень кстати, поскольку именно благодаря личному обращению к лорду Пальмерстону она добилась назначения капитана Гальтона.

Был один случай, когда, как ни странно, давление, требующее оперативности и решительности, исходило не от нее, а от военного министерства. Освободилось место управляющего госпиталем в Вулвиче; ей прислали список имен с просьбой посоветовать их, но она не сразу ответила. "Я написала, - объясняла она (11 февраля 1863 года), - в различные инстанции в тот самый момент, когда ваши письма и письма лорда де Грея попали мне в руки. Ответы не терпят отлагательств. Но что бы вы подумали о моем мнении, если бы я добровольно высказала его о людях, которых знаю только по имени? Если бы вы спросили меня о лорде Уильяме Паулете, полковнике Сторксе или сэре Ричарде Эйри, я мог бы высказать свое мнение без лишней скромности. Как только у меня появится достоверная информация, вы ее получите. Но на такое расследование нужно время, иначе чего бы оно стоило? А Вулвич, я полагаю, не в огне и не с врагом у ворот?" Но по тем или иным причинам военное министерство торопилось, и назначение было сделано до того, как она навела справки. Таким образом, ее добросовестность лишила ее возможности решить вопрос о покровительстве. Впрочем, она не чувствовала себя проигравшей в таком случае. Она не была никем, кроме как подмастерьем. Как я уже рассказывал, она тянула провода при некоторых особых назначениях, когда считала, что на карту поставлено важное

общественное дело; но ею никогда не двигал личный фаворитизм или любовь к личному влиянию в интересах отдельных людей. По ее словам, на эту самую должность она получила пятьдесят писем с заявлениями, но не приняла по ним никаких мер. Лишь однажды, по ее словам, она обратилась в военное министерство за личной услугой. Это было назначение для пресвитерианского капеллана, который не был ей лично знаком, но чей тяжелый и достойный случай (как она считала) был доведен до ее сведения. Однажды ей прислали список медицинской службы армии, и министр попросил ее отметить имена для его личного и конфиденциального использования, одоблив их или нет. Она почтительно отказалась это сделать. Когда ей задавали конкретный вопрос об офицере, которого она знала в Крыму или где-либо еще, она свободно высказывала свое мнение, причем, как правило, ей удавалось выразить его остроумно; например, о некоем коменданте: "Как часто можно видеть в этих круглоголовых, краснолицых людях, у него много совести и очень мало рассудительности".

VI

Темой, к которой мисс Найтингейл проявляла большой и болезненный интерес в эти годы, было государственное регулирование порока. Законодательство 1864, 1866 и 1869 годов уже продвигалось и рассматривалось в 1862 году. Эта тема была одиозной для мисс Найтингейл, но ее опыт работы в иностранных больницах и в Скутари сделал ее особенно знакомой с ней. Ее частная переписка с врачами и офицерами показывает, что в течение нескольких лет до 1862 года она много думала и изучала этот вопрос и тщательно проверяла выводы, сделанные на основе ее личных наблюдений, статистикой и мнениями других людей. Она ненавидела систему регулирования по моральным соображениям, но в равной степени была убеждена, что доводы в ее пользу не были удовлетворительно подтверждены статистическими данными по гигиеническим соображениям. В этом вопросе с ней согласились два медика, на мнение которых она больше всего полагалась, - доктор Сазерленд и доктор Грэм Бальфур (глава статистического отдела армии). С их помощью она разработала аргументы против континентальной системы и по просьбе сэра Джорджа Льюиса, который рассматривал этот вопрос в 1862 году, написала частную статью, которая была распространена среди некоторых членов правительства и других лиц. "Ваши факты", - писал ей капитан Гальтон (29 апреля 1862 года), - "поколебали взгляды лорда де Грея на предмет полицейской инспекции". С мистером Гладстоном она имела меньший успех. Он нашел ее статью "глубоко интересной и полной важных фактов и аргументов" и сказал, что в результате прочтения ее и ее писем он должен подходить к этому вопросу "с большой осмотрительностью, а также с тревогой"; но он "сомневается в возможности сделать постоянную армию моральным институтом". В этом она глубоко расходилась с ним, и в ответной реплике настоятельно рекомендовала ничего не предпринимать, по крайней мере, до тех пор, пока не будет дано справедливое испытание другому: увеличить возможности солдат для вступления в брак, предоставить им лучшие возможности для обучения и отдыха, поощрять физические упражнения и ручные ремесла. Официальное мнение неуклонно укреплялось, однако, в направлении регулирования; и в настоящее время общественное мнение было проверено серией статей в *Times* в пользу континентальной системы. После этого мисс Найтингейл снабдила Гарриет Мартино фактами и цифрами, а на "*Таймс*" ответила "*Дейли Ньюс*". Мисс Найтингейл также напечатала свою собственную газету для более широкого, хотя все еще "частного и конфиденциального" распространения. Доктор Сазерленд рыцарски взял на себя единоличное авторство и подвергся яростным нападкам со стороны некоторых своих коллег-профессионалов. Медицинский департамент армии усердно работал над регулированием, и какой-то человек в нем, подозревая мисс Найтингейл в качестве реального лидера оппозиции, опозорил себя, отправив ей анонимное письмо с вульгарными оскорблениями. Это, конечно, не остановило ее, и, когда было

предложено законодательство, она неустанно лоббировала (через переписку) против него. Однако мнение Палаты общин в подавляющем большинстве случаев было в его пользу. Когда закон был принят, военное министерство обратилось к ней за помощью в подборе медицинских работников в соответствии с этим законом; но она отказалась прикасаться к тому, что считала проклятым делом. Это было оставлено на другой из замечательных женщин девятнадцатого века, чтобы обеспечить, после борьбы в течение шестнадцати лет, отмена законов; но хотя мисс Найтингейл уклонился от принятия публичного участия в этом крестовом походе, она дала поддержку в частном порядке миссис Джозефина Батлер. Однако позднее мисс Найтингейл несколько изменила свои взгляды.^[54]

Неспособность мисс Найтингейл в 1862-64 годах остановить движение общественного мнения в том направлении, которое ей не нравилось, усилила ее стремление продвигать то, что она считала более правильным путем. Она была душой и жизнью в штаб-квартире движения за увеличение количества читальных залов, солдатских клубов, комнат отдыха и возможностей для полезной занятости. "Я расскажу вам, - писала она преподобной матери монастыря Бермондси (3 января 1864 г.), - как я провела день Рождества и воскресенье после него, а это были два праздничных дня, за подготовкой схемы, по желанию лорда де Грея, для трудоустройства солдат по специальности". Она написала меморандум "О методах организации выставки (солдатских профессий)", и такая выставка была проведена в Олдершоте летом 1864 года.^[55] Всякий раз, когда возникала трудность, которую нужно было преодолеть, или возможность, которую нужно было использовать, обращались к мисс Найтингейл. Например, в Олдершоте шла борьба за некий заброшенный Железный дом. Партия мисс Найтингейл (поддерживаемая в военном министерстве) хотела отдать его под комнату отдыха для мужчин; Конная гвардия хотела отдать его под офицерский клуб. Уже было дано обещание в пользу первых, но сэр Джордж Льюис колебался. "Лорд де Грей считает, - писал капитан Гальтон (29 апреля 1862 года), - что лучший выход для Железного дома - это чтобы сэр Х. Верни спросил об этом сэра Г. Л. в палате, ссылаясь на его прежнее обещание, и если бы можно было договориться, чтобы Монктон Милнс, генерал Линдсей или другие лица поддержали или поддержали предложения, это побудило бы сэра Г. Л. действовать немедленно". Мисс Найтингейл заставила своих друзей-парламентариев работать, и борьба за Железный дом была выиграна. Лорду де Грею удалось добиться голосования по смете за поощрение таких мест. Мисс Найтингейл пересмотрел для него набор правил для читальных залов. Она также, по его просьбе, составила (в сотрудничестве с капитаном Пилкингтоном Джексон) опись соответствующей мебели и других приспособлений. Ее усердие в этом деле было известно за рубежом; в Монреале, Галифаксе и Гибралтаре к ней обращались офицеры, пытавшиеся создать или развить подобные инструкции. Ей часто удавалось получить для них гранты Военного министерства, а она дополняла их собственными подарками. Незначительная часть ее средств в это время уходила на подписку такого рода, как денежную, так и натуральную (столярное оборудование, доски для рогаток, книги, гравюры и тому подобное). Приятно читать письма, в которых унтер-офицеры и солдаты полков, которые служили мисс Найтингейл в Крыму, посылали благодарность через своих командиров "этой благородной леди за ее постоянный интерес к благополучию британских солдат".

Мисс Найтингейл было очень приятно, что в 1864 году ее старый друг по Скутари, генерал Сторкс, который поощрял ее в работе такого рода,^[56] был назначен командующим на Мальте. "Я очень благодарен вам, - писал он (10 ноября), - за то, что вы видели меня на днях, и могу только выразить огромное удовлетворение, которое я испытал по этому поводу. Я никогда не смогу забыть то время, когда я был связан с Вами в великой работе, которая дала такие удовлетворительные результаты, и за которую вся армия всегда будет благодарить

Вас". Если вспомнить, в каком состоянии находился солдат десять лет назад и в каком он находится сейчас, то можно только удивляться трудностям, которые вы преодолели, и результатам, которых вы достигли.... (18 ноября). Все меры, предусмотренные на Мальте, как законодательные (если потребуется), так и административные, будут представлены на ваше рассмотрение и одобрение в черновом варианте, прежде чем они будут приняты, и мне нет нужды говорить, как я буду благодарна за вашу любезную помощь". В более поздние годы мисс Найтингейл проявляла дружеский интерес к Солдатскому институту в Портсмуте, основанному мисс Сарой Робинсон. В его поддержку в 1877 году в Mansion House состоялось собрание, на котором председательствовал лорд Вулсли, и было зачитано письмо от мисс Найтингейл. "Если бы вы знали, - сказала она, - как я (или когда-то знала), разницу между нашими солдатами, о которых заботятся в теле, уме и морали, и нашими солдатами, о которых не заботятся - последние, "адский карнавал" (слова не мои), первые, лучшие парни, созданные Богом; если бы вы знали, как войска сразу после высадки окружены приглашениями к плохому всех видов, вы бы поспешили снабдить их приглашениями и средствами для хорошего всех видов: помня, что солдат - всех людей - это человек, чья жизнь сделана для него необходимостью его службы. Мы не можем надеяться сделать из всех "святых", но мы можем сделать из них людей, а не грубиянов. Если бы вы знали эти вещи так же, как я, вы бы простили меня за то, что я прошу вас, если мое бедное имя еще может быть именем вечно верного слуги солдат, поддержать работу мисс Робинсон по созданию из них людей в Портсмуте, месте, где все остальные подвергаются искушению быть грубыми".

VII

Даже многогранный интерес, описанный на предыдущих страницах и в предыдущих главах, не рассказывает всей истории о работе мисс Найтингейл в это время. Она брала под свою защиту не только британских солдат дома и в Индии, не только Военное министерство и Министерство по делам Индии, с которыми она была связана. Она была открыта любому человеческому призыву о помощи, а ее знакомство с сэром Джорджем Греем побудило ее через дружественного министра в Колониальном ведомстве предпринять попытку защитить аборигенные расы в Британских доминионах. Она встречалась с сэром Джорджем Греем в 1859 и 1860 годах, и он говорил с ней о постепенном исчезновении этих рас при соприкосновении с цивилизацией. Эта тема очень понравилась мисс Найтингейл. Ее жизненная миссия заключалась в том, чтобы стать "спасительницей" людей. Ей было стыдно думать, что ее страна, колонизируя такую большую часть мира, должна так часто вступать в контакт с низшими расами только для того, чтобы уничтожить их. В ходе беседы с сэром Джорджем Греем был поднят вопрос о том, было ли исчезновение аборигенных рас в какой-либо степени обусловлено влиянием европейских школьных правил и школьного образования. Мисс Найтингейл решила изучить этот вопрос. Она составила графики опроса, и герцог Ньюкасл (тогдашний секретарь колонии) официально разослал их в колониальные школы и колониальные больницы (1860). В последующие годы, по мере поступления каждого отчета, они передавались из колониального ведомства мисс Найтингейл. Просматривая бумаги, я заметил, что ее запросы были гораздо более подробными и обстоятельными, чем ответы. В те дни среди школьных директоров или врачей, прикрепленных к местным школам или больницам в отдаленных колониях, было не так много страстных статистиков, и результаты исследований мисс Найтингейл в этой неясной области были несколько разочаровывающими. Она обобщила информацию в докладе, который она представила на Конгрессе социальных наук в Эдинбурге в 1863 году, и который она напечатала в виде брошюры.[57] Герцог Ньюкасл разослал памфлет колониальным губернаторам и другим официальным лицам, предложив им высказать свои замечания. На конгрессе в 1864 году мисс Найтингейл представила еще один документ (также напечатанный в виде памфлета)[58]

), воплотивший в себе суть некоторых из полученных таким образом более поздних сведений. Документы, которые она получала из Колониального управления в течение нескольких лет, сохранились среди ее бумаг и составляют, как я полагаю, уникальную коллекцию информации по любопытной теме. Хотя ее исследования не привели к каким-либо положительным выводам в отношении влияния образования как такового на ухудшение состояния диких рас, они выявили значительное пренебрежение санитарными мерами предосторожности. Она указала на ошибки, допущенные в одежде, в которую во имя приличия одевали местных детей. Она широко применяла принцип, согласно которому следует помнить об их привычках жизни на открытом воздухе, особенно настаивая на важности физического и ручного обучения. Результаты обследований колониальных больниц вновь показали, что в большей части смертности виноваты предотвратимые причины - плохой дренаж, плохая вода и так далее. "Инцивилизация с присущими ей болезнями, вступая в контакт с цивилизацией без принятия специальных мер предосторожности для сохранения здоровья, всегда будет нести с собой значительное увеличение смертности из-за большей восприимчивости ее подданных к тем причинам болезней, которые в определенной степени могут быть перенесены без большого риска цивилизованными сообществами, рожденными среди них". Но главным образом мисс Найтингейл основывалась на результатах своих исследований, обращаясь с моральным призывом к совести народного мнения и правительств в колониях и на Даунинг-стрит. "Распадающиеся расы находятся в основном в Австралии, Новой Зеландии, Канаде и, возможно, в некоторых частях Южной Африки. Похоже, что они состоят в основном из племен, которые никогда не были достаточно цивилизованными или имели достаточно силы характера, чтобы образовывать постоянные поселения или строить города. У таких племен мало фиксированных привычек или их вообще нет. Но документы показывают, что в своем нецивилизованном состоянии они от природы обладают гораздо большей выносливостью, и что они сопротивляются последствиям страшных ран и травм гораздо лучше, чем цивилизованные люди. Этот последний факт убедительно свидетельствует против какой-либо природной склонности к болезненным действиям". Ход истории не показывает, что такие призывы, как у мисс Найтингейл, были полностью успешными. Похоже, как сказал мистер Фрауд, что в случае с людьми, как и в случае с другими видами творения, выживут только те дикие расы, которые смогут одомашнить себя и превратить в слуг более новых форм. Там, где есть такая способность, где труд цветных рас требуется белым людям, аборигенные расы выживают и даже процветают и размножаются; там, где этих условий нет, они не выживают. Пока, однако, вымирание коренных рас было остановлено, мисс Найтингейл была среди пионеров, указывающих путь. Ее ясный ум, опираясь на массу собранных ею фактов, воспринял определенные принципы, которыми руководствовались все практичные государственные деятели, стремившиеся защитить аборигенов и избавить цивилизацию от одного из ее позоров. Она настаивала на том, что "земли должны быть предоставлены в исключительное пользование существующим племенам". Она горячо ратовала за пресечение торговли спиртным.^[59] Она утверждала, что в формальном образовании и во всех других средствах, направленных на улучшение туземцев, "должно быть как можно меньше вмешательства в их врожденные привычки и условия", что вмешательство должно быть разумным и постепенным, и что, прежде всего, "физическая подготовка и большое количество работы на открытом воздухе существенно необходимы для успеха". Ей не удалось остановить упадок аборигенных рас, но она внесла определенный вклад в их защиту.

Таким образом, во всех различных отношениях, описанных в этой главе, мисс Найтингейл работала, но особенно в деле британской армии. Роль солдатского друга, которую она исполняла в Крыму, была разыграна на видном месте. Теперь вся ее работа выполнялась за кулисами; и выполнялась, как я уже описывал, в условиях тяжелой физической немощи. Большая часть работы была, более того, скучно и даже невесело; но она питала свою душу на более высокие вещи: -

(Мисс Найтингейл - миссис Мур.) 32 Саут-стрит, 15 декабря [1863 г.]. Дорогая преподобная матушка, я здесь, как вы видите - (дом моего шурина, где вы были так добры, что навестили меня в прошлом году - подумать только, это было больше года назад), и пробыла здесь совсем немного. Но я получила все ваши дорогие письма. И вы не можете себе представить, как сильно они меня ободряют. Они - почти единственная земная поддержка, которая у меня есть. Я была очень больна, и даже небольшая перемена, связанная с переездом сюда, выбила меня из колеи на целый месяц. Но Бог так добр, что позволяет мне продолжать заниматься своим делом. Но с таким трудом, что мне было совершенно невозможно писать даже вам. И я пишу только сейчас, потому что слышу, что вы больны. Я чувствую себя ужасно неблагодарной за то, что так и не поблагодарила вас за ваши книги. Жизнь С. Жана де ла Круа я храню с благодарностью. Я не устаю перечитывать ту часть, где он молится о воздаянии за все свои услуги: "*Domine, pati et contemni pro te*". Боюсь, я никогда не смогу попросить об этом. Но в ответ на очень небольшую услугу я получаю ее. Невозможно описать, насколько изнурительной, насколько душераздирающей была моя работа с начала июля. Я всегда, всем сердцем и душой, предлагал Богу за величайшую горечь с моей стороны, если Его (Военного министерства) работа может быть сделана. Но в последнее время ничего не делалось, и всегда потому, что не было такого человека, как Сидней Герберт, чтобы сделать это.... Я не думаю, что С. Жан де ла Круа должен был молиться об отстранении от начальства до своей смерти. Ведь, как говорит мадам де Брешар, в них больше возможностей смирить себя, умертвить себя, полностью отдаться Богу, чем в чем-либо другом. Я возвращаю житие святой Екатерины Генуэзской. Оно мне очень нравится. Это очень необычное и наводящее на размышления житие. Я так рада, что она согласилась стать директрисой госпиталя. Ибо я думаю, что для нее было гораздо лучше заставить слуг госпиталя идти правильно, чем покорно принимать их "увечья" - как бы то ни было [82] - гораздо лучше для бедных пациентов, я имею в виду.

Мне очень стыдно, что я так долго держал у себя Стефанию Терезу. Но она много читает. А я могу читать только по ночам, да и то не всегда большие книги с плотной печатью. Пожалуйста, скажите, не отослать ли мне ее обратно. И, возможно, когда-нибудь я снова одолжу ее у вас. Мне очень жаль, что бедняга С. Гонзага попал в беду. Я знаю, что такое эти комитеты. Мне приходилось иметь с ними дело почти всю жизнь.

В последнее время мои силы подводили меня чаще, чем обычно. И я не думаю, что у меня есть еще много работы - по крайней мере, если она будет продолжаться в том же духе. Бог призвал меня к работе в госпитале (как я с нежностью думал, на всю жизнь), но с тех пор я стал работать в армии, но с обещанием вернуться в госпиталь - как я думал, в качестве медбрата, но как я думаю теперь, в качестве пациента. Но св. Екатерина Сиенская сказала: "*Et toutesfois je permets cela luy advenir, afin qu'il soit plus soigneux de fuir soi mesme, & de venir & recourir à moy ... et qu'il considère que par amour je luy donne le moyen de tirer hors le chef de la vraye humilité, se reputant indigne de la paix & repos de pensée, comme mes autres serviteurs-& au contraire se reputant digne des peines qu'il souffre,*" etc.

Моя сестра с семьей иногда приезжает сюда на две-три ночи, чтобы повидаться с друзьями. Но мне удалось увидеть ее только на десять минут, а мой добрый шурин, который является одним из лучших и добрейших людей, вовсе не для своих детей.... Я послал вам обратно святого Франциска де Салеза, с большой благодарностью. Он мне понравился в своем старом платье. Мне нравится история, в которой человек теряет свой мученический венец, потому что не хочет примириться со своим врагом. Это хороший урок. Я собираюсь отослать вам С. Франциска Ксаверия. Его жизнь я всегда люблю изучать, как и жизнь всех первых отцов-иезуитов. Но как много они сделали - и как мало я С любовью и благодарностью, Ф. Н., моя дражайшая преподобная матушка.

Мисс Найтингейл никогда не забывала о цели и средствах. Она делала "Божье дело" в "Военном министерстве". Она считала, что делала это "мало", ведь часто самые усердные работники считают себя самыми невыгодными слугами. Работа часто была каторжной, но все же ее вдохновляли воспоминания о героизме в армии, ради "спасения" которой она трудилась. "Я видела сегодня [из своего окна], - писала она матери в 1863 году, - первое леве, поскольку все, кого я хотела порадовать, умерли. Меланхоличное зрелище для меня. И все же мне нравится пышность и торжественность старых ветеранов, покрытых заслуженными крестами. Для меня, видевшего, как их зарабатывали, это не пустая показуха. Это как "Мертвый марш" в "Сауле" - для меня, слышавшего его на поле боя, не пустой звук, а глубокая и славная печаль".

ГЛАВА V

ПОМОЩНИКИ, ГОСТИ И ДРУЗЬЯ (1862-1866)

Быть одному - ничто; но быть без сочувствия в толпе - это значит быть в одиночестве. Там, где не хватает сочувствия, притяжения, отданного и возвращенного, разве это не чувство голода? - Флоренс Найтингейл: *Suggestions for Thought* (1860).

Дружба должна помогать друзьям лучше справляться с работой жизни. Бенджамин Джоуэтт (1866).

Годы жизни мисс Найтингейл, описанные в этой части, были, возможно, годами ее самой тяжелой и неустанной работы. На протяжении всех этих лет, вплоть до августа 1866 года, она жила исключительно в Лондоне или в непосредственной близости от него.^[60] Она жила в ночлежках или в наемных домах до ноября 1865 года, когда ее отец снял для нее на несколько лет дом на Саут-стрит (№ 35), рядом с ее замужней сестрой. Этот дом (№ 10, когда улица была перенумерована) она занимала до самой смерти. Думаю, что в период с 1862 по 1866 год не было ни одного дня, когда бы она не занималась той или иной частью многообразной работы, описанной в предыдущих главах. Кроме того, было много другой работы, начатой в эти годы, но завершенной позже, о которой мы расскажем в одной из следующих частей. Она рассказала о своих днях мадам Моль (24 января 1865 года) и вспомнила, что "бедная женщина с 13 детьми, которая занималась стиркой, однажды сказала мне: "Ее представление о рае - это один час в день, в течение которого она ничего не может делать". Однако все, что делала мисс Найтингейл, было сделано решительно. "Меня полностью успокаивает состояние вашего здоровья, - писал ее старый друг мистер Рив (21

января 1865 года) в ответ на сообщение о делах индейцев, - гомерический настрой, в котором вы пребываете. Вы проживете сто лет. Вы напишете "Санитариаду" или "Лоурентиаду" в 24 книгах, и лорд Дерби переведет их на все известные языки. Тогда Стэнли станет лордом Дерби, но это лишь сделает вещь более уместной". Но ее работа, хотя и была очень энергичной, оказалась очень тяжелой. Она выполнялась не так, как во время Крымской войны, в азарте немедленных действий, и не так, как в последующие годы после ее возвращения, при ежедневной помощи и сочувствии ее "дорогого господина". Это была самая тяжелая работа по другой причине, о которой уже говорилось: большую часть этого позднего периода она была почти прикована к постели. Она вставала и одевалась, чтобы принять более важных посетителей-мужчин, но эти усилия сильно утомляли ее.

Объем работы, который она выполняла в таких условиях, необычен, и возникает вопрос, как она это делала. Главное объяснение можно найти у доктора Сазерленда. Читатель, возможно, заметил раз или два в письмах, написанных мисс Найтингейл такие выражения, как "Мы делаем" так и так, или "Может ли такой и такой быть отправлен к нам". Множественное число не было королевским; оно означало, что ранее она объясняла Сиднею Герберту: "Войска и я"; но в те годы, о которых пойдет речь в этой части, оно также означало ее и доктора Сазерленда. Она писала беспрестанно, но даже при этом вряд ли смогла бы выполнять свои повседневные задачи без некоторой канцелярской помощи. Она знала очень много о предметах, с которыми имела дело, и ее память была точной и цепкой; но ее способности к приобретению информации были ограничены, и часто возникали случаи, когда требовалась личная проверка или личное передвижение в поисках информации. Во всех этих вопросах доктор Сазерленд помогал ей постоянно. У него было готовое перо. Он был одним из ведущих санитарных экспертов того времени. Его профессиональные и официальные связи давали ему доступ к различным источникам информации. Его постоянная работа была в санитарной комиссии армии, а в остальное время, он разместил себя в мисс Найтингейл бек и вызов. Миссис Сазерленд в это время была ее личным секретарем по домашним делам, таким как поиск жилья и наем слуг; ее счета по-прежнему велись, и большая часть ее разнообразной корреспонденции велась ее дядей, мистером Сэмом Смитом;^[61] но во всех официальных делах ее фактотумом был доктор Сазерленд. Большая часть заметок, черновиков и меморандумов, относящихся к этим годам, среди ее бумаг написана почерком доктора Сазерленда, и иногда невозможно определить, какая часть работы принадлежит ей, а какая - ему. Часто он записывал фразы из ее разговоров и придавал им форму; в других случаях он представлял черновики на ее одобрение или исправление и снимал копии с писем, которые в итоге отправлял.

Насколько незаменимой была для нее помощь доктора Сазерленда, видно из переписки 1865 года. Капитан Гальтон прислал частное сообщение о том, что в военном министерстве обсуждается вопрос о назначении доктора Сазерленда комиссаром для расследования вспышки холеры на некоторых средиземноморских станциях. Мисс Найтингейл была очень встревожена. "У нас полно индийских дел, - писала она (1 ноября), - которые должны быть улажены до заседания парламента. Лорд Стэнли согласился заняться этим. И я взяла на себя обязательство все подготовить - я никогда бы не сделала этого, если бы думала, что д-р Сазерленд будет отправлен за границу. Вы сами знаете, что калькуттский водопровод был отправлен нам домой (по моей просьбе), и доктор С. сказал мне сегодня утром, что *он и я* должны написать отчет". И снова (15 декабря): "Ради Бога, если можете, предотвратите поездку доктора Сазерленда". Она умоляла во что бы то ни стало ничего не говорить об этом самому доктору Сазерленду, пока решение о миссии не будет принято окончательно: "Он такой ребенок, что если бы услышал об этом деле с Мальтой и Гибралтаром, то сразу же заявил бы, что его ничто не удержит в Англии". Этот "ребенок" - "ребенок" из более ранней

переписки[62] - просто любил иногда немного измениться. Хотя он был незаменим для своей хозяйки, он все же, как и в прежние времена, досаждал ей. Она считала, что ему не хватает методичности, а для нее это был один из непростительных грехов. Иногда он забывал, что сделал или обещал сделать с той или иной бумагой; он даже был способен перепутать синюю книгу. Он часто не справлялся с возложенными на него задачами. Его темперамент был несколько переменчивым, и в одном из импичментов его обвиняют в "неизлечимой расхлябанности мышления". Если это так (в чем я не сомневаюсь), то дефект должен быть врожденным, иначе долгая работа под руководством мисс Найтингейл могла бы его излечить.

Отчасти потому, что манеры доктора Сазерленда иногда дразнили ее, отчасти потому, что он был глухим, а отчасти из-за ее собственных физических недостатков, мисс Найтингейл разработала в это время метод общения с ним, который в последующие годы стал известен всем, кроме ее самых привилегированных друзей. Посетитель был принят в гостиной на первом этаже, и дали карандаш и бумагу. Для него было важно, чтобы написанное им было четким и кратким. Послание уносилось наверх, в Присутствие, а ответ, написанный таким же образом, спускался вниз. Этим обменом и ограничилась беседа. С доктором Сазерлендом у мисс Найтингейл было много личных бесед; их дела часто были слишком подробными, слишком запутанными, слишком конфиденциальными, чтобы вести их иначе; но есть сотни писем, полученных от других людей, на которых (на пустых местах или на свободных листах) есть написанные карандашом заметки, передающие ответы или сообщения доктору Сазерленду. "Ну, вы же знаете, я уже говорил об этом лорду Стэнли. Больше я ничего не могу сделать". "Да, вы *должны*". "О, благослови вас Господь, *нет*". "Вы хотите, чтобы я принял решение, чтобы вы могли сделать обратное". "Вы можете ответить на простой вопрос?" "Вы забыли все, о чем мы говорили". "Я не могу льстить вам по поводу вашей ясности". "Я нежимаю руки, пока не закончу абстракцию; и я не покину Лондон, пока она не будет закончена". "Вы сказали мне, что ничего не нужно делать. Все впереди". "Зачем вы мне это сказали? Чтобы я не беспокоил вас?" "Ничего не было сделано. Я так волновался, но чем больше рвения я испытываю, тем безразличнее вы". Иногда он бросает работу или отказывается отвечать, подписывая свое имя рисунком сухого насоса с ручкой, помеченной "F.N.": "Ваш насос пересох. Индия стоит". Иногда он высмеивает ее деловитые методы и озаглавливает свои заметки "Ref.⁽⁰⁰⁰⁰⁰⁰⁾/₍₀₀₀₎". Иногда он умоляет о болезни. "Мне очень жаль, но я был слишком болен, чтобы знать что-то, кроме того, что я болен". Часто он принимал посетителей за нее или развлекал их от ее имени за обедом или ужином. "Пришли эти двое. Не могли бы вы принять их от меня? Я объяснил, кто вы". "Обед был хорошим? Он ел?" "Он ходил?" "Да". "Тогда он лжец; он сказал мне, что не может двигаться". В 1865-66 годах доктор и миссис Сазерленд переехали из Финчли в Норвуд. Мисс Найтингейл жаловалась на эту отдаленность. Доктор Сазерленд датировал свои письма "Заливом". Иногда он оставался там, жалуясь на недомогание, вместо того чтобы приехать на Саут-стрит, где были неотложные дела. Мисс Найтингейл не приняла эту причину, и его письма начинались так: "Уважаемый враг" или "Дорогой воющий друг-эпилептик". Однажды утром (23 июня 1865 года) доктор Сазерленд отправился на частный осмотр больницы Герберта - большое событие для мисс Найтингейл. После обеда он позвонил и передал ей короткую записку о том, что увидел. "И это все, что вы соизволили мне сообщить. И я получу ее в 4 часа". Конечно, они понимали друг друга; они были старыми и близкими друзьями. Но я думаю, что человек, который так служил с мисс Найтингейл, должен был иметь большое и бескорыстное рвение к делу, которым они занимались; и что в леди-главнокомандующей должно было быть что-то одновременно грозное и очаровательное.

Давление работы в эти годы заставило мисс Найтингейл решительно закрыть свои двери. Она действительно часто видел своего отца, ее мать и сестра иногда, хотя она не давила на них, чтобы прийти. Другие родственники и многие из ее друзей были огорчены тем, что она не приняла помощь, которую они хотели бы оказать. Но у нее было правило жизни, которого она твердо придерживалась. У нее было так много сил, которые, скорее всего (как она все еще полагала), закончатся ранней смертью; было так много общественной работы, которую нужно было сделать; не было сил на семью или друзей, кроме тех случаев, когда они помогали, а не мешали общественной работе. Время от времени она виделась с медсестрами и матронами: они были частью ее жизни. Она видела леди Герберт и миссис Брейсбридж: они были частью ее работы в прошлом. Она не преминула написать леди Герберт в годовщину смерти лорда Герберта, хотя их дружба утратила былую близость, когда в 1865 году леди Герберт перешла в Римскую церковь. Другие друзья появлялись редко. Письма к старой подруге, которую иногда принимали, а иногда отворачивались, объясняют точку зрения мисс Найтингейл:-.

(*Мадам Моль.*) 115 Парк-Стрит, 30 июля [1864]. Вы окажете мне услугу, если придете ко мне. 2 августа - ужасная годовщина для меня. И у меня не будет моего обычного утешения, потому что миссис Брейсбридж всегда приезжала провести этот день со мной, и я уверена, что она приехала бы и в этом году, но я не могу сказать, успею ли я к этому времени снять вещи сэра Джона Лоуренса. Мне полезно быть с вами, как и с миссис Клайв, потому что это сводит индивидуальную борьбу к общим формулам. Мне, одинокому человеку, вредно общаться с людьми, которые поступают наоборот. Но неправильно говорить, как миссис Клайв, что "я не позволю людям помочь мне", или, как другие, что "никто не может мне помочь". Мне мог бы помочь любой человек, знающий, как читать и писать и который знает, который час.

23 июня [1865], Южная улица. Кларки Моул Дарлинг - как бы мне хотелось увидеть тебя сейчас. Но это совершенно, совершенно, совершенно невозможно. Я уверен, что никто и никогда не отказывался так сильно от жизни, не жаждал так сильно умереть, как я, и отказываюсь ежедневно. Это единственная заслуга, на которую я претендую. Я буду жить, если смогу. Я буду очень рад, если не смогу. Я перегружен делами. И у меня есть индийский служащий, который сейчас в Лондоне, и у него много работы каждый день в моем доме. У меня едва ли найдется хотя бы полчаса для отдыха. Не могли бы вы, если вы пишете, рассказать мсье Молю о предполагаемом визите королевы Голландии ко мне? Я действительно считаю большой честью, что она хочет меня видеть. Она - королева королев. Но это совершенно, совершенно, совершенно невозможно.... (4 октября [1865]). Я так слаба, никто не знает, насколько я слаба. Вчера из-за того, что я видел доктора Сазерленда несколько минут после обеда, после утренней работы, и мою добрую миссис Сазерленд несколько минут после него, я пролежал со спазмом сердца до 7 часов утра и был почти не в состоянии работать весь день.

В случае с одним уважаемым посетителем Лондона мисс Найтингейл сделала исключение. Это был Гарибальди. Она была заклятой гарибальдийкой, как мы слышали. Он хотел ее видеть; она была знаменита в Италии, и она подписалась на его фонды. Друзья говорили ей, что она может повлиять на героя в сторону своих интересов, и она с некоторым трепетом готовилась принять его. "Я думаю, - писал мистер Джоуэтт, - что мы можем доверять Богу в том, что он даст нам свое спокойствие и ясность в любом великом случае, подобном этому. Я надеюсь, что вы вдохновите Гарибальди на будущее и не будете слишком сильно мучить его прошлым. Еще десять лет такой жизни, как у него, могли бы дать почти все для Италии в плане военной организации, санитарных и моральных улучшений - если бы он только видел,

что его долг не в том, чтобы сломить еще незрелые силы Италии об австрийские крепости". Мисс Найтингейл готовилась к "великому событию", записывая по-французски, что она попытается сказать. "Eh bien! За пять лет вы сделали Италию - работу пяти веков. Вы сотворили чудо. Но даже вы, mon Général, не смогли бы сделать паровой двигатель за пять минут. И Италию нужно объединить в мощную машину, подобную тем, что вы видели в Бедфорде", и так далее, и так далее. Она пыталась сохранить факт интервью в тайне, но о нем писали в газетах[63] :-.

(Мисс Найтингейл - Гарриет Мартино.) 115 Park St., 28 апреля [1864]. Вы, наверное, слышали, что я видела Гарибальди. Я всеми силами сопротивлялась этому, но была вынуждена это сделать. Я никого не просил смотреть на него, никому не говорил, и он приехал в карете моего шурина, надеясь, что никто не узнает. Но все это не удалось. Мы долго беседовали в одиночестве. Я был поражен величиим этого благородного сердца - полного горечи, но не горького - и малостью административных возможностей больше, чем даже ожидал. Он жаждет правительства "как у англичан". Но он знает, что это такое, не больше, чем его король Бомба. (Один год такой жизни, какую я вел в течение десяти лет, рассказал бы ему больше о том, как приходится давать и брать в [91] "представительном правительстве", чем все его утопии и "идеалы". Вы улыбнетесь. Но он напоминает мне Платона. Он говорит об "идеальном добре" и "идеальном зле", о том, что его не волнует ни "repubblica", ни "monarchia": он хочет только "правильного". Увы, увy! Какая жалость - эта абсолютная непрактичность! Я очень жалею себя. И из всех моих лет этот последний был самым тяжелым. Но теперь я вижу, что ни один человек не вынес бы того, что я терпел в течение десяти лет, чтобы сделать хотя бы то небольшое, что я сделал, - а это примерно сотая часть того, к чему я стремился". Гарибальди выглядит раскрасневшимся и очень больным, измученным и подавленным, но не взволнованным. Он выглядит так, словно стоял и переживал все это, как стоял под пулями Аспромонте - долг, который он должен был здесь выполнить. Безумие итальянцев, призывающих его, просто немыслимо.

Мисс Найтингейл, как мы можем с уверенностью заключить, не вдохновляла Гарибальди божественным рвением к санитарной реформе или какому-либо чисто административному прогрессу. Управление в любом виде было чуждо его гению. Но после беседы, не меньше, чем до нее, она чувствовала, что для нее это большой повод. Интервью состоялось на Парк-Стрит, 115, в доме, принадлежащем отелю "Гросвенор", и она подарила отелю бюст Гарибальди на память об этом событии.

Другим ее героем был Авраам Линкольн, о котором она написала вот такую благодарность[64] :-.

34 Саут-стрит, 20 июня [1865 г.]. Дорогой господин, я не осмеливалась обратиться к вам со своими слабыми словами сочувствия в то время, когда вся Европа вливалась в вас свое искреннее сочувствие. Мой опыт был бесконечно мал. И все же, как бы ни был он мал, он связан с историческими событиями. И я не могу вспомнить времени - даже когда колоссальное бедствие Крыма впервые стало известно нам, даже когда мы потеряли нашего собственного Альберта (а наш Альберт не был обычным героем - вспомните, что это был не государь, а Вашингтон, которого он ставил в пример себе и своим) - я не могу вспомнить времени, когда столь глубокий и сильный крик чувств поднялся в мире, во всей его длине и ширине, и во всех его классах, как поднялся для вас и ваших - в вашем великом испытании: Смерть мистера Линкольна. Как кто-то сказал о нем, он займет "самое чистое и самое великое место в истории". Я верю и верю, что деяния, которые появятся из этой [92] благородной могилы, будут достойны ее. Я не буду отнимать ваше время слабым выражением глубокого сочувствия. Искренне ваша, Флоренс Найтингейл.

Дома политическое событие, которое больше всего тронуло ее, - это смерть лорда Пальмерстона.

(Мисс Найтингейл - доктору Фарру) 34 South Street, Oct. 19 [1865] Лд. Пальмерстон - большая потеря. Я говорю от имени страны и от себя лично. Он был для меня сильным защитником - особенно после смерти Сидни Герберта. Я никогда не просил его ни о чем - можете быть уверены, я не часто его просил, - но он делал это на протяжении последних девяти лет. Он поступил несправедливо. Если нужно было сделать что-то правильное, он отшучивался, но делал это. Он не оставит свой след в эпохе, но он сослужил стране хорошую службу". За исключением Л. Наполеона, чья смерть может быть величайшим благом или величайшим злом, я сомневаюсь, что есть потеря какого-либо человека, которая так затронет Европу.... Он был в душе самым либеральным человеком, который у нас остался. В его лице я потерял могущественного друга. Я слышал, как говорят о его преемниках - Кларендоне, Расселе, Грэнвилле. Лд. Кларендон, как говорят, желает королева, и она переписывается с ним в частном порядке - возможно, по желанию самого Лд. Пальмерстона. Но я полагаю, что главный вопрос заключается в том, при ком из них (если таковые имеются) ваш мистер Гладстон согласится остаться на посту и быть лидером ХО. Ни один из этих людей не будет управлять кабинетом так, как это делал лд. Пальмерстон. Но я осмелюсь предположить, что у вас есть более достоверная информация, чем у меня. Я бы хотел, чтобы Лд. Пальмерстон прожил еще одну сессию. Мы должны были бы добиться чего-то в Совете по делам бедных, чего не произойдет сейчас.^[65] Лд. Рассел такой раздражительный. Я очень боюсь его премьерства, если оно наступит.

///

Интерес мисс Найтингейл к рабочим классам привел ее в 1865 году к разработке схемы, которая в некоторых своих аспектах предвосхитила идеи более позднего поколения социальных реформаторов. Мистер Гладстон недавно принял закон, позволяющий вкладывать средства вкладчиков в Почтовый сберегательный банк для приобретения либо аннуитета, либо страховки. По ее мнению, было бы очень целесообразно добавить к этим способам накопления средств возможность приобретения небольших земельных участков. Ничто так не желанно для рабочих людей, как владение домом или участком земли. Расширение мелкого землевладения удовлетворило бы законную тягу, усилило бы мотивы к бережливости, повысило бы социальное положение и независимость рабочих классов. Если принятие этой схемы приведет к необходимости лишить права собственности арендаторов, тем лучше. Таковы были идеи мисс Найтингейл, и в разных формах и разными методами они занимают внимание социальных реформаторов и по сей день. Она представила свою схему мистеру Вильерсу, президенту Совета по делам бедных, который, судя по всему, отнесся к ней благосклонно. Затем она обратилась к канцлеру казначейства, хитроумно намекнув, что ее план, с одной стороны, является лишь небольшим развитием его "наиболее успешных мер по сберегательному банку", а с другой - косвенным средством удовлетворения его искреннего желания расширить избирательное право. Но мистер Гладстон не поддался на уговоры. "Не стоит, - сказал он ей, - правительству становиться землевладельцами" - мнение, которое, похоже, не разделяли некоторые преемники мистера Гладстона. Далее он предложил представить эту схему в ее юридическом аспекте своему другу мистеру Раунделлу Палмеру, и мистер Палмер, прочитав ее, пришел к выводу, что закон уже предоставляет достаточные возможности для приобретения свободных земель рабочими и другими людьми. Мисс Найтингейл затем взяла другие юридические мнения, чтобы встретить возражения; но вскоре она отказалась от этого дополнения к своим схемам. "Это

была, конечно, - сказала она, - самая дикая из идей, чтобы я взялась за это именно сейчас, когда я едва ли смогу сделать то, что уже сделала".

IV

Хотя в это время мисс Найтингейл мало виделась со своими друзьями или родственниками, она постоянно переписывалась с ними. Есть много писем, которые рассказывают о ее горе в связи со смертью ее кузины, мисс Хилари Бонэм Картер: "золотая чаша разбита," она написала мадам Моль (8 сентября 1865 года), "и это было самое чистое золото, которое я когда-либо знал." Есть письма от многих корреспондентов - леди Августа Брюс, например, и миссис Уильям Коупер - которые показывают, как глубоко они были тронуты мисс Найтингейл письма соболезнования. Ее собственное горе оставляло место для сочувствия к чужим:.

(Доктору Фарру.) Хэмпстед, 5 августа [1864].... Мне жаль слышать о вашем горе. Я не нахожу, что мое сердце закрыто для чужих горестей, и мне было бы более чем интересно узнать о *ваших* - *вы*, который был нашим верным другом на протяжении стольких лет. Я слышал о смерти вашего отца, но не слышал о других потерях. Сидни Герберта нет в живых уже три года, 2-го числа. И эти три года были ничем иным, как медленным подрывом всего, что он сделал (в W.O.). Это самое горькое горе. Простое личное стремление к присутствию любимого человека я воспринимаю как ничто. Максимум несколько лет, и все будет кончено. Но другое никогда не закончится. Что касается меня, то я с нетерпением жду возможности продолжить работу Бога в другом из его миров. Я не жажду вновь увидеть тех, кого потерял (в следующем мире), - я уверен, что все придет в свое время, и уверен в своей готовности работать в любом из Его миров, где я буду наиболее востребован, с этими дорогими соратниками или без них, как Ему будет угодно. Но это ничуть не смягчает боль от того, что люди бессовестно портили здесь работу одних из лучших Его работников. Но я буду помнить о вашей вере в то, что добрые дела никогда не умирают. Увы! Добрый Туллок. Но я думаю, что его работа была сделана. Прошу вас, если вы говорите о нем, помните: если бы не он, где были бы две наши армейские санитарные инспекции?

Большой круг корреспондентов мисс Найтингейл поддерживал ее связь с литературным, а также политическим миром. Она сильно страдала от бессонницы и много читала по ночам. Она редко читала книгу, не найдя в ней ничего оригинального или характерного. "В последнее время, - писала она М. Молю (24 января 1865 года), - я читала английский перевод "Рубаията" Омара Хайяма. Он интересует меня с теологической точки зрения. В остальном он кажется бедной слабой смесью Магомета и Мефистофеля. Но аргументы, которые он презирает, кажутся мне настоящими аргументами, единственными аргументами, если только мы верим в Совершенного Бога, для вечного существования. Расскажите мне немного об этом, а также о суфиях и Фирдоуси - о том, как они верили в Бога и был ли этот Бог добрым или злым, если был". Омар был новичком для М. Моля. Мисс Найтингейл одолжила ему версию Фиц-Джеральда, [66], и М. Моль прочитала оригинал. "Весть о том, - писала она (21 апреля), - что вы, возможно, напечатаете четверостишия Аль-Хайяма, вызывает радость в (не очень большом, но) избранном кругу, я сообщила об этом в "надлежащий квартал" (видите, как нас всех мажут одной и той же официальной палкой). Если вы пришлете мне экземпляр, я немедленно стану важной персоной". "Я прочитала несколько "Записок" мадам Ролан", - писала она мадам Моль (20 мая 1865 года): "Но, знаете ли, я была так разочарована, узнав, что ее патриотизм был вдохновлен любовником. Не то чтобы меня сильно волновала добродетель: я считаю, что "добродетель" сама по себе - очень второсортная добродетель. Но я надеялся, что есть хоть одна женщина, которая заботится о республике как о единственной или главной из своих забот". "Прочтите" (мадам Моль, 8 сентября 1865 года), "если вы еще не читали "Атланту в Калидоне" Суинберна. Простите ему, что он подражает

греческой пьесе. Это ее худший недостаток. Как вы сказали о "*Повестях*" Маколея: "Они похожи на старика в сарафане"; или, как я должен сказать об этой: "Она похожа на пуританина, одетого как священник, собирающийся совершить мессу". Но прочтите это. В самой Аталанте, хотя она всего лишь разновидность Джинна, а вовсе не женщина, больше реальности, больше характера, больше индивидуальности (чтобы использовать плохое слово), чем во всех молодых премьерах всех мужчин-романистов, которых я когда-либо читал - Вальтера Скотта, Литтона Бульвера и всех их. Но тогда Аталанта не является разумным воплощением какого-либо "социального или экономического принципа", не так ли? Так скажут мужчины".

V

На более высокие темы корреспондент, которому мисс Найтингейл писал наиболее полно от ее сердца был с этого времени вперед г-н Джоуэтт. Их знакомство, сначала ограниченное бумагой, началось, как описано в предыдущей главе, с переписки по поводу ее "*Предложений к размышлению*". Эта работа очень заинтересовала его, и время от времени он продолжал писать ей о ней. Он хотел, чтобы она что-то сделала со своими "*Предложениями*", но переписала их в более связной форме и в более мягком настроении, и иногда давал намеки на иронию, менее горькую, чем у нее. Ее письма к нему больше не сохранились, за исключением нескольких, копии которых она сохранила; но из видно, что уже в 1862 году она передала ему большую часть своего интимного доверия. Теперь она встретила нового друга, способного проникнуть в ее самые сокровенные и высокие мысли, не всегда соглашаясь, но всегда с сочувственным пониманием. "Поскольку вы оказали мне такое доверие, - писал он впоследствии, - я испытываю сильнейшее желание помочь вам всем, чем могу, не вмешиваясь". И снова: "Я не могу не пожелать вам (так искренне, как я никогда ничего не желал) неугасающей надежды, доверия и решимости продолжать вашу работу до конца, а также много лучей света, чтобы подбодрить вас на этом пути". Чуть позже, раскланиваясь с авантюристкой, мистер Джоуэтт поинтересовался, занимается ли она санитарными вопросами индейцев? У него была "причина интересоваться ими, потому что я потерял двух своих братьев в Индии". Мисс Найтингейл, как мы уже слышали, был заинтересован ни в чем другом так сильно в это время, и здесь была новая связь симпатии. Она спросила, будет ли он, зная о ее религиозных взглядах, приходить и совершать над ней Таинство, поскольку она совершенно не может выйти из своей комнаты. "Я буду очень рад, - писал он (3 октября), - совершить над вами Таинство. Уверен, что и многие другие священнослужители будут не менее рады. Не хотите ли вы, чтобы мистер и миссис Смит или кто-то из их семьи присоединился к вам?" Таинство часто совершалось таким образом, и самые близкие друзья мисс Найтингейл, такие как миссис Брейсбридж или кто-то из ее семьи, обычно принимали участие в обряде вместе с ней. В одном из ранних таких случаев мистер Джоуэтт познакомился с ее родителями, а в 1862 году нанес первый из своих визитов, которые впоследствии стали частыми, к ним в страну. В их письмах он часто фигурирует как "этот великий и добрый человек" или "этот истинный святой, мистер Джоуэтт". И с этой даты также начал свои частые визиты - обычно много раз в год - мисс Найтингейл сама; действительно, он был редко, если никогда, в Лондоне, не проводя день с ней. Если у нее в доме останавливались друзья - например, М. и мадам Моль, - он иногда заходил к ним пообедать.

"Дорогая мисс Найтингейл, - писал мистер Джоуэтт (28 октября), - я всегда буду рассматривать то обстоятельство, что вы причащались, как торжественное событие в моей жизни, которое является призывом посвятить себя служению Богу и людям (если Он даст мне

на это силы). Ваш пример будет часто стоять передо мной, особенно если мне доведется продолжать свою работу в условиях телесных страданий. Я хочу сказать вам кое-что, что едва ли знаю, как выразить". Затем последовал первый из длинного ряда духовных наставлений. Мистер Джоуэтт, как видно, был очень высокого мнения о гении мисс Найтингейл, искренне восхищался ее самоотверженностью и испытывал к ней глубокую привязанность. Но он считал, что она в какой-то мере использует свою жизнь не лучшим образом и что ее физические и душевные страдания в какой-то мере являются результатом слишком бурного нрава. Письмо за письмом, полные прекрасного и тонкого сочувствия, он шептал ей на ухо советы о спокойствии, доверии, умеренности. Она, похоже, держала его в курсе всех своих крестовых походов, и он постоянно боялся, что она будет сражаться слишком яростно или даже (в данном случае это был совершенно ненужный страх) выйдет на открытое пространство. "Дар быть невидимым, - писал он (22 апреля 1863 года), - очень нужен любому, кто оказывает хорошее влияние на других". Хотя Дебора и Варак работают вместе, Сисера, начальник воинства, не должен подозревать, что он попал в руки женщины". "Я надеюсь, - писал он (март 1865 года), - что вы не оставите свое инкогнито. Это серьезно повредит вашему влиянию, если станет известно, что вы имеете влияние". (Знаете ли вы барона Стокмара, которого сэр Роберт Пил называл одним из самых влиятельных людей в Европе? Вряд ли кто-то в Англии, кроме королей и королев, знал о его существовании. Это был образец для подражания). Если вы ответите (анонимно, как я надеюсь, если вообще ответите), могу я попросить вас отвечать только фактами и без малейших чувств?" Когда он аплодирует какому-то удару, он призывает ее найти в победе покой и утешение. "Все это, - писал он (26 февраля 1865 года), - по моему глубокому убеждению, не было бы достигнуто, если бы не ваша ясность взгляда и целеустремленность. Разве это не повод для благодарности Богу? Я читал в "Гротте" рассказ о попытке спартанской революции во времена Агесилая. Одной из главных задач эфоров было не дать спартанской молодежи попасть под влияние женщины (имя неизвестно), которая подстрекала к восстанию. Не думаете ли вы, что эта женщина могла быть вами в каком-то прошлом состоянии существования?" Мисс Найтингейл, возможно, в некотором оправдании своего рвения к действию, полностью открыла свое сердце мистеру Джоуэтту о своем чувстве потери в смерти Сидни Герберта; объясняя свое одиночество в работе, и все же ее непреодолимое желание завершить, пока силы еще даны ей, "совместную работу" ее друга и ее самой. "Я часто чувствовал, - ответил он (7 августа 1865 года), - каким крушением и разорением должна была стать для вас смерть лорда Герберта. Вы так много для него сделали, а он так быстро рос в себе и в общественной оценке, что, казалось, не было границ тому, чего он мог бы добиться. Он мог бы стать одним из самых популярных и влиятельных премьер-министров в этой стране - человеком, способным провести нас через социальные и церковные вопросы, которые возникают все чаще. И вы сыграли бы огромную роль в его работе и наполнили бы его всеми благородными и полезными амбициями. Не думайте, что я не чувствую и не понимаю всего этого. (И вы могли бы сделать меня деканом Крайст-Черч - единственное звание, которое я хотел бы получить, и я бы реформировал университет и издевался над канониками). Но Богу было угодно, чтобы всего этого не было, и нам это тоже должно быть угодно, и мы должны продолжать борьбу с большими трудностями, с более тяжелым и болезненным трудом и меньшим успехом, но все же никогда не дрогнуть, пока длится жизнь". Не дрожать, но и не волноваться и не раздражаться: таково было бремя увещеваний мистера Джоуэтта. "Иногда я думаю, - писал он (9 июля 1865 года), - что вам следует серьезно подумать о том, как можно продолжать свою работу не с меньшей энергией, а в более спокойном духе. Подумайте, что дело Божье не томится и не отдыхает, и что мы должны выполнять его в духе порядка, который царит в мире. Я не виню прошлое (кто станет винить вас, посветившего свою жизнь благу других?). Но я хочу, чтобы мир Божий поселился в

будущем. Возможно, вам покажется, что, призывая вас к этому, я действительно не могу составить никакого представления о ваших страданиях. Увы, дорогой друг, боюсь, что так оно и есть. И все же я должен умолять вас не отвлекаться от них. Не напрасен ли этот мотив - совершенствоваться через страдания?" Это пустая спекуляция - задаваться вопросом, могли бы люди, совершившие великие дела в мире, сделать столько же, больше или лучше, если бы они были другими, чем они были. Спокойствие - это хорошо, но оно не всегда является источником действия. Если бы мисс Найтингейл была менее нетерпеливой и порывистой, она могла бы после возвращения из Крыма вообще ничего не делать. Но, возможно, уже в моменты усталости во время битвы и все чаще, когда тени удлинялись в задумчивый вечер ее дней, она могла почувствовать, что есть какая-то правда в успокаивающих советах дружбы мистера Джоуэтта.

Что мисс Найтингейл ответила на его чувства привязанности показано очень ясно, как она приняла его наставления. Обычно она не была кроткой даже под мягкими упреками своих друзей; но, насколько можно судить по письмам мистера Джоуэтта, она никогда не обижалась на его слова; она не выражала ничего, кроме благодарности. Я не думаю, что она никогда не отвечала. Он советовал ей, как и всем, читать Босуэлла. Из одного из его писем я понял, что она, возможно, напомнила ему о любви доктора Джонсона к хорошим ненавистникам, и мистер Джоуэтт обещает в будущем постараться удовлетворить ее в этом отношении. И, насколько это было в его силах, он, похоже, сдержал свое слово. "Повесить Гебдомадальский совет", - писал он; или о некоем заседании другого органа: "Против меня выступали два дурака и один плут". Есть отрывки о "негодях" и "жуликоватых слонах" и "зверях", которые почти так же откровенны, как и сама мисс Найтингейл в этом роде. Она в полной мере откликнулась на сочувствие, которое он ей оказал. Она заботилась о его здоровье. Он пообещал сократить часы чтения и никогда больше не работать после полуночи. "Я не могу устоять перед таким протестом, как ваш. Я думаю, что вы выбьете ворота рая или ада. Серьезно, я буду думать о вашем письме, пока жив, дорогой друг". Она просила сообщать ей о каждом шаге в академических спорах, которые касались его, о решении по делу "*Эссе и рецензий*", о споре по поводу греческой профессуры и так далее. Он рассказывал ей даже о глупостях на собраниях в колледже - "не побить, - говорил он об одном из них, - даже ваше военное министерство". "Я думаю, вы единственный человек, - писал он (1865), - который ободряет меня в отношении моей работы в Оксфорде. Я не могу быть слишком благодарен за ваши слова". "Я рад, - пишет он снова (27 октября 1866 года), - что у меня есть друг, которому небезразлично, преуспел ли я в каком-то деле в Оксфорде". Она, как видно из его писем, писала ему не только о своих трудностях и интересах, но и о своих; а он, со своей стороны, обсуждал все ее проблемы. Он хотел, чтобы она больше не тратила себя "на конфликты с правительственными учреждениями", а посвятила свои мысли какой-нибудь литературной работе, в которой успех зависел бы только от нее самой. Кроме того, в такой работе он, возможно, мог бы ей помочь. Она, со своей стороны, хотела бы помочь ему с проповедью, подготовка к которой изводила его, и среди ее бумаг есть длинный черновик предложенных ею глав рассуждений об отношении религии к политике. "Я иногда пользуюсь *вашими* подсказками", - писал он ранее. "Один мой ученик питает страсть к общественной жизни и, имея средства, скорее всего, попадет в парламент. Я сказал ему: "Ты фанатик, с этим ничего не поделаешь, но ты должен стараться быть "рациональным фанатиком"". Каждый из друзей очень высоко оценивал способности и заслуги другого. "Нет ничего, чего бы ты не смогла добиться", - говорит он ей. Он отвергает то, что она, должно быть, сказала о нем с наигранным пренебрежением: "Насчет Элайджи - вы, должно быть, имеете в виду достопочтенного. Элайджу Пограма. Нет другого Элайджи, на которого я был бы хоть сколько-нибудь похож". И каждый из них ценил дружбу как

средство, позволяющее им обоим служить Богу более искренне. "Дух двадцать третьего псалма и дух девяностого псалма должны быть едины в нашей жизни".

Дружба с мистером Джоуэттом, несомненно, была самым большим утешением мисс Найтингейл в эти напряженные годы. Она была погружена в официальную рутину, никогда не забывая, правда, о цели в средствах, но тяжело переживала и мучилась от трудностей и разочарований обстоятельств. Письма и беседы ее подруги поднимали ее над конфликтом в более чистую и спокойную атмосферу. Не то чтобы мистер Джоуэтт был тихим человеком; она бы не стала его уважать, если бы он был таким; но, хотя он и был в мире, он не был из него; он не был запятнан пылью большой дороги. Были у нее, правда, и другие, еще более немирские подруги - монахини в монастырях, матроны или медсестры в больницах. С ними она тоже обменивалась интимными секретами в духовных вопросах; но их точка зрения не совпадала с ее, и обмен мог происходить только с мысленными оговорками с ее стороны. Мистеру Джоуэтту она могла безоговорочно открыть свои самые искренние мысли. И тогда самые дорогие из ее друзей выражали ей почти обожание, в то время как некоторые из тех, кто был отчужден, высказывали лишь несимпатичную критику. Только от мистера Джоуэтта она услышала язык ласковых и понимающих возражений. Она слушала его с радостью, потому что знала, что это сочувствие, и потому что чувствовала, что характер ее друга созвучен ее собственным высоким идеалам.

Через тридцать лет после даты, в которой мы сейчас пришли (1866), мисс Найтингейл прочитала сотни писем, которые она получила и сохранила от мистера Джоуэтта. Она сделала обширные выписки из них карандашом, и послал несколько из них в его биографов. Многие из его писем к ней были включены в его "*Жизнь*", хотя имя получателя не раскрывалось. При жизни она ревностно относилась к тайне своей жизни. Однажды она упрекнула мистера Джоуэтта за то, что он принял копию статуэтки ее кузена. Он объяснил, что положил ее туда, где ее не будут замечать. "Я считаю вас, - уже писал он, - своего рода королевской персоной, о которой не стоит сплетничать с кем бы то ни было". Письма к ней, опубликованные до сих пор, были отобраны, чтобы пролить свет на его взгляды. В этом мемуаре, в котором было решено дать (если это возможно) правдивую картину ее жизни и характера, я выбираю скорее те письма, которые показывают влияние его характера на ее. Следующее было отмечено мисс Найтингейл как "одно из самых красивых, если не самое красивое, из всей коллекции":...

Аскригг, *июль* [1864]. Боюсь, что трудолюбивые люди - очень плохие корреспонденты, по крайней мере, я знаю, что я такой, иначе мне давно следовало бы написать вам, что я всегда с удовольствием делаю. Но Платон, который то ли мой величайший друг, то ли мой величайший враг и который в конце концов раздулся в три больших тома (вы заметите, что я горжусь размерами своего детища), виноват в том, что помешал мне. Это место, в котором я пробуду еще около пяти недель, находится в верховьях Венслейдейла, высоко среди гор в красивейшей стране, [102] и, что, как мне кажется, значительно усиливает очарование страны, очень приятной для простоты и интеллигентности людей. Среди удовольствий, которые я испытываю здесь и которые, несмотря на Платона, действительно очень велики, я не могу не вспомнить вас на Парк-Стрит, 115. Мне бы хотелось, чтобы вы решились увидеть еще что-нибудь из достопримечательностей и звуков природы. Вы никогда не убедите меня в том, что ваш образ жизни в целом наилучшим образом сказывается на здоровье, так же как я не смогу убедить вас в доктрине мистера Гладстона о благотворности жизни на церковном дворе.

Что касается остального, то я не сомневаюсь, что вы не можете быть лучше, чем вы есть. Я не хочу преувеличивать (ибо вы - последний человек, которому я думаю говорить комплименты),

но я определенно считаю, что это большое национальное благо, что вы взялись за весь вопрос о санитарном состоянии солдат и не ограничились только госпиталями. Трудности и глупости были бы столь же велики в случае с госпиталями, а цель действительно намного уступает по важности. Кроме того, вы никогда не смогли бы добиться того влияния на медиков с их профессиональной ревностью, которое вы имели на военное министерство и индийское правительство. Кроме того, если ваша жизнь продлится еще несколько лет, можно сделать гораздо больше. Есть много ресурсов, которые еще не исчерпаны. Поэтому никогда не слушайте голос, который в минуту усталости или боли говорит вам, что вы должны были остаться на прежнем месте.

Наверное, были люди, которые настолько сильно *ощущали тождественность своих действий с волей Бога, что исключали все другие чувства, не желали ни жить, ни умирать иначе, как исполняя Его волю?* Можем ли мы обрести это? Не знаю. Но *такое понимание вещей, несомненно, дало бы бесконечный покой и почти безграничную силу.* Возможно, квиетисты добились наибольшего успеха в обретении такого чувства, но квиетисты - это не те люди, которые всю свою жизнь боролись с миром. Но *я не понимаю, почему активная жизнь не может стать в какой-то мере и пассивной, пассивной в руках Бога и в исполнении законов природы.* Иногда мне кажется, что *возможности человеческого характера гораздо шире, чем были реализованы*, - тайны, как их можно назвать, характера, манеры и стиля, которые еще предстоит раскрыть и объяснить. Одно из больших полей для размышлений на эту тему - то, как характер может расти и меняться на поздних этапах жизни.... [Остальная часть письма посвящена политике сегодняшнего дня].

Отрывки, которые я напечатал курсивом, - это те, которые мисс Найтингейл специально выделила. "Можем ли мы помочь друг другу, - писал он в следующем году (5 марта 1865 г.), - сделать жизнь более высокой и благородной - более спокойной, мирной и бесконечной службой Богу? Возможно, немного". Отмеченные отрывки показывают, каким образом мисс Найтингейл находила в дружбе мистера Джоуэтта источник утешения и свежего вдохновения для своих собственных духовных идеалов. В ее размышлениях более поздних лет, более "пассивность в действии" было состояние совершенства, которое она постоянно стремилась достичь.

Мистер Джоуэтт, как уже было отмечено, старался успокоить ее по поводу того, что она в основном сосредоточена на работе для армии и Индии. И действительно, она сама была очень предана этому делу, и оно никогда не занимало главного места в ее мыслях и интересах. И все же бывали моменты, как видно из уже цитированного письма (с. 82), когда она чувствовала, что эта работа, хотя она и привлекала ее, хотя и была связана с некоторыми из ее самых приятных воспоминаний, все же была если не дезертирством, то, в лучшем случае, лишь временным призванием. Ее первым "призывом от Бога" было служение другого рода, и она очень хотела примириться с "теми первыми привязанностями". В январе 1864 года она послала эти инструкции миссис Брейсбридж, которая распорядилась, чтобы в случае, если мисс Найтингейл переживет ее, они были переданы миссис Сазерленд: "Вы знаете, что я всегда считала, что это не так.

Вы знаете, что я всегда верила в то, что воля Божья для меня - жить и умереть в госпиталях. Когда призыв, который Он сделал для меня, прекратится, и я больше не смогу работать, я хотела бы, чтобы меня отвезли в больницу Святого Томаса и поместили *в общую палату* (именно этого я хотела бы, если бы дошла до конца своей жизни в качестве матроны больницы). И я прошу вас быть очень добрым и позаботиться о том, чтобы это мое желание

было исполнено, когда придет время, если вы возьмете на себя труд как истинный друг, которым вы всегда были, есть и будете. И тогда я смогу спокойно умереть, потому что верю, что такова воля Божья".

Так не должно было быть. Но, открыв следующую часть истории долгой жизни мисс Найтингейл, мы увидим, что у нее еще будет время, чтобы помочь продвинуть движение, которому она способствовала как реформатор больниц и основательница современной сестринской службы, в новое и более широкое поле.

ГЛАВА VI

НОВЫЕ МАСТЕРА (1866)

Среди новых людей, незнакомых лиц, других умов.

Теннисон.

1866 год стал годом бурных событий как внутри страны, так и за рубежом. Он ознаменовался падением администрации вигов, которая, с небольшим перерывом (1858-59), занимала свой пост под руководством разных вождей с декабря 1852 года. В марте мистер Гладстон, теперь уже лидер Палаты общин, представил законопроект о реформе, судьба которого была неопределенной из-за несогласия адулламитов под руководством мистера Лоу. 27 апреля законопроект прошел второе чтение большинством в пять голосов. 18 июня правительство потерпело поражение в комитете по поправке лорда Данкеллина и ушло в отставку. За день до поражения правительства лорда Рассела была объявлена война между Австрией и ее союзниками, с одной стороны, и Пруссией и Италией - с другой. Пруссия, вооруженная новой казнозарядной пушкой, быстро разгромила Австрию. Был заложен фундамент будущей Германской империи под гегемонией Пруссии, а Италия, как часть цены за не принадлежащую ей победу, получила от Австрии провинцию Венецию. Из этих великих событий, некоторые принесли последствия с ними причин, в которых мисс Найтингейл был глубоко заинтересован, в то время как другие сделали прямые требования к ее усилиям.

Таким образом, первые месяцы года были периодом непрерывной и почти лихорадочной деятельности с ее стороны. Два ее письма - первое написано, когда судьба правительства еще трепетала на волоске, второе - когда новое правительство было установлено, а на континенте бушевала война - послужат для знакомства с темами этой главы:-.

(Мисс Найтингейл - *Гарриет Мартино*.) 35 South Street, May 2 [1866].... В последнее время мы были в лихорадке, потому что министры болтались между входом и выходом. В начале года мистер Вильерс обещал нам законопроект о единой лондонской ставке для *больных* и объединенных больницах под центральным управлением. (Это было до того, как мы собрали наших графов, архиепископов и членов парламента, чтобы штурмовать его в его логове). Мы не получим наш законопроект на этой сессии, потому что мистер Вильерс боится потерять для правительства один голос. Но мы обязательно получим его в свое время". "В 1860 году утешения будущего не подводили меня ни на минуту. И сейчас я нахожу их столь же надежным ресурсом". Можете ли вы догадаться, кто написал эти слова? Они содержатся в записке мистера Гладстона, написанной утром после его речи по законопроекту о

франшизе. Могли ли вы поверить, что он говорил так серьезно? Я не мог. А ведь когда-то я знал его очень хорошо. Его речь (он был болен) произвела на Палату большое впечатление. "И тогда ряды тосканцев не могли удержаться от ликования". ...

(Мисс Найтингейл - Джулиусу Моу.) 35 Южная улица, 12 июля [1866 г.]. Я была в гуще всех этих перемен в правительстве. Если бы вы были в Англии, я бы хотела показать вам записки, которые я получала от тех, кто уезжает, и тех, кто приезжает, особенно от моих особых хозяев, лорда де Грея и лорда Стэнли. Они гораздо более серьезны и озабочены, чем это принято считать в мире. Раньше я думал, что общественное мнение выше частного. Теперь я думаю как раз наоборот. Что касается "*Таймс*" и всех этих немецких дел, то я считаю, что "*Таймс*" верно отражает общественное мнение наших высших классов: посмотрите, что это такое. На прошлой неделе Пруссия и Бисмарк были величайшими преступниками в Европе. На этой неделе игольное ружье (я имею в виду Пруссию и Бисмарка - нет, я имею в виду игольное ружье) - это конституционный протестант или протестантская конституция, я не уверен, что.... Но я собирался рассказать вам: Лорд Стэнли принял министерство иностранных дел (как он или кто-либо другой мог добровольно принять министерство иностранных дел, в котором Англия имеет теперь так мало веса в европейских советах, в предпочтение министерству Индии, которое лорд Стэнли создал^[67] и в котором мы создаем будущее 150 миллионов людей, невозможно понять). Лорд Стэнли принял министерство иностранных дел исключительно ^[106] потому, что ничего не мог с этим поделать - лорд Кларендон (что я видел под его собственной рукой) "невозмутимо отказался" от него, хотя лорд Дерби питал к нему самую горячую любовь, вплоть до предложения ему половины мест в кабинете министров. Это я услышал от самого лорда Кларендона.... Как и вы, я не могу ни спать, ни есть из-за мыслей об этой войне. Я не могу отвлечься от нее, потому что, знаете ли, это мой бизнес. Со мной советуются обе стороны по поводу их госпиталей и санитарных мероприятий.... А потом эти глупые итальянцы публикуют часть моего письма - только пену в конце, знаете ли, в то время как я дал им солидный пуд советов по их же просьбе - публикуют его жестоко, без моего разрешения, с моим адресом, после чего мои двери осаждают все изгнанники всех наций, прося отправить их в Италию, а женщины угрожают "*accoucher*" (*sic*) на моем пути. Иногда мне кажется, что я должен бросить бизнес, *то есть* работу, или жизнь. Потребуется два сильных полицейских, чтобы держать в узде моих нищих. Никто не поверит в истории, которые мне придется рассказывать, - люди, которые просят у меня милостыню, которую я мог бы с таким же успехом просить у... [лист пропущен]. Конечно, теперь мне придется начинать все с самого начала, с мистера Гаторна Харди в Совете по делам бедных, чтобы получить законопроект о столичном рабочем доме и лазарете. Я был жестоко разочарован, увидев, что законопроект не прошел, как раз когда он был у меня в руках". Также: организация службы общественного здравоохранения для сэра Джона Лоуренса в Индии, которую я потерял на 24 часа!!! из-за отъезда лорда де Грея. Впрочем, с меня уже почти хватит. Жизнь слишком тяжела для меня. Я очень страдал всю зиму и весну, и ничто не помогало мне, кроме диковинной новомодной операции по введению опиума под кожу, которая облегчает состояние на 24 часа, но не улучшает ни бодрости, ни спокойствия рассудка. Когда министры ушли, я некоторое время надеялся на Комитет палаты общин (в котором служит Джон Стюарт Милль) "по специальному местному управлению метрополией". По их просьбе я написал им длинное письмо. Но поскольку сейчас июль и им довольно жарко, они отказались от этой затеи на этот год. Смена министров, которая приносит нам, труженикам, тяжелую работу, освобождает людей из Палаты общин. Увы! (Есть жалкая история Бальзака, в которой бедная женщина, следившая за русской кампанией, так и не смогла произнести ни одного слова, кроме *Adieu, Adieu, Adieu!* Я боюсь сойти с ума, как она, и не быть в состоянии произнести ни одного слова, кроме *Alas! alas! alas!*) -F. N.

Из событий, по поводу которых мисс Найтингейл плакала в этом письме, первым было поражение законопроекта мистера Вильерса о бедных. Однако эта потеря, как она справедливо полагала в письме к мисс Мартино, была лишь временной. Вся эта тема связана с отдельной ветвью работы мисс Найтингейл, описание которой должно быть зарезервировано для следующей главы. Как мы узнаем, она была в значительной степени основателем системы ухода за больными среди неимущих бедняков и пионером в реформе закона о бедных.

Следующее событие связано с темой, с которой мы уже познакомились. Мисс Найтингейл "потеряла на 24 часа возможность организовать службу общественного здравоохранения в Индии для сэра Джона Лоуренса". История этой упущенной возможности и ее возвращение иллюстрирует истинность уже сказанного; [68] а именно, разница, что было в Лондоне, в лице мисс Найтингейл, решительный энтузиаст, для которого вопрос индийской санитарии был не "один из тысячи вопросов", но один вопрос, поглощающий интерес. В том, что возможность, о которой она говорила, была упущена, не было, как уже вряд ли нужно говорить читателю, ни малейшей вины мисс Найтингейл. Это любопытная история, которая стала предметом огромной массы корреспонденции в ее газетах - массы, красноречиво свидетельствующей об огромном интересе и бесконечных хлопотах, которые она посвятила этому вопросу; но сама история требует краткого рассказа. Однако сначала необходимо сказать несколько слов о главных вопросах; это не было делом пустяковым. Все будущее санитарного прогресса в Индии было поставлено на карту, или можно было с полным основанием считать, что оно было поставлено на карту. Под энергичным руководством сэра Джона Лоуренса было положено хорошее начало. Генерал-губернатор продолжал докладывать о прогрессе мисс Найтингейл, и предложения, которые она прислала, были переданы им своим офицерам. Но предстояло решить более важные организационные вопросы. Рвение сэра Джона как реформатора санитарии в какой-то мере сдерживалось нехваткой денег. "Санитарные работы", - как заметил лорд Солсбери на более поздней стадии дела, - "это в основном дорогостоящие работы". Мисс Найтингейл считала, что независимо от того, будет ли прогресс медленным или быстрым, организация должна быть построена на линиях, которые обеспечат постоянный учет важности продвижения вперед. Она настаивала на том, что Служба общественного здравоохранения в Индии должна быть отдельной службой, ответственной перед генерал-губернатором в Совете, а не подчиненным отделением, находящимся в каком-то другом департаменте. Об этом говорят многочисленные письма и меморандумы, написанные ее рукой.

В начале 1866 года мисс Найтингейл представилась двойная возможность продвинуть свое дело. В начале февраля сэр Чарльз Вуд сложил с себя полномочия, и ее друг, лорд де Грей, стал вместо него государственным секретарем по делам Индии. В это же время она получила важное письмо от генерал-губернатора (датировано Калькуттой, 19 января). Ее друг, мистер Эллис, который был в конклаве (как мы уже слышали) с ней и ее окружением, незадолго до этого представил ему свои предложения. Сэр Джон Лоуренс написал ей: "Что касается реконструкции наших санитарных организаций, мы посылаем домой государственному секретарю копию записки мистера Эллиса, которую он мне прислал, и предлагаем дальнейшие изменения, в некоторой степени соответствующие его плану. Я не сомневаюсь, что вы увидите эту депешу, и поэтому мне лучше не посылать ее вам". Далее он кратко изложил ее содержание. Резюме было кратким и допускало различные мнения относительно конечной цели предложений генерал-губернатора. Он предполагал, что ей,

как само собой разумеющееся, покажут его депешу, и она обратилась к своим официальным друзьям с просьбой показать ее. Они были бы рады, если бы она у них была, но они не получали такой депеши; возможно, она придет по следующей почте. Но она не пришла, ни к следующей, ни к следующей, по очень простой причине, как вскоре выяснится. Мисс Найтингейл поручила своему другу мистеру Эллису, который, будучи главой комиссии по здравоохранению при президентстве, имел прямые *полномочия*, навести справки и даже провести обыск в индийском офисе. "Они клянутся своими богами, - сообщил он, - что у них нет такой депеши". Мисс Найтингейл была в отчаянии. Она была совершенно уверена, что сэр Джон Лоуренс должен был отправить ее. Тем временем правительство страны падало; новым государственным секретарем мог стать тот, кто не знал мисс Найтингейл. Она умоляла, чтобы были проведены дополнительные поиски. 5 мая ей сообщили, что "наконец-то Санитарный протокол найден, и его копия отправлена ей на рассмотрение". Она была приложена к некоторым бумагам, связанным с финансовым департаментом, и поэтому ускользнула от внимания. Лорд де Грей умолял мисс Найтингейл как можно скорее дать ему возможность ознакомиться с ее мнением по этому поводу". Впоследствии она узнала, что это сам государственный секретарь своими руками искал и нашел "Минутку генерал-губернатора". Он "ускользал от внимания" в течение почти четырех месяцев. Этот инцидент не повысил мнение мисс Найтингейл о правительственных учреждениях и не уменьшил ее чувство ответственности за обязанность держать санитарный вопрос на переднем плане. Она была больна, когда пришло сообщение от министра, но сразу же принялась за работу, и 7 мая отправила меморандум, в котором изложила свои взгляды и указала, в каких случаях предложения генерал-губернатора требуют пересмотра, если рекомендации Королевской комиссии должны быть выполнены эффективно. Министр был занят многими делами. Его собственная судьба и судьба его коллег ежедневно подвергалась опасности. Прошел месяц, прежде чем был предпринят следующий шаг. 11 июня лорд де Грей через капитана Гальтона попросил мисс Найтингейл развить свои взгляды и составить, посоветовавшись с доктором Сазерлендом, "проект письма, которое он мог бы представить Индийскому совету в качестве ответа сэру Джону Лоуренсу". Письмо должно было принять форму либо "практической схемы, которую можно предложить сэру Джону Лоуренсу для санитарного управления Индией", либо "такого описания требований, которое позволило бы получить от сэра Дж. Л. практическую схему". Было высказано предположение, что, возможно, было бы лучше, если бы в письме (1) были изложены требования и (2) набросана схема управления для их выполнения. Это был большой заказ и требовал времени. 19 июня мисс Найтингейл отправила свой проект. Она опоздала на "24 часа", так как 18 июня правительство потерпело поражение. Однако был короткий период отсрочки из-за отсутствия королевы в Балморале и ее нежелания принять отставку лорда Рассела.^[69] У лорда де Грея не было времени провести письмо через совет государственного секретаря, но он сделал все, что мог. Он оставил в индийском офисе, как он сказал мисс Найтингейл, протокол^[70], полностью повторяющий текст ее меморандума. Если его преемник снова пустит дело на самотек, лорд де Грей будет готов привлечь к нему внимание в парламенте. Он заверил мисс Найтингейл, что его интерес к подобным вопросам останется таким же теплым, как и прежде, и, поскольку теперь она, скорее, чем он, знала, что происходит, он просил ее держать его в курсе.

///

Итак, она опоздала. "Я в такой ярости, - писала она капитану Гальтону (23 июня), - от того, что потеряла пять месяцев работы лорда де Грея в индийском офисе, что готова разнести вас всех на куски с помощью адской машины моего собственного изобретения". Часть вины она возложила на доктора Сазерленда, чью миссию в Средиземноморье она не смогла отменить и который в течение этого года по несколько недель отсутствовал на Мальте и в Гибралтаре

или в Алжире. Алжир, действительно, - писала она с издевкой, - почему не у Эстли? Для него это была бы не менее удачная перемена. Иногда она меняла фигуры, и доктор Сазерленд со своей компанией фигурировал в ее письмах как "Зверинец Вомбуэлла". "Зверинец, как я слышала, - писала она (26 января), - в составе трех дам, Его Величества комиссара и двух горничных, отправился за колонной в глубь страны". Если бы он остался дома, то, возможно, смог бы найти пропавшую депешу; и в любом случае они могли бы на досуге, основываясь на намеках в письме сэра Джона Лоуренса, составить меморандум, который в итоге пришлось писать в спешке. Прогульщик, похоже, предвидел, какая палочка-выручалочка ожидает его по возвращении. "Я думал, - писал он ей из Алжира (28 января), - будет ли она рада получить от меня весточку? или будет ругаться? Не знаю, но все же я расскажу ей немного о нашем визите к Астли". И далее он пишет восхитительный рассказ о своих впечатлениях, в котором изобретательно подчеркивает огромную важность своих исследований в связи с их работой в Индии. Это не было только предлогом; отчет доктора Сазерленда об Алжире и французской санитарной службе там был очень ценным произведением. Невозможно читать его работы - будь то опубликованные отчеты или его рукописи среди бумаг мисс Найтингейл - и не понять, насколько обоснованными были ее надежды на его сотрудничество. Его жена оставалась дома и часто виделась с мисс Найтингейл. Миссис Сазерленд, должно быть, сообщала о положении дел на Саут-стрит; ведь месяц спустя доктор Сазерленд так писал мисс Найтингейл (20 февраля): "Почта, которая должна была прийти вчера, пришла сегодня, и я пытаюсь спасти отходящую почту, которая уходит из гавани в 12, без особых перспектив на успех. Сегодня я получил письмо из дома о вас, и если бы оно пришло вчера, мы с Эллисом, конечно, уже сегодня отплывали бы в Англию. После рассказа о ваших страданиях и о том, под каким давлением бизнеса вы тонете, мне дико хочется уехать отсюда. Сегодня ночью мы покидаем Алжир, и к тому времени, как вы получите это письмо, мы уже будем на пути домой. Да благословит вас Господь и сохранит вас для нас. Аминь". Остается только надеяться, что доктор Сазерленд наслаждался своей поездкой, пока она длилась; боюсь, что ему пришлось несладко, когда он по возвращении явился на Саут-стрит. Она пожаловалась на его отсутствие другому своему близкому союзнику, доктору Фарру. "Мне нужно сделать все дела доктора Сазерленда, - писала она (19 января), - помимо своих собственных. Если бы это можно было сделать, я бы не возражала. Я бы так же быстро износилась за два месяца, как и за два года, лишь бы работа была сделана. Но это невозможно. Это все равно как если бы два человека занялись бизнесом, имея по миллиону. Один внезапно уходит. Другой может измотать себя до костей, но он не может выполнить обязательства с одним миллионом, которые он заключил с двумя. К этому следует добавить, что с начала года я был так болен, что часто не мог сдвинуться с места от боли в течение 48 часов подряд. Но для бизнеса...."

Один хороший ход дела, однако, мисс Найтингейл удалось сделать во время отсутствия доктора Сазерленда. Она сообщила об этом доктору Фарру: "Компенсацией за мое расстроенное душевное состояние стало обращение к санитарному делу, которое я сделала для Мадраса, не менее важной персоны, чем лорд Напьер. Мне удалось пробраться к нему перед отплытием". Обращение" означает не то, что лорду Напье нужно было найти спасение, а скорее то, что его предшественник на посту губернатора Мадраса был несимпатичен. Получив назначение, лорд Напьер выразил желание узнать взгляды мисс Найтингейл. Он был секретарем британского посольства в Константинополе во время Крымской войны, и там составил высокое мнение о ее способностях и преданности. Теперь она написала ему о санитарной реформе в Индии, и он сразу же ответил:...

(Лорд Напьер - мисс Найтингейл.) 24 Princes Gate, 16 февраля [1866 г.]. Прошу Вас поверить, что я далек от того, чтобы быть нетерпеливым к Вашему общению или безразличным к Вашим желаниям. Я прочел Ваше письмо с большим интересом и сожалею, что у Вас не

было времени и сил сделать его длиннее. Вы окажете мне большую услугу, прислав том 8vo, о котором Вы говорите, и я не споткнусь о два фолианта синей книги.... Санитарный вопрос, как и железнодорожный вопрос или вопрос орошения, вероятно, останется в некоторой степени подчиненным финансовым требованиям, необходимости показать излишек в конце года; но в пределах имеющихся у меня средств я обещаю Вам ревностное вмешательство в интересах дела, которое Вы так сильно любите. Вы говорите, что плохо меня знаете, но вы не можете лишить меня счастья и чести видеть вас в величайший момент вашей жизни в маленькой гостиной больницы в Скутари. Я был зрителем, и я был бы товарищем по работе, если бы кто-нибудь воспользовался моими услугами. Я остаюсь в вашем распоряжении в любой день и час. Искренне ваш, Напьер".

Их беседа состоялась три дня спустя. Лорд Напьер во время своего губернаторства в Мадрасе, которое длилось шесть лет, изо всех сил старался выполнить свое обещание. К другим вопросам он также присутствовал, но это было на вопросы, связанные с общественным здравоохранением, что он посвятил свое самое особое внимание, и на протяжении всего своего пребывания в Индии он поддерживал переписку с мисс Найтингейл о них.

IV

Между тем в решении насущного вопроса она опоздала, и ее политические друзья оказались в стороне. Она была вигом и страстным реформатором; но прежде чем стать политиком, она была санитаром, и как только виги пали, она сразу же принялась за дело, чтобы подружиться с маммоной несправедливости. Она с нетерпением ждала самых первых политических новостей.

(Мисс Найтингейл - капитану Гальтону.) 27 июня.... Теперь напишите несчастной женщине, Ф. Н., о том, *кто и куда* должен прийти. Придет ли генерал Пил в военное министерство? Если да, то уничтожит ли он нашу гражданскую санитарную часть? Отправится ли Сазерленд этой осенью на Мальту и Гибралтар? Повредит ли генерал Пил Санитарной комиссии армии? Я *должен* знать: вы, адские силы! Придет ли мистер Лоу в Управление Индии? Для меня все это - сплошная катастрофа. Поскольку лорд Стэнли станет министром иностранных дел (единственное место, где он может быть нам *бесполезен*), у меня не останется ни одного друга в мире. Если бы я стал говорить больше, я бы стал ругаться, настолько я возмущен... Всегда ваш неистовый, Ф. Н.

Капитан Гальтон ответил, что, по его сведениям, сам мистер Лоу не собирается присоединяться к тори; что о реальных назначениях он пока не слышал, но, поскольку должность государственного секретаря безлична, поручение доктора Сазерленда посетить Средиземное море все равно останется в силе - или не в силе. "Вы говорите, что государственный секретарь - безличное существо, - ответила мисс Найтингейл (3 июля), - я бы хотела, чтобы он был таким!" Когда были объявлены имена новых министров, капитан Гальтон высказал предварительное предположение, что к лорду Крэнборну^[71] (Управление по делам Индии) можно обратиться через леди Крэнборн. "У меня есть гораздо лучшая рекомендация для него, чем эта", писала мисс Найтингейл в некотором триумфе (7 июля), "и уже была введена в "прямое общение" с ним, *не по моей собственной просьбе*". Письма рассказывают о ее знакомстве с новыми хозяевами в Управлении по делам Индии и Совете по делам бедных:-.

(Лорд Стэнли - мисс Найтингейл.) Сент-Джеймс Сквер, 6 июля. Я увижу лорда Крэнборна сегодня (мы идем вниз, чтобы принять присягу) и расскажу ему всю санитарную историю, а также скажу, что я посоветовал вам писать ему, как вы всегда делали со мной, к моей

большой пользе. Вы найдете его проникательным, трудолюбивым и хорошим деловым человеком.

(Мисс Найтингейл - лорду Крэнборну.) 35 Южная улица, 17 июля. Лорд Стэнли имел любезность посоветовать мне написать вам и сказать, что он скажет вам, что "посоветовал" мне "написать вам", как я "сделал это с ним". Это мое единственное оправдание тому, что в противном случае было бы очень большой дерзостью и что, боюсь, может показаться вам таковой даже сейчас, а именно: моему нынешнему обращению к вам по вопросу о здравоохранении Индии. Я знаю, что должен был бы начать так: "Мисс Найтингейл свидетельствует свое уважение лорду Крэнборну". Но "третье лицо" всегда путается. Лорд Стэнли, вероятно, едва ли успел рассказать вам мою длинную историю. Поэтому, боюсь, я должен представиться, сказав, что моим извинением за то, что вы можете (справедливо) счесть неоправданным вмешательством, должно быть то, что я принимал участие в охране здоровья армии в Индии в течение последних 8 лет, общаясь по этому поводу с лордом Стэнли, сэром К. Вудом и лордом де Греем, а теперь постоянно общаюсь с сэром Джоном Лоуренсом и другими в Индии по тому же вопросу. Когда лорд де Грей покинул свой пост, лорд Стэнли, по собственному желанию, любезно спросил, не следует ли ему "поставить" меня в прямой контакт с вами.

Это мое общее извинение. Мое частное извинение заключается в том, что по прошлой почте я получил несколько очень срочных писем из Индии по вопросу введения в Индии эффективного управления здравоохранением, которое после этого стало мудрым: дух общих рекомендаций, сделанных Комиссией Р., которая представила доклад в 1863 году (под председательством лорда Стэнли), никогда не был полностью выполнен, в результате чего возникли трудности и столкновения. Сэр Джон Лоуренс отправил домой протокол (от 9 января 1866 года), в котором предлагалось соединить Службу общественного здравоохранения с Инспекцией тюрем. Это предложение, по-видимому, было сделано без должного учета важности и величины обязанностей; если бы оно было осуществлено, то, как мы полагаем, положило бы конец любым перспективам эффективного прогресса. (Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что лорд Стэнли согласен с этим мнением). Лорд де Грей был глубоко впечатлен этим недостатком схемы; он составил протокол (незадолго до того, как [115] покинул свой пост), чтобы оставить для вас свои взгляды, изложив в общих чертах обязанности и попросив пересмотреть этот вопрос в Индии, прежде чем окончательно принять решение об организации Службы общественного здравоохранения. Теперь я осмелюсь просить вас положительно рассмотреть это предложение, поскольку от организации службы, адекватной поставленной задаче, зависит все будущее здравоохранения в Индии. Мы отдаем себя в ваши руки.

(Лорд Крэнборн - мисс Найтингейл.) Офис Индии, 17 июля. Я очень обязан Вам за Ваше письмо; и особенно за Вашу любезность, избавившую меня от литературных усилий по составлению письма или серии писем в третьем лице. Несколько дней назад лорд Стэнли говорил со мной о санитарном вопросе и сказал, что я, вероятно, получу от Вас весточку. Я навел справки о депеше, о которой вы упоминаете, и выяснил, что она находится в канцелярии в ожидании решения. Никакого подтверждения не будет до тех пор, пока я не свяжусь с Вами по этому вопросу. Я не смогу перейти к рассмотрению санитарного вопроса, пока не разберусь с претензиями индийских офицеров, которые, по мнению всех авторитетов, требуют немедленного разрешения. Но как только это будет сделано, я надеюсь, что санитарный вопрос может быть рассмотрен без промедления".

(Мистер Гаторн Харди - мисс Найтингейл.) Совет по делам бедных, 25 июля. Вы не должны извиняться за то, что обратили мое внимание на существенные моменты, связанные с темой,

рассмотрением которой вы так увлечены. Я должен сказать это любому, кто пишет в том же духе, что и Вы, но я действительно в долгу перед Вами, которая не заслужила общего титула давать советы и рекомендации по всем вопросам, касающимся лечения больных. Ваша записка пришла в тот самый момент, когда один джентльмен убеждал меня обратиться к вам с вопросами, касающимися рабочих лазаретов, и я без колебаний сделал бы это в случае необходимости, даже если бы не ваше сердечное приглашение обратиться к вам за помощью. В настоящее время я не продвинулся далеко вперед из-за нехватки времени, поскольку, пока заседает парламент, я обязательно занят другими делами, и мне не терпится устранить, если это возможно, настоящие и неотложные проблемы, прежде чем я основательно займусь законодательством на будущее. Я буду помнить о вашем предложении и, вероятно, воспользуюсь им в полной мере.

Так что, возможно, мисс Найтингейл все-таки не останется совсем без друзей. У нее должны были появиться новые хозяева. Примут ли они ее или нет? Об этом мы узнаем в свое время.

V

Тем временем мисс Найтингейл была очень занята перепиской и другими делами, которые на нее навалились в связи с началом войны в Европе. "Видел Флоренс полчаса сегодня утром, - сообщал ее отец (июнь), - она, конечно, очень устала, но говорит слишком громким и сильным голосом. Принцесса [Алиса Гессенская] пишет ей, чтобы получить инструкции для госпиталей, а Сазерленд шутит: "Для вас ничего не осталось, все ушло к Гарибальди". К ней обращались представители всех трех воюющих сторон. Пруссия, как обычно, была лучше подготовлена, и кронпринцесса написала мисс Найтингейл в марте (за три месяца до начала военных действий), прося ее помощи и совета по организации госпиталей и медпунктов. Прусский производитель сообщил ей о наилучшей форме госпитальных палаток для полевой службы. Две сестры британского королевского дома были на противоположных сторонах в этой войне, для Гессен-Дармштадт бросил свой жребий с Австрией, но это было только после начала военных действий, что принцесса Алиса написал мисс Найтингейл через леди Эли[72] для совета о военных госпиталях. Мисс Найтингейл сразу же отправил его. Ее меморандум, как ей сообщили (3 июля), был передан принцу Луи для использования в штабе, и принцесса умоляла ее прислать дополнительную информацию для использования руководством госпиталя в Дармштадте. Итальянцы раньше "пошли навстречу мисс Найтингейл". Секретарь "Флорентийского комитета помощи больным и раненым" обратился к ней за советом в мае. Ее ответ вызвал бурный восторг, как записал английский корреспондент во Флоренции. "Я прочитал письмо, - писал он, - которое будет переведено и помещено в *"Нацционе"*. Мисс Найтингейл со свойственной ей ясностью и точностью дает Комитету прекрасные советы, в которых некоторые из них очень нуждаются. В то же время она выражает свое сердечное сочувствие итальянскому делу. Она вспоминает о восхитительном состоянии, в котором сардинская армия была высажена в Крыму, и о похвалах, которые ее появление вызвало у лорда Клайда. И завершает свое письмо словами о том, что если жертва ее бедной жизни хоть на полчаса ускорит их дело, она с радостью отдаст ее. Но она - несчастный инвалид".[73] Комитет спросил, не приедет ли она в Италию "хотя бы на один день", чтобы вдохновить их своим присутствием. Ее "пена" (как она ее назвала) была широко напечатана в итальянской прессе. Она сожалела о начале войны, но, когда она привела к расширению границ свободной Италии, она почувствовала, что в этом есть своя компенсация. Мисс Найтингейл также вошла в комитет "Дамской ассоциации", созданной в этой стране "для помощи больным и раненым всех воюющих наций". Она советовала Комитету, какая форма помощи наиболее необходима, а в конце войны,

поблагодарив кронпринцессу Пруссии за письмо, рассказала Ее Королевскому Высочеству о том, что было сделано английским Комитетом. Переписка с принцессой была долгой, и она образовала новую связь между мисс Найтингейл и мистером Джоуэттом, который был очень любим кронпринцессой и придерживался очень высокого мнения о ее способностях. Ответное письмо принцессы занимает восемнадцать страниц и содержит (как сказал о нем доктор Сазерленд) "именно ту практическую информацию, которую желает получить человек, имеющий опыт в этих делах". Достаточно привести пару характерных выдержек из переписки каждой из сторон:.

(Мисс Найтингейл кронпринцессе Пруссии.) 35 South Street, Sept. 22 [1866].... Я думаю, что Ваше Королевское Высочество может быть приятно услышать даже скромное мнение старого участника кампании, как я, о том, как хорошо армия госпитальная служба была управляться в конце ужасной войны. Информация дошла до меня через моих старых друзей и инструкторов из Кайзерсверта. Рыцари Святого Иоанна Иерусалимского взяли на себя ответственность за всех диаконисс и все предложения о предоставлении им домов и комнат. Система, как мне кажется, была великолепно отлажена - особенно отправка раненых сотнями в города, где предлагались комнаты, дома и уход. Скученность [118] и скопление большого количества раненых всегда более губительны, чем само сражение. Из разных мест я слышал о великой преданности, мастерстве и великодушной доброте прусских хирургов, причем со всех сторон.... В этот день, в день смерти Манина, девять лет назад изгнанного диктатора Венеции и одного из самых чистых и дальновидных государственных деятелей, который так хорошо сражался за свободу Венеции, но не дожил до ее свершения, я не могу не поздравить Ваше Королевское Высочество, рискуя показаться дерзкой, с тем, что это освобождение свершилось благодаря прусскому оружию".

(Кронпринцесса Пруссии - мисс Найтингейл.) Новый дворец, Потсдам, 29 сентября. Я была рада получить вчера ваше длинное и интересное письмо и спешу выразить за него мою самую горячую благодарность. Любая оценка Пруссии в Англии не может не доставлять мне величайшего удовольствия.... Поскольку вы такой сторонник свежего воздуха, я не могу удержаться от того, чтобы не рассказать вам о том, что я сама *видела* в подтверждение вашего мнения по этому вопросу, и что, я уверена, заинтересует дорогого сэра Джеймса Кларка, который является вашим большим союзником в этом вопросе. В небольшом ухоженном госпитале, где в течение некоторого времени ухаживали за ранеными солдатами, раны в нескольких случаях, казалось, не улучшались, общее состояние здоровья пациентов не показывало никакого прогресса. Их лихорадило, а внешний вид ран свидетельствовал о начале рассасывания. В саду госпиталя стоял сарай или летний домик из грубых досок, с деревянной крышей; это небольшое здание было совершенно открытым спереди, а с других сторон закрыто досками, но с проемом в два фута по всей длине под крышей, так что это было похоже на выход за дверь. Шестерых пациентов перевели в этот сарай (против их воли, они боялись простудиться). На следующий же день им стало лучше; лихорадка покинула их, состояние ран стало здоровым; они наслаждались своим летним домиком, несмотря на две сильные бури, которые повалили столы; и все быстро поправились! Я видела их каждый день наверху и видела их каждый день в саду; разница была невероятной.... Кронпринц желает, чтобы я сказал, какое удовольствие ему доставляет слышать, как вы хвалите хирургов нашей прусской армии.... Я остаюсь всегда, дорогая мисс Найтингейл, искренне ваша, Виктория, кронпринцесса Пруссии и королевская принцесса".

Среди прочих деталей кронпринцесса упомянула особый вид полевой амбулатории, который оказался очень полезным. Мисс Найтингейл сразу же поставила доктора Лонгмора из нашей госпитальной службы в известность об этих фактах.

Как видно, опыт мисс Найтингейл был очень востребован в войне 1866 года; но организация военного сестринского дела под эгидой Красного Креста тогда еще не достигла полного развития из-за того, что австрийское правительство не ратифицировало Женевскую конвенцию 1864 года. В 1867 году Конференция обществ Красного Креста в Париже наградила мисс Найтингейл золотой медалью. В 1870 году (31 марта) Австрийское патриотическое общество помощи раненым солдатам избрало ее почетным членом.

VI

1866 год стал для мисс Найтингейл годом большой активности, но к середине августа ее работа уже не была такой напряженной, как в предыдущие месяцы. Парламент закончился, и новые министры, с которыми она установила дружеские отношения, разворачивали свою деятельность. В это время мисс Найтингейл позвонили домой. Сообщалось, что ее мать больна. Она не захотела переезжать вместе с мужем из Хэмпшира в Дербишир, поэтому, пока отец отправился в Леа-Херст, мисс Найтингейл решила остаться с матерью в Эмбли. Это стало событием в семейном кругу, ведь Флоренс не была ни в одном из домов уже десять лет. Было много переписки и приготовлений. Отец и мать были в одинаковом восторге, и путешествие в инвалидной коляске не нанесло дочери серьезного вреда. Она пробыла в Эмбли с середины августа до конца ноября. Это был первый отпуск, который она взяла за последние десять лет, но и на отпуск это было мало похоже. Она занялась здоровьем Ромси, ближайшего города, и Винчестера, города графства. Она написала своему другу доктору Фарру из Управления генерального регистратора, чтобы тот предоставил ей таблицы смертности, нашла цифры по этим городам выше средних и посоветовала жителям обратить внимание на свои стоки. Затем она отправила доктора Сазерленда в Эмблей для решения вопросов, связанных с сессией следующего года. Она нашла свою мать счастливой и жизнерадостной. "Мне кажется, моя дорогая мама никогда не была для меня более трогательной и интересной, - писала она мадам Моль (21 августа), - чем сейчас, в ее ветхом состоянии. Она стала намного мягче, спокойнее, задумчивее". Однако она все еще критиковала свою мать и считала ее привычки самоуничижительными. Бедная леди! Ей было 78 лет; ее трясло и сшибало в карете, и ей грозила потеря зрения. Конечно, Флоренс не всегда могла сделать должные поблажки другим людям. Но если она была критична к другим, то к себе она была еще более строга. Во время этого отпуска в Эмбли она возобновила те письменные самоанализы и размышления, для которых, частых в прежние годы, она, похоже, находила мало времени в напряженное десятилетие 1856-66 годов. "Меня никогда не подводила энергия", - сказала она однажды в более поздние годы; "но делать все из лучших побуждений - это совсем другое дело". Пересматривая свою прошлую жизнь 21 октября 1866 года, в годовщину отъезда в Крым, и в последующие дни, она, кажется, думала примерно так же. Ее размышления были связаны не столько с тем, что она сделала, сколько с тем, что она сделала неправильно; ее решения были связаны с большей чистотой побуждений и большим покоем, благодаря более полному доверию Богу: "Призванная быть "служанкой Господа", я жалею о своей страдальческой жизни! Какой отдачи ждет от меня Бог, с какой *чистотой сердца и намерениями* я должна принести себя в жертву Ему! Слово Господне к тебе: Он был угнетен и страдал, но не отверзал уст своих.... Но когда мы больны, как мы можем быть похожими на Бога? Я смотрю вверх и вижу капли росы, голубые, золотые, зеленые и красные, сверкающие на солнце на верхушке лиственного *кипариса*, - это похоже на Бога. Мы видим Его на мгновение - мы воспринимаем Его красоту. Она освещает нас, даже когда мы лежим здесь, распростершись на земле. Блаженны чистые сердцем: ибо они увидят Бога во всех искушениях, испытаниях и трудностях, в муках и кровавом поту, на Кресте и Страстях: это прерогатива не будущей жизни, а настоящей".

Сноски:

[1] Красноречивая речь, произнесенная в Британской ассоциации в Манчестере (*Times*, Sept. 9, 1861).

[2] Мисс Найтингейл рассказала об этом инциденте в двух письмах - доктору Фарру (10 сентября) и Гарриет Мартино (24 сентября).

[3] См. том I. p. 405.

[4] Vol. I. p. 496.

[5] В то время № 32; теперь перенумерован в № 4.

[6] См. по этому вопросу Библиографию В, № 23. Секретарь другого органа, Христианского сообщества Соединенных Штатов, посылая отчеты и документы мисс Найтингейл (26 июля 1865 г.), писал: "Ваше влияние и наш долг перед вами никогда не будут известны. Только то, что везде по всей нашей широкой стране в течение этих лет изобретательной и искренней благотворительности в постоянном стремлении помочь и поддержать наших героических защитников, имя и работа Флоренс Найтингейл были ободрение и вдохновение ". В том же году ей были отправлены планы эмигрантской больницы на острове Уорд. В ответ она прислала гравюры с изображением отплытия и прибытия отцов-пилигримов: "Подаренные Флоренс Найтингейл комиссарам по делам эмиграции Нью-Йорка для нового эмигрантского госпиталя на острове Уорд в знак глубочайшего почтения и горячего сочувствия к благородному поступку, которым они так великолепно обеспечили не своих больных, а больных из Старой страны".

[7] Речь идет о тетушке, которая в прежние годы тесно общалась с ней. В это время между ними возникло некоторое недопонимание. Преклонный возраст миссис Смит и домашние заботы привели к прекращению ее постоянной активности в служении мисс Найтингейл; но в последующие годы тетя и племянница много советовались друг с другом, возобновив изучение религиозных тем, на которые они раньше вели интимные беседы: см. ниже, с. 353, 387.

[8] Речь по поводу билля Фокса об Ост-Индии, 1 декабря 1783 г. (*Burke's Speeches*, 1816, vol. ii. p. 430).

[9] См. т. I. с. 339.

[10] В *маргиналиях* к книге сэра Уильяма Хантера "*Граф Мэйо*" (1891).

[11] Индийские офицеры (особенно полковник Янг) снабжали ее зарисовками, некоторые из которых были подправлены ее кузиной, мисс Хилари Бонэм Картер.

[12] Сбывшееся предсказание: см. высказывание сэра Бартла Фрере, ниже, с. 158.

[13] Надпись: "Мисс Флоренс Найтингейл в память о величайшем и лучшем из принцев от разбитой сердцем вдовы любимого принца, Виктории Р. Осборн, 13 января 1863 года".

[14] Он был отозван из Мадраса в 1860 году.

[15] "Следует помнить, что мисс Флоренс Найтингейл приехала в эту страну и была впечатлена идеей, что если Индия в чем-то и нуждается, так это в деревенской санитарии. Она собрала массу фактов и с тех пор ведет агитацию в Англии": *Amrita Bazar Patrika* (Калькутта), 29 июня 1892 г., перепечатано в *Indian Spectator*, 10 июля.

[16] См. т. I. с. 277.

[17] Письмо сэру Дж. Макнилу, 8 августа 1862 г.

[18] Комиссия по казармам и госпиталям, переименованная в 1865 г. в Санитарный комитет армии; см. с. 65.

[19] В итоге все ее кандидатуры были одобрены. Представителями Индии были сэр Проби Каутли и сэр Джеймс Ранальд Мартин.

[20] "5 февраля 1864 года правительство Индии сообщило государственному секретарю, что из-за неприбытия отчета Королевской комиссии не удалось осуществить меры, указанные в депеше от 15 августа, но что только что было получено несколько копий и т. д. и т. п.". (*Меморандум о мерах, принятых для улучшения санитарных условий в Индии до конца 1867 г.*, стр. 2).

[21] См. ниже, р. 49 п.

[22] Библиография А, № 34.

[23] Письмо мисс Найтингейл лорду Шафтсбери напечатано в его "*Жизни*", с. 581.

[24] Это не было намеренной шуткой. Клерк Комиссии занимал должность в Правлении.

[25] См. Библиографию А, № 33 (3).

[26] Передовая статья появилась 23 августа, представляя серию "специальных статей", которая началась на следующий день.

[27] Мистер Герберт пообещал, но, видимо, только на словах, что услуги, оказанные доктором Фарром и доктором Сазерлендом Комиссии, будут оплачены. Мисс Найтингейл смогла подтвердить это обещание.

[28] Письмо Гарриет Мартино (2 февраля 1865 г.).

[29] Из "*Жизни лорда Лоуренса*" Р. Босворта Смита, 1885, т. ii. с. 278.

[30] Речь идет о Комиссии по улучшению казарм и госпиталей (Санитарный комитет армии), усиленной представителями Министерства по делам Индии, которая должна была выпустить Санитарные предложения для правительства Индии.

[31] Библиография А, № 24.

[32] 1 марта на дебатах о старшинах большинство голосов было 1.

[33] Это была не пустая насмешка. Правительство Индии ввело в действие некоторые рекомендации Королевской комиссии еще до того, как официально получило копии доклада: см. выше, с. 34 и сл.

[34] Мисс Найтингейл провела секретное расследование причин этой задержки, которое могло бы сделать честь детективу-инспектору. Согласно "полученной информации", первая причина заключалась в том, что окончательный заказ на печать был отложен, пока между военным министерством и министерством Индии шли переговоры о количестве необходимых экземпляров. Затем запас, в конечном итоге заказанный последним, неспешно переходил из одного подразделения в другое. Наконец, запасы некоторое время

лежали на складе на другом берегу воды, пока официальных бумаг не стало достаточно, чтобы заполнить несколько ящиков установленного размера.

[35] Джон Стрэчи (1823-1907); впоследствии главный комиссар Оудха, вице-губернатор Северо-Западных провинций, финансовый член Совета генерал-губернатора; посвящен в рыцари в 1872 году; G.C.S.I., 1878; член Совета государственного секретаря.

[36] Об этом см. ниже, с. 128.

[37] Об этом инциденте рассказывается в письме сэра Хью Роуза.

[38] Если читатель захочет проследить за критикой и ответами, он найдет ответ д-ру Лейту в "Парламентских бумагах", 1865, № 329; а депеши правительства Индии с этим ответом - в № 108 и 324. Отчет д-ра Лейта, по-видимому, не был перепечатан в качестве парламентского документа. Его копия, напечатанная в Бомбее в 1864 году, находится среди бумаг мисс Найтингейл.

[39] Комиссия рассчитывала на уровень не более 10 на 1000 человек. В 1911 году, как уже говорилось, этот показатель составлял 5,04.

[40] Библиография А, № 44. О дальнейшей судьбе этой схемы см. ниже, с. 157.

[41] См. т. I. с. 184.

[42] Мисс Найтингейл, должно быть, наслаждалась последовавшей за этим перепиской; ведь мистер Райт не только придерживался здравого смысла в вопросах санитарии ("это не часть приговора заключенному, что он должен быть черносотенцем"), но и писал ей в пикантном стиле. "Посылаю вам (23 октября) образец материалов, рассылаемых по домам колониальными тюремными властями с одобрением колониального губернатора: *"Вопрос: Каков порядок обращения с заключенными, страдающими лунатизмом или манией величия? Ответ: В этой тюрьме маньяки не используются и никогда не использовались"*.

[43] См. т. I. с. 405.

[44] Краткий отчет об организациях и реорганизациях в период с 1854 по 1868 год содержится в *меморандуме* капитана Гальтона *об организации военного министерства*, датированном ноябрем 1868 года.

[45] См. том I. стр. 231.

[46] Письмо миссис Генри Бонэм Картер от 12 апреля 1896 года.

[47] Он унаследовал графство Далхаузи после смерти своего кузена, 10-го графа и первого маркиза, в декабре 1860 года.

[48] Мистер Р. Монктон Милнс получил титул барона Хаутона в 1863 году.

[49] Записано в *Хансарде* 6 марта 1865 года.

[50] *Хансард*, 19 и 30 июня 1865 года.

[51] Историю этого дела, вызвавшего огромный интерес в парламенте и прессе, любопытные могут прочитать в томе xxxiii. парламентских документов за 1863 год и томе xxxv. документов за 1864 год. Добрые услуги мисс Найтингейл были запрошены военным министерством для парирования атаки "Якоба Омниума", о роли которого в этом деле см. в *"Эссе на социальные темы"* Мэтью Джона Хиггинса, 1875, pp. lvi.-lx.

[52] Это, безусловно, было скучно: см. *Хансард*, 3 марта 1864 г.

[53] См. ниже, с. 108.

[54] Ниже, с. 408.

[55] Внимание к этому и мораль были отмечены в передовой статье в *"Дейли Ньюс"* (8 июля), несомненно, написанной Гарриет Мартино.

[56] См. т. I. с. 279.

[57] Библиография А, № 39 и 40.

[58] Там же. No. 47.

[59] Письмо к ней по этому вопросу (6 декабря 1864 г.) от постоянного заместителя секретаря в Колониальном управлении напечатано в *"Письмах Фредерика лорда Блэкфорда"*, 1896, с. 251.

[60] Места ее проживания в 1862 и 1863 гг. указаны выше, стр. 24. В 1864 г. она жила на Саут-стрит, 32 (ныне № 4), в доме Верни (январь); на Парк-Стрит, 115 (февраль-июль); в Оук-Хилл-Парк, 7, Хэмпстед (август-октябрь). С ноября 1864 года по 1 мая 1865 года она жила на Норфолк-стрит, 27. В мае и июне 1865 г., а также в октябре, она находилась на Саут-стрит, 34 (ныне № 8); в июле-сентябре - в Хэмпстед.

[61] Ее по-прежнему донимали письмами с просьбами, и мистер Смит поместил в *"Таймс"* от 29 апреля 1864 года уведомление о том, что она не может отвечать на них или возвращать приложенные к ним бумаги.

[62] См. том I. стр. 370, 383.

[63] См. *"Таймс"* от 18 апреля 1864 года. Беседа состоялась в воскресенье днем 17 апреля. Накануне Гарибальди был в Бедфорде.

[64] В письме к мистеру Деннису Р. Олворду.

[65] Об этом см. ниже, с. 133.

[66] Экземпляр, о котором идет речь, был одолжен Теннисоном Джоуэтту, а тот - мисс Найтингейл.

[67] Лорд Стэнли был президентом Контрольного совета в 1858 году, в этом качестве он провел билль об Индии через Палату общин, а после его принятия стал первым государственным секретарем по делам Индии.

[68] Выше, с. 58.

[69] В одном из писем мистера Джоуэтта к мисс Найтингейл (июнь 1866 года) есть такой рассказ о лорде Расселе. "Вечером в день кризиса его не могли найти. Он уехал в Ричмонд, чтобы послушать соловьев (ваших кузин)! "И провокацией, - писал он другу, - было то, что они не пели в тот вечер".

[70] Суть этого письма можно найти на с. 11 *Меморандума* (цитируется выше, с. 34 н.).

[71] Более известен как маркиз Солсбери, титул которого он получил в 1868 году.

[72] Леди Эли, будучи фрейлиной королевы Виктории, познакомилась с мисс Найтингейл в Балморале в 1856 году.

[73] *Дейли телеграф* (внешняя разведка), 12 июня 1866 года.

ЧАСТЬ VI

МНОЖЕСТВО НИТЕЙ (1867-1872)

Я прошу и молю вас оглянуться на прошлое с благодарностью и на будущее с надеждой - ведь так много было сделано и так много предстоит сделать... много начатых и сплетенных нитей, которые нужно вплести и завершить... Бенджамин Джоуэтт (*письмо мисс Найтингейл*, 1867).

ГЛАВА I

РЕФОРМА РАБОТНОГО ДОМА (1864-1867)

С самого начала я твердо верил, что Флоренс Найтингейл сможет сделать все, и эта вера все еще свежа во мне; и так получилось, что в тот момент, когда ее имя появилось в списках, я почувствовал, что борьба практически выиграна, и я чувствую это до сих пор. - Н. Б. Фарналл, инспектор по делам бедных (декабрь 1866 г.).

Пятьдесят лет назад состояние дел, которое мисс Найтингейл увидела и вылечила в военных госпиталях во время Крымской войны, почти сравнялось, а в некоторых отношениях и превзошло по скандальности, с состоянием мирных госпиталей для больных бедняков на родине. Этими больницами были палаты для больных или лазареты при рабочих домах, так как больницы, как правило, так называемые, покрывают лишь поверхность болезней в любом большом городе. Отчет о состоянии столичных рабочих, подготовленный Советом по делам бедных в 1866 году, показал, что больничные палаты в большинстве своем были антисанитарными и переполненными; что кровати были недостаточными и прекрасно приспособленными для того, чтобы вызывать язвы; что сосуды для еды и питья были нечистыми; не хватало тазов, полотенец, щеток и расчесок; пища для пациентов готовилась нищими и часто подавалась холодной; хотя медицинские работники выполняли свои обязанности в меру своих сил, обслуживание и выплачиваемое жалованье были недостаточны для удовлетворения потребностей больных. Что касается ухода за больными, то им занимались нищие, многие из которых не умели ни читать, ни писать, чья любовь к выпивке часто заставляла их лишать больных стимуляторов, а обращение с бедняками не отличалось ни рассудительностью, ни мягкостью. Это сдержанный эвфемизм официального отчета. [74] Иногда пациент по несколько дней не получал помощи сиделки, потому что нищенка, которой поручалось ее оказывать, сама была прикована к постели. Правилom

одной медсестры было давать лекарство три раза в день очень больным и один раз - довольно больным. Лекарство выдавалось в галипотнице; медсестра "выливала лекарство и судила по нему". Сообщалось о случаях, когда постель пациента не заправлялась пять дней и ночей; когда пациенты не получали пищи с 4 часов дня одного дня до 8 часов утра следующего; когда пациенты умирали или, правильнее сказать, были убиты из-за самой беспечной небрежности.

Рассвет лучшего дня наступил с принятием Закона о столичных бедняках 1867 года - закона, который фигурирует в историях Закона о бедных в этой стране как "отправная точка современного развития медицинской помощи по Закону о бедных". Многие люди внесли свой вклад в эту реформу. В случае Лондона следует особо упомянуть "Комиссию", учрежденную *"Ланцетом"* под руководством г-на Эрнеста Харта, которая впоследствии превратилась в "Ассоциацию по улучшению лазаретов при лондонских рабочих домах". Но человеком, который вдохновлял на правильный уход за больными бедняками и который за кулисами был главным движущим фактором в законодательстве 1867 года, была Флоренс Найтингейл.

//

Реформа началась в Ливерпуле, и инициатива принадлежала филантропу из этого города, мистеру Уильяму Рэтбоуну. Он говорил о мисс Найтингейл как о своем "любимом шефе", а она, когда он умер, прислала венок с надписью "В память и с покорной любовью об одном из лучших и величайших сыновей Бога". Его объемная переписка с ней началась в 1861 году, когда он захотел внедрить систему участковых медсестер среди бедняков Ливерпуля. Там не было квалифицированных медсестер, чтобы быть доступными, и он проконсультировался с мисс Найтингейл. Она посоветовала ему, что Ливерпулю лучше готовить медсестер для себя в своей собственной главной больнице, Королевском лазарете. Мистер Рэтбоун подхватил эту идею и построил школу и дом для медсестер. Это учреждение готовило медсестер как для Королевского лазарета, так и для бедных пациентов в их собственных домах. Мисс Найтингейл уделяла всем планам мистера Рэтбуна такое пристальное и постоянное внимание, "как если бы она сама собиралась стать матроной".^[75] Программа была начата в 1862 году и имела такой большой успех, что мистер Рэтбоун был воодушевлен попыткой расширить свое благотворительное предприятие. Считалось, что лазарет при рабочем доме в Ливерпуле лучше, чем большинство подобных заведений; но там, как и везде, уход за больными - если это можно так назвать - осуществлялся трудоспособными нищими женщинами. Трудоспособные женщины, попадающие в рабочие дома, никогда не относятся к числу умственно и морально здоровых; а в таком морском порту, как Ливерпуль, они были особенно низкого и порочного сорта. Работа медсестер, отобранных из этого бесперспективного материала, "контролировалась очень небольшим количеством оплачиваемых, но необученных приходских служащих, которые, как говорили, имели привычку носить лайковые перчатки в палатах, чтобы защитить свои руки". Всю ночь полицейский патрулировал некоторые палаты для поддержания порядка, в то время как другие, в которых заключенные были слишком больны или немощны, чтобы нарушать порядок, запирались и оставались без присмотра на всю ночь".^[76] 31 января 1864 года мистер Рэтбоун написал мисс Найтингейл, предложив план введения штата обученных медсестер и пообещав гарантировать расходы в течение нескольких лет, если она поможет с консультацией и поиском подходящей леди-суперинтенданта. Он попросил два письма - "одно для влияния", чтобы показать его прихожанам, а другое - для личного совета.^[77] Она и доктор Сазерленд составили необходимые документы; она договорилась, чтобы из больницы Святого Томаса прислали двенадцать "ночных медсестер"; и она выбрала леди-

суперинтенданта - выбор, от которого, как чувствовали и она, и мистер Рэтбоун, будет зависеть все. В мае приход согласился принять план мистера Рэтбуна, но прошло много месяцев, прежде чем он был запущен. "Здесь было столько дипломатии, - писала мисс Найтингейл матери монастыря Бермондси (3 сентября 1864 года), - и столько договоров, и столько людей, работающих друг против друга, как если бы мы собирались занять королевство, а не рабочий дом". Эта переписка составляет одну из самых объемных пачек среди бумаг мисс Найтингейл.

Леди-суперинтендантом - пионером в области ухода за больными - была мисс Агнес Джонс, ирландка, дочь полковника Джонса из Фахана, Лондондерри, и племянница сэра Джона Лоуренса. Она была привлекательной и богатой, молодой и остроумной, но очень религиозной и преданной своему делу.^[78] "Идеальная в своей красоте", - сказала о ней мисс Найтингейл;^[79] "как пастушка Людовика XIV". Она была одной из многих девушек, которые были взволнованы тем, что мисс Найтингейл отправилась добровольцем в Крым. "Возможно, это хорошо, - писала она, поступая в больницу Святого Томаса, - что я буду носить имя "стажера Найтингейл", потому что с этим почетным именем связаны мои первые мысли о больничной жизни". Зимой 1854 года, когда у меня появились первые желания работать и в течение нескольких месяцев было так мало возможностей их удовлетворить, как же я мечтала присоединиться к соловьиной группе, когда они отправились в Крым! Я выслушивала отклики многих, но я почти преклонялась перед той, кто выдержал их все". В 1860 году мисс Джонс последовала по стопам своей героини в Кайзерсверт. В 1862 году она представилась мисс Найтингейл, которая посоветовала ей завершить свое ученичество годичной стажировкой в больнице Святого Фомы. "До сих пор, - сообщала Матрона мисс Найтингейл (25 февраля 1863 года), - у меня не было ни одной дамы-стажера, равной по всем параметрам мисс Джонс". После завершения годичного обучения в больнице Святого Томаса она поступила на работу в качестве медсестры в Большую Северную больницу, и была там, когда пришло приглашение в Ливерпуль. Сначала мисс Джонс сомневалась, но после беседы с мисс Найтингейл "в нее вселилось убеждение", как она писала, что это Божий призыв и поэтому нужно подчиниться с доверием и надеждой.

В истории современного сестринского дела в этой стране шестнадцатое мая 1865 года - дата не менее памятная, чем двадцать четвертое июня 1860 года. В первый день была открыта Школа подготовки медсестер в больнице Святого Томаса; во второй двенадцать обученных медсестер начали работу в Ливерпульском лазарете, и там же была начата реформа сестринского дела в рабочем доме. Сама мисс Джонс приехала несколькими неделями ранее. Мистер Рэтбоун почувствовал важность этого события и отметил его приятным вниманием к мисс Найтингейл. "Я прошу, - писал он (12 мая, в день рождения мисс Найтингейл), - разрешить мне стать вашим садовником и сделать то, что я давно хотел - поставить подставку для цветов в вашей комнате и поддерживать ее растениями. Надеюсь, вы не обидитесь на мою самонадеянность и не откажете мне в удовольствии думать, что в вашей повседневной работе вы можете иметь напоминание о моей нежной благодарности за все, что вы сделали для нашего города и для меня. Если растения будут только процветать, как это делают добрые семена, которые вы здесь посадили, они будут достаточно яркими; что касается моих личных обязательств, вы никогда не сможете узнать, насколько они велики для вас за то, что вы направили меня к этой работе и в ней". Мистер Рэтбоун и другие любезные ливерпульцы (среди которых следует вспомнить мистера Дж. У. Кроппера) были столь же внимательны к мисс Джонс. За свой счет они оборудовали для нее комнаты в рабочем доме, украсили их цветами и картинами. Но это была трудная задача, к которой она была призвана, и по ее словам, приятность ее комнат делала палаты рабочего дома еще более ужасными. Молодая женщина, хорошо воспитанная, чувствительная и утонченная,

привыкшая пока только к хорошо обставленным больницам, была брошена в грубую суматоху больших нищенских палат, где чиновники, хотя и с добрыми намерениями, обязательно улавливали что-то из окружающей атмосферы. "Ваше любезное письмо, - писала она мисс Найтингейл после предварительного визита (август 1864 года), - пришло в ответ на искреннюю молитву и придало мне смелости, так что даже сейчас в ожидании комиссии я не чувствую нервозности. Губернатор обещал мне всяческое содействие и сказал, чтобы я "не падал духом, если поначалу затея покажется грозной, так как он меня во всем поддержит". Вы будете смеяться, когда я расскажу вам, как поначалу его недостаточная утонченность предвзято отнеслась ко мне, но его искренняя сердечная инициатива во всей этой работе меня вполне покорила". После этого их отношения были лишь безучастно хорошими. По его мнению, стандарты мисс Джонс были слишком строгими для грубых нравов рабочего дома.

Однако самым большим потрясением для мисс Джонс стала природа людей, которых ей поручили выхаживать. Грех и зло, по ее словам, до сих пор были для нее лишь именами. Теперь же она погрузилась в пучину человеческой порочности. Нецензурная брань, пьянство, порочные привычки, телесная и умственная деградация со всех сторон приводили ее в ужас. Подопечные, пишет она в своем первом письме из рабочего дома, "похожи на *ад Данте*". "Уна и лев"[80] - так мисс Найтингейл назвала свой рассказ об Агнес Джонс и ее нищих, "более неукротимых, чем львы". Правда, ей помогали двенадцать обученных медсестер, преданных как ей, так и своей работе; но в доме было 1200 заключенных, а из остальных "медсестер" некоторые были испытателями безразличного класса, а остальные - "нищими медсестрами", из которых мисс Джонс пришлось уволить 35 в первые несколько месяцев за пьянство. В то время стандарты чистоты в рабочем доме были удручающе низкими. Она обнаружила, что мужчины носили одни и те же рубашки в течение семи недель. Постельное белье иногда не стирали месяцами. Питание было безнадежно скудным по сравнению с больничным. Это "Скутари заново", - писала мисс Найтингейл, и мисс Джонс укреплялась мыслью, что ученица испытывает некоторые из тех трудностей, которые преследовали госпожу. Чтобы сгладить ситуацию, мисс Найтингейл написала заведующему рабочим домом, сказав, по сути, что весь мир смотрит на него как на лидера великой реформы; и он "выглядел очень довольным и польщенным вашим письмом", сообщала мисс Джонс. Мисс Найтингейл была постоянна в советах и поощрениях для своего ученика. "Никто никогда не помогал и не ободрял меня так, как вы". "Без вас я бы никогда не справилась". "Да благословит вас Бог за всю вашу доброту". Такие выражения показывают, насколько желанной и неизменной была помощь мисс Найтингейл. С ней советовались по всем вопросам. Были все трения, которые обычно сопровождают новый эксперимент. Были споры любого рода, и все они были направлены на мисс Найтингейл - иногда мистер Рэтбоун, иногда мисс Джонс, иногда оба. Когда ситуация казалась критической, мистер Рэтбоун приходил к мисс Найтингейл лично; в менее серьезных случаях он писал. Тогда мисс Найтингейл и доктор Сазерленд становились своего рода примирительным советом и смотрели, как можно урегулировать ситуацию. В одном из проектов судебных решений, представленных доктором Сазерлендом для согласования с мисс Найтингейл, оставлен пробел, чтобы она заполнила его, как объясняется в примечании, "мягкой пилкой". Его непринужденная манера иногда могла утешить его друга. Однажды, когда в Ливерпуле, казалось, все было на шесть и семь, он написал мисс Найтингейл следующее: "Я ни в коем случае не отчаиваюсь. Во всем происходящем есть элементы ирландской ссоры, ведь все они в большей или меньшей степени гибернийцы, и они успокоятся". Так и случилось. Мисс Джонс, которая поначалу была чересчур чопорной, вскоре нашла более подходящий способ, и во многих ее последующих отчетах есть "соловьиный штрих". "Сегодня они были немного раздражены, но я все равно добилась своего". Ее "очень забавляет то, как она

теперь получает все, о чем просит". Она предлагает что-то. Над ней смеются. Она упорствует. Проходит приличный промежуток времени, и тогда чиновники предлагают ей вещи; она говорит, что предложения отличные, и вещи делаются. Мисс Найтингейл и доктору Сазерленду очевидно, что рано или поздно полномочия леди-суперинтенданта должны быть более четко определены; очевидно также, что никчемные стажеры и пьяные нищие "медсестры" должны быть вычищены; но это лишь одна из вещей, которые должен доказать эксперимент, а пока достаточно вбить тонкий конец клина. Мисс Джонс так хорошо справляется со своей работой, что мнение в рабочем доме и за его пределами начинает даже с нетерпением ждать более толстого конца. Пока что эксперимент ограничивается мужскими палатами. Врачи приходят к мисс Джонс и с нетерпением спрашивают, когда ей и еще нескольким медсестрам Найтингейл будет поручена работа и в женских палатах. Старушки, которые приходят навестить своих мужей или братьев, сообщают о чудесных переменах в доме с тех пор, как туда пришли "лондонские медсестры". Навещающие дамы сообщают о том же. Эксперимент становится популярным, и ливерпульская ризница начинает задумываться, не следует ли отнести расходы, которые до сих пор покрывались из частного кошелька мистера Рэтбоуна, на тарифы. У мисс Найтингейл есть все основания для радости. Она с головой окунулась в работу не только для того, чтобы этот эксперимент увенчался успехом, но и потому, что хочет использовать его как рычаг для продвижения более масштабных реформ.

///

Ливерпуль показал путь, и мисс Найтингейл решила, что этот путь должен быть пройден в Лондоне. Борьба была долгой и трудной; судьба политической войны в критический момент пошла против нее; победа 1867 года была лишь частичной, и, конечно, есть и другие части ее замыслов, которые и по сей день ждут своего воплощения. Но проницательность, с которой она с самого начала, как показывают ее документы, овладела важнейшими позициями, была виртуозной. Я могу понять, как получилось, что мистер Чарльз Вильерс, обычно не склонный к таким вспышкам восхищения, воскликнул другу: "Я с удовольствием читаю песню соловья обо всем этом. Если бы у кого-нибудь из них была хоть десятая часть ее бодрости духа, мы могли бы на что-то рассчитывать".

Первый ход в ее кампании был сделан в декабре 1864 года. Было проведено дознание по делу о смерти Тимоти Дэйли, которое было опубликовано в газетах под заголовком "Ужасное обращение с нищим". Факты, как выяснилось в итоге, в данном конкретном случае оказались не столь ужасными, как их рисовали в прессе, но обстоятельства были удручающими, и общественное мнение было взбудоражено. Ситуация была в том благоприятном состоянии для перемещения министров, когда в воздухе витает ощущение, что "нужно что-то делать". Мисс Найтингейл воспользовалась возможностью, чтобы начать общение с президентом Совета по делам бедных, мистером Вильерсом. В этом первом письме она не раскрыла весь свой план, но сказала достаточно, чтобы показать, что она рассматривала этот вопрос в более широком контексте. Она знала искусство начинать с умеренной и даже скромной ноты. Она решилась писать, потому что дело касалось сестринского дела, в котором у нее был некоторый практический опыт; кроме того, ее "соотечественники доверили ей средства для обучения медсестер". Она описала, что будет сделано в Ливерпульском лазарете матроной, прошедшей обучение в "Фонде Найтингейл", и предложила министру обратить внимание на возможность предотвращения скандалов, которыми пестрят газеты, путем запуска подобной схемы в Лондоне. Это письмо, к составлению которого приложил руку доктор Сазерленд, попало прямо в цель. Мистер Вильерс сразу же ответил (31 декабря 1864

года), что хотел бы лично пообщаться с мисс Найтингейл по этому вопросу. В январе интервью состоялось, и это стало началом длинной серии личных и письменных сообщений между ними в течение следующих нескольких лет. Однажды в начале 1865 года мистер Вильерс, будучи лишен возможности по служебным делам встретиться с мисс Найтингейл, попросил ее принять вместо него его правую руку, мистера Х. Б. Фарналла, инспектора по делам бедных в столичном округе. Мистер Фарналл позвонил, и в мгновение ока они с мисс Найтингейл сблизились, как заговорщики. Для целей Закона о бедных он вскоре стал начальником ее штаба. Мистер Фарналл был человеком по ее собственному сердцу. Он не только знал факты, с которыми ему приходилось иметь дело, но и чувствовал их, испытывая нечто вроде ее "божественного нетерпения". "Для меня невыносимо, - говорил он, - знать, что есть 12 000 задыхающихся и несчастных бедняков, которых мы могли бы утешить и, возможно, в некоторых 5000 случаев спасти, и все же мы должны позволить им ждать, пока весь мир соберется встать с постели и подумать обо всем этом". Он был острым и широко мыслящим реформатором, и идеи мисс Найтингейл были на линиях, которые он тоже рассматривал. Он был старой чиновничьей рукой, но ненавидел чиновничьи препятствия: "Все это - измена королю Красной ленты, но я знаю, что старый король всегда счастлив после перемен, хотя он очень краснеет, пока эти перемены происходят". Мисс Найтингейл немедленно приступила к работе со своим новым союзником. Как и во всем, за что она бралась, она знала, что в первую очередь необходимо собрать факты. Она составила список запросов, которые нужно было заполнить по всем больничным палатам и лазаретам Лондона. "Я немедленно выдам вам бланки", - написал мистер Фарналл (16 февраля 1865 года). Он потребовал, чтобы они были заполнены в двух экземплярах, и комплект мисс Найтингейл сохранился среди ее бумаг. В течение всего года она и мистер Фарналл занимались тем, что вдохновляли и подстрекали мистера Вильерса на радикальные реформы. Он был очень готов, но он становился старым человеком, у него было много других забот, и он был склонен видеть львов на своем пути. Кроме того, не все чиновники в Совете по делам бедных были сторонниками реформ; были и те, кто занимал более высокое положение, чем мистер Фарналл, и придерживался совершенно иного мнения; а некоторые из медиков были склонны оспаривать необходимость каких-либо радикальных изменений. Тем не менее, что касается ухода за больными в работных домах, мистер Вильерс незамедлительно уполномочил мистера Фарналла настаивать на важности найма компетентных медсестер, и он заявил в Палате общин (5 мая), что "в результате сообщений, полученных в последнее время в Совете по делам бедных от мисс Найтингейл, которая сейчас проявляет большой интерес к этому вопросу", он надеется, что могут произойти большие реформы в области ухода за больными. Она, однако, прекрасно понимала, что единственным путем к таким реформам является реформа администрации и финансов. В следующем месяце мистер Фарналл убедил своего шефа включить в невинный законопроект о продолжении работы Совета по делам бедных пункт, который позволил бы Совету *заставить* опекунов улучшать рабочие дома; но этот пункт был исключен, мистер Фарналл был разочарован, и мисс Найтингейл написала, чтобы успокоить его. Они должны работать еще усерднее, чтобы добиться, не боковым ветром, а прямым движением на следующей сессии парламента, полной и далеко идущей реформы. "Ваша любезная записка, - писал мистер Фарналл (3 июля), - принесла мне огромную пользу; в ней нет ни одного выражения или надежды, которые я не мог бы воплотить в жизнь". Так что мы вместе надеемся на созревшие плоды следующего года. Я тоже надеюсь, что мы действительно сможем его попробовать. Я обещаю вам не расслабляться ни в чем, пока задача не будет выполнена. Это то, ради чего стоит жить, и то, что вы говорите, что такая победа когда-нибудь достанется мне. Об этом приятно думать, и я буду думать об этом, как солдат думает о своем флаге".

Итак, мисс Найтингейл приступила к работе, с помощью мистера Фарналла и доктора Сазерленда, разрабатывая план на 1866 год. Существует несколько черновиков, написанных ее рукой, для меморандума, который в итоге был представлен мистеру Вильерсу, и множество заметок и поправок доктора Сазерленда. Схема была также отправлена (позднее) мистеру Чедвику (одному из немногих оставшихся в живых членов знаменитой Комиссии по делам бедных 1834 года), чтобы он мог представить ее Джону Стюарту Миллю, которого мисс Найтингейл пыталась привлечь к участию в этом деле.^[81] Основные положения и соображения были следующими:.

А. Настаивать на великом принципе отделения больных, душевнобольных, "неизлечимых" и, прежде всего, детей, от обычного населения мегаполиса.

В. Выступать за единое центральное управление.

С. Передать больных, душевнобольных и т.д. под отдельное управление, поддерживаемое "общим больничным тарифом", который будет взиматься для этой цели на всей территории метрополии.

Вот азбука необходимой реформы.

(А) До тех пор, пока больной мужчина, женщина или ребенок *в административном порядке* считается нищим, которого нужно подавлять, а не существом, которого нужно выхаживать, до тех пор будут происходить эти позорнейшие разоблачения. Уход за *больными* бедняками и управление ими - совершенно иная вещь, чем управление нищими. Почему у нас есть больницы, чтобы лечить, и лазареты, *чтобы не лечить*? Если рассматривать это исключительно с точки зрения предотвращения пауперизма, то какая же это глупость и аномалия!... Прежняя система смешения всех видов бедняков в работных домах никогда не будет применяться в будущем. В первую очередь необходима классификация и разделение".

(В) Единообразие системы абсолютно необходимо, как для эффективности, так и для экономии.

(В) Для обеспечения подходящих заведений для ухода и лечения больных, душевнобольных и т. д. необходимы консолидация и общий тариф. Обеспечение подходящего лечения в каждом рабочем доме потребует расходов, которые не сможет выдержать даже Лондон. Вся медицинская помощь Лондона должна находиться под единым центральным управлением, которое будет знать, где можно найти свободные койки, и сможет так распределять ^[134] больных и т. д., чтобы использовать все учреждения наиболее экономичным образом".

Мисс Найтингейл подробно изложила свои взгляды, затронув вопросы больниц, сестринского дела, школ при работных домах и т. д. Кардинальным моментом было то, о чем мистер Фарналл говорил ей как о "вашей ставке на больницы и приюты". Министр благосклонно отнесся к этой идее. "Я посоветовался с мистером Вильерсом, - писал мистер Фарналл (12 декабря), - и он решил принять вашу схему. Он считает, что она будет популярной и справедливой, и я тоже так думаю, но я также думаю, что она станет средством для проведения мною дальнейшей реформы в ближайшие дни. Это моя надежда и вера. Если ваши планы осуществляются, моя борьба наполовину окончена. При таких обстоятельствах я завтра же начну составлять для вас список фактов, на которые те, кто будет поддерживать ваш план в печати, смогут навесить значительное количество плоти, ибо я предоставлю очень хороший скелет". Мисс Найтингейл через посредника уже заинтересовала редактора "Таймс", и он побывал на встрече с мистером Вильерсом. Дальнейшая общественная поддержка исходила от вышеупомянутой Ассоциации (стр. 124),

которая направила депутацию в Совет по делам бедных. Мистер Вильерс в своем ответе (14 апреля 1866 года) предвещал принятие закона по примеру мисс Найтингейл, и он назначил мистера Фарналла и еще одного ее друга, доктора Ангуса Смита, для проверки всех лазаретов. Их отчет уже цитировался. Общественное мнение созрело для радикальных реформ, но министерство вигов пошатнулось, новое спорное законодательство не считалось целесообразным, и в июне 1866 года мистер Вильерс вышел из игры. Возможность ушла, и мисс Найтингейл осталась плакать: "Увы! Увы! Увы!"

IV

Однако она была не из тех, кто тратит время на пустые причитания. Ей нужно было начать все сначала, вот и все; и она сразу же написала, как мы слышали,^[82] новому министру. Она также добилась представления мистера Фарнала лорду Дерби, и премьер-министр, похоже, отнесся к этому с пониманием. Мистер Харди ответил вежливо, но не стал продолжать письмо, и его первый шаг показался зловещим. Он уволил мистера Фарналла из Уайтхолла и направил его в Йоркширский округ по делам бедных. Считалось, что партия противников реформ одержала верх. Но тут произошел счастливый случай. Мистер Харди выступил с речью, в которой намекнул, что существующие законы, при условии их надлежащего исполнения, вполне достаточны для решения данной проблемы. Формально в этом утверждении была доля истины, но на практике оно было ошибочным;^[83] и в любом случае замечание мистера Харди было отражением администрации его предшественника. Это сильно расстроило мистера Вильерса; он "не собирался сидеть сложа руки", сказал он; он стал раскаленным сторонником реформ; он также был очень начеку, чтобы подставить подножку своему преемнику. Мисс Найтингейл не преминула подлить масла в огонь. Мистер Вильерс долго переписывался с ней, неоднократно виделся с ней, сообщал все, что мог узнать о том, как идут дела в Уайтхолле, и умолял ее сделать то же самое для него. "Публика должна понять, - сказал он ей, - что не нужно было ничего, кроме прикосновения палочки мистера Харди, чтобы все встало на свои места". Публика, подумала мисс Найтингейл, вскоре обнаружит его ошибку. Мистер Харди поймет, что ему придется либо ничего не делать, либо принимать законы; если, конечно, министерство Тори не будет свергнуто первым.

Мисс Найтингейл была вигом, и она тоже была бы рада, если бы тори ушли, а мистер Вильерс снова пришел в Совет по делам бедных. Но ее гораздо больше заботило то, что пренебрежение к больным беднякам должно быть исправлено в кратчайшие сроки; и поскольку тори, в конце концов, могут переждать бурю, она должна была посмотреть, что можно сделать, чтобы добиться от них законопроекта о бедных. Осенью мистер Харди назначил комитет, состоящий в основном из врачей, для доклада "о необходимом количестве помещений и других вопросах, связанных с рабочими домами и лазаретами". Одним из "других вопросов" был уход за больными, и комитет, вместо того чтобы высказать свое мнение по этому вопросу, попросил мисс Найтингейл прислать им документ. В этом меморандуме, датированном 19 января 1867 года, она в полной мере использовала предоставленную ей возможность; ведь она указала, что вопрос об уходе за больными не может быть отделен ни с точки зрения логики, ни с точки зрения эффективной практики от вопроса об управлении. "В ходе недавних расследований, - писала она, - опытного руководителя больницы поражают не отдельные случаи, о которых так много говорят (хотя и они поражают), а мнение, которое лучшие матроны, лучшие магистры и другие должностные лица работных домов высказывают из своих уст (в качестве доказательства) о том, что они считают своими обязанностями. Они имели столь же малое отношение к тому, что обычно считается (не только мной, но и всем христианством) обязанностями управляющих

больницами, как и к обязанностям управляющих железными дорогами. Ваш комитет, вероятно, хорошо знаком с администрацией *Общественной помощи* в Париже. Не нужно большого воображения, чтобы представить себе, что они думают о системе или отсутствии системы, царящей здесь.^[84] Я имею в виду нагромождение стариков, немощных, больных, трудоспособных, сумасшедших, а иногда и детей в одном здании вместо того, чтобы, как в любой другой христианской стране, иметь свой приют для стариков, свою больницу для больных, свой приют для сумасшедших, свою профсоюзную школу и т. д., и т. п., и т. д., каждый под своим управлением, и своих трудоспособных совершенно отдельно от любой из этих категорий. Этот момент настолько важен для внедрения и успешной работы эффективной системы ухода за больными, что я проиллюстрирую его....". И она продолжила излагать свою общую схему. В соответствии со своим обычаем, мисс Найтингейл отпечатала копии своей статьи и распространила их среди влиятельных людей. Комитет предоставил ей трибуну, но его собственный доклад имел лишь вспомогательное значение. Она изложила свою точку зрения с оттенком преувеличения, характерным для ее знакомых писем к капитану Гальтону, одному из членов Комитета. "Я смотрю на кубическое пространство как на наименьшее из зол - на самом деле, скорее, как на благо, ведь это очень хорошо - душить нищих больных, чтобы избавить их от страданий". Между тем она считала, что "инсайдерам" полезно знать, что "аутсайдеры" не собираются откладывать тему реформы закона о бедных. "Последние два месяца я вела большую тайную переписку, - писала она другу, который мог передать информацию (28 октября 1866 г.), - с моими старыми друзьями в Совете по делам бедных. Старые любимые считают, что новый хозяин стремится ничего не делать. Лишь в одном я совершенно уверен. И это то, что мистер Вильерс будет вести мистера Гаторна Харди нелегкую жизнь в феврале следующего года".

V

Мистер Харди остался при своем мнении и не подавал никаких знаков. По мере приближения сессии мисс Найтингейл начала волноваться и заваливать его письмами и записками. В одном из них она допустила, как оказалось, досадную ошибку. Она была слишком откровенна. Она убеждала мистера Харди в важности ливерпульского эксперимента и в ходе своего изложения случайно обмолвилась, что возникли трудности. Мистер Харди неверно истолковал это замечание и воспользовался им, чтобы объяснить в Палате общин, почему он не собирается предпринимать никаких прямых действий в вопросе реформы сестринского дела. Однако косвенно его предложения принесли много пользы. 8 февраля 1867 года мистер Харди представил свой законопроект. Итак, законодательство было признано необходимым для того, чтобы удовлетворить требование о том, что что-то должно быть сделано. Таким образом, мистеру Вильерсу не было нужды делать жизнь мистера Харди бременем для себя. Вопрос заключался в том, как много сделал законопроект, и был ли он хорош или плох? Тем, кто ратовал за реформы, не терпелось узнать мнение мисс Найтингейл. "Мне бы очень хотелось услышать, - писал ей мистер Вильерс, - что вы скажете об этом семимесячном ребенке, родившемся в рабочем доме в Уайтхолле". Ассоциация мистера Эрнеста Харта, чье отношение мистер Вильерс охарактеризовал как "молчаливое, но не удовлетворенное", обратилась за ее мнением. Ее друзья-журналисты хотели получить подсказки. Доктору Сазерленду в записке, требующей его немедленного внимания, сообщили, что "Х. хочет знать, в каком тоне он должен написать свою статью в *"Дейли ньюс"*, и что "У. напишет статью в *"Пэлл Мэлл"* в любом смысле, который мы пожелаем". Всякий раз, когда вносится законопроект, касающийся вопроса, который требует или допускает крупные реформы, есть две точки зрения, с которых его можно рассматривать. Один человек сравнивает то, что предлагается, с существующим положением вещей и спрашивает себя: есть ли какие-либо улучшения? Другой, сравнивая

предложения с тем, что может существовать в будущем, спрашивает: приближен ли законопроект к идеалу? Первый - это взгляд, которого придерживаются "практические политики"; второй - взгляд, которого склонны придерживаться административные энтузиасты. Административный ум мисс Найтингейл видел в основном, и сначала видел только, точки, в которых, и в какой степени, законопроект мистера Харди не хватало логического совершенства. Это была предварительная мера; она была в значительной степени разрешительной; она кое-что сделала, чтобы отделить больных и детей от обычных нищих, но не сделала всего. Более того, насколько можно судить по прямому и ясному принятию, он ничего не сделал для улучшения ухода за больными в работных домах. Поэтому мисс Найтингейл назвала законопроект "хамбом". Его принципы были "никакими", его детали - "чудовищными". Она упорно пыталась добиться внесения поправок и расширения законопроекта. Сэр Гарри Верни, который, возможно, можно назвать "член парламента для мисс Найтингейл", дал все возможное содействие; и г-н Милл, вдохновленный в значительной степени его старый друг г-н Чедвик (с которым мисс Найтингейл также был в постоянной переписке), принял видное участие в дебатах с той же целью. Но он редко доводил свои доводы до разделения, и в оппозиции было мало жизни. Мистер Вильерс был настолько критичен, насколько это было разумно, но реальный факт заключался в том, что законопроект сделал большой и удивительный шаг в направлении, на котором настаивала мисс Найтингейл. Это были дни, когда Дизраэли обучал свою партию политическому искусству расправы с вигами, и, как писал мистер Джоуэтт мисс Найтингейл, трудно было обнаружить какую-либо четкую разницу между тори и радикалами. Мистер Милл, с откровенностью, присущей философу, "не сомневался, что законопроект принесет значительные улучшения"; мистер Вильерс, с решимостью политика набрать очко, признавал, что "законопроект запустит мяч", и размышлял, что от партии, которая была обращена "от чистого консерватизма к домашнему избирательному праву за 48 часов", может произойти что угодно; а мистер Харди, проводя эту меру, был осторожен, чтобы примирить другую сторону. Он согласился со всеми возражениями "в принципе", сослался на трудность сделать все в один момент и утверждал, что его законопроект - "только начало". Так оно и оказалось на самом деле; хотя даже в то время реформы, проведенные законопроектом, который стал законом 29 марта 1867 года, были достаточно благотворными. Все лондонские союзы и приходы были объединены в один округ, "Столичный район убежищ", для лечения душевнобольных, больных лихорадкой и оспой, которые до сих пор находились в работных домах. Для неинфекционных больных были созданы отдельные лазареты со значительно увеличенной площадью на одного заключенного. По всей метрополии были созданы диспансеры. Прежде всего, был создан "Общий фонд бедных метрополии" ("Тариф на больницы и приюты" в меморандуме мисс Найтингейл), в который отчислялись средства на содержание "приютов", медикаменты и т.д., а также на содержание детей бедняков в отдельных школах. Когда битва была проиграна - или выиграна, - мисс Найтингейл подсчитала доходы и сказала: "Это начало; со временем мы добьемся большего".[85] Так и произошло. Закон 1867 года стал фундаментом, на котором были заложены многие улучшения в медицинской помощи по закону о бедных[86], и принципы, заложенные в этом законе - отделение больных от нищих, а в случае Лондона - превращение медицинской помощи в общую плату - вероятно, получают еще большее признание. Это те принципы, за которые боролась мисс Найтингейл. На ее влияние в формировании общественного мнения, которое сделало возможным принятие закона 1867 года, ссылались в обеих палатах парламента.[87]

Вскоре после вступления в силу закона 1867 года, направленного на улучшение работы лондонских работниц, в Ливерпуле скончалась пионерка улучшенного ухода за больными. Работа мисс Агнес Джонс, чьи ранние трудности были описаны выше, продолжалась со все возрастающим успехом. Трудности действительно продолжались, и в течение 1867 года мисс Найтингейл все еще была занята, давая советы и поддержку; но результаты работы были настолько удовлетворительными, что в марте 1867 года Ливерпульский приход решил расширить штат квалифицированных медсестер в женских отделениях и переложить все расходы на тарифы. Когда напряжение от возросшей работы достигло своего предела, на мисс Джонс напала лихорадка, и она умерла 19 февраля 1868 года. В *"Добрых словах"* в июне следующего года мисс Найтингейл опубликовала трогательную статью в память о своем друге и ученике: "Она умерла так же, как и жила, - в возрасте, когда она была в возрасте."

Она умерла, как и жила, на своем посту в одном из крупнейших трудовых лазаретов в Королевстве. Она жила жизнью и умерла смертью святых и мучеников, хотя самый большой грешник не удивился бы больше, чем она, услышав это о себе. Менее чем за три года она привела одну из самых беспорядочных больниц в мире к подобию христианской дисциплины, чему удивлялась сама полиция. Она убедила ризничего в экономичности и гуманности ухода за нищими больными с помощью обученных медсестер. Она обратила в свою веру Совет по делам бедных - орган, который, возможно, обычно не отличается большим энтузиазмом. Она обезоружила всю оппозицию, весь сектантский фанатизм; так что римские католики и унитарии, высокие и низкие церкви, все буквально поднялись и назвали ее "благословенной". Все, независимо от религиозного вероисповедания, казалось, слили в ней свои разногласия, видя в ней ту единственную истинную сущность, по сравнению с которой они признавали свои различия ничтожными. А престарелые нищие после ее смерти слагали стихи в ее честь.

Все это она сделала менее чем за три года - время, которое обычно отводится на земное служение Спасителя, за которым она так искренне стремилась следовать. Она обладала изяществом, остроумием, неизменной жизнерадостностью - качествами, столь примечательными, но так часто упускаемыми из виду в жизни нашего Спасителя. В ней отсутствовал всякий аскетизм, или "мортификация" ради мортификации, которая характеризует Его работу, да и любую настоящую работу в наши [141] дни, как и в Его дни. И как же она все это делала? Когда она была девочкой, она не отличалась какими-либо выдающимися способностями, за исключением того, что она до предела культивировала в себе способность быстро справляться с делами, не путаясь в них и не прихорашиваясь; настоящие дела - дела ее Отца. Она всегда была полна мысли о том, что должна заниматься "делом Отца". Как можно недооценивать деловые привычки? Как будто без них можно что-то сделать. Она могла сделать, и делала, больше дел своего Отца за шесть часов, чем обычные женщины делают за шесть месяцев, или чем большинство даже самых лучших женщин делают за шесть дней.... То, через что она прошла во время жизни в рабочем доме, едва ли известно только Богу и одному или двум. И все же она говорит, что "никогда не была так счастлива за всю свою жизнь". Всю прошлую зиму под ее началом находилось более 50 медсестер и надзирательниц, более 150 нищих, от 1290 до 1350 пациентов, что на две-три сотни больше, чем количество коек. Все это она должна была обеспечивать и организовывать, часто получая приток пациентов без предупреждения. Ей приходилось уговаривать пациентов спать по трое и четверо на двух кроватях; иногда в одну кровать приходилось укладывать шестерых, а то и восьмерых детей; и когда их однажды спросили, не "пинают ли они друг друга", они ответили: "О, нет, мэм, нам так хорошо". Бедняжки, они едва

ли помнили, что когда-либо спали в одной кровати. Но это не обычная жизнь в рабочем доме. И если бы кто-нибудь узнал, каковы самые низкие глубины человеческого порока и несчастья, увидел бы гниющую массу разложения живых человеческих тел и человеческих душ, а затем попробовал бы, что может сделать одна любящая душа, наполненная духом своего Бога, чтобы впустить свет Божий в этот ужасный колодец (хуже, чем колодец Коунпора), Перевязать раны, исцелить сокрушенных сердцем, освободить пленников - пусть она изучит пути и пойдет по стопам этой молодой, хрупкой женщины, которая умерла, чтобы указать нам путь - благословенный в ее смерти, как и в ее жизни.

Смерть мисс Джонс принесла мисс Найтингейл много беспокойства и дополнительной ответственности. "Вся работа по поиску ее преемницы легла на меня, - писала она мадам Моль (20 марта), - и, кроме того, они ожидают, что я буду управлять Рабочим домом в Ливерпуле из своей спальни". И снова (30 апреля): "Последние два месяца я по семь-восемь часов в день дополнительно пишу об этом ливерпульском рабочем доме". Целая куча корреспонденции по этому вопросу делает это заявление вполне достоверным. "Мне кажется, я наконец-то нашел преемника[88]. Не думаю, что что-то за всю мою долгую жизнь так сильно поразило меня, как тупик, в который мы попали из-за смерти одной ученицы - в сочетании, знаете ли, с огромной *челюстью*, бесконечными женскими чернилами, которые Англия изливает на "Женскую работу". Раньше говорили, что люди отдают свою *кровь* своей стране. Теперь они отдают свои *чернила*". Первой заботой мисс Найтингейл было вложить сердце и силы в медсестер, которые теперь были лишены своего шефа. Пишущая как их "нежный друг и товарищ по несчастью", она призывала их сражаться не дрогнув. "Многие сражения, которые казались отчаянными, пока генерал был жив, были выиграны солдатами, которые, увидев, что их генерал пал, были полны решимости сохранить его имя и завоевать землю, за которую он умер. И неужели мы будем сражаться в небесной битве, в битве за исцеление тел и душ Божьих бедняков, хуже, чем люди сражаются в земной битве за убийство и ранение?" "Медсестры были великолепны", - смогла сообщить она впоследствии. Мисс Найтингейл завершила свою статью в "*Добрых словах*" волнующим призывом к другим людям - служителям бедного закона, со своей стороны, и преданным женщинам, со своей стороны, - идти и делать то же самое. "Сын Божий идет на войну, а кто идет за Ним? О, дочери Божьи, неужели так мало желающих откликнуться?" Этот призыв вызвал отклик по крайней мере в одном сердце. Одна из самых дорогих учениц мисс Найтингейл приписала свой призыв этой статье в "*Добрых словах*". "Некоторые из нас, - говорит она, - которые были детьми в дни Крымской войны, когда была проделана самая известная работа мисс Найтингейл, были ответственными девочками дома, ухаживали, когда возникали случаи в наших семьях, при свете ее *записок*, под музыку стихов Лонгфелло, когда она снова появилась перед нами, вспыхнув из своей отставки с трубным кличем "Уна"". Многие сейчас призваны к такой работе, но немногие, я полагаю, избраны - в том смысле, что признаны достойными выполнять эту работу в духе Агнес Джонс. Ливерпульский эксперимент, ставший успешным благодаря ее преданности, быстро дал о себе знать. Через десять лет система использования нищих заключенных в качестве сиделок была полностью заменена во всех приютах для больных и отдельных лазаретах на оплачиваемых сиделок. В 1897 году работа нищих медсестер в любом рабочем доме была запрещена, а подготовка оплачиваемых медсестер постоянно совершенствовалась.[89] Для мисс Найтингейл, здесь, как и во всех ее начинаниях, каждый достигнутый пункт был лишь шагом на пути к совершенству. Среди некоторых бесед с самой собой, написанных в 1867 году, есть такая запись: "Пасхальное воскресенье. Никогда не думайте, что вы сделали что-то эффективное в области ухода за больными в Лондоне, пока не станете ухаживать не только за больными бедняками в работных домах, но и за теми, кто живет дома".

ГЛАВА II

СОЮЗ С СЭРОМ БАРТЛОМ ФРЕРОМ (1867-1868)

Воистину, эти бедные люди будут иметь повод благословлять вас еще долго после того, как английские вице-короли и династии уйдут в прошлое".

Когда Сидни Герберт умер, его работа в качестве реформатора армии была частично приостановлена, потому что он так и не ввел то, что мисс Найтингейл назвала "главной пружиной". Ему не удалось реформировать военное министерство. Таким образом, не было создано такой эффективной организации, которая обеспечила бы даже постоянное владение уже завоеванной территорией и тем более непрерывное продвижение вперед. Теперь существовала некоторая опасность подобного положения вещей в связи с общественным здравоохранением в Индии, и мисс Найтингейл направила свои мысли на то, чтобы предотвратить это.

Было много улучшений, но до сих пор не было последовательной схемы организации, а в некоторых аспектах уже произошел откат назад. Санитарные комиссии были сокращены по причине расходов до двух должностных лиц (председатель и секретарь) в каждом случае, и теперь планировалось дальнейшее сокращение. При каждом местном правительстве должен был быть один санитарный чиновник, и предлагалось, чтобы этот чиновник был генеральным инспектором тюрем. Оставался "Санитарный комиссар при правительстве Индии", который не должен был совмещать эту обязанность с инспектированием тюрем; но такая схема, несомненно, не дала бы никакого "толчка" для улучшения санитарных условий. Тем временем срок полномочий сэра Джона Лоуренса подходил к концу; и мисс Найтингейл, считая его незаменимым человеком, смотрела на конец его вице-королевства как на событие, почти сравнимое со смертью Сиднея Герберта. Нельзя повторять ту же ошибку во второй раз. Прежде чем сэр Джон Лоуренс ушел в отставку, необходимо вставить главную пружину в механизм санитарного прогресса в Индии. Мисс Найтингейл была четкая политика в ее уме, и она обеспечила большинство ее пунктов с быстротой и полнотой, которые дают право на этот эпизод, чтобы занять место среди ее самых блестящих кампаний. Если мы сразу обозначим основные моменты, это сделает ход событий более понятным. Мисс Найтингейл стремилась создать эффективную машину, которая будет производить санитарные улучшения в соответствии с лучшими знаниями дня, и работа которой будет зависеть от движущей силы общественного мнения. Поэтому она поставила перед собой задачу добиться, если удастся, (1) создания исполнительного санитарного органа в Индии, (2) экспертного контролирующего (и, кстати, вдохновляющего) органа в Лондоне, и (3) публикации ежегодного отчета о проделанной работе, чтобы обе части механизма были доступны для общественного контроля.

По первому из этих пунктов мисс Найтингейл была обречена на некоторое разочарование. Ни в то время, о котором мы здесь говорим, ни в ее поздние годы, ни до сих пор в Индии не было создано никакого высшего и исполнительного санитарного механизма. "Это правда", - сказал государственный секретарь во время дебатов в Палате лордов по санитарным вопросам в Индии в 1913 году (9 июня), - "что нынешняя система очень далека от создания большого независимого санитарного департамента, верховного над провинциальными правительствами и образующего один из главных департаментов правительства Индии". Это

был идеал мисс Найтингейл в это время, хотя в более поздние годы, как мы узнаем,^[90] она признала, что санитарный прогресс в Индии не может быть сделано по часам; но на противоположном полюсе стоял план, который она была угроза в 1867 году для назначения санитарного управления в местных органах власти в подглаве тюремного департамента. До отъезда сэра Джона Лоуренса из Индии она успела убедиться, что принята другая схема, которая, во всяком случае, была так же далека от тюрьмы, как и от ее идеала. По двум другим пунктам, указанным выше, она в то время была полностью успешна. Во всем этом у нее был ценный союзник; и это был ее способ видеть в удачных обстоятельствах нечто вроде особого провидения. Самый логичный ум иногда допускает исключения, но на самом деле исключений не было. Провидение, по ее убеждению, есть закон, и стало законом, что люди, заинтересованные в ее интересах, должны обращаться к ней. Именно поэтому в это время она завязала дружбу с человеком, чья бескорыстная преданность делу санитарной реформы в Индии была равна ее собственной, и чье сотрудничество должно было оказаться самым ценным. Этим новым другом стал сэр Бартл Фрер.

//

В течение года и более вопрос об организации Службы общественного здравоохранения в Индии оставался в тени. Деша сэра Джона Лоуренса была утеряна в Индийском офисе в течение нескольких месяцев (стр. 109). Затем, когда она была найдена и мисс Найтингейл составила ответ, лорд де Грей покинул свой пост до того, как ответ был отправлен (стр. 110). Она установила связь с его преемником, лордом Крэнборном (р. 114); но его пребывание в Индийском офисе было недолгим, поскольку, когда был представлен законопроект Дизраэли о франшизе, он ушел в отставку. Его сменил сэр Стаффорд Норткот, с которым до сих пор мисс Найтингейл не была знакома. Она усердно писала сэру Джону Лоуренсу, который продолжал спрашивать ее совета и присылать ей бумаги; но она держала руку на пульсе. Причина заключалась в том, что все ее друзья говорили ей, что "тори будут на свободе через неделю". Доктор Сазерленд, осмелев, пошел дальше и заговорил об измене сэра Джона Лоуренса: "Он наш злейший враг", и "нам лучше подождать". Мисс Найтингейл приписала эту грубость желанию доктора Сазерленда быть на охоте за холерой в Средиземном море и упрекнула его в нескольких импровизированных рифмах.^[91] Сэр Джон Лоуренс был ее героем. Если он иногда поступал неправильно (что она вынуждена была признать), она списывала это, полагая, на его Совет, с которым он, как известно, не был в хороших отношениях; все, что делалось правильно, было его заслугой. Тем временем шли недели, а тори не выходили; напротив, они очень хотели остаться дома. Мисс Найтингейл решила больше не ждать. О своей решимости она сообщила в письме капитану Гальтону (28 мая 1867 года). Он был в курсе санитарных дел индейцев как член Санитарного комитета военного министерства, к которому часто обращались с подобными вопросами, и она придавала большое значение его мнению. "Наши индейские дела, - писала она, - становятся настолько пьяными, насколько это возможно"; она была полна решимости привести их в порядок. Ей "настоятельно советовали обратиться напрямую к сэру Стаффорду Норткоту"; советовал, надо полагать, мистер Джоуэтт (ведь сэр Стаффорд был человеком из Баллиола, а значит, особенно поддавался разуму?). Что же посоветовал капитан Гальтон? Он согласился, что дела идут неважно, и был рад, что она намерена переехать. Он познакомил бы ее, если бы она захотела, с сэром Стаффордом и посоветовал ей повидаться с сэром Бартлом Фрером, "поскольку, как мне кажется, вы могли бы сделать его полезным". Он только что вернулся с поста губернатора Бомбея и получил место в Совете по делам Индии в Лондоне. Через две недели (14 июня) он и мисс Найтингейл встретились:...

(Мисс Найтингейл - капитану Гальтону.) 35 Саут-стрит, 16 июня [1867 г.]. Я виделась с сэром Бартлом Фрером. Он приехал в пятницу по собственной договоренности. Мы отлично поговорили. Он произвел на меня замечательное впечатление - большее, чем любой индеец, которого я когда-либо видел, кроме сэра Джона Лоуренса; и я, кажется, за час узнал от него больше об индийской администрации и о том, как она развивается, чем от Эллиса за шесть месяцев, или от Стрэчи за два дня, или от индийских советов (государственных секретарей, королевских комиссий и всего прочего) за шесть лет. Надеюсь, сэр Б. Фрере будет нам полезен. Я еще не обращался к вам с просьбой соединить меня с сэром С. Норткотом. Потому что почему? Ваш комитет не будет заседать. Он не будет заседать в понедельник, потому что понедельник - это Белый понедельник. А вторник - Белый вторник. А среда - Пепельная среда. А четверг - День Вознесения. А пятница - Страстная пятница. А суббота - это гостиная. А воскресенье - это воскресенье. И так ведется британский бизнес. Теперь, когда вы вернулись, вы должны [148] послать за полицией и заставить Комитет что-нибудь предпринять. Что касается Сазерленда, то я его никогда не вижу. Мальта - это мир. А Гибралтар - это "следующий мир". А Индия - это маленький остров в Тихом океане, вроде Гонолулу.

Мисс Найтингейл, должно быть, произвела на сэра Бартла Фрере такое же сильное впечатление, как и он на нее. Теперь он стал одним из ее постоянных посетителей, и между ними завязалась оживленная переписка. Он и его семья стали друзьями мистера и миссис Найтингейл, которых они навещали в Эмбли. "Среди его бумаг за 1867 год и пять последующих лет есть более сотни писем, коротких или длинных, от мисс Найтингейл к нему, в основном по санитарным вопросам, касающимся Индии".[92] Письма от него к ней не менее многочисленны. "Я сделаю 35 South Street офисом Индии", - сказал он, - "пока это дело находится на рассмотрении". Мисс Найтингейл записывала его разговоры, в основном для передачи доктору Сазерленду, но также и для собственного руководства. Но если ей было чему у него поучиться, то и ему, должно быть, было чему поучиться и откуда-то черпать вдохновение. Работа, которую она проделала для Королевской комиссии, дала ей обширные знания о санитарных или, скорее, антисанитарных деталях в Индии, а в принципах санитарии она была признанным экспертом. Ее знакомство с официальной историей индийского здравоохранения было уникальным, поскольку ни один другой человек не был в таком близком контакте с ней. Ясность ее ума и широта взглядов поражали всех, кто ее видел. И еще при рассмотрении ее последовательных "завоеваний" (как игриво называл их мистер Джоуэтт) необходимо учесть личный фактор. Администраторы и министры, искавшие или приглашавшие ее на аудиенцию, были бы больше (или меньше) людьми, если бы не испытывали определенного приятного любопытства при встрече с этой знаменитой женщиной, вставшей с постели инвалида, чтобы принять их. Каждый из них быстро обнаружил, что ее энтузиазм в отношении гуманитарных целей был уравновешен здравомыслием, а замечательные умственные способности сопровождались всей женской любезностью "Она благородно настроена, - сказал о ней мистер Лоу, - и так очаровательна".

Воодушевленная симпатией сэра Бартла Фрере, мисс Найтингейл приступила к серьезной работе. Прежде всего, необходимо было найти благоприятную отправную точку. Ее она нашла в некоторых индийских газетах, присланных ей друзьями из Санитарного комитета Военного министерства, по вопросу "Двери *против* окон". Она решила одновременно атаковать генерал-губернатора и государственного секретаря по этому вопросу. Генерал-губернатору она написала сразу же; но в отношении Управления по делам Индии возникла предварительная трудность. "Доктор Сазерленд настолько этикетен, - писала она капитану Гальтону (24 июня 1867 года), - что говорит: "Но как вы могли видеть эти бумаги? Не знаю. Мне кажется, что кота из мешка вытащили так давно, что теперь нет смысла завязывать

ниточки. Если хотите, я скажу, что Бродхед из Шеффилда дал мне 15 фунтов, чтобы я украл их и взорвал вас.^[93] Я все равно пойду вперед". Капитан Гальтон отбросил этикет доктора Сазерленда. По его словам, уже много лет существует практика, о которой знает каждый официальный человек, посылать индийские санитарные бумаги мисс Найтингейл; и если вдруг кто-то будет возражать, то он, капитан Гальтон, возьмет всю ответственность на себя. Затем мисс Найтингейл приступила к составлению обвинительного акта и предложению реформы, основывая свое дело на документах "Двери *против* окон". По существу спора я, к счастью, не имею права высказывать свое мнение. Для мисс Найтингейл и Санитарного комитета Военного министерства вентиляция казарм и госпиталей с помощью открытых дверей была язвенной ересью; для правительства Индии это был ковчег завета для спасения в жаркую погоду. Сэр Джон Лоуренс в ответ на протест мисс Найтингейл прямо сказал ей, что ничто, кроме настоятельного приказа из дома, не заставит его закрыть двери, и даже тогда он сначала направит самый энергичный протест. Но, хотя она придавала этому вопросу определенное значение по существу, на самом деле ее цель заключалась в другом. Она возражала против того, как было решено дело. Санитарные эксперты дома заявили, что новые казармы и больницы должны проветриваться через открытые окна, и их отчет об этом был отправлен в Индию. Затем этот вопрос был последовательно передан правительству Индии, местным органам власти, санитарным комиссиям, медицинским властям, военным властям, районным властям, а затем снова правительству Индии. Затем он вернулся в Лондон, где эксперты по-прежнему придерживались своего первоначального мнения. Казалось, нет никаких причин для того, чтобы путешествия газеты "Двери и окна" когда-нибудь закончились. Если все санитарные вопросы будут решаться одинаково, то никакого санитарного прогресса не будет; а идея "санитарного управления на основе всеобщего избирательного права" невозможна. Сэр Джон Лоуренс вряд ли правильно оценил ее точку зрения, когда заверил ее в ответ, что она ошибается, думая, что в Индии такие вопросы выносятся на голосование. По ее мнению, этот случай убедительно показал, что пришло время организовать медицинскую службу на деловой основе. Она предложила схемы, основанные на уже определенных трех пунктах: санитарный департамент в Индии для выполнения работы; санитарный департамент в индийском офисе для контроля за работой; и ежегодная публикация о проделанной работе. Что касается второго пункта, то, как мы видели, она рассматривала Санитарный комитет при военном министерстве и министерстве Индии лишь как временное явление.^[94] Она знала, кого хочет видеть во главе отдельного Санитарного департамента Министерства внутренних дел Индии. "Если бы только, - писала она капитану Гальтону (24 июля), - мы могли получить в свое распоряжение департамент общественного здравоохранения в министерстве Индии с сэром Б. Фрером во главе, наша судьба была бы решена".

///

Таково было содержание последовательных писем, которые мисс Найтингейл теперь послал государственному секретарю. Первое из них - восхитительный документ, тщательно аргументированный, с приятной резкостью формулировок, которые то тут, то там могут встречаться в депешах лорда Солсбери, с прикосновением эмоций, хорошо сохраняемых в резерве. Она умоляла министра вернуться к тому, на чем остановился лорд де Грей, и "раз и навсегда поставить Индийскую службу здравоохранения на удовлетворительную основу". Это было бы поистине благородной услугой для государственного секретаря Индии". Она передала свое письмо сэру Бартлу Фреру, который назвал его превосходным. Он отнес его и лично вручил министру. Это произошло 27 июля. 30 июля сэр Стаффорд Норткот ответил, пообещав как можно скорее уделить внимание этому вопросу и добавив: "Я придаю большое значение любым предложениям того, кто обладает столь высокой квалификацией, чтобы

говорить с таким авторитетом, как вы". Не вдаваясь в суть вопроса, он сделал общее замечание, что "следует должным образом учитывать местную информацию". Эта критика была как раз тем, чего она хотела; она давала возможность более детально раскрыть ее планы. Сэр Стаффорд Норткот, должно быть, был впечатлен письмами; потому что он дал вопрос немедленно изучить, а затем, 19 августа, написал, чтобы знать, если он может вызвать для "небольшой разговор". Мисс Найтингейл сообщила мистеру Джоуэтту об этом новом открытии. "Я рад слышать, - писал он (20 августа), - что вы размышляете о сэре Стаффорде Норткоте. Знаете ли вы, что он был избран стипендиатом Баллиола вместе с А. Х. Клафом? Я думаю, что вы можете оказать огромную услугу как ему, так и делу. Могу я поговорить с вами, как с одним из наших студентов? Позаботьтесь о том, чтобы не преувеличивать перед ним (я упоминаю об этом, потому что этого действительно трудно избежать, когда вы глубоко заинтересованы). Вы заставите его почувствовать, я не сомневаюсь, что вы действительно можете ему помочь. Конечно, он слышал, что чиновники говорят против вас, и вы должны произвести прямо противоположное впечатление на них. Но я не думаю, что искусство влияния на других можно свести к правилам. Я отдаю вас и вашу работу Богу и совершенно уверен, что "вам будет дано, что сказать", потому что (боюсь, это очень рационалистично) вы знаете, что хотите сказать". Интервью (20 августа), которого так боялась мисс Найтингейл, уже состоялось, когда пришло письмо от мистера Джоуэтта. "Мои надежды оправдались, - писала она сэру Бартлу Фреру (21 августа), - гораздо больше, чем я ожидала. Думаю, вы прониклись к нему своими взглядами на управление Индией больше, чем вы думаете. Мы так подробно обсудили все, что можно было сделать за час, учитывая, что Индия довольно большая". Судя по ее записям об этой беседе, министр показался ей очень заинтересованным и отзывчивым. "Не знаю, - сказала она доктору Сазерленду, - видел ли он, как я его боялась. Ведь он все время держал глаза плотно закрытыми. А я держала свои широко открытыми". Боялась она или нет, но она совершила великий поступок:...

(Мисс Найтингейл - капитану Гальтону.) 35 Южная улица, 22 августа [1867]. Во вторник я виделась с сэром С. Норткотом. Он пришел по собственному желанию, чем, думаю, я отчасти обязана вам. В результате (то есть, если он сделает то, что говорит) в министерстве Индии будет создан Контрольный комитет по санитарным вопросам с сэром Б. Фрером во главе и сэром Г. Андерсоном в хвосте, а ваша Комиссия военного министерства будет консультативным органом. Что касается Службы общественного здравоохранения, я сказал ему, что мы хотим, чтобы исполнительный аппарат в Индии занимался этим, а контрольный аппарат в министерстве внутренних дел знал, что это делается. Работа Контрольного комитета будет действительно внедрять элементы цивилизации в Индии. Сэр С. Н. сказал что-то о том, чтобы включить в состав Комитета генерала Бейкера и сэра Э. Перри, а также помощника-секретаря сэра Х. Андерсона. (Но я очень доверяю сэру Б. Фреру, и он попросил меня разрешить ему привезти сюда сэра Г. Андерсона; таким образом, у нас будут председатель и секретарь на нашей стороне. Мне нравился сэр С. Норткот; но он, как мне кажется, обладает умом того же калибра, что и лорд де Грей. У него нет такого быстрого, безошибочного восприятия, как у Сиднея Герберта; нет такой силы, как у сэра Дж. Лоуренса; нет такой мощи и остроты, как у сэра Б. Фрере. Он говорит о том, чтобы "обсудить все это с лордом Клинтоном". Знаете ли вы лорда Клинтона, и знает ли он что-нибудь об этом? Но главная причина, по которой я пишу вам сейчас, заключается в следующем: Я вместе с сэром С. Н. как можно более подробно остановился на этом, чтобы не терять времени на отправку инженеров Р., предназначенных для службы в Индии, для изучения и ознакомления с улучшениями в канализации, дренаже, водоснабжении городов и применении сточных вод в сельском хозяйстве, а также с улучшениями в строительстве барачных госпиталей и т. д., как

это делается здесь. Никто, кроме вас, не может дать сэру С. Н. надлежащий совет в этом вопросе. Прошу вас, сделайте это.

Сэр Стаффорд Норткот сделал все и даже больше того, что обещал на этой встрече. Она была поражена его искренностью в тот момент. "Я верю, - сказала она доктору Сазерленду, - что он в точности выполнит все, на что согласится". Но другие друзья советовали ей не оставлять благих намерений, бить, пока горячо, и продолжать толкать министра под локоть, пока дело не будет сделано. Вскоре представился удобный случай. Генерал-губернатор написал ей длинное частное письмо о распространении холеры среди войск в северо-западных провинциях. Она отправила содержание этого письма сэру Стаффорду Норткоту и предложила ему согласиться с ее мнением, что таких вещей не должно быть. Но можно ли их предотвратить до тех пор, пока служба здравоохранения не будет поставлена на должную основу? Министр, отвечая на ее письмо (18 октября), сказал, что, поскольку давление других дел ослабло, он теперь может уделить все внимание санитарным вопросам и что он хотел бы провести еще одну беседу. Беседа состоялась 23 октября. На этот раз министр выложил по полной программе. Сначала, как явствует из ее записей и писем, он сообщил ей, что точно решил назначить Санитарный комитет при Индийском офисе. Он зачитал список имен; председателем, согласно обещанию, будет сэр Бартл Фрере, а секретарем - сэр Х. Андерсон. Затем он попросил ее совета относительно отношений между этим комитетом и Санитарным комитетом Военного министерства, поскольку, как он объяснил (и как она прекрасно знала), между этими двумя ведомствами существовала большая ревность. Она посоветовала, чтобы Комитет по делам Индии был контролирующим и ответственным органом, а Комитет военного министерства - только консультативным; "но я буду очень удивлена, - писала она, объясняя ситуацию капитану Гальтону, - если сэр Бартл Фрере не будет передавать вам гораздо больше вопросов, чем это было раньше". Таким образом, она получила второе из своих трех баллов.

Далее министр вручил мисс Найтингейл депешу от 16 августа, которую он получил от правительства Индии и на которую просил дать немедленный ответ. Для нее это не было новостью (хотя она, несомненно, была слишком сдержанна, чтобы сказать об этом), поскольку 16 августа генерал-губернатор также написал ей аналогичное письмо. В этой депеше предлагалось назначить в каждом местном правительстве медицинских работников для выполнения исключительно функций главных офицеров здравоохранения, оплачиваемых центральным правительством. Государственный секретарь оставил депешу мисс Найтингейл и попросил ее письменно изложить ему свое мнение по этому вопросу, предложив, если она пожелает, направить ответ в правительство Индии. Новое предложение правительства сэра Джона Лоуренса не было полностью или в точности тем, что она хотела. Местные чиновники здравоохранения будут выполнять лишь консультативные функции, а комиссар при правительстве Индии останется на прежнем месте. Она хотела иметь отдельный исполнительный департамент, как центральный, так и местный, для общественного здравоохранения. Тем не менее, назначение государственных чиновников здравоохранения было шагом в правильном направлении и большим прогрессом по сравнению со схемой тюрем. Она должна была позаботиться о том, чтобы лучшее мнение возобладало, пока сэр Джон Лоуренс все еще стоял у руля в Индии, а государственный секретарь в Лондоне был настроен к ней дружелюбно. Новая политика позволит выиграть часть ее Первого пункта. Оставалось обеспечить ежегодные отчеты о состоянии здоровья; и госсекретарь дал ей шанс, пригласив внести свои предложения.

Теперь ей предстояла очень напряженная работа. В конце ее она направила сэру Стаффорду Норткоту (1) проект немедленного ответа индийскому правительству, одобряющий

назначение чиновников здравоохранения. Он был отправлен в Индию 29 ноября. (2) Во-вторых, краткое изложение санитарного вопроса в Индии с 1859 по 1867 год. Он был напечатан в "Синей книге", изданной государственным секретарем в 1868 году. (3) В-третьих, меморандум по всему вопросу, полный предложений и советов. Он был разослан индийскому правительству и напечатан в той же "Голубой книге". Он был напечатан анонимно, хотя в нем есть характерные фразы (например, "Результатом будет цивилизация Индии"); рукопись "обзора", написанная рукой мисс Найтингейл, находится среди ее бумаг. (4) В-четвертых, и в первую очередь, главы депеш по этому вопросу, которые, по ее мнению, можно было бы направить правительству Индии. "Конечно, я не могу сказать, - писала она, - насколько эти главы могут встретить ваше согласие". Эти предложения, написанные ее рукой, также находятся среди ее бумаг, и сравнение этой рукописи с депешей сэра Стаффорда Норткота от 23 апреля 1868 года показывает, что все они встретили его одобрение; они были приняты по большей части ее собственными словами. Предложения этой депеши составляют одну из лучших заслуг мисс Найтингейл в деле общественного здравоохранения в Индии. Он начинается с призыва к докладу о санитарном прогрессе. Затем она возвращается к знаменитым "Предложениям в отношении санитарных работ" 1864 года, к написанию которых мисс Найтингейл приложила столь большую руку (выше, с. 48). "Я считаю, что эти "Предложения", - писал государственный секретарь, - имеют очень большую практическую ценность и представляют собой хорошую основу для санитарных исследований и работ в Индии". В депеше предлагается обратить особое внимание на некоторые из этих предложений в отдельности, а также содержится просьба представить отчет о прогрессе, достигнутом в их реализации. Она также включает в себя более позднее предложение мисс Найтингейл (выше, стр. 152), что инженерные офицеры должны быть отправлены в Англию для изучения санитарных вопросов. Вся депеша, оставшаяся за правительством Индии всю полноту исполнительной власти, была направлена на стимулирование его рвения в деле охраны здоровья населения.

Принятие сэром Стаффордом Норткотом "головы" мисс Найтингейл для этой депеши обеспечило последний из ее Трех пунктов. Отчеты, которые потребовал министр, были должным образом направлены. Они были напечатаны в вышеупомянутой Голубой книге, вместе с другими документами и самой депешей. Эта синяя книга[95] была первой в ежегодной серии санитарных отчетов Индии. Таким образом, общение мисс Найтингейл с сэром Стаффордом Норткотом, с ограничениями, которые уже объяснены, обеспечило все ее пункты.

"Я надеюсь, что это обращение к сэру Стаффорду Норткоту, - писала она за три месяца до этого,[96] , - последняя надежда". Надежда была зеленой, и осел ее съел (это я)". "Я склонен думать, - писал ей мистер Джоуэтт в то же время (18 июля), - что вы действительно сделали значительный шаг. Я говорил о сэре Стаффорде Норткоте с некоторыми людьми, которые его знают. Они говорят, помимо того, что я вам сказал, что он действительно много работает над индийскими делами. Так вот, вы должны заполучить его и соединить его, сэра Бартла Фрера и сэра Джона Лоуренса в одно целое с помощью алхимии или злой женской смекалки, и тогда кое-что получится". И это стало возможным, хотя, возможно, единственным секретом со стороны женщины было сочетание единства цели, полноты знаний, ясности понимания и решительной воли.

IV

Депеша сэра Стаффорда Норткота и сопроводительный меморандум не сразу возымели эффект, на который рассчитывала мисс Найтингейл, насколько это касалось Верховного правительства. Правительство Индии было несколько возмущено тем, что индийское

ведомство затеяло дома суету. Мисс Найтингейл сохранила веру в сэра Джона Лоуренса, но она подверглась серьезным испытаниям. В течение некоторого времени она была более готова хвалить и молиться, чем он, чтобы выполнить ее просьбы:-.

(Сэр Джон Лоуренс - мисс Найтингейл.) Калькутта, 7 февраля [1867 г.]. Большое спасибо за вашу очень любезную записку от 26 декабря. Я совершенно уверен, что ничем не заслужил ваших благодеяний; тем не менее я благодарен вам за них, возможно, тем больше, что я помню о своих собственных недостатках. Разговаривать с "королями Востока" не слишком приятно, ибо, хотя они и принимают все, что человек в моем положении может сказать с серьезностью и вежливостью, это производит на них лишь жалкое впечатление. Вы будете рады услышать, что смертность среди английских войск в Индии в 1866 году составила всего 20,11, в то время как в 1865 году она была 24,24. Это кажется мне очень удовлетворительным результатом.... В Калькутте уже некоторое время находится посланник от короля Бохары, который просит помощи против России. Как странно будет, если Россия и Англия встретятся в Центральной Азии! Я надеюсь, что если это произойдет, то это будет в дружбе. Здесь достаточно границ и места для обеих держав; и если бы обе стороны только увидели это, мы могли бы быть помощью, а не вредить друг другу".

(Сэр Джон Лоуренс - мисс Найтингейл.) Симлекс, 9 июля [1867 г.] [Отрывок, посвященный многочисленным трудностям, с которыми ему пришлось столкнуться]. Я делаю все возможное, чтобы способствовать достижению целей, которым вы посвятили свою жизнь - несомненно, медленными и неуверенными шагами, но все же настолько быстро, насколько позволяют обстоятельства".

Затем 16 августа генерал-губернатор прислал ей письмо, которое, должно быть, очень серьезно поколебало ее веру. Он просил ее (стр. 55) разработать схему женского ухода за больными. Со свойственным ей здравым смыслом она решила провести эксперимент в одной больнице и разработала схему на этой основе. Вместо того чтобы принять ее идею, генерал-губернатор передал вопрос своим медицинским советникам, которые разработали схему введения женского ухода в семи больницах. Стоимость этой более масштабной программы была непомерно высока, и правительство Индии, вместо того чтобы вернуться к предложениям мисс Найтингейл, наложило вето на всю эту затею. Сэр Джон Макнилл, который помогал ей с ее предложениями, был очень зол и послал ей горячий обвинительный акт в адрес индийских чиновников. "Вы должны дожидаться нового генерал-губернатора. Сэр Джон Лоуренс сильно разочаровал меня". Затем, опасаясь, как я полагаю, что она может перенять некоторые из его язвительных фраз в ответе сэру Джону Лоуренсу, он написал еще раз, намекая на то, что достойное молчание было бы лучшим курсом. "Спорить с людьми, которые барахтаются в такой безнадежной трясине неразумия, было бы пустой тратой времени и вряд ли соответствовало бы вашему имени и положению. Я бы даже не стал указывать на их непоследовательность. И генерал-губернатор, и вы - высокопоставленные лица, и ваша переписка, как мне кажется, должна вестись с той сдержанностью, которая подобаает таким людям, когда ваши мнения не совпадают. Я бы просто сказала и т. д. и т. п.". То, что предложил сэр Джон Макнилл, она приняла с небольшими изменениями. В своем ответе генерал-губернатору (26 сентября 1867 года) она поблагодарила его за письмо и за приложенные к нему документы; объяснила, что представила схему только потому, что он попросил ее об этом; отметила, что схема, на которую наложило вето правительство Индии, не ее и не похожа на нее; и добавила, что если в будущем этот вопрос будет вновь поднят, она снова будет готова, если пожелает, дать любой совет или оказать любую помощь, которая в ее силах.

Этот инцидент не помешал продолжению частой и дружеской переписки между двумя "высшими силами", и настойчивость мисс Найтингейл, возможно, была не лишена определенного эффекта. Она часто посылала санитарные документы и предложения генерал-губернатору, и он всегда передавал их соответствующему чиновнику для доклада, чьи замечания (иногда в рукописи, иногда напечатанные для официального использования), в свою очередь, пересылались ей. Есть один длинный печатный документ такого рода, озаглавленный "Заметки доктора Фаркухара по вопросам мисс Найтингейл относительно санитарии в Алжире и Индии, 20 апреля 1867 года".[97] Мисс Найтингейл переслала "Заметки" сэру Бартлу Фреру, который написал длинный меморандум в ответ. Он согласился с мисс Найтингейл, что нет причин, по которым Индия не должна быть приведена к алжирскому стандарту. По его мнению, "Заметки" представляли собой сборник ошибок, препятствующих проведению санитарной реформы в Индии. Но хотя чиновники сэра Джона Лоуренса были настроены критически, а ее предложения на данный момент не были эффективными, в конечном итоге они могли оказать свое влияние. Однажды один из членов семьи мисс Найтингейл спросил сэра Бартла Фрере, чем она обязана своему влиянию в Индии, и что привело в движение санитарный крестовый поход? Он ответил, что не большая "Синяя книга", которую никто не читает, а "ее маленькая красная книжечка об Индии, которая в свое время сделала некоторых из нас очень жестокими, но принесла всем нам огромную пользу".[98] Сэр Бартл Фрер ни в коем случае не терял веры в сэра Джона Лоуренса и настоятельно просил мисс Найтингейл написать ему, заранее сообщив о меморандуме, который вскоре должен был прийти к нему из Индийского ведомства. "Я часто знал, - сказал он, - что клочок бумаги, на котором вы написали несколько слов, или даже ваши слова, напечатанные на принтере, чудесным образом работают". Клочок бумаги был отправлен с настоятельной просьбой к сэру Джону Лоуренсу еще раз назначить исполнительный санитарный департамент в правительстве Индии, но он не получил успеха:- (Сэр Джон Лоуренс - мисс Найт).

(Сэр Джон Лоуренс - мисс Найтингейл.) 25 октября [1868]. Вам может показаться, что с вашей искренностью и неподкупностью мы делаем очень мало, но на самом деле я уже вижу значительные улучшения, особенно в наших военных поселениях, и, несомненно, год от года мы будем делать все лучше. Но распространение санитарии по всей стране и [159] среди народа должно быть делом времени, особенно если мы хотим унести их с собой... (23 ноября). Я думаю, что мы сделали все, что могли сделать в настоящее время для улучшения санитарных условий, и что лучший план - это предоставить местным органам власти самим разрабатывать свои собственные меры. Если мы будем придерживаться этого курса, то будем держать их в хорошем настроении. Если мы попытаемся сделать больше, у нас будут проблемы. Я не думаю, что нам нужна комиссия. Мистер Джон Стрэчи, член Совета, специально возглавил Департамент внутренних дел при правительстве Индии, и все санитарные вопросы были переданы в этот департамент, так что, когда меня не станет, при дворе останется друг, к которому вы сможете обратиться.

Мисс Найтингейл не нашла утешения в этом обещанном друге при дворе, поскольку сэр Джон Лоуренс в то же время переслал ему письмо от мистера Стрэчи, в котором последний в возмущенных выражениях высказывался по поводу меморандума Управления Индии. Он жаловался, что в нем полно вещей, которые, как утверждалось, они оставили без внимания, и не давал им похвалы за то, что они сделали; кроме того, в нем пропагандировалась передовая политика в области санитарии, которая может быть сопряжена с серьезными опасностями при навязывании санитарных реформ нежелающим этого людям. "Что ж, -

сказала мисс Найтингейл доктору Сазерленду, - это самая неприятная таблетка из всех, что мы пили, но мы проглотили их немало и пока не отравились". Они ответили на критику мистера Стрэчи в заключительном письме генерал-губернатору. Это "восхитительное" письмо, считал сэр Бартл Фрер; "Мое письмо сэру Дж. Л., - писала мисс Найтингейл в своем дневнике, - благословлять и проклинать" (4 декабря 1868 г.). Я надеюсь, и я ожидаю, что благословение было большей половиной. Ведь, по правде говоря, за время правления сэра Джона Лоуренса она добилась для своего дела по крайней мере столько, сколько можно было ожидать.

Когда сэр Джон Лоуренс вернулся в Лондон, одним из первых его дел было зайти на Саут-стрит и оставить, вместе с небольшой запиской, "маленькую шаль из тонкой шерсти тибетской козы". По его словам, он не осмеливался просить о встрече с ней без предварительной записи, но позвонит в другой день, если она сочтет нужным назначить ему встречу. Через три дня (3 апреля 1869 года) он пришел, и все восхищение мисс Найтингейл вернулось мгновенно. Она сделала длинную запись его разговора, который охватывал всю область индийского правительства. В разговоре о здравоохранении она с удовольствием отметила, что он сказал ей: "Вы инициировали реформу, которая вызвала общественное мнение, сделавшее все возможным, и теперь в Индии нет ни одного участка, где бы что-то не делалось". Но "прежде всего, - писала она, - когда я снова вижу его, я вижу, что нет никого, подобного ему. Он - Рамсес II Египта. Все министры - крысы и ласки рядом с ним". А одному из друзей она впоследствии сказала:^[99] "Мир дает более высокие испытания мужественности, чем когда-либо знала битва. Он оставил свой след в Индии. Где бы ни встречались суеверия, невежество, голод, грязь, лихорадка, голод, дикое беззаконие храбрых рас, или же рабское раболепие умных слабых рас, там он оставил свой след. Он поставил Индию на новый путь, по которому - да последуют его преемники!

Рыцарь лучшей эпохи
Без упрёка и страха,
Не зря я сказал, что Баярды
И Сидни все еще здесь!"

ГЛАВА III

МИССИОНЕР ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ИНДИИ (1868-1872)

В Индии ведется огромная работа, и ее плоды будут собраны со временем. Не все сразу. Мы должны продолжать работать с верой и надеждой". Д-р Джон Сазерленд (*письмо мисс Найтингейл*, 16 августа 1871 года).

"Благодаря тому, что я оставался здесь в течение 13 месяцев, помогая министру, я получил в свое распоряжение небольшой (не терпкий, но) департамент под названием "Здравоохранение, гражданское и военное, для Индии", с сэром Б. Фрером во главе. И я имел огромное удовольствие 3-4 месяца назад увидеть "Печатную депешу № 1" из этого департамента. (За всю свою жизнь я не видел ни одной депеши, бумаги или протокола хотя бы под № 77 981). И все же вы знаете, что это не мясо, а только его запах. Нам нужен исполнительный орган, который бы занимался этим, и департамент, который бы следил за тем, как это делается. Последнее у нас теперь есть; первое должно по-прежнему оставаться

за вице-королем и Советом". Так мисс Найтингейл в письме к М. Моу (16 февраля 1868 года) подвела итоги кампании, описанной в последней главе. Теперь ее жизнь на несколько лет вперед была в основном занята делами "маленького департамента". Департамент, возможно, и был маленьким, но свои обязанности она, как мы увидим, трактовала в широком смысле. Ее работа в связи с Военным министерством, хотя и не прекратилась полностью, больше не поглощала ее. Она перестала напрямую общаться с военными секретарями. В 1868 году произошла одна из периодических реорганизаций Военного министерства, за которой в следующем году последовала отставка капитана Гальтона.^[100] Таким образом, у нее больше не было близкого человека в министерстве. Возможно, при желании она могла бы его завести; ведь ее друг по Скутари, сэр Генри Сторкс, был назначен на вновь созданную должность главного контролера, а впоследствии стал генеральным землемером Орднанса. Но ее индийские заботы в сочетании с непрекращающимся напряжением работы в качестве генерального советника по госпиталям и сестринскому делу отнимали все ее силы. В данной главе мы проследим ход ее жизни в 1868-72 годах, уделяя особое внимание работе в Индии; в следующей главе мы проследим развитие ее деятельности, связанной с больницами и сестринским делом.

Длительное напряжение, упомянутое в письме к М. Моу, сильно сказалось на силах мисс Найтингейл, и в конце декабря 1867 года она отправилась, не оставив после себя никакого адреса (кроме адреса доктора Сазерленда), на месячный отдых под руководством доктора Уолтера Джонсона в Малверне. По возвращении в Лондон она была занята подготовкой индийского "Меморандума", описанного в последней главе. Смерть мисс Агнес Джонс и связанные с ней переживания (глава I.) сильно отразились на ее здоровье и настроении. Мистер Джоуэтт, увидев ее в начале июля, был серьезно встревожен ее физической слабостью и душевным унынием. Она наполовину пообещала ему, что поедет отдохнуть и переодеться в Леа-Херст; но только если отдых будет сопровождаться долгом привязанности. Если бы ее мать была в Леа-Херсте, она бы поехала, а если нет, то нет. Поэтому мистер Джоуэтт написал частное письмо миссис Найтингейл, которая соответствующим образом согласовала свои планы и умоляла дочь приехать и побыть с ней. Они были вместе в старом доме в течение трех месяцев (с 7 июля по 3 октября), и неделю из этого времени мистер Джоуэтт был с ними. Мать и дочь редко находились в таких ласковых и понимающих отношениях, как сейчас. "Мама, - писала мисс Найтингейл мадам Моу (20 июля), - более веселая, более нежная, чем я когда-либо ее помню". Записи разговоров дочери показывают, что они говорили о недоразумениях в прошлом, и что мать была готова винить себя: "Ты бы ничего не добилась в жизни, если бы не сопротивлялась мне". В течение многих лет мисс Найтингейл повторяла подобные визиты в загородные дома своих родителей. Они были уже старыми: отцу в 1868 году исполнилось 74 года, матери - 80. Дочь хотела быть с ними, насколько позволяла ее работа. Возможно, в этом была заслуга и настойчивых советов мистера Джоуэтта. Непрерывная каторжная работа в Лондоне, по его мнению, была вредна ни для ее тела, ни для ее души. Предполагалось, что они заключили договор о том, что не будут переутомляться. Он поклялся, что честно выполняет свою часть договора, и поставил ее перед необходимостью выполнить свою часть. По его мнению, это нездоровая жизнь - сидеть весь год в лондонской комнате. Ей еще многое предстоит сделать, и она сделает это тем лучше, если немного расслабится от ежедневных усилий. Возможно, он ее убедил. Во всяком случае, с 1868 года и в течение нескольких лет в жизни мисс Найтингейл было больше страны - меньше непрерывной рутинной работы, больше досуга для чтения, больше маржа для медитации. В 1869 году она провела в Эмбли три

месяца летом; в 1870 году - один месяц в Эмбли и три - в Леа-Херст; в 1871 году было такое же распределение времени; в 1872 году она провела в Эмбли восемь месяцев.

//

Мистер Джоуэтт часто приезжал к ней на несколько дней. В частых письмах он продолжал убеждать ее в том, что она должна попытаться начать писать. Он настаивал, что у нее есть к этому талант, и она обладает большим влиянием. Он предложил ей в качестве подходящей темы "Трактат о реформе закона о бедных" и послал ей меморандум с изложением своих собственных идей по этому вопросу. В том, что она в итоге написала, есть одна или две идеи мистера Джоуэтта, а иногда и его фразы. Она старалась следовать его советам, и в ее дневнике за 1868 год записано решение посвящать час в день сочинительству. Задуманная работа на сайте не дошла до статьи в журнале под названием "Заметка о пауперизме". Ничто из того, что она когда-либо писала - за одним исключением^[101] - не стоило ей столько забот и хлопот. Она сделала то, что всегда мешает спокойствию автора и часто вредит эффекту его работы: она признала сотрудничество. Доктор Сазерленд приложил к этому руку - это само собой разумеется, и его помощь всегда была полезной: он точно знал, в каких пределах может реально помочь своему другу. Но ее зять был авторитетом в этой области, а леди Верни претендовала (и не без справедливости) на звание авторитета в области стиля, подходящего для журнальных статей. Она взяла на себя много благородных хлопот и собственноручно переписала первый черновик сестры, внося в него свои исправления. Автор была в отчаянии и снова послала за доктором Сазерлендом: "Я приняла все ваши исправления, и все исправления Парты, и все исправления сэра Гарри; и они вычеркнули все мои *бонсмоты* и оставили незаконченные предложения на каждой странице; *такая* работа действительно выбивает из меня силы на целый год; и теперь вы *должны* мне помочь". Итак, доктор Сазерленд залатал порванные предложения и согласовал исправления, и статья была готова. Мисс Найтингейл, как и любой начинающий литератор, робела и недоумевала по поводу размещения своей статьи. После долгих консультаций она решила отдать ее мистеру Фруду, с которым еще не была знакома. Она была рада, как и любой начинающий литератор, когда редактор сразу же ответил, что с удовольствием напечатает статью в своем следующем номере. В "*Фрейзере*" за март 1869 года она появилась - первая из нескольких статей, которые она опубликовала в этом журнале. Заметка" несколько несвязна по стилю и незначительна по содержанию, но полна далеко идущих предложений. Она начинается с того, что настаивает на реформе, о которой мы уже много слышали в предыдущей главе: отделение больных и неспособных от рабочего дома. Затем она продолжает утверждать, что нужно "не наказывать голодных за то, что они голодны, а научить их кормить себя". Она нападает на школу экономистов *laissez faire*, "что в переводе означает "пусть будет плохо". Политэкономия говорит о труде как о мобильном, и она цитирует передовую статью в "*Таймс*", в которой говорилось об "удобстве обладания огромной промышленной армией, готовой к любой работе и подлежащей оплате обществом, когда ее труд больше не нужен". Она клеймит такие разговоры как ложные в первом случае и порочные во втором. Государство должно стремиться облегчить организацию труда. "Там, где работа находится в одном месте, а труд - в другом, оно должно свести их вместе". Образование должно быть более ручным и менее литературным. Нищих детей следует лишать пансиона и отправлять в промышленные школы. Состояние жилищ бедняков является первопричиной многих случаев нищенства, и государство должно это исправить. Должна существовать государственная колонизация, чтобы безземельные люди приезжали на безлюдные земли. Кое-что из этого было не так знакомо в 1869 году, как сегодня, и "Записка" мисс Найтингейл привлекла большое внимание. Среди тех, кто прочитал ее с искренним одобрением, был и Карлайл. "Вчера вечером, - писал мистер Роулинсон (11

марта), - я провел несколько часов с мистером Карлайлом, и среди разговоров о ланкаширских общественных работах, современных формах правления, современной политической экономии и социальной морали он обратил мое внимание на вашу "Записку о пауперизме" как на лучшую, по его мнению, и наиболее практичную работу, которую он читал по этому вопросу за последнее время. Жаль, что вы не могли присутствовать при этом, чтобы послушать, как великий человек попеременно то изливает живой поток информации, то раздражается рапсодией страстного обличения какого-нибудь толстомордого государственного деятеля или возмущенной тирадой против коммерческого плутовства". Доктор Сазерленд позвонил, чтобы выразить свое удовольствие от того, что статья вышла так хорошо. "Ну и ну!" - сказала она, - "это совсем не хорошо. Весь Лондон звонит сюда, чтобы сказать, что у них есть эксперимент, приводящий к разорению, включая эту ужасную женщину". Большая пачка корреспонденции свидетельствует об интересе, который вызвала ее газета. Некоторые из них не были бескорыстными. Все эмигрантские общества читали газету с той благодарностью, с которой смотрят на подписку. Статьи обходились ей очень дорого, ведь она многократно превышала гонорар редактора за счет таких пожертвований. В течение нескольких последующих лет она проявляла большой интерес к схемам эмиграции, и ничто так не возмущало ее в тогдашней политике, как отсутствие какой-либо колониальной политики в схемах и речах министров-либералов.

Мисс Найтингейл отправила часть своей корреспонденции по колонизации старому другу в Колониальном управлении - сэру Фредерику Роджерсу (лорду Блэкфорду). "Видите, какая штука, - ответил он (26 июля 1869 г.), - плохая совесть! Вы, сознавая жизнь, проведенную в издевательствах над безобидными правительственными учреждениями, думаете, что я должен с ужасом читать ваш (красивый) почерк. В то время как я, сознавая свою правоту, с искренним удовольствием принимаю ваши нападки". Это было предисловие к эссе, в котором заместитель секретаря в привычной для Колониального ведомства в те дни манере доказывал полную нежелательность, неуместность и невозможность что-либо предпринять вообще. Лорд Хоутон поднял разговор на эту тему в Палате лордов, но признался мисс Найтингейл, что он был полусерьезным, и из этого ничего не вышло. Она собрала большой ворох газетных вырезок, собрала факты из зарубежных стран, сделала множество заметок и намеревалась более детально проработать предложения, высказанные в ее газете, а затем, возможно, издать книгу. В течение 1869 года она много времени уделяла этой теме, и в декабре к ней приехал мистер Гошен, президент Совета по делам бедных. Они долго беседовали, и ее рассказ об этом начинается с *характеристики* министра - возможно, несколько суровой, но не огульной. "Он - человек значительного ума, обладающий большими способностями к сбору статистической информации и политической экономии, но не имеющий ни практической проницательности, ни силы характера. Это неловкий ум, как пудинг в комочках. Он похож на человека, который был старшим драчуном и никогда ничего после этого не делал". Мисс Найтингейл казалось, что он видит столько возражений против любого курса, что, скорее всего, ничего не сделает; а его экономические доктрины уделяли слишком мало внимания, по ее мнению, реальным фактам. "Вы должны иногда попирать пальцами ног политиков-экономистов", - сказала она,^[102] - "только чтобы они почувствовали, стоят ли они на твердой почве". О том, что она была глубоко заинтересована во всей этой теме, свидетельствует завещательный документ от 19 сентября 1869 года, в котором она убедительно просит доктора Сазерленда отредактировать и опубликовать ее дальнейшие "Заметки о пауперизме".^[103] Она прожила в полном распоряжении своих способностей по крайней мере четверть века после этой даты, но так и не привела "Записки" в печатный вид. Как я уже говорил, у нее не было склонности к постоянному литературному творчеству. Кроме того, ее руки были заняты другими делами.

Основная работа мисс Найтингейл в эти годы может быть описана как работа миссионера здравоохранения в Индии. Она выполняла свою миссию тремя способами. Она пыталась путем личных бесед и переписки возбудить желание улучшить санитарные условия у всех индийских чиновников, от генерал-губернаторов до местных чиновников здравоохранения, на которых она могла повлиять. Она знакомилась с коренными жителями Индии и старалась распространить свое Евангелие среди них в их собственной стране. А через свой "собственный маленький департамент" в сотрудничестве с сэром Бартлом Фрером она проделала большой объем официальной работы в том же направлении.

По возвращении в Лондон в начале октября 1868 года ее ждала работа по первому из вышеупомянутых направлений. Срок пребывания сэра Джона Лоуренса на посту генерал-губернатора подходил к концу, и Дизраэли назначил лорда Мэйо его преемником. 22 октября он написал письмо с просьбой разрешить ему увидеться с мисс Найтингейл, прежде чем он отплывет в Индию:-.

(Сэр Бартл Фрере - мисс Найтингейл.) Индия Офис, 23 октября [1868]. Думаю, Вы получите известие от лорда Майо, который, как я знаю, очень хочет Вас видеть, если Вы сможете дать ему интервью на следующей неделе. Не могли бы Вы тем временем записать для него, как Вы это сделали (описывая, что теперь должны делать люди в Индии) в записке ко мне несколько недель назад, те моменты, на которые он должен обратить внимание? Думаю, он вам очень понравится. Внешне он - изысканное подобие того, что я помню об О'Коннеле, когда мальчишкой (с должным ужасом перед его принципами) ходил слушать его перед тем, как он попал в парламент. Лорд Мэйо очень приятен в общении, не предполагает, что "знает все о [168] ней", и, очевидно, лучше осведомлен по многим вопросам, связанным с санитарной реформой, чем многие люди с большими претензиями. Кроме того, у него отличное чувство юмора, что очень помогает. Хотелось бы, чтобы при встрече с ним вы попросили о встрече с леди Майо".

Беседа с лордом Майо состоялась 28-го числа, а через несколько дней мисс Найтингейл увиделась и с леди Майо. Утром 28-го доктора Сазерленда вызвали на Саут-стрит. Он торопился и надеялся, что "ничего особенного в этот день не будет". "Кое-что есть, - говорилось в присланном ему сообщении, - и большинство людей сочло бы это очень важным событием. Это встреча с вице-королем или священным животным Индии. Я заставил его вчера поехать в Шоуберинесс и прийти ко мне сегодня днем, потому что я не смогу его увидеть, если вы не дадите мне какого-то общего представления о том, что должно быть заявлено". Доктор Сазерленд, польщенный таким образом, остался, и они обсудили, что следует сказать Священному животному. На следующий день она сообщила о разговоре доктору Сазерленду.

То, что он сказал, было не то чтобы невразумительным, но по сути своей ирландским. Он сказал, что должен увидеться с сэром Дж. Лоуренсом за два дня до его (сэра Дж. Л.) отъезда. И он сказал, что должен попросить сэра Дж. Л. позвонить мне, как только он вернется, и попросить *меня* написать ему (лорду Майо) все, что, по мнению сэра Дж. Л., может сделать "новая метла". Это было умно с его стороны. Но он просил меня (снова и снова), чтобы я сейчас же, пока он не уехал, написал для него что-нибудь (сказал он), "что послужит мне руководством по санитарному управлению, как только я приеду". И "особенно (сказал он) об этом Управлении". Он задавал самые проницательные вопросы обо всех людях.

Мисс Найтингейл посоветовалась с сэром Бартлом Фрером и доктором Сазерлендом, а затем написала меморандум для нового вице-короля. Она охватила всю область санитарных

улучшений, много внимания уделив вопросам ирригации и развития сельского хозяйства в качестве вспомогательных средств. "Благородный и наиболее полный документ", - сказал сэр Бартл Фрер (1 ноября), - "и он будет бесценен для Индии". Возможно, он произвел впечатление и на нового вице-короля. Во всяком случае, правление лорда Майо было отмечено некоторым улучшением санитарных условий и расширением ирригационных работ.^[104] Он также инициировал две необходимые предпосылки для санитарного прогресса: перепись населения и статистическое обследование страны. В автобиографической заметке, подробно описывающей ее отношения со сменявшимися друг друга вице-королями, мисс Найтингейл говорит, что политика лорда Майо в санитарных и сельскохозяйственных вопросах соответствовала тем направлениям, которых желали сэр Бартл Фрер и она. "Я ничего не говорю, - добавляет она, - о его великолепных заслугах во внешней политике, в его политике феодальных государств и туземных вождей, в которой, несомненно, ему помогал сэр Б. Фрере. Я не раз виделась с ним до его отъезда, и он переписывался со мной все время своего слишком короткого вице-королевства. Думаю, он был самым открытым человеком, за исключением Сиднея Герберта, которого я когда-либо знал. Думаю, это лорд Стэнли сказал о нем: "Он поступал не по расчету, а по складу своего ума". Лорд Майо сам говорил, что его ирландский опыт общения с "подвластной расой" был так полезен для него в Индии. Он говорил, что был, конечно, единственным вице-королем, который продавал свой собственный скот на рынке". "Флоренс Первая, императрица падальщиков, королева медсестер, преподобная мать-настоятельница британской армии, гувернантка губернатора Индии" - так обратился к ней мистер Джоуэтт, когда узнал об интервью с лордом Майо. "Императрица падальщиков" - так называл ее в это время М. Моль. "Скорее", - говорила она, - "Служанка всех (грязных) дел; или Закон об устранении неприятностей: это я".

Однако самым большим союзником мисс Найтингейл в Индии в это время был лорд Напьер, губернатор Мадраса. "Я помню Скутари, - писал он (24 июня 1868 года), - и я один из немногих оставшихся верных, и я думаю, что я привязан к вам независимо от санитарных условий". Он был тверд в ее деле даже там, где сэр Джон Лоуренс казался неверным. Генерал-губернатор отказался от плана женского ухода за больными (стр. 157); лорд Напьер осуществил его в Мадрасе и долго переписывался с мисс Найтингейл по этому поводу. Сэр Джон Лоуренс отказался от ее совета отправить несколько офицеров-инженеров домой для изучения санитарных работ; у него "не было свободных". Лорд Нэпир последовал этому совету и отправил капитана Г. Туллоха, чей визит в Англию и сотрудничество с мистером Роулинсоном привели к появлению отчетов о городском дренаже и утилизации сточных вод. Леди Нэпир дала рекомендательные письма мисс Найтингейл другим чиновникам из Мадраса, а лорд Нэпир постоянно докладывал ей о ходе работ:-.

(Лорд Напьер - мисс Найтингейл.) Кодайканал, 22 сентября [1867 г.]. Я пишу вам из одного из арсеналов здоровья в Южной Индии, с холмов Пални, самого романтического и малопосещаемого из этих благодатных и прекрасных мест.... Я откладывал письмо к вам до тех пор, пока не смог сообщить, что действительно были достигнуты некоторые санитарные блага, достойные вашего внимания. Не могу сказать, что это пока так, но кое-что уже предложено и разработано. Мы строим центральные тюрьмы, чтобы заполнить районные тюрьмы, перестраиваем районные тюрьмы и перестраиваем две или три. Мы проветриваем и расширяем тюрьмы. Я взбудоражил врачей в главном госпитале в Мадрасе. Я предложил вывести из него солдат и построить для них новый отдельный военный госпиталь (пока не утвержденный). Я попытался поднять маленькие местные диспансеры и больницы из их

убогости и нищеты. Я пытаюсь добиться санкционирования нового женского госпиталя для женщин, как европейских, так и туземных, с достойными уважения болезнями, а остальных вывезти и поселить отдельно. Я не думаю, что мои действия выходят за рамки некоего импульса и движения. Но в наступающем году мы можем добиться чего-то более важного. Моя жена проявляет активный интерес к больнице Магдалины, больнице для лежащих больных и сиротским приютам разного рода. Нам нужны деньги, рвение, вера и знания во многих кругах".

(Лорд Напьер - мисс Найтингейл.) Мадрас, 3 сентября [1868]. Я поистине счастлив узнать, что могу чем-то порадовать вас и что вы считаете меня скромным, но преданным членом Санитарной группы, *вашей* группы, я бы сказал правильнее! Знаете ли вы, что я был послан лордом Стратфордом приветствовать вас в ваш первый приезд в Скутари и что я нашел вас растянувшимся на диване, где, как я полагаю, вы больше никогда не ложились? Тогда я подумал, что служить вам было бы великим счастьем, и если бы Эльчи отдал меня вам, я бы делал это от всего сердца и научился бы многим вещам, которые пригодились бы мне сейчас. Но Эльчи никогда бы не взял на серьезную работу никого, кто был бы хоть сколько-нибудь близок к себе, поэтому я провел лучшие годы своей жизни в момент кризиса, ничего не делая, когда всего хватало на всех! Но если я смогу что-то сделать сейчас, это будет запоздалой компенсацией... [отчет о различных санитарных мерах, которые тогда были в работе]. Я прочел прекрасный рассказ об "Уне" вчера вечером, проезжая вдоль меланхолического берега. Посылаю его леди Напьер, которая находится в Холмах. Я напишу снова в ближайшее время, как вы позволите и даже пожелаете, и я всегда ваш верный, благодарный и преданный слуга, Напьер.

(Лорд Напьер - мисс Найтингейл.) Мадрас, 3 июня [1869 г.]. [171] ... Теперь у меня для вас хорошие новости. Мы разрабатываем законопроект об общей схеме местного налогообложения в этом президентстве, как в муниципалитетах, так и в деревнях и на открытой местности, для обеспечения трех целей - местных дорог, начального образования и санитарных условий - таких, как улучшение колодцев, регулирование паломничества и ярмарок, дренаж и т. д. Боюсь, что на первых порах это будет очень непопулярно, поскольку люди не хотят ни учиться, ни лечиться, но в целом я считаю, что лучше заставить их действовать. Мы вынуждены к этому, ибо я ясно вижу, что нам придется долго ждать помощи от Верховного правительства.... Мне было приятно и лестно, что вы упомянули меня в одном предложении с лордом Гербертом. Конечно, я недостойн завязывать шнурок его ботинка, но есть слабости и иллюзии, которые сохраняются до последнего, и я полагаю, что никогда не останусь равнодушным к тому, что меня восхваляет женщина и ставит в связь, пусть даже отдаленную, с человеком столь высокой добродетели и выдающихся качеств. Вы получите то небольшое, что осталось во мне.[105]

Темой, по которой мисс Найтингейл писала и лорду Нэпиру, и лорду Мэйо, было расследование холеры в Индии, заказанное государственным секретарем в апреле 1869 года. Она сделала это предложение за много месяцев до этого. Индийские медики были поглощены выдвижением теорий; мисс Найтингейл хотела сначала провести исчерпывающее расследование фактов. Даже если такое расследование не подтвердит ни одну из конкурирующих теорий, оно должно привести, по ее мнению, к значительным санитарным улучшениям. Сэр Бартл Фрере горячо поддержал эту идею, и было решено, что Санитарный комитет Военного министерства должен внести предложение и разработать схему процедуры, которой следует придерживаться в Индии. Комитет предназначил для этой цели доктора Сазерленда, а доктор Сазерленд отчасти означал мисс Найтингейл. Сэр Бартл Фрере постоянно писал ей, чтобы она узнала, когда Офис Индии может ожидать Инструкции,

и мисс Найтингейл так же постоянно подстегивала доктора Сазерленда. 3 апреля она поставила ультиматум: "Если инструкции по борьбе с холерой не будут присланы мне на сегодня же, я отказываюсь от работы и уезжаю". Наконец они пришли, и ее подруга получила язвительную записку: "13 апреля 1869 года. Прошу заметить, что сегодня утром я нашла ваше письмо от начала декабря, которое я хочу показать вам, и в котором вы с самыми сильными оскорблениями в мой адрес сообщаете мне, что не можете приехать, потому что намерены получить Инструкции по холере к 12 декабря 1868 года. Душа моя, сэр Б. Фрере и представить себе не мог, на какой изнурительный труд он вас всех обрекает; выпустить такое за четыре месяца - это, должно быть, фатально для всех ваших конституций! Он просто людоед". Инструкции д-ра Сазерленда были восхитительно исчерпывающими, и их подготовка вполне могла занять некоторое время. Остальные этапы дела были быстрыми, и 23 апреля депеша государственного секретаря была направлена правительству Индии, а затем последовали частные письма от мисс Найтингейл. Санитарные "Синие книги" последующих лет содержат многочисленные отчеты и обсуждения этого "Специального расследования холеры". Оно дало много материала для научных дискуссий, в ходе которых мисс Найтингейл иногда опасалась, что то, что она считала сутью вопроса, может быть перекроено. Она и Санитарный комитет армии не раз пользовались случаем, чтобы подчеркнуть, что "каково бы ни было происхождение холеры или каковы бы ни были в конечном итоге законы ее распространения, ни в одном из документов нет ничего, кроме того, что усиливает доказательства тесной связи, которая, как показывает весь предыдущий опыт, существует между интенсивностью и смертностью холеры в любой местности и санитарным состоянием населения, населяющего ее". [106] В настоящее время считается, что источником холеры является микроорганизм, идентифицированный Кохом, но законы его движения и деятельности остаются непостижимыми. Между тем, весь последующий опыт подтвердил доктрину, которую постоянно проповедовала мисс Найтингейл, что единственная защита от холеры заключается в постоянном поддержании хороших санитарных условий.

IV

В то самое время, когда доктор Сазерленд усердно работал над инструкциями по борьбе с холерой, мисс Найтингейл услышала сообщение (по достоверным сведениям), которое наполнило ее гневом и тревогой. Мистер Гладстон занимался сокращением армейской сметы; считалось, что армейская медицинская служба подлежит сокращению, а санитарная комиссия военного министерства - уничтожению. Когда она рассказала об этом доктору Сазерленду, он отнесся к этому беспечно и сказал (как иногда склонны говорить мужчины в таких случаях, особенно если есть женщина, на которую можно положиться), что не видит, что можно что-то сделать. Совсем другой точки зрения придерживалась мисс Найтингейл, когда предвидела не просто прерывание полезной работы доктора Сазерленда [107], но и возможность подрыва всей работы Сиднея Герберта. Ничего не поделаешь! Можно было сделать все! Она могла написать самому премьер-министру. Она могла написать лорду де Грею (лорду-президенту). Она могла заставить этого друга обратиться к одному министру, а того - к другому. Она могла даже заявить о своем легком знакомстве и написать мистеру Кардуэллу (военному министру). Она могла написать всем своим друзьям из оппозиции и своевременно уведомить их о злодеяниях, замышляемых их противниками. В конце концов она написала лорду де Грею, приложив письмо, которое он должен был передать или не передать, на свое усмотрение, мистеру Кардуэллу. Вмешательство увенчалось успехом, и лорд де Грей попросил у нее меморандум, чтобы "посвятить его" в работу Санитарной

комиссии армии и Санитарный прогресс в Индии. Лорд де Грей ходатайствовал перед мистером Кардуэллом также от имени Армейской медицинской школы, и она была поощрена. Санитарный комитет армии не тронули, и еще почти двадцать лет (до 1888 года) доктор Сазерленд продолжал свою работу в нем. Отчеты мисс Найтингейл, представленные лорду де Грею, кратко изложены в письме на к М. Молю (21 ноября 1869 г.): - "Я теперь вся в арифметической линии. В последнее время я составлял наши декларации в популярной форме для одного из министров кабинета (мы обязаны быть очень "популярными" для них - но тише! мое презрительное уважение к министрам кабинета преобладает). Я обнаружил, что каждый год, если брать последние четыре года, за которые у нас есть отчеты (1864-7), в армии внутренних войск ежегодно остаются в живых 729 человек, которые были бы мертвы, если бы не меры Сиднея Герберта, и 5184 человека, постоянно находящихся на действительной службе, которые были бы "постоянно больны" в постели. В Индии разница еще более разительна. Если взять последние два года, то уровень смертности в Бомбее (среди гражданских, военных и местных жителей) ниже, чем в Лондоне, самом здоровом городе Европы. А смертность в Калькутте ниже, чем в Ливерпуле или Манчестере!^[108] Но это не самая большая победа. Муниципальный комиссар Бомбея пишет^[109], что "сгрудившиеся туземные массы с криком взывают к помощи Департамента здравоохранения", если случается хотя бы одна смерть от холеры или оспы; тогда как раньше половина из них могла отмахнуться, а другая половина считала, что все в порядке. Теперь они приписывают эти смерти грязной нечистой воде и тому подобному и открыто заявляют, что их можно предотвратить. Никакой надежды на будущую цивилизацию среди таких "масс"!"

V

В декабре 1869 года у мисс Найтингейл появился новый друг. Лорд Напьер из Магдалы^[110] был проездом в Лондоне, и написал сэру Бартлу Фреру, сказав, что "он был бы очень счастлив, если бы мог иметь привилегию выразить свое почтение мисс Найтингейл перед его отъездом". Сэр Бартл умолял мисс Найтингейл оказать ему эту услугу, поскольку лорд Напьер был предан их делу и, скорее всего, снова будет работать в Индии - что и произошло, поскольку в следующем месяце он был назначен главнокомандующим.^[111] Лорд Напьер позвонил 14 декабря, чтобы (как он написал ей при назначении) "иметь возможность сказать, насколько я в долгу перед вами за помощь, которую ваши наставления и пример оказали всем, кто был связан с заботой о солдатах и их семьях". Он провел с ней несколько часов, и она была очарована им. "Я был уверен, - писал сэр Бартл Фрер (23 декабря), - что вам понравится лорд Напьер из Магдалы. Он всегда казался мне одним из немногих мужчин, подходящих для Круглого стола". Длинная заметка, которую она записала об этом разговоре, показывает, насколько он должен был быть ей приятен, поскольку лорд Напьер с глубоким чувством говорил о важности и практической возможности улучшения морального здоровья британского солдата. Администраторы и люди действия всегда нравились ей больше, чем политики, и лорд Напьер из Магдалы теперь был добавлен в список ее героев. "Когда я смотрю на этих трех людей (странно разных^[112]) - лорда Лоуренса, лорда Напьера из Магдалы и сэра Бартла Фрера - с точки зрения практических способностей, государственного понимания того, где лежит истина, что и кто должен сделать, высокой цели, благородного бескорыстия, я чувствую, что у нас в Англии нет ни одного министра, способного связать их ботинки, со времен Сиднея Герберта. В этих трех людях, как и в Сиднее Герберте, есть простота, масштабность взглядов и характера, которых нет в нынешних министрах. Они - партийные люди; эти трое - государственные деятели. С. Герберт нажил себе врагов тем, что не был партийным человеком; это давало ему такое преимущество перед ними". Лорд Напьер из Магдалы снова пришел к мисс Найтингейл в следующем году (18 марта 1870 года), проводя в беседе с ней свои последние часы перед

отъездом из Лондона, чтобы принять назначение в Индию. Она и сэр Бартл Фрер придавали большое значение этой беседе. Лорд Напьер был убежденным санитаром. Он стремился провести множество реформ в обращении с солдатами. Он верил в возможность улучшить их моральное и физическое состояние с помощью рационального отдыха и подходящей работы. Сэр Бартл Фрер предложил мисс Найтингейл, что после встречи с главнокомандующим она должна написать вице-королю, чтобы подготовить его разум к тому, что предложит лорд Напьер. Сам лорд Напьер умолял ее сделать это. "Все в Индии, - сказал он ей, - зависит от того, что думают в Англии, и именно вы подняли общественное мнение в Англии по этим вопросам". Подготовка ума вице-короля была тем более необходима, что письмо, недавно полученное мисс Найтингейл от него, казалось, показывало, что его санитарное образование было далеко не полным. Поэтому "Гувернантка губернаторов Индии" мистера Джоуэтта снова взяла своего ученика за руку и с помощью доктора Сазерленда составила очередной меморандум по санитарному вопросу Индии в целом. Сославшись на доклад Королевской комиссии, она указала, что причин нездоровья в войсках много и что нет единой панацеи; что если одновременно не устранить другие причины, то возведения новых казарм будет недостаточно; что лихорадка может скрываться под и вокруг "дорогих дворцов" (так лорд Мэйо называл некоторые из новых казарм), а также вокруг лачуг; что расходы на всестороннее улучшение санитарных условий никогда не могут быть дорогими в смысле экстравагантными, потому что это, по сути, экономия и репродуктивные расходы; и так далее, и так далее.^[113] Мисс Найтингейл, прежде чем отправить свое письмо, представила его сэру Бартлу Фреру (25 марта). "Мне нечего предложить, - сказал он, - в плане изменений, и я лишь желаю, чтобы ее мудрые слова были напечатаны, и чтобы тысячи людей, помимо лорда Мэйо, могли извлечь из них пользу. На самом деле это именно то, что мы хотели бы сказать всем, кто имеет отношение к этому вопросу, начиная с вице-короля и заканчивая деревенским старейшиной". Сэр Бартл попросил ее подумать, не может ли она написать что-нибудь в том же духе, что дойдет и до последних. Мистер Джоуэтт предложил нечто подобное несколько лет назад. "Вам не приходило в голову, - писал он (март 1867 года), - что вы могли бы написать небольшой памфлет или трактат для туземцев в Индии и перевести его? Это было бы любопытно и интересно. Когда на днях я увидел рассказ о мисс Карпентер в Индии, мне стало наполовину жаль, что это не вы. Они бы поклонялись вам, как божеству. Прекрасная причина! скажете вы. Но тогда вы могли бы мягко упрекнуть обожающих вас туземцев, как это сделал святой Павел в подобном случае, и заверить их, что вы всего лишь прачка, а вовсе не божество; это произвело бы прекрасный эффект". Вскоре ей представилась возможность сделать нечто подобное тому, что предлагали мистер Джоуэтт и сэр Бартл Фрер.

Тем временем лорд Майо познакомил доктора Дж. В. Каннингема с мисс Найтингейл, и они стали большими союзниками. Когда он вернулся, чтобы вернуться к своим обязанностям "санитарного комиссара при правительстве Индии", он регулярно переписывался с мисс Найтингейл, сообщая ей, где дела идут плохо и где слово в сезон от нее было бы полезно. В каждом вопросе она проявляла живейший интерес, не жалея сил, чтобы продвигать, насколько это было в ее силах, все хорошие планы, которые были представлены на ее рассмотрение. В 1872 году мистер В. Кларк, инженер муниципалитета Калькутты, пришел к ней, чтобы обсудить большие планы водоснабжения и дренажа. Она добилась знакомства с сэром Джорджем Кэмпбеллом, вице-губернатором Бенгалии, чтобы ознакомить его с планами мистера Кларка. В течение многих лет она вела переписку с санитарными реформаторами и чиновниками в разных частях Индии, посылая им слова ободрения, когда они, казалось, желали и заслуживали этого, слова совета, когда, как это часто бывало, они сами напрашивались на это. Когда такие чиновники приехали домой на отпуск, большинство из них также пришли к мисс Найтингейл. Доктор Сазерленд в своем официальном качестве

члена Санитарного комитета Военного министерства часто видел их первыми; затем он передавал их ей, разделяя их на две категории: тех, "кому вы должны просто читать лекции", и тех, "чье образование вам лучше проводить, невинно задавая им вопросы". Мисс Найтингейл никогда не отставала в выполнении роли гувернантки для тех, кто в санитарных вопросах управлял Индией.

VI

Санитарное улучшение зависит, однако, от управляемых, а также на губернаторов; и мисс Найтингейл в течение некоторого времени расширять свое влияние в Индии, сделав личное знакомство с индийскими джентльменами. "Я была совершенно измучена парсами, - писала она М. Моу (16 февраля 1868 г.), - и в конце концов я увидела вашего Маночжи Курсетджи, то есть "Байрона Востока". Сэр Б. Фрере говорит, что немногие люди сделали так много для образования своей расы. Он много говорил со мной о философии, в то время как моя голова была полностью занята акушерством! По его собственному предложению, если я смогу выслать акушеров, он собирается поселить их в доме своих дочерей, одна из которых вышла замуж за кама, а другая - первая леди парси, которая когда-либо жила так, как могла бы жить английская незамужняя леди". Многие другие индийские леди и джентльмены были представлены мисс Найтингейл лично или в переписке с мисс Карпентер. В 1870 году мисс Найтингейл была избрана почетным членом Бенгальской ассоциации социальных наук, совет которой состоял в основном из индийских джентльменов. Она написала сердечное благодарственное письмо (25 мая). "В течение одиннадцати лет, - писала она, - то небольшое, что я могла сделать для Индии, для условий, от которых Вечный поставил в зависимость жизнь, здоровье и социальное счастье людей, как коренных, так и европейских, было постоянным предметом моих дневных и ночных размышлений". Она восхваляла работу, проделанную многими частными джентльменами Индии; она представила им видение огромных схем дренажа и ирригации; она послала подписку в фонды Ассоциации и обещала внести свой вклад в ее Труды. В этом вкладе, [114] отправленном в июне 1870 года, мисс Найтингейл сделала то, что хотел сэр Бартл Фрер: она обратилась к старейшине деревни. "Я думаю, - сказал доктор Сазерленд, который представил мисс Найтингейл черновик, чтобы она переписала его на своем языке, - что это самый важный вклад, который вы сделали в этот вопрос". Простым и лаконичным языком она описала санитарные реформы, которые могли бы провести сами люди, подробно указав на природу зла и соответствующие средства его устранения, а затем обратившись к простым мотивам для улучшения санитарных условий. "Поскольку во всей истории и правдивой басне мы видим, что самые низкие причины, повсеместно умноженные, производят самые большие эффекты, давайте не будем считать иначе, как достойной жертвой Вечному и Совершенному, вникать в самые низкие привычки великих народов, чтобы, если возможно, пробудить в них чувство вреда, который они себе наносят, и добра, которое они могли бы себе принести". Готовность к образованию во многом объясняется тем, что, по их мнению, образование приносит деньги. Но разве не та же самая оценка, если их просветить, покажет им, что потеря здоровья, потеря силы, потеря жизни - это потеря денег, самая большая потеря денег, которую мы знаем? И мы можем с уверенностью сказать, что каждое санитарное улучшение, спасающее здоровье и жизнь, на вес золота". Это обращение к народам Индии было самым распространенным из всех миссионерских усилий мисс Найтингейл. Ассоциация перевела его на бенгальский язык. Сэр Бартл Фрер перевел его на другие индийские языки.

VII

Третья сфера миссионерской работы мисс Найтингейл была в Санитарный департамент в Индии Office, к которому, через ее союз с сэром Бартл Фрере, она была конфиденциальным

советником. Ее действия, когда она вносила предложения и пыталась повлиять на чиновников в Индии, уже были проиллюстрированы. Ее постоянная работа заключалась в помощи в редактировании и внесении вклада в ежегодный "Blue-book", содержащий отчеты о "мерах, принятых для улучшения санитарных условий в Индии". Важность, которую мисс Найтингейл придавала публикации такого ежегодника, уже объяснялась в общих чертах (стр. 145). Она видела в нем две полезные цели. Во-первых, тот факт, что отчеты из Индии требовались и публиковались каждый год, служил стимулом для властей этой страны; и, во-вторых, вступительный меморандум и включение отчетов по индийским вопросам Санитарного комитета Военного министерства давали возможность из года в год вносить предложения и критические замечания. Ежегодник был издан Санитарным департаментом Министерства Индии и отредактирован мистером К. К. Плауденом, ревностным клерком в этом офисе, с которым мисс Найтингейл подружилась; сэр Бартл Фрере, как глава департамента, поручил ему представить все отчеты мисс Найтингейл, которая фактически была помощником редактора, или, возможно, скорее (поскольку ее воля, кажется, была законом) главным редактором. Именно она подготовила для Королевской комиссии анализ санитарных недостатков на нескольких индийских станциях, написала "Замечания" по ним, приняла главное участие в составлении "Предложений" по их реформированию. Вполне естественно, что ее попросили отчитаться о фактически принятых мерах в этом направлении. Она была очень критичным репортером. "Сэр Бартл Фрере немного колеблется, - сообщили ей в одном случае (1869 г.), - по поводу отсутствия всех похвальных слов, и говорит, что индийский Юпитер - бог солнечного света, а также грома, и ему следует обходиться без обоих; однако в данном случае он разрешает опускать их". Документы мисс Найтингейл показывают, что в течение 1869-74 годов она посвятила Ежегоднику много труда. Она читала и критиковала тезисы местных докладов, подготовленные мистером Плауденом; она обсуждала с доктором Сазерлендом все вопросы, которые они предлагали; она написала или предложила вводный меморандум. Она выполняла эту работу с большим усердием, потому что это позволяло ей быть в курсе всех деталей; а приобретенные таким образом знания придавали большую силу ее частной переписке с вице-королями, губернаторами, главнокомандующими и санитарными комиссарами. Ее участие в выпуске первого номера Ежегодника уже описано (с. 155). В следующем году мистер Плоуден писал (22 мая 1869 года): "Я препровождаю набросок Вводного меморандума к тому "Санитария". Вы увидите, что большая часть его дословно скопирована с вашего собственного меморандума, который сэр Бартл Фрере передал мне для этой цели". "Я никогда не смогу в достаточной мере отблагодарить вас, - писал сам сэр Бартл (5 июля), - за всю ту любезную помощь, которую вы оказали "Ежегоднику" мистера Плоудена, ценой огромного количества хлопот, о которых мне трудно даже подумать. Но я уверена, что он оставит свой след в Индии". Она позаботилась о том, чтобы у него, во всяком случае, был шанс это сделать. Она обнаружила, что отчет за 1868 год, хотя и был отправлен в Индию в октябре того же года, не был распространен в нескольких президиумах до июня 1869 года. Теперь она позаботилась о том, чтобы копии отчета за 1869 год были отдельно разосланы по почтовым отделениям. Она продолжала вносить тот или иной вклад в последующие тома^[115], а в том, который вышел в 1874 году, была помещена ее большая и важная статья.

VIII

За десять лет до этого мисс Найтингейл популяризировала отчет своей Королевской комиссии в работе под названием "Как люди могут жить и не умирать в Индии". Этот доклад был прочитан на Конгрессе по социальным наукам в 1863 году. В 1873 году ее снова попросили выступить с докладом на конгрессе. Она выбрала название "Как некоторые люди жили и не умирали в Индии". Это было краткое изложение в популярной форме

десятилетнего прогресса, и именно этот документ был перепечатан Управлением Индии в своей "Голубой книге" за 1874 год. Мисс Найтингейл быстро и подробно рассмотрела улучшения в различных частях Индии; воспользовалась случаем, чтобы отдать должное особенно ревностным чиновникам; и попутно заметила некоторые из распространенных возражений. Одно из возражений заключалось в том, что кастовые предрассудки всегда должны быть непреодолимым препятствием для улучшения санитарных условий. Она привела "любопытный и веселый" пример обратного. Калькутта "обрела сказочные достоинства Ганга в кране с чистой водой". Когда водопровод был впервые введен, индусы из высших каст все еще требовали, чтобы водоносы приносили им *священную* воду из *реки*; но эти чиновники, обнаружив, что гораздо проще брать воду из новых кранов, просто втирали в нее немного (вульгарной, а не священной) грязи и выдавали ее за воду Ганга. Когда, наконец, здоровый обман был раскрыт, общественное мнение, основанное на опыте, уже зашло слишком далеко, чтобы возвращаться к грязной воде. И новый водопровод на общественных собраниях был признан "теологически и физически безопасным". Затем было возражение о расходах, но она проанализировала результат санитарных улучшений в статистике армии. Уровень смертности был снижен с 69 на 1000 человек до 18. Только 18 человек умерло там, где раньше умирало 69. Сумма в 285 000 фунтов стерлингов составила экономию на рекрутах за один год.

Ход санитарного оздоровления и его результаты среди гражданского населения не могут быть подвергнуты столь определенному испытанию; перепись населения Индии не проводилась до 1872 года, регистрация рождений и смертей только начиналась и была очень несовершенной; а Индия - страна, по размерам не уступающая всей Европе (без России). По мнению компетентного органа, санитарный прогресс, достигнутый в Индии за годы, охваченные обзором мисс Найтингейл, "не имеет аналогов в мировой истории";^[116], но этот прогресс, конечно, относился к почти невероятно антисанитарному состоянию страны, когда она начала свой крестовый поход. Прогресс был достигнут по многим направлениям. Во-первых, в связи с санитарным состоянием военных пунктов правительство Индии создало комитеты из военных, гражданских, медицинских и инженерных офицеров, местных магистратов и сельских властей для регулирования санитарного состояния окрестностей. Таким образом, посреди антисанитарных пустынь были созданы санитарные оазисы для британских войск. Затем были изданы санитарные правила для ярмарок и паломничеств - каждого из этих очагов индийских болезней. Учреждения в Индии - больницы, тюрьмы, приюты - были значительно улучшены, и муниципалитеты больших городов добились определенных санитарных успехов. За десять лет до этого мисс Найтингейл докладывала Королевской комиссии, что ни одно из президентств в Индии еще не достигло той степени санитарной цивилизации, которая наблюдается в худших частях худших английских городов. Теперь же в Калькутте была чистая вода, а в большей части города был завершен основной дренаж. В Бомбее муниципальные власти сделали меньше, но благодаря особо энергичному чиновнику по здравоохранению, доктору Хьюлетту, санитарные условия были улучшены. В Мадрасе улучшили водоснабжение и успешно используют часть сточных вод в сельском хозяйстве. Состояние обширных районов сельской Индии показывало, что наставления санитарных комиссаров начинают приносить свои плоды. Впадины и котлованы возле деревень засыпались, заросли кустарника и джунглей удалялись, колодцы чистились. Поверхностный мусор убирался, а для сточных вод строились резервуары, чтобы они не попадали в резервуары для питья. Из отчетов о конкретных местах мисс Найтингейл извлекла свою любимую мораль. В Южной Индии была деревня, которая очень сильно пострадала от холеры и лихорадки. Она находилась в плачевном состоянии и имела загрязненную воду. Тогда были вырыты и должным образом защищены колодцы, улучшен поверхностный дренаж, обеспечена чистота, посажены

деревья. Деревня избежала следующего визита этого бедствия. Мисс Найтингейл было много часов депрессии, и много случаев разочарования, как здравоохранения миссионера в Индии; но в своей статье 1874 года она дала "яркое свидетельство, как велики санитарные дела уже достигнуты, или в процессе достижения, доблестных англо-индийцев, как раньше она дала яркое свидетельство против тогдашних существующих пренебрежения." Затронуты лишь самые краешки зла, но, во всяком случае, сделано достаточно, чтобы показать, что старая беда - "безнадежный индийский климат" - со временем может быть побеждена разумными мерами предосторожности. "В Индии идет огромная работа", - сказал доктор Сазерленд; и в этой работе мисс Найтингейл играла главную и вдохновляющую роль. Это было мнение беспристрастного эксперта, который, хотя он восхищался ее преданностью, не всегда соглашался с ее взглядами или методами, что "из санитарных улучшений в Индии три четверти обязаны мисс Найтингейл".[117]

Но здесь, как и во всем остальном, ее взгляд был прикован к пути к совершенству. В своем уме она считала не столько прошлые достижения, сколько будущий путь. К ее работе было приложение, в котором она проповедовала исключительную важность ирригации - ирригации в сочетании с научным дренажем. Только таким образом, считала она, можно будет "жить и не умирать в Индии" и поднять всю производительную силу страны. Письмо, которое сэр Стаффорд Норткот прислал ей (29 апреля 1874 года) в знак признательности за ее статью "Жизнь или смерть в Индии", точно выражало ее собственные чувства. "Как много, - писал он, - вы сделали! И как мало, как вам кажется, вы сделали! В конце концов, мера нашей работы зависит от того, смотрим ли мы на нее, оглядываясь назад или вперед, смотрим ли мы на то, что уже сделано, или на то, что еще предстоит сделать. Когда мы добираемся до вершины горы, мы уже гораздо ближе к звездам или нет?"

ГЛАВА IV

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТНИК ПО ГОСПИТАЛЯМ И СЕСТРИНСКОМУ ДЕЛУ (1868-1872)

Мы - ваши солдаты, и мы ищем одобрения нашего вождя. Мисс Агнес Джонс (*письмо мисс Найтингейл*).

От корреспондента с севера Англии: "Я уговорил одного владельца колонии сотрудничать с рабочими, чтобы построить больницу для несчастных случаев. Не могли бы вы высказать свое мнение о наилучшем варианте здания?" От корреспондента из Лондона: "Мы предлагаем создать Британскую ассоциацию медсестер. Можем ли мы попросить у вас совета и предложения?" Эти письма - примеры сотен, которые получала мисс Найтингейл, и на все подобные обращения она с готовностью отвечала. Она создала сама, а точнее, ее создали ее соотечественники, Центральный департамент по вопросам, касающимся больниц и медсестер.

Со всех концов страны, из британских колоний и некоторых зарубежных стран к ней поступали планы предлагаемых больниц общего профиля, коттеджных больниц, домов престарелых. Она тщательно их критиковала. Когда с ней советовались на более ранних стадиях, она часто представляла свои собственные планы. Во всех этих случаях среди большого круга ее друзей были эксперты - архитекторы, инженеры-санитары, военные инженеры, коменданты и матроны больниц, которые давали ей советы и помогали. И здесь можно заметить любопытную вещь. Мисс Найтингейл начала свою работу в качестве

реформатора с военных госпиталей. Их уровень был настолько высок, что она часто обращалась к ним за образцами. Многие планы идеальных госпиталей были нарисованы для нее в это время лейтенантом У. Ф. Оммамни, Р.Е., в военном министерстве. Совершенствование зданий и сестринского дела шло параллельно, и мисс Найтингейл использовала свое влияние в каждом отделе, чтобы улучшить другой. Если бы к ней обратились только по поводу зданий, она бы ответила: "Все эти планы очень хороши, насколько они соответствуют действительности; но ваша больница никогда не будет эффективной без адекватного обеспечения надлежащим образом обученных медсестер". Если бы ее попросили обеспечить поставку медсестер, она бы сказала: "Конечно, но сначала вы должны убедить меня, что ваши здания соответствуют санитарным нормам". Так, когда ее попросили направить медсестер в Сиднейский лазарет, она потребовала предоставить планы зданий; а когда военное министерство вело переговоры о поставке медсестер в Нетли, велась обширная переписка по поводу благоустройства палат и помещений для медсестер.

В эти годы широко развивались общества по подготовке медсестер, а также вводились должности квалифицированных медсестер в лазаретах и других учреждениях. Все это повлекло за собой большое пополнение корреспонденции мисс Найтингейл. По мере расширения системы сестринского дела возникало множество вопросов, касающихся взаимоотношений между медицинским и сестринским персоналом, и к ней постоянно обращались за предложениями и советами. В 1868 году она напечатала свод "Предложений", посвященных таким вопросам,^[118] а три года спустя она и доктор Сазерленд составили Кодекс для медсестер лазаретов, который был одобрен мистером Стансфельдом, президентом недавно образованного Совета местного самоуправления. Ее переписка с отдельными людьми была столь же обширной, как и с учреждениями. Сотни девушек, которые хотели стать медсестрами, обращались к ней, и она, как правило, отвечала на их письма; но предложение медсестер едва поспевало за спросом. Особенно мисс Найтингейл поразило отсутствие подходящих кандидатов на высшие должности. Было много женщин, желающих получить профессию медсестры. Но мало кто обладал социальным положением, высоким характером, развитым интеллектом и личной преданностью, которые были необходимы для успешной работы в качестве леди-суперинтенданта; и большая часть корреспонденции мисс Найтингейл в эти годы была адресована друзьям в разных частях страны, которые умоляли зачислить перспективных рекрутов.

//

Среди женщин, которые обращались к мисс Найтингейл за советом, были королевы и принцессы. Однако она очень ревностно охраняла уединение, которое было необходимо для выполнения выбранной ею работы, и не позволяла вторгаться в него по своему желанию даже самым высокопоставленным особам. Ее положение хронического инвалида давало ей преимущество. Она могла выбирать, чувствуя себя немного сильнее или немного слабее. Она установила два правила, о которых сообщила своим влиятельным друзьям. Она не желала видеть ни одну королеву или принцессу, которая не проявляла бы личного и практического интереса к больницам и уходу за больными; и она никогда не была бы достаточно здорова, чтобы принимать тех, кто не приходил без сопровождения дам или лордов, ожидающих приема. Любая беседа должна быть полностью лишена церемоний; она должна быть просто беседой между одной женщиной, заинтересованной в уходе, и другой. В 1867 году королева Пруссии посетила английский двор, и королева Виктория попросила мисс Найтингейл через сэра Джеймса Кларка встретиться с королевой Августой. Мисс

Найтингейл заверили, что королева уделяла много личного внимания больницам. Мисс Найтингейл увидела ее (6 июля) и обнаружила, что заверения были вполне обоснованными:-.

(Мисс Найтингейл - Джулиусу Молю) 35 Саут-стрит, 28 июля [1867]. Я немного недовольна, потому что секретарь королевы Пруссии сказал Мад. Молю, что я виделась с королевой. Она мне понравилась. Я не думаю, что смесь пиетизма и абсолютизма при прусском дворе намного привлекательнее, чем при римском. И все же меня всегда поражает, особенно в нашей королевской семье, насколько они превосходят других женщин в серьезности и образованности. Я не знаю двух девушек ни в одном классе, ни в одной стране, которые проявляли бы такой интерес к интересным вещам, как кронпринцесса Прусская и принцесса Алиса Дармштадтская - особенно в вопросах теологии и управления.

Королева Голландии, как помнится, не была принята; но позже мисс Найтингейл видела ее, в ноябре 1868 года и еще раз в марте 1870 года. "Я думаю о вас, - писала королева Софи (29 марта 1870 года), - как об одной из самых высоких и лучших, которых я встречала в этом мире". Принцесса Алиса попросила об интервью в 1867 году через леди Герберт, , которая смогла сообщить мисс Найтингейл, что "принцесса осмотрела большинство больниц в Лондоне с целью узнать о них все, чтобы улучшить те, что в Дармштадте". Мисс Найтингейл увидела принцессу в июне, и в последующие годы между ними велась активная переписка. Но наибольшее впечатление на мисс Найтингейл произвела королевская особа - кронпринцесса Виктория. Одна из фрейлин принцессы объяснила мисс Найтингейл, что "Ее Королевское Высочество всегда считала жизнь, посвященную комфорту ближних и облегчению их страданий, той, которой можно только позавидовать", и что "она знает ваши "Записки о больницах" и "Записки о сестринском деле" почти наизусть". Принцесса была в Англии в конце 1868 года и в то время была полна планов по строительству новой больницы в Берлине, лежащих больниц, школы подготовки медсестер. Она показала свою практическую цель, заранее отправив мисс Найтингейл планы ее архитектора. В декабре они провели две долгие беседы, и мисс Найтингейл вместе с доктором Сазерлендом провела две недели, собирая статистические данные о различных лежащих больницах и составляя планы, с помощью Медицинского департамента армии и Санитарного комитета Военного министерства, по лучшей модели. Мисс Найтингейл была в восторге от своей гостьи. "Она взяла все на заметку", - сказала она доктору Сазерленду, - "быстро, как молния". "У меня есть новый неофит, - писала она сэру Джону Макнилу (25 декабря 1868 года), - в лице кронпринцессы Пруссии. Она обладает быстрым умом и прививает себе знания в области санитарного (и женского) управления для своей будущей великой карьеры. Она приходит одна, как девочка, снимает шляпу и куртку, как пятилетний ребенок, тащит с собой большой портфель планов и стоит на коленях у моей кровати, поправляя их. Она доставляет много хлопот. Но я верю, что это принесет свои плоды". О том, что запросы принцессы были тщательными, а ее поручения - взыскательными, можно судить по следующей переписке:...

(Мисс Найтингейл кронпринцессе Пруссии.) 35 South Street, Dec. 21 [1868]. Мадам - в знак благодарности за повеление Вашего Королевского Высочества, предписывающее мне передать Осборну до 24-го числа поручения, которыми Вы меня облагодетельствовали, я посылаю (1) портфель планов больницы [189] близ Плотцен-Зее, а также, в этом конверте, критику на эти планы. Кроме того, в другом конверте (2) эскиз "иерархии" сестер милосердия, необходимой для ухода за этой больницей (с прикрепленной к ней школой обучения), даже до возраста, желательного - как того желает Ваше Королевское Высочество. Также (3) методы непрерывного обследования (с полноразмерными копиями бланков), используемые для проверки успехов наших испытуемых (Probe-Schwestern). Также (4) списки одежды и белья (вплоть до смены белья), которые мы выдаем и требуем от наших стажеров и

медсестер, а также смены простыней. Ваше Королевское Высочество приказали мне прислать образцы "на бумаге" одежды наших стажеров, но я счел за лучшее сделать для осмотра Вашим Королевским Высочеством полный комплект форменной одежды, которую носят наши стажеры, для внутреннего и внешнего пользования, вплоть до чепца, шапочки и воротничка, который будет доставлен этим посланником в небольшой коробке и посылке. Боюсь, что вид этих бумаг будет весьма тревожным из-за их громоздкости. Но я могу лишь засвидетельствовать свою благодарность за великую доброту Вашего Королевского Высочества, выполнив, насколько смогу, дух Вашей милостивой воли. С сожалением должен сказать, что я еще не закончил обременять Ваше Королевское Высочество. Планы коттеджей для проживания должны были быть завершены в военном министерстве и еще не совсем готовы. Но они будут отправлены "до 24-го числа". Я думаю, что нам удалось создать совершенно здоровый и успешный домик для лежащих больных, благодаря большому разделению и постоянной чистоте и вентиляции, что включает в себя *отсутствие постоянно занятых палат*. В одном из таких домиков у нас было подряд 600 рожениц без единого случая смерти или послеродового заболевания или несчастного случая любого рода. (Этот опыт, как я полагаю, не имеет аналога, но, я верю, в скором времени у нас будет много аналогов). Поверьте мне, запрос Вашего Королевского Высочества об этих вещах приносит величайшую пользу, не только в отношении того, что предлагается в Пруссии, но и в том, что он побуждает Военное министерство, медицинские власти и других чиновников здесь более серьезно относиться к этим жизненно важным мелочам. И таким образом, тысячи жизней бедных женщин, несчастных пациентов всех видов будут спасены, даже в Англии, благодаря средствам Вашего Королевского Высочества. До сих пор больницы для лежащих больных не лечили, а убивали. Поскольку я снова вынужден беспокоить Ваше Королевское Высочество по этим вопросам, я не буду сейчас вдаваться в две или три другие мелочи, которые мне были поручены. Позвольте мне всегда считать вас, мадам, самым верным, готовым и преданным из слуг вашего королевского высочества.

(Кронпринцесса Пруссии - мисс Найтингейл.) Осборн, 24 декабря [1868]. Не хочу терять ни минуты, чтобы поблагодарить Вас за Вашу великую доброту и за все те хлопоты, которые Вы [190] взяли на себя ради меня. Ваше письмо так *прекрасно*, и все сведения, которые Вы сообщаете, *очень* ценны и принесут неисчислимую пользу не только *мне* как руководству в моих скромных усилиях по развитию *серьезного, добросовестного и рационального* духа в отношении санитарных вопросов, но и многим другим в Германии. Уверяю вас, ваше драгоценное время *не* было потрачено впустую, пока вы писали для меня. Платье, на мой взгляд, *очень* аккуратное и приятное, не канцелярское (что, на мой взгляд, является преимуществом). Я был так раздосадован, что забыл сказать Вам на днях, как сильно я восхищен "*Уной и львом*". Я читала ее этим летом в Германии, и она показалась мне трогательной и прекрасной в высшей степени. Я "колол" ее направо и налево! После того как я приеду в Берлин и на досуге тщательно изучу все детали материалов, которые вы мне дали, я снова напишу вам. Эти несколько строк предназначены только для того, чтобы выразить Вам мою искреннюю благодарность. Кронпринц хочет, чтобы я сказал, как он сожалеет о том, что никогда не видел вас. Он разделяет мои чувства при упоминании вашего имени. Я верю, что в следующий раз, когда я буду в этой стране, я снова увижу вас. Остаюсь, дорогая мисс Найтингейл, с благодарностью, Виктория.

Вскоре начались переговоры с Фондом Найтингейл, и кронпринцесса отправила фройляйн Фурманн, которая впоследствии руководила школой Виктории для медсестер в Берлине (стр. 204), пройти собственное обучение в качестве медсестры Найтингейл в больнице Святого Томаса.

Школа обучения Найтингейл в течение многих лет расширяла область своего влияния, и сама мисс Найтингейл, несмотря на свою непрерывную работу в других областях, никогда не теряла общего контроля и надзора за ней. Год за годом она вела обширную и интимную переписку с миссис Уордлоп, матроной. Ее шурин, сэр Гарри Верни, теперь был председателем Совета Фонда Найтингейл; ее кузен, г-н Генри Бонэм Картер, сменил мистера Клафа в качестве секретаря - обязанность, которую он продолжает выполнять по сей день. Сэр Гарри Верни часто встречался с мисс Найтингейл по вопросам, связанным с делами школы. Между мистером Бонэм Картером и ней существует огромная переписка, продолжающаяся более сорока лет; иногда она ведется путем обмена письмами по почте, иногда в виде записок с вопросами и ответами в ее доме, как в случае с доктором Сазерлендом. Мистер Бонэм Картер, как секретарь Фонда и как двоюродный брат, преданный лично мисс Найтингейл, отдавал свое время и рвение без ограничений для работы; но у него был независимый характер. Однажды его спросили, как он умудряется заниматься другими делами, кроме служения мисс Найтингейл. "Когда становилось поздно, - объяснил он, - я говорил: "Теперь я должен идти домой ужинать"". Его преданность, здравый смысл и деловые привычки в значительной степени способствовали успеху начинания и избавили мисс Найтингейл от многих хлопот в вопросах как деталей, так и общей административной политики; но вопросы, которые можно назвать главным руководством школы, всегда передавались ей, и было много случаев, когда ее личное влияние было незаменимо. Особенно это проявлялось всякий раз, когда из больницы Святого Томаса отправляли контингент медсестер Найтингейл, чтобы занять новую территорию. Фраза, процитированная в начале этой главы, из письма мисс Агнес Джонс, когда она была отправлена на пионерскую работу в Ливерпульском рабочем доме, точно выражает одну сторону отношений между медсестрами и мисс Найтингейл. Но она была для них больше, чем начальник. Она не была далекой и почти безличной абстракцией, как "Вдова в Виндзоре". Леди с Южной улицы была не только королевой медсестер Найтингейл, но и их матерью. Главные лейтенанты, отправлявшиеся на важную службу, и многие рядовые сотрудники вели с ней постоянную переписку - посылали ей прямые отчеты, советовались с ней в трудных ситуациях, обращались к ней, и никогда не напрасно, за советом и поддержкой. Мисс Найтингейл прилагала особые усилия, чтобы помочь и повлиять на леди-суперинтендантов, которые отправлялись из больницы Святого Томаса, командуя партиями медсестер. Среди ее ранних работ, содержащих мысли о своей будущей работе, есть более чем одна ссылка на "Ришелье" "Самоумножение". Она стремилась расширить свою работу, создавая лейтенантов по своему образу и подобию.

Одним из самых важных миссионерских путешествий медсестер Найтингейл в эти годы было путешествие в Новый Южный Уэльс. Мисс Найтингейл некоторое время вела переписку с сэром Генри Паркесом, тогдашним секретарем колонии в Новом Южном Уэльсе, по поводу работы медсестер в Сиднейском лазарете, и в декабре 1867 года мисс Осберн отплыла с пятью медсестрами, чтобы занять должность леди-суперинтенданта. Медсестры прибыли вовремя, чтобы оказать помощь принцу Альфреду, когда он был ранен во время своего визита в колонию. Существует письмо сэра Уильяма Дженнера мисс Найтингейл (4 июля 1868 года), в котором говорится: "Я получил приказ королевы сказать вам, как они были полезны. Ее Величество говорит: "Она уверена, что эта информация доставит мисс Найтингейл большое удовольствие". В одном отношении медсестры оказались успешнее, чем хотелось бы мисс Найтингейл. Поначалу все шло хорошо. Конечно, были трудности с врачами и другими людьми, но сэр Генри Паркес всегда помогал. Не было никакого флирта, - сообщала мисс Осберн (20 мая), - и все медсестры, как истинные англичане, обнимали меня

в трудных ситуациях". Но держались они недолго. Их услуги были слишком высоко оценены. Через несколько лет все пятеро либо вышли замуж, либо получили ценные назначения за пределами лазарета, и мисс Осберн пришлось набирать персонал из самой колонии. Мисс Найтингейл считала, что экспедиция, таким образом, "провалилась"; но было что сказать и с другой стороны, и распространение группы Найтингейл во многом способствовало распространению квалифицированного сестринского дела в колонии.

Еще одной экспедицией, имевшей большое значение, стало распространение ливерпульского эксперимента на Лондон. В 1868 году г-н (впоследствии сэр) Уильям Уайатт, лидер партии реформ в Сент-Панкрас, вступил в переписку с мисс Найтингейл в отношении нового лазарета (построенный в соответствии с законом 1867 года) в Хайгейт; он представил планы здания, и предложил ввести Nightingale медсестер. Она одобрила планы, поощрила его в его хорошей работе, и в следующем году (1869) мисс Элизабет Торранс была назначена матроной, с девятью медсестрами под ее руководством. Впоследствии эксперимент был расширен, и при лазарете была открыта школа подготовки медсестер. Существует около ста писем от мисс Торранс в год, цифра, которая дает некоторое представление о тесном контакте, который мисс Найтингейл поддерживала с важными лейтенантами. Она считала мисс Торранс "самым способным суперинтендантом, которого они когда-либо обучали" (1870), и письма подтверждают эту оценку. Это письма умной, способной и преданной женщины, которая воспринимает все спокойно, как часть работы, без суеты и ненужной самооценки. "Я никогда не видел таких медсестер, - писал суперинтендант медицинской службы, когда мисс Торренс и ее сотрудники проработали несколько месяцев, - они так хорошо разбираются в болезнях, что на практике чувствуешь себя в полном порядке. Больше всего меня поражает их искренний интерес к работе, и в этом секрет их успеха" - недостижимый для нищих медсестер, которых они вытеснили. Инспекторам, опекунам и другим чиновникам было бы полезно чувствовать себя на высоте в присутствии мисс Торренс, ведь, судя по ее письмам, она обладала юмористической проницательностью, которая оценивала людей, далеко не всегда по их собственному разумению. Среди прочих реформ мисс Торренс ввела в обиход воспитанников полезный труд. "Самое большое достижение, которым я горжусь, - писала она (1871 год), - это то, что мне удалось выкроить и сшить мужские костюмы. Я нашла портного в отделении № 2, который выкроил несколько, и отправила их в отделения № 1 и 4, чтобы их сшили, но портной в отделении № 1 высказал свои затруднения: "Видите ли, мэм, это такой старомодный покрой"". По крайней мере, раз в неделю матрона писала мисс Найтингейл, сообщая об успехах или трудностях, а та отвечала советами, книгами, подарками. Медсестры, о которых Матрона отзывалась хорошо, приходили к мисс Найтингейл целыми партиями. "Они возвращались, - писала мисс Торренс об одном таком случае, - сияя от восторга, но поскольку все они говорили об этом сразу, я не очень хорошо поняла, что произошло". Сестра А., однако, боялась, что сестра Б. "должно быть, попробовала мисс Найтингейл". Сестра Б., похоже, испытывала те же опасения по поводу сестры А. И медсестры, и матроны считали прием у мисс Найтингейл высокой привилегией. "Я всегда чувствую себя обновленной *на несколько месяцев*, - писала миссис Уордропер (март 1871 года), - после одного из тех ласковых приемов, которые вы мне устраиваете". Ни один из "солдат" мисс Найтингейл не покинул ее кабинет, не почувствовав себя лучше и храбрее. Мисс Торранс в глазах мисс Найтингейл в скором времени упала с благодати, став помолвленной, чтобы выйти замуж. В критический момент помолвки она не выполнила несколько назначений на Саут-стрит, и мисс Найтингейл не могла вернуть себе спокойствие, пока не вспомнила высказывание мистера Клафа: "С людьми в таком случае нужно обращаться так, как если бы они болели скарлатиной".

В ноябре 1869 года на Саут-стрит были устроены приемы, какие государи иногда устраивают воинам или государственным деятелям накануне великого предприятия. Суперинтендант медсестер (миссис Дибл) и шесть палатных сестер отправлялись из больницы Святого Томаса, чтобы возглавить госпиталь военного ведомства в Нетли. Мисс Найтингейл приняла их всех, вручила им подарки и обратилась со словами ободрения. "То, что я "видел мисс Найтингейл", - писал один из них, - будет одним из белых мильных камней на моем пути, на который я буду часто оглядываться с чувством благодарности и удовольствия. Я верю, что никогда не забуду некоторые из тех вещей, которые вы мне сказали, и что, глядя вверх, я смогу показать своей будущей жизнью, что ваша великая доброта не пропала даром". "Сестры Нетли, - писала миссис Уордропер, - переполнены любовью и благодарностью за весь тот интерес и хлопоты, которые вы так любезно проявили к ним. Ваш прием, красивые подарки и добрые советы покорили их сердца. То, что они знают вас и слышат из ваших собственных уст, что вы желаете каждому из них успеха и молитесь за него, очень ободрит и поможет им". "Я проповедую им по четыре часа в день, - писала мисс Найтингейл М. Моу (21 ноября), - и излагаю Правила. Некоторые из них очень милые женщины. Одна из них была с доктором Ливингстоном и епископом Маккензи в миссии Замбези. Одна из них, женщина, которую можно было бы выделить в любом обществе, случайно прочитала мою небольшую статью об "Уне" и в тот же вечер написала нам, предложив пройти обучение (что она и сделала) и присоединиться к нам".

"Разъяснение правил" всегда было частью увещеваний мисс Найтингейл в таких случаях. В данном конкретном случае она приложила руку к составлению Правил. В других случаях она часто находила их очень глупыми. Как правило, их составляли мужчины, которые, по ее мнению (как мы уже слышали), были неспособны разработать подходящие правила для женщин. "О, как бы я хотела, чтобы не было мужчин", - писала она однажды, пытаясь сочинить больничную ссору. Но даже плохие правила должны соблюдаться, пока их нельзя изменить, а женщины не всегда понимали, что для изменения необходимо прибегнуть к дипломатии. "Женщины, - говорила она, - не способны понять, что для создания любой новой работы требуется не только мудрость, но и самоотречение". Поскольку работа, которую медсестры Найтингейл должны были сделать в это время, была новой, возникло много трудностей, и большинство из них пришли к мисс Найтингейл за решением или советом. Когда приходило очень длинное письмо, она часто отправляла его непрочитанным доктору Сазерленду, чтобы он переварил его и дал совет. Она была уверена, что ему больше нечем заняться, и ругала его, если он задерживался; но рано или поздно он делал эту работу за нее, и его советы по таким вопросам никогда не подводили, поскольку были проникательны и здравомыслящи. Иногда он говорил: "Это письмо показывает вспыльчивость медсестры, и это повод для небольшой проповеди с вашей стороны". В таких проповедях мисс Найтингейл смешивает призыв к высшим мотивам со ссылкой на свой собственный пример и опыт, как в следующем письме:-

(Недовольной медсестре.) 22 апреля [1869]. Как вы думаете, удалось бы мне чего-нибудь добиться, если бы я брыкалась, сопротивлялась и возмущалась? Разве это приказ нашего хозяина? Разве это здравый смысл? Меня даже не пускали в госпитали, в которые мне приказал идти главнокомандующий - я был вынужден стоять за дверью на снегу до ночи, мне отказывали в пайке на целых 10 дней за раз для медсестер, которых я привозил по приказу начальства.^[119] И на следующий день я был таким же хорошим другом с чиновниками, которые делали эти вещи, - я решительно игнорировал их *ради работы*. Кем я был для работы моего Учителя? Когда люди обижают, они обижают Мастера, а не меня. И кто я такой,

чтобы не принять решение нести то, что решил нести мой Мастер? У вас много высоких и благородных черт характера. Иначе мне не следовало бы писать вам так, как я это делаю. Но дух противостояния, в котором вы работаете (или, скорее, *находились* в то время, когда писали, ибо я уверен, что это было лишь сиюминутным порывом), и при этом делаете свою работу хорошо и добро, если бы он действительно сохранялся, значительно увеличил бы трудности той работы, которой, я уверен, вы посвятили себя.

IV

Была одна неудача в работе Фонда Найтингейл, которая заставила мисс Найтингейл написать новую книгу, которая никогда не стоила ей большего труда. В 1867 году акушерскую школу, созданную при больнице Королевского колледжа^[120], пришлось закрыть из-за высокого уровня смертности в палатах для лежащих больных. Как только цифры были доведены до сведения мисс Найтингейл, она приступила к работе по изучению всего вопроса о смертности в палатах для лежащих больных. Вскоре она обнаружила, что до сих пор не было собрано достоверных статистических данных о смертности в детских палатах. Она искала их по всей стране, а также среди иностранных больниц и врачей. Она обнаружила, что в палатах для лежащих больных повсеместно смертность во много раз превышает ту, что имеет место при домашних родах. Этот факт свидетельствовал о том, что необходимо немедленно привлечь внимание общественности к этой теме, и в то же время открывал новые вопросы. Одна медицинская школа считала, что смертность в палатах для лежащих больных должна быть высокой по природе вещей; другая считала, что высокий уровень смертности можно предотвратить. Запросы, которые мисс Найтингейл сделала для кронпринцессы Пруссии^[121] склонили ее к последней точке зрения, и она продолжила свои исследования во всех направлениях, собрав огромную массу информации и призвав на помощь санитарных инженеров и других авторитетов. При этом следует помнить, что внедрение антисептиков значительно изменило условия со времен рассматриваемой работы мисс Найтингейл. Материалы для книги накапливались, но времени на их оформление не хватало. Доктор Сазерленд, на чью помощь она в основном рассчитывала, был не более способен, чем она сама, уделять безраздельное внимание предмету; но в конце концов с его помощью книга была написана. Она была опубликована в октябре 1871 года под названием *"Вводные заметки об учреждениях для лежащих больных"*. Книга оказала этому специальному предмету ту же услугу, что и *"Заметки о больницах"* в общей сфере. Мисс Найтингейл показала с помощью статистических доказательств, что многие палаты и учреждения для лежащих больных были очагами паразитов; она показала важность изоляции и чрезвычайной чистоты; и представила образцы правил, планов и спецификаций для санитарных больниц для лежащих больных. На последних страницах книга стала продолжением *"Записок о сестринском деле"*, которые были посвящены этой особой отрасли. Она подчеркивала важность школ по подготовке акушеров, описывала идеал подобного учреждения и ратовала за "Акушерство как карьеру для образованных женщин". В то время шла активная агитация за допуск женщин к медицинской профессии. Мисс Найтингейл в письме, адресованном "Дорогие сестры", предложил, что есть "лучше для женщин, чтобы быть, чем "медицинские мужчины", и это быть *медицинские женщины*". Она была в стране, когда книга проходила через печать; и доктор Сазерленд, отправляя последнюю редакцию с некоторыми собственными предложениями, сказал (22 июля): "Я возвращаю исправленную пробу. Не ругайтесь, но прочтите причины на сопроводительной бумаге. Хорошо, что вы находитесь в Лиа-Херст, иначе ваши "дорогие сестры" непременно разбили бы вам голову. Возможно, они разобьют ваши окна. Однако вы, безусловно, правы,

и пусть они кричат и бьют в набат. Книга - очень хороший вклад в эту тему, она вызовет удивление и некоторую оппозицию. Но факты слишком сильны". Мисс Найтингейл выпустила свою книгу с сомнительным духом, как она объяснила в этом характерном посвящении (которое получило печать мистера Джоуэтта, но озадачило некоторых рецензентов):-.

Если я могу без разрешения посвятить эти небольшие "Заметки" тени матери Сократа, могу ли я также, без самонадеянности, призвать на помощь вопрошающую тень ее сына, чтобы я, пишущая, могла иметь дух правильного вопрошания, а те, кто читает, могли учиться не у меня, а у себя? И далее, разве не сказал он: "Акушерки - уважаемые женщины, и у них есть характер, который можно потерять".^[122]

V

Подготовка этой книги была отложена из-за франко-германской войны 1870-71 годов, которая принесла большое дополнение к трудам мисс Найтингейл. Среди ее бумаг есть огромная куча документов на эту тему. Письмо к старому другу дает представление об одной из ветвей переписки:...

(Мисс Найтингейл - Гарриет Мартино.) 35 Южная улица, февраль [1871]. О, этот год запустения! Единственным отблеском утешения во всем этом был порыв всех англоговорящих людей, во всех климатах и на всех долготах, - не богатых и удобных, а всей массы трудолюбивых, честных, бережливых, глупых людей, - которые вносили каждый пенни, который они могли так плохо сэкономить. Женщины отдавали обувь со своих ног, ужины со ртов своих детей - не тем, кто принадлежал к их вероисповеданию, не тем, кто придерживался их образа мыслей, а тем, кто *страдал больше всех*. В этой ужасной войне все, все отдали - каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок выше нищеты. Я был так тронут, получив из мест, о которых даже не слышал, но на перечисление которых у меня ушел бы целый день, - от общин, которые "увидели мое имя в случайной лондонской газете" как помогающие в оказании помощи страдающим от войны, - суммы, собранные по полпенса (с длинным письмом, в котором они сообщали, как хотели бы потратить деньги), - от бедных трудолюбивых негритянских общин на разных островах Вест-Индии, от бедных общин всех видов, Пуританские часовни на моих родных холмах, национальные школы, фабрики, лондонские диссидентские общины без единого богатого члена, лондонские школы для оборванцев, которые, не имея ничего, отказались от своего единственного праздника в году, чтобы деньги могли быть посланы сиротам на войне, "которым они нужны больше, чем нам".

Некоторые из писем из отдаленных уголков империи показывают, что Флоренс Найтингейл уже стала в некотором роде легендарной личностью. Было известно, что в Европе разыгрываются сцены страданий и ужасов. Предполагалось, что она служила посреди них. В одном из писем, кажется, промелькнула мысль, что она была в двух местах одновременно - и руководила движением в Лондоне, и ухаживала за больными в каком-то госпитале Красного Креста во Франции или Германии. И есть смысл в том, что эта смутная и легендарная концепция была правдой. Мисс Найтингейл играла активную роль, хотя и совершенно за кулисами, в работе по оказанию помощи в лондонском штабе; в то время как среди самоотверженных женщин, которые ухаживали за ранеными или помогали другим страдальцам войны, было, вероятно, мало тех, кто не черпал вдохновения из примера крымской героини.

Начало войны застало английскую филантропию неподготовленной. Британское правительство было участником Женевской конвенции, но ничего не предпринималось для организации Общества по ее правилам, пока полковник Лойд Линдсей (лорд Вантедж) не

поднял тревогу. Его письмо в газете *Times* от 22 июля 1870 года привело к созданию Национального общества помощи больным и раненым, которое впоследствии стало Британским обществом помощи Красного Креста. Одним из первых действий комитета, председателем которого был полковник Лойд Линдсей, была консультация с мисс Найтингейл, и письмо от нее было зачитано на публичном собрании, на котором было учреждено общество. Слова волнующего призыва были встречены громкими аплодисментами. Если бы она не была прикована к больничной койке, она бы добровольно согласилась работать медсестрой. А так ей пришлось оставить эту работу другим, и она обратилась к добровольцам с характерной ноткой предостережения: "Те, кто берется за такую работу, должны быть не сентиментальными энтузиастами, а искренними любителями тяжелого труда. Если и есть какая-то работа, которая является простой, суровой необходимостью, так это работа по уходу за больными и ранеными после сражения, работа в военных госпиталях, уход и управление тысячей и одной тяжелой сухой практической деталью, которая, тем не менее, в основном определяет вопрос о том, будут ли ваши больные и раненые жить или умрут. Если в представлениях людей о том, что такое больничная медсестра, есть какая-то чепуха, один день реальной работы ее искоренит. Предстоит сделать и увидеть то, что сразу же отделит настоящий металл от звонкой латуни как среди мужчин, так и среди женщин".^[123] Среди ее окружения были те, кто хотел, чтобы она отложила все остальные дела и взяла организацию в свои руки. Состояние ее здоровья сделало это невозможным, но она была тесно связана с работой Общества на протяжении всего времени. Ее шурин, сэр Гарри Верни, и муж ее двоюродной сестры, капитан Гальтон, были активными членами Исполнительного комитета. Дочь сэра Гарри, мисс Эмили Верни, была активным членом Дамского исполнительного комитета.^[124] Капитан Гальтон и ее кузен, мистер Генри Бонэм Картер, в начале войны были посланы посетить госпитали Франции и Германии; а когда война закончилась, задача по составлению отчетов о переписке агентов Общества и английских врачей была возложена на доктора Сазерленда.^[125] Благодаря всем этим личным связям мисс Найтингейл поддерживала тесную связь с работой Общества. Она считала, что в самом начале ей не хватало энергичности. Почему, хотела она знать, Общество не рекламировало себя больше? "Если бы оно скрывалось от своих кредиторов, а не было Обществом помощи, оно не могло бы добиться более полного успеха; если бы оно само было больным и раненым, что оно могло бы сделать меньше?" Его объявления должны появляться каждый день "непосредственно над "Театральными объявлениями" со списком требуемых статей и подтверждением полученных. Меня бесит, когда я вижу рекламу только "Фонда защиты Войси" и "Мемориального фонда Дерби". Какая разница, защищают Войси или нет, и есть ли у лорда Дерби мемориал или нет?"^[126] Комитет в ответ выразил надежду, что в ближайшее время сделает больше; так оно и вышло - он собрал почти 300 000 фунтов стерлингов и оказал огромную помощь как во Франции, так и в Германии. С того момента, как стало ясно, что война неизбежна, мисс Найтингейл завалили корреспонденцией. Французские власти обращались к ней за планами временных полевых госпиталей. Кронпринцесса Пруссии обращалась к ней за помощью и советами самого разного рода. "Пришло страшное письмо, - писала она доктору Сазерленду, - что мне ответить, как выразить симпатию Пруссии, не оттолкнув Францию?" Личные симпатии мисс Найтингейл были скорее на стороне Франции. "Я думаю, - писала она (20 декабря), - что если бы поведение французов в течение последних трех месяцев было продемонстрировано любой другой нацией, оно было бы названо возвышенным. Невозмутимая стойкость, печальное и суровое самоограничение Парижа в условиях трехмесячной осады сделали бы бессмертным город Древнего Рима. Армия Луары, сражающаяся семь дней из девяти босиком, холодная и замерзшая, но не покорившаяся, достойна Генриха V и Азенкура. И все ради чего? Чтобы спасти Эльзас и Лотарингию, о

которых Париж почти ничего не знает". В письме кронпринцессе по вопросам госпиталя она обратилась к ней с просьбой о помиловании в час окончательной победы. "Пруссия будет помнить, - была уверена она, - о будущих войнах и несчастьях, к которым всегда приводит слишком жестокое топтание павшего врага, а Германия продемонстрирует изумленной Европе ту умеренность, на которую до сих пор не были способны победоносные нации". Мисс Найтингейл, как и в других вопросах, надеялась на человеческую идеальность больше, чем ей предстояло найти; ближайшее будущее должно было опровергнуть ее представление как о суровом самоограничении Парижа, так и о беспримерной сдержанности Пруссии. Оказывая помощь больным и раненым, она, однако, была неизменно беспристрастна. Где бы она ни услышала о хорошей работе, будь то во Франции или в Германии, она была готова помочь, и давала бескорыстные советы медсестрам обеих армий. На протяжении всей войны она вела обширную переписку как дома, так и с самыми разными людьми во Франции и Германии.

Дома она усердно собирала деньги и подарки натурой для Общества помощи. Она постоянно писала письма и меморандумы членам Исполнительного общества, консультировала по всем вопросам, от общего управления полевыми машинами скорой помощи до выкройки больничных костюмов, накладывала вето (когда могла) на неосуществимые предложения, присылала списки того, что требовалось в срочном порядке. Она получала и отвечала на постоянный поток заявлений от людей, спрашивавших, что послать, и от врачей и медсестер, желавших поступить на службу добровольцами. За границей ее корреспонденция была такого же масштаба. Распространители Общества, медсестры, работники всех видов писали, консультируя ее в случае недоумения или давая информацию по вопросам, которые, по их мнению, могли ее заинтересовать. Частные отчеты, сохранившиеся среди бумаг мисс Найтингейл, содержат массу информации об обращении с больными и ранеными, о котором она выразила мнение, что оно намного превосходит по ужасу, как, конечно, и по масштабам, все, что она наблюдала в Крыму. Самоотверженность добровольцев, хотя и не могла исправить беды, была заметна в их облегчении, и многие письма к мисс Найтингейл красноречиво свидетельствуют о вдохновении, полученном от ее примера в Крыму и от сообщений с сочувствием, ободрением и советами, которые она теперь посылала. "Передайте мисс Найтингейл, - писала радужная великая герцогиня Баденская, - что я старалась неукоснительно следовать всему, что она рекомендовала, и что я люблю и уважаю ее больше всех на свете". Есть также письма от английских и немецких медсестер и рабочих, в которых к мисс Найтингейл обращаются как к "самой дорогой из всех друзей" или "любимой госпоже" и "королеве". Ее заслуги перед обеими воюющими сторонами были отмечены наградами. Французское общество помощи блаженным наградило ее бронзовым крестом (июль 1871 года), а от Его Величества Императора и Короля она получила прусский крест за заслуги (сентябрь). Но большее значение имело то, что она дала, чем то, что получила. Среди английских дам, которые оказали самую преданную службу во время войны была жена офицера (полковник Кокс), который знал мисс Найтингейл в Крыму; среди немецких дам, которые сделали то же самое была мадам Веркнер из Бреслау. Когда война закончилась, обе дамы попросили одолжение интервью с мисс Найтингейл. Мадам Веркнер стала ее личным другом и с восторженной благодарностью написала, когда ей предложили посетить Эмблей: "Дом вашего детства". А миссис Кокс писала (15 июля): "Как я могу отблагодарить вас за тот любящий прием, который вы мне оказали? Я могу только сказать, что никогда, пока я жива, это не будет забыто". На работу миссис Кокс английский комитет ссылался в своем отчете. О мадам Веркнер мисс Найтингейл рассказала в своем обращении к испытуемым в больнице Святого Фомы. "На большой немецкой станции, через которую проходили почти все поезда с пленными, каждую ночь в течение всей той долгой, долгой ужасной зимы, и всю ночь,

ходила одна дама, чтобы накормить, согреть, утешить и часто принять последние предсмертные слова несчастных французских пленников, когда они прибывали в открытых грузовиках, некоторые замерзшие, некоторые как мертвые, другие, чтобы умереть на станции, все полураздетые и голодные. Ночь за ночью, когда эти длинные, страшные поезда медленно тащились на станцию, она стояла на коленях на ее мостовой, поддерживая головы умирающих, принимая их последние послания матерям; вливая вино или горячее молоко в горло больным; перевязывая обмороженные конечности; и, слава Богу, многих спасала. Многие перенесли в городскую больницу для заключенных, из которых около двух третей выздоровели. Все белье, которое у нее было, пошло на эти нужды. Сама она неизлечимо заболела в эти страшные ночи. Но тысячи людей были спасены благодаря ее помощи. Она - мой друг. Она приходила и видела меня, и именно из ее уст я услышала эту историю".

Кронпринцесса Пруссии также приезжала на Саут-стрит, и "она позволила мне рассказать ей, - писала мисс Найтингейл,^[127] - многое о закулисной работе прусской скорой помощи. Она мне очень нравится, и вдвойне больше теперь, когда она действительно измучена и созрела от настоящей тяжелой работы и беспокойства". Этот визит принес большие плоды. Принцесса и мисс Найтингейл поддерживали связь на протяжении всей войны - частично путем прямой переписки, а частично через англичанку мисс Флоренс Лис, которая служила в немецких госпиталях. В начале войны принцесса телеграфировала и писала мисс Найтингейл, умоляя ее порекомендовать ей компетентную английскую леди для такой работы. Мисс Лис (миссис Дакре Крейвен) была послана; она была одной из самых способных дам, прошедших обучение в школе Найтингейл, и в будущем должна была сыграть важную роль в развитии квалифицированного сестринского дела в Лондоне. Кронпринцесса назначила мисс Лис ответственной за уход за больными в военном госпитале, который она организовала в Хомбурге; мисс Лис также посещала военные госпитали в Меце и других местах и составляла о них отчеты. Она находилась в постоянной переписке с мисс Найтингейл, которая на основании этих и многих других источников информации составила очень плохое мнение о прусской сестринской, медицинской и санитарной службе. Сопоставив различные отчеты с доктором Сазерлендом, мисс Найтингейл сказала ему, что "ненормально плохие крымские госпитали были роскошными по сравнению с нормальными прусскими". "Единственные прусские больницы, соответствующие нынешним стандартам санитарного опыта, - добавила она, - это больницы самой принцессы, и в них именно Ее Королевское Высочество учила врачей, а не врачи учили ее". Я не знаю, передала ли она принцессе дальнейшее мнение о том, что корнем зла является бюрократия; "она показывает, что значит быть без свободной игры общественного мнения, через парламент и прессу, которая призывает к ответу каждое государственное учреждение и почти каждое общество". Но по фактам мисс Найтингейл говорила свободно, как ее и просили, а принцесса попросила ее прислать документы: - (Кронпринцесса Германии - Кронпринцессе Германии).

(Кронпринцесса Германии - мисс Найтингейл.) Осборн, 28 июля [1871]. Я возвращаю вам глубоко интересные и важные бумаги, которые кронпринц и я сами прочитали *очень* внимательно и слово в слово. Кронпринц хотел бы выразить Вам особую благодарность за то, что Вы позволили ему ознакомиться с этими бумагами. Многое было для него не ново. Вы *знаете*, какой интерес он проявляет к санитарным вопросам, как стремится к реформам везде, где это необходимо. Поэтому любое замечание всегда принимается нами с благодарностью. Позвольте мне повторить, дорогая мисс Найтингейл, как велико было мое счастье снова увидеть вас. Всегда Ваша, с искренним восхищением и уважением, Виктория, кронпринцесса Германии".

О большом и практическом интересе, который принцесса уже проявляла к больницам, мы уже слышали выше. Опыт франко-прусской войны еще больше усилил его, и в 1872 году она подготовила доклад об организации госпиталей. Впоследствии в Берлине была основана Школа сестер милосердия, названная в ее честь, а "Сестры Виктории", следуя примеру медсестер Найтингейл, занялись уходом за больными в муниципальных больницах. Успех школы Виктории привел, в свою очередь, к созданию подобных учреждений по всей Германии. Так сбылись слова мисс Найтингейл о том, что хлопоты, которые она взяла на себя, чтобы информировать и вдохновлять кронпринцессу, "принесут свои плоды".

Опыт франко-германской войны принес свои плоды в лучшей организации движения Красного Креста, особенно в этой стране, и вдохновение здесь тоже может быть прослежено до мисс Найтингейл. Своим появлением "Красный Крест" обязан, как уже говорилось, швейцарскому врачу М. Анри Дюнану. Он был свидетелем ужасов войны на кровавом поле Сольферино, и с тех пор посвятил свою жизнь продвижению, а затем и расширению Женевской конвенции. В 1872 году М. Дюнан прочитал в Лондоне доклад об этом движении. Его первыми словами были следующие: "Хотя я известен как основатель Красного Креста и инициатор Женевской конвенции, вся честь этой конвенции принадлежит англичанке. То, что вдохновило меня на поездку в Италию во время войны 1859 года, - это работа мисс Флоренс Найтингейл в Крыму".^[128]

VI

Как видно, за годы, описанные в предыдущих главах (1867-1871), мисс Найтингейл проделала огромный объем работы. Ее здоровье в течение того же периода было не лучше. Деревенский воздух не прибавил ей сил; в ряде ее писем, датированных ранним утром, есть свидетельства бессонных ночей; а в 1870 и 1871 годах, особенно в ее письмах и дневниках, чувствуется большая слабость. Она смогла сделать столько, сколько сделала, только благодаря преданности того же друга, доктора Сазерленда, чьи отношения с хозяйкой были описаны в предыдущей главе. Все чаще и чаще она, похоже, впадала в привычку, ставшую почти необходимостью, ничего не говорить, ничего не делать, ничего не писать (за исключением писем к мистеру Джоуэтту и нескольким другим близким друзьям), не посоветовавшись предварительно с доктором Сазерлендом. На предыдущих страницах я вскользь упоминал об этом, но такие эпизодические ссылки не дают представления о том, насколько она полагалась на него. "Единственный способ, которым я могу работать сейчас, - писала она ему в 1870 году, - это получать от вас письменные заметки, переводить их на свой язык, затем печатать и показывать вам работу". Ее бумаги с сотнями и сотнями черновиков и меморандумов, сделанных рукой доктора Сазерленда, показывают, что именно так и происходила работа, и этот процесс применялся не только к вещам, которые в итоге были напечатаны, но и почти ко всей ее переписке. Иногда к нему обращались за составлением даже самых деликатных семейных писем. Ее попросили предложить надпись для мемориала Агнес Джонс в Ливерпуле. Доктор Сазерленд первым попробовал свои силы в этом деле. Ее вывела из себя неоправданная вольность, которую позволил себе издатель в отношении ее имени. Дело было отправлено доктору Сазерленду с настоятельным призывом: "*Что мне делать? У меня нет никого, кто мог бы за меня постоять*". Он выступил в ее защиту. У него были художественные вкусы, и он служил ей глазами на Международной выставке 1871 года, когда выбирал для нее несколько французских бронзовых изделий, чтобы подарить мистеру Джоуэтту. Всякий раз, когда ее просили вступить в какое-либо общество или подписаться на новое учреждение, доктор Сазерленд должен был сначала посоветовать и сообщить. Иногда она сопровождала свои обращения к нему забавными комментариями, как к дяде Сэму в прежние времена. Посоветовал ли ей доктор Сазерленд вступить в новое "Центральное

филантропическое агентство"? Она была настроена против этого, помня, что "когда Кросс изобретал новое насекомое, моя бабушка восклицала: "Разве насекомых уже мало?"". Иногда упоминание могло быть сделано только или в основном ради забавы, как, например, когда в 1871 году на Саут-стрит оставили переписной лист, и она отправила его специальным посыльным доктору Сазерленду в военное министерство, чтобы узнать, как его заполнять. "Являюсь ли я главой этого семейства?" Доктор Сазерленд не стал говорить, что в *этом* не может быть никаких сомнений. "Графа "Род занятий": поскольку я считаю, что у *каждого* человека должен быть определенный род занятий, я хотела бы указать, чем я занимаюсь, но не знаю, как это определить". "О, - ответил доктор Сазерленд, - скажем, "Род занятий - нет"". В последнем столбце спрашивалось, является ли хозяин дома "глухонемым, слепым, имбецилом или сумасшедшим?". "Я отвечу: "Имбецил и слепой, и если бы все сейчас поступали так же, это было бы правдой". "Не надо, - ответил он, - вы - исключение". Но в основном она обращалась к нему по вопросам, которые либо требовали быстрого применения житейской мудрости, либо были связаны со значительной рутинной работой. Его пронизательный здравый смысл никогда не подводил, а рутинная работа, хотя и откладывалась, всегда в конце концов была выполнена. Ее попросили высказать свое мнение по поводу некоторых отчетов о состоянии здоровья индейцев, и она устала. Она отправляется к доктору Сазерленду, который отвечает: "Я просмотрел их все; можете смело сказать, что они очень хорошо сделаны". Или ей присылают памфлеты, памятки, проспекты, а она не в настроении их изучать. Они передаются ему, и со временем возвращаются аккуратные маленькие дайджесты, где ей советуют, что делать или говорить. Каждое важное письмо также отправляется ему с запиской: "Что мне ответить?" или "К чему все это приведет?" или "Пожалуйста, посоветуйте". "Вы *должны* прийти завтра и посмотреть мое письмо, прежде чем оно уйдет". "Я хочу задать вам несколько вопросов, и вы должны быть добры". В годы, когда мисс Найтингейл была много в стране (как в 1870 и 1871), доктор Сазерленд ежедневной работы для нее было тяжелее, потому что все связи были через почту. В личном общении, как мы уже слышали, между ними возникали ссоры и размолвки, и возможность недопонимания возрастала, когда два занятых человека обменивались идеями по почте. Это было особенно актуально, когда предстояла работа, объем которой не был точно определен, и мисс Найтингейл часто проявляла нетерпение. "Я могла бы выполнять работу, - писала она в одном из писем, - если бы это была настоящая работа, выполненная с наименьшими затратами для себя. Но выполнять минимальную работу с наибольшими затратами для себя (водить машину, качать воду и т. д.) теперь для меня физически невозможно". Подобные жалобы и ссылки на слабость были частыми. К последним доктор Сазерленд всегда относился с сочувствием: "Я знаю, что вы очень больны", "Я прошу вас позволить мне помочь, насколько я могу" и т. д. Что касается жалоб, то он иногда смеялся над ними: "Спасибо за ваш прощальный пинок, который всегда приятно получить от тех, кому он нравится". "Ты настоящий Пэдди, тебе нравится разбрасывать свое пальто, но я не буду на него наступать". Иногда он защищался - "Если бы вы знали, что мне пришлось сделать, я уверен, вы бы не стали писать о доказательствах так, как вы это сделали"; а иногда он воздерживался от защиты, кроме простого отрицания - "Я едва ли знаю, как иначе ответить на ваши нападки, чем просто заявить, что они беспочвенны. Неужели я такой дурак, спрашиваю я себя, чтобы сделать то, о чем она говорит, что я сделал?" Но этот восхитительный человек никогда не терял самообладания и не делал ее упреки поводом для отказа от дальнейшей помощи. "Все, что я могу сказать, - это то, что я готов помочь". "В этом, как и во всем остальном, я в вашем распоряжении". Такова постоянная нота его посланий. В частных размышлениях часто, и в письмах время от времени, мисс Найтингейл говорил о себе как "вампир". Когда она написала в некотором роде в этом смысле к мистеру Джоуэтту, он сказал ей, чтобы положить такие разговоры в сторону, как праздный, ибо "это путь

безумия лежит". И все же в ее словах был элемент правды. Она была ужасно требовательна. Она не принимала никаких оправданий, делала мало поблажек и иногда полагала, что тем, кто с ней работает, больше нечем заняться. Доктор Сазерленд был усердным работником, но позволял себе развлечения. В Норвуде у него был сад, и мисс Найтингейл с сарказмом относилась к его увлечению рытьем прудов. Но, помимо сильного интереса к их общей работе, он также испытывал неизменное восхищение дарованиями, характером и самоотверженностью своего друга. В дополнение к своей собственной работе по добыванию хлеба он отдавал огромное количество времени и труда мисс Найтингейл. В любой оценке ее заслуг перед великими общественными делами, и особенно в связи с санитарным обслуживанием в Индии, почетное место принадлежит сотруднику, который помогал ей на протяжении многих лет с неизменной преданностью.

Сноски:

[74] Отчет мистера Фарналла, 1866 г., обобщенный в основном отчете Комиссии по закону о бедных, 1909 г., стр. 239. Вышеприведенные высказывания взяты из книги *"Отчет о состоянии лазаретов при лондонских работных домах"*, напечатанной для Ассоциации по улучшению лазаретов, 1866 год.

[75] Rathbone's *Organization of Nursing in a Large Town*, p. 30.

[76] *William Rathbone: a Memoir*, p. 166.

[77] Открытое письмо (5 февраля 1864 г.) напечатано в книге Mr. Rathbone's *Workhouse Nursing: The Story of a Successful Experiment* (Macmillan, 1867).

[78] См. "Уна и лев" в *"Добрых словах"*, июнь 1868 г. (Библиография А, № 51).

[79] Письмо мадам Моль, 13 июня 1868 года.

[80] См. книгу I. гл. iii. строфы 4 и последующие из *"Королевы фей"*: - "Her angel face her angel face".

"Her angel's face

Как великий глаз небесный сиял,

И сделалось солнцем в тенистом месте, и т. д."

[81] В то время Милль был членом комитета по местному самоуправлению и местному налогообложению метрополии; см. выше, с. 106. Комитет, однако, не занимался вопросами управления бедным населением.

[82] Выше, с. 115.

[83] Предыдущее законодательство *наделяло* опекунов *полномочиями* отделять больных и т. д., но не создавало никаких административных или финансовых механизмов.

[84] М. Юссон, директор *государственной помощи*, был в Лондоне в 1865 году. Мисс Найтингейл обеспечила ему различные знакомства и возможности, и он сообщил ей о своих впечатлениях.

[85] Письмо преподобной матери из Бермондси, март 1867 года.

[86] История этого вопроса вкратце изложена в докладе большинства членов Комиссии по делам бедных, 1909 г., стр. 235 и далее.

[87] Мистер Вильерс выступил в Палате общин 21 февраля, а в Палате лордов 19 марта граф Девон, который, предлагая второе чтение законопроекта мистера Харди, сказал: "Было бы неправильно по такому случаю не упомянуть об улучшении отношения к этому вопросу, которое стало результатом восхищения, которое страна должна испытывать к усилиям этой прекрасной и одаренной женщины, мисс Найтингейл, чье имя всегда будет восприниматься с уважением, которое было вызвано ее христианской деятельностью и самоотверженностью".

[88] Мисс Л. Фримен.

[89] Подробности по этому вопросу см. в Majority Report, 1909, pp. 240-242.

[90] См. ниже, с. 405.

[91]

Свободна как воздух.

Мне все равно.

Уехать

В Мальту.

Мне все равно.

Пусть сэр Джон Холл

будет *генеральным* директором.

Мне все равно.

Что касается Индии.

Пусть у нее будет свой путь.

Мне все равно.

Свободна как воздух.

Мне все равно.

[92] *Жизнь сэра Бартла Фрере*, т. ii. стр. 38, 39.

[93] Об Уильяме Бродхеде и крысиных бесчинствах в Шеффилде см. в McCarthy's *History of our own Times*, vol. iv. p. 156.

[94] Выше, p. 33.

[95] Название и т. д. см. в Библиографии А, № 52.

[96] Капитану Гальтону (16 июля).

[97] Она воспользовалась, как можно заметить, визитом доктора Сазерленда в "Астли" (выше, с. 110).

[98] Маленькая красная книжка" была переизданием "*Наблюдений* мисс Найтингейл"; см. выше, с. 36.

[99] Письмо мадам Моль, 26 марта 1869 года.

[100] В конце 1869 года он вышел в отставку и был назначен на должность в Управлении работ. Мисс Найтингейл вмешалась (через представителей лорда де Грея и мистера

Кардуэлла), чтобы добиться его продолжения работы в качестве члена Санитарного комитета армии.

[101] См. ниже, с. 196.

[102] В письме к мадам Моль, 26 марта 1869 года.

[103] В том же документе доктора Сазерленда просят сделать то же самое для ее (1) "*Записок о больницах для лежачих больных*" (опубликованных в 1871 г.; см. ниже, с. 196) и (2) "Бумаги о продаже земель с домами в городах" (см. выше, с. 92). Позднее она отправила вторую партию "*Записок о пауперизме*" доктору Сазерленду, но он счел, что они нуждаются в полном переписывании.

[104] По первому вопросу см. ежегодные санитарные отчеты; краткое изложение последних работ см. в книге сэра Уильяма Хантера "*Граф Мэйо*", с. 177-8.

[105] На днях в букинистическом каталоге "Книги Ассоциации" я обнаружил следующее: "*Заметки Флоренс Найтингейл об учреждениях для лежачих больных*". Подарочный экземпляр, с автографом: "Его превосходительству лорду Напиеру, Мадрас, эта маленькая книга, хотя и на самую неприятную тему, но та, которая, входя в планы его превосходительства для блага тех, кто находится под его просвещенным правлением, не чужда его мыслям - предлагается Флоренс Найтингейл, Лондон, 10 октября '71."

[106] Blue-book, 1870-71, p. 5; и см. Библиографию А, № 127.

[107] В 1876 году капитан Гальтон воспользовался случаем, чтобы воздать должное заслугам доктора Сазерленда. "Обладая высокой общей культурой, удивительно острым восприятием, богатейшим опытом и совершенно взвешенными суждениями, он был движущей силой в работе Санитарной комиссии армии с момента ее образования". (*Journal of the Society of Arts*, vol. xxiv. p. 520).

[108] Согласно "Санитарному справочнику" за 1869-70 годы, показатели смертности на 1000 человек составили: Бомбей - 19,2, Лондон - 23,3, Калькутта - 31,9, Ливерпуль - 36,4. В 1910 году порядок был совсем другим: Лондон - 12,7, Ливерпуль - 17,7, Калькутта - 23,0, Бомбей - 35,7. За четыре года (1864-8) уровень смертности в Бомбее снизился с 31,3 до 19,2; рост в современное время объясняется индустриализацией города.

[109] Мисс Найтингейл; в "Голубой книге" (стр. 186) также говорится, что "за три года массы начали понимать, что такие бедствия, как холера, лихорадка и т.п., могут быть предотвращены обычными процессами санитарии".

[110] Роберт Корнелиус Напьер (1810-90), барон Напьер из Магдалы, 1868. Другой друг мисс Найтингейл, губернатор Мадраса, барон Напьер (в шотландском пэрстве), был создан бароном Этриком в пэрстве Соединенного Королевства, 1872. Впервые подписавшись "Напьер и Эттрик" в письме к мисс Найтингейл, он попросил "верховную жрицу ирригации" заметить, что его новый титул "водянистый".

[111] На смену сэру Уильяму Мэнсфилду (лорду Сэндхерсту). По возвращении из Индии лорд Сэндхерст зашел к мисс Найтингейл (8 июля 1870 года), и после этого они переписывались.

[112] О лорде Лоуренсе и сэре Бартле Фрере мисс Найтингейл написала мадам Моль (26 марта 1869 года): "Вы можете спросить сэра Бартла Фрере о сэре Джоне Лоуренсе, если хотите. Но они так не похожи, и в то же время каждый из них настолько совершенен по своему, что они никогда не смогут понять друг друга - никогда не соприкоснутся ни в одной

точке, ни через вечность. Я люблю и восхищаюсь ими обоими всем своим умом и всем своим сердцем, но уже давно отказался от малейших попыток заставить одного из них понять другого. Но каждый из них слишком большой человек, слишком благородный, слишком рыцарский, чтобы принизить другого".

[113] Содержание большей части ее меморандума лорду Майо было воплощено в "Наблюдениях", которые она внесла в Индийский санитарный справочник 1869-70 годов; см. особенно с. 43.

[114] Библиография А, № 56.

[115] См. Библиографию А, № 57, 62.

[116] Капитан Гальтон, "О санитарном прогрессе в Индии", 1876 г. (*Journal of the Society of Arts*, vol. xxiv. pp. 519-534.) Это лучший *краткий* отчет по данному вопросу, который мне попадался. Он более подробный, чем статья мисс Найтингейл за 1874 год. За более подробными сведениями читатель, конечно же, должен обратиться к Ежегодным санитарным книгам.

[117] Таким образом, сэр Бартл Фрер сообщил мисс Найтингейл то, что сказал ему сэр Джон Стрэчи; и сэр Джон написал в том же смысле самой мисс Найтингейл.

[118] Библиография А, № 49 (примечание).

[119] См. т. I. с. 291.

[120] Vol. I. p. 464.

[121] См. выше, с. 189.

[122] *Theaetetus*, 150.

[123] Письмо напечатано в "*Таймс*" от 5 августа 1870 года. Оно датировано 2 августа, "в день", как отметила в письме мисс Найтингейл, "смерти Сидни Герберт девять лет назад".

[124] Она умерла в 1872 году - "такой гений работы для людей", - писала о ней мисс Найтингейл, - "такой прекрасный, такой любящий и такой любимый".

[125] *Отчет Британского национального общества помощи больным и раненым во время франко-германской войны, 1871 г.*, с. 149-177.

[126] Письма капитану Гальтону, август 1870 г.

[127] Письмо Гарриет Мартино, 20 сентября 1870 г.

[128] О газете М. Дюнана сообщается в "*Таймс*" от 7 августа 1872 года. Он послал копию мисс Найтингейл: см. библиографию В, № 31.

ЧАСТЬ VII

РАБОТЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (1872-1910)

Я не прошу ни небес, пока земля не станет Твоей,
Ни короны славы, пока работа моя
Остается здесь. Когда земля засияет
среди звезд,
Ее грехи будут стерты, ее пленники будут свободны,
Ее голос будет музыкой для Тебя,
И венец, и новый труд Ты дашь мне.
Господи, вот он я.

Я нашел это в работе одного американского евангелиста-баптиста - в его лекции, которую он прочитал мне. Теперь эти строки кажутся мне абсолютно правдивыми, и это необычайный прогресс на пути истины английского евангелизма, который изгоняет работу, как грех, с небес, и не имеет понятия о том, что небеса должны быть сделаны из земли нами. - Флоренс Найтингейл (из письма к ее отцу, 1869).

ГЛАВА I

"ВНЕ СЛУЖБЫ" - ЛИТЕРАТУРНАЯ РАБОТА (1872-1874)

Я рад, что вы отказались от рутинной работы ради государственных должностей.... Положение, которое вы занимали, всегда было шатким, поскольку зависело от "храмов дружбы" и доброй воли министра. Я рад, что теперь у вас есть прямая работа, в которой вы зависите от самого себя.... Я хочу, чтобы у вас появилась новая жизнь и интерес. Путь влияния на человечество с помощью идей - более прекрасный путь. - Бенджамин Джоуэтт (*Письма к мисс Найтингейл, 1871, 1872*).

"Кое-что из того, что вы сказали мне в воскресенье, меня весьма беспокоило, и я надеюсь, что вы позволите мне высказать вам свое мнение по этому поводу. Вы сказали, что собираетесь попросить принять вас в качестве пациента в больницу Святого Фомы. Не делайте этого. (1) Потому что это эксцентрично, а мы не можем укреплять свою жизнь эксцентричностью. (2) Потому что вы станете не пациентом, а своего рода директрисой этого учреждения, на которую врачи будут смотреть с большой тревогой. (3) Когда человек занимается великим делом, я не думаю, что расходы на жизнь требуют особого внимания; единственное, что нужно, - это жить так, чтобы наилучшим образом выполнять свою работу. (4) Я не против того, чтобы вы жили с меньшими затратами, если вы этого хотите, хотя я считаю, что это не имеет значения; но я бы жил независимо. (5) Вы действительно хотите жить как Пациент? Это убьет вас. Я не хочу раздражать вашего отца шагом, который он никогда не сможет понять; я смотрю на этот вопрос исключительно с точки зрения вашей собственной работы. Я забочусь о вас уже много лет; и хотя у меня мало надежды одержать

верх над вами, я бы попросил вас не отбрасывать эти причины без внимания". Так мистер Джоуэтт написал мисс Найтингейл 22 июня 1872 года. "Мне лестно слышать, - написал он на чуть позже (11 июля), - что вы пренебрегли долгом и совестью ради меня. Я надеюсь, что в будущем вы никогда не будете подчиняться совести, которая велит вам убить себя. Попробуете ли вы надеяться и быть в мире; и просто попросите у Бога времени, чтобы завершить свою работу? Вы, сделавшая так много для других, должны иногда задумываться о том, что на вашу долю выпало великое благословение и счастье".

Намерение, которое сформировала мисс Найтингейл и от которого отговорил ее мистер Джоуэтт, не было мимолетной фантазией. Оно соответствовало глубоко укоренившемуся убеждению, как видно из уже цитированного документа (стр. 103). И хотя она прислушалась к совету мистера Джоуэтта, она не отказалась от своей цели. В конце года она все еще думала о том, чтобы оставить свой приятный дом на Саут-стрит, и поручила разным друзьям сообщить о меблированных квартирах в непосредственной близости от больницы Святого Фомы. Они не смогли найти ничего подходящего, и она отказалась от этой идеи; но поскольку она не могла поехать в больницу Святого Томаса, она придумала, как мы узнаем в одной из следующих глав, чтобы больница Святого Томаса приехала к ней. С этого времени она посвятила себя детальному руководству школой Найтингейл в большей степени, чем раньше. Как в том, что она сделала, так и в том, что она теперь оставила незавершенным, 1872 год знаменует собой новый этап в ее жизни. Это объясняется краткой записью в ее дневнике: "В этом году я ухожу с должности".

Мисс Найтингейл была "в офисе", как она это называла, непрерывно с момента ее отъезда в Скутари в октябре 1854 года. Она была тесно занята, то есть иногда официально, иногда неофициально, административной работой в различных департаментах по вопросам, относящимся к ее особым интересам. С приходом к власти мистера Гладстона в 1868 году ее работа в этом направлении значительно сократилась. Ее друг, капитан Гальтон, ушел из Военного министерства. Иногда она вмешивалась в мелкие дела, как, например, когда ее друг, мистер Лоу, согласился с мистером Кардуэллом принять ее мнение по поводу определенной пенсии вдове офицера, были и другие случаи подобного рода: например, когда она добилась внимательного слушания от мистера Брюса (министра внутренних дел) по поводу меморандума, который она представила по поводу работы Закона о заразных болезнях. Но ее постоянная работа в связи с военным министерством закончилась. В течение 1871 года она размышляла над тем, стоит ли ей снова претендовать на "должность". По ее мнению, она все еще могла бы оказывать определенное официальное влияние, если бы решила искать министров и просить их обращаться к ней. Но политические времена уже не те, рассуждала она с другой стороны, если говорить о ее особых способностях. Силы правительства мистера Гладстона были брошены на политические реформы, а не на управление; управление департаментами, как считала не только она, было несовершенным. Есть много писем этого периода, в которых она противопоставляет времена Пиля и Сиднея Герберта временам Гладстона или Дизраэли. "Но я должна остановиться, - говорит она в одном из них, - иначе вы скажете, что я подражаю Саути, который, как вы знаете, сказал, что последнее министерство было настолько плохим, что ничто не может быть хуже, кроме настоящего; но Кольридж отличался от него, поскольку считал нынешнее министерство настолько плохим, что ничто не может быть хуже, кроме последнего". [129] Во всяком случае, то, что мисс Найтингейл заботило и к чему она была приспособлена, говорила она себе, было только администрацией; в те годы, когда она была "в должности", она не только писала отчеты, но и могла организовать механизм для их выполнения. Теперь же, когда администрирование, как она считала, сходит на нет, ей пора уходить с поста. О том, что ей выпал именно такой жребий, свидетельствовало то, что произошло в начале 1872 года. В

феврале лорд Майо был убит - личное горе для мисс Найтингейл и "большой удар", по ее словам, для ее дела; и лорд Нортбрук был назначен, чтобы сменить его в качестве генерал-губернатора. Мисс Найтингейл была лично знакома с лордом Нортбруком, который был другом (а также некоторое время коллегой) Сиднея Герберта, но он уехал в Индию, не повидавшись с ней. "Вы работали целую вечность, - писал мистер Джоуэтт (3 апреля), которому она сообщила о пренебрежении нового вице-короля, - почему вы должны беспокоиться из-за того, что генерал-губернатор не приехал к вам (как он, несомненно, должен был сделать)? Не уповайте ни на принцев, ни на принцесс, ни на военное министерство, ни на министерство по делам Индии; все эти вещи обязательно на песчаном фундаменте. Я удивляюсь, что вы смогли так долго с ними продержаться". Тем не менее, лорд Нортбрук был настроен дружелюбно, как следует из его ответа, когда она написала и попросила его встретиться с мистером Кларком, санитарным и гражданским инженером

(Лорд Нортбрук - мисс Найтингейл.) Калькутта, 3 января [1873 г.]. Мне было очень приятно повидать мистера Кларка, поскольку я видел его работы в Баррахпоре и знал о больших результатах, которые, насколько можно судить по статистике, дошедшей до настоящего времени, были достигнуты благодаря снабжению Калькутты чистой водой. Я надеюсь вскоре увидеть его дренажные работы на Соленых озерах, и я получил детали его плана по водосборным крышам для военных зданий, которые я тщательно изучу, как только смогу. В настоящее время я немного перегружен делами, которые накопились за время моей поездки. Вы можете быть уверены в двух вещах: я полностью понимаю важность чистой воды для солдат, и что я всегда с удовольствием приму и рассмотрю с вниманием любые предложения, которые вы можете любезно дать мне, как от своего имени, так и потому, что вы были так много связаны по этим вопросам с моим старым хозяином, лордом Гербертом. Искренне Ваш, Нортбрук.

//

Сразу же возник вопрос: что ей делать дальше? Письма мистера Джоуэтта к ней в это время, а также ее собственные частные записи показывают, что она находилась в подавленном настроении; отчасти из-за сильной физической слабости и страданий, а отчасти из-за неустроенности в своих жизненных планах. Она не знала, на что именно рассчитывать. Она видела перед собой, как она писала, "не последовательный путь, вырастающий из собственных поступков, а лишь череду разрозненных жизней и не связанных между собой событий". "Никогда, - снова писала она, - Бог не давал мне почувствовать усталость от активной жизни, а только стремление идти вперед. Теперь, в старости, я никогда не хочу быть освобожденной от новой работы, а только хочу, чтобы она была сделана". Мы еще услышим, с каким рвением она бросилась в полную силу работать для школы Найтингейл в больнице Святого Фомы; но этого было недостаточно. Она не могла видеть медсестер и писать им целыми днями - хотя, конечно, посвящала этим обязанностям столько часов, сколько некоторые люди сочли бы достаточным рабочим днем, - и, кроме того, большую часть года она теперь проводила с отцом или матерью в деревне. Ей нужен был отдых, а единственный отдых, который она находила, заключался в смене работы. Она не искала "короны славы" над сложенными руками. Мистер Джоуэтт воспользовался случаем, чтобы повторить свой совет, что она должна найти отдых в литературном творчестве. Теперь, когда она намеревалась освободиться от чиновничьей рутины, пусть приобретет постоянное влияние, написав книги или эссе. "Мне кажется, - сказал он, - что у вас больше идей, чем у кого-либо из тех, кого я знаю". И снова (14 декабря 1871 года): "У вас много оригинальных мыслей, но вы либо вставляете их в "Синие книги", либо бросаете их свиньям - это я, а я иногда вставляю их в проповеди. Вам следует быть более последовательной". Она также вспомнила советы и

предупреждения, которые получала от мистера Милля. В 1867 году было основано "Национальное общество борьбы за женское равноправие". Милль предложил ей вступить в него, но она сначала отказалась.

(Джон Стюарт Милль - мисс Найтингейл.) Блэкхит Парк, 9 августа [1867 г.]. Поскольку я знаю, насколько полно вы оцениваете многие дурные последствия, оказываемые на характер женщин (и действующие на разрушение их собственного и чужого счастья) существующим положением вещей, и поскольку вы оказали мне честь, выразив некоторое уважение к моему мнению по этим вопросам, я не хотел бы воздержаться от упоминания о создании Общества, направленного, по моему мнению, на самый корень всех тех зол, которые вы осуждаете и с которыми вы всю жизнь боролись. Существует огромное количество людей, особенно женщин, которые, не имея привычки размышлять о политике, совершенно не способны осознать огромную силу политики, то есть законодательства, даровать счастье, а также влиять на мнение и моральный облик управляемых. Поскольку я убеждена, что эта сила - самая большая из всех, которые можно использовать для человеческого счастья, я не могу одобрить ни женщин, которые отказываются от ответственности за ее использование, ни мужчин, которые лишают женщин права использовать ее. До тех пор, пока женщины не начнут пользоваться им в меру своих способностей, малых или больших, и при этом открыто, я убежден, что со злом, о котором, как я знаю, вы [216] особенно хорошо осведомлены, никогда нельзя будет справиться удовлетворительно. И это убеждение должно быть моим извинением за то, что я вас побеспокоил.

Subject: Very near my heart -
the India Sanitary Service.
I have worked very hard
at this for 6 years - And,
during all those years, my
great wish has been -
would it be possible I ask
Mr. Mill for his help &
influence? -
But you were so busy,
May believe me
Dear Sir
Ever your faithful des^d
Florence Nightingale

J. S. Mill & Mr.
between the two elements of
the nation. But that, if
both had equal political
powers, there is a proba-
bility that the social
reforms required might
become matter of political
partizanship. & so the
weaker go to the wall?
I can scarcely expect that you
will have time to answer my
humble questions.
As to my being on the Society
you mention, you know
there is scarcely anything
which, if you were to tell me
that it is right politically,
I would not do -
But I have no time. So
is 14 years this very day
that I entered upon work

(Мисс Найтингейл - Джону Стюарту Миллю.) 35 Южная улица, 11 августа [1867 г.]. Не могу выразить, как я рад и как благодарен Вам за то, что Вы нашли в себе силы написать мне. И если я недоброжелательно отвечаю на ваш вопрос, задавая его, то это потому, что у меня почти нет никого, кто мог бы высказать мне (как сказал мой дорогой друг, мистер Клаф, давно

умерший) "взвешенное мнение". В том, что женщины должны обладать избирательным правом, я думаю, никто не может быть более глубоко убежден, чем я. Для женщины так важно быть "личностью", как вы говорите. И я думаю, что наиболее ярко это проявляется в супружеской жизни. Если женщина не является "личностью", это наносит почти бесконечный вред даже ее мужу. И этот вред наиболее велик, когда мужчина очень умен, а женщина - очень умна. Но пройдут годы, прежде чем вы получите избирательное право для женщин. А между тем есть зло, которое гораздо сильнее давит на женщин, чем необходимость избирательного права. И не поставит ли оно женщин в оппозицию к тем, кто утаивает от них эти права, чтобы еще больше замедлить принятие закона, необходимого для того, чтобы они получили свои права? Я спрашиваю скромно и боюсь, что вы будете смеяться надо мной. Разве не могут существующие ограничения в отношении собственности и влияния женщин быть сметены законодательной властью в ее нынешнем виде? И равные обязанности будут возложены, как и должно быть, как на мужчин, так и на женщин? Я не хочу отнимать у вас время, приводя примеры, которые можно исправить законодательным путем, но мой опыт подсказывает мне, что женщины, особенно бедные и замужние, в настоящее время испытывают наибольшее давление. Ни одна матрона, служащая в больших масштабах, как я, и не имеющая ни малейшей заботы о своих сестрах, не может не знать об этом. Пока замужняя женщина не сможет владеть своей собственностью, не может быть ни любви, ни справедливости. Но есть и много других бед, о которых мне нет нужды рассказывать. Возможно ли, что, если избирательное право для женщин агитируется как средство устранения этих зол, результатом может стать продление их существования? Разве не так, что в настоящее время между двумя элементами нации нет противостояния, но что, если бы оба имели равную политическую власть, существует вероятность того, что необходимые социальные реформы могут стать вопросом политической партийности, и тогда более слабые пойдут на стену? Я вряд ли могу рассчитывать на то, что у вас найдется время ответить на мои скромные вопросы.

Что касается моего членства в упомянутом вами Обществе, то, как вы знаете, едва ли найдется что-то, что, если бы вы сказали мне, что это правильно с политической точки зрения, я бы не сделал. Но у меня нет времени. Вот уже 14 лет, как я занялся работой, которая никогда не оставляла мне и десяти минут досуга, даже для того, чтобы заболеть. И я обязан никогда не называть своего имени там, где я не могу назвать свою работу. Если вы не [217] сочтете меня эгоистом, я скажу, почему я держался в стороне от этих дел. За годы, проведенные в правительственных учреждениях, я никогда не чувствовал нужды в голосе - потому что, если бы я был боро, избравшим двух членов в парламент, у меня было бы меньше административного влияния. И я считал, что могу лучше работать для других вне сцены, чем на ней. К этому следует добавить, что я неизлечимый инвалид, полностью заключенный в своей комнате. Но я полностью согласна, если мне будет позволено согласиться с таким большим авторитетом, что "политическая власть" женщин должна быть "прямой и открытой", а не косвенной. И я должна попросить у вас прощения за то, что хоть на минуту заняла вас своим личным положением.

Поскольку вы сообразовали позволить мне обратиться к вам, я не могу не сказать еще одно слово по очень близкому мне вопросу - о Санитарной службе Индии. Я очень много работал над этим в течение шести лет. И все эти годы меня не покидало желание: нельзя ли попросить мистера Милля о помощи и влиянии? Но вы были так заняты. Поверьте мне, дорогой сэр, всегда ваш верный слуга, Флоренс Найтингейл.

Мистер Милль нашел время для "обдуманного мнения", очень подробного и весомого; оно было напечатано в другом месте.[130] Его ответ на скромные, но аргументированные

вопросы мисс Найтингейл нас здесь не касается. Хотя она никогда не принимала заметного участия в движении за женское избирательное право, она вступила в Общество в 1868 году, позволила включить свое имя в Генеральный комитет в 1871 году, была ежегодным подписчиком его фондов, а в 1878 году отправила для публикации свое мнение по этому вопросу.^[131] Однако именно замечания мистера Милля о ее "личном положении" вспомнились ей сейчас, в 1872 году. "Если, - сказал он, - вы предпочитаете делать свою работу, скорее двигая скрытые пружины, чем позволяя себе быть известной миру как делающая то, что вы действительно делаете, то не мне делать какие-либо замечания по поводу этого предпочтения (поскольку я должен предположить, что у вас есть веские причины для этого), кроме как сказать, что я очень сожалею, что это предпочтение так широко распространено среди женщин". Далее он предложил ей не скрывать свои добрые дела; и "наконец, я чувствую, - писал он, - некоторое колебание, говоря вам, что я думаю об ответственности, которая лежит на каждом из нас, - твердо стоять, со всей смелостью и всем смирением, которые может внушить глубокое чувство долга, на том, что жизненный опыт и честное использование нашего собственного интеллекта научили нас быть истиной". На некоторые из этих изречений у нее в то время был убедительный ответ. Она не могла написать в *"Таймс"* и сказать: "Да будет вам известно, что я предложила такую-то и такую-то депешу государственному секретарю и переписываюсь в таком-то и таком-то смысле с генерал-губернатором". Но если она уходила с поста, мольба об уединении за кулисами не срабатывала; да и в отношении ее взглядов на религиозные и социальные вопросы она, пожалуй, никогда не была столь убедительной. Теперь, когда она "вышла из кабинета", не является ли ее долгом выйти на открытое пространство со своим пером?

///

Первая литературная задача, которую мисс Найтингейл поставила перед собой под влиянием этого импульса, приняла форму серии журнальных статей, в которых она надеялась воплотить ведущие идеи, содержащиеся в уже описанных объемных *"Предложениях к размышлению"* (т. I. с. 470). "За те десять с лишним лет, что я вас знаю, - писал мистер Джоуэтт (31 октября 1872 года), - вы повторяли выражение "характер Бога" около 1000 раз, но я не могу сказать, что имею четкое представление о том, что вы имеете в виду". Почему она не попыталась объяснить? В одном из предыдущих писем (от 28 февраля 1871 года) мистер Джоуэтт предложил "форму коротких статей или эссе". Теперь она написала три из них (первые два были опубликованы) - под названиями "Записка с вопросами", "Записка с вопросами: Какой будет наша религия в 1999 году" и "В какой правительственный вечер мистер Лоу обнародует наш новый моральный бюджет? Еще одна подзаписка к допросу". В первой статье мисс Найтингейл в вопросительном и аллюзивном стиле определила свою концепцию Бога как Бога Закона, чей характер может быть изучен социальной и моральной наукой, и защитила такую концепцию от некоторых современных идей христианских церквей, с одной стороны, и от слишком холодного и безличного вероучения, как она считала, позитивизма, с другой стороны. Близость ее доктрины в некоторых моментах с вероучением позитивизма очевидна; но она считала аксиомой, что существование закона подразумевает наличие законодателя; и "это совершенно разные вещи", писала она в другом месте.^[132] "бороться со злом ради нас самих или бороться ради Законодателя, который нас вооружает - бороться с Командором или без него". Масштаб второй книги описать сложнее, поскольку она содержит большое количество критических замечаний и предложений, касающихся жизни, морали и философии, причем в не очень тесной последовательности. Общая идея, однако, заключается в том, что очищение религии требует не разрушительной критики, а реконструкции и перестройки современной жизни по линии социального служения; в этой связи мисс Найтингейл отдала дань уважения пионеру

"поселенцев" из Ист-Энда.[133] Эти две книги, хотя и пытаются охватить слишком много места на небольшом пространстве, изобилуют радостными событиями. Например, нам говорят, что "*Литература и догма*" Мэтью Арнольда "омрачена склонностью не сражаться, как мужчина, а царапаться, как кошка". Доктрина вечного наказания подвергается критике словами нищего, который сказал своей сиделке после встречи с капелланом: "Кажется, тяжело столько страдать здесь, чтобы потом отправиться на вечные муки". Кредо некоторых довольных политиков отбивают, говоря, что они говорят о "массах", как будто это силурийские пласты". Третью часть "Бумаг мисс Найтингейл" труднее всего описать, потому что она самая переполненная из всей серии. Ее практическая цель, выражаясь языком более поздней политики, - призыв к "социальной реформе". "Должен быть канцлер казначейства и бюджет, для морали и преступности, как и для финансов". Ее концепция социальной и моральной науки как почти статистического исследования[134] промелькнула, и спор между свободной волей и необходимостью был решен между прочим. Мисс Найтингейл отправила свои статьи последовательно мистера Фрауда. Он был в восторге от первой и от второй. "Ваша вторая заметка, - сказал он, - еще более беременна, чем первая. Не могу сказать, насколько оздоровительным будет влияние таких статей на расстроенный интеллект". Они появились в *Fraser's Magazine* за май и июль 1873 года. Карлайл не был столь благосклонно впечатлен. Вторая статья мисс Найтингейл, по его словам, была похожа на "заблудшего ягненка, блеющего на горе". Критика мистера Фруда по поводу третьей статьи заключалась в том, что ей не хватало целенаправленности: "от этого зависит все искусство получения кулинарного огня из интеллектуального солнечного света". Третья статья, соответственно, не была напечатана. Мисс Найтингейл не обрадовалась замечанию Карлайла, и ее спокойствие, возможно, не было восстановлено домашним заверением, что ошибка Флоренс заключалась в том, что она не отдала рукопись на доработку своей сестре. Одной из лучших вещей в "Газете", которая не была опубликована, был постскрипtum. Первая статья была широко замечена на кафедре и в прессе и принесла автору множество писем - одни сочувственные, как от мистера Эдварда Мейтленда,[135], другие - горестно-критические. Были и те, кто обещал ежедневно молиться за ее обращение и приглашал присоединиться к ним в этом деле. Казалось, они не читали статью, а только рецензию на нее; среди напечатанных критических отзывов был и такой, который начинался так "Мои знания о масштабах этой статьи почерпнуты из отчета о ее обсуждении". В предложенном постскриптуме мисс Найтингейл воспользовалась "этой возможностью, чтобы поблагодарить неизвестных друзей за их сочувствие и предложения, и, еще больше, неизвестных друзей-врагов за их критику; но еще больше я должна была бы поблагодарить последних, если бы их критика была на моей бедной маленькой статье в ее грубом состоянии - "Оригинальная корова и нюхачи" - а не при виде отрывка критики отрывка моей статьи. В моем преклонном возрасте, должно быть, возникло новое искусство: "перебивать" журналы. И я конфиденциально сообщаю тени мистера Фрейзера, что он может, обратившись ко мне, увидеть колонки, тесно напечатанные колонки, мелким (но жестоким) шрифтом на бумаге, которую авторы заявляют, что они не читали. Что? Читали бумагу, которую мы собираемся рецензировать! Статьи пишутся даже не об оригинальных произведениях, даже если это произведение - всего лишь статья, а о рецензии на статью; и даже не о ней, а о рецензии на выдержку из статьи, а иногда и о выдержке из проповеди на выдержку из рецензии на статью. Я должен чувствовать себя польщенным: Я стараюсь чувствовать себя польщенным. Но, мистер Фрейзер, разве жизнь достаточно длинна для этого? Разве это путь к "человеческому прогрессу"? И... но поскольку это не будет прочитано моими неизвестными критиками, я останавливаюсь". Практика, которую сатириковала мисс Найтингейл, не стала менее распространенной в наши дни, когда газеты снабжают своих читателей не политическими речами, а мнениями, основанными на их кратком изложении, и когда так

называемые "учебные пособия" стремятся дать студенту возможность выносить критические суждения об авторах без необходимости их читать.

IV

Через несколько дней после появления первой статьи мисс Найтингейл в "*Фрейзер*" мистер Милл умер от "местной эндемической болезни" в своем доме недалеко от Авиньона. Она была глубоко тронута:...

(Мисс Найтингейл - Джулиусу Моу.) 20 мая [1873]. Смерть Джона Стюарта Милля стала для меня большим потрясением. Мистер Грот говорил о нем: "Если говорить о логике Милля, то он пронзает эмоциями до самых кончиков пальцев". Именно таким он и был. Теперь и оратор, и тема исчезли. На похоронах мистера Грота он сказал с мучительными слезами: "Мы могли бы продержаться на десять лет дольше". А теперь мы со слезами говорим о нем самом: "Мы могли бы продержаться на 10 лет дольше". Ему было всего 67 лет. Он всегда убеждал меня публиковаться. Со страстью, которую он вкладывал во все свои слова, он говорил: "Я не могу терпеть людей, которые не хотят публиковаться, потому что считают, что мир еще не созрел для их идей: это всего лишь тщеславие или трусость. Если кто-то придумал что-то, что он считает истиной, то, во имя Небес, пусть он это скажет!" Я не ответил на это письмо. Я решил, что в этом году (я оставил большую часть работы в Индии и Военном министерстве, и большая часть ее оставила меня) я возобновлю работу с Джоном Стюартом Миллем и сделаю то, что он мне сказал. Я поместил статью в *Fraser's Magazine* (которую теперь посылаю вам), чтобы порадовать его. А теперь он умер и никогда не узнает, что я намеревался сделать то, что он хотел. Он говорил: "Расскажите миру о том, что вы думаете, о своем опыте. Это, возможно, поразит мир больше, чем все, что можно было бы ему сказать". Он процитировал мои "Штучки" в своей книге, чего ему не следовало делать.^[136] Я опубликовал свою книгу о матери Сократа^[137] отчасти для того, чтобы угодить ему. ^[222] Это было очень странно: он занимался этой темой: он был президентом Общества, занимавшегося *этим*. Когда он был в Англии (за две недели до его смерти), я не могла найти его адрес: Я был так перегружен делами и болезнями. Я не знала, что он уезжает. И я не послала ему эту книгу. А теперь он умер и никогда об этом не узнает. Но я почти не жалею о его смерти. Он не был счастливым человеком. Он был человеком, который в будущей жизни должен был очень сильно развиваться. У него были странные религиозные представления: он не верил ни в Бога, ни в будущую жизнь, а верил в некий конфликт между двумя силами - Добром и Злом. Помню, я показывал вам одно из его писем. И вы сказали, что это прямо как Зороастр. Но он был самым *истинно* "либеральным" человеком, которого я когда-либо знал. Если бы ради дела Истины он должен был быть побежден, он бы с *радостью* потерпел поражение. А теперь он мертв. И мы никогда больше не увидим таких, как он".

Характерным для мисс Найтингейл было то, что она вступила в переписку с мистером Чедвиком по поводу санитарного состояния дома мистера Милля и климатических условий Прованса в мае. Мистеру Чедвику пришлось оправдываться в ее глазах, объясняя, что он не консультировался с их другом по этим вопросам и никогда не был приглашен им в Авиньон.

V

Другая литературная работа, которая занимала мисс Найтингейл в это время, была предпринята либо для того, чтобы помочь мистеру Джоуэтту, либо в соответствии с его советами. Он призвал ее разработать свое представление о Божественном совершенстве и свою теорию семьи в отношении "сестринских отношений" и других форм ассоциации. Мисс Найтингейл написала эссе на тему "Каковы доказательства существования совершенного

Бога?", "Каков характер Бога?" и "Христианское братство как средство прогресса". Суть последнего эссе может быть изложена в письме более ранней даты:-.

(Мисс Найтингейл - Бенджамину Джоуэтту.) Июль [1870].... Я думаю, что идея Фарадея о дружбе очень высока: "Тот, кто будет служить своему товарищу рядом со своим Богом". И если подумать, что большинство, а может быть, почти все люди не имеют никакого представления о дружбе, кроме приятного сопоставления, это вызывает восхищение. Однако идея Фарадея - не моя. Мое представление о дружбе - это тот, кто [223] хочет и может присоединиться к вам в работе, единственной целью которой является служение Богу. Два в одном, и один в Боге. Это почти в точности соответствует словам Иисуса Христа. И я был необычайно благословлен тем, что у меня было три таких друга. Я могу с уверенностью сказать, что за те пять лет, что я работал с Сиднеем Гербертом, каждый день и почти весь день, с того момента, как он входил в комнату, у меня не возникало никаких других мыслей, кроме той, что мы делаем работу с максимальной отдачей сил в служении Богу. (И это при том, что он был человеком самого разнообразного и блестящего разговорного гения, который я когда-либо знал, - намного выше Маколея, которого я тоже знал). Это рай; и именно это заставляет меня говорить: "У меня был свой рай".

Двумя другими друзьями, с которыми в прежние времена она сотрудничала, были Артур Клаф и ее тетя, миссис Смит. Другие сочинения мисс Найтингейл привели к длительной переписке с мистером Джоуэттом, но так как они не соответствовали его стандартам, они были отложены в сторону. Многие из ее писем к нему сами по себе были почти эссе. Выдержки из одного или двух последовательных писем покажут, какого рода дискуссии, в которые мисс Найтингейл любила вовлекать своего оксфордского друга, и на которые он не любил вступать:-.

(Бенджамин Джоуэтт - мисс Найтингейл.) Торки, 29 сентября [1871].... Я должен ответить на ваше письмо дриблетами. Когда вы признаете, что часть свидетельств о характере Бога следует искать в природе, как вы проводите различие между истинными и ложными свидетельствами природы? Ведь мы не можем отрицать, что физическое благо иногда расходится с моральным - *например*, в браке единственным или главным принципом должно быть здоровье и сила родителей, будь то с брачной церемонией или без нее - другими словами, "Республика" Платона: Я имею в виду физические принципы. Или, опять же, законы физического совершенствования требуют, чтобы мы избавлялись от больных и деформированных младенцев. И если, как сказал бы Хаксли, вы перестраиваете мир на физической основе, вам придется вступить в войну с общепринятыми принципами морали. Я полагаю, что ответ заключается в том, что вы должны рассматривать человека как единое целое и сделать мораль и разум пределом физического совершенствования. Но нелегко понять, что это за предел, потому что представления людей о нравственности различны, и хотя мы можем формировать идеалы, на практике нам приходится от них отталкиваться. Поэтому я не согласен с вами в том, что трудностей не существует, хотя старые трудности, о происхождении зла и т.д., в целом являются уловкой теологов.

(Мисс Найтингейл - Бенджамину Джоуэтту.)[138] Lea Hurst, [224] 3 октября [1871]. Я совершенно ошарашена вашим материализмом. (Я запру вас с Платоном на сто лет в наказание в другом мире, пока вы оба не обретете более ясные взгляды). Неужели такая старая дева, как я, должна проповедовать вам, Мастеру из Израиля, что даже "на физических принципах" в браке есть существенные моменты (чтобы получились дети наилучшего порядка), при отсутствии которых совершенствование "здоровья и силы" обоих родителей бесполезно даже для физической части детей? И позвольте мне задать один маленький вопрос: считаете ли вы, что у человека есть маленькая душа? Если она у него есть, то вы вряд

ли можете считать его простым телом, животным или даже близнецом, где душа - один близнец, а тело - другой, но как единое целое, где душа и тело составляют одно существо (хотя и только в этом смысле). Если вы *так считаете*, то, во всяком случае, *Бог* так не считает. И, следовательно, Он делает так, что в "физическую" конституцию даже детей входит гораздо больше вещей, чем просто "здоровье и сила" родителей. (Мой сын, Платон действительно говорил об этом глупости.) Возьмите гораздо более материальную вещь, чем порождение плохой или вырождающейся семьи или расы. Возьмем железнодорожную аварию. Какие законы здесь действуют? Вы ни в коем случае не должны рассматривать только "физические" законы - прочность железа, скорость пара, гладкость рельсов, трение и т.д., и т.п. - но вы должны рассмотреть состояние ума директоров, заботятся ли они только о своих дивидендах, так что железнодорожным служащим недоплачивают или перерабатывают и т.д., и т.п. Вы цитируете Хаксли. Он, несомненно, один из лучших педагогов эпохи, но он совершает глубокую ошибку, когда говорит человечеству: объекты чувств более достойны вашего внимания, чем ваши умозаключения и воображение. Напротив, самые прекрасные способности, которыми одарен человек, - это те, которые позволяют ему выводить из того, что он видит, то, чего он *не может* видеть. Они возносят его к истине гораздо более важной, чем та, которую он постигает с помощью одних только органов чувств. Я считаю, что все законы природы направлены на совершенствование *всего* человека, моральное и физическое, что абсурдно рассматривать человека либо как тело, которое нужно "улучшить", либо как душу, которую нужно "улучшить" отдельно.

Что касается "законов физического совершенствования, требующих избавляться от больных и деформированных младенцев", то они требуют *предотвращать* или улучшать их, а не *убивать*. Это означало бы избавиться от некоторых из лучших интеллектуальных и нравственных образцов человеческой природы, которые когда-либо существовали. И даже если бы это было не так, героизм, терпение, мудрость нашей расы в большей степени проявились в борьбе [225] с этими и подобными им формами зла, чем в чем-либо другом. Благо человека в его высшем смысле не может быть достигнуто путем пренебрежения одним набором законов или одним аспектом человеческой природы и культивирования другого.

Поэтому я полностью согласен с тем, что "нужно воспринимать человека как единое целое". Но это кажется противоречащим следующему предложению знаменитого автора "и сделать мораль и разум *пределом* физического совершенствования". Если бы я писал, мне следовало бы использовать слово, означающее прямо противоположное: не предел, а расширение, увеличение, умножение, хозяин или информирующий дух. Как говорит Платон: разум информирует тело, владеет телом, тело - слуга разума. Как может владелец и хозяин быть пределом? Мы должны по-настоящему молиться о вашем обращении....

(Бенджамин Джоуэтт - мисс Найтингейл.) Торки, 4 октября.... Что я сказал, чтобы заслужить такую вспышку гнева? У меня нет желания расшатывать устои общества. То, что я думаю по этим вопросам, слабо выражено в части "Эссе" в конце введения к "*Республике*". Но когда я приступлю ко второму изданию, я выражу это лучше.

Сравнение этого отрывка в первом и втором изданиях "Введения" мистера Джоуэтта [139] показывает, как сильно он выиграл от критики, содержащейся в предыдущем письме. Его "*Платон*" впервые появился в 1871 году, и сразу же он начал его пересматривать. В этой работе ему очень помогла мисс Найтингейл. Ее греческий язык уже немного заржавел, [140] но ее интерес к сути Платона был очень сильным. Она очень тщательно аннотировала резюме и введения мистера Джоуэтта и посылала ему объемные предложения по пересмотру. "Вы - лучший критик, - писал он, - которого я когда-либо имел". Несколько заметок мисс Найтингейл сохранились в черновом варианте среди ее бумаг, и по ним можно

проследить ее руку на многих страницах пересмотренной работы мистера Джоуэтта. В первом издании введения к *"Республике"* он сделал несколько замечаний о любви как мотиве в поэзии, которые вызвали резкое неодобрение мисс Найтингейл. Она согласилась с тем, что "иллюзия чувств, обычно называемых любовью", была мотивом, о котором слишком много; но поэты, по ее мнению, еще почти не коснулись темы истинной любви - "два в одном, и один в Боге" - как стимула к героическим действиям. "Философа можно извинить, - писал мистер Джоуэтт, - если он представит себе век, когда поэзия и чувства исчезнут, истина займет место воображения, а чувства любви будут поняты и оценены по достоинству". "Убери эту подлую клевету, сын мой, - писала мисс Найтингейл, - убери ее в эту минуту; не хули Любовь". Во втором издании оскорбительное предложение было исключено. Далее мистер Джоуэтт немного "похулил" искусство, приведя магометан в качестве примера того состояния человеческого разума, при котором "все художественные изображения рассматриваются как ложное и несовершенное выражение либо религиозного, либо философского идеала". Мисс Найтингейл возразила, что магометане отказались от использования картин и изображений, но не от архитектуры: "Мечети - это высший вид искусства: единственное истинное представление Единого Бога: слава Бога в вышних: высочайшее из высочайших: выше любого христианского искусства или архитектуры - как бы вы сказали, увидев мечети Каира". Мистер Джоуэтт переделал свой отрывок и использовал иллюстрацию мисс Найтингейл, почти в ее словах.^[141] "Я всегда краду у вас", - сказал он. На его "Введение в *Горгиас*" она сделала интересную критику: "Я всегда краду у вас".

Не является ли Сократ в *"Горгиасе"* более невыразимо утомительным и в то же время не говорит ли он более высокие истины, чем где-либо еще? Зачем называть эти высшие истины "парадоксами"? Разве ваши проповеди не являются своего рода извинением за то, что вы говорите с ними о Боге? И почему ваши "Введения" должны быть своего рода извинениями за то, что вы признаете, что Сократ говорит о высшей истине, а не о парадоксах? Разве охранительные заявления, будь то о Боге или о какой-либо конкретной морали или истине, когда-либо приводили к энтузиазму в религии или в морали? Есть ли хоть один диалог, даже не считая *"Фаэдо"* и *"Крито"*, где он так серьезно говорит? Он так ужасно серьезен, что в конце даже отбрасывает всю свою диалектику и делает серьезным даже Полус. Мне, как человеку глупому и невежественному, кажется, что ваше [227] введение слишком много внимания уделяет *форме "Горгиаса"* и недостаточно ярко высвечивает великие истины, которые Сократ так настойчиво старается донести до читателя, что, кажется, почти теряет себя в них. Эти великие моральные истины таковы (не так ли?):- (1) *Делать зло - большее зло, чем терпеть несправедливость*. Если вы называете это "парадоксом", то почему бы вам не назвать парадоксом 53-ю главу Исаии? Разве это не высшая из истин? (2) *Не быть наказанным - большее зло, чем быть наказанным за несправедливость*. Я понятия не имею, почему вы называете это парадоксом. Это следует из всего высшего опыта жизни каждого из нас. В семейной жизни я вижу это каждый день. Я вижу, как "избалованный ребенок" делает несчастным себя, а чаще себя, и всех остальных, вплоть до зрелого возраста или крайней старости. (Хотя "наказания" в моей жизни были несколько суровыми, но я могу благословить Бога даже в этом мире, что никогда в жизни мне не позволяли "делать то, что мне нравится").

...

Если читатель захочет взять этот отрывок для сравнения второго и первого издания "Введения" мистера Джоуэтта,^[142] он снова обнаружит, как много и близко критика мисс Найтингейл была принята. Аналогичным образом, давая точные ссылки на каждое утверждение, она поступила с большей частью "Диалогов". В *"Фаэдре"*, - сказал мистер Джоуэтт (22 июля 1873 года), - я ввел большую часть того, что вы предложили, и сделал

некоторые дополнения. Вы совершенно правы, считая, что я должен внести во "Введения" как можно больше современной правды. Это прекрасная возможность, которую я имел в виду, но не так ясно, как после того, как вы мне написали".

Мисс Найтингейл продолжала, как и в прежние годы, посылать мистеру Джоуэтту предложения для проповедей. "Я написал часть вашей проповеди", - написал он, когда она прислала ему набросок того, что она хотела бы, чтобы он прочел с университетской кафедры. Став магистром Баллиола, он разработал специальную форму для ежедневной службы в капелле колледжа, и мисс Найтингейл предложила выбрать отрывки из Псалмов под заголовками "Бог Господь", "Бог Судья", "Бог Отец", "Бог Друг", "Крестный путь" и так далее. Однако мистеру Джоуэтту пришлось отказаться от этого проекта в знак почтения к высшему авторитету.^[143] Был реализован другой план. В 1873 году появилось издание Библии, история которого представляет определенный интерес. Оно называлось *"Школьная и детская Библия"*; на титульном листе значится имя преподобного Уильяма Роджерса из Бишопсгейта, но на самом деле подборка была сделана по большей части мистером Джоуэттом при помощи некоторых его друзей.^[144] О том, что одним из этих друзей был мистер Суинберн, мы знаем из воспоминаний самого поэта; не всем известно, что другим главным сотрудником мистера Джоуэтта была мисс Найтингейл. В одном отношении помощь мистера Суинберна была разочаровывающей. "Я хотел, чтобы вы, - с улыбкой сказал ему мистер Джоуэтт, - помогли мне сделать эту книгу меньше, а вы убедили меня сделать ее гораздо больше". Поэт, которому сделали комплимент за его глубокое знакомство с различными частями священного текста, подумал, что мистер Джоуэтт исключил слишком много пророческих и поэтических элементов, не приняв во внимание "восторг, который ребенок может испытывать от вещей, находящихся за пределами его совершенного понимания, но не за пределами его осязания или предчувствия". Мисс Найтингейл, чье знакомство с Библией было, вероятно, еще более близким и обширным, чем у мистера Суинберна, и для которой библейская критика была любимым занятием, также хотела многое добавить, что мистер Джоуэтт опустил, но ее инстинкт назидания заставлял ее предлагать равноценные опущения. Она очень старалась, иллюстрируя свои предложения в письмах к мистеру Джоуэтту многими характерными замечаниями, среди которых были следующие:...

Невозможно поддерживать знакомство с человеком, каким бы достойным в остальном он ни был, который отделяет 26 последних глав Исаии от Исаяи лишь с помощью маленького убогого примечания и звездочки. Несомненно, эти главы относятся к концу Вавилонского плена [229] и должны быть выделены отдельным разделом; в то время как ветхое маленькое примечание и звездочка могли бы относиться к некоторым отдельным главам (*например*, xiii., xiv.) среди первых 39, которые относятся к тому же времени, концу плена, тогда как первые 39 глав (в целом), похоже, относятся к "средним векам" пророчества. Но поскольку может быть сочтено неудобным помещать главы xl.-lxvi Исаии в другую часть Библии, я уступлю этому и просто классифицирую их (я следую порядку Эвальда). Но они *должны* быть под отдельным заголовком с надписью "Конец Вавилонского плена" (или словами в этом роде), напечатанной четко *под заголовком* (не в примечании)".

В целом, она раскритиковала первую присланную ей подборку за отсутствие пропорций. По ее мнению, не было четкого плана относительно того, сколько места должно быть отведено, соответственно, следующим темам:...

(а) Вопросы *универсального* значения, моральные и духовные (*например*, лучшие части Исаии, Иеремии, Иезекииля и Нового Завета); (б) Вопросы *исторического* значения (*например*, охватывающие историю великих народов, Египта, Ассирии, Вавилона. Мелкие войны мелких племен, кажется, занимают совершенно непропорциональное место); (в)

вопросы *местного* значения, которые приобрели *универсальное моральное* значение (например. Иона полностью опущен: однако Иона имеет моральное и духовное значение, в то время как Самсон, Валаам и Вирсавия не имеют никакого); (г) вопросы *чисто местного* значения, не имеющие никакого значения, кроме *аморального* (например, истории об Аврааме, Исааке и Иакове, почти весь Иисус Навин и Судьи, и очень много Самуила и царей). История об Ахиллесе и его лошадях гораздо больше подходит для детей, чем история о Валааме и его ослице, которую можно рассказывать только ослам. Истории о Самсоне и Иеффе можно рассказывать только быкам, а историю о Вирсавии - Вирсавии. И все же мы даем все эти истории детям как "Священное писание". Есть кое-что в Гомере, что мы могли бы назвать "Священным" писанием, и многое, многое в Софокле и Эсхиле. Истории об Андромаше и Антигоне стоят всех женщин Ветхого Завета, вместе взятых; нет, почти всех женщин Библии.

"Я только что закончил "Детскую Библию", - писал мистер Джоуэтт (10 февраля 1872 года). "Я благословлял вас каждый раз, когда брал в руки бумаги, особенно в Пророках. Я принял вашу подборку почти полностью, с небольшими сокращениями, и она дополнительно одобрена авторитетом мистера Чейна".

Эти различные литературные предприятия, предпринятые по просьбе мистера Джоуэтта, занимали много времени мисс Найтингейл - больше времени, как она иногда говорила себе, чем можно было по праву освободить от основных обязанностей; и это время было потрачено, добавляла она в своих самообвинениях, без особой цели. В некоторых отношениях предложения мистера Джоуэтта были не слишком удачными. Нельзя разработать в последовательной форме схему теологии или социальной философии, даже через посредство эссе, в нечетные часы в качестве подработки. Так мисс Найтингейл вскоре обнаружила, и неудача тяжело отразилась на ее настроении; но мистер Джоуэтт не понимал, насколько велика была нагрузка на способности его подруги, связанные с ее работой медсестры, и сколько времени, усилий и эмоций она посвящала, хотя и "вне офиса", сложным проблемам индийской администрации. Мы, получившие доступ к ее бумагам, узнаем всю глубину этих забот в последующих главах (III. и IV.). Но сначала необходимо сказать о другом литературном предприятии. К нему мисс Найтингейл близкое изучение Библии и Платона был полностью соответствующим. Такие исследования, как мы увидим в следующей главе, были частью пищи, которая поддерживала ее внутреннюю жизнь.

ГЛАВА II

МИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ

Мистицизм - это пребывание в невидимом, уход от чувственных вещей в общение с Богом, стремление приобщиться к Божественной природе, то есть к Святости. Когда мы спрашиваем себя только о том, что правильно, или о том, какова воля Божья (один и тот же вопрос), тогда мы действительно можем сказать, что живем в Его свете. - Флоренс Найтингейл.

В одной из предыдущих глав уже упоминалось, что мисс Найтингейл любила читать книги о католическом благочестии, которые присылала ей преподобная мать монастыря в Бермондси. Задолго до этого она внимательно изучила труды порт-роялистов; а в Тринита-

де-Монти она увидела идеал католической набожности в реальной жизни. Она передавала мистеру Джоуэтту некоторые из своих набожных трудов. Он начал со святой Терезы и, поначалу отталкиваясь от нее, постепенно заинтересовался. Мисс Найтингейл имела привычку переписывать отрывки для собственного назидания, иногда в оригинале, иногда переводя их. Ей пришла в голову идея сделать подборку для публикации, и мистер Джоуэтт поддержал ее. "Не отказывайтесь от своей идеи, - сказал он, - сделать подборку лучших умов Средневековья и мистиков". "Вы сделаете хорошую работу, - снова писал он (3 октября 1872 года), - если укажете на тот вид мистицизма, который необходим в наши дни - не мистицизм вообще, а столь же интенсивное, как у мистиков, чувство силы истины и разума и воли Бога, чтобы они действовали в мире. Страсть разума, слияние веры и разума, разум в религии и религия в разуме - если вы только сможете описать все это, вы преподаете людям новый урок. Новое еще чему-то научиться у старого; и я не уверен, что мы не должны уйти в мистицизм (я думал, что не должен использовать это слово), когда антагонизм с существующими мнениями становится слишком большим." Тщательное изучение мисс Найтингейл Платона и Библии, описанное в последней главе, усилило ее интерес к христианскому мистицизму. Четвертое Евангелие было работой мистика. И были любопытные аналогии, на которые она указала мистеру Джоуэтту,^[145] между Платоном и средневековыми мистиками. Например, знаменитый миф об очищенной душе напомнил отрывок из "*Фьоретти*" святого Франциска, за исключением того, что там чистилище, до того как "вырастут крылья", длится 150 лет, а не 10 000. Мисс Найтингейл сказала о заключительной молитве из "*Фаэдра*" - "Дай мне красоту внутренней души, и пусть внешний и внутренний человек будут едины" - молитве, равной которой, по ее мнению, нет ни в одном сборнике, - что в ней "в семнадцати словах заключена вся или, по крайней мере, половина учения святого Иоанна Креста". Платон заставил ее еще больше заинтересоваться христианскими мистиками; христианские мистики - еще больше заинтересоваться Платоном. Одновременно с работой над пересмотренным *Платоном* мистера Джоуэтта она уделяла много времени в 1873 и 1874 годах (с дополнениями в более поздние годы) переписыванию или переводу и упорядочиванию отрывков из благочестивых писателей Средневековья. Она отправила некоторые из своих книг на разных стадиях мистеру Джоуэтту, который, наряду с другими предложениями, сказал (18 апреля 1873 г.), что ей следует добавить "Предисловие, показывающее пользу таких книг. Они склонны казаться нереальными, и все же "Томас а-Кемпис" стал одной из самых влиятельных книг в мире. Предметом предисловия должно стать использование идеала и особенно духовного идеала. Я не говорю, что может быть в случае с самими великими святыми, но для нас, я думаю, очевидно, что это мистическое состояние должно быть эпизодическим, а не постоянным ощущением - вкусом рая в повседневной жизни. Как вы думаете, возможно ли написать мистическую книгу, которая одновременно была бы сутью "Здравого смысла"?"

//

Предисловие составлено мною из различных заметок и черновиков, сделанных рукой мисс Найтингейл:...

Может показаться странным начинать книгу со слов: "Эта книга не для тех, у кого есть время ее прочитать, но смысл ее таков: это чтение полезно только как подготовка к работе. Если оно не вдохновляет на жизнь и работу, оно плохо. Как цель еды - дать нам возможность жить и работать, а не жить и есть, так и цель чтения - возможно, большинства, но уж точно мистического чтения - не читать, а работать.

Ведь что такое мистицизм? Разве это не попытка приблизиться к Богу не с помощью обрядов и церемоний, а по внутреннему расположению? Не является ли это просто сложным словом, означающим "Царство Небесное внутри"? Небеса - это не место и не время. Небеса могут быть не только *здесь*, но и *сейчас*. Правда, иногда нам приходится жертвовать не только здоровьем тела, но и здоровьем души (или мира) в интересах Бога, то есть жертвовать Небесами. Но "вы будете подобны Богу, ибо увидите Его таким, каков Он есть": это может быть как *здесь и сейчас*, так и *там и тогда*. И это может быть на время - потом потеряно, потом восстановлено - и *здесь*, и *там*, и *сейчас*, и *потом*.

Что Религия - это не преданность, а труд и страдание ради любви к Богу; это истинная доктрина Мистиков - как более конкретно изложено в определении XVI века: "Истинная религия состоит в том, чтобы не иметь никакой другой воли, кроме воли Бога". Сравните это с определением "Религии" в словаре Джонсона: "Добродетель, основанная на почитании Бога и ожидании будущих наград и наказаний"; другими словами, на уважении и корысти, а не на любви. Представьте себе религию, вдохновившую жизнь Христа, "основанную" на мотивах, приведенных доктором Джонсоном!

Сам Христос был первым истинным мистиком. "Мясо Мое есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его". Что это, как не выражение в самых пылких и ярких словах основы всей настоящей Мистической Религии, которая заключается в том, что для всех наших действий, всех наших слов, всех наших мыслей, на которой они должны жить и иметь свое существование, должно быть пребывающее Присутствие Бога, единение с Богом, то есть с Духом Добра и Мудрости.

Где мне найти Бога? В самом себе. Такова истинная Мистическая Доктрина. Но тогда я сам должен быть в состоянии, чтобы Он пришел и поселился во мне. В этом вся цель Мистической Жизни; и все Мистические Правила во все времена и во всех странах были заложены для того, чтобы привести душу в такое состояние.[234] Что сама душа должна быть небом, что Отец наш Небесный должен обитать в ней, что внутри нас есть нечто бесконечно более ценное, чем часто выходит наружу, что Бог постепенно расширяет этот "дворец нашей души", чтобы она могла принять Себя, что таким образом Он дает ей свободу, но душа должна полностью отдаться Ему, чтобы Он мог это сделать, - неисчислимая польза от этого случайного, но частого общения с Совершенным: таков вывод и итог всего дела, изложенный мистиками прекрасным языком. И в этом процессе они описывают этапы и выделяют периоды в месяцы и годы, в течение которых эти этапы, по их словам, обычно совершаются теми, кто их вообще совершает.

Эти старые мистики, которых мы называем суеверными, были намного раньше нас в своих представлениях о Боге и о молитве (то есть о нашем общении с Богом). "Молиться, - говорит один мистик XVI века, - значит просить не того, что мы желаем от Бога, а того, что Бог желает от нас". "Владыка, создавший и сформировавший сосуд тела Твоего и вложивший внутрь столь великое сокровище - душу, несущую образ Твой": так начинается предсмертная молитва XIV века. В ней и в других молитвах мистиков нет почти ни одного прошения. В ней нет ни слова о теории, согласно которой Бог поступает с нами, чтобы показать Свою "силу"; и уж тем более нет теории, согласно которой "по Своему благоволению" Он "предопределил" какие-либо души к вечному проклятию. Здесь мало упоминается о небесах для себя; о желании счастья для себя - ни слова. Удивительно, как мало упоминаний о "заступничестве" или "искуплении чужими заслугами". Верно, что мы можем *создать* рай для себя и других только "заслугами другого", поскольку только работая в соответствии с Божьими законами, мы можем сделать что-либо. Но в этих молитвах нет ни слова о том, что Божий гнев нужно откупиться, что Его нужно подкупить, чтобы Он даровал нам рай страданиями только "для

удовлетворения Божьей справедливости". В предсмертных молитвах нет ничего от "эгоизма смерти". Предсмертные мысли заняты реформацией Божьей церкви, то есть Божьих детей, за которых "я" отдал бы себя. Не так уж часто возникает желание освободиться от проблем и страданий. Напротив, часто возникает желание претерпеть величайшие страдания и принести величайшую жертву с еще большей болью, если так можно сделать хоть какую-то работу. И все это, как и все остальное, приписывается Божьей *благости*. Приношение не для того, чтобы что-то купить страданием, но - если только податель может что-то сделать для детей Божьих!

Эти податели не дожили до "реформации" детей Божьих. Не доживут и те, кто сейчас возносит эти молитвы. Но, по крайней мере, мы все можем работать над таким практическим "реформированием". [235] Путь к жизни с Богом - это жизнь с Идеями: не просто думать об идеалах, но делать и страдать за них. Те, кому приходится работать над мужчинами и женщинами, должны, прежде всего, постоянно иметь свой Духовный Идеал, свою цель. Мистическое" состояние - это суть здравого смысла.

Среди авторов, которых мисс Найтингейл читала для своей подборки, были святая Анджела из Фолиньо, мадам де Шатель, святой Франциск Ассизский, святой Франциск Ксаверий, святой Иоанн Креста, Петр Алькантарский, отец Ригольюк, святая Тереза и отец Сурин. Выдержки из этих и других авторов она расположила по рубрикам и снабдила маргинальными резюме. Она также подготовила титульный лист: *"Заметки из преданных авторов Средневековья, собранные, отобранные и свободно переведенные Флоренс Найтингейл"*.

III

Однако эта и все другие литературные работы были прерваны в начале 1874 года из-за смерти ее отца. Она была в Лондоне; ее сестра и сэр Гарри Верни были с ним и миссис Найтингейл в Эмбли. Ему было 80 лет, но, хотя его телесные и душевные силы немного ослабли, он выехал на свою обычную прогулку за несколько дней до этого. Леди Верни пожелала ему спокойной ночи. "Не желайте мне спокойной ночи, - сказал он в ответ, цитируя миссис Барболд, - а пожелайте мне доброго утра в более светлых краях". Через день или два он, как обычно, спустился к завтраку, но обнаружил, что забыл свои часы. Он пошел за ними, поскользнулся на лестнице и умер на месте. Мисс Найтингейл глубоко переживала потерю отца. "Его трепетная любовь к вам, - писал лорд Хоутон в письме с соболезнованиями (13 января 1874 года), - была невыразимо трогательной", а ее любовь к нему, хотя и другого рода, была очень нежной. В отличие от отца и дочери, во многих отношениях они были родственными душами в интеллектуальном любопытстве, во вкусе к спекулятивным исследованиям. М. Моль отметил среди привлекательных черт мистера Найтингейла "скромное любопытство ко всему, удивленную, невинную, недоверчивую улыбку, когда он внимательно слушал". Мисс Ирби говорила о его "чрезвычайной миловидности и детской мудрости". Эти качества проявлялись большей части его общения с дочерью Флоренс, и теперь она лишилась отца, который в делах душевных сидел у ее ног и сочувствовал ее поискам истины. За смертью отца 31 января 1874 года последовала смерть ее горячо любимой подруги, миссис Брейсбридж. "Она была для меня больше, чем мать, - писала Флоренс М. и мадам Моль (3 февраля), - и как же я могла не быть ей дочерью в ее последние печальные дни! Кем бы я была без нее? И кем бы были многие без нее? Для того, кто жил с ней, как я когда-то, она не была похожа ни на одного человека: как картина солнечной сцены не похожа на настоящий свет и тепло солнца: или как эта февральская лампа, которую мы называем нашим солнцем, не похожа на ее собственное Солнце живого света в Греции.... Другие люди живут вместе, чтобы делать друг другу хуже: она жила со всеми, чтобы делать их

лучше. И она не была похожа на окаянного христианского святого: не больше, чем Аполлон; но у нее были качества, которых никогда не было ни у одного греческого бога - настоящее смирение (за исключением моего дорогого отца, я никогда не знал никого настолько смиренного), а вместе с ним самое деятельное сердце и ум и жизнерадостная душа, которую только можно себе представить". Мистер Брейсбридж умер за восемнадцать месяцев до этого (18 июля 1872 года), и мисс Найтингейл сказала: "Он и она были творцами моей жизни. И когда я думаю о нем в Скутари, единственном человеке во всей Англии, который с готовностью прожил бы такую свинскую жизнь, без того интереса и ответственности, которые она имела для меня, я думаю, что мы никогда больше не увидим подобного ему. И когда я думаю об Атерстоуне, об Афинах, обо всех тех местах, где я побывал вместе с ними, о том огромном влиянии, которое они оказали на формирование моей собственной жизни - для меня они больше, чем земные отец и мать, - я не сомневаюсь, что они оставили после себя, сформировав многие жизни, как и мою, свой след в веке - в этом веке, в котором так мало идеалов, по крайней мере в Англии. Они были неизмеримо выше любого английского "деревенского дворянства", которое я когда-либо знала". Оценку мисс Найтингейл о своих друзьях разделяли и другие, кто пользовался их гостеприимством. "Смерть миссис Брейсбридж, - писала М. Моль (14 февраля), - это печальный удар для вас. Разрыв старых связей, которые ничто новое не может заменить, обедняет жизнь, и часть нас самих умирает вместе со старыми друзьями, даже если они не были для нас тем, чем была миссис Брейсбридж для вас. *И мы будем еще тише и еще тише на своем пути*, пока не откроем для себя великую проблему жизни. Двух лучших людей, чем Брейсбриджи, какими бы разными они ни были, я никогда не видел. У мадам д'Аббади есть странное выражение для женщины, которую она одобряет; она говорит *elle est honnête homme*, и ничто не может быть более подходящим для миссис Брейсбридж. Я никогда не могу думать об Атерстоуне без эмоций; именно в таких людях кроется слава Англии и сила страны. Они были так искренни, так готовы помогать и обеднять себя ради общественных целей, и делать это не афишируя и не стремясь к популярности". До конца своей жизни мисс Найтингейл бережно хранила память об этих верных и полезных друзьях. "Моим любимым и почитаемым друзьям, - говорится в ее завещании, - мистеру Чарльзу Брейсбриджу и его жене, моей более чем матери, без которых Скутари и моя жизнь не могли бы состояться и которым ничто из того, что я когда-либо могла сказать или сделать, ни в малейшей степени не выразило бы моей благодарности, я должна была оставить какой-нибудь знак моей памяти, если бы они, как я ожидала, пережили меня". Смерть ее спутницы в Скутари устранила одну из немногих связей с более счастливым прошлым мисс Найтингейл. Смерть отца была не только тяжелой утратой, которую она глубоко переживала; она также вовлекла ее во множество отвлекающих дел. Земельные владения ее отца, в Эмбли и Лиа Херст, теперь перешли под залог к его сестре, "тете Мэй", и ее мужу. Флоренс не присутствовала на похоронах отца, но вскоре отправилась в Эмблей, чтобы ухаживать за матерью. Там, а затем и в Лондоне, она погрузилась в тревожные дела. Единственным утешением для нее, как она неоднократно писала в частных записках, была "доброта" мистера Шора Смита - "ее мальчика" былых времен. Письма мистера Колтмана, одного из душеприказчиков ее отца, были полны юмора, но Флоренс никогда не умела относиться ко всему легкомысленно. Предстояло обсудить вопросы собственности и проживания, уволить и нанять слуг, решить вопрос о ближайших передвижениях матери и ее будущем образе жизни. У каждого был свой план, и Флоренс жаловалась, что ни у кого, кроме нее, не было одного и того же плана в течение двух дней подряд. Ее письма и заметки в этот период отличаются трагическим накалом. Кое-что можно приписать характерному чрезмерному акцентированию внимания. "Мы, Смиты, - сказала она однажды о себе, - все преувеличиваем"; а мистер Джоуэтт на некоторые ее замечания о нем сказал: "Вы настолько правы, насколько вам позволяет привычный дух преувеличения". "У

нас очень много слишком сильных характеров, - писала она о себе и своей семье, - и очень разных: все тянутся в разные стороны. И мы так ужасно *сдержанны*. Как хорошо, что нам есть над кем посмеяться!"

Но в одной из ее бед не было преувеличения. Треть ее времени занимали "Соловьиные сестры", еще треть - индийские дела (ведь в отношении Индии, как мы узнаем, она так и не "отошла от дел"); оставшаяся треть, которая могла бы быть посвящена разработке схемы социальной и моральной науки на основе статистических методов М. Кетеле или подготовке к печати ее избранных произведений из "Мистики", была потрачена впустую на семейные заботы. М. Кетеле, с которым она переписывалась, недавно умер. "Не могу выразить, - писала она д-ру Фарру (23 февраля 1874 г.), - как трогает меня смерть нашего старого друга: он был основателем самой важной науки во всем мире. Несколько месяцев назад я подготовила первый набросок эссе, которое собиралась опубликовать и посвятить ему, о применении его открытий для объяснения замысла Бога, научившего нас с помощью этих результатов законам, по которым должен быть достигнут наш нравственный прогресс. Я тешил себя мыслью, что это доставит ему удовольствие. Но болезненные и неотложные дела помешали закончить мою работу". "О Боже, - воскликнула она с горечью в сердце, - не дай мне утонуть в этих недоумениях, но дай мне великое дело, за которое я могла бы сделать и умереть!" И снова: "Какая разница между мужчиной и женщиной? Кетеле делал свое дело, а меня так беспокоит моя семья, что я не могу делать свое".

IV

Итак, мисс Найтингейл так и не закончила свою книгу о мистиках; но она сделала кое-что, что, если мы примем ее взгляд на литературную работу, мы можем оценить гораздо лучше; она жила ею. Нет слов Флоренс Найтингейл, которые были процитированы в ходе этого Мемуары более интенсивно автобиографические, ни один выражает более истинно дух, в котором она жила и двигалась и была ее существо, чем те, которые я собрал вместе на предыдущей странице из ее Заметки о мистиках. Ее вероучение может показаться некоторым холодным, но она наделила его духовным пылом, который никто из мистиков не превзошел. Эта женщина, такая практичная, такая деловая, и в своих внешних отношениях с людьми и делами такая житейски мудрая, была мечтательницей, преданной, религиозной энтузиасткой. Леди-главнокомандующая, которая для других была башней силы, для самой себя была слабым сосудом, постоянно молящимся о поддержке и с горечью осознающим свою несостоятельность, безверие, непокорность воле Божьей. Самодостаточная в присутствии других, она мучилась и страдала, часто доходя до отчаяния, в уединении своей комнаты. "Семь лет я ничего не делала, - сказала она другу, - только писала предписания". И это в целом относилось к одной стороне ее жизни. О другой стороне она могла бы сказать с почти такой же правдой: "Я всю жизнь ничего не делала, только писала духовные размышления". Она жила с пером или карандашом всегда под рукой, и пачки ее бумаги покрыты исповедями, самоанализом, общением с Богом. Она очень страдала, особенно в эти годы, от бессонницы, и в ночные часы она обращалась к чтению мистиков, чтобы утешиться, или писала на своих скрижалях для духовного упражнения. Хотя ей больше всего нравились книги католических святых, ее католицизм был шире их, и она могла находить духовное родство и с гимнами американских евангелистов, как в строках, приложенных к этой части. В одно и то же время мистик и практический администратор, мисс Найтингейл имел две стороны души; но каждый был отражением другого. Ее религия была ее работой, а ее работа - ее религией. Она читала мистиков не для того, чтобы убаюкать свои активные способности в созерцательном экстазе, а чтобы посвятить их более совершенному

служению. В одном месте она делает такие заметки из святой Екатерины Сиенской: "Разница не в занятии, а в духе. Избрание епископа может быть самым светским делом. Избрание представителя может быть религиозным делом. Но не предваряющая такие выборы публичная молитва делает их религиозным актом. Он религиозен в той мере, в какой каждый человек выполняет свою роль как долг и торжественную обязанность. Вопрос не в том, делается ли дело для государства или церкви, а в том, делается ли оно с Богом или без Бога". Мисс Найтингейл написала этот отрывок под заголовком "Дренажи". Она применяла свою религию к каждому аспекту своей жизни; и в ее размышлениях торжественные и глубокие отрывки иногда соседствуют с записями причудливой и почти юмористической прямоты, как горгулья над церковным крыльцом или собака на картине Мадонны. "Господи, я предлагаю его Тебе. Он такой *тяжелый*. Позаботься о нем. Я не могу". "Я должен стремиться видеть только Бога в своих друзьях и Бога в своих кошках". Такие отрывки считаются "профанными" у исповедующих чисто формальную религию; но они характерны для истинных мистиков всех конфессий.

Мистическое самоуничижение святых никогда не было таким полным, как в частных размышлениях Флоренс Найтингейл. Однажды среди ночи она проснулась и увидела на стене при свете ночника картины. "Неужели я та, кто когда-то стоял на той крымской высоте? Дама с лампой должна стоять". Лампа показывает мне только мое полное кораблекрушение". Начиная с 1872 года, когда она вышла "из офиса", и с большей интенсивностью после смерти ее отца, настроение мисс Найтингейл, во всех общений с собой, был глубокое уныние и полное смирение. Записки часто душераздирающие в их впечатление одиночества, тяга к сочувствию, которое она не могла найти, горький самообвинения. Потеря друзей, возможно, объясняет кое-что из этого, и даже ее дружба с мистером Джоуэттом теперь утратила свою утешительную силу. Она чувствовала, что отдавала больше сочувствия, чем получала; иногда беседы с ним казались ей утомительными или тревожными; "он говорит со мной, - сказала она однажды, - как будто я кто-то другой". Следует помнить и о странном образе ее жизни. Ее привычка видаться только с одним человеком за раз, да и то в определенное время, должно быть, делала общение весьма обременительным для обеих сторон. Никто, даже оставаясь в доме, никогда не *заходил* в ее комнату, и ни один посторонний посетитель не появлялся неожиданно. Она никогда не испытывала облегчения, слыша разговор двух других людей или наблюдая, хотя бы на мгновение, контакт двух других личностей. Что-то должно быть связано и с тем, что многие из ее размышлений были написаны ночью или ранним утром, когда она не могла уснуть. Периоды бессонного уныния, которые в жизни большинства мужчин и женщин оставляют после себя мало записей, она проводила, записывая свои изнуряющие рассказы. Несомненно, самовыражение приносило облегчение, и она часто мгновенно отрывалась от скрижалей отчаяния, чтобы развлечь посетителя юмористической беседой или написать бодрое письмо другу.

Это соображения, для которых должны быть сделаны поправки в оценке того, что было болезненным в настроениях мисс Найтингейл. Но по большей части уныние и самоуничижение, которые окрашивают ее размышления, и которые иногда появляются в ее письмах, были выражением мистического пути ее души. Это слова души, которая стремилась к совершенству и находила этот путь трудным и тернистым. Мисс Найтингейл была властной и целеустремленной; ей часто удавалось внушать свою волю людям и событиям; ей было трудно переносить разочарования и досады с той полной покорностью, которой учили ее мистики. Она была "не у дел"; внезапно и болезненно прервалась долгая карьера почти непрерывной деятельности. Пауза в общественной жизни дала ей новый повод для самокритики и нового осознания трудности сохранения в активной жизни той абсолютной чистоты побуждений, которая делает светлым даже успех или неудачу. Она стремилась

достичь и учила других достигать пассивности в действиях - делать все, что в их силах, но оставлять результат на волю Высших сил. В стихотворении, которое дало ей много утешения в более поздние годы, она отметила этот отрывок:-...

Воздерживаясь от привязанности к работе,
Воздерживаясь от вознаграждения в работе,
Но при этом выполнять ее с полной отдачей,
Сказать: "Так надо!" - вот истинный поступок.
И воздержание! Кто так исполняет обязанности,
Не боится, что его работа не удастся, если удастся.
Непогрешим, в сердце своем оправдан,
Отбросив споры и сомнения, он поступает "истинно".[146]

Но урок было трудно усвоить. "Нас ждут трудные дни, - писала она одному из своих самых дорогих друзей (август 1873 г.), - но мы не можем изменить ни одного волоска; мы должны взирать на Того, "Кто вечность постигает, И каждый волосок исчисляет". Не знаю, трудно ли мне когда-нибудь доверить Ему свои волосы, но доверить волосы А., и ваши, и бедной матроны мне очень трудно. А я-то думала, что Он не заботится о волосах Б. Какой же я развратник!" И еще худший "развратник", чем сказано в этом письме; ведь на самом деле ей было очень трудно доверить Ему даже свои собственные "волосы" - как она призналась в другом письме той же подруге: "Бог недоволен, когда мы слишком тревожимся. Душа, которая действительно отдала себя Богу, исполняет Его волю в настоящем и доверяет Отцу будущее. Вот уже двадцать лет [11 августа 1873 года], как я вступила в "общественную жизнь", и я до сих пор не усвоила этот урок, хотя большая часть этих двадцати лет была полностью не в моих руках и зависела только от Него, как если бы это были движения планет". Предание своей воли в руки Высшей Воли было тем духовным совершенством, к которому она постоянно стремилась. Сознывая неудачу, она упрекала себя в цензурности, бунтарстве, нетерпении. Она понимала, что все это, как и ее уныние, было болезненным, и предостерегала других от подобной слабости. "Не полагайся, дорогая, - писала она подруге, - на "свет" в каком-то мистическом смысле. Есть вещи, как я знаю на собственном опыте, в которых Он посылает нам свет благодаря жесткому доброму чувству других, а не благодаря тому, что мы в болезни и одиночестве снова и снова прокручиваем в голове одну мысль, или, скорее, чувство, которое скорее приводит к темноте. Я так часто чувствовал это в своей одинокой жизни". Но был и другой мистический путь, в котором она находила силы. В своей духовной жизни, которая была одновременно дополнением и источником поддержки ее внешней жизни, она следовала, как она любила писать, "Крестным путем". Бывали моменты, но они были редки, когда она была склонна отступать, и когда ее вера слабела. "О мой Создатель, ведешь ли Ты каждого из нас к совершенству? Или это лишь метафизическая идея, для которой нет никаких доказательств? Неужели человек - лишь постоянное повторение самого себя? Ты знаешь, что все эти 20 ужасных лет [1873] меня поддерживала вера (я думаю, что должна верить в это до сих пор, иначе я точно не смогла бы работать) в то, что я работаю с Тобой, Который ведет каждого, даже наших бедных медсестер, к совершенству". Но с каждым сомнением ее уверенность становилась все сильнее; и, следуя Крестным путем, она торжествовала над страданиями, находя в каждой потере человеческого сочувствия урок, что ей следует полнее отдаться в Вечные объятия, а в каждой вспышке человеческого уныния или мятежа - призыв к более тесному единению с Вечным Благом. "Отче, я покоряюсь, я смиряюсь, - писала она в одной из сотен подобных медитаций, - я всем сердцем принимаю это протягивание Твоей руки для моего спасения: Поступи со мной так, как Ты считаешь нужным: Начни дело Твое, заверши его. О, как суетно,

суета сует, жить мыслями людей, а не Бога!" И снова: "Какой же я была несчастной, если не видела, что Бог отнимает у меня всякую человеческую помощь, чтобы заставить меня полагаться только на Него". Ее мало интересовали обряды и церемонии как таковые, и она по-своему трактовала доктрины христианства; но она находила большое утешение в службе причастия, как выражении участия отдельного верующего в страданиях и триумфе величайшего из мистиков. В течение нескольких лет она заносила в свой дневник текст из мистических писателей на каждый день. Она принимала для себя их преданность, их общение с Богом, их самоотдачу; она приспособливала их учение к своим собственным убеждениям. "Я верю, - писала она на сайте, - в Бога Отца Всемогущего, Творца неба и земли. И в Иисуса Христа, Его лучшего сына, нашего Учителя, который родился, чтобы показать нам путь через страдания, чтобы мы тоже стали Его сыновьями и Его дочерьми, Его руками и Его служанками, который жил в одном духе с Отцом, чтобы и мы могли жить в том Святом Духе, чье мясо было для того, чтобы исполнить волю Отца и завершить Его дело, который страдал и умер, говоря: "Чтобы мир возлюбил Отца". И я верю в любовь и дружбу Всемогущего Отца, в то, что служение человека - это служение Богу, в то, что человек растет в подобии с Ним через любовь, в то, что в конце концов он будет един с Ним в воле, которая есть Небеса. Я верю в план Всемогущего Совершенства сделать всех нас совершенными. И поэтому я верю в Жизнь Вечную".

Это было кредо, которым мисс Найтингейл руководствовалась в своей жизни; это путь к совершенству, по которому она всегда двигалась. В ее мистицизме не было ничего экстатического, хотя время от времени она отмечает, что слышала "голос", и часто сознавала, что получает "сильные впечатления". Это были впечатления, которые приходили в моменты имажинативного озарения, но в то же время рационально вытекали из самоанализа и размышлений над своим вероучением. Терпение и смирение были теми состояниями очищенной души, которые она находила наиболее труднодостижимыми. Она отметила для своего назидания многие отрывки из благочестивых писателей, в которых предписываются такие добродетели, как, например, у Томаса Кемписа: "Господи Боже мой, терпение очень необходимо мне, ибо я понимаю, что многое в этой жизни происходит не так, как нам хотелось бы. Но моя воля такова, чтобы ты не искал того мира, который лишен искушений или не терпит ничего противоположного; но скорее думай, что ты обрел мир, когда ты упражняешься в различных скорбях и испытываешься во многих бедствиях." По ее признанию, скорби часто происходили из-за ее нетерпения. "Господи, даже сейчас я пытаюсь вырвать управление миром Твоим из рук Твоих". Средний путь совершенствования между покорностью тихони и нетерпением труженицы был труден. "Слишком мало я искал чего-то более высокого и лучшего, чем моя собственная работа, - работы Высшей Мудрости, которая использует нас, знаем мы об этом или нет. О Боже, во славу Твою, а не мою, что бы ни случилось, пусть это будет все, о чем я думаю!"

Размышления мисс Найтингейл, написанные на стадии чистилища, многочисленны и пронзительны. Но были времена, когда гора озарения была достигнута, когда "дворец ее души" расширился, чтобы принять обитающее в ней Присутствие, и она обрела совершенный мир мистика в сознании единения с Высшей Мудростью; времена, когда на крыльях души она вместе с Данте достигла эмпирея:...

Lume è lassù che visibile face
Lo Creatore a quella creatura,
Che solo in lui vedere ha la sua pace.

Совершенная в слабости, она была сильна в моменты озарения "видеть Бога во всех вещах и все вещи в Боге, Вечного, сияющего сквозь случайности пространства и времени". [147]

ГЛАВА III

ШКОЛА МИСС НАЙТИНГЕЙЛ (1872-1879)

Пусть каждый Основатель воспитает в своем духе столько, сколько сможет. Тогда ученики, в свою очередь, тоже станут Основателями - Флоренс Найтингейл.

Мисс Найтингейл не сделала того, что планировала, и не отправилась в госпиталь Святого Фомы собственной персоной, но в другом смысле 1872 год стал годом ее прихода в этот госпиталь. Не то чтобы, как мы видели в предыдущей части, она когда-либо отказывалась от личного интереса к Учебной школе, но теперь были новые условия, которые требовали дополнительной заботы, и мисс Найтингейл, будучи вне офиса, была более свободна, чтобы дать его. Отныне она стала, в более прямой манере, чем раньше, главой Школы Найтингейл и начальником медсестер Найтингейл.

В 1871 году больница Святого Томаса переехала из своих временных помещений в старом здании в Суррейских садах в нынешнее здание напротив здания парламента. Первый камень в его основание был заложен королевой Викторией в 1868 году. Мисс Найтингейл попросили обратиться к королеве с такой просьбой, и она передала прошение через сэра Джеймса Кларка. "Я никогда раньше не оказывал такого сильного давления на Ее Величество", - сказал он, сообщая о королевском удовольствии. Королева вновь проявила свой интерес к больнице, открыв новое здание в июне 1871 года. Теперь количество коек было значительно увеличено, а вместе с ним и число медсестер и практикантов. Контроль над медсестрами мог быть ослаблен, так как он распространялся на большее число пациентов, и мисс Найтингейл решила провести посещение.

Сначала, с согласия руководства больницы, она отправила доктора Сазерленда осмотреть новые здания и рассмотреть все приготовления с точки зрения эксперта-санитара. Она провела допрос и перекрестный допрос сестер и санитарок по тем же вопросам и составила список дефектов, требующих устранения. [148] Затем мисс Найтингейл занялась техническим и моральным воспитанием в своей собственной школе Nightingale. Она уже заметила, что леди-испытательницы, назначенные на ответственные должности, не всегда соответствуют своим обязанностям: перегруженные работой матроны, возможно, иногда рекомендовали неподходящих людей. Опрашивая медсестер, она обнаружила, что их техническое образование не соответствует высокому уровню, который она хотела поддерживать. Она опасалась, что и моральные стандарты не соответствуют ее идеалу; медсестер стали воспринимать слишком много как бизнесменов и слишком мало как святое призвание. Мисс Найтингейл решила бросить все силы на реализацию своего идеала. Прямо или косвенно она провела масштабные реформы. Результатом их стало, как она писала мистеру Бонэму Картеру (август 1875 г.), то, что школа стала "домом - местом морального, религиозного и практического обучения - местом воспитания характера, привычек, интеллекта, а также приобретения знаний". Те, кто видел медсестер Найтингейл в эти годы, были поражены светлым, добрым и приятным духом, который, казалось, пронизывал их компанию, и могли хорошо понять, что институт действительно, как и предполагала его основательница, был домом, а также школой.

Мистер Уитфилд, врач-резидент, который с момента основания школы медсестер выполнял функции медицинского инструктора испытуемых, ушел с этой должности, и вместо него был назначен мистер Дж. Крофт, который недавно стал одним из хирургов больницы. Мисс Найтингейл виделась и переписывалась с мистером Крофтом, и он ей очень понравился. "Я всегда боялся, - писал он (24 февраля 1873 года), - остаться "застойным человеком".^[149] Я надеюсь стать, как вы, активным и верным товарищем". Он проводил клинические занятия со стажерами, читал курсы лекций - общие, медицинские и хирургические в течение года, которые он представил мисс Найтингейл, и по ее просьбе составил "Курс чтения для стажеров". Другие члены Медицинского штаба также читали курсы лекций, а экзамены стали более регулярными и тщательными. Ответы, написанные испытуемыми, и их заметки о лекциях время от времени присылались мисс Найтингейл, чтобы она могла получить представление об общем уровне преподавания и, возможно, упрекнуть или поощрить отдельных учеников. "Я думаю, - сказали мисс Найтингейл в одном случае, - что дамам очень стыдно за то, как они выглядели на последнем экзамене у мистера Крофта, и они хотят исправиться". Похоже, их благие намерения увенчались успехом, поскольку вскоре один из медицинских работников сообщил, что "ответы, которые я получил в этом году, намного лучше, чем в предыдущие годы, они действительно очень хороши". "Я читаю ваши статьи, - писала мисс Найтингейл в одном из своих посланий, - с большим интересом, чем если бы это были романы. Некоторые из них скудны, особенно в части истории дел. Некоторые хороши. Пожалуйста, помните, что, помимо вашего собственного обучения, вы можете дать и мне немного, сделав эти интереснейшие случаи как можно более интересными за счет точности их изложения и полной истории болезни". Новая больница значительно увеличила нагрузку на матрону, миссис Уордлоп, и оставила ей меньше возможностей для надзора за испытуемыми. Была назначена помощница суперинтенданта школы с титулом домашней сестры.^[150] В ее обязанности входило дополнять лекции и демонстрации у постели больного медицинскими работниками регулярными занятиями.

Мисс Найтингейл, однако, придавала еще большее значение влиянию домашней сестры на моральную и духовную сторону школы. Сестра по дому должна была поощрять общее чтение, организовывать занятия по изучению Библии, заинтересовывать медсестер, чтобы "они не ограничивались простой борьбой за доходное место". Эти две стороны Школы тесно связаны в письмах мисс Найтингейл от сестры милосердия и матроны - на одной странице письма рассказывают об успехах испытуемых в антисептических перевязках и т. д., а на другой - об их чтении Библии или избранных гимнов. Мисс Найтингейл была особенно рада, когда каноник Фаррар выделил несколько мест в церкви Святой Маргариты для ее сестер и провел среди них урок конфирмации.

//

Однако мисс Найтингейл полагалась и на свое собственное влияние. Во время своего пребывания в Лондоне она старалась регулярно встречаться со всеми сестрами, санитарками и стажерами, работающими в ее школе. После смерти Агнес Джонс она решила "посвятить себя поиску новых Агнес Джонс". Именно этой задаче она посвятила большую часть своей жизни. Она по-прежнему неустанно пыталась найти перспективное сырье. Среди прочих она обратилась к мистеру Сперджену, который в своем ответе (29 июля 1877 года) выразил надежду, что из его церкви "наберется небольшая армия новобранцев для вашей священной войны. Будьте уверены, что для меня, как и для всех моих соотечественников, ваше имя очень благоухает". Когда к ней приходили заявки на подготовку медсестер из провинциальных городов, она говорила им то же самое, что пастор Флиднер говорил, когда к нему приходили аналогичные заявки на подготовку диаконисс из

Кайзерсверта: "Вы не присылали мне стажеров? Я не могу штамповать материал из земли". С 1872 года весь "сырой материал" проходил под пристальным взглядом мисс Найтингейл.

Она была проницательной судьей. Коллекция выдержек из записок мистера Джоуэтта о его учениках и ее карандашных заметок о своих учениках могла бы составить целую галерею типов молодых английских мужчин и английских женщин. Он очень свободно писал ей о своих студентах; , и ей это нравилось - иногда он подшучивал над своими герцогами и маркизами, придумывая им шуточные прозвища. "Почему я пишу вам, - говорил он, - обо всех этих молодых людях? Потому что это доставляет мне удовольствие, и потому что я знаю, что вы изучаете человеческую природу". Она действительно была такой. Она читала своих посетителей вдоль и поперек. Как только сестра или медсестра уходили, мисс Найтингейл записывала в блокнот достижения, знания и характер каждого из них. Очерки характеров - краткие и яркие, выраженные иногда на неистовом английском языке. "Мисс А.^[151] Титтупи, легкомысленная, претенциозная, с опущенной вуалью, амбициозная, умная, без особых чувств, болтливая, невоспитанная, без религии, возможно, упорствует из стремления преуспеть, но воспринимает все это как приключение, как Нэп. III". "Сестра Б. Хорошая штука, энергичная, слишком дружит с Г., разделяет ее заигрывания". "Мисс К. Кажется, женщина с хорошими чувствами и плохим смыслом; она не поддается меридиану любого, кто попытается ее переубедить. Я думаю, что ее дифирамбы были преувеличены. Ей нужна очень твердая рука. Такие затянувшиеся истории на 5 пунктов или, по крайней мере, на половину компаса отклоняются от темы разговора. Если бы я не стремился убедить ее, я бы вышел из терпения". "Мисс Д. Такая самоуверенная ослица (или Джоан-жопа), какой я еще не видел". "Сестра Е. Очень способная женщина, без образования, но в душе не жалеет об этом, кажется, что она так хороша, как только может быть". "Мисс Х. Больше ума, чем рассудительности, больше деятельности, чем порядка, больше твердости, чем чувства, никогда не имела высокого мнения о своем призвании, всегда больше думала о видимости, чем об истине, скорее легкомысленна, чем остроумна, скорее мелочна, чем энергична". "Сестра Ю. Такая жалкая двуличная тварь, какой я никогда не видел, бабища, отпугивающая хороших медсестер". Было много сестер и нянь, настолько превосходных во всех отношениях, что они не нуждались ни в чем, кроме поощрения; она была более внимательна к недостаткам, и иногда сразу после беседы писала записку с предупреждением или замечанием, как, например, мисс З.: "Мудрый человек говорит, что истинное знание чего-либо, будь то на небе или на земле, можно получить только при истинной любви к Идеалу, то есть *к лучшему, что мы можем сделать* в этом. Простите меня, дорогая мисс З., считаете ли вы, что у вас есть истинная *любовь к лучшему* в сестринском деле? Этот вопрос я задаю себе ежедневно во всех своих делах. Не думайте, что я заведую. Это вопрос, который каждая из нас может задать и ответить только самой себе". Записи, которые мисс Найтингейл делала в беседах с испытуемыми, касались не только самих этих дам. Она подробно расспрашивала их о состоянии подопечных, о том, как и в каком объеме они получают образование, какое влияние оказывают несколько сестер. Она пришла к выводу, что сестры не всегда должным образом обучали испытуемых, и составила соответствующий "Меморандум об инструкциях сестрам прихода относительно их обязанностей по отношению к испытуемым". В одном из своих перекрестных допросов она написала: "Бог предназначил меня для реформатора, а из меня получился детектив". Но реформатор должен иногда играть роль детектива - особенно если она сама не может быть на месте преступления. Тесная рука, которую мисс Найтингейл держала над своей школой в течение этих лет из своей комнаты на Саут-стрит или в Lea Hurst, необычна, но это было сделано с огромными затратами труда. Она сама отмечает: одним из тяжких испытаний для нее было то, что ей приходилось "писать 100 писем, чтобы

сделать одну маленькую вещь, вместо того чтобы иметь возможность сделать ее напрямую". "Это сильно выбивает меня из колеи", - писала она подруге. "Я никогда не привыкла влиять на людей, разве что руководить *работой*; а влиять на них разговорами и письмами - это тяжело. Более страшная вещь, чем быть оборванным смертью, - это быть оборванным жизнью в парализованном состоянии".

Ощущение серьезности призвания медсестры ни в коем случае не мешало мисс Найтингейл ценить веселье. Раз в месяц каждая медсестра должна была писать отчет для представления начальнику о проведенном в палатах дне. "Я хорошо помню, - рассказывает одна из ее учениц, - как однажды вечером в 8 часов я пришла с дежурства уставшая, с больными ногами. Войдя в дом престарелых, сестра сообщила мне, что мой отчет должен быть написан немедленно (мы никогда не знали заранее, в какой день этот дамоклов меч обрушится на нас). Поэтому после торопливого ужина я принялась записывать дневную работу. Одно из правил гласило, что все, что мы делали в палатах, должно быть записано. Сочетание правдивости и вспыльчивости привело к следующему абзацу: - "8.15 утра. Вычесал семь голов, отлично провел время; смешал пакетик, отмерил одну чайную ложку; чистота - рядом с благочестием! Мисс Найтингейл, когда узнала меня, от души посмеялась над описанием спорта в больничных укрытиях этого нахального стажера". Нахальство ни в коем случае не предрешило мисс Найтингейл против ученика, который через несколько лет после этого был выбран на очень ответственную должность.^[152] Приглашение на чай и беседу с шефом считалось большой честью для ее учеников, но, как и подобает молодым людям, они иногда посмеивались над этим между собой. "Тщательно одетая в свои лучшие одежды, я только начала свой первый визит на Саут-стрит, когда одна из медсестер подбежала ко мне с восклицанием: "Мисс Найтингейл всегда дает пирог испытуемому, который пьет с ней чай, и размер пирога варьируется в зависимости от бедности или бедности платья медсестры". Так что я поспешила наверх, поменяла свое лучшее пальто на то, которое служило стране много лет, и вернулась домой после чаепития гордой обладательницей такого большого торта, что он обошел всех тридцать шесть испытуемых". Эта история также была рассказана мисс Найтингейл, которая получила огромное удовольствие. Она и сама часто писала в шутовском тоне, как, например, в этой записке ученице, которая не заботилась о себе должным образом: "Ах, какая ты негодяйка! *Я вас знаю!* Если бы кто-нибудь другой стал так же ухаживать за собой, как вы, вы бы выгнали ее с лица земли. И посмотрите на результаты! А потом, будьте уверены, вы и сами не ели ничего из этих яств".

///

Досье, которые мисс Найтингейл сохранила и аннотировала (часто выделяя особые моменты черным, синим и красным карандашом соответственно),годились ей в важной работе по подбору конкретных дам на определенные должности. Самым заметным назначением в эти годы стало назначение леди-суперинтенданта для организации районного сестринского дела в Лондоне. Мы уже слышали, что мисс Найтингейл рассматривала это событие как должное продолжение реформы работниц. Это было в 1866 году, и теперь она упрекает себя: "Тогда я решила посвятить себя продвижению районного сестринского дела, а теперь, когда районное сестринское дело пришло, мне уже поздно помогать". Это сетование, однако, было излишним. Это был мисс Найтингейл опубликованные *предложения*^[153] на котором промоутеры движения действовали. Первым среди них был мистер Рэтбоун, который был вынужден распространить на Лондон эксперимент, который он успешно провел в Ливерпуле.^[154] Он сразу же пришел, чтобы проконсультироваться с мисс Найтингейл. Именно ее письмо в "*Таймс*", перепечатанное в виде памфлета,^[155] сделало "Столичную ассоциацию медсестер" широко известной в обществе. В этом письме, как и во всех своих

работах на ту же тему, мисс Найтингейл настаивала на том, что ничто второе не может быть достаточно хорошим для ухода за больными бедняками, что такие медсестры должны быть миссионерами здоровья, и что для получения подходящих женщин для этой службы должен быть "настоящий дом, в пределах досягаемости от их работы, для медсестер, чтобы жить в". По ее словам, система, которая была открыта в Лондоне, "двадцать лет назад была парадоксом, а через двадцать лет станет обычным явлением". Но главная из прямых услуг, которые мисс Найтингейл оказала движению, заключалась в том, что она убедила одну из самых способных своих учениц - мисс Флоренс Лис (миссис Дакре Крейвен) - принять должность суперинтенданта General. Она заполнила пост с высокой эффективностью в течение нескольких лет, и на протяжении всей своей работы был в постоянной консультации с мисс Найтингейл.

В апреле 1878 года казалось, что мисс Найтингейл придется искать суперинтендантов и медсестер для другой цели. Война с Россией считалась неизбежной; два армейских корпуса готовились к немедленному отправлению, и сэр Уильям Мьюир, генеральный директор Медицинского департамента армии, пришел на консультацию на Саут-стрит по поводу женского медперсонала, который будет отправлен в (неизвестный) очаг войны. Мисс Найтингейл провела несколько тревожных дней и бессонных ночей, обдумывая, кто из ее учениц лучше всего подходит и может быть сохранен для этой особой службы, но военное облако ушло.

Назначение мисс Лис для организации окружного сестринского дела в Лондоне было лишь одним, хотя и самым важным, из многих ответственных назначений, над которыми мисс Найтингейл бесконечно трудилась, чтобы поставить нужного человека на нужное место. Больницы и трудовые лазареты в Лондоне и в разных частях страны смотрели на школу Найтингейл для супервайзеров; или иногда, если важная должность была открыта по объявлению, мисс Найтингейл использовала свое влияние, чтобы обеспечить избрание кандидата Найтингейл. Здесь, опять же, ее труд был тем больше, что она не была сама на месте, и ей приходилось советоваться с другими. Она говорила, что существует триумвират: мистер Генри Бонэм Картер (секретарь Фонда Найтингейл), миссис Уордропер (матрона) и мисс Найтингейл (здесь, как и в Крыму, главная леди) - с доктором Сазерлендом, иногда на заднем плане, как суд последней инстанции. Всякий раз, когда освобождалась важная должность, количество перекрестной корреспонденции было огромным. Как только триумвират выбирал даму для продвижения по службе, мисс Найтингейл подзывала к себе избранную ученицу, завязывала с ней близкое знакомство и готовила ее к работе. Затем предстояло выполнить сложную обязанность по обмену. Сестры, когда они однажды покинули Сент-Томас были, в конце концов, свободные агенты; и хотя почтение, которое они все платят к желаниям мисс Найтингейл была велика, но дамы были амбиции, предпочтения, взгляды их собственные, и ее влияние часто должны быть осуществлены с юмором, петтинг, уговаривая: -.

(Мисс Рейчел Уильямс.) 35 South Street, Jan. 17 [1874].... Мы думали, что такой расклад наилучшим образом подтвердит ваше благоразумие. Но поскольку я прекрасно знаю, что у моей дорогой Богини-малышки есть... ну, детская сторона, я не удивлюсь никакому всплеску - хотя я прекрасно знаю, что в страшной беде дорогой Перл вы сделаете все и даже больше, чем все возможное, чтобы вытащить ее, пощадить ее, поддержать ее и место. Only don't break yourself down, my dear child.... Alas, I would so fain relieve you of your "bitterness". Вы говорите, что вам "горько"; и действительно, так оно и есть.... Я бы не стал писать так много,

если бы меня не побудило к этому то, что моя богиня-малышка страдает от галлюцинаций. И как может женщина быть управляющей, если она не научилась управлять собой?

(То же.) 2 мая [1874]. Я получила [255] ваше очаровательное письмо, которое так похоже на вас. И я *должна* написать и поблагодарить Вас за него немедленно. Оно сняло груз с моего сердца. Это чистая радость для меня: потому что я вижу в нем себя (а не другого). А в жизни не так много радостей для меня, дорогая.

(То же.) 5 декабря [1874]. После долгих раздумий я предложил тебе остаться еще на полгода на том же месте, но не потому, что у меня были какие-то мысли о том, что ты будешь продолжать бесконечно долго, как сейчас, а потому, что Эдинбург служит капитальной и необходимой подготовкой. Но это только совет старой женщины, который, вероятно, Богиня не примет во внимание и который, конечно, зависит от ваших собственных желаний, идей и оснований для того или иного курса.... Если вы так спешите, телеграфируйте мне в любой день и приезжайте на ближайшем экспрессе или по проводам. И я выведу из строя Индию, мою мать, и всех лошадей королевы, и всех людей королевы вместе с одной шестой частью человечества, и положу свои силы (их осталось совсем немного) к ногам Богини".

У мисс Найтингейл было большое сердце и беспристрастный ум; она была открыта, чтобы увидеть характер и эффективность во многих различных формах; но, естественно, среди ее учеников были те, кого она особенно привлекала. Только что процитированные письма знакомят нас с двумя из них. Об одной из них мисс Найтингейл записала в своем дневнике после первой беседы: "Пришла мисс П. Я нашла жемчужину большой цены". Имя было принято, и в переписке она стала называться "Жемчужиной". Она занимала важные должности и стала одной из самых дорогих подруг мисс Найтингейл. О другой стажерке она писала: "Помимо удовольствия познакомиться с мисс Уильямс, мне было очень приятно смотреть на нее. Она похожа на королеву, и все ее позы так прекрасны, не будучи ни в малейшей степени театральными". Эта дама была "Богиней" из уже цитировавшихся писем. В течение многих лет она была матроной больницы Святой Марии в Лондоне, при которой действовала школа подготовки, а затем была назначена леди-суперинтендантом медсестер во время египетской кампании 1884-85 годов. Даже ее замужество вскоре после этого не нарушило ее дружбы с мисс Найтингейл. Иногда ученик, покидая школу Святого Томаса, занимал ту или иную должность вопреки советам мисс Найтингейл или не посоветовавшись с ней. "Я должен чувствовать себя счастливее, - писал один ученик, - если бы вы видели дело в том же свете, что и я". Полагаю, что в таком случае своевольная ученица должна была очень хорошо справляться со своими обязанностями, чтобы заслужить одобрение мисс Найтингейл. Было мало важных должностей в мире медсестер, которые не были заполнены в эти и последующие годы учениками школы Найтингейл. Особое удовлетворение мисс Найтингейл и ее совету доставило назначение мисс Мачин на должность матроны больницы Святого Варфоломея (1878).^[156] В одно и то же время (1882) бывшие стажеры Найтингейл занимали должность матроны или суперинтенданта медсестер в следующих учреждениях:- Камберлендский лазарет (Карлайл), Эдинбургский королевский лазарет, больница округа Хантингдон, лазарет Лидса, больница округа Линкольн; в Ливерпуле - в Королевском лазарете, Южной больнице и рабочем лазарете; Нетли - Королевская больница Виктории; Путни - Королевская больница для неизлечимых больных; лазарет Солсбери; Сиднейская (N.B Лондоне - в рабочем лазарете Мэрилебон, Столичной и Национальной ассоциации медсестер, Окружной ассоциации медсестер Северного Лондона, Паддингтонской ассоциации, больнице Святой Марии и Вестминстерской больнице. Во многих из этих учреждений большое количество медсестер, образуя в некоторых случаях полный штат медсестер, были предоставлены из школы Найтингейл, и в результате было постепенное

внедрение в британских больницах организованной системы обученных медсестер.^[157] Это движение не ограничилось Великобританией. "Соловьиные медсестры" стали матронами или суперинтендантами во многих колониях (*например*, в Канаде и на Цейлоне), в Индии, в Швеции, в Германии и в Соединенных Штатах. Кроме того, другие больницы и учреждения последовали примеру мисс Найтингейл и создали школы подготовки, и некоторые из них были снова под руководством ее учеников, как, например, в Эдинбурге (под мисс Прингл), в Мэрилебон лазарет (мисс Винсент), в больнице Святой Марии (мисс Уильямс), и в Вестминстере (мисс Пайн). Эти школы, в свою очередь, посылали леди-суперинтендантов, матрон, и медсестер в другие учреждения, и таким образом движение вод, которое мисс Найтингейл смогла начать после возвращения из Крыма, распространялось по все более широкому кругу. "Давайте приветствовать, - сказала она в обращении к своим стажерам (1884), - успехи других учебных заведений, возникших, слава Богу, так быстро и хорошо в последние годы. Но лучший способ приветствовать их - это не оставаться позади самим. Давайте в духе дружеского соперничества радоваться их успехам, как они, я уверен, радуются нашим. Все могут выиграть приз. Одна школа не опускается ниже, потому что другие побеждают. Напротив, все опускаются, если другие терпят неудачу".

Назначение медсестры Найтингейл на должность за пределами больницы Святого Томаса не означало, что она вышла из-под опеки мисс Найтингейл. Напротив, это означало, как мы уже слышали (стр. 191), что ее заботы приобрели еще больший размах. "Я погружена, - писала она М. Молю (21 июня 1873 г.), - в такой поток моих обученных матрон и медсестер, которые едут и едут, в Эдинбург и Дублин, к водоемам и к водоемам для здоровья, обедают, пьют чай, спят днем, а также ночью". "Ее отношение к своим лейтенантам, - говорит один из них, - было отношением матери к дочерям. Но они не жили с ней в загоне, а находились под открытым небом, сталкиваясь с опытом своей индивидуальной жизни, часто в очень трудных условиях. Когда они доверяли ей свои испытания, она советовала им в духе своих собственных высоких целей, борясь с ними или ободряя их, в зависимости от случая, с полным вниманием, которое могло бы заставить каждого из нас в свою очередь думать, что у нее не было другой заботы". Собственные бумаги мисс Найтингейл и письма к медсестрам, которые я видел, подтверждают все это в полной мере и с удивительной точностью. С ошибающейся сестрой она делала бесконечные усилия. Она была тверда, чтобы спасти от любой дискредитации доброе имя школы Найтингейл и сохранить эффективность ее работы; но эта твердость шла рука об руку с бесконечной жалостью к человеку, и любая боль, которую ее дисциплина могла причинить другим, была ничто по сравнению с муками, которые ее собственная нежная и самоистязание душа терпела. Все сестры Найтингейл были ее "дочерьми", как в Канаде или Шотландии, так и в больнице Святого Фомы. Она консультировала их, помогала им, планировала для них с необычайной тщательностью. Сестра возвращалась к работе на Севере после отпуска в Лондоне? Она помнила, как небрежно девушки иногда относятся к регулярному питанию, и ее комиссар отправлялся провожать сестру и клал в карету корзинку с обедом. Мисс Найтингейл была старой мастерицей в закупках, и среди ее бумаг сохранились тщательные списки того, что должны были содержать такие корзины. Она услышала о том, что одна из медсестер изнемогает. "Мисс Х. хочет, чтобы ее кормили как ребенка", - написала она, отправив подробный рацион и добавив: "Уберите все это из моих денег". Она постоянно следила за тем, чтобы ее "дочери" проводили надлежащие каникулы: иногда помогала оплачивать расходы, чаще приглашала их погостить у нее на Саут-стрит или в деревне. Она также постоянно посылала им подарки в виде книг - как профессиональных, которые могли бы помочь им в работе, так и тех, которые могли бы привить вкус к общей литературе. Тем, кто находился в лондонских больницах или лазаретах, ее записки часто сопровождалась "свежими деревенскими яйцами", дичью или цветами. Она всегда вспоминала о них, когда наступало Рождество, и посылала вечнозеленые растения для

палат. В одном или двух лондонских лазаретах есть сад матроны, засаженный рододендронами. Растения были присланы мисс Найтингейл из Эмбли. Медсестрам, служившим под началом ее друзей, она также посылала подарки. Стихи из гимна больницы [158] она красиво иллюминировала в большом масштабе и подарила их в соответствующих рамках различным учреждениям. Она была так же любопытна и так же полезна в отношении организации сестринского дела в других больницах, как и в самой больнице Святого Фомы. Ее ученики, где бы они ни находились, обращались к своей "дорогой госпоже" или "дорогому другу" во всех своих испытаниях, трудностях, недоумениях, и она никогда не подводила их, посылая слова ободрения, советы и доброе настроение. "Если возникнет что-нибудь, в чем я могу быть хоть немного полезна, вот я", - такая формула часто звучала в ее посланиях. В этих письмах редко отсутствует религиозная нота. Никогда, я думаю, не было серии писем, в которых высокий идеал был бы представлен более постоянно и настойчиво. Но эти письма не менее заметны пронизательным практическим смыслом и житейской мудростью - например, когда она советует кандидату на определенную должность не пугать Совет больницы, сразу же начав предлагать "реформировать всю систему". Мисс Найтингейл также придавала большое значение *esprit de corps* как помощи в поддержании высокого стандарта долга. Каждую ученицу Школы Найтингейл учили думать о ней как об Alma Mater, которой она многим обязана, даже если она многое получила; всех сестер, вышедших в мир из Школы, поощряли рассматривать себя как членов корпоративного тела, как бы далеко друг от друга они ни находились. Письма мисс Найтингейл часто содержали новости о том, как один "старик", так сказать, передавал их другому; каждый вдохновлялся успехом других. Таким образом, объем переписки рос из года в год, по мере расширения круга общения, и в то время, о котором мы сейчас говорим, он был огромен. Удивительно, как мисс Найтингейл могла заниматься чем-то еще. Многодетным матерям иногда приходится нести тяжелое бремя переписки, когда сыновья и дочери покидают дом и обзаводятся собственными семьями. Директорам школ, которые стараются поддерживать связь со старыми учениками, становится еще тяжелее, когда их призывают советовать или сочувствовать каждому следующему поколению школьников в отношении вакансий, перспектив, карьеры. Секретари советов по назначению, которые сегодня организуют подобную работу в университетах, не считают свои обязанности легкими. Соедините эти функции матери, директора школы и Совета по назначениям, и вы получите представление о работе мисс Найтингейл в качестве шефа медсестер.

Подборка выдержек из конкретных писем к различным корреспондентам, возможно, передаст впечатление лучше, чем любая дальнейшая попытка общего описания. Выдержки не являются типичными только в том смысле, что я опускаю детали, касающиеся организации сестринского дела и больничных случаев:-.

(Матроне, чья помощница уходила на новую работу) 35 South Street, Sept. 30 [1876]. 6 утра. Моя дорогая "младшая сестра" - Это для того, чтобы ты знала (хотя ты [260] не можешь знать), как много я думаю о тебе - здесь, внизу, - в то время, когда в нашей судьбе наступает ужасный перелом: для маленькой матери, которая остается позади, и для дочери, которая идет испытывать свою судьбу даже в самых счастливых переменах нового и неисследованного будущего, это должно быть ужасным переломом. Но если я так много думаю, чувствую и молюсь за вас, то что же должен чувствовать к вам *Том, Кто Выше?* И вы, и я трезво смотрим на возможное будущее жизни: завеса тумана, иногда, нет, часто, морозящий дождь; отблески любви Отца, яркий солнечный свет; и оба мы хорошо знаем, что "за облаками" Он все еще сияет, ярко сияет: Солнце праведности. Хотя я должен смотреть на это гораздо трезвее, чем ты, моя дорогая "младшая сестра", ведь мне пришлось пережить вдвое больше твоих лет. И по той же причине я должен, хотя, боюсь, вера часто меня

подводит, смотреть на все более светло. Но независимо от того, буду я писать или нет, ваши испытания всегда будут моими испытаниями, дорогая "младшая сестра", ваш народ будет моим народом, как мой Бог - вашим Богом. Более крепкой связи быть не может. Я думаю, что это письмо дойдет до вас как раз в тот момент, когда мисс Уильямс уже отправилась в путь. Она найдет приветственное письмо от меня в церкви Святой Марии.^[159] Смею предположить, что сейчас она чувствует себя достаточно тоскливо. Но ее великий дух скоро приспособится к работе и найдет в ней радость. Я рада, что она берет с собой кого-то из ваших знакомых. Я искренне верю, что вы найдете помощь и утешение в мисс Пайн, которой я желаю всего наилучшего, и мисс Митчелсон. Я уверена, что вы не почувствуете себя такой же брошенной на произвол судьбы, как я, когда осталась в Скутари во время Крымской войны одна, когда мистер и миссис Брейсбридж уехали домой. Брейсбридж, и много-много раз после этого - когда умер Сидней Герберт, военный министр, с которым я пять лет проработала в военном министерстве, когда сэр Джон Лоуренс, индийский вице-король, покинул Индию, и много других раз, когда будущее наваливалось на мою жизнь, как огромная черная стена, не меняя (как в других жизнях), но полностью отрезая будущее от прошлого, и снова, когда смерть отца навалила на меня груз забот, которые были бы слишком велики, если бы мне нечем было заняться и если бы я была здорова. Я говорю тебе об этом, моя дорогая "младшая сестра", или, скорее, мое дорогое дитя, потому что - потому что - я собирался что-то сказать, но могу только молиться.... Передай всем членам нашего общего с тобой призвания, которые помнят меня, мое сердечное сочувствие по поводу того, что они теряют мисс Уильямс: и дай им радость, что у них есть ты. Да благословит нас всех Господь: торжественное благословение.-F. N.

(Медсестре, столкнувшейся с трудной ситуацией.) Лиа Херст, [261] 30 августа [1873].... Ни вам, ни мне бесполезно брать на себя решение этой огромной проблемы: мы должны предоставить это Богу. Но в настоящее время долг очевиден. И Бог всегда помогает тем, кто повинуется Его призыву к долгу: часто Он дает им привилегию спасти других. Помните большой лондонский театр, который сгорел во время рождественской пантомимы? Кто был тогда героями? Бедный клоун и бедный панталон, которые были при исполнении своих обязанностей! Зрители, которые пришли туда, потому что им понравилось представление, устроили эгоистичную давку, и, если бы не счастливый случай, все могли бы быть раздавлены или сожжены. Но клоун и панталоны, хотя не было ни минуты, чтобы спасти шаль или пальто, чтобы накинуть их на балерин - женщин, одетых в марлю, которые, если бы на них упала искра, мгновенно вспыхнули бы, - на самом деле вынесли каждую из этих женщин на снег, в марле и все остальное. А плотник собрал бедных маленьких балетных детей и потащил их через снег и слякоть к себе домой, где и оставил в безопасности. Храбрый клоун, храбрый панталон, храбрый плотник (в то время как эгоистичные зрители, пришедшие на развлечение, чуть не затолкали друг друга до смерти). Так и Бог всегда поддерживает тех, кто находится там по долгу службы, даже если они всего лишь клоуны или панталоны. Все наши заботы возникают по одной из двух причин: либо мы не взяли за работу ради Его любви, и тогда мы знаем, что Он обязался взять наши заботы на Себя: либо мы недостаточно видим Его любовь, призывающую нас к Его работе.

(Леди-суперинтенданту.) 35 Южная улица, 30 декабря [1874 г.]. От всей души и от всей души желаю Вам и всем нашим медсестрам "Бог в помощь" в начале этого Нового года, которого я почти не ожидал увидеть. Пусть он принесет им все благословения; хотя иногда, знаете ли, я так малодушна, что едва осмеливаюсь сказать "Благослови вас Бог" тем, кого хорошо люблю: ведь мы знаем, что такое Его благословения. "Блаженны скорбящие; блаженны гонимые за правду: Блаженны чистые сердцем". И по мере того как мы продвигаемся по жизни, мы понимаем, насколько истинны эти благословения и как много

нужно пройти, чтобы их получить. Вы молоды, моя дорогая: на тысячу лет моложе этого старого черного жука. И я часто испытываю трепетное материнское чувство, желая тебе "благословений". ...

(Матроне, которая спорила со своим комитетом) ...Мои мысли - это ваши мысли; они полны вашего - можно сказать, нашего? - печального дела. И я как раз посылала вам записку, чтобы спросить, как идут дела, когда пришла ваша грустная записка. Не является ли делом первостепенной важности изложение всего дела [262] перед вашим президентом? Разве не будет нарушением веры с ним, если этого не сделать? Сейчас это делается. Не следует ли вам не предпринимать никаких шагов до тех пор, пока вы не узнаете о результатах этого письма к нему - о том, какие действия он предпримет? Вы помните, что по предложению вашего друга и по вашему предложению я заявил ему, что вы хотите, чтобы он *провел полное расследование, и что вы хотите подчиниться его решению*. Я считал это настолько важным, чтобы не показалось, что я прошу о какой-то личной услуге, а только о справедливости, что подчеркнул это. Не создается ли впечатление, что вы боялись дожидаться его полного понимания дела (как это далеко от истины!), если вы поспешно подадите в отставку, прежде чем он успеет рассмотреть заявление? Матрона не должна проявлять страха, иначе это было бы действительно жертвой плодов восьмилетней превосходной работы. Конечно, она должна спокойно ждать - это и есть истинное достоинство - со своими друзьями вокруг нее, пока не будет получен ответ президента. "Гонимые за праведность" никогда не убегают.

(Матроне после визита на Саут-стрит) Дорогая младшая сестра и необыкновенная маленькая злодейка - ты сбежала вчера вечером, как раз когда готовился ужин, и тебе понадобилось бы не больше времени, чтобы съесть ужин здесь, а не в больнице. Я была большой душой, что не убедилась в этом, когда вы приехали. Но я думал, что так было условлено. Чтобы наказать вас, я посылаю ваш ужин за вами.

(Туда же.) 10 Южная улица, 21 апреля [1879 г.]. Дорогая, очень дорогая - очень ценная для меня твоя записка. Я почти надеюсь, что ты не приедешь *завтра*: погода здесь такая холодная. В больнице Св. Марии тебя ждут, и я тоже. Будь уверена, что слово "неприятности" не знают там, где речь идет о тебе. Настройтесь на долгий отдых: это то, что вы должны сделать сейчас. Да благословит вас Бог. У нас еще будет время поговорить.

Так день за днем и год за годом продолжалась эта переписка - то серьезная, то веселая; наполненная как привязанностью, так и советами. Я насчитал до сотни писем, полученных за год от одного суперинтенданта. Было несколько лет, в течение которых общее количество писем мисс Найтингейл по уходу за больными исчислялось тысячами. С годами требования к ее привязанности, ее мозгу и телесным силам становились почти непреодолимыми.

IV

Мисс Найтингейл не полагалась только на индивидуальное общение для осуществления влияния. Она верила как в кафедру, так и в чулан, и время от времени обращалась к медсестрам-стажерам коллективно. [160] О первой из этой серии, написанной в 1872 году, доктор Сазерленд, которому мисс Найтингейл передала свою рукопись, сказал: "Это именно то, что должно быть, - написано по мере появления мыслей. Это единственное письмо, которое, как стрела, летит в цель. Она полна нежной мудрости и делает для больничной сестринской службы то, что ваши "Записки" сделали для сестринского дела". Это лучшее из ее обращений, и медицинские работники больницы Святого Томаса настояли на том, чтобы

каждый испытуемый овладел им. Естественно, в целом в "Беседах" много повторов. Суть их в том, что сестринское дело требует особого призвания; что оно больше, чем большинство других профессий, нуждается в религиозной основе; что это искусство, в котором постоянный прогресс - закон жизни; и, наконец, что медсестра, хочет она того или нет, должна оказывать моральное влияние. Эти идеи звучат почти в каждом "Адресе" и иллюстрируются различными способами. "Женщина, которая сентиментально смотрит на сестринское дело (которое она называет "служением", как будто она ангел), конечно, хуже, чем бесполезна; женщина, одержимая идеей, что она приносит себя в жертву, никогда не сделает этого; а женщина, которая считает, что любая работа по уходу "ниже медсестры", будет просто мешать". Настоящая медсестра должна иметь призвание, а затем следовать этому призванию в религиозном духе. "Если у нас нет истинного религиозного чувства и цели, жизнь в больнице, самая высокая из всех вещей, с ними, становится без них простой рутиной и суетой, причем очень ожесточающей рутиной и суетой". Однако следовать сестринскому делу как религиозному призванию недостаточно, ведь это сложное искусство, требующее постоянной учебы и усилий. Это нота, которую мисс Найтингейл затронула во вступительных словах своего первого обращения, и это та, которая чаще всего повторяется. Похоже, что самым страшным грехом медсестер Найтингейл в первые дни была самодостаточность. Они знали, что их учебная школа была первой в своем роде; и они были склонны напускать на себя важность. В стихотворных очерках мистера Хенли "Леди-стажер" и "Медсестра нового образца" есть приятный намек на это, а в простой прозе мужчины писали о "тщеславных соловьях". Прошел тот день, говорилось в одном медицинском журнале, когда в романе медсестра изображалась как миссис Гэмп; она изображалась, скорее, как активная, полезная и умная, но также и как "изящная и очень тщеславная молодая женщина". Самодостаточность, таким образом, является тем недостатком, который постоянно порицает главная медсестра. Для этого она ставит перед своими учениками идеал медсестры как прогрессивного искусства. "Для нас, медсестер, - говорит она, - наш уход за больными - это дело, в котором, если мы не *прогрессируем* каждый год, каждый месяц, каждую неделю, - поверьте мне на слово, мы возвращаемся *назад*. Чем больше опыта мы приобретаем, тем большего прогресса мы можем добиться. Прогресс, которого вы добьетесь за год обучения у нас, не сравнится с тем, что вам придется делать каждый год *после* окончания обучения. Женщина, которая думает про себя: "Теперь я полноценная медсестра, опытная медсестра, я научилась всему, чему можно научиться", - поверьте мне на слово, она не знает, что такое медсестра, и никогда не узнает; она уже вернулась назад". Это правило относится к технической стороне работы и, возможно, в большей степени к моральной. Медсестры не могут избежать морального влияния. Они оказывают его своим характером, и нет такого момента, когда женщина могла бы сказать: "Теперь мой характер безупречен". Медсестры - не капелланы"; "именно то, чем является медсестра сама по себе, и то, что исходит из нее, из того, чем она *является* (почти сама того не зная), оказывает моральное или религиозное влияние на ее пациентов". Никакая установленная форма слов не поможет. А пациенты так быстро определяют, насколько медсестра последовательна в своих действиях - *является* ли она тем, что *говорит* им. И если нет, то это бесполезно. А если да, то как полезны самые простые слова успокоения, утешения или даже упрека - особенно в тихую ночь - для самого грубого пациента! Но если она хочет это сделать, то должна поддерживать в себе божественное спокойствие и высокое чувство долга". И каждая хорошая медсестра должна этого хотеть, потому что ее возможности уникальны. "Больничные медсестры несут ответственность за своих пациентов так, как ни одна другая женщина. Ни одна другая женщина не отвечает за взрослых мужчин. Кроме того, больничная медсестра отвечает за людей, когда они живут исключительно впечатлениями. Она оставляет на них свою печать, хочет она того или нет".

Таковы основные идеи, которые мисс Найтингейл развивает в своей серии больничных проповедей. Мне приходилось слышать, что она обращалась к медсестрам в стиле и духе воскресной школы. Есть отрывки, к которым можно применить такое описание; но, взятые в целом, эти проповеди наводят на другое сравнение: они напоминают стиль и дух лучших проповедей в государственной школе или колледже. Иногда сходство бывает близким и явным. Однажды мисс Найтингейл подумала, что преобладающим злом в ее школе был дух безответственной и неинформированной критики. Она обличила его, рассказав правдивую историю, которую, возможно, она получила от мистера Джоуэтта: "В

В одном крупном колледже вопросы о том, что студенты могли понять в управлении колледжем, стали слишком горячими. Однажды утром суперинтендант вошел в зал и, похвалив молодых людей за их учебу, сказал: "Сегодня утром я слышал, как двое носильщиков, находясь за своей работой, взяли греческую книгу, лежавшую на моем столе; один пытался ее прочесть, а другой заявил, что для чтения ее нужно держать вверх ногами. Ни один из них не мог согласиться с тем, что перевернуто, но оба считали себя вполне способными спорить о греческом языке, хотя ни один из них не мог его читать. Они уже подходили к драке, когда я отправил их по разным поручениям". Ни слова не было добавлено: студенты посмеялись и удалились, но мораль они поняли достаточно хорошо, и с того дня у них почти не возникало вопросов и споров о планах и начальстве колледжа, а также о собственном подчинении правилам и дисциплине.

И опять же, какой мальчик не слышал в капелле или в школьной песне мораль, почерпнутую из того, как все будет выглядеть "через сорок лет"? Вот отрывок из книги мисс Найтингейл на эту тему: -

Большинство из вас, присутствующих здесь, через несколько лет будут руководить другими, занимать ответственные посты. Все стоят на пороге активной жизни. Тогда наши характеры подвергнутся испытанию, будь то на ответственной или подчиненной должности, или на обеих. Окажемся ли мы несостоятельными: неспособными контролировать себя, а значит, и других? Может быть, со многими хорошими качествами, [266] но из-за эгоизма, тщеславия, отсутствия цели, некоторой расхлябанности, небрежности, легкомыслия, тщеславия, некоторого нрава, привычки к самообольщению или бескорыстию, неспособными к борьбе жизни, к делу жизни и плохо приспособленными к занятию сестринским делом, которое мы выбрали для себя и которое, почти прежде всех других, требует искренней цели и обратного влияния всех этих недостатков. Если бы через тридцать лет мы могли представить, что все мы снова стоим здесь и судим самих себя, искренне рассказывая, почему одна преуспела, а другая потерпела неудачу, почему жизнь одной была благословением для тех, за кого она отвечала, а другая металась от одного к другому, угождая себе и не принося ничего хорошего, - что бы мы отдали, чтобы иметь возможность видеть все это перед собой?

Затем она увещевала своих учеников не быть слишком добрыми в выборе мест. "Наши мозги почти бесполезны, если мы думаем только о том, чего хотим и что должно нравиться нам самим, а не о том, какие должности нужны нам, чего хотят в нас наши должности. Что бы вы подумали о солдате, который, если бы его поставили на почетную трудную должность часового перед лицом врага (а мы, медсестры, всегда перед лицом врага, всегда перед лицом жизни или смерти для наших пациентов), ответил бы своему командиру: "Нет, он лучше будет нести караул в казармах или изучать мушкетерство"; или, если бы ему пришлось идти в качестве пионера или в отчаянной надежде, сказал бы: "Нет, это не подходит для моей очереди?" И опять же, здесь есть прекрасные маленькие рассуждения о пользе и границах школьной дружбы, о правильном выборе одежды и об искусстве пользоваться властью, с мудрыми изречениями, взятыми в некоторых случаях прямо из Платона. "Те, кто правит, не

должны быть теми, кто желает править". "Мир, будь то приход или империя, управляется не многими словами, а немногими; хотя некоторые, особенно женщины, похоже, рассчитывают управлять с помощью разговоров и ничего другого". "Та, кто является самой царственной хозяйкой самой себя, - единственная женщина, пригодная для управления; ибо та, кто не контролирует себя, кто не может управлять своим нравом, как она может быть поставлена над другими, чтобы управлять ими с помощью лучшего принципа, если у нее нет или мало своего собственного?" Ее замечания по поводу одежды интересны и могут быть применены, *mutatis mutandis*, к молодым людям, которые иногда сочетают привычку к неряшливости с аляповатым вкусом в жилетах. Некоторые из медсестер "Найтингейл", похоже, роптали на униформу и мстили ей роскошными нарядами в свободное от работы время. Мисс Найтингейл утверждает, что, на ее взгляд, ни одно женское платье не было таким привлекательным, как у ее медсестер, а для остальных она извлекает мораль из "одежды" Божьих полевых цветов: - Во-первых: их "одежда" точно такая же, как у ее сестер.

Во-первых, их "одежда" точно соответствует месту, в котором они находятся, и виду работы, которую им приходится выполнять. Такой же должна быть и наша одежда. Во-вторых: полевые цветы никогда не бывают двойными: двойные цветы меняют полезные тычинки на эффектные лепестки и поэтому не имеют семян. Эти двойные цветы похожи на бесполезные придатки, которые сейчас носят на платье, и очень мешают вам. Дикие цветы имеют цель во всей своей красоте. Так же должно быть и с платьем; в нем нет ничего бесцельного. В-третьих: цвета дикого цветка идеально гармонируют, и их не так много. В-четвертых: на свежести, с которой цветы выходят из грязной земли, нет ни пятнышка. Даже когда наша одежда становится довольно старой, мы можем подражать цветку: ведь мы можем заставить ее выглядеть свежей, как маргаритка.... О, мои дорогие сестры, будь то джентльменки или нет, не позволяйте людям говорить о вас, что вы похожи на "девушек эпохи": пусть они говорят, что вы похожи на "полевые цветы", и добро пожаловать.

Мисс Найтингейл часто стремился, как каждый хороший школьный проповедник стремится, чтобы привлечь внимание молодых с помощью тематических ссылок, особенно на волнующие и героические поступки. Она часто сравнивала больничных медсестер с миссионерами и приводила в пример Ливингстона. Он был одним из лучших миссионеров не потому, что ходил "с Библией в руке и еще одной в сумке", а благодаря влиянию собственной чистоты, верности и честности. Подобным образом она рассказывала о дрифте Рорке, о Тель-эль-Кебуре и о Гордоне в Хартуме. Реже она упоминала случаи из своей собственной карьеры, и такие отрывки, как можно понять, должны были вызвать трепет в аудитории, в которой большинство медсестер смотрели на Флоренс Найтингейл как на своего "почтенного шефа" или "королеву". Но когда она упоминала о себе, то лишь для того, чтобы сказать, что любой успех или репутация, которых она достигла, были обусловлены вниманием к мельчайшим деталям. "Самым большим комплиментом, - говорила она, - который я когда-либо получала как больничная медсестра, было следующее: меня каждый день ставили убирать и "делать" специальную палату с самым тяжелым медицинским или хирургическим случаем, за которым я ухаживала, потому что я делала это тщательно и не беспокоила пациента. Это было в первом госпитале, в котором я служил. Думаю, сейчас я могла бы дать урок работы больничной горничной". "У меня было больше опыта, - сказала она в другом разговоре, - во всех странах и в разных госпиталях, чем у кого-либо до этого; но если бы я могла восстановить силы настолько, чтобы ходить, я бы начала все заново. Я бы приехал на годичную стажировку в госпиталь Святого Фомы под руководством вашей восхитительной Матроны (и смею добавить, что она сочла бы меня наиболее послушным всем нашим правилам), уверенный, что должен учиться каждый день, учиться тем более, чем

больше у меня было опыта, и затем я бы старался учиться каждый день до последнего часа своей жизни - "И когда ему отрубили ноги, он сражался на своих обрубках".

Чтение "Обращения мисс Найтингейл" стало одним из событий года медсестер. Сэр Гарри Верни, как председатель Фонда Найтингейл, часто читал эти обращения собравшимся стажерам, но они также печатались, и копия давалась каждой медсестре. По большей части они были написаны для стажеров в больнице Святого Фомы, но время от времени мисс Найтингейл посылала аналогичное обращение медсестрам, работающим в Эдинбурге. "Медсестры спрашивали меня всего за несколько дней до этого, - писала леди-суперинтендант (6 января 1875 года), - помните ли вы о них в этом году и собираетесь ли писать им. Большинство из них очень ценят ваши письма. Они являются призывом к исполнению долга и к большим усилиям для достижения более высоких стандартов". Через несколько лет для медсестер Найтингейл проводился еще один "полевой день", когда сэр Гарри и леди Верни приглашали их в Клейдон, и долгий летний день, проведенный в прогулках по территории или игре в теннис на лужайке, заканчивался короткой службой в церкви. На одном или двух из этих мероприятий мисс Найтингейл смогла присутствовать, и были сделаны фотографии, на которых она сидит среди медсестер.

V

Высокий идеал призвания медсестры, который мисс Найтингейл лелеяла всю свою жизнь и стремилась привить своим ученикам, объясняет ее неприятие схем сертификации, регистрации, приказов и других профессиональных организаций. Она действительно была очень заинтересована в бережливости и предусмотрительности среди медсестер и многое сделала для их развития.^[161] Но дальше этого, в организации сестринского дела как своего рода профсоюза, мисс Найтингейл никогда не была склонна идти, и, как мы узнаем в одной из последующих глав, она была полностью против профессионального "реестра". Были и те, кто утверждал, что проблема совершенствования сестринского дела - это экономическая проблема; что хорошая зарплата привлечет хороших медсестер; что рынок испорчен вторжением "дамских" добровольцев. Но для мисс Найтингейл сестринское дело было Священным призванием, которому должны следовать только те, кто чувствует призвание, и только те, кто преследует благие цели, служа Богу через высший вид служения человеку. Были и те, кто подходил к проблеме с точки зрения, противоположной экономической, и считал, что "религиозный" мотив (в обычном смысле этого слова) - это верный путь к хорошему сестринскому делу, и поэтому придавал огромное значение организации в "ордена", "компании" и тому подобное. Мисс Найтингейл была против такого мнения, потому что для нее уход за больными был искусством, а суть успеха заключалась в художественной подготовке. Коллекция отрывков, взятых из массы корреспонденции и т.д. по этому вопросу,^[162] может послужить для прояснения ее точки зрения. "Принцип спроса и предложения, взятый сам по себе, является заблуждением. В нем совершенно не учитывается самый важный элемент - состояние общественного мнения на тот момент. *Чтобы захотеть* хорошую статью, нужно сформировать общественное мнение. Патентованные таблетки не являются хорошими изделиями, потому что публика платит за них большие деньги. Многие матроны стоят 30 фунтов в год. Полагаете ли вы, что если бы мы предложили 150 фунтов, то сразу же получили бы хорошую статью? Я думаю, что нет; и я говорю это не из теории, а из реального опыта. Очень легко зарплату. Очень трудно найти хороших медсестер, платных или неоплачиваемых. Нам нужны именно *обученные*, а не оплачиваемые медсестры. Не оплата делает врача, а образование.- Для любого искусства не имеет значения, является ли художник, скульптор или поэт "леди" или человеком, работающим за свой хлеб, волонтером или представителем "низшего среднего класса". Лет

тридцать назад, помню, я читал *"Отвергнутые обращения"*. Один джентльмен, пытаясь объяснить, как некая дама "стала матерью Панталовского", замечает: "Прекрасная погода, голубизна ее одежды для верховой езды - все это сговорилось, чтобы заинтересовать меня" (цитирую по памяти). Нам приятно слышать, что погода была прекрасной, а костюм - голубым, но мы не понимаем, при чем здесь они. Я не за и не против "леди-медсестер" (какой нелепый термин! что бы они сказали, если бы *мы* говорили о "джентльменах-врачах"?). Я не за и не против "платных медсестер". Мой принцип всегда был таков: мы должны дать наилучшую подготовку любой женщине из любого класса, любой секты, оплачиваемой или неоплачиваемой, которая обладает необходимой квалификацией, моральной, интеллектуальной и физической, для профессии медсестры. Несомненно, образованные женщины с большей вероятностью смогут занять пост суперинтенданта, *но не* потому, что они дамы, а потому, что они образованы. Отношение медперсонала к медицинским работникам такое же, как отношение строительного персонала к архитектору. И ни один из них не может знать свое дело, если не обучен ему. Ставить медицинскую школу против школы подготовки медсестер - значит ставить часовую стрелку против минутной. Худшее сестринское дело в Европе - это сестринское дело, куда не допускается ни гражданская администрация, ни медицинская школа. Худшие больницы в Европе - это те, где нет школ подготовки медсестер, где врач, по сути, является матроной. - Вы спрашиваете меня, возможно ли успешно следовать профессии медсестры, кроме как из "высших побуждений". Что это за "высшие мотивы"? Это то, что я хочу знать. Почти все христианские ордена скажут вам: первое - это спасение души. Римские католики скажут вам: служить Церкви Божьей. Но они не подразумевают, что вы должны напрягать ум, душу и силы, чтобы узнать законы здоровья. Религиозный мотив не выше, а ниже, если элемент религии препятствует этому поиску. В идеальной медсестре должно присутствовать то, что можно назвать (1) физическим (или естественным) мотивом, (2) интеллектуальным (или профессиональным) мотивом и (3) религиозным мотивом - все *три*. *Естественный мотив* - это любовь к уходу за больными, которая может полностью победить (как я знаю по личному опыту) физическую неприязнь и обморок при виде операций и т. д., и я не верю, что "высший мотив" (как его обычно называют) может так замаскировать природную несклонность, чтобы сделать медсестру приемлемой для пациентов. Хорошая медсестра - это одно и то же существо во всем мире, будь она в мундире и монастыре или получая свои 20 или 50 фунтов стерлингов в год. *Профессиональный мотив* - это желание и постоянное стремление сделать дело так хорошо, как оно может быть сделано, которое существует в медсестре в той же мере, что и в астрономе, ищущем новую звезду, или в художнике, завершающем картину. Возможно, эти слова покажутся вам изящными. Я могу лишь сказать, что видел это профессиональное стремление в медсестре, которая едва умела читать и писать, но стремилась к совершенству в уходе и перевязках не меньше, чем хирург в своей операции. У "профессионала", который так поступает, есть более высокие мотивы; у "религиозного", который думает, что может служить Богу "во что бы то ни стало", их нет. Но я полностью и неизменно верю, что *религиозный мотив* необходим для высшего типа медсестры. Бывают такие разочарования, такие боли в сердце, что их можно перенести, только чувствуя, что человек призван к работе Богом, что это часть Его работы, что он соработник с Богом. "Я не прошу успеха, - говорила дорогая Агнес Джонс, даже принимая все человеческие средства для достижения успеха, - но чтобы воля Божья исполнялась во мне и через меня".

Придерживаясь этих убеждений, мисс Найтингейл много верила в индивидуальное влияние и мало - в организованные институты. "Со своей стороны, - говорила она, - я считаю, что люди всегда должны быть основателями. И это главный аргумент против эндаументов. Пока учредитель есть, его работа будет сделана, а не потом. Основатель не может предвидеть зло, которое возникнет, когда его уже не будет. Поэтому пусть он не пытается создать Орден. Это

удивительным образом произошло с орденом иезуитов, основанным святым Игнатием Лойолой, и с "Сестрами милосердия" святого Винсента де Поля. Неизмеримо шире и длиннее то, что сегодня отделяет дух этих орденов от духа их основателей. Но это не менее верно и в отношении гораздо менее амбициозных обществ". Итак, мисс Найтингейл мало верила в формы и институты, и в одном из своих более поздних обращений (1888) она выразила свой скептицизм в отношении обоснованности сертификатов и ассоциаций медсестер, а также важности, придаваемой превращению медсестер в "профессию". Она придавала первостепенное значение именно высшему мотиву (как это трактовалось выше) и считала, что привить его может только индивидуальное влияние. Добилась ли она в этом успеха или потерпела неудачу? Возможно, в условиях нехватки вдохновляющих личностей профессиональная организация является вторым лучшим средством и занимает полезное место. Сама мисс Найтингейл всегда больше осознавала свои неудачи, чем успехи. Но тот, кто имел честь читать переписку между мисс Найтингейл и ее учениками, не может не чувствовать уверенности в том, что дух основательницы был передан другим высокодуховным женщинам, которые продолжили работу во многих областях. Лучшие из ее учениц, как и их госпожа, осознавали свои недостатки. "Я потерпела неудачу, - писала одна из них, изливая душу во время праздничной ретроспективы, - потерпела неудачу в том, о чем вы больше всего говорите, потерпела неудачу в том, чтобы продолжить дело моих сестер "на пути к совершенству"". "Но Мастер прошептал: "Следуй за сиянием"". Об одной из ее лучших учениц было записано, что "она никогда не говорила и не заботилась о том, чтобы ей напоминали о том, что она сделала; ее постоянным возгласом было "Как много еще предстоит сделать"". [163] Эта женщина была истинной ученицей Основательницы. До конца своей жизни сердце и разум мисс Найтингейл были направлены на путь совершенствования. В последние годы жизни, когда ее секретарь пытался заинтересовать ее разговорами о больницах и медсестрах, ее никогда не радовали никакие отчеты о проделанной работе. "Расскажите мне, - говорила она, - о том, что можно сделать лучше".

ГЛАВА IV

ИНДИЙСКИЙ РЕФОРМАТОР (1874-1879)

Никогда не знать, что ты побежден, - это путь к победе. Быть впереди своего правительства - почетное отличие. Какой большей награды может желать хороший работник, чем того, чтобы следующее поколение забыло его, считая устаревшим трюизмом работу, которую его собственное поколение называло провидческим фанатизмом? Флоренс Найтингейл (1877).

Мисс Найтингейл в одном смысле никогда не была более в офисе, чем когда она была "вне офиса". Страстью всей ее последующей жизни было исправление страданий и обид индейцев, и в течение 1874-79 годов и многих последующих лет она проделала огромную работу в этом направлении. Это была та работа, которую делает министр или поручает своим подчиненным, когда он выносит тему на парламентские дебаты или разрабатывает законодательный проект. *Среда*, в которой мисс Найтингейл выполняла эту работу, также была в некотором смысле официальной. Ее экскурсии в сложные проблемы индийской политики и администрации рассматривались многими людьми как небезопасные и нецелесообразные, и это мнение не ограничивалось теми чиновниками, которые не соглашались с ее выводами. Мистер Джоуэтт был попеременно то захвачен ее энтузиазмом, пытаясь помочь ее индийской работе, то настаивал на том, чтобы она отказалась от большей

ее части. Последнее преобладало. Вопросы, связанные с индейскими землями, не были ее специальными темами; она никогда не могла надеяться, что будет разбираться во всех тонкостях. Ее сестра придерживалась того же мнения: "Что ты *можешь* знать о таких вещах, моя дорогая?" Но, в конце концов, много ли знает священник из первых рук о делах нового для него департамента? Как правило, гораздо меньше, чем мисс Найтингейл знала о делах Индии. Министр либо принимает мнения своих подчиненных, либо сам становится мастером своего дела, используя доступ к лучшим источникам информации. Мисс Найтингейл, в значительной степени, имела доступ к тем же источникам. Она переписывалась со сменявшимися друг друга государственными секретарями и вице-королями. В течение многих лет она тесно общалась с постоянным заместителем секретаря, сэром Луисом Маллетом, который, хотя и не всегда соглашался с ее конкретными выводами, полностью разделял ее общие цели и, насколько позволяли официальные приличия, предоставлял ей все возможности для продолжения исследований. Индийские губернаторы и бывшие губернаторы были к ее услугам для получения информации или обсуждения. В эти годы она вела обширную переписку со своими старыми друзьями, лордами Напьером и Этриком, сэром Бартлом Фрером, и с новыми друзьями, сэром Джорджем Кэмпбеллом и сэром Ричардом Темплом. С сэром Джорджем, частым гостем на Саут-стрит, она была особенно довольна. "Уже много лет, - писала она М. Молю (10 августа 1874 года), - я не видела человека, который бы так героически боролся с угнетением". Англо-индийцы, живущие на пенсии в Южном Кенсингтоне, редко отказываются поделиться своими взглядами, и у мисс Найтингейл была целая свита таких людей, которые с удовольствием давали ей информацию. Те, кто имел собственный опыт, знали, как много она сделала для Индии, и воспринимали как комплимент, что она замечает их работу и просит совета. "Примите мою самую благодарную благодарность, - писал генерал Бейкер, уходя в отставку из Совета по делам Индии (11 октября 1875 года), - не только за ваше очень любезное письмо[164] и важную брошюру, но и за один из самых полных и приятных сюрпризов, с которыми я когда-либо сталкивался. Мне и в голову не приходило, что за моими скромными усилиями по санитарной очистке Индии так снисходительно наблюдает верховная жрица этой науки". Полковник Юл, член Совета, сменивший сэра Бартла Фрере на посту главы санитарной службы, и мистер У. Т. Торнтон, секретарь по общественным работам, часто переписывались с ней. По специальному вопросу ирригации она была "проинструктирована" не только ведущим авторитетом, который сейчас будет упомянут, но и генералом Рандаллом (бывшим генеральным инспектором по ирригации Индии), полковником Дж. Г. Файфом, полковником Ф. Т. Хейгом и многими другими экспертами. Когда она обратилась к образованию индейцев, мистер А. В. Крофт, директор департамента государственного образования, свободно переписывался с ней. О том, что она занималась частными исследованиями, свидетельствует огромное количество индийских синих книг, протоколов, памфлетов и других документов, многие из которых аннотированы, реферированы, сопоставлены. Кроме того, у нее была целая сеть корреспондентов в Индии. В разных частях страны работали санитарные комиссары, врачи, инженеры, ирригационные офицеры, которые писали ей постоянно, а иногда и более свободно, чем в официальных отчетах. Бывали случаи - как, например, в споре, некогда жарком, а теперь мертвом, как и его несчастные субъекты[165], - когда ее друзья в индийском офисе вынуждены были признать, что ее информация была более ранней и лучшей, чем их. Поэтому, если друзья спрашивали, зачем она вмешивается в дела, о которых ничего не может знать, она лишь усерднее осваивала имеющуюся в ее распоряжении обширную информацию.

И все это время она оставалась "не у дел". Стечение обстоятельств, которое дало ей много непосредственной власти в Военном министерстве, благодаря Сиднею Герберту, а затем на ранних этапах санитарной реформы в Индии, больше не действовало; и теперь

существовала диспропорция между затратами ее усилий и непосредственным эффектом, который они приносили. В этой части работы своей жизни мисс Найтингейл страдала от некоторого смещения целей. Ее официальные связи, хотя они дали ей преимущество некоторые хорошие сведения, мешали эффект от ее работы в качестве публициста. Ее работа в качестве публициста вызвала недоверие в некоторых официальных кругах. Возможно, ей было бы лучше ограничить свои усилия влиянием на общественное мнение путем более последовательной и продолжительной писательской деятельности. К сожалению, как мы узнаем далее, книга, которую она задумала как постоянный вклад в решение индийского вопроса, так и не была завершена при ее жизни. Тем не менее, несмотря ни на что, работа мисс Найтингейл в качестве реформатора индейцев, которая поглощала многие часы каждого дня в ее жизни в течение двадцати пяти лет, не была безрезультатной. В различных конкретных вопросах она оказала определенное влияние в то время; в то время как ее личное влияние и ее труды сделали кое-что для формирования общественного мнения, которое сделало возможными последующие реформы.

//

Основной интерес мисс Найтингейл в Индии был связан с санитарией, и я приведу один или два примера ее возобновления деятельности в этой области, прежде чем перейти к более широкой сфере, в которой этот интерес пришел обязательно быть поглощен. Время от времени она все еще вмешивалась, и не без успеха, чтобы улучшить здоровье армии в Индии. Так, 21 июля 1874 года главнокомандующий лорд Напьер из Магдалы написал ей письмо, приложив к нему протокол, который он "был вынужден написать в защиту солдат", поскольку улучшение казарм и других условий "откладывалось из года в год". Он объяснил, что эта записка носит частный и конфиденциальный характер, но ему хотелось бы, чтобы факты, послужившие основанием для ее написания, были использованы каким-либо законным образом. "Я не могу не сказать вам, дорогая мисс Найтингейл, поскольку знаю, что вы любите солдат так же хорошо, как любили их в Крыму, когда вы сломали для них двери бюрократии, - сцена, которую я надеюсь увидеть воплощенной в мраморе, прежде чем умру". Получив это письмо, мисс Найтингейл созвала собрание своего Индийского совета - сэра Бартла Фрере и доктора Сазерленда. Сэр Бартл навел справки о минюсте и выяснил, что правительство Индии еще не передало его в Индийский офис. Он подготовил почву, сообщив государственному секретарю о том, что такой протокол был написан. Он предложил мисс Найтингейл, что, не используя никакой частной и конфиденциальной информации, можно было бы составить заявление о мерах, срочно необходимых для дальнейшего улучшения здоровья солдат в Индии. С помощью сэра Бартла Фрере и д-р Сазерленд это было сделано; и мисс Найтингейл в Совет отправил депешу государственному секретарю. Во время второго правления Дизраэли лорд Крэнборн (теперь ставший маркизом Солсбери) вновь занял свое прежнее место в индийском офисе:...

(Мисс Найтингейл - лорду Солсбери.) Лиа Херст, 28 октября [277] [1874]. Дорогой лорд Солсбери - поскольку вы были так добры, когда признали мою статью "Жизнь или смерть в Индии", и *попросили* меня (где разрешение было всем, на что я мог рассчитывать как на самое любезное с вашей стороны) представить вам какие-либо факты или предложения, я осмелюсь, не утруждая вас лишними извинениями, изложить вам следующее: - (1) Охват голода теперь ослаблен, хотя его ослабление стоило огромных расходов с очень малой отдачей, кроме жизней. Другие жизни, похоже, теперь находятся под угрозой из-за экономии, вытекающей из этих благородных и никогда не вызывающих сожаления расходов, а именно жизни солдат. Нет большей расточительности, чем расточительность в отношении

жизней. Наследный принц Германии сказал два месяца назад [166] (весьма примечательная для него доктрина), что мы можем увеличить силу и численность организованных армий за счет санитарных работ, и что деньги, хорошо использованные на них, будут так же способствовать увеличению военной силы, как и деньги, потраченные на укрепления и на прямые военные организации. Многое уже сделано в Индии, и это дало большие результаты для здоровья наших солдат; но разве не предстоит сделать гораздо больше, прежде чем результаты двух или трех благоприятных лет (ведь там было мало холеры) станут постоянными? Разве опыт не показывает, что, поскольку наибольшая экономия в расходах - это та, которая может быть достигнута в стоимости военной обороны страны, поэтому самая верная экономия - это не останавливаться в улучшении военных станций и их окрестностей, пока каждая станция в Индии не будет приведена в наиболее здоровое состояние, которое только возможно? В то же время, если необходимо контролировать расходы, не следует ли их осуществлять в отношении вещей, которые могут простоять несколько лет? (2) Ведь в действительности вопросы, связанные со здоровьем солдата, не могут быть отложены. Человек умер или получил инвалидность - человек, самая дорогая статья расходов, которую мы имеем; и вы должны заменить его другой дорогой статьей. Разве каждое пренебрежение или просчет в этом вопросе не приведет к увеличению национальных расходов на гораздо большую сумму, чем капитализированная стоимость улучшений? На многих станциях сейчас требуются следующие улучшения.... [подробный список, с указанием вида и места]. (6) Вам нет нужды говорить, что это относится только к одной половине индийской армии (*то есть* к той, которая находится под непосредственным управлением лорда Напира из Магдалы), и что Мадрас и Бомбей имеют (между собой) по крайней мере равную долю неудовлетворенных потребностей, поскольку у них не было пяти лет мудрого и гуманного покровительства лорда Напира. (7) В Индии всегда можно впасть в ошибку и бесполезно потратить деньги. К счастью, однако, есть [278] выход - назначить мистера Кларка, великого инженера Калькуттского муниципалитета, который осушил и водоснабдил Калькутту, заняться подобной схемой для Мадраса.... [подробные предложения по дальнейшим инструкциям мистеру Кларку].

(*Лорд Солсбери - мисс Найтингейл.*) Арлингтон-стрит, 4 ноября [1874 г.]. Дорогая мисс Найтингейл, уверяю вас, мы не слепы к важности объектов, которые вы отстаиваете, и мы не склонны вмешиваться в их осуществление без лишней задержки. Трудность, конечно, заключается в деньгах. Совершенно верно, что если бы средства лечения были столь же уверены в своем эффекте, как и существование зла, то мы могли бы устранить трудности с деньгами, беспрепятственно занимая их. Но соображение, которое удерживает индийское правительство от такого курса, заключается в том, что средства защиты отнюдь не являются абсолютно надежными. Возьмем, к примеру, случай с Пешавуром. Там уже потрачено много денег, и будет потрачено еще больше; и все же, если верить отчетам, которые я получаю от заслуживающих доверия властей, когда все деньги будут потрачены, это все еще будет очень нездоровая станция, и в конечном итоге результатом будет очень небольшое улучшение уровня смертности. На днях я слышал, как сэр Джордж Кларк заявил в Совете, что одна из новых станций в Раджпутане - я забыл, какая именно, - стала гораздо более нездоровой после принятия мер по исправлению ситуации, рекомендованных санитарными властями.

Возможно, в этих опасениях есть что-то от предрассудков и робости. Я не хочу придавать им больше значения, чем они заслуживают. Но очевидно, что в области санитарии мы еще только нащупываем свой путь, и что мы еще далеки от того, чтобы достичь той точки уверенности, когда можно было бы безопасно, в связи с каким-либо конкретным рядом мероприятий, очень сильно заложить будущую промышленность индийского народа. Вы

должны всегда помнить, что в данный момент наши расходы очень сильно отстают от наших доходов, и мы совершенно не знаем, куда обратиться, чтобы добиться значительного увеличения доходов. Но если мы займем очень много, то значительное увеличение доходов будет абсолютно необходимо для погашения процентов по новому долгу. Как бы ни была велика стоимость улучшений, мы не можем позволить себе быть банкротами, и новый продуктивный налог на индейцев кажется таким же далеким, как философский камень. Я говорю все это не для того, чтобы сказать, что мы ослабим наши усилия по улучшению санитарных условий или не будем продвигать их так быстро, как только сможем. Но я хочу, чтобы вы поверили, что финансовые соображения имеют определенное значение; и я уверен, что мы только помешаем улучшению санитарных условий и не позволим санитарным истинам быть принятыми сердцем ни государственными деятелями, ни [279] широкой публикой, если будем связывать их с пренебрежением к тем финансовым требованиям, от которых зависят такие огромные интересы. Мы не должны допустить, чтобы говорили или даже подозревали, что улучшение санитарных условий означает безрассудные финансы.... Но я думаю, что лучший ответ, который я могу дать вам на детали вашего письма, - это отправить его вице-королю и попросить его предоставить мне конфиденциальный и неофициальный отчет о его намерениях в каждом из этих случаев. Я уверен, что он чувствует важность этих вопросов так же сильно, как и любой другой; но я повторяю, что никто не может в полной мере оценить трудности его положения по отношению к ним, кто не понимает крайнего беспокойства, связанного с управлением индийскими финансами".

Время не было упущено, и 2 января 1875 года лорд Солсбери переслал мисс Найтингейл с личной запиской ответ, который он получил от генерал-губернатора: - (Лорд Нортбрук - лорду Солсбери).

(Лорд Нортбрук - лорду Солсбери.) Калькутта, 11 декабря [1874 г.]. Я очень обязан Вам за то, что Вы прислали мне письмо мисс Найтингейл, и, хотя я рискую ответить на него неполно, я не буду откладывать изложение того, что пришло мне в голову, до другого письма - тем более, что в Индии никогда нельзя быть уверенным в своем времени. Во-первых, я прошу вас заверить мисс Найтингейл, что я вряд ли настолько забуду свое обучение у Сиднея Герберта в военном министерстве, чтобы чувствовать безразличие к здоровью солдата в Индии. Она не хуже меня знает, как много было сделано за последние годы и насколько удовлетворительным был результат, о чем свидетельствуют данные о смертности и заболеваемости, а также признания Санитарной комиссии армии и сэра Уильяма Мьюира (врача) в показаниях, недавно данных перед парламентским комитетом. Мисс Найтингейл, очевидно, больше беспокоится о будущем, чем недовольна прошлым. Лучшее, что я могу сказать, чтобы успокоить ее, это то, что перед лицом финансовых трудностей прошлого года я оставил расходы на военные общественные работы нетронутыми. В этом году они составили более миллиона, то есть столько, сколько мы можем себе позволить, и почти столько, сколько может быть надлежащим образом проконтролировано. За год до этого, хотя мне очень хотелось показать бюджет, который оправдал бы отмену подоходного налога, я добавил 100 000 фунтов стерлингов к сумме, выделенной на военные общественные работы, по просьбе лорда Нэпира. Вот и все, что касается моего личного расположения и того, что я сделал до сих пор.

Что же касается того, что еще предстоит сделать, то я знаю, что сделать предстоит многое.... Я вполне согласен в принципе с мнением мисс Найтингейл относительно относительной важности различных видов работ, и мы должны руководствоваться теми же соображениями, насколько это возможно. Но есть практические соображения, которые должны препятствовать [280] их универсальному применению. Например, во многих местах в Индии

из-за нехватки рабочей силы мы можем продолжать работы в определенном темпе, только если они не будут стоить очень дорого. Кроме того, по многим причинам лучше проводить все необходимые работы на одной станции в одно и то же время, и эти работы могут включать в себя некоторые, которые сами по себе могут быть не столь востребованы, как другие работы на других станциях. С учетом этих оговорок, казармы, больницы, водоснабжение и дренаж должны быть на первом месте, а комнаты отдыха и т.д. - на втором.... Мисс Найтингейл, очевидно, тщательно изучила некоторые детали наших требований, и не очень далеко продвинулась в своем списке работ. Ей будет приятно услышать, что он не сильно отличается от списка работ, которые Главнокомандующий недавно довел до нашего сведения, так что их относительная важность, несомненно, будет хорошо взвешена. Лорд Напьер проявляет живейший интерес ко всем военным общественным работам, и, не имея никакого отношения к поиску денег, он, несомненно, не побрезгует оказать на нас сильное давление. Некоторые из работ, упомянутых в списке, я знаю сам, поэтому сделаю одно или два замечания... [подробные замечания]. Я очень рад слышать, что мистер Кларк достаточно здоров, чтобы снова отправиться в Индию. Когда он закончит свою работу в Мадрасе, я думаю, мы, вероятно, попросим его проконсультировать нас по поводу водоснабжения некоторых станций. Мне очень понравилась очевидная простота и экономичность плана, который он мне показал. Что касается замечаний мисс Найтингейл по поводу комнат отдыха и продажи спиртных напитков в столовых: в Индии солдаты необычайно хорошо обеспечены комнатами отдыха и в значительной степени пользуются ими. Причина продажи спиртных напитков в столовых, как я полагаю, заключается в том, что если бы их не продавали, мужчины покупали бы вредные спиртные напитки на базарах. Ни один начальник армии в Индии никогда не рекомендовал запретить продажу. Движение за воздержанность широко распространяется среди войск в Бенгалии. По последним данным, в британской армии в Бенгалии насчитывалось от 5 до 6 тысяч членов Общества воздержания (включая женщин и детей). В целом я был поражен хорошим поведением и респектабельным внешним видом британских солдат в Индии и считаю, что мы вполне можем гордиться нашей армией.

Я пишу дальше, так как эта тема меня давно интересует, и мисс Найтингейл, возможно, будет рада узнать, что я не оставил ее без внимания и здесь. Я могу обещать вам, что, насколько позволят наши средства, все внимание будет уделено здоровью британской и туземной армии в Индии.

Такое вмешательство, как видно из вышеупомянутых документов, время от времени повторялось в связи с различными санитарными мерами, и не без эффекта в поддержании этих вопросов на переднем крае. Парламентские дебаты, даже иногда просто вопрос в парламенте, оказывают влияние на бюрократию. В те времена, с которыми мы сейчас имеем дело, "членов парламента от Индии" было мало. "Я могла бы расцеловать лорда Крэнборна, - воскликнула однажды мисс Найтингейл, - за то, что на приближающихся выборах в парламент, которому предстоит решать судьбы 180 миллионов человек, будущие представители, которым предстоит представлять Индию, а также нас, лишь в двух случаях в своих обращениях упомянули о существовании Индии".^[167] Частные письма и печатные статьи мисс Найтингейл помогли заполнить этот пробел. К ней прислушивались великие люди; они знали, как много она знает, и уважали ее преданность и искренность. Они прислушивались к ней, и ее письма часто приводили к тем стимулирующим результатам, которые иногда следуют за парламентским вмешательством. Она показала переписку с лордом Солсбери и лордом Нортбруком сэру Бартлу Фреру. "То, что Цезарь, - писал он (16 января 1875 года), - сразу же сел и исписал шесть листов бумаги формата кварто, чтобы показать, что он должным образом заботится о своих легионах, вполне удовлетворительно;

это доказывает, что ваше письмо тронуло его и что тема его очень заинтересовала". "Результат оказался именно таким, как я и ожидал", - написал другой англо-индеец по случаю более позднего вмешательства мисс Найтингейл. Они относятся ко мне с презрением, но не игнорируют вас". Первое, что сделал губернатор, увидев ваше письмо, - сел и написал полное оправдание себя государственному секретарю. Второе, я не сомневаюсь, - это созвать своих чиновников и поторопиться с работой".

///

Будучи миссионером по здравоохранению в Индии, мисс Найтингейл сделала состояние города Мадрас текстом для постоянных увещеваний. В то время Мадрас занимал второе место по уровню нездоровья среди крупных городов Индии (первое место занимал Дели^[168]). В то время как уровень смертности в Калькутте и Бомбее снижался, в Мадрасе он рос.^[169] Мисс Найтингейл, как и любой другой эксперт по санитарным вопросам, изучивший факты, приписывала высокий уровень смертности плачевному состоянию стоков; и были индийские чиновники, как в Лондоне, так и в Индии, которые обращались к ней в надежде, что она сможет заставить высшие власти настоять на том, чтобы что-то было сделано. Ее друг, мистер Кларк, разработал схему; либо она должна быть реализована, либо заменена лучшей. На эту тему существует длинная переписка среди ее бумаг; поскольку главным ее корреспондентом был лорд Солсбери, она не лишена сухого юмора. Лорд Солсбери признался, что эта тема ему не по зубам; все, что он мог точно установить, - это то, что существует столько же различных мнений, сколько и людей, претендующих на ее понимание; но у него были хорошие новости для своего корреспондента. Следующим губернатором Мадраса должен был стать герцог Бекингем, а герцог отличался любопытной страстью к деталям. От него можно было ожидать, что он, как предполагалось, станет копаться в стоках, как крыса. Итак, мисс Найтингейл ждала, и вскоре лорд Солсбери был отправлен на Константинопольскую конференцию по Восточному вопросу. В Мадрасе ничего не получилось из-за любви герцога к деталям, и как только лорд Солсбери вернулся в Англию, мисс Найтингейл вернулась к своим обязанностям. Лорд Солсбери отправил герцогу ее меморандум с предложениями, а в свое время переслал ей ответ герцога (от 24 июля 1877 года). Губернатор внимательно изучал вопрос, и лорд Солсбери надеялся, что мисс Найтингейл будет довольна. Правда, была задержка, но, как он писал ей ранее, "период роста всех проектов в Индии по продолжительности во многом напоминает периоды индийской космогонии". "Я думаю, вы будете удовлетворены, - писал он теперь (22 августа), - что губернатор Мадраса с большим вниманием относится к этому вопросу; и что его предыдущий опыт и наблюдения, к которым его привел его необыкновенный вкус к деталям, дали ему некоторые особые качества для принятия правильного решения". А затем последовало то, что в постскриптуме, адресованном верховной жрице санитарии, можно было бы счесть "пылающей неосторожностью", если бы это не было явным подтруниванием: "В Константинополе на меня произвело большое впечатление преимущество отсутствия стоков, вместо которых я держу собак". Боюсь, что с момента получения этого письма мнение мисс Найтингейл о лорде Солсбери упало; но она не могла от него отделаться, и, посоветовавшись с доктором Сазерлендом (с подсказками, также от индийского чиновника), она отправила аргументированный ответ лорду Солсбери, на его шутку о константинопольских собаках (ошибочно называемых падальщиками) и все остальное. У нее было преимущество: она знала все о Константинополе и о достоинствах его естественного дренажа. Что касается Мадраса, то она считала, что "размышлений" было достаточно (они продолжались более 20 лет) и что государственный секретарь должен настаивать на действиях, в связи с чем она направила различные предложения. Ответ лорда Солсбери мисс Найтингейл не выглядел многообещающим. "Нерешительность правительства

Мадраса, - сказал он (19 сентября), - отчасти объясняется тем, что необходимо проконсультироваться с различными инстанциями, и никакие распоряжения государственного секретаря не помешают этим инстанциям разойтись во мнениях. Но настоящая трудность, - добавил он, - это деньги". Все, что могло сделать правительство Мадраса, - это найти деньги на "неотложные нужды". Подразумевалось, что защита здоровья населения не является насущной необходимостью. В глазах мисс Найтингейл это было ересью. Отправляя письмо лорда Солсбери доктору Сазерленду, она прокомментировала его так: "И они называют *меня* опасным человеком!". На что доктор Сазерленд ответил: "Так и есть! Они говорят вам, что ничего нельзя сделать, а вы им не верите! Это все чепуха, что муниципалитет не может найти денег на канализацию, и никакие письма не смогут ее вразумить". Действия лорда Солсбери, однако, оказались более благоприятными для мисс Найтингейл, чем его письмо, поскольку вскоре в мадрасских газетах появилось сообщение о том, что государственный секретарь приказал немедленно провести какие-то дренажные работы. Если это было так, то слова "немедленно" были истолкованы с некоторой ссылкой на "периоды индийской космогонии". Научное осушение Черного города, самого густонаселенного квартала Мадраса, было начато в 1882 году; осушение остальной части города продолжалось двадцать пять лет.

IV

Интерес мисс Найтингейл к деталям санитарной реформы постепенно перерос в более масштабные вопросы. Повторяющиеся индийские голодоморы придали новый поворот ее мыслям. "Я занимаюсь санитарной работой в Индии уже 18 лет, - объясняла она в письме лорду Хоутону (27 ноября 1877 года), - но последние четыре года меня постоянно поражает этот ужасный факт: что толку пытаться сохранить здоровье людей, если вы не можете сохранить им жизнь? Этих крестьян убивают наводнения, засухи, земиндары и ростовщики. Чтобы быть здоровым, нужно жить". Это неоспоримое предложение сильно задело ее чувства. "Мои мысли, - писала она мистеру Чедвику (14 сентября 1877 года), - полны умирающих индийских детей, голодающих сотнями тысяч от условий, которые были созданы для них, в этом отвратительном индийском голоде.... Как бы я хотела, чтобы кто-нибудь сейчас поднял агитацию в стране, как это сделал мистер Гладстон в отношении Болгарии. Гладстон в отношении Болгарии, который должен сказать стране: "*Вы должны*, что касается индийского голода и средств его предотвращения, среди которых ирригация и транзит воды должны занимать первое место; если бы мы дали им воду, нам не пришлось бы теперь давать им хлеб". Мисс Найтингейл пришла к этому выводу самостоятельно в 1873 году, и он получил убедительное подтверждение в следующем году. В феврале 1874 года она была вынуждена написать сэру Артуру Коттону, "величайшему из ныне живущих мастеров", как она искренне называла его, "по вопросу о воде". Ее письмо - письмо одного энтузиаста другому - очень обрадовало старого англо-индийца. "Если бы, - писал он (4 февраля), - пятьдесят лет упорного труда и презрения не принесли никакой другой отдачи, кроме письма от вас, это была бы честь, которой я не заслуживаю". Сейчас заговор стремительно сгущается, и я нисколько не сомневаюсь, что то, что вы взялись за эту великую тему, перевернет чашу весов. Ни один человек, не проживающий в Индии, не может представить себе силу предубеждения в умах не только гражданских чиновников, но и многих людей, не занимающих свои должности, как по вопросам ирригации, так и навигации в Индии. Я уверен, что сейчас в Индии нет ни одного человека, занимающего высокий пост, который в душе не был бы против них обоих. Но сейчас мы подошли к самому замечательному кризису, во-первых, в связи с возникновением этого ужасного голода, а во-вторых, в связи с революцией в индийском офисе. Лорд Солсбери будет думать за себя, несмотря на Индийский совет, состоящий - за исключением сэра Б. Фрере - из людей с неизлечимыми

староиндийскими предрассудками". Изобретательский гений сэра Артура Коттона оставил неизгладимый след в Индии; но теперь он был *свободен*, и он был одним из тех энтузиастов, которые, оказавшись не у дел и не имея возможности осуществить свои планы, считают, что весь мир находится в умышленном заговоре против них. Кроме того, настаивая на необходимости строительства каналов, он слишком преувеличивал ее, слишком бескомпромиссно критикуя железные дороги. В последующие годы сэр Артур Коттон был одним из самых объемных корреспондентов мисс Найтингейл. Она прекрасно понимала недостатки манеры, которые мешали принять его идеи, и время от времени умоляла его быть более умеренным и менее резким. Мистер Джоуэтт и другие иногда упрекали ее за излишнюю эмоциональность. В ответ она со смехом спрашивала, что они думают о сэре Артуре Коттоне, который давал публике "крепкий алкоголь", по сравнению с которым все, что делала она, было всего лишь "политым молоком". Она не успела далеко продвинуться в изучении вопроса об ирригации, как поняла, что он тесно связан с земельным вопросом. Кто должен платить за ирригацию? Готовы ли крестьяне платить за воду? Могут ли они ее платить? Не были ли земиндары хищниками? Не находился ли земледелец на милости у ростовщиков? Сэр Джордж Кэмпбелл был полон таких тем, и мисс Найтингейл с его помощью приступила к изучению тонкостей землевладения в различных частях Индии, и особенно "Постоянного поселения" в Бенгалии. Один предмет привел ее к другому, и она глубоко заинтересовалась вопросами представительства, земли, образования, ростовщичества. Короче говоря, она стала индийским реформатором или индийским агитатором.

V

Однако ее непосредственные усилия были направлены на защиту ирригации. Учитывая бедность Индии и постоянно присутствующую опасность голода, она считала, что правительство обязано всячески содействовать ирригации - как большими, так и малыми работами, как колодцами и резервуарами, так и большими и малыми каналами, как поощрением частного капитала, так и выдачей крупных национальных грантов и займов. Индийский налогоплательщик беден, сказали ей; способ сделать его менее бедным, ответила она, - это оросить его землю.

Мисс Найтингейл начала свою ирригационную кампанию с обращения к лорду Солсбери, и она обратилась к нему по вопросу, который, как она думала, будет общим. Она знала, что он придерживается научных взглядов, и надеялась, что он согласится с ней в том, что в первую очередь необходимо получить полную и достоверную статистику. Она отправила ему примерные цифры стоимости уже проведенных ирригационных работ и вытекающих из них финансовых результатов, признавшись, однако, что столкнулась с большими трудностями в их получении. "Я сам слишком долго искал такие данные", - ответил он (10 мая 1875 года), - "чтобы не сочувствовать вашей беде". Далее он долго перечислял "трудности, стоящие на пути действительно тщательного исследования", и излагал вопросы, которые, как ему казалось, все еще не решены в отношении ирригации в целом; например, "Является ли ирригация, - спрашивал он, - созданием или просто предвосхищением плодородия? Создает ли оно растительное богатство, которого без него никогда бы не было, или же оно сводит к нескольким годам пользование всей производительной силой почвы?" Тем временем он передал ее цифры на критическую проверку в Индийский офис, распорядился отправить ей различные документы и пообещал посмотреть, можно ли получить более полные результаты. Поскольку ничего определенного не произошло, мисс Найтингейл предложила назначить комитет или комиссию для расследования и составления отчета. Это предложение вызвало

характерный ответ лорда Солсбери. "Что касается комиссии, - писал он (ноябрь 1, 1875), - я сомневаюсь в ее эффективности. Комиссии очень ценны для сбора и обобщения мнений, и они часто способны решить один или два отдельных фактических вопроса. Но они слишком громоздки для сбора и переваривания большого количества разнообразных фактов и цифр. При самых лучших намерениях их работа медленна и *рутинна*, а в своих отчетах они замазывают слабые места общими словами.... Как правило, административная сила находится в обратной пропорции к количеству людей, которые ее осуществляют. Один человек вдвое сильнее двух, два человека вдвое сильнее четырех. Советы и комиссии - это лишь приспособления для того, чтобы сделать сильных мужчин слабыми".

Время от времени она подталкивала локтями лорда Солсбери, спрашивая, удалось ли ему получить достоверные данные, и умоляя его начать большую ирригационную политику. "Ни на минуту не думайте, - писал он (27 февраля 1876 г.), - что я забыл об этом вопросе. Чем больше я в него углубляюсь, тем глубже оказывается его тайна. Каждый, кто имеет право иметь свое мнение по этому вопросу, отстаивает это право, имея мнение, отличное от мнения своего соседа". Генерал Стрэчи и сэр Барроу Эллис занимаются этим вопросом уже много лет. Оба они с уверенностью утверждают, что один набор утверждений верен, в то время как правительство Индии, поддерживаемое мистером Торнтоном, нашим замечательным министром общественных работ, с не меньшей уверенностью утверждает, что это ложь.... Когда я смогу получить немного света, я дам вам знать; но пока мои оракулы категорически противоречат друг другу, я вряд ли смогу приблизиться к уверенности, чем сейчас." Поскольку лорд Солсбери был не склонен обращаться в комитет экспертов, она попросила его получить данные из Индии и составила типовую форму запроса, в котором можно было бы указать площадь обрабатываемых земель в каждом районе, количество орошаемых земель, стоимость ежегодного ремонта и так далее, и тому подобное. Лорд Солсбери принял это предложение к сведению, и было запрошено несколько отчетов, но на данный момент из этого ничего не вышло. Тогда мисс Найтингейл попыталась получить информацию другим способом. Ей сказали, что в самом Управлении по делам Индии есть масса данных, которые нужно только проанализировать и свести в таблицы, чтобы получить ценные результаты. Лорд Лоуренс представил ей на сайте мистера Эдварда Принсепа (в прошлом комиссара по делам поселений в Пенджабе) как человека, который может быть полезен в такой работе. Она подружилась с ним; сэр Луис Маллет предоставил возможности, и мистер Принсеп начал проводить исследования от имени мисс Найтингейл. К несчастью для ее успеха, у нее хватило ума попросить разрешения у лорда Солсбери. Лорд Солсбери передал ее просьбу в Департамент доходов, который в торжественной обстановке представил серьезный прецедент, который будет создан, если позволить постороннему человеку копаться в официальных архивах, и мистеру Принсепу пришлось прекратить свои изыскания. "Вам, несомненно, известно, - сухо сказал ей сэр Луис Маллет, - что в Индийском министерстве по каждому обсуждаемому вопросу обычно высказываются диаметрально противоположные мнения". Он добавил, что есть только одна уверенность: любое решение, принятое в одно время, будет отменено в другое. В конце концов, много информации было собрано Специальным комитетом Палаты общин по общественным работам в Индии (1878) и комиссиями по борьбе с голодом. В настоящее время регулярно составляются отчеты, подобные тем, о которых просила мисс Найтингейл.

В эти годы были проведены некоторые ирригационные работы^[170], но большой политики продвижения в этом направлении не было. Принятая в настоящее время "политика продвижения" была совсем другого рода. Мысли политиков были заняты другими вещами, мнения бюрократов разделились, а в индийских финансах царил жесткость. Если эксперты не могли прийти к согласию относительно правильной основы оценки результатов

ирригации, то еще меньше они были едины во мнении о том, какой вид ирригационных работ был бы желателен. Все были согласны в пользу ирригации "в принципе"; но как только речь заходила о деталях, будь то финансы или инженерное дело, мнений становилось столько же, сколько и экспертов. Одна школа говорила: "Займите деньги, и земля так обогатится, что ройот сможет платить повышенные налоги". Другая школа возражала: "Но сначала его вытеснят из жизни; поэтому сократите все расходы и ждите лучших времен". Или, если финансовые трудности были преодолены, возникали трудности инженерного характера. Одна школа говорила: "Делайте судоходные каналы", но это означало полноводность каналов. Другая говорила: "Делайте каналы в основном для орошения", но это означало их истощение. И так продолжались споры, без какого-либо решительного импульса со стороны действующих лиц. Голод приходил и уходил; некоторые работы проводились в качестве "помощи"; никакой большой превентивной политики не проводилось.

Мисс Найтингейл была очень расстроена, но она упорно продолжала действовать. Она переписывалась со всеми важными людьми, на которых могла надеяться повлиять. С лордом Литтоном, сменившим лорда Нортбрука на посту вице-короля в 1876 году, она не была знакома; а к лорду Биконсфилду она не обращалась, разве что по другому вопросу, да и то без всякого поощрения с его стороны.^[171] В апреле 1878 года лорд Солсбери стал министром иностранных дел, а в министерстве Индии его сменил мистер Гаторн-Харди (лорд Крэнбрук), а мистер Эдвард Стэнхоуп стал заместителем секретаря. Мистер Стэнхоуп приезжал к ней (июнь 1878 года), а в следующем году она прислала ему данные о смертности во время последнего индийского голода, которые она с большим трудом собрала из различных источников информации, после чего завязалась переписка. Она виделась и много переписывалась с сэром Джеймсом Кэрдом, английским представителем в Комиссии по голоду. Она пыталась расшевелить лорда Хоутона по поводу недовольства индейцев. Она виделась и переписывалась с мистером Фосеттом. Она виделась с мистером Брайтом. Она вела обширную и регулярную переписку с официальными лицами в Индии. Она поставляла материалы для лекций в Англии; с квалифицированной помощью она нарисовала и выгравировала несколько карт, показывающих основные работы, которые могут быть построены. Эти карты сделали службу на лекциях; и мисс Найтингейл также неоднократно писал в газетах и журналах, возвещая "прибытия воды",^[172] указывая на районы, которые голод не посетил благодаря предыдущей ирригации, и другие, где подобные работы можно ожидать, чтобы предотвратить голод в будущем; сравнивали стоимость помощи и ее предотвращения; убеждали в важности расширения образования; обращали внимание на угнетение в форме землевладения и со стороны ростовщиков; и в целом стремились вызвать интерес общественности в стране к жизни и страданиям безгласных миллионов в Индии.

Наибольшее внимание привлекла статья мисс Найтингейл "Народ Индии" в "*Девятнадцатом веке*" за октябрь 1878 года. Журнал сэра Джеймса Ноулза был тогда на заре своего влияния, и он отдал первое место этой статье, в которой мисс Найтингейл нанесла здоровый удар по британскому самодовольству. "Мы не заботимся о людях Индии", - восклицала она. "Самое печальное зрелище в мире" можно было увидеть в Британской империи; это состояние индийского крестьянина. Она привела плачевные факты и цифры индийского голода и перешла к более подробному описанию зла ростовщичества в Бомбейском Декане. "Я не могу выразить вам, - писала она корреспонденту в следующем году,^[173] - того глубокого интереса, который я испытываю к этой теме: как вырвать бедных культиваторов Индии из рабства нищеты, будь то с помощью *monts de piété*, Национального банка, как вы предлагаете, кооперативной системы, всех или любого из этих средств". Статья

мисс Найтингейл была воспринята как своего рода манифест теми, кто симпатизировал ее точке зрения, и публикация принесла большое пополнение в ее индийской корреспонденции. В официальных кругах она вызвала некоторый трепет. "Я прочитал вашу статью, - писал друг из индийского офиса (8 августа), - с величайшим интересом и восхищением. Официальные умы сильно взволнованы. Я подслушал разговор двух магнатов (не входящих в нынешнее правительство), в котором статья была названа воплем, и был задан вопрос, нельзя ли сделать что-нибудь, чтобы противостоять этому впечатлению". Лорд Нортбрук, прочитав статью, направил мисс Найтингейл подробную критику, не разбирая ее дело во всех пунктах, но утверждая, что она преувеличила тени. С преемником лорда Солсбери в офисе Индии велась следующая переписка:

(Мисс Найтингейл - лорду Крэнбруку.) 10 августа [1878]. Дорогой лорд Крэнбрук - Очень кротко я осмеливаюсь послать вам маленькую бедную статью о народах Индии в *девятнадцатом веке*. Надеюсь, прочитав ее, Вы не назовете ее воплем (я сам удивляюсь своей сдержанности). Я не настолько хлопотлив, чтобы ожидать, что вы найдете время для ее прочтения, но у Индийского офиса есть несметные сокровища (о которых он сам не знает) в отчетах по этим вопросам, которые займут ваше занятое время; и особенно отчет Комиссии по беспорядкам в Декане, посвященный отношениям между племенами и ростовщиками в бомбейском Декане, я уверен, потребует вашего внимания. Может ли существовать частное предпринимательство в торговле или коммерции, в производстве или в новых интересах, когда ростовщикам гарантированы нашими собственными судами прибыли, огромные и легкие прибыли, с которыми не может соперничать ни одно предприятие того рода, которое больше всего нужно Индии? Каковы практические средства борьбы с вымогательским ростовщицеством в Индии, и в первую очередь в Бомбейском Декане? Билль, который сейчас находится на рассмотрении законодательного органа в Симле, кажется, не обещает многого. Так ли это? Я знаю, что весь этот вопрос находится на вашем рассмотрении. Пожалуйста, поверьте мне (с некоторым удивлением от моей собственной смелости), всегда ваш верный и благодарный слуга, Флоренс Найтингейл.

(Лорд Крэнбрук - мисс Найтингейл.) Индия Офис, 13 августа [1878]. Дорогая мисс Найтингейл. Два дня я был за городом, и ваша записка дошла до меня только сегодня утром. Я прочитал вашу статью на прошлой неделе с большим интересом; но, не преуменьшая горя Индии, я думаю, что вы слишком много обобщаете на основе одной местности. Тем не менее в ней достаточно того, что может взволновать сердце и разум в поисках средств для исправления допущенных бед. Искренне ваш, Крэнбрук.

Государственный секретарь написал вице-королю, лорду Литтону, примерно в том же духе; обратив его внимание на статью мисс Найтингейл, сказав, что она слишком много обобщила, но добавив: "Я буду искренне рад, если ваше законодательство сможет найти средство для исправления ситуации".^[174] Вице-король лорд Литтон был более известен, однако, за передовую политику в Афганистане, чем за внутренние реформы. Мисс Найтингейл, будучи ученицей лорда Лоуренса, была полностью против агрессивной политики, которая, к тому же, привела к сокращениям во всех департаментах, кроме военного.

VI

Мисс Найтингейл в своем пропагандистском рвении теперь обратилась к мистеру Гладстону. Поводом для письма к нему послужила его статья "Друзья и враги России", появившаяся в *"Девятнадцатом веке"* (январь 1879 года). В этой статье он случайно упомянул о гибели "1 400 000 человек" во время последнего индийского голода. Она указала ему на то, что его

оценка намного ниже истины, и попыталась привлечь его к участию в крестовом походе в защиту дорогих ее сердцу индийских дел.

(Мистер Гладстон - мисс Найтингейл.) Гаварден, 26 января [1879 г.]. Сколько лет прошло с тех пор, как ваше имя ежедневно звучало в моих ушах, и сколько печальных событий, самых разных печальных событий, произошло в том самом месте, где я когда-то его слышал! Во время всего этого восточного спора, самого мучительного в моей жизни, мне было утешением знать, что я был в сочувствии с вами - особенно я помню ваше самое поразительное заявление о войне с Турцией. Я рад, что вы одобряете мою статью о друзьях и врагах России, рад, что замеченная вами ошибка - это недосказанность. Когда я отправлял листки, у меня не было возможности сделать полную справку, и 1 400 000 показались мне столь ужасными, что я дрожал, опасаясь, как бы не переборщить. Первая же поправка, которую я получил, гласила: четыре миллиона, а теперь вы поднимаете эту цифру еще выше.^[175] Индийский вопрос при самом порочном обращении становится гигантским и самым опасным. Положитесь на меня, я сделаю в нем все, что смогу: но боюсь, что этого будет мало. Я боюсь, что, помимо других достаточно весомых причин, мое участие в нем сразу же отравит его атмосферу, поскольку он стал главной причиной споров между правительством и оппозицией. Когда в прошлом году я рассматривал Закон о вернакулярной прессе, индийских разногласий не было, и я постарался не рассматривать его как спорный вопрос. Теперь все изменилось: что бы я ни посоветовал по поводу Индии, тори будут против. Вряд ли вам известно [293] о той необычайной степени, в которой предрассудки и страсти собрались вокруг самого моего имени (равно как, должен сказать, благосклонность и привязанность) с тех пор, как возник Восточный вопрос. По моей ли вине или нет, мне трудно сказать: но таков факт. В той линии, которой я придерживаюсь, я должен неуклонно следовать до конца конфликта; но я все время предвидел вероятность того, что это, вероятно, лишит меня возможности, даже если возраст и другие обстоятельства не помешают, оказывать какую-либо другую серьезную общественную услугу на пути действия, которое, надо всегда помнить, так отличается от возражения и цензуры..... Весь индийский вопрос, однако, сам собой выдвинется, и будет много рук, чтобы заняться им. Мистер Брайт приедет сюда через два дня, и я надеюсь, что у нас с ним будет полный разговор на эту тему. Поверьте, с теплым уважением и почтением, искренне Ваш, У. Э. Гладстон".

Мисс Найтингейл продолжила переписку, и вскоре мистер Гладстон вызвал ее, чтобы поговорить об индийских делах, которые теперь начали приобретать определенное значение в его общей кампании против политики лорда Биконсфилда. Визит мистера Гладстона состоялся в мае. 26 июня умер лорд Лоуренс, и мисс Найтингейл была глубоко тронута: -...

(Мисс Найтингейл - мистеру Гладстону.) 6 июля [1879]. Я вижу, вы были вчера на похоронах лорда Лоуренса, и, возможно, вам будет интересно услышать историю его последних дней от того, кто имел честь знать и служить с двумя такими людьми, как Сидни Герберт и Джон Лоуренс - очень разными, но одинаковыми в "единственном необходимом" - служении всей душой и разумом и без мысли о себе своему высокому идеалу добра. Последние лет жизни лорда Лоуренса прошли в работе: он не читал, он учился; хотя почти ослеп, он с помощью личного секретаря (которая была леди^[176]) пробирался через груды синих книг - в основном, но не только индийских, - обрушивая на них весь свой непревзойденный опыт. Вплоть до вечера вторника, будучи очень больным (он умер в пятницу), он работал. В четверг перед этим он выступал в Палате лордов по вопросу о финансах Индии. Болезнь, утомительная и тяжелая, от которой он умер, была вызвана работой в Лондонском школьном совете. Он приходил домой совершенно измотанным, говоря, что мог бы сделать все сам за полчаса, но при этом с терпением, очень чуждым его натуре, вникал во все наболевшие

проблемы всех членов Совета. На людях он производил впечатление [294] сурового человека, но нежность и игривость его общения наедине с собой были выше женской нежности. Он был железным человеком; он прошел через 40 лет индейской жизни, во времена опасностей, трудов и кризисов; семь раз оказывался на краю могилы; и выдержал все это, чтобы наконец умереть от школьного совета! У него были голубые глаза и выражение их (до операции), как у шестнадцатилетней девочки, и массивные брови и голова генерала наций, а не армий. На следующий день *после* его смерти я получил от него письмо, продиктованное, но подписанное им самим, в котором он присылал мне несколько последних индейских отчетов - частных бумаг, которые он читал и хотел, чтобы я прочитал, - все с пометками и перевернутой страницей, на которой он остановился. Это было его наследие. О, если бы я мог сделать что-то для Индии, ради которой он жил и умер! Простота этого человека не может быть превзойдена - бескорыстие, твердость. Он всегда спрашивал: "Правильно ли это?". Если это так, то это делалось. Это было одно и то же: быть правильным и быть сделанным.... Через несколько часов после смерти была сделана фотография. Если бы это был эскиз Карраччи, или Леонардо, или Михаила Анджели, мы бы сказали: "Насколько искусство превосходит природу". В самых святых картинах старых мастеров я никогда не видел ничего столь прекрасного и столь святого. Губы слегка приоткрыты (как у ребенка в восторге радости при первом пробуждении), с детской радостью вхождения в присутствие Небесного Отца, которому он служил так благородно и так смиренно. Бедные глаза смотрят вниз, но как будто вглубь души, чтобы осознать восторг, как у Мильтона: "И радость настигнет его, как потоп". Лицо измождено. Мне кажется, что иногда молодость, физическая красота на старых итальянских изображениях Христа не дают полного представления о том, что "Ему надлежало *претерпеть* все это, чтобы войти в славу Свою"; или же, как в "Монете" Тициана, это *просто* аскетизм. Но здесь речь идет о радости, возникшей в результате долгого испытания, о Кресте, из которого появился Венец. Выражение было крылатой души, души-ребенка, как на египетских надгробных росписях, поднимающейся каким-то образом без движения (духовно) из изношенного тела. (В воскресенье он сказал: "Не могу сказать, как я себя чувствую: я чувствую себя изможденным") Вся Индия будет чувствовать его потерю. Никто из ныне живущих не знает, что он сделал там - как в частном порядке, я имею в виду, так и публично - воспитание людей как отдельными людьми, так и институтами - письма и послания сикхов к нему, индийские джентльмены, которые приезжали к нему сюда и относились к нему как к отцу. Маленькие проказники лаяли и кусали за пятки старого льва. Он слышал их, но не слушал. А теперь он ушел, чтобы предпринять еще более великие труды, чтобы благословить еще больше миров в служении Богу. Леди Лоренс пожелала подарить каждому что-нибудь из того, что принадлежало ему [295] личного пользования. Но оказалось, что у него ничего нет. Была старая одежда и множество сапог, покрытых заплатами, но больше ничего, даже булавки, кроме часов, которым было 20 лет, и трости, которую она оставила себе. У дамы, которая служила его секретарем после его слепоты, был его старый рожок для обуви, и она рассказала мне эту историю с бесконечным наслаждением от ее красоты. Это было так характерно для него. Простите, если я отняла у вас время своими мыслями о Джоне Лоуренсе. Мне показалось, что я отдаю ему последнюю дань уважения, посвящая вам его память.

VII

"О, как бы я могла сделать что-нибудь для Индии!" Она многое сделала и еще больше должна была сделать; но в последние годы жизни она постоянно сожалела о том, что ей не удалось осуществить одну задуманную работу. Это была книга по смежным вопросам индийской ирригации и индийского землевладения, которой в своем первом варианте она дала

причудливое название *"Земиндар, солнце и поливной горшок как влияние на жизнь и смерть в Индии"*. Мисс Найтингейл впервые написала эту книгу в 1874 году, и у нее было несколько экземпляров, напечатанных частным образом. Самые ранние экземпляры предваряются следующими заметками о "Dramatis Personæ". В них, помимо министра, на которого она возлагала свои надежды, представлены ее главные информаторы, и они отражают дух книги:-

Маркиз Солсбери: Настоящий труженик и прирожденный правитель людей.
Государственный секретарь по делам Индии по милости Божьей.

Сэр Джордж Кэмпбелл: Бывший вице-губернатор Бенгалии. Гулливер среди лилипутов.

Сэр Артур Коттон, Р.Э.: самый совершенный мастер водного дела из ныне живущих.

Полковник Рандалл, Р.Э.: глава водного департамента Бенгалии, затем всей Индии; сейчас на родине.

Полковник Хейг, Р.Э.: глава водного департамента Бенгалии; сейчас болен.

Земиндар: Создал землевладельца из сборщика налогов. Растет в богатстве.

Райот: Раб, созданный из землевладельца или привилегированного земледельца. Голодает. Ибо пока "богатство накапливается, люди разлагаются".

Мистер Джоуэтт много раз пересматривал книгу, и среди первых вещей, которые он вырезал, была характерная "Dramatis Personæ". Его неблагоприятное мнение о книге как о литературном произведении не позволило опубликовать ее в 1874 году. "Стиль, - писал он (11 августа 1874 года), - слишком отрывистый и импульсивный, хотя я считаю его логичным и эффективным. Вы должны избегать недостатков вкуса и преувеличений. Чем умереннее высказывание, тем оно сильнее. Но сила заключается в абзацах, в страницах, в целом, а не в отдельных предложениях. Форма должна неудержимо вытекать из фактов и рассуждений. Что этот человек имеет в виду, говоря со мной о стиле, когда я думаю только о страданиях и угнетении 100 000 000 райотов? Да, но если вы хотите заставить английский народ думать о Райотах, вы должны остерегаться малейшей неосторожности или преувеличения. Вы должны сделать стиль своим долгом, и тогда ваша книга будет жить долго". И снова: "Я нахожусь среди поразительных выражений, но не знаю, где я". Он сказал ей, что она должна переписать всю книгу, прежде чем публиковать ее. Он предложил ей помощь и набросал более методичную схему, но она была нетерпима к его "страсти к созданию голов"; кроме того, его головы "не покрывают того, что я должен покрыть, и покрывают то, что я не хочу покрывать". Она была разочарована и на некоторое время отложила книгу в сторону, но в разное время в течение последующих лет она возобновила работу над ней. Книга состояла из двух частей: первая посвящена земельному вопросу и представляет собой призыв к реформе постоянного поселения с приложением (в значительной степени написанным М. Модем) "О прусской, австрийской и русской реформах по отмене кабалы". Вторая часть посвящена ирригации как фактору жизни и смерти в Индии, с приложением статистических данных. Для первой части она подготовила серию иллюстраций индийской сельскохозяйственной жизни и обычаев. Многие гравюры были сделаны по эскизам сына ее старого друга, сэра Ранальда Мартина. Для второй части она подготовила уже упоминавшиеся карты ирригации. Тем временем составленные ею статистические таблицы из-за задержки устарели. Некоторые из ее друзей - сэр Бартл Фрере, сэр Джордж Кэмпбелл и сэр Артур Коттон - убеждали ее пересмотреть книгу и опубликовать ее; и существует ряд гранков, находящихся на разных стадиях и относящихся к разным годам, исправленных

тремя только что упомянутыми друзьями и многими другими. Лорд Лоуренс тоже внимательно прочитал книгу, и одно из его последних писем к мисс Найтингейл содержало полное обсуждение многих моментов, затронутых в ней. Очевидно, что книга, впервые написанная в 1874 году, требовала в 1879 году большого пересмотра, и она не могла заставить себя сделать это. В последующие годы она использовала некоторые материалы в других целях; они послужили источником для многих статей, статей и частных писем; но она никогда не переставала сожалеть о том, что не смогла оставить в постоянной литературной форме свои взгляды на вопросы, обсуждаемые в книге. В своем завещании, составленном в 1896 году, она специально оговорила публикацию "такой части, если таковая будет", которую ее душеприказчики сочтут нужной, "книг, бумаг (рукописных или печатных) и писем, относящихся к моим работам по Индии (вместе с двумя камнями для ирригационных карт Индии, а также с ксилографическими блоками для иллюстрации этих работ)". Под "этими работами", как я понимаю, она имела в виду главным образом книгу, написанную в 1874 году. Я не знаю, будет ли выполнено ее предложение. Если да, то придется многое пересмотреть и отредактировать. Индийская реформа движется, правда, со скоростью, которая "сильно смахивает на периоды индийской космогонии"; но все же она движется. В опубликованных и неопубликованных работах мисс Найтингейл об Индии есть много такого, что может быть собрано и по-прежнему служить в качестве трактатов для времени; но есть, по крайней мере, столько же, что сейчас счастливо устарело. О реформе Бенгальской земельной системы, задуманной лордом Рипоном и осуществленной лордом Даффеином, мы узнаем в одной из последующих глав (VI.). Некоторые из основных ирригационных работ, за которые выступала мисс Найтингейл, были в настоящее время осуществлены с успехом и с большой пользой для страны, в частности, канал реки Сват (1885), канал Ченаб (1887) и канал Джелум (1902). Ее карта ирригации, "доведенная до актуального состояния статистическими данными в Индийском офисе", была опубликована в 1900 году; доступны [177] и карты, доведенные до более поздней даты. [178] Через двадцать лет после выхода статьи мисс Найтингейл "Население Индии" площадь, орошаемая "продуктивными" каналами, увеличилась с 5 миллионов акров до 9½ миллионов, а с 1901 года была принята последовательная политика "профилактического" орошения. [179] Политика введения некоторого элемента представительства и более широкого допуска коренных жителей Индии к административным и судебным должностям медленно, но неуклонно продвигалась с тех лет, когда мисс Найтингейл обратила свое внимание на эти вопросы.

VIII

По всем этим вопросам, мисс Найтингейл страдал много разочарований и чувствовал большое нетерпение. Позитивный и статистический уклон ее ума склонял ее к убеждению, что для каждого признанного зла должно существовать определенное средство. Ей нужна была позитивная политика, четко сформулированная и немедленно осуществляемая. Отношение сменявших друг друга государственных секретарей и правительств Индии в годы, рассматриваемые в этой главе, было иным. Существует государственный документ, в котором лорд Солсбери, будучи министром по делам Индии, написал философскую защиту политики дрейфа. [180] Непосредственно в документе речь идет о земельном вопросе в Мадрасе, но его аргументы применимы к более широкой территории: они полностью соответствуют, как заметит читатель, письмам лорда Солсбери к мисс Найтингейл на тему ирригации в Индии. "Мы должны довольствоваться тем, что вносим свою лепту в постепенное изменение.... Сэр Джордж Кэмпбелл, похоже, боится этого мягкого способа продвижения, который он осуждает под названием "дрейф". Я не могу принять эту метафору целиком, поскольку считаю, что у руля еще остается некоторое, хотя и не очень значительное, влияние. Но с этой оговоркой я не вижу никакого ужаса в перспективе

"дрейфа". Напротив, я верю, что все прочные институты, которых достигли человеческие общества, были достигнуты не по плану и предвидению какой-то группы государственных деятелей, а путем незапланированного и неосознанного слияния многих мыслей и воли в сменяющих друг друга поколениях, которому, поскольку он не подчиняется никакой единой направляющей руке, мы можем дать название "дрейф". Безусловно, только таким образом огромные сообщества Индии получают постоянное решение этих сложных вопросов. Колебания в целях, хаос мнений, которые мы сейчас осуждаем, свидетельствуют лишь о том, что необходимое сближение еще не достигнуто".

Когда государственные деятели оказывают лишь незначительное влияние на руль, тем сильнее потребность в независимых работниках, которые могли бы направлять общественное мнение в определенное русло. В 1879 году мисс Найтингейл считала, что ее работа в качестве реформатора Индии провалилась; но она имеет право на почетное место в компании ясных мыслителей, которые подготовили общественное мнение к эпохе индийских реформ, начавшейся во время вице-королевства лорда Рипона, и чья настойчивая пропаганда помогла, наконец, добиться "необходимого сближения" мнений в пользу ирригации как лучшего, если не единственного или вседостаточного, средства предотвращения голода. Фанатизм", который она разделяла с сэром Артуром Коттоном, теперь уже не кажется таким "провидческим", как раньше. "Лорд Напьер, - пишет она на сайте^[181], - называет сэра Артура Коттона великолепным безумцем. Так оно и есть. Но все они должны быть великолепными безумцами, кто иницирует любую великую вещь, любую великую работу, которая не соответствует нынешнему знанию или невежеству умов, которые не видят так далеко, как великолепные безумцы этого века, которые будут разумными людьми до следующего века и, возможно, немного отстанут от века после него."

ГЛАВА V

ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ НА ЮЖНОЙ УЛИЦЕ И В ДЕРЕВНЕ

Жизнь в напряжении

С целью сделать сладкой жизнь в целом.

Браунинг.

"Вы живете, - сказал лорд Напьер и Этрик, однажды навестив мисс Найтингейл, - между дворцом и парком, и у вас один из лучших видов в Лондоне". Паломник, который дойдет до дома № 10 по Саут-стрит и посмотрит на высокий неприязательный дом, отмеченный сейчас табличкой с записью о проживании в нем Флоренс Найтингейл, не увидит дворца, и может удивиться, как она вообще могла иметь какой-либо вид. Однако главные комнаты находятся в задней части дома, а с верхних этажей открывается вид на парк, через территорию Дорчестер-Хауса - лучшего из итальянских дворцов Лондона. Мисс Найтингейл любила этот вид, особенно весенними утрами, но после обеда она морализировала свой пейзаж. В письме к отцу с Саут-стрит она цитирует *Самсона Агониста*: "*Безглазый в Газе, на мельнице с рабами*". С тех пор как я живу, глядя на парк, и вижу этих людей, совершающих свой тривиальный круг, или, скорее, круг своей беговой дорожки, слепых рабов, эта строка почти никогда не выходит у меня из головы. Если мне придется провести сентябрь в Лондоне,

это будет для меня существенным облегчением, что "мельницы" больше нет. Кроме того, хотя вся моя жизнь направлена на то, чтобы защитить ее от прерываний, никто не может поверить, насколько она прерывается. А сентябрь уменьшает это. *Нищие* уезжают из города". Насколько строгим было правило мисс Найтингейл против прерывания, даже от ее лучших друзей, забавно показано в некоторых заметках этой даты от леди Эшбертон и ее дочери. "Я бы хотела, - писала леди Эшбертон на , - чтобы вы позволили мне сидеть в углу, как бедной старой крысе, пока вы ужинаете; гораздо полезнее не есть в одиночестве; но я знаю, что не смогу войти, поэтому могу только оставить это у двери". "Матушка просит меня приложить к письму постскриптум и с любовью попросить, не могли бы вы увидеться с ней в любое время дня; она будет говорить через замочную скважину и не задержит вас и на пять минут".

"Самый милый домик в Лондоне", - так называла дом № 10 леди Верни, чей собственный дом находился всего в нескольких шагах от него. Близость не совсем способствовала мерам Флоренс по защите от прерывания. Между сестрами существовала скрытая привязанность, но временами каждая остро осознавала недостатки другой. Кроме того, каждая из них считала, что близость к ней более ценна для другой, чем для нее самой. Дом № 10 был взят мистером Найтингейлом по совету сэра Гарри и леди Верни, которые считали, что Флоренс будет полезно находиться рядом с ними. Флоренс, в свою очередь, чувствовала, что часто была очень полезна сестре. Их общая подруга, мадам Моль, иногда была в недоумении, решая, гостеприимство какой из сестер принять. "Поезжайте к Верни, если хотите, - написала Флоренс в один из случаев, - но *нам* все равно придется вас обслуживать. Ты же знаешь, как она ведет хозяйство. *Нам* придется присылать чистое белье, еду и мыть полы". В одном отношении близость двух домов была, безусловно, удобна для Флоренс. Сэр Гарри и леди Верни охотно принимали участие, как мы узнаем далее, в развлечениях друзей Флоренс по уходу за больными; а сэр Гарри, председатель совета ее Школы обучения, был в пределах легкой досягаемости. Однако она не всегда была доступна лично для своей сестры или деверя, как и для других; в основном они общались с помощью писем или посланий. Однако в более поздние годы утренний визит сэра Гарри стал частью распорядка дня. Будучи в полном здравии, он был одним из главных связующих звеньев с большим миром, принося ей новости и выполняя ее поручения с гордостью и усердием. Он был старше ее на девятнадцать лет и дожил до девяноста трех. В старости одним из главных утешений для него был утренний визит к невестке, во время которого они вместе читали какую-нибудь религиозную книгу по его выбору. Он принадлежал к старой евангелической школе, но в таких вопросах, за исключением мнений, они не расходились.

//

Манера жизни мисс Найтингейл сделала ее посланника важным членом персонала Саут-стрит. Она проявляла большой интерес к Корпусу комиссаров, созданному в 1859 году, и один из комиссаров находился в ее штате, выполняя одновременно функции Цербера и Меркурия. Посыльный мисс Найтингейл, должно быть, был знакомой фигурой, с его записками для доктора Сазерленда в военном министерстве и для матроны в больнице Святого Томаса. Для остальных мисс Найтингейл держала штат служанок. Ее собственной горничной в течение многих лет была Темперанс Хэтчер; но в то время, о котором мы сейчас говорим, она вышла замуж за одного из крымских протеже мисс Найтингейл, Питера Грилледжа,^[182] который в течение нескольких лет был слугой в Эмбли. Мисс Найтингейл была очень привязана к этой образцовой паре, постоянно посылала подарки им и их детям, переписывалась с ними почти до конца своей жизни и упомянула их в своем завещании. В более ранний период мистер Джоуэтт в письмах, написанных после визитов к мисс

Найтингейл - письмах, известных как "кровельщики" от "младшего платья" - с благодарностью отзывается о заботе аккуратной Темперанс. Мисс Найтингейл бесконечно тщательно подбирала прислугу. Добрая миссис Сазерленд делала за нее большую часть работы в этом направлении, а когда она уезжала за город, миссис Сазерленд часто просили присматривать за Саут-стрит. Любовь мисс Найтингейл к методам и точности, ее пристрастие к тому, чтобы все было черно-белым, проявились во многих грозных расписаниях обязанностей и требований, которые она составляла для сведения соискателей. Возможно, они имели эффект отсеивания непригодных; за некоторыми исключениями, мисс Найтингейл хорошо служил: как это было правильно и правильно, для хороших хозяйки делают хорошие слуги, и она была заботится об их комфорте и благополучии. Она была отличной экономкой; и здесь она снова в игру методические и критические привычки, которые она практиковала в больших сферах. Я видела книгу, в которую молодой повар вносил *меню* на день, а на следующее утро хозяйка писала комментарии к каждому блюду - по большей части доброжелательные и ободряющие, но иногда и язвительные, как в этой заметке о *тушеных котлетах*: "Почему использовался клейстер?"; или в этой о блюде *из телячьего фарша*: "Мясо жесткое, и помните, что фарш делает жесткое мясо еще жестче". Мисс Найтингейл была маленькой, хотя и деликатной едоком; именно для своих посетителей она делала больше всего. Пирожные разных видов, свежие яйца и кофе регулярно отправлялись в больницу Святого Томаса, в две палаты каждую неделю; мясные суфле и желе еженедельно посылались двум инвалидам в Леа-Херст и одному в Ливерпуль. Если на Саут-стрит приезжала знакомая медсестра, которая, скорее всего, хотела "подкрепиться" или, страдая от переутомления, нуждалась в возбуждении аппетита, мисс Найтингейл сама составляла *меню* и писала собственные *рецепты* тех или иных блюд. Она не напрасно служила на Востоке у великого Соьера. Ее отец после своего первого визита на Саут-стрит назвал "служанок Флоренс и обед безупречными", а наследная принцесса, спустившись на обед одна после встречи с мисс Найтингейл, прислала сообщение, что обед был "произведением искусства".

///

О мисс Найтингейл в качестве хозяйки, и удовольствия Южной улице для своих посетителей медсестер, один из ее учеников, которые часто приглашали дает этот рассказ: "Ранний чай, если вы хотите принять его, был принесен к вам; и после близко к горничной, пришел мисс Найтингейл собственной горничной, чтобы спросить, как вы спали, а затем спросить, если у вас есть какие-либо планы на день или хотите ли вы любой посетитель приглашен на обед или иным образом. Когда это выяснялось, приходили записки или сообщения с предложениями о свободном времени, и назначался час для вашего визита к ней: то есть для главного визита, поскольку в течение дня вы могли видеть ее и в других местах. Она всегда была начеку, чтобы сделать ваш визит не только спокойным и восстанавливающим всевозможные материальные удобства, но и интересным и ярким. Если Верни проживали в доме № 4, мисс Найтингейл делала с ними взносы для нашего развлечения, и они с готовностью откликались. Иногда гость отправлялся туда на ужин, ужиная наедине с сэром Гарри и проводя время до и после него с леди Верни, которая в то время была в некоторой степени инвалидом, в гостиной. Беседа там была забавной, относящейся к миру, не сосредоточенному в больницах, поскольку сэр Гарри любил рассказывать о своих ранних днях во Франции и Испании. Иногда леди Верни брала вас с собой на прогулку, и, поскольку она принадлежала к большому миру, вы могли познакомиться с его достопримечательностями. Возможно, карета останавливалась, пока она болтала с Дином Стэнли, или делала паузу, чтобы можно было оставить карты в каком-нибудь большом доме. Потом леди Верни повернется и начнет дразнить свою гостью из госпиталя, что придет в

город в сезон и оставит открытки во французском посольстве. Или сэр Гарри включит вас в свою партию, собираясь навестить мисс Октавию Хилл в ее лондонских дворах и домах, ничуть не похожих на посольство. Или он брал вас в Палату общин, когда ирландские депутаты были оживлены, и вы видели мистера Гладстона, мистера Тревелияна и мистера Парнелла, и у вас была захватывающая история, которую вы могли бы рассказать шефу. А может быть, вас взяли на заседание Королевского географического общества, где Стэнли в окружении доктора Моффата, сэра Сэмюэля Бейкера и других великих путешественников рассказывал переполненной аудитории, затаив дыхание, как он пересек Темный континент.

Но эти удовольствия, которые мисс Найтингейл дарила своим работникам и которые она разделяла только по сочувствию, не были событием дня для ее посетительницы. Главной привилегией всегда была беседа с ней самой. Она обычно начиналась в половине четвертого и часто длилась несколько часов, иногда с небольшим перерывом. Иногда мисс Найтингейл была достаточно здорова, чтобы спуститься в гостиную и отдохнуть там на кушетке, пока она принимала гостей. Диван или кровать всегда были завалены письмами и бумагами, а карандаш всегда был под рукой. Было радостно обнаружить ее на диване, освобожденную от заточения в кровати. Одета она была тогда в мягкий черный шелк, на ноги накинута шаль; на волосах всегда прозрачная белая косынка, повязанная под подбородком. [Прозрачный белый платок был изысканным маленьким занавесом из тонкой сетки, отороченным настоящим кружевом, часто очень тонким; ибо мисс Найтингейл придерживалась старомодного мнения, что джентльмен не может носить имитацию кружева. Некоторые из ее кружев были букингемширскими, сделанными в коттеджах близ Клейдона]. Грустно ей было или радостно, она приветливо улыбалась. Один или два раза я заставлял ее с персидскими котятками, но они вскоре исчезали. Если вы пришли только на собеседование по делу, это может занять все время; хотя даже в таких случаях дела могут быть отложены до других приятных разговоров. Но если вы оставались в доме, то, хотя дела обсуждались и давались советы, оставался широкий простор для других разговоров. Естественно, вы рассказывали ей о делах дня, она с увлечением вникала в них и переходила к другим темам. Иногда она говорила об Индии и Райотах, иногда о Египте и Феллахинах; редко она затрагивала крымский эпизод: если она это делала, то, как правило, с нежностью вспоминала миссис Брейсбридж. Мисс Найтингейл поощряла своих учеников говорить на этих собеседованиях, и я часто упрекала себя в том, что, хотя я шла с желанием и решимостью слушать, я слишком много времени посвятила разговорам. Однако, возможно, это было ее замыслом и давало ей лучшие возможности помочь своим ученикам. Она непредвзято выслушивала все, что говорил человек, и с большим вниманием относилась к любой точке зрения, которую одобряла. Но время от времени она вспыхивала несогласием, тоном материнского авторитета, и давала вам убедительное объяснение с точки зрения своего мощного интеллекта и широкого кругозора. Она была полна энтузиазма, но не поддавалась иллюзиям. Иногда, когда не было явного противоречия, она спокойно задавала вопросы. Действительно, многие ее уроки проходили в форме вопросов. Одной из самых счастливых тем наших бесед были дети в больницах. Мисс Найтингейл, казалось, никогда не устает слышать о них; их страдания, их домашние обстоятельства, их жалкое знание жизни, их героическое терпение, их причудливые поговорки, их смелое веселье в промежутках легкости, их интерес друг к другу, их тысячи сладостей. Не меньше симпатии она отдавала пожилым пациентам, а медсестры занимали в ее жизни, если это возможно, еще большее место".

*Флоренс Найтингейл в своей комнате на Южной улице
с фотографии мисс Босанкет, 1906 г.*

IV

Комната, в которой проходили эти заветные беседы, была либо гостиной, либо спальней мисс Найтингейл на втором этаже - обе в задней части дома. Спальня имела внешнюю стену в форме полумесяца с приятными французскими окнами и балконами с цветами. Кровать

стояла между окнами и дверью, ее изножье было обращено к камину, а за кроватью находилась длинная полка, удобно расположенная для книг и бумаг. В комнате всегда были цветы. Их в горшках на подставке доставлял мистер Рэтбоун (как уже говорилось) до самой своей смерти, а леди Эшбертон каждую неделю присылала из Мелчет-Корта коробку срезанных цветов. Стены были белыми, не было ни жалюзи, ни занавесок; комната казалась полной света и цветов. Что поражало посетителей, так это изысканная чистота и утонченность всех предметов, служивших обрамлением для их хозяйки. "Комната всегда казалась красивой, - говорит один из посетителей, - но в ней почти ничего не было, кроме необходимой мебели, аккуратной, но дешевой и простой, за исключением нескольких предметов, привезенных из Эмбли и Леа Херст. Большое кресло, в котором иногда сидела мисс Найтингейл, стояло между двумя из трех окон. На стенах висело несколько картин - фотография портрета лорда Лоуренса, акварель с изображением египетского заката и еще один-два подарка. Наибольшее значение имели две вещи: длинная хромофотография "земли вокруг Севастополя", как она назвала ее в своем завещании^[183] - она находилась напротив нее справа; и на каминной полке, точно напротив ее кровати, хромофотографированный текст в рамке: "Это я. Не бойся". Гостиная была более возвышенной и строгой, а на стенах висели прекрасные гравюры и фотографии Сикстинского потолка. В гостиной, задней гостиной и столовой было много книжных шкафов, в основном заполненных "Голубыми книгами". Когда я была маленькой девочкой, я проводила много часов в столовой, пока моя мать была наверху, и могу засвидетельствовать, что кроме Blue-books единственным чтением было *"Кольцо и книга"*".

Иногда мисс Найтингейл можно было увидеть стоящей или передвигающейся в своей комнате; тогда отмечались изящество и достоинство ее походки, хотя "ивовая фигура", которая отличала ее в прежние годы, теперь стала крупной. Чаще всего она принимала посетителей в постели или на кушетке. Тогда они обращали внимание на голову, лицо, руки. В девичестве и ранней юности ее голова была маленькой. Возможно, она немного выросла, и что-то должно быть отнесено к увеличению размера лица, что повлияло на внешний вид; но, во всяком случае, ее голова в более поздние годы была, безусловно, большой. Армейский хирург, который часто посещал мисс Найтингейл в восьмидесятых и девяностых годах, говорит мне, что он всегда был поражен массивностью головы, сравнимой, по его мнению, с головой мистера Гладстона. Необычайно изящная округлая форма передней части головы чуть выше того места, где начинаются волосы. Глаза ничем особенным не выделялись, хотя в них чувствовалась интеллектуальная острота. Нос был тонким и довольно выдающимся, рот - маленьким и твердым. Руки были маленькими и изящными. Каждый, кто видел ее, чувствовал, что находится в присутствии женщины с индивидуальным характером, энергией и способностями. Когда ее посетитель вошел, мисс Найтингейл наклониться вперед с ее кровати или кушетки с улыбкой приветствия, посетитель был приглашен в легкое кресло рядом с ней, и разговор начнется.

В молодости мисс Найтингейл была блестящей собеседницей, о чем рассказывают свидетели, приведенные в предыдущей главе. В более поздние годы у нее тоже были вспышки блеска. Мадам Моль, чьи стандарты были высоки, писала своему мужу из Леа-Херста в 1873 году: "Мистер Джоуэтт провел здесь три дня. Он человек с умом; думаю, он вам подойдет. Он очень любит Фло, что также подойдет вам. Она здесь, и ее беседа очень питательна. Я бы многое отдал за то, чтобы вы были здесь и наслаждались ею. Она действительно красноречива. Вчера она меня очень удивила".^[184] Но по большей части беседа мисс Найтингейл была скорее серьезной, пытливой, иногда ищущей, чем искрометной или красноречивой. "Она хуже, чем Королевская комиссия, чтобы ответить", - сказал полковник Юл; "и, в самой любезной, очаровательной манере, немедленно выясняет

все, что я не знаю".[185] Молодые посетители иногда испытывали перед ней благоговейный трепет; она могла выплеснуть вопрос на поспешное обобщение так же грозно, как и сам мистер Гладстон. Ее интересовало все, кроме самых незначительных мелочей. Ее интеллектуальная жизнеспособность была поразительной; посетители, которые ничего не знали о ее особых интересах или занятиях, все равно были в восторге от стимулирующей свежести ее разговоров. Она любила быть в курсе всего, что происходило в политическом и научном мире. Письма к ней не одного индийского вице-короля свидетельствуют о том, что приятные сплетни из кулуаров или университетов, которыми она подкрепляла свои рассуждения о сточных водах, очень ценились. Если посетитель говорил о вопросах, которые ее интересовали, она тут же интересовалась подробностями. "Да, - говорила она, наклоняясь вперед, - а как насчет того или другого? А вы не думали поступить так-то и так-то?" Или, если возникала какая-то трудность, она говорила: "Интересно, могу ли я вам чем-нибудь помочь? Человек, к которому нужно обратиться, - это мистер А. или мистер Б. Как вы думаете, он будет так добр, что зайдет ко мне?" "Уверена, он сочтет это за честь". "Тогда, как вы думаете, я могу написать ему? Или вы попросите его? Очень хорошо, тогда мы посмотрим, что можно сделать". Так возникла новая сеть полезного влияния. К молодым посетителям - лондонскому священнику, студенту или начинающему чиновнику - она проявляла что-то вроде материнской заботы, которая была заметна в ее общении с кормящими "дочерьми". "Но вы сегодня неважно выглядите. Вы засиделись допоздна? Да? Тогда ты должна пообещать мне, что будешь лучше за собой ухаживать". Или: "Ты регулярно принимаешь пищу? Нет? Тогда позвольте старой медсестре дать вам несколько хороших советов". Юмор, который был характерен для мисс Найтингейл пришел более легко, возможно, на перо, чем на язык; но она всегда наслаждалась шутки в разговоре - даже, как мы уже слышали от одного из ее друзей медсестры, на свой счет. Иногда она дразнила. Однажды на Саут-стрит пришла молодая леди из Высшей церкви. Она была в восторге от собеседования, но мисс Найтингейл, по ее словам, "много смеялась над кураторами Высокой церкви: она говорила, что у них нет лбов". Иногда она расспрашивала даже своих самых больших друзей. Она с шутливым негодованием говорила о Боге мистера Джоуэтта как о "человеке-желе", в отличие от будущей трудовой жизни, которую она предвкушала.

Именно в спальне, описанной выше, или в меньшей комнате, с которой она общалась, прошла большая часть жизни мисс Найтингейл на протяжении сорока пяти лет. В Лондоне она редко выходила за дверь. Считалось, что иногда, когда сердце и нервы не давали ей покоя, она выходила пешком в парк; но об этом говорили только шепотом: среди ее окружения было делом чести уважать ее уединение в доме. Теперь, на основании многочисленных записок сэра Гарри Верни, можно раскрыть секрет, что он время от времени выманивал ее на утреннюю прогулку по Парку, особенно в период цветения рододендронов, "чтобы напомнить ей об Эмбли", как уже говорилось выше. Мисс Найтингейл, за исключением нескольких путешествий в годы ее молодости, мало наслаждалась природой в ее величественных или больших аспектах, но она знала, как найти удовольствие в обычных достопримечательностях и звуках; в цветах и птицах, и в лондонском небе. В саду Дорчестер-Хауса было дерево, где собирались птицы, и с которого они слетались, чтобы покормиться у окна мисс Найтингейл. Она изучала диету птиц так же тщательно, как и диету пациентов больницы, и передала зачатки этих знаний "Обществу дики-птиц".[186] В деревне она любила любоваться из своей спальни деревьями и цветами и часто записывала свои наблюдения ранними утренними часами. Ее балкон в Лиа-Херст доставлял ей огромное удовольствие. Он большой, является верхней частью носовой части гостиной; с него видно широкое небо, и с него открывается вид, описанный миссис Гаскелл.[187] В Клейдоне она держала своих домашних птиц и белок и писала о них внукам сэра Гарри. Она проявляла большой интерес к начальному образованию и настаивала на

важности простых занятий с природой почти так же, как и на физической подготовке. "В прекрасные полудни в Лондоне, - писала она (декабрь 1888 г.), - когда света почти столько же, сколько в деревенских сумерках, штормовые эффекты выглянувшего солнца больше всего похожи на свет, льющийся с небес Славы старых итальянских мастеров, чем на все, что я знаю. И мне интересно, видят ли это бедные люди. А в старые времена, когда я выходил из дома, мутный эффект в конце перспективы длинной скучной улицы, идущей с востока и запада, был настоящим взглядом в небо. Я должен преподавать эти вещи в школах-интернатах детям, обреченным прожить свою жизнь на улицах Лондона, так же как я преподавал бы ботанику листьев, деревьев и цветов деревенским детям". Очень нужны были дешевые популярные книги, рассказывающие о "привычках, строении и характерах (о чем они, а не о классификации) растений как живых существ"; и о птицах, рассматриваемых подобным образом, а не с точки зрения орнитологической классификации. "У меня была прекрасная маленькая популярная книга с гравюрами, изданная в Калькутте, - пишет она,^[188] - о растениях Бенгалии. Автор, англичанин, предложил мне написать книгу об английских растениях в том же духе; но один из самых популярных и предприимчивых наших издателей отказался на том основании, что она не подойдет для экзаменов в Board School и поэтому не будет оплачена".

V

В течение нескольких лет после смерти отца (1874) мисс Найтингейл посвящала много времени обществу своей матери, и это отнимало у нее значительную часть каждого года за пределами Лондона. В 1874 году она и ее мать провели месяц в Клейдоне (август-сентябрь), а затем два месяца в Леа-Херст. В 1875 году был опробован эксперимент по снятию дома в Верхнем Норвуде, и там мисс Найтингейл жила со своей матерью в течение нескольких недель (июнь-июль). "Я вне досягаемости человечества, - писала Флоренс мадам Моль (18 июня), - в красной вилле, как чудовищный омар: место, которое не имеет никакого *смысла существования*, кроме *смысла существования* омаров или крабов - идти назад, питаться и быть сытым. Более странных превратностей, чем моя, в жизни мало у кого было - превратности от рабства к власти и от власти к рабству. Это не похоже на превратность: красная вилла в Норвуде: и все же это самое странное, что у меня было. Это единственный раз за 22 года, когда моя работа не была первой причиной того, где и как я должен жить. Здесь же она стала последней. Это карикатура на жизнь". Вилла, похожая на омара, была, однако, вскоре оставлена. Миссис Найтингейл жаждала, чтобы ее отвезли в ее дом - хотя, строго говоря, ее больше не было, и с июля по октябрь она и Флоренс находились в Лиа Херст. Теперь распорядок года стал постоянным. Заботу о миссис Найтингейл в Лондоне взяли на себя ее племянник, мистер Шор Смит, и его жена. Она жила с ними в их доме на Йорк-Плейс, а с июля или августа каждого года по ноябрь или декабрь семья Шор-Смит с миссис Найтингейл и ее компаньонкой переезжала в Леа-Херст, и там же бывала Флоренс - иногда она приезжала в Леа-Херст до приезда остальных, а иногда оставалась там, когда их не было.^[189] По словам миссис Найтингейл, мистер Шор Смит был для нее "больше, чем сын и дочь"; и Флоренс, во время своего проживания в Леа Херст, посвящала определенное количество часов каждый день - обычно два или три часа утром - общению со своей матерью. В стране, как и на Саут-стрит, мисс Найтингейл постоянно приглашала к себе друзей-медсестер. "В Леа Херст, - пишет уже цитировавшаяся подруга, - она была так же добра к нам, как и в Лондоне. Я помню, как однажды мы были там с другой ее ученицей, и она сказала нам, что комнаты, отведенные нам, были детскими комнатами ее детства. Для нас были организованы долгие поездки, обед укладывался в повозку, а экскурсии планировались. Во время нашего визита на несколько дней приезжал мистер Джоуэтт; он был очень приятен нам и полон доброты. Я помню, как он говорил об одном качестве нашей

хозяйки, которое всегда поражало нас; я имею в виду тщательность во всех деталях ее гостеприимства, вплоть до того, что она ставила в наших комнатах цветы, собранные ею самой в саду. Мисс Найтингейл подумала, что кто-то из нас устал, и сказала, чтобы она не вставала слишком рано утром. Мистер Джоуэтт напомнил нам в связи с этим о человеке, который считал своим долгом всегда вставать очень рано и который был "тщеславным все утро и перекрестным все после обеда".

В Lea Hurst, в течение этих лет, мисс Найтингейл посвятила себя ее бедных соседей, и бросил в задачу тщательность и система, которая характеризует все ее дела. Она приняла участие в создании деревенской кофейни и деревенской библиотеки, а также в организации собраний матерей. Она давала пособия всем нуждающимся семьям. Досье, которые она вела об их характерах и обстоятельствах, были такими же тщательными, как и те, что касались испытуемых Соловейчиков. Среди ее бумаг есть листы и листы, на которых она указывала количество каждого вида провизии, поставляемой каждой семье, - такие же подробные, как счета поставщиков, которые она вела в Скутари. Она была своего рода Национальной системой медицинского страхования (без взносов) для окрестностей; она наняла врача, который за ее счет обслуживал больных и немощных и полностью отчитывался перед ней по всем случаям. В течение одного года от него пришло пятьдесят писем такого рода, и столько же от деревенского школьного учителя, которому она поручала дополнительные занятия с перспективными учениками. Были и те, кто считал, что мисс Найтингейл растратила на эти деревенские заботы энергию, которая могла бы всколыхнуть великую волну мира. Среди них была и ее старая подруга, мадам Моль. "Итак, моя Фло, - писала она (16 октября 1879 года), - вы верите мне, я уверена, что я искренне люблю вас; поэтому вы вынесете то, что я говорю, и, кроме того, вы верите, что у меня есть здравый смысл: вы не можете не верить в это, я бросаю вам вызов! А теперь я заявляю, что если вы немедленно не покинете это абсурдное место, Лиа Херст, вы, должно быть, немного сумасшедший - частично, не полностью; и что если бы вы видели, как другой человек сознательно рискует жизнью, которая может быть полезна *dans les grandes choses d'ensemble*, чтобы горшок после больных людей, и если бы вы были в ясную минуту вы бы сказали: "Этот человек не совсем в своем уме или у нее нет силы воли, чтобы следовать ее суждения в ее действиях." Мисс Найтингейл была не очень довольна этим письмом. Она и сама чувствовала нечто подобное; но одно дело - сомневаться в собственной мудрости, и совсем другое - слышать, как в ней сомневаются даже наши старшие друзья. Мисс Найтингейл ответила, что исполняет свой долг, который заключается в привязанности к матери, а мадам Моль, с готовым тактом, объяснила ее письмо, сказав, что истинной причиной его было лишь эгоистичное нетерпение увидеть свою дорогую "Флохен" в Лондоне.

Мать мисс Найтингейл была уже очень стара, ее разум едва ли был в порядке, и, возможно, с ней было бы то же самое, если бы Флоренс не была рядом с ней. Однако ее присутствие было большим утешением, и мисс Найтингейл, чьи дела в прежней жизни несколько отдалили ее от матери, тем сильнее стремилась быть с ней сейчас. В манере матери появились отблески яркости, которые глубоко тронули дочь. "Ее ум, - писала она впоследствии, - был похож на потолок Сикстинской капеллы - затемненный, испещренный пятнами, с большими пробелами; но если смотреть и смотреть, приучая свой глаз к тусклости и прерывистому свету, то сквозь темноту проступали благородные формы".^[190] Мать и дочь много беседовали о духовных вещах. В иные моменты гордость и удовольствие от знаменитой дочери смешивались в сознании матери с сожалениями о прежних годах. "Где Флоренс?" - спросила она однажды в отсутствие дочери; "Она все еще в своей больнице? Полагаю, теперь она никогда не выйдет замуж". Она любила, когда ей читали стихи Лонгфелло: "Все

правда", - говорила она, - "все настоящее". Когда Флоренс приезжала, мать очень любила ее присутствие. "Кто вы? О, да, я вижу, вы Флоренс. Оставайтесь со мной. Не покидай меня. Я так счастлива видеть тебя рядом с собой. Вы пришли, чтобы научить нас любить; но у вас так много важных дел, что вы не должны оставаться со мной". "О, вы моя дорогая Флоренс? Я должна поцеловать вашу руку, я уверена". Остроумие дочери развеселило ее мать. "Ты имеешь право смеяться, - сказала она, - так мало кто из нас смеется. Ты такая хорошая - намного лучше, чем все мы. Ты приносишь мне столько пользы".

Примерно такое же впечатление мисс Найтингейл производила на всех, кто ее навещал, будь то в Lea Hurst или в ее верхней комнате на Саут-стрит. Она часто была одинока и уныла и считала себя, как мы уже слышали, самым слабым из человеческих сосудов, самым низким из слуг Божьих. Для тех, кто хорошо ее знал, она была башней силы. Мистер Джоуэтт говорил, что он никогда не видел мисс Найтингейл и не получал от нее писем, не чувствуя себя укрепленным для выполнения своих обязанностей. Мысль о том, что она работает в одиночестве, постоянно посещала его. "Мне кажется, не проходит и дня, - писал он ей, - чтобы я не думал о вас и вашей работе с гордостью и привязанностью". Если мужчины восхищались мисс Найтингейл, то женщины боготворили ее. Для многих преданных женщин, которые учились на ее примере и вдохновлялись ее дружбой, она была "моей госпожой и королевой" или "моей святой героиней". Женщины большого мира возлагали к ее ногам почти одинаковое обожание, и молодые девушки испытывали примерно то же чувство. "Сначала я стеснялась ее, - рассказывает одна из них, - но когда я подросла и стала говорить более свободно, я нашла ее самой очаровательной собеседницей. Она всегда казалась заинтересованной и была рада видеть человека. Я всегда уходил от нее с каким-то приподнятым настроением. Казалось, она поднимает человека в другую атмосферу". "Я всегда буду помнить о своем визите к вам, - писала "вечно любящая Луиза" (великая герцогиня Баденская) в 1879 году, - как об одном из тех моментов, которые исходят прямо из руки Бога и приводят сердца людей к Нему в благодарности. Он относится к тем вещам, которые сами по себе являются святыней".^[191] А леди Эшбертон, которая все еще иногда навещала подругу прежних дней, свою "возлюбленную Зою", писала: "Мне нравится думать о вас в вашей башне - так высоко над всеми нами"; и еще: "Я смиряюсь в пыли, когда думаю о том, что вы говорите обо мне - бедной, несчастной, лишенной дохода, а вы - путеводная звезда для стольких наших жизней".

VI

Друзья, которым мисс Найтингейл писала наиболее регулярно по вопросам, не связанным с бизнесом, и в чьих визитах она получала наибольшее интеллектуальное удовольствие, были, после мистера Джоуэтта, месье и мадам Моль. Ее письма к ним показывают некоторые из ее более общих интересов:...

(К М. Моль.) 16 февраля [1868].... Я вижу, что мадам Бланшекотт публикует свои "Impressions de Femme" - что это такое? Бланшекотт публикует свои "Впечатления о женщине" - что это такое? А мужчины публикуют свои "Впечатления о человеке"? Мне кажется, очень жаль, что женщины всегда должны смотреть на себя (а мужчины - на них) как на великую диковинку - своеобразную странную расу, как ацтеки; или, скорее, как идиоты доктора Хау, которых он после "неослабевающих усилий в течение двух лет" "действительно научил есть ложкой".

(К М. Молю.) Саут-Сент, 24 ноября [1872].... Бесчувственный, жестокий, отягчающий человек! Вы прервались как раз там, где я хотел услышать. Единственное, что меня забавляет, - это папская непогрешимость. Единственное, что интересует меня не больно (из моего хаоса) -

всегда, за исключением Ливингстона, восточноафриканской работорговли, исследования Центральной Африки - это прусская политика. Не то чтобы я полагал, что вы очень довольны ею, но я хочу *знать* о делах - Бисмарке, старокатоликах, инфантилистами - этом необыкновенном конфликте между стариком в Риме и юнкером-дьяволом, государственным деятелем Бисмарком; также о борьбе с Верхней палатой и законопроекте о дефеодализации. Я жажду узнать *ваше* мнение об этих вещах.... Видели ли вы книгу Стэнли *"Как я нашел Ливингстона"*? Я попросил издателя прислать вам экземпляр. Это, без исключения, самая худшая книга на самую лучшую тему, которую я когда-либо видел за всю свою жизнь.... И все же я не могу не проглотить ее до конца, хотя она рассказывает о Ливингстоне не больше того, что Ливингстон в депешах уже рассказал сам. Но вот Стэнли и его газета обнаружили и вызволили Ливингстона, когда все наше правительство, все наши общества, все наши подписки, все люди королевы не могли снова вызволить Ливингстона!... Кетеле прислал мне свои последние книги - *"Антропометрию"* и *"Социальную физику"* - с очаровательным письмом. Я ответил на него яростным и настойчивым призывом немедленно подготовить второе издание - первое (1869) *"Социальной физики"* уже полностью исчерпано.^[192] Говорил ли я вам, что когда мистер Джоуэтт был [316] избран председателем по предметам выпускного экзамена в Оксфорде, я настоял на том, чтобы социальная физика была одним из них?

(Мадам Моль.) Саут-Сент, 19 декабря [1873 г.].... Вы спрашивали меня, какова *"Автобиография"* Милля, и поскольку эту книгу невозможно описать, я посылаю ее вам. Я считаю ее едва ли не самой любопытной и интересной из современных книг, которые я когда-либо читал; но любопытной в той же степени из-за ее глупости, что и из-за ее смысла. Мне кажется, что рассказ о своем интеллектуальном и нравственном росте с трехлетнего возраста совершенно уникален: так же необычен, как если бы человек мог описать всю свою анатомию и физиологию в состоянии роста с трех лет. Но совершенно, совершенно так же необычно, как и это, его собственная глупость, когда он не видит, что очень многие из его моральных и интеллектуальных, и особенно религиозных, мнений были неизменны для него в результате процесса, которому он подвергся, так что все его рассуждения после этого на их основе были *неразумными*: они были зафиксированы настолько, что он не мог изменить их или даже увидеть, что изменение желательно или возможно, как глаза человека, который становится слепым в юности, или правая рука человека, который парализован на этой стороне, или &c., и т. д., и т. п. Он написал мне страницы и страницы, которые я никогда не мог понять - от человека столь способного - пока не прочитал его *Автобиографию*: что существование Законов не является доказательством существования Законодателя; что если зло порождает добро, то его должно быть *больше*! Затем, видите ли, он говорит в своей книге, что его жена заслуживает похвалы, потому что она отбросила "чудовищное суеверие", что этот мир *может* быть создан по наилучшему проекту для совершенствования Добра через Зло!... И я по-прежнему считаю *"Автобиографию"*, ее высокий тон, ее бескорыстное благородство чувств и любовь к человечеству, одной из самых вдохновляющих (современных) книг, которые я знаю. Но тогда, пожалуйста, вспомните: когда Милль покинул индийское ведомство, он мог бы оказать самую существенную помощь всем моим санитарным комиссиям, ирригационным и цивилизационным схемам для Индии. Но он ничего не сделал. Он был совершенно неспособен понять что-либо, кроме схем на бумаге, переписки, аспекта литературного бюро, короче говоря, для Индии. Что касается жаргона о "вдохновении", исходящем от "женщины", то я действительно не в состоянии понять его смысл, если он вообще есть. Я уверен, что моя роль в управлении была полной противоположностью "вдохновения": это был плод упорного труда, тяжелого опыта и наблюдений, таких, какие выпадали на долю немногих людей: исправление путем тщательной детальной работы ошибок людей, которые исходили из того, что, как я полагаю,

называется "вдохновением": того, что я должен назвать теорией без практических знаний или терпеливого личного опыта.

(Мадам Моль.) Саут-Сент, 27 февраля [1875].... Прочтите *"Провинциалы"* Паскаля. В мире нет ничего подобного [317]; он так же остроумен, как Мольер; он так же тщательно рассуждает, как Аристотель; у него прозрачный стиль, как у Платона. Вы сказали, что не читали ее. Я очень хочу послать ее вам. Я читаю ее каждый год (как, по словам лорда Морпета, он читал романы мисс Остин) ради чистого удовольствия, которое она доставляет моему воображению. Вольтер сказал, не так ли? Что Паскаль был "fou", но он исправил язык.

Ничто из того, что она читала в эти годы, не радовало ее больше, чем прекрасное обращение мистера Джона Морли к "Популярной культуре", теперь включенное в его *"Собрание сочинений"*, которое впервые появилось в *"Fortnightly Review"* за ноябрь 1876 года. Она написала ему письмо, чтобы выразить свое благодарное восхищение и спросить, можно ли ей распространить копии этой статьи. Мистер Морли, который уже договорился о дешевом переиздании, прислал ей несколько экземпляров.

В январе 1876 года умерла М. Моль - для мадам Моль это была невозполнимая утрата; после нее она уже никогда не была прежней женщиной; для мисс Найтингейл это тоже была тяжелая утрата. "Я опечален тем, - писал ей мистер Джоуэтт (7 января), - что вы потеряли друга, одного из самых лучших и верных, которые у вас когда-либо были. Его смерть, должно быть, навеивает множество старых воспоминаний. Твой отец рассказывал мне, как он забрал тебя из монастыря, когда ты была больна, и, как он думал, спас тебе жизнь". Но не только его смерть воскресила приятные воспоминания. М. Моль очень восхищался интеллектуальными способностями мисс Найтингейл. Он любил беседовать и переписываться с ней о политике, литературе и философии, а она считала его исследования в области восточной религии реальным вкладом в "теодицею", одну из ее главных забот.

Через несколько недель мисс Найтингейл потеряла еще одного друга, чья смерть очень тронула ее:...

(Доктор Э. А. Паркес - мисс Найтингейл.) Саутгемптон, 9 марта (продиктовано). Ваше письмо дошло до меня, как я полагаю, на смертном одре. Возможно, прежде чем вы получите его, меня призовут к ответу. За то, что вы сказали, я благодарю и благословляю вас. Примерно через два месяца Общество распространения христианских знаний опубликует небольшую книгу о "личной заботе о здоровье". Экземпляр будет выслан вам. У меня было мало места, всего 26 страниц, но я поместил столько санитарной информации, сколько смог, причем очень простой. Надеюсь, она может оказаться для вас полезной. Она адресована исключительно бедным. А теперь благодарю [318] вас и благословляю за ту поддержку, которую вы всегда мне оказывали. Поверьте, с большой благодарностью, (подпись) Э. А. Паркес.

(Мисс Найтингейл доктору Х. У. Акланду.) 35 Южная улица, 17 марта [1876 г.]. Смерть нашего дорогого друга, доктора Паркеса, наполняет меня скорбью, а также тревогой за будущее армейской медицинской школы в Нетли. Он был человеком редкой скромности и необыкновенных дарований. Его влияние на школу - не было ни одного человека, который бы не стал лучше от того, что учился у него, - незаменимо. Но знания и обучение, которые он распространял из Школы как центра, распространялись и будут распространяться везде, где говорят на английском языке, и за его пределами. Доктор Паркес умер как истинный христианский герой "на своем посту" и с простотой. Мне кажется, я никогда не знал такого бескорыстия, такого самоотречения, такого забвения себя. Его смерть была похожа на воскресение. Когда он умирал, он диктовал письма или передавал сообщения всем: все о

том, что нужно сделать *для Школы*, для распространения гигиенических знаний, для других полезных и армейских целей: *ни слова* о себе.... 9 марта, когда стало ясно, что он не протянет и нескольких дней, он похвалил *Школу* сэра Уильяма Дженнера и продиктовал мне письмо о гигиенических интересах, просто сказав про себя, что он может быть "призван к последнему отчету", прежде чем я получу его. 13 марта он воспрял духом. Мне разрешили прислать обученную медсестру. 15 марта он умер.... Давайте, как он шел на самопожертвование (ему было всего 56 лет) с радостью и хвалой - как герои древности - так и мы расстанемся с ним. Но давайте постараемся спасти то, что спас бы он.....

Профессора Армейской медицинской школы написали мисс Найтингейл письмо, встревоженное сообщением в газетах о том, что над учреждением вновь нависла угроза. Она умоляла доктора Акланда, который был другом военного министра (мистера Гаторна Харди), сделать все, что в его силах; а сама тем временем предприняла непосредственные действия. Она составила для мистера Харди, как много лет назад для мистера Кардуэлла, доводы в защиту школы, добавила к ним свои личные уговоры и послала сэра Гарри Верни лично вручить документы министру. "Мистер Харди внимательно слушал, пока я читал ваши бумаги", - доложил сэр Гарри. "Я подчеркнул места, подчеркнутые вами, и показал ему ваши пометки и инициалы. Он сказал, что еще не решил этот вопрос, и я ответил: "А мисс Найтингейл хочет заполучить вас раньше, чем вы". Я искренне поздравляю вас, моя дорогая Флоренс, если ваши представления спасут школу, ибо я знаю, что такой успех радует вас больше, чем что-либо другое". Через три недели министр вернул бумаги сэру Гарри, объявил, что школа не будет тронута, и сказал, что может передать мисс Найтингейл, что он сделает назначения, которые она предложила.

Несколько незаконченных писем М. Моля, найденных в его бюваре после смерти, были отправлены мисс Найтингейл мадам Моль, которая очень рассчитывала на сочувствие своего "Флохена" в своей утрате: - (Мадам Моль.

(Мадам Моль.) Леа Херст, 6 августа [1876 г.]. Дорогой, очень дорогой друг... Я действительно думаю, что была достойна его, если постоянная мысль о нем, радость от его успехов в совершенствовании и (раньше) печаль от его бед и забот (но теперь у него *их нет*, теперь он *всегда* делает славные успехи, иначе этот мир - чепуха), сделали меня такой. Но зачем вы мучаете себя (ваша потеря достаточно велика, неизмерима, невосполнима для этого мира), говоря о том, что не смогли извлечь из него максимум пользы, пока он был у вас? Он бы так не сказал. Вы нашли его меланхоличным человеком: вы сделали его счастливым. Вы привнесли в его жизнь изюминку: все, что ему было нужно. Он и сам всегда это чувствовал: ему невыносимо без вас. Возблагодарите Бога и скажите (как лорд из Оссори о своем сыне): Я предпочел бы иметь своего мертвого сына, чем живого. Кто был так благословен, как ты? Где вы найдете столь совершенного человека? И вы это чувствовали, я знаю. И он чувствовал, что вы это чувствуете. За славную земную жизнь М. Моля я благодарю Бога: но еще больше я благодарю Его за то, что это было только начало жизни бесконечно более славной - как говорит Мильтон: "смерть, называемая жизнью, которая нас *от жизни* отрывает". Всего вам доброго. Да пребудет с нами всеми Господь. Твоя старая Фло. Сегодня 20 лет, как я вернулась из Крыма. 15 лет прошло с тех пор, как я потеряла Сиднея Герберта.

(То же самое.) Саут-Сент, 7 февраля [1878 г.]. Дорогой друг, всегда дорогой, конечно, дорогой: Я ежедневно и еженощно думаю о нем и о тебе: мир темнеет с каждым годом, и темнеет без него, ибо кажется, будто в нем погас великий свет. И люди, которые выжили, кажутся такими изможденными, черствыми, плоскими и невыгодными по сравнению с теми, кого я знал когда-то, любил когда-то.... Нет: мы не дадим ни гроша, чтобы помочь туркам. Что! Раздавить все эти борющиеся молодые народы, славянские и греческие, под

отвратительной резней, угнетением и коррупцией турок? Мы не сможем, даже если захотим. Я не испытываю особой надежды: вместо худшего евразийского правительства мы позволяем худшему европейскому правительству заменить себя. Турция разваливалась на куски [320] так или иначе под собственной тяжестью; и мы не должны были позволять России действовать одной в деле грядущей свободы. Пусть Бог даст свободу христианским провинциям, чтобы *они сами* добились своего спасения!

Интерес мисс Найтингейл к Восточному вопросу, вызванный турецкими зверствами в Болгарии, усилился благодаря ее тесной дружбе с мисс Полиной Ирби. Среди женщин-друзей, с которыми мисс Найтингейл часто виделась и с которыми регулярно переписывалась, мисс Ирби была одной из немногих, кого в интеллектуальном и духовном смысле можно было назвать ее ровней. Мисс Ирби была женщиной высочайшей культуры, отличным ученым; женщиной самой щедрой доброты и простоты ума, которая действительно не думала о зле.^[193] В ней была некая невинность, которая, казалось, сама по себе рассеивала трудности, и в бумагах мисс Найтингейл есть упоминания о случаях, когда дружеские услуги мисс Ирби разрешали многие проблемы. Она была подругой мистера и миссис Найтингейл, и Флоренс впервые встретила с ней в Эмбли в 1869 году. Она была одной из многих женщин, почитавших имя Флоренс Найтингейл, и провела несколько месяцев в Кайзерсверте. Она была очарована личным знакомством со своей героиней и отныне говорила, что любое добро, которое ей удавалось сделать, она получала благодаря примеру и сочувствию мисс Найтингейл. Мисс Ирби сделала много хорошего: она способствовала развитию образования среди христиан-славян Боснии и Герцеговины, а также облегчала страдания сирот и беженцев. В 1874-79 годах мисс Ирби часто бывала в Англии для сбора средств и других целей, связанных с ее работой на Востоке. Мисс Найтингейл много помогала ей в этом, и таким образом стала очень хорошо знакома с некоторыми аспектами Восточного вопроса. Этот интерес, в сочетании с ее неприятием политики форвардов на индийской границе, сформировал связь симпатий с мистером Гладстоном.

VII

Была ли жизнь мисс Найтингейл счастливой или несчастливой? Ее сестра, вспоминая о многочисленных политических знакомствах, говорила ей: "Вы ведете такую интересную жизнь". Мистер Джоуэтт говорил ей, что ее жизнь благословенна, и что она должна так думать. Он всегда посылал ей новогоднее письмо, и в последний день 1879 года он написал ей следующее

(Бенджамин Джоуэтт - мисс Найтингейл.) Я не могу позволить новому году начаться без того, чтобы не послать мои самые лучшие и добрые пожелания вам и вашей работе: Я могу только пожелать, чтобы вы продолжали делать то, что делаете, на свой лад. Уменьшая человеческие страдания и выступая от имени тех, кто не может высказаться, с меньшими страданиями для себя, если это, как я боюсь, не является необходимым условием жизни, которую вы выбрали. 23 года назад, когда вы вернулись домой из Крыма, в вас было много романтических чувств (я действительно верю, что вы могли бы стать герцогиней, если бы лучше разыграли свои карты!) А теперь вы работаете молча, и никто не знает, сколько жизней спасли ваши медсестры в больницах (вы открыли новую эру в сестринском деле); сколько тысяч солдат, которые могли бы стать жертвами плохого воздуха, плохой воды, плохого дренажа и вентиляции, теперь живы благодаря вашей предусмотрительности и

усердию; сколько уроженцев Индии (их можно пересчитать, наверное, на сотни тысяч) в этом и последующих поколениях были спасены от голода, угнетения и долгов благодаря энергии больной дамы, которая едва может подняться с постели. Мир не знает всего этого и не задумывается об этом. Но я знаю это и часто думаю об этом, и я хочу, чтобы вы узнали об этом, чтобы в более поздние годы своего пути вы увидели (с долей печали), какой благословенной была и есть ваша жизнь. Есть ли что-то, что вы могли бы сделать или хотели бы сделать, кроме того, что вы делаете? Хотя вы перегружены и чувствуете себя подавленным тем грузом, который на вас лежит. Я думаю, что и романтика, связанная с прошлым, принесла много пользы. Как и доктор Пьюзи, вы - Миф в своем собственном времени. Знаете ли вы, что тысячи девушек в возрасте от 18 до 23 лет названы в вашу честь? Как вы однажды сказали мне, "мир не был к вам недобр". Все слышали о вас и у всех есть приятные ассоциации с вашим именем. Прошло около 17 лет с тех пор, как мы впервые подружились. Как я могу должным образом отблагодарить вас за всю вашу доброту и сочувствие, которые не иссякали, когда у вас было так много других забот? Я не смог сделать так много, как вы от меня ожидали, и, вероятно, [322] никогда не смогу, хотя и не откажусь от честолубия. Но меня слишком многое отвлекало, и я не был достаточно силен для этого места. Я буду продолжать так спокойно и усердно, как только смогу. Если я когда-нибудь добьюсь большего, это будет в основном ваша заслуга: ваша дружба укрепляла и помогала мне, и никогда не была источником ни малейшей боли или сожаления. Прощайте. Пусть последующие годы вашей жизни будут яснее, счастливее и полезнее предыдущих! Если вы поверите, так и будет.

В примере мистера Джоуэтта его друг нашел силу и помощь, как и он в ее примере. "Он отдает себя Оксфорду", - говорила она о нем с восхищением; а она отдавала все свои силы делу, которому служила. Ей предстояло еще много лет, в течение которых она могла неустанно работать на благо этих целей. Ее жизнь была не менее полезной, чем прежде, и, возможно, поскольку с годами она становилась все более спокойной, ее жизнь была также более ясной. Но счастья, как считают в мире, она не достигла и не желала. У нее был друг, который терял свою преданность высоким идеалам, как ей казалось, в домашнем довольстве. "О Счастье, - говорила она о нем, - подобно плоду хлебного дерева, как ты развращаешь и парализуешь человеческую природу!"

ГЛАВА VI

ЛОРД РИПОН И ГЕНЕРАЛ ГОРДОН (1880-1885)

Я благодарю Бога за все, что Он делает в Индии через лорда Рипона. Флоренс Найтингейл (1884).

Генерал Гордон был храбрейшим из людей, когда дело касалось Бога и других, и его мужество возрастало в одиночестве. Он был самым кротким из людей, когда дело касалось только его самого. Нельзя сказать, что он был самым бескорыстным из людей: у него не было своего "я". - Флоренс Найтингейл (1886).

"Саут-стрит, 2 февраля [1880 г.]. Дорогая моя мама уснула сразу после полуночи, после сильного изнеможения и боли. Последние три часа прошли в прекрасном покое, и все это время она могла слушать и повторять свои любимые гимны и молитвы и улыбаться, как бы говоря: "Я умираю, все в порядке". Затем в девять часов вечера она сама приготовилась к

смерти: сложила руки, закрыла глаза, легла, и через три часа ушла в Большую Любовь, чем наша.... Помните, что говорит Иезекииль: "И вечером умерла жена моя, и я сделал утром, как мне было велено"".[194] Матери мисс Найтингейл уже почти исполнилось 93 года. Королева Виктория прислала послание с соболезнованиями, на которое мисс Найтингейл ответила подробностями последних часов, которые, как известно, нравились Ее Величеству, и попросила разрешения обратиться с письмом к императрице Индии о положении дел в этой стране. Разрешение было получено, и, "сделав утром то, что ей было приказано", мисс Найтингейл переключилась с мысли о смерти своей матери на жалобы индийских народов и в общих чертах написала мольбу об их исправлении. Королева ничего не ответила, но вскоре прислала копию *"Жизни принца-консорта"*. Жизнь содержит много информации о знаменитой прокламации к народу Индии, в которой королева и принц-консорт принимали личное участие, и мисс Найтингейл воспользовалась этим фактом, когда у нее появилась возможность обратиться к своей государыне по индийским вопросам.

Тем временем мисс Найтингейл страдала от нервного срыва, и врачи назначили ей морской воздух. Она отправилась на три недели в отель "Грэнвилл" в Рамсгейте, но перемена принесла ей мало пользы. "Врачи говорят мне, - писала она мисс Прингл (28 марта), - что я должна быть "свободна" по крайней мере год "от обязанностей, которые на меня наложили" (и которые, можно сказать, я так плохо выполняла), и от "писем". Но когда же наступит этот год? Однако я считаю, что должна снова уехать на какое-то время, хотя бы для того, чтобы расплатиться с долгами за работу в Индии, которые тяготят меня". В апреле она отправилась на несколько недель в Ситон, где леди Эшбертон предоставила в ее распоряжение Сифорт-Лодж. Ее не беспокоили, но хозяйка приехала из Мелчета на несколько дней, и, как она писала, "испытала глубокую радость от общения с любимым". В следующем месяце мисс Найтингейл провела несколько дней в Клейдоне, где в последующие годы она часто оставалась на более длительное время, проявляя большой интерес к местным делам. Ее сестра была теперь и отныне инвалидом, тяжело страдая от ревматического артрита. По словам сэра Гарри Верни, ничто так не веселило ее, как общество сестры, и теперь, когда смерть миссис Найтингейл сделала визиты в Лиа Херст менее настоящими, они надеялись, что Флоренс "будет относиться к Клейдону больше как к дому", чем раньше. Она сделала то, что ей было велено, и в течение нескольких лет ежегодно приезжала в Клейдон, где до сих пор можно увидеть "комнату Флоренс Найтингейл". В остальном жизнь мисс Найтингейл продолжалась по старинке,[195] и будь то в Клейдоне или на Саут-стрит, субботний год свободы от обязанностей, писем, интервью и "Синих книг" так и не наступил.

//

Весной 1880 года мисс Найтингейл была сильно заинтересована в выборах. Неприязнь к политике лорда Биконсфилда, недавнее общение с мистером Гладстоном, надежды на Индию, интерес к Верни, а также собственная симпатия к либеральным идеям и либерализм, традиционный для ее семьи, делали ее убежденной приверженкой. "Надеюсь, дорогая, - писала она подруге-медсестре (28 марта), - тебе безразличны выборы. Вы находитесь в гуще событий. Сэр Гарри с патриотическим упорством в свои 79 лет ведет проигранную битву в Букингеме.[196] Но что меня радует, так это то, что либеральная сторона обнаруживает, что за последние 6 лет рабочие и трудящиеся проснулись, увидев совершенно новые для них интересы. Тогда, 6 лет назад, мы с трудом добивались слушания: теперь люди забиваются в маленькие жаркие комнаты, борются за место для стояния, пока в течение 3 часов слушают политические разговоры. Независимо от того, победим мы или нет, такой интерес никогда не умрет". Когда победа либералов была одержана, она, как и весь

политический мир, с нетерпением ждала, кто же станет премьер-министром, и больше других людей (за исключением немногих лично заинтересованных) хотела узнать, кто сменил лорда Литтона на посту вице-короля Индии. Утром сэр Гарри Верни присылал ей последние слухи с улицы, а после обеда - из клубов. Должно быть, она была очень рада, когда было объявлено о назначении лорда Рипона в Индию; но любопытно, что об этом нет ни записки, ни записи о его визите, ни какой-либо переписки на данном этапе. Однако они были старыми друзьями, и как только лорд Рипон приступил к работе в Индии, началась переписка, одновременно сердечная и конфиденциальная. Защита индийской политики лорда Рипона был действительно один из поглощающих интересов, которые занимали мисс Найтингейл в годы, охватываемые в этой главе. Другой ее основной заботой было состояние медицинской и госпитальной службы армии - вопрос, который стал неотложным в связи с кампаниями в Южной Африке, Египте и Судане.

Эти два направления работы теперь занимали первое место; но они не заставили мисс Найтингейл отказаться от других обязанностей, и читатель должен получить представление о различных видах работы, описанных в предыдущих главах. Она все еще была занята деталями индийской санитарии, так как *"Санитарный ежегодник"* все еще был представлен ей на пересмотр. К ней по-прежнему обращались за консультациями по вопросам управления сестринским делом и строительства больниц. "Они в затруднении, - писал сэр Гарри Верни (30 января 1881 г.), пересылая заявку такого рода, - поэтому они обращаются к вам - семейному адвокату, к которому мы все обращаемся, когда попадаем в беду, но ваша семья большая - все человечество". Она по-прежнему исполняла роль леди Баунтифул, более чем обычно заботясь о деталях, для своих бедных соседей в деревне. Институт рабочих в Холлоуэе (рядом с Леа Херст) передал ей вопрос о том, следует ли разрешить играть в карты. Она была за карты, но большинство членов комитета было против, и, прежде чем высказать свое мнение, она провела расследование, столь же тщательное и масштабное, как если бы речь шла о холере. И скорее с большим усердием, чем с меньшим, она посвятила себя делам школы Найтингейл и ее старых учеников. Есть годы, в течение которых в этом роде сохранилось до 400 писем от медсестер, и есть сестры, каждой из которых было написано более пятидесяти писем. Она ввела новшество, отправляя своих испытуемых в Национальную школу кулинарии, и просматривала их записи уроков, находя в них подсказки для учителей. Расширение системы подготовки медсестер в лазаретах рабочих домов потребовало увеличения числа медсестер Найтингейл. "Вчера, - писала она мадам Моль (30 июня 1881 года), - мы открыли новый лазарет Мэрилебон (760 коек). Слава Богу, мы обслуживаем его нашими квалифицированными медсестрами! Каждую из этих женщин я вижу в течение трех-четырех часов наедине с собой, прежде чем она приступит к работе". Именно в этот период мисс Найтингейл нанесла свой первый визит в новую больницу Святого Томаса. Она приехала туда 27 января 1882 года и осмотрела помещения своей Школы подготовки и одну из больничных палат. "Прошла всего неделя, - писала Матрона (4 февраля), - с тех пор как вы почтили нас своим более чем желанным присутствием, и я не могу лечь спать, пока не поблагодарю вас за все те восхищения, с которыми вы говорите о *своем доме* и красивом отделении Александры. Никакие мои слова не могут выразить того восторга, который мы испытали, приветствуя вас, нашего горячо любимого шефа, в доме и школе, которые вот уже более 20 лет носят "ее почетное имя"". Приближалось время, когда воспитанники школы должны были пойти по стопам своего шефа и нести сестринскую службу на Востоке.

В апреле 1880 года к числу друзей-героев мисс Найтингейл добавилось заметное пополнение. Генерал Гордон представился ей, чтобы познакомить со своей кузиной, миссис Хоторн. Она была женой полковника инженерных войск и посвятила себя доброй работе в военных госпиталях. На нее произвела тягостное впечатление неэффективность санитаров, и она умоляла генерала Гордона "обратиться к мисс Найтингейл" по этому вопросу. Характер "китайца Гордона" и без того был очень симпатичен мисс Найтингейл, а личное отношение к ней еще больше усилило ее восхищение. В то же время она приобрела в лице его кузена друга, к которому горячо привязалась и который служил ей глазами и ушами, что позволяло ей продвигать полезные реформы. Письма генерала Гордона понравились мисс Найтингейл как письма родственной души.

(Генерал Гордон - мисс Найтингейл.) 22 апреля [1880]. В наши дни, когда так много говорят о престиже Англии и т. д., и т. п. я не могу не испытывать горьких чувств, когда задумываюсь о том, как мало мы заботимся о тех, кто рядом, и как мы исповедуем заботу о тех, кто далеко. Вы написали несколько добрых слов на вашей открытке, когда я звонила, и я очень вам благодарна за них, но я не думаю, что я сделала ⁽¹⁾/₂₀ часть или страдала, как медсестра больницы, которая, забытая миром, трудится в безвестности. *(29 апреля.)* Я и сам не знаю подробностей. Я взялся за эту газету по просьбе моего кузена, будучи уверенным, что самый верный способ привлечь новобранцев в нашу армию - это настолько исправить недостатки и облегчить страдания солдат, чтобы повсеместно признать, что о солдате заботятся во всех отношениях. Награды могут сделать армию популярной для немногих, но для того, чтобы сделать это для общественности, необходимо должное и внимательное отношение ко многим. Меня поражает, как [328] великие люди, обладающие всеми возможностями для исправления этих мелких недостатков, гордящиеся престижем нашего имени, чье время должно так сильно зависеть от их рук, могут год за годом оставаться невнимательными к больным и страдающим. Я говорю по собственному опыту, когда говорю, что и в Китае, и в Судане я завоевал сердца своих солдат (которые готовы на все ради меня) не своей справедливостью и т. д., а тем, что заботился о них, когда они были больны и ранены, и постоянно навещал Hospitals.... [Если вы не можете нам помочь] хорошо! Я опираюсь на свой стих "Если ты видишь угнетение бедных и жестокое извращение суда, не дивись этому, ибо Тот, Кто выше Всевышнего, смотрит на это".

Мисс Найтингейл сразу же взялась за дело. Она облекла дело в форму и передала его через сэра Гарри Верни военному министру мистеру Чилдерсу, который обещал рассмотреть его. Вскоре он запросил отчет о работе санитаров в госпиталях, и в августе мисс Найтингейл был направлен ответ министерства. "Я видела такие ответы, - писала она, [197], - во время Крымской войны. Пациент умер из-за пренебрежения и отсутствия надлежащего ухода; но по правилам он не должен был умереть; поэтому обвинение в том, что он умер, отклоняется". В данном случае обвинения не были сняты, о чем мы узнаем далее.

В начале мая генерал Гордон покинул Англию в качестве личного секретаря лорда Рипона, а перед отъездом отправил одну из своих "маленьких книг утешения" мисс Найтингейл. Он отказался от этого нелепого назначения почти сразу после того, как достиг Индии, и после специальной миссии в Китае вернулся в Англию. Он увидел мисс Найтингейл и объявил о своем намерении отправиться в Сирию. Мисс Найтингейл упрекнула его. Его прошлое требовало большего от его будущего, чем любопытное путешествие по Востоку. Почему бы ему не вернуться в Индию в неофициальном качестве? Она могла бы рассказать ему о том, что там ему предстоит много работы.

(Генерал Гордон - мисс Найтингейл.) Саутгемптон, 4 апреля [1881 г.]. Вы написали обо мне очень любезно и слишком высоко, ибо я не нахожу в своем сердце никаких ответных чувств, которые позволили бы мне претендовать на такую похвалу. Я объясню, в каком положении я нахожусь. [329] Я считаю, что жизнь моя кончена, что я никогда не смогу стремиться к работе или искать ее, когда голос должен быть приглушен до какой-то определенной ноты; поэтому я говорю, что она кончена, и единственное, что мне теперь остается, - это плыть по течению к своему естественному концу и в стремлении сделать то небольшое хорошее, на что я способен. Сирия не является для меня привлекательной страной, все земли безразличны. Я еду туда не из любопытства, а просто потому, что это тихая страна и страна, где малыми средствами можно сделать много хорошего. Вот и вся причина, по которой я туда еду. Я бы поехал на мыс. Я бы поехал в Индию, как вы предлагаете, но я никогда бы не сделал этого, если бы мне пришлось принять шибболет индийских или колониальных официальных классов.... Моя жизнь действительно для меня - соломинка, но я должен жить. Если бы она могла дать вам и всем остальным ощущение того, что все они воскресли во Христе уже сейчас, пусть даже ценой моего вечного существования - такова моя любовь к ближним, но дверь закрыта. Я не могу жить в Англии, ибо, хотя у меня много миллионов в моем доме, здесь я получаю лишь короткое содержание, хотя его вполне достаточно для моих нужд. Я не могу посещать больных в Лондоне: это слишком дорого. Я могу делать это в Сирии, а где больные, там и Господь наш. Я бы сделал все возможное для Индии, но чувствую, что мое появление там не будет разрешено.

Вскоре должно было наступить время, когда желание Гордона, как он знал, не будет исполнено, а его смерть станет вдохновением для многих. В настоящее время мисс Найтингейл надеялась не на Сирию, а на Капскую или какую-нибудь другую колонию; сэр Гарри Верни написал мистеру Гладстону письмо по этому поводу, упомянув ее имя. Она не собиралась этого делать. Никогда не отказывавшаяся вмешиваться в дела, которые могли считаться входящими в ее компетенцию, она категорически возражала против того, чтобы ослаблять свое влияние любым проявлением вмешательства в дела, по которым она имела не больше прав высказывать свое мнение, чем кто-либо другой. Она строго отругала сэра Гарри за его неосмотрительность; но мистер Гладстон прислал дружеский ответ (26 апреля): "он сообщит об этих обстоятельствах лорду Кимберли, который, он уверен, как и он сам, захочет обратиться к услугам полковника Гордона на пользу". Тем временем Гордон, быстрая смена намерений которого в это время, должно быть, озадачивала его друзей, принял военное назначение на Маврикий, за которым, однако, вскоре последовало назначение на Мыс. Перед отъездом из Англии он снова послал мисс Найтингейл несколько своих маленьких книжек.[198] Больше она никогда не видела и не слышала о нем напрямую; но из Брюсселя, за день до своей роковой беседы с британским кабинетом в Лондоне, он написал сэру Гарри Верни (17 января 1884 года): "Я ежедневно прихожу и вижу вас в духе - вас и мисс Найтингейл". И из Хартума (26 февраля): "Я нахожусь среди развалин правительства, и это не самая веселая работа. Однако многие молятся за меня, и если на то будет воля Божья, я надеюсь, что скоро все утихнет. В моем желании мало человеческой надежды, но я заставляю себя доверять Ему. В самом деле, нужно довольствоваться Его помощью, а в действительности я не могу опереться ни на кого другого, потому что у меня ее нет. Если Он не обратит сердца людей к миру, у меня нет надежды. Жаль, что я не могу позвонить и увидеться с вами и мисс Найтингейл, но у меня не было времени". После его смерти она в течение нескольких лет проявляла живой интерес к управлению Гордонским домом для мальчиков. Именно на одном из собраний, связанных с ним, были зачитаны ее слова, приведенные в начале этой главы.[199]

В 1881 и 1882 годах мисс Найтингейл была очень занята индийскими вопросами, и когда политика лорда Рипона была раскрыта, он стал для нее героем, почти сравнимым с генералом Гордоном. Пересылая лорду Рипону копию одной из своих индийских статей, она выражала "глубочайшее почтение и надежду на все те великие меры, с помощью которых вице-король приносит мир народу Индии и выполняет обещания Англии. Да пребудут над ним любовь и благословение народа Индии!" Читатели нынешнего поколения, которые не помнят политических противоречий тридцатилетней давности и знакомы с экспериментами в области индийских реформ, более смелыми в некоторых отношениях, чем те, которые предпринимал лорд Рипон, могут удивиться энтузиазму мисс Найтингейл. Но он был вполне естественным для того, кто придерживался ее взглядов в то время. Восхищение, которое она испытывала к лорду Рипону и его политике, было уравнено страстным отвращением, которое испытывала большая, если не лучшая, часть англо-индийского мнения. Оппозиция против "билля Ильберта", названного так в честь члена Законодательного совета, который его представил, была очень ожесточенной; против некоторых других направлений политики лорда Рипона - едва ли менее ожесточенной. Мисс Найтингейл находилась за кулисами как в Калькутте или Симле, так и в Лондоне: в Индии - благодаря конфиденциальным сообщениям от самого лорда Рипона, в Лондоне - через друзей в Индийском офисе. Она знала, насколько неопределенной была поддержка, которую он получал в своем собственном Совете, и насколько сильной была оппозиция в Совете на Даунинг-стрит. Он был хорошим человеком, борющимся с трудностями, и она стремилась сделать все возможное, чтобы помочь ему. Его реформы были и ее реформами. Она потратила годы труда на то, чтобы разобраться в тонкостях землевладения в Индии. Долгие годы ее сердце было переполнено жалобами земледельцев. И вот теперь лорд Рипон подготовил законопроекты о земельной реформе для Бенгалии и Оудха, которые, если их примут, дадут району защиту от угнетения. Она много думала и писала об индийском образовании.^[200] Недостаточно, - говорила она, - читать Локка и Милля". Ей нужно было образование, которое научило бы народы Индии быть "мужчинами", которое побудило бы их к лучшему развитию сельского хозяйства и промышленности, которое позволило бы каждому *пателю* (деревенскому старосте) понять и внедрить принципы санитарии. Лорд Рипон назначил Комиссию по образованию (1882), которая провела ряд полезных реформ. Что касается "Билля Ильберта", который стремился наделить должным образом квалифицированных местных судей полномочиями, соответствующими их положению, то в глазах мисс Найтингейл он был мерой простой справедливости и долга; это было честное выполнение, в пределах своих возможностей, Прокламации 1858 года, в которой королева заявила о своем желании, чтобы, насколько это возможно, "Наши подданные любой расы или вероисповедания были беспристрастно приняты на нашу службу, обязанности которой они могут быть квалифицированы своим образованием, способностями и честностью должным образом выполнять". Меры лорда Рипона в направлении местного самоуправления также пришлись по душе мисс Найтингейл. Некоторые считают, что лорд Рипон попытался сделать слишком много и слишком мало для "периодов индийской космогонии" лорда Солсбери. Но в этих вопросах кто-то должен начать; и если некоторые из надежд, вызванных заявлениями лорда Рипона, были обречены на разочарование, то опасения его более яростных противников были, по крайней мере, в равной степени опровергнуты событиями. Мисс Найтингейл была среди тех, с кем связывали самые большие надежды. Ее основополагающая доктрина о совершенствовании человека по Божественному приказу побуждала ее видеть в лорде Рипоне провиденциальный инструмент огромных перемен. Она всем сердцем одобряла все, что он предлагал на самом деле, писала ему письма с восторженной поддержкой, а также засыпала его предложениями о дальнейших реформах. В частности, она послала ему схему, в которой с ней сотрудничали

капитан Гальтон, доктор Сазерленд и сэр Ричард Темпл, по санитарной очистке деревень в Индии. Она рассматривала его вице-королевство почти как начало тысячелетия.

Мисс Найтингейл, однако, не была праздным или смутным энтузиастом. Она была из тех, кто, устремляя свой взор к звездам, твердо стоит на земле. Она, как всегда, неутомимо вникала в каждую деталь, в чем ей помогали протоколы и другие документы, предоставленные лордом Рипоном, и продолжала встречаться и переписываться с каждым англо-индийцем или индийкой, которые могли ей помочь или на которых она могла надеяться повлиять. Ее деятельность развивалась по двум основным направлениям. "Индия говорит, - писала она, - "Нам нужна вся помощь, которую вы можете оказать нам из дома"". Поэтому, в первую очередь, она посвятила себя поддержке политики лорда Рипона. Она постоянно вдохновляла сочувствующих дома на новые усилия. Она предлагала собрания и пропаганду. Она писала статьи и помогала писать другим. Она постоянно общалась с сэром Уильямом Уэддерберном. Она познакомилась с мистером А. О. Хьюмом, "отцом Индийского национального конгресса". Она виделась с мистером Дадабхаи Наороджи, мистером Лалмохуном Госе и другими индийскими джентльменами. Но у мисс Найтингейл не было фанатичной веры в ценность законодательных реформ самих по себе. Они стоят не больше, чем общественное мнение и индивидуальные усилия, которые они выражают или вдохновляют. Если политика лорда Рипона действительно должна была положить начало тысячелетию в Индии, необходимо было новое рвение как в англо-индийской администрации, так и среди более образованных слоев населения Индии. В своих беседах с последними она постоянно внушала им, как много каждый из них может сделать для развития санитарии и образования. Она проявляла живой интерес к миссии Зенаны. Она виделась с миссис Шарлиб, когда та отправилась заниматься медициной в Индии, переписывалась с ней и давала ей знакомства. Лорд Робертс приезжал к ней (июнь 1881 года) перед тем, как вступить в должность главнокомандующего в Мадрасе. Мистер Илберт виделся с ней перед тем, как отправиться в качестве судебного члена Совета генерал-губернатора, и они поддерживали переписку. Сэр Маунтстюарт Грант Дафф также звонил ей после своего назначения на пост губернатора Мадраса (июнь 1881 г.), и на протяжении всего срока пребывания в должности он писал, сообщая о ходе работ по всем вопросам, которые могли ее заинтересовать.

Мисс Найтингейл особенно интересовали вопросы развития сельского хозяйства и образования. Она много встречалась с сэром Джеймсом Кэрдом и переписывалась с мистером У. Р. Робертсоном, директором сельскохозяйственного колледжа в Мадрасе. Кандидатам, отобранным на индийскую гражданскую службу, теперь предоставлялась возможность пройти годичное обучение в университете, прежде чем отправиться на службу, а в Баллиоле лектором для них был назначен мистер Арнольд Тойнби. Мисс Найтингейл познакомилась с ним и вела с ним переписку. "Я не знаю ничего, - писала она (30 мая 1882 года), - что рассказывало бы так быстро, так широко, так энергично, как управление гражданской службой Индии. Баллиол посылает своих сырых миссионеров; и за четыре года, прошедших с тех пор, как он был студентом, посмотрите, что может сделать человек!" "Нельзя ли, - предложила она (20 октября 1882 г.), - преподавать сельское и лесное хозяйство, чтобы "по крайней мере обратить внимание ваших студентов на особые нужды Индии, знания о которых часто отсутствуют у ее правителей? В сельскохозяйственной химии, в ботанике (в отношении растений и леса), в геологии (в отношении почв и водоснабжения), в лесном хозяйстве (в отношении осадков и топлива), в физиологии животных (в отношении пород, кормов и болезней скота) в Индии царит невежество. Что, если бы научное сельское хозяйство можно было преподавать в Оксфорде?" В последние годы это было сделано как в Оксфорде, так и в Кембридже. Затем мисс Найтингейл обсудила с мистером Тойнби

важность ознакомления студентов с аграрными условиями в Индии, "чтобы открыть умы этих будущих администраторов и судей к реальному значению их позиции и его ответственности." С этой целью она побудила своего друга, сэра Джорджа Кэмпбелла, прочитать курс лекций в Оксфорде. Из ее собственных работ в этот период[201] наиболее значительным было подробное изложение и защита законопроекта лорда Рипона о землевладении в Бенгалии, судьба которого, как и других его мер, висела на волоске. Эта работа, озаглавленная причудливым образом *"Немой будет говорить, а глухой - слышать, или Райот, земиндар и правительство"*, была прочитана (мистером Фредериком Верни) на заседании Ост-Индской ассоциации в Эксетер-холле 1 июня 1883 года под председательством сэра Бартла Фрере. Доклад был хорошо принят; присутствовало много уважаемых англо-индийцев, и последовало оживленное обсуждение. Мисс Найтингейл напечатала свою статью в виде памфлета и широко распространила ее. Дискуссия показала много различий во мнениях, но каждый выступающий отдал должное знаниям и преданности мисс Найтингейл. Был один, кто смог на основе личного опыта вернуть слушателей к другим сценам, где она завоевала свою первую славу. Это был хирург-майор Винсент Амблер. "Я был болен в госпитале под Балаклавой, - рассказывал он, - и она выхаживала меня во время долгой болезни крымской лихорадкой. Она была со мной, можно сказать, днем и ночью, и именно ее хорошему уходу и энергичному вниманию я обязан своим выздоровлением. До болезни я испытал ее дружбу в Скутари, где больницы были переполнены мертвыми и умирающими, а холера уносила сотни жертв в день; именно среди таких сцен я постоянно видел мисс Найтингейл". Сцены не совсем так ужасно, но все же не совсем другой, были свидетелями в это время в других областях войны; и мисс Найтингейл, хотя уже не в состоянии быть в середине их сама, играл некоторую роль, тем не менее, в служении больным через своих учеников, и в попытке исправить недостатки в администрации, которые испытание войны еще раз показал. К этим сценам, оставив меры лорда Рипона трепетать на волоске, мы и должны теперь обратиться.

V

Египетская кампания 1882 года требовала женщин-медсестер, и мисс Найтингейл работала под большим давлением, отбирая их и организуя детали их экипировки. "Несколько дней я работала на , - рассказывала она миссис Хоторн (3 августа 1882 года), - с 4.30 утра до 10 вечера". Миссис Дибл из Нетли командовала женским корпусом медсестер, состоящим из двадцати четырех человек, в который были зачислены несколько старых учениц школы Найтингейл в Сент-Томасе. Они неоднократно писали своему "шефу" домой, и она постоянно посылала им советы и ободрения. "Тысяча благодарностей за ваше дорогое доброе письмо, которое, кажется, придало мне новые силы для борьбы с нашими многочисленными трудностями". "Как хорошо и любезно, что вы прислали мне эту долгожданную телеграмму. Несколько слов от вас время от времени так ободряют". Таких записок сотни. Дух старого участника кампании возрождался в мисс Найтингейл, когда она читала о волнующих делах, будь то раньше в Южной Африке или сейчас в Египте. Ее дети в армии также не забыли своего старого друга. Среди них было четыре человека, раненных в Маджубе, которые несколько недель находились в госпитале в Нетли. Они потратили время своего выздоровления на изготовление лоскутного одеяла и попросили послать его от них "Флоренс Найтингейл". В ноябре 1882 года гвардейцы начали возвращаться из Египта. Их полком (гренадеров) командовал полковник Филипп Смит, племянник сэра Гарри Верни, который уговорил мисс Найтингейл поехать на вокзал, чтобы увидеть их прибытие. Она была глубоко тронута.

13 ноября [1882]. Впервые за 25 лет я вышла посмотреть на достопримечательность - на вокзал Виктория, чтобы увидеть возвращение пеших гвардейцев. Кто угодно мог бы

гордиться внешним видом этих людей, похожих на дряхлые скелеты или, по крайней мере, на половину своего прежнего размера в поношенной, но хорошо вычищенной агитационной форме; [336] не нарядные и не показушные, а бдительные, молчаливые, стойкие. И ни один из них, я уверен, не считал, что ему нечем гордиться в том, что он сделал; хотя *мы* вполне могли бы гордиться *ими*. Королевская власть была там со своей обычной благородной простотой, чтобы ненавязчиво поприветствовать их. Мужчины, а не королевская семья, должны были быть всем в этом случае. Более проникновенной и менее показной сцены нельзя было и представить.

Так мисс Найтингейл отметила в то время, а позже включила свое описание в одно из писем, которые она время от времени отправляла по просьбе командира, чтобы он зачитал их людям из Волонтерского корпуса в Ромси, недалеко от ее старого дома. Она снова использовала этот случай в обращении к стажерам "Найтингейл" (1883). Несколько дней спустя (18 ноября 1882 года) на параде Конной гвардии состоялся Королевский смотр войск, вернувшихся из египетской кампании, и мисс Найтингейл по приглашению мистера Гладстона присутствовала на трибуне, воздвигнутой в саду премьер-министра. Она сидела между ним и миссис Гладстон, и миссис Гладстон, вспоминая это событие, говорила, что "в дорогих глазах мисс Найтингейл стояли слезы, когда мимо маршировали бедные оборванные парни". Ее присутствие по этому случаю было замечено, и она была приглашена королевой на открытие новых юридических судов (4 декабря). Ей было предоставлено место на помосте, и королева, заметив ее, послала сообщение, чтобы сказать, "как она была рада видеть мисс Найтингейл там, выглядящей хорошо".

Египетская кампания лорда Вулсли в 1882 году была короткой и острой, и с боевой точки зрения прошла великолепно, но среди солдат было много болезней. Боевые действия в эти годы (1880-82), как в Южной Африке, так и в Египте, подвергли испытанию реорганизацию медицинской и госпитальной службы армии, которая была проведена после того, как мисс Найтингейл была "в должности" у Сиднея Герберта. Результат проверки был далеко не удовлетворительным. Действительно, не было скандалов масштаба Крымской войны, а уровень смертности во время египетской кампании может быть справедливо приведен в качестве доказательства того, что с тех пор были достигнуты значительные улучшения.^[202] Но были серьезные недостатки, и мисс Найтингейл сыграла активную роль как в их выявлении, так и в стремлении предотвратить их в будущем. Она была в тесном контакте с организацией работы больницы как в Натале, так и в Египте через своих друзей среди медсестер и посетительниц. Из Наталя одна из них, миссис Хоторн, прислала ей множество фактов, подкрепленных доказательствами, о небрежном отношении к больницам. Мисс Найтингейл написала меморандум по этому вопросу, который она представила, опять же через сэра Гарри Верни, военному министру. Мистер Чайлдерс назначил следственный комитет (июнь 1882 года) под председательством сэра Эвелина Вуда для расследования обвинений. Комитет сообщил, что "усовершенствование системы ухода за больными является как практически возможным, так и желательным". "Это довольно мягкое мнение, - писал сэр Роберт Лойд Линдсей (лорд Вантедж) мисс Найтингейл (23 октября 1882 года), - учитывая, что все независимые свидетельства показали, что санитары часто пьянствовали и буйствовали, что они ели пайки больных, а уход за пациентами оставили на долю выздоравливающих". Затем последовала египетская кампания, в ходе которой было выявлено множество случаев пренебрежения. Комитет был воссоздан (октябрь 1882 года) на расширенной основе под председательством графа Морли с инструкциями по изучению, с особым учетом египетской кампании, организации армейского госпитального корпуса и всего вопроса управления госпиталями и ухода за больными в полевых условиях. Во время этого расследования у мисс Найтингейл был близкий союзник в лице лорда Вантеджа,

который был членом Комитета. Она предложила ему свидетелей и направила ему подробные записки для их допроса. День за днем она знакомилась с протоколами показаний; а когда пришло время готовить отчет, она написала несколько предложений, которые лорд Уонтедж представил председателю. "Я думаю, - писал лорд Уонтедж (5 мая 1883 года), - что отчет, хотя и посвящен деталям и не выходит за их рамки, будет полезен. И я должен сказать, что многие из лучших предложений исходят от вас, за что я прошу вас искренне поблагодарить"; и еще раз, посылая ей раннюю пробу отчета (12 июня): "Я могу только еще раз повторить, насколько ценной была ваша помощь во время расследования. Если государственный секретарь выполнит отчет, некоторые из самых полезных улучшений будут сделаны благодаря вам".

Мисс Найтингейл нашла в этих свидетельствах оправдание своим предчувствиям последних лет. В них говорилось о бедствиях, сравнимых по характеру, хотя и не по масштабам, с теми, что были в Скутари и в Крыму.^[203] Припасы, которые можно было закупить, не были приобретены. Больничное оборудование было неполным. Приготовление пищи было неполноценным, и так далее. Эти недостатки, по мнению мисс Найтингейл, были вызваны тем, что Сидни Герберт не справился со своей работой. Департамент поставщиков, реорганизованный им и ею, был упразднен. В остальном вся их схема реорганизации была основана на полковой системе, от которой теперь отказались в пользу унитарной, хотя во время войны некоторый возврат к прежней системе был необходим. Мисс Найтингейл не осуждала эти изменения сами по себе. Она жаловалась на то, что они не были продуманы во всех деталях и с точки зрения войны. Именно это она имела в виду, когда отмечала ход реорганизации в предыдущие годы и говорила, что ей не хватает административного мастерства.^[204] Теперь она заявила, что с изменениями нужно смириться, и с головой окунулась в работу по оказанию помощи в улучшении ситуации. Она виделась и переписывалась с генеральным директором Медицинского департамента армии доктором Т. Кроуфордом, по ее словам, "такого человека с неугасающей энергией у нас не было со времен Александра".^[205] Она подружилась со многими другими армейскими врачами. Среди них был хирург-майор Г. Дж. Х. Эватт, который служил в Индии, а сейчас учился в Королевской военной академии. Он помогал мисс Найтингейл в подготовке предложений по реорганизации армейского госпитального корпуса в Индии, которые она направила лорду Рипону. С ней консультировались по поводу пересмотра правил для различных направлений медицинской службы. Она постоянно общалась со своими старыми соратниками, капитаном Гальтоном и доктором Сазерлендом, и убеждала первого держать вопрос о реформе на переднем плане, публикуя статьи в газетах и журналах.

VI

В середине 1883 года мисс Найтингейл была в гуще двух своих главных забот - защиты индийской политики лорда Рипона и реформы армейской госпитальной службы - когда ей представилась возможность вставить слово от имени каждого из этих дел в высшем кругу. Знак отличия Королевского Красного Креста был учрежден Королевским ордером 23 апреля 1883 года, и присутствие мисс Найтингейл было запрошено в Виндзоре 5 июля, чтобы получить награду за ее "особые усилия в обеспечении ухода за больными и ранеными солдатами и моряками". По этому случаю ее пригласили поужинать и переночевать в замке. Королева, чей наблюдательный глаз заметил на открытии Юридического суда, что на мисс Найтингейл присутствовал сэр Гарри Верни, надеялась, что он снова будет сопровождать ее. Состояние ее здоровья заставило мисс Найтингейл отказаться от приглашения^[206]; с большей неохотой, потому что были две темы - Индия и армия медицинской службы - на

которых королева позволила ей говорить в предыдущем случае и на которых она бы сейчас высоко ценил возможность говорить снова. Она умоляла разрешить ей вместо этого написать Ее Величеству. Разрешение было дано, и мисс Найтингейл отправила письмо о состоянии медицинской и госпитальной служб армии. Второе письмо содержало разоблачение индийских мер лорда Рипона. В связи с этим один из друзей посоветовал мисс Найтингейл в нескольких словах описать, чем на самом деле является билль Ильберта. Королева, несомненно, читала объемные депеши "об этом и о том", и, возможно, к ней обращались по этому вопросу многочисленные министры, "как будто она была общественным собранием", и, как и большинство ее подданных, возможно, чувствовала себя не намного мудрее. Мисс Найтингейл в следующих словах изложила суть законопроекта и аргументы в его пользу: "Так называемый "билль Ильберта" призван предоставить ограниченные полномочия по рассмотрению дел европейцев за пределами городов-президентов коренным магистратам и судьям, которые после длительной проверки их судейской квалификации на соответствующих должностях показали себя достойными быть вверенными этой обязанности и поднялись до того уровня, когда для их официальной ответственности требуются такие полномочия. Это не новый эксперимент, он уже опробован на скамьях Высоких судов и в главных магистратурах городов президентства". Далее мисс Найтингейл ссылается на "благородную прокламацию" королевы от 1858 года и связывает с ней законопроект Ильберта. "Королева провозгласила, что она допустит коренных жителей Индии к участию в управлении этой страной без различия расы и вероисповедания. Она предложила им получить образование, чтобы иметь возможность служить ей, как это делают англичане. Перед лицом величайших трудностей они, конкурируя с нашими самыми способными молодыми людьми, заняли почетное место и, испытав себя на долгой службе, доказали свою эффективность и надежность". Это было бы катастрофой, продолжала мисс Найтингейл, если бы, поддавшись шуму, правительство королевы отступило от выполнения любезных заверений Ее Величества.

(Сэр Генри Понсонби - мисс Найтингейл.) Осборн, 13 августа [1883]. Королева надеется, что вы простите ее за то, что она сама не отвечает на ваши письма. Ее Величество так постоянно прерывалась на письма, что возложила на меня обязанность передать Вам свою благодарность за два очень интересных сообщения, которые Вы сообразовали направить Ее Величеству.

Что касается "Билля Ильберта", который сейчас так бурно обсуждается, Королева не может не сожалеть о той ярости, с которой этот вопрос рассматривается; но поскольку этот вопрос находится на рассмотрении правительства Ее Величества, Королева не желает в настоящее время выражать какое-либо мнение по поводу этой меры.

Королева получила искреннее удовольствие, наградив знаком Королевского Красного Креста Вас, который так много работал и так много сделал в санитарных отделах армии, и Королева очень благодарна за Ваши замечания по вопросам военной медицины, и с большим интересом прочитала статью в *"Fortnightly Review"* [207], на которую Вы обратили ее внимание. Ее Величество считает, что ваши замечания имеют высочайшую [341] ценность, и полностью разделяет ваше мнение о том, что госпитальная служба должна осуществляться таким образом, чтобы освободить медицинского офицера от забот о деталях, не относящихся к его медицинской работе. Упразднение отдела снабжения и переход от полковой к общей системе, о чем Королева очень сожалеет, были осуществлены по рекомендации офицеров медицинской службы, и Королева отмечает, что те, кто давал показания перед поздним Следственным комитетом, считают, что эти шаги повысили эффективность работы их отдела. В последнее время на эти вопросы было обращено

пристальное внимание Ее Величества, поскольку сейчас рассматривается вопрос о выборе нового коменданта госпиталя Нетли, и обсуждаются сравнительные преимущества назначения офицера-бойца или офицера-медика.

Королева очень сожалеет, что упустила возможность увидеть вас в Виндзоре, но надеется, что в будущем ей повезет больше. Я должен повторить вам благодарность Ее Величества за ваши письма и заверить вас, что Королева всегда будет рада получить от вас любые сообщения.

Практический интерес, который королева Виктория принимала в вопросах армии, возможно, был фактором в быстрой попытке исправить зло, на которое мисс Найтингейл обратила внимание. В следующем году мисс Найтингейл получила через лорда Уонтеджа отчет из военного министерства (17 октября 1884 года), "показывающий, насколько были выполнены рекомендации комитета лорда Морли". Очень немногие из них остались неустраненными - во всяком случае, на бумаге.

Была одна особенность госпитальной службы, которую вышеупомянутые расследования оценили только с похвалой, - это женский медперсонал. Лорд Вулсли, чья служба, как и служба мисс Найтингейл, восходит к Крымской войне, был особенно категоричен в этом вопросе. "Я всегда считал, - говорил он, - что присутствие женщин-медсестер в наших военных госпиталях - дело первостепенной важности. Когда, будучи генералом, я инспектировал госпитали, я всегда чувствовал, что не могу по-настоящему "добраться" до пациентов; немногие мужчины осмелятся говорить против санитаров в госпитале, как бы вы их ни расспрашивали, но они очень свободно скажут все, что думают, женщине-медсестре, которая их обслуживает". Помимо той неисчислимой пользы, которую забота и доброта таких дам приносит больному или раненому солдату, я считаю их присутствие во всех наших госпиталях самым благотворным контролем над всем персоналом. Я уверен, что пациенты в палате, где есть женщина-медсестра, всегда получали бы вино, еду и т. д., заказанные им врачом, и нарушения со стороны санитаров, подобные тем, на которые жаловалась миссис Хоторн, не могли бы иметь места. Поэтому я считаю, что было очень неправильно не пускать эту даму в палаты в Питермарицбурге, и думаю, что было бы желательно обратить внимание в Регламенте королевы на большое преимущество обеспечения помощи женщин-медсестер на всех станциях, как в мирное, так и в военное время".[208] Все это в точности соответствует доктрине, которую проповедовала мисс Найтингейл, когда говорила, что самой важной функцией женщины-медсестры является воспитание мужчин-санитаров. Лорд Вулсли в только что процитированном меморандуме говорил, основываясь на личном опыте в Южной Африке. Последующий опыт работы в Египте подтвердил его мнение, а в своих показаниях перед последующим Комитетом по расследованию он был еще более категоричен. "Использование женского медперсонала в очень большой степени в каждом госпитале" было самым верным путем к эффективности. Женщины-медсестры в Каире, Исфахии и Александрии оказывали "величайшую помощь". "Было очень приятно заходить в палату, где была женщина-медсестра. Их присутствие имело огромное значение". "Если можно так охарактеризовать их, хотя, возможно, это и не самый приятный способ описания, они - лучшие шпионы в госпитале за всеми".[209]

VII

Вскоре медсестрам представилась еще одна возможность доказать свою полезность, но сначала мы должны вернуться вместе с мисс Найтингейл к индийским реформам лорда Рипона, судьба которых в середине 1883 года была еще неясна. "Как вы думаете, в какую сторону, - писала она друзьям, которых могла знать, - направляется буря?" Она призывала

вице-короля "не поддаваться буре, которая бушует вокруг него", и он заверил ее, что не имеет ни малейшего желания делать это, хотя и не прочь принять разумные поправки к своим предложениям. Письма вице-короля показали мисс Найтингейл, что его политика будет нуждаться во всей поддержке, которую могли оказать те, кто был согласен с ней в Англии. Центром бури был билль Ильберта, и письмо лорда Рипона подготовило мисс Найтингейл к предстоящим событиям. "Разумные поправки" были в конце концов приняты, и "Билль Ильберта" был принят (январь 1884 г.). Компромисс заключался в том, что европейцы, судимые местными судьями, должны иметь право требовать присяжных. "Так называемый компромисс - это, по сути, капитуляция", - писал один из друзей мисс Найтингейл из числа радикалов; но со своей стороны она считала, что вице-король мудро уступил в менее важном вопросе, чтобы улучшить перспективы своих более важных мер. Время от времени лорд Рипон сообщал об удовлетворительном прогрессе в их осуществлении. После некоторых трудностей с Индийским офисом ему было разрешено создать сельскохозяйственный департамент в Бенгалии. Перспективы законопроектов о землевладении были благоприятными.^[210] Были приняты законопроекты о местном самоуправлении. Были проведены реформы в сфере образования. Вскоре в Лондоне объявили, что лорд Рипон подал в отставку и вскоре вернется в Англию. Мисс Найтингейл была очень взволнована и обвинила своего друга в "дезертирстве из империи". Лорд Рипон в ответ прислал ей длинное письмо с объяснениями, суть которых сводилась к тому, что он исчерпал свои возможности быть полезным в Индии и что, уйдя в отставку сейчас, а не дослужив свой срок, он с большей вероятностью получит сочувствующего преемника. Преемник был вскоре назначен, и в начале ноября лорд Дафферин пришел, чтобы увидеть мисс Найтингейл. "Мой визит к лорду Дюфферину, - писала она доктору Сазерленду (6 ноября), - состоялся вчера. Мы обсудили многие вопросы - санитарную, землевладение, сельское хозяйство, гражданскую службу и т. д. и т. п. И я должна послать ему записку о каждом из них. Но по поводу санитарных вопросов он говорит, что совершенно невежественен, особенно в вопросах индийской санитарии. Но он говорит: "Дайте мне ваши инструкции, и я буду их выполнять. Я изучу их по дороге. Пришлите мне то, что вы думаете. Подайте порох, и я выстрелю". Дайте мне поскорее инструкции, которые, по вашему мнению, я должен ему послать". Это письмо пришло доктору Сазерленду в пятницу, и она велела ему прислать свои записки "до понедельника". Но, как назло, доктор был занят "работой над холерной бациллой с помощью прекрасного венского микроскопа, купленного с этой целью". Это заняло бы его в пятницу и субботу, а воскресенье было воскресеньем, так что "вице-король должен ждать". Читатель, который помнит предыдущую главу, сможет представить себе гнев мисс Найтингейл. Записки и телеграммы, то язвительные, то умоляющие, быстро следовали одна за другой. "Я не знала, что бацилла имеет большее значение, чем вице-король". "Если бы вы сделали хоть немного в воскресенье, Ангел Записки уронил бы не слезу, а улыбку". Но доктора Сазерленда было не переубедить отказаться ни от своей науки, ни от своего субботства, и в первом случае он привел очень веские аргументы в пользу смягчения приговора. Если холерная бацилла доктора Коха окажется удачной, это открытие спасет гораздо больше жизней, чем мог бы спасти лорд Дафферин, как бы тщательно его ни инструктировали. Мисс Найтингейл не верила в бациллу, но позволила успокоить себя, тем более что оказалось, что лорд Дюфферин уезжает из Лондона на день или два позже, чем она предполагала. Таким образом, она и доктор Сазерленд сотрудничали в деле внушения пятому вице-королю истинных санитарных евангелий. В ее руках сохранился внушительный список "Бумаг для лорда Дюфферина". Поскольку он был верен своему слову, то, должно быть, ему предстояло тяжелое путешествие. Отправляясь в путь, он послал ей одно из своих милых писем:...

(Лорд Дафферин - мисс Найтингейл.) S.S. "Тасмания", 13 ноября [1884 г.]. Моя дорогая мисс Найтингейл, я должным образом получил бумаги, которые вы сообразовали мне прислать, и вы можете быть уверены, что я изучу их с тем вниманием, которого они заслуживают. Я хорошо знаю, насколько вы вправе авторитетно высказываться по индейским вопросам, и могу с уверенностью сказать, что вы продумали множество выводов, обдумывание которых принесет мне огромную пользу. Надеюсь, вы простите меня за то, что я добавлю, что одной из самых приятных "служебных сладостей", которые мне доводилось вкушать, была привилегия, которую я получил, приехав нанести вам этот небольшой визит.

Тем временем мисс Найтингейл, надеясь завершить образование нового вице-короля, написала лорду Рипону отчет о своей беседе, чтобы при встрече он знал, в каких вопросах его преемник больше всего нуждается в индоктринации. Лорд Дафферин еще не успел уехать, как представилась возможность предпринять еще одну попытку евангелизации. В конце ноября мистер Гладстон пришел к мисс Найтингейл. Он пришел без предварительной записи, и она не смогла его принять; но, предположив, что он предложил обсудить индийские вопросы, она послала ему письменное изложение своих взглядов по различным вопросам и попросила разрешения написать еще раз, более подробно остановившись на великолепном послужном списке лорда Рипона. Мистер Гладстон поблагодарил ее (6 декабря) за ценное письмо; сказал, что лучшее, что он может сделать из него, - это обратить на него внимание лорда Кимберли^[211]; и добавил, что был бы очень рад услышать ее мнение об управлении лорда Рипона. Она хотела заинтересовать мистера Гладстона и была разочарована тем, что он передал ее письмо только лорду Кимберли, который, по ее мнению, имел в виду Совет по делам Индии, орган, не симпатизирующий политике Рипона. Но поскольку ей представился удобный случай, она предприняла еще одну попытку. Мистер Гладстон, конечно, в целом симпатизировал лорду Рипону, но она хотела, чтобы премьер-министр в своих речах уделял больше внимания внутренним реформам Индии. Ей это не удалось. "Хотелось бы надеяться, - писал друг, хорошо знавший и Индию, и мистера Гладстона (4 января 1885 года), - что вы сможете произвести на него какое-то реальное впечатление; но в его возрасте и в это время, когда у него так много дел, чего можно ожидать? Он никогда не думал об Индии, а теперь уже слишком поздно". Не только мистер Гладстон был занят в это время другими вещами, кроме благополучия индийских народов. Мисс Найтингейл вскоре обнаружила это. Лорд Рипон должен был почти приехать в Англию. По ее мнению, он должен встретить такой же восторженный прием, как и генерал-завоеватель. Поскольку никаких признаков такой подготовки не наблюдалось, она упорно, хотя и без особого успеха, работала над организацией приема в виде хвалебных статей в различных газетах и обзорах.^[212] Она сама написала восторженную благодарность, но не захотела ее подписать. Редакторы были готовы опубликовать все, что мисс Флоренс Найтингейл даст свое имя, но для статей в похвалу политики лорда Рипона без этой достопримечательности не было спроса. Как только выяснилось, что предлагаемая статья была всего лишь неподписанной или подписанной каким-то ее выдвигателем, редакторы с одного согласия обнаружили, что необходимость в пространстве не позволяет ее опубликовать. И это было неудивительно, ведь Хартум пал, а правительство пошатнулось. Мисс Найтингейл, как никто другой, живо интересовалась этими вещами; но мало кто, кроме нее самой, знал, что постоянные проблемы индийской администрации были вопросами "жизни и смерти", не менее страстно интересными, чем судьба героя или падение министерства.

В августе 1884 года лорд Вулсли был назначен командиром экспедиции Гордона по оказанию помощи. В Египте уже были женщины-медсестры. Некоторые из них были оставлены в Каире после Арабинской кампании 1882 года. Другие были отправлены в Суакин во время "военных операций" 1883 года. Теперь правительство прислало еще больше, и некоторым было приказано отправиться вверх по Нилу в Вади-Хальфу. Мисс Найтингейл считала это большим событием. "Лютер говорит, - писала она мисс Прингл (Клейдон, 11 октября 1884 года), - что он смотрит и видит твердь, которую Бог создал без столбов, а мы, жалкие люди, всегда боимся, что она рухнет, если мы не сделаем свои маленькие столбы высотой в полфута. Прошло 34 года с тех пор, как я побывал в Вади Хальфа. Как мало я мог подумать, что там теперь будут обученные медсестры! О неверная я, которая думает, что Бог не может создать свой небосвод без столбов". Но религия мисс Найтингейл предполагала, как мы знаем, "работу с Богом". Конечный результат не зависел от маленьких столбов; но они должны быть установлены для того, чего они стоят, не меньше, и мисс Найтингейл бросила себя, сердце и душу, в продвижение египетской кампании медсестер. Вскоре по частной инициативе было отправлено еще больше медсестер - одни по инициативе Национального общества помощи, другие - по инициативе дамского комитета. 20 февраля 1885 года леди Розбери приехала на Саут-стрит. Она, миссис Гладстон, леди Солсбери и другие дамы, а также принцесса Уэльская предложили создать собственный комитет, чтобы посылать дополнительные предметы комфорта для больных и раненых, а также дополнительных медсестер. Чтобы обеспечить единство управления, и в лояльности к обществу лорда Вантеджа, мисс Найтингейл посоветовала не создавать отдельную организацию, и комитет, к которому она согласилась присоединиться, был воссоздан как "Отделение принцессы Уэльской Национального общества помощи". Старшей из медсестер, присланных правительством, была одна из самых дорогих учениц мисс Найтингейл, мисс Рейчел Уильямс, с которой мы уже познакомились под ее прозвищем "Богиня". У нее было неважное здоровье, и она сильно переживала. Пока шли приготовления, она оставалась на Саут-стрит, и мисс Найтингейл сообщила об отъезде мисс Прингл (4 марта): "Наша дорогая отправилась сегодня утром на корабле *"Наварино"* с семьей медсестрами в Суэц. Если бы вы, как и я, видели, как в тот момент, когда было решено, что ей предстоит эта работа, с нее свалились тучи и груз, и она снова стала Богиней, и к ней вернулась ее молодость, вы бы почувствовали, как она говорит, что провиденциальная доброта открывала и направляла каждый шаг ее пути. Как только ее назначили, она выглядела такой же красивой и прекрасной, как всегда".

Быстрота решений мисс Найтингейл, ее память на детали, ее забота о других даже в мелочах, ее доброта сердца, переплетающаяся с практическим инстинктом, сочетание игривости и серьезности ее манеры - все это иллюстрируется воспоминаниями другого члена партии, которая отплыла в Египет на корабле *"Наварино"*: - Я тогда была сестрой одной из сестер.

Я был тогда сестрой одного из хирургических отделений в Королевском [348] колледже. Это случилось в субботу в феврале, около полудня, как раз когда я должна была посетить операционные из своей палаты, в дверях палаты появился однорукий комиссар: "Записка для сестры Филиппы от мисс Найтингейл", - сказал он. Просьба, содержащаяся в ней, была характерна для писательницы - решительная, но доброжелательная. Если да, то в понедельник в 8.30 утра я должна быть у нее дома для получения инструкций, в 11 утра - в Мальборо-хаус на собеседование с королевой Александрой (в то время принцессой Уэльской), а сразу после этого - в Messrs. Cappers, Gracechurch Street, чтобы мне подобрали военную форму. Я также хотел бы позавтракать с ней в среду, чтобы она "могла проверить, как сидит моя форма, и пожелать мне божьей скорости". Спустя месяцы, когда война

закончилась и мы спокойно беседовали о делах в Клейдоне, она с удовольствием рассказывала о многочисленных мелочах тех трех дней, проведенных в спешке! Снова и снова она вспоминала тот день, когда мне пришлось стоять рядом с пациентом в операционной, механически ожидая хирургов, внешне спокойный, но внутренне, как я ей рассказывал, охваченный волнением, не столько от мысли, что мне предстоит отправиться на фронт, сколько от того, что она выбрала меня, чтобы я пошел по ее стопам.

В вышеупомянутый понедельник, точно в половине восьмого, я прибыл на Саут-стрит, гадая, как меня примут, но не прошло и десяти минут, как все удивления и догадки сменились безграничным восхищением и (даже при таком раннем знакомстве) привязанностью к радушной старушке, которая консультировала меня как медсестра, опекала меня как выходца из ее Дома и призывала не щадить себя - особенно себя - когда речь идет о солдатах. "Помните, - говорила она, - когда вы окажетесь далеко за городом, возможно, единственной англичанкой, эти люди будут отмечать и помнить каждый ваш поступок, не только как медсестры, но и как женщины; ваша жизнь для них будет подобна звону камешка, брошенного в пруд - далеко, широко - каждая рябь не поддается вашему пониманию, но помнится почти до преувеличения тем солдатам, которые лежат беспомощные в своей болезни. Следите за тем, чтобы каждое ваше слово и поступок были достойны вашей профессии и вашей женственности". Затем она попросила меня принять дорожную ванну из индийской резины в качестве "прощального подарка одному испытуемому, который однажды напомнил ей о том, что чистота - рядом с благочестием", [213] и в [349] Несмотря на веселый блеск в глазах, когда она это говорила, в них появились слезы тревожной доброты, когда она добавила: "Бог хранит вас в Своей безопасности и делает вас достойными Его доверия - нашими солдатами".

Больше я не видел ее до утра среды. Войсковой корабль, на котором мы должны были отправиться в путь, покинул доки Тилбери в 11 часов, и я должен был позавтракать с мисс Найтингейл в половине седьмого. Пришлось изрядно поторопиться, но этот последний час с ней стоил любых неудобств, и эта картина навсегда останется в моей памяти превыше всего. Она лежит в постели, подушки обрамляют ее доброе лицо с покрытыми кружевом серебристыми волосами и мерцающими глазами. Я часто думаю, что ее чувство юмора, должно быть, связывало ее с солдатами так же крепко, как и ее сочувствие. Кофе, тосты, яйца и мед - "настоящий английский завтрак, милое дитя, - сказала она, - и приятно знать, что ты честно заработаешь следующий, который съешь в Англии". "А если я вообще не вернусь, чтобы поесть?" спросил я. "Ну что ж! Ты и это заслужишь, милое сердце, - тихо ответила она. Кого может удивить, что мы боготворили своего шефа? Другие медсестры отправлялись на том же корабле, что и я, и когда мы вошли в свои каюты, то обнаружили букет цветов для каждой из нас, к которому прилагалась надпись "С Богом, от Флоренс Найтингейл".

Шесть месяцев спустя, в яркий и жаркий августовский полдень, когда египетская кампания осталась в прошлом, в доки Саутгемптона медленно вошел корабль с больными и ранеными солдатами. Пока я помогал перевезти в Нетли несколько самых тяжелых больных, мне передали телеграмму. Она была от мисс Найтингейл: "Я остановился в Клейдоне, чистильщики и маляры во владении 10 South Street, но две комнаты, миссис Нилд [экономка] и теплый прием ожидают вашего прибытия туда. Пользуйтесь ими, сколько пожелаете". По прибытии на Саут-стрит я обнаружил, что все так, как она сказала, а на следующий день первой почтой пришло письмо из Клейдона - *такой* домашний прием! Стоило пережить всю жару и слепящий свет суданских лет, все отсутствие воды, присутствие насекомых и еще сотню и одну неприятность, с которой сталкивается плоть в подобных обстоятельствах, чтобы получить такое приветственное письмо, как это. Оно заканчивалось словами: "Сделайте

Саут-стрит своей штаб-квартирой, пока не закончите работу" (прежде чем я смог покинуть Лондон, нужно было завершить множество деталей, связанных с Национальным обществом помощи), "а потом приезжайте ко мне в Клейдон". Так что после нескольких недель работы в Лондоне я отправился в Клейдон, и там, во время месячного отдыха в одном из самых красивых загородных домов Англии, я научился узнавать и понимать мисс Найтингейл, осознавать, что значит дружба такого характера, как она. "Суть дружбы", - говорит Эмерсон, [350] , - "это нежность и доверие". Никакие слова не описывают нашего шефа лучше, чем эти.

Сестра Филиппа была лишь одной из многих военных медсестер, к которым их шеф проявлял эту нежную дружбу. Во время их службы за границей она постоянно присылала письма с ободрением и советами

(Мисс Уильямс, в Суэц.) 10 South Street, July 3.... Санитары не безнадежны, но не обучены. Правительство сейчас делает все возможное. В мое время они *были* безнадежны. Теперь они подчиняются сестрам. Главная задача сестер - обучать их. Тем хуже, когда сестер так мало, что они *не могут* уделять время обучению этих людей, которые необходимы на поле. Как бы мне хотелось послать вам сразу несколько сестер! Но я в полном недоумении. В ваших телеграммах, которые, как я подозреваю, были продиктованы не вами, говорится: "Достаточно". Если бы я могла помочь вам лечить тифы! Я уверен, *что* вы приносите большую пользу санитарам, хотя сами этого не знаете. Сам факт, что они видят, как вы считаете пренебрежение преступлением, приносит пользу. Как хорошо я знаю их смертельные случаи небрежного отношения к больным тифом! Но 30 лет назад женщины-медсестры были такими же плохими. Посмотрите на разницу сейчас. Есть мисс Уильямс. Не унывайте: боритесь за веру. Мне не нужно говорить это моей дорогой, потому что она сама борется. Да благословит ее Господь! Когда меня не станет, она увидит плоды своих трудов. Трижды за нее! A Dieu. Я преклоняюсь перед Богом. Если бы я был таким же Его слугой, как вы. Интересно, получили ли вы мои письма? Я писал на всех почтах.[214]

(Туда же.) 10 Южная улица, 17 июля [1885 г.]. Вчера гвардейский верблюжий корпус и кавалерийские части вступили в Лондон после смотра королевы в Осборне. Сэр Гарри отправился посмотреть, как их инспектирует главнокомандующий в Веллингтонских казармах. (Я бы все отдал, чтобы увидеть встречу с их товарищами, если бы был достаточно здоров, чтобы пойти туда). И он сказал, что это было самое трогательное зрелище, которое он когда-либо видел. Это были люди, которые прошли через пустыню Баюда - горстка людей, нежно заботившихся о горстке раненых, на которых напали в двенадцать раз больше их, - и достигли Нила под Хартумом; но когда пароход достиг Хартума, Хартум пал, а Гордон был мертв. Есть картина Гордона под названием "Последний дозор", где он наблюдает за валами в последнюю ночь. Это очень красиво. Он невидим и [351] один; в его далеких глазах - торжественное счастье от воссоединения с Богом, которое так близко, глубокая скорбь по бедному черному населению, которое он вынужден оставить на произвол судьбы и которое он не смог вызволить; и все же неизменное, верное упование на Бога, что Он все сделает к лучшему. Это была его постоянная молитва - сначала о славе Божьей, затем о благополучии этих людей и о своем собственном унижении, то есть о том, чтобы он, будучи униженным, еще больше ощутил присутствие Бога в себе. Дошли ли уже до ваших людей маленькие "Жизни Гордона"?[215]

Флоренс Найтингейл снова проживала свою крымскую жизнь в жизни своих учеников. Многие мелкие происшествия напомнили ей о былых временах. Одна из медсестер написала, что в ее больнице закончились запасы мыла. "Пошлите в Каир, - ответила мисс Найтингейл, - за любым количеством, которое вам нужно, и я заплачу, но только если вы сможете сделать это, не связывая себя с властями". Другая ее ученица работала медсестрой

в больнице Цитадели в Каире. "Сейчас я дежурю по ночам, - писала она, - и мне это совсем не нравится: на самом деле мне нравится рыскать по этому странному старому месту в полном одиночестве в торжественной ночной обстановке, то и дело слыша низкий голос: "Сестра, не могли бы вы сделать то-то и то-то", "Сестра, не могли бы вы дать мне что-нибудь, чтобы облегчить мое лицо" и т. д. и т. п., а потом кормить в указанное время голодных больных энтеритом, которые по очереди открывают рот, как множество маленьких птичек!" Картина, нарисованная в этом письме, и изюминка, которую оно демонстрировало, очень понравились мисс Найтингейл, и она передала его старым ученикам дома. Они были в восторге. Счастливая Сибил! говорили они; она делает работу, подобную той, что выполнял вождь в Скутари! Еще одна Леди с лампой среди мерцающего мрака! А мисс Найтингейл, получившая от медицинских властей армии самые удовлетворительные отчеты об услугах, оказанных ее медсестрами, радовалась их успехам и пользе. Она улыбнулась бы любому ученику "при первом же ударе, который передал бы то, что *она* могла сделать".

И все же к благодарности за то, что она смогла показать путь другим, примешивалось что-то вроде тоскливого сожаления о старости. В административной работе медслужбы на фронте было много такого, что она могла бы организовать лучше. В одной из газет был абзац о привлекательности "послеобеденного чая в палатке медсестер", который причинял ей боль (хотя, как я думаю, речь шла не о ее собственных медсестрах Найтингейл). Ободряющая, веселая, помогающая другим, она сама по себе была грустной и почти мрачной. Напрасно мистер Джоуэтт все еще советовал ей остановиться на всем, что она смогла сделать, на многих благословениях, которые сопутствовали ее работе. "Вы, наверное, почувствовали смерть генерала Гордона, - писал он (22 февраля), - как никто другой. Какими жалкими созданиями кажутся большинство из нас по сравнению с ним! Но не вы, не вы!" Но нота, которую она затронула в своем следующем обращении к стажерам, заключалась в смирении. Старые друзья и товарищи умирали. В 1882 году в Париже умерла дорогая подруга ее детства - мадам Моль. В том же году умер доктор Фарр - один из основателей в этой стране ее любимой науки статистики и ее соратник по работе с Сиднеем Гербертом. Один из самых ценных ее союзников в последующей работе над Индией - сэр Бартл Фрере - умер в 1884 году. В предыдущем году умер еще более старый друг и один из самых мудрых ее советчиков - сэр Джон Макнил. Он прислал ей копию последней своей работы - предисловия к новому изданию *"Ответа сэра Александра Туллока совету директоров Челси"*, в котором сэр Джон, в свою очередь, отвечал на версию этого дела, изложенную мистером Кинглейком.^[216] Ее письмо к нему, отправленное "с глубочайшей привязанностью и почтением", было выдержано в мрачных тонах. Переписка напоминала о былых временах, но опять же "как мало было сделано для постоянного прогресса!". Ей казалось, что осталась только она одна, и она так недостойна! Какие возможности ей были предоставлены! Как мало она смогла ими воспользоваться! Бывали "темные ночи души", когда подобное самооскорбление было тягостным. Но несколько лет жизни, возможно, еще будут дарованы ей. Тем преданнее она посвятит их высшему служению. "Сегодня, - писала она (в день Рождества 1885 года), - позволь мне посвятить Тебе эту бедную старую развалившуюся женщину. Вот служанка Господня. Я была служанкой Твоей в детстве. Как же я оступилась!"

ГЛАВА VII

"БОРЬБА МЕДСЕСТЕР"; И ЗДОРОВЬЕ В ДЕРЕВНЕ (1885-1893)

Сестринское дело нельзя сформулировать, как инженерное дело. Ее нельзя пронумеровать или зарегистрировать, как население. Флоренс Найтингейл (1890).

Что можно сделать для здоровья дома без домашней женщины? На Западе, как и на Востоке, женщины нужны в качестве миссионеров сельского здравоохранения. Флоренс Найтингейл (1893).

Период жизни мисс Найтингейл, рассматриваемый в этой главе, включает в себя год юбилея королевы Виктории, который мисс Найтингейл также считала *своим* юбилейным годом. Она установила свой эффективный призыв на 7 февраля 1837 года. В 1887 году ей исполнилось пятьдесят лет, которые она посвятила служению. В августе, месяце, который был для нее памятным, она оглядывалась на прошлое и окружающее ее настоящее и пребывала в подавленном настроении: - (Мисс Найтингейл - миссис Найтингейл).

(Мисс Найтингейл - миссис С. Смит.) Клейдон-Хаус, 5 августа [1887]. Дорогая тетя Мэй - всегда думаю о вас, скорблю о ваших страданиях, надеюсь, что вам еще предстоит наслаждаться. В этом месяце 34 года назад ты поселила меня на Харли-стрит (12 августа). А в этом месяце 31 год назад вы вернули меня в Англию из Скутари (7 августа). И в этом месяце 30 лет назад была завершена работа первой Королевской комиссии (7 августа). И с тех пор прошло 30 лет работы, которую часто резали на куски, но никогда не уничтожали. Да благословит вас Господь! В этом месяце 26 лет назад умер Сидни Герберт после пяти лет работы для нас (2 августа). В этом месяце 24 года назад была завершена работа второй Королевской комиссии (Индия). И в этом месяце этого года, похоже, все придется делать заново. И в этом месяце этого года работа в больнице Святого Томаса, кажется, должна быть сделана снова - смена матроны - после 27 лет. И в этом месяце этого года кажется, что мои силы иссякли и наступила старость. Пусть Отец [354] Всемогущий, Непреодолимый - ибо Любовь непреодолима, - чья это работа и ничья другая, ведет ее всегда, как вел Он, пока я не справлялся с ней. Пусть Он делает в нас то, что хочет, чтобы мы делали. Да благословит тебя Господь, дорогая тетя Мэй. Как всегда твоя старая и любящая Фло.

И в этом месяце Флоренс Найтингейл тоже должна была умереть; но ей впервые было даровано почти четверть века жизни, и большую часть этого времени она оставалась в полном распоряжении своих способностей. Хотя для молодых медсестер она могла показаться "старухой", другие отмечали, что она выглядела удивительно свежо и молодо для своих лет. Если старость и наступила, то ее силы ни в коем случае не иссякли, и во многих направлениях ее работа, хотя иногда и с большими трудностями, продолжала процветать. В первую очередь мы рассмотрим ее работу в мире медсестер.

"Смена матроны" в больнице Святого Томаса, вызванная уходом миссис Уордропер, вряд ли была такой трагедией, какой она казалась мисс Найтингейл. Миссис Уордропер сделала свою работу, и были более молодые женщины, способные занять это место. Мистер Джоуэтт часто умолял мисс Найтингейл помнить, что "нет необходимого мужчины или женщины" - "даже", как, осмелев, он однажды добавил, "себя". Но в данном случае руководительница школы Найтингейл еще не ушла на пенсию, и она все еще могла бы руководить ею - возможно, даже более пристально при новой матроне. В течение многих лет мисс Найтингейл продолжала поддерживать тесную связь со своей школой, которая была

описана в предыдущей главе: она постоянно виделась с сестрами, лично знакомилась с медсестрами, общалась с их медицинскими инструкторами, читала их дневники и экзаменационные работы. Ее сердце еще больше прикипело к работе, когда она добилась назначения на должность преемницы миссис Уордропер своей дорогой подруги мисс Прингл. Вскоре, однако, произошло то, что стало тяжелым ударом для мисс Найтингейл. Мисс Прингл присоединилась к римскому причастию, и ей пришлось уйти в отставку с поста матроны церкви Святого Томаса. Месяцы неустроенности, предшествовавшие обращению, были полны горя для мисс Найтингейл. Действительно, ее заметки и размышления показывают, что "потеря" ее любимой ученицы была одной из самых тяжелых печалей в ее жизни; но она слишком хорошо любила своего друга, чтобы горе оставило неизгладимую горечь. Снова и снова в своих размышлениях она записывала строки из "*Qua Cursum Ventus*" Клафа. Мисс Прингл сменила мисс Гордон, старая ученица школы Найтингейл; они с мисс Найтингейл быстро стали лучшими подругами, и в школе все пошло как прежде. Все эти изменения, с тонким взвешиванием соперничающих претензий, а иногда и с тревожным конфликтом личных амбиций, вызывали у мисс Найтингейл сильное беспокойство. Будучи очень совестливой, остро чувствующей и видящей в каждом изменении огромный потенциал добра или зла, она не могла относиться к таким вещам как к простому делу. Бывали премьер-министры, которые не могли спать ночами от чувства ответственности, вызванного церковным преферансом; а для мисс Найтингейл выбор суперинтенданта или сестры милосердия был равносителен назначению епископа.

//

Движение для районных медсестер, который всегда был близок к сердцу мисс Найтингейл, и который, в сочетании с мистером Rathbone и другие, она сделала много для продвижения, получил значительное расширение по решению королевы Виктории в 1887 году. Большую часть суммы, представленной в качестве "Подарка к женскому юбилею", королева направила на "уход за больными бедняками в их собственных домах с помощью квалифицированных медсестер". Она назначила герцога Вестминстерского, сэра Резерфорда Алкока и сэра Джеймса Пэджета попечителями фонда и советниками по его управлению. Сэр Джеймс Пейджет проконсультировался с мисс Найтингейл, которая в нескольких беседах внушила ему свое мнение о том, что основными вещами являются подготовка медсестер для работы и объединение их в "дома". Линии "Столичный округ Ассоциация медсестер", которая в течение многих лет была в значительной степени поддерживается медсестер, обученных в школе Найтингейл и гранты из Фонда Найтингейл, были приняты в качестве основы "Юбилейный институт для медсестер", и Ассоциация в настоящее время стал аффилированным в Институт. В предисловии, которое она написала в 1890 году к книге, посвященной этим вопросам,[217] мисс Найтингейл сделала предупреждение. "Сейчас наблюдается тенденция к созданию формулы ухода за больными, своего рода литературного выражения. Ни одно живое существо не поддается формуле в меньшей степени, чем медицинская сестра. Сестринское дело должно заботиться о живых телах и духах. Она должна быть сочувствующей. Она не может быть проверена общественными экзаменами, хотя может быть проверена текущим контролем". Королевский юбилейный институт в некотором роде способствовал делу мисс Найтингейл, но у нее были сомнения. "*Vexilla regis prodeunt*; да, но какого короля?" Была ли oriflamme, которая теперь начинала развеиваться над сестринским сообществом, "из небесного огня или из земной ткани?" "Мы становимся модой, - любила говорить мисс Найтингейл, - мы должны быть начеку. Королевская власть улыбается нам; мы должны быть осторожны". Подобные опасения быстро оправдались.

В течение нескольких лет мир медсестер был разорван на две части спором о королевских хартиях и регистрации. Спор длился семь лет (1886-93); мисс Найтингейл была в самой гуще его, и в более критический период спора (1891, 1892) это было ее главным общественным занятием. В 1886 году Ассоциация больниц[218] назначила Комитет по изучению возможности создания Общего реестра медсестер. Комитет выразил яростное несогласие; в 1887 году большинство членов комитета ушло в отставку, а меньшинство основало Британскую ассоциацию медсестер с целью реализации схемы регистрации. В 1888 году Ассоциация больниц назначила второй комитет, который занялся сбором мнений в различных школах подготовки медсестер. Эти школы в большинстве своем выступали против идеи создания общего реестра; однако мнения лидеров как в медицинской профессии, так и в мире медсестер расходились. "Я боюсь, - писала мисс Найтингейл мистеру Бонэм Картеру (20 апреля 1889 года), - чтобы В.Н.А. и анти-В.Н.А. не образовали два враждебных лагеря, судя друг друга по этому тесту, главным или в одиночку. Это было бы катастрофой. Юнионисты и Хоумрулеры показывают нам пример того, что это такое. Они представляют собой два враждебных лагеря, разделяющих семьи. Это похоже на безумие. Например, даже хороший врач или знакомый проверяет, к какому лагерю он принадлежит? Даже врача, агитирующего за прием, спрашивают, кто он - хоумрулианец или юнионист. Я не могу припомнить ничего столь огорчительного со времен Билля о реформе, который я очень хорошо помню, когда обе стороны не встречались друг с другом за ужином". Я не знаю, доходили ли чувства между сторонниками и противниками регистрации до войны на ножах и вилках; но "битва медсестер" (как ее называли в газетах) была жаркой и продолжительной. С боевой точки зрения обе стороны были вполне равны. На каждой стороне были выдающиеся врачи. Преимущество "противников" заключалось в том, что среди них было больше тех, кто дольше всех и ближе всех знаком с подготовкой медсестер; но во главе "сторонников" стояла принцесса. Принцесса Кристиана стала председателем Британской ассоциации медсестер, и когда пришло время подавать заявку на получение хартии, именно принцесса обратилась к королеве. "Это ставит нас в неловкое положение", - сказал мистер Рэтбоун мисс Найтингейл; и, несомненно, так оно и было. Даже среди преданных приверженцев мисс Найтингейл были придворные особы, склонные к подрезке; и были другие люди, которые, возможно, никогда не задумывались над вопросами, были предрасположены поступать так, как поступила принцесса. Пусть каждый участник сражения получит по заслугам за свою личную преданность. "В любом вопросе ухода за больными мисс Найтингейл - мой Папа, - писал мистер Рэтбоун, - и я верю в ее непогрешимость". "Ничто не может нас спасти, - обратился он к самой мисс Найтингейл, - кроме вашего вмешательства". Она не замедлила вмешаться. Предложения были сделаны близкие друзья-сэр Генри Acland и сэр Гарри Верни, что она должна увидеть принцессу Кристиану и попытаться прийти к соглашению; и позже, в 1893 году, когда императрица Фредерик посетил мисс Найтингейл, они возобновили предложение. Но принцесса Кристиана не делала никаких предложений; она была привержена конкретной схеме, отстаиваемой Ассоциацией, президентом которой она была; и для мисс Найтингейл противодействие этой схеме было вопросом жизненно важного принципа. Она бросилась в бой с аргументированным ресурсом, полученным благодаря ее непревзойденному опыту, и со страстной убежденностью, навеянной долгими размышлениями о непоколебимом идеале.

Целями Британской ассоциации медсестер были "объединение всех квалифицированных британских медсестер в члены признанной профессии"; "обеспечение их регистрации на условиях, удовлетворительных для врачей и хирургов, как свидетельство их систематической подготовки"; "объединение их для взаимной помощи и защиты и для преимущества во всех отношениях их профессиональной деятельности"; и "с целью достижения этих целей получение Королевской хартии, включающей Ассоциацию и разрешающей формирование

регистра".[219] Именно вокруг второго и четвертого из этих пунктов и разгорелась основная борьба. Доводы Ассоциации были *на первый взгляд* убедительными. Утверждалось, что реестр медсестер, должным образом сертифицированных как компетентные, станет защитой от самозванцев. Сертификация должна была проводиться Советом, который должен был настаивать на определенном стандарте профессиональной квалификации. В качестве предварительного теста предлагалось провести трехлетнюю стажировку в больнице. С другой стороны, по мнению мисс Найтингейл и ее единомышленников, кажущиеся преимущества Регистра были обманчивы. Кого нужно было защищать? Не больницы: они защищали себя сами, без всякого общего реестра, своими собственными методами. Если кого и следовало защищать, так это общественность; но реестр скорее введет ее в заблуждение, чем защитит. Внесение имени в реестр в лучшем случае лишь подтверждает, что на определенную дату медсестра прошла необходимые испытания; но эта дата может быть давно минувшей, и факт регистрации ничего не скажет о ее последующем поведении или компетентности. Регистрация акушерок отличается от регистрации медсестер, поскольку в первом случае суть дела заключается в определенных технических навыках, а в случае медсестер характер имеет такое же значение, как и любая техническая квалификация. Что касается трехлетнего обучения в больнице, то существуют больницы и госпитали, учебные заведения и учебные школы; и кто должен гарантировать гарантов? Общий реестр не повысит уровень профессии медсестры; он нанесет ущерб лучшим медсестрам, поставив их в один ряд с худшими, и профессии, стереотипно определив минимальный стандарт. Британская ассоциация медсестер опубликовала предварительный "реестр". Мисс Найтингейл проанализировала его и обнаружила, что в случае медсестер, "обученных" в одной больнице, частный реестр этой больницы исключает почти треть тех, кто внесен в реестр B.N.A.; и что реестр другой больницы включает, как "должным образом сертифицированный", только треть тех, кто внесен в реестр B.N.A. как обученный там. "Нельзя отделить хороших от плохих с помощью какого-либо теста или системы экзаменов. Но больше всего и в первую очередь необходимо, чтобы их моральные качества были оценены по достоинству. Все это может быть обеспечено только текущим наблюдением, тестами или экзаменами, которые они получают в своей школе или больнице, а не какими-либо экзаменами от постороннего органа, как это предлагает Британская ассоциация медсестер. В самом деле, те, кто лучше всего справится с этой задачей, скорее всего, будут готовыми и передовыми, а не лучшими медсестрами".[220] Как видно, в этот спор был вовлечен и спорный вопрос о "внутреннем" или "внешнем" обследовании. Но для мисс Найтингейл на карту был поставлен более важный и жизненно важный вопрос. Это был конфликт между двумя идеалами - или, как она бы сказала, между высоким идеалом и материальной целесообразностью. Мистер Джоуэтт, хотя и был согласен с ее мнением, что "медсестры не могут быть зарегистрированы и обследованы в большей степени, чем матери", был огорчен тем, что она так сильно переживала из-за того, что казалось ему таким незначительным вопросом. "Это сравнительная мелочь, - писал он (26 мая 1892 года), - среди всей той работы, которую вы проделали, и вы не должны быть слишком обеспокоены". Для мисс Найтингейл это был не пустяк, а испытание - возможное расставание. Это отвлекало внимание от обучения дома к экзаменационным тестам; это приносило высокое призвание в жертву профессиональному росту. "В жизни всех общественных движений, как ни крути, наступает кризис, - писала она мистеру Джоуэтту (май), - когда с одной стороны появляется любительский, внешний и сертифицирующий или регистрирующий дух, а с другой - меркантильный или покупательно-продажный дух. В случае с сестринским делом это произошло примерно за 30 лет; ведь сестринское дело родилось около 30 лет назад. Нынешнее испытание - это не гонения, а мода; и это приносит всевозможные любительские сплавы, и общественную жизнь вместо жизни по призванию, и *регистрацию* вместо

обучения. С другой стороны, появился меркантильный дух, заставляющий повышать зарплату, несмотря на то, что сестринское дело поднялось из той нищеты, в которой оно находилось, не столько благодаря обучению, сколько благодаря тому, что больница, лазарет или районный дом престарелых стали местом моральной и здоровой охраны, внушающей чувство долга и любовь к своему призванию". Истинный способ "защиты общества" заключался в "расширении домов для частных медсестер на разумных основаниях, при содействии школ подготовки медсестер и больниц"; а не в том, чтобы с помощью чартерного реестра побуждать медсестер "стекаться в учреждения, которые дают самый легкий сертификат при наименьших затратах на обучение". Мисс Найтингейл не могла, таким образом, рассматривать спор как пустяк. Он вызывал у нее дни и ночи тягостного беспокойства. Ее размышления полны уныния и сердечных исканий, горьких и самообвинительных. Принцесса Кристиана, руководствуясь самыми лучшими намерениями, дала свое имя, чтобы подорвать идеалы мисс Найтингейл. Это не может быть справедливо отнесено в вину принцессе; вина должна была лежать на ней, Флоренс Найтингейл, которая злоупотребляла своими возможностями и не смогла внушить свой идеал другим умам. Она была невыгодным слугой. Но здесь, как и во всем остальном, чувствительные упреки ночных часов не оставили следа на работе дня; вернее, они оставили свой след в большей активности и преданности.

В 1889 году наступил момент для решительных действий. Британская ассоциация медсестер объявила о своем намерении подать заявку на получение хартии и приступила к заручению общественной поддержки. Мисс Найтингейл приступила к работе с другой стороны. В это время она познакомилась с мисс Люкес, тогда, как и сейчас (1913 год), матроной Лондонской больницы, которая была категорически против идеи регистрации. Знакомство быстро переросло в дружбу, и отныне к мисс Найтингейл обращались за поддержкой и сочувствием со стороны матроны Лондона, едва ли не меньше, чем со стороны матроны больницы Святого Фомы. Другие школы подготовки медсестер встали в очередь, и был выпущен манифест, объявляющий их намерение противостоять любому ходатайству о хартии. В течение некоторого времени между сторонниками и противниками регистрации велись беспорядочные стычки. В газетах шла оживленная полемика. Листов и памфлетов было столько же, как если бы это был теологический диспут в университете.^[221] В 1891 году Британская ассоциация медсестер подала заявку в Совет по торговле на регистрацию в качестве публичной компании, без добавления слова "Limited" к своему названию. Меморандум и предложенный устав были должным образом поданы, и среди заявленных целей на первом месте снова оказался реестр обученных медсестер, а также право время от времени определять тест для регистрации. Мисс Найтингейл и ее союзники приняли вызов. Через сэра Гарри Верни она обратилась к президенту Торгового совета (сэру Майклу Хиксу-Бичу) с изложением аргументов против Ассоциации. Была представлена встречная петиция, и после всестороннего рассмотрения Совет отклонил заявку. Таким образом, первый бой завершился победой мисс Найтингейл. В том же году в Палате лордов был создан комитет по расследованию деятельности лондонских больниц. Мистер Рэтбоун, которого тренировала мисс Найтингейл, дал показания по вопросу о регистрации медсестер, и комитет выступил против. Вторая победа! Но теперь сторонники регистрации задействовали свои самые грозные резервы. От государя было получено разрешение на использование титула "Королевский". Укрепившись таким образом благодаря благосклонности высших кругов, Британская королевская ассоциация медсестер обратилась к королеве с просьбой о выдаче Королевской хартии. Петиция, как обычно, была передана в специальный комитет Тайного совета, и обе стороны объединили свои силы. Анtireгистраторы собрали фонд для проведения кампании. Мисс Найтингейл обратилась в частном порядке к лорду-президенту Совета и написала различные письма, меморандумы, заявления. Она заручилась

поддержкой медиков. Вокруг нее сплотились ее бывшие ученики, которые теперь руководили школами подготовки медсестер по всей стране. В Тайный совет были поданы две петиции, имеющие особый вес, против Хартии. Одна из них исходила от Совета Фонда Найтингейл, организации, которая была пионером в продвижении обучения медсестер. Другая представляла собой "Петицию исполнительных директоров, матрон, суперинтендантов и главных помощников лондонских и провинциальных больниц и школ подготовки медсестер, а также представителей медицинской профессии и дам, непосредственно связанных с сестринским делом и подготовкой медсестер". Список подписей, занимающий двадцать три страницы формата фолио, возглавила "Флоренс Найтингейл". В подготовке этих документов большая доля принадлежала мисс Найтингейл, хотя значительная часть работы - особенно по обучению юристов, проведению консультаций и т. д. - была выполнена мистером Бонэмом Картером.

В ноябре 1892 года состоялось заседание Комитета Тайного совета, на котором рассматривалось это дело.^[222] О первом дне разбирательства мисс Найтингейл написала отчет, в котором, как мы увидим, она не позволила псам-регистраторам взять верх, но который в то же время выдает серьезную тревогу за результат:-.

(Мисс Найтингейл - сэру Гарри Верни.) 10 Саут-стрит, 22 ноября [1892 г.]. Вчера был первый день слушаний в Тайном совете. В последний момент нам пришлось сменить старшего адвоката, потому что мистер Финлей был занят в избирательном комитете. Поэтому предыдущие четыре дня, как вы можете предположить, были очень напряженными. Нам повезло, что у нас был сэр Ричард Уэбстер. Сэр Хорас Дэйви открыл бал от имени принцессы Кристианы. Его речь была скучной и содержала лишь банальности, которые мы уже который год слышим в пользу Королевской хартии. Судьями были: Лорд Рипон (который оставался только половину времени), Лорд Монсон и два лорда-юриста [Лорд Ханнен и Лорд Хобхаус]. По-видимому, их выбрали, поскольку они ничего не знали об этом вопросе и не входили в комитет лордов по больницам. Наша сторона, сэр Ричард Вебстер, выступил с виртуозной речью - виртуозной от [363] проникательного человека, лишенного риторики, и от того, что он великолепно подготовил наше дело в кратчайшие сроки. Он очень убедительно изложил наше утверждение о том, что медсестрой становится характер, *не поддающийся регистрации*, а не техническая подготовка, и другие наши соображения. Судьи объявили перерыв до понедельника в середине его речи, где он, как и мы, говорил: "Что толку говорить, что медсестра прошла трехлетнее обучение в такой-то больнице? Как вы можете сертифицировать больницу? Он вернется к этой и другим темам в понедельник. Судьи задавали все вопросы - не в меру назойливые, - которые только можно представить людям, совершенно не разбирающимся в предмете, и на которые мы отвечали снова и снова. Сэр Ричард Уэбстер сказал Бонэм Картер в конце вчерашнего дня: "Судьи настроены против нас". Хартия обязуется принимать в реестр только медсестер, прошедших трехлетнее обучение в больнице, что, по мнению судей, не может принести вреда. Но он предоставляет в свои руки то, что может передать весь контроль над тем, что считать обучением. Разве не удивительно, что эти люди не видят этого? Что ж, "мы в руках Божьих, брат, а не в их" (Тайного совета). Во всей моей странной жизни, по которой Бог так верно вел меня (о, если бы я был так же верен Ему, как Он мне!), это самый странный эпизод из всех - видеть, как несколько докторов высочайшего уровня дают свои имена тому, о чем они совершенно ничего не знают. Сэр Джеймс Пэджет сам сказал мне, что имена были выпрошены на придворном балу, - они шли друг за другом, как стадо овец; видеть, как их Совет по регистрации состоит из сэров, лишь один из которых знает хоть что-то о подготовке медсестер (сэр Джеймс Пэджет сам спросил меня, почему медсестры не могут подавать документы, как студенты!!!); видеть, как эти способные, хорошие и проникательные люди игнорируют, что такая вещь

обязательно попадет в клику. Они уже позволили принцессе Кристиане попасть в такую клику. Ее делают орудием два или три человека. "Поднимите головы ваши, врата, и войдет Царь славы". Кто такой Царь Славы? Господь, сильный в битве". О Бог битв, закали сердца солдат против счастливого случая, против придворности, моды и простого зарабатывания денег медсестрами и их обществами! *P.S.* Это испытание обойдется нам не менее чем в 700 фунтов стерлингов.

Комитету потребовалось время, чтобы обдумать свой совет Ее Величеству. В мае 1893 года решение было объявлено. Комитет рекомендовал Ее Величеству в Совете предоставить Хартию в соответствии с пересмотренным ими проектом. 6 июня Хартия была принята.

Каждая сторона заявила о своей победе. *Nursing Record* (15 июня) - орган регистрационистов - утверждал, что они добились всего и даже больше, чем всего, о чем просили, и с гордостью заявлял, что отныне "члены Королевской дипломированной ассоциации будут занимать более высокое положение, чем все остальные". *Госпиталь*, напротив, утверждал, что все это необоснованно, но если "британские медсестры" хотят, чтобы их поздравляли по пустякам, "мы готовы их поздравить" (24 июня). Борьба в Тайном совете теперь превратилась в борьбу в прессе по поводу значения вердикта. Антирегистраторы во главе с мисс Найтингейл и герцогом Вестминстерским изложили свою интерпретацию в спокойном письме в *Times* (3 июля), которое Королевская британская ассоциация медсестер горячо осудила как "неправдивое по сути и вредное по намерениям" (6 июля). Дело в том, что лорды Совета выбрали средний путь. Они выдали Хартию, но в ней вместо слов "ведение списка или *реестра* медсестер с указанием каждой зарегистрированной медсестры" и т. д., они заменили слова "ведение списка лиц, которые могут подать заявку на то, чтобы их имена были внесены в него в качестве медсестер" и т. д. В Хартии не было ничего, что давало бы медсестрам право называть себя "дипломированными" или "зарегистрированными". Мы не будем обсуждать, на что надеялись организаторы; оппоненты опасались, что Хартия будет содержать такие положения, которые дадут Корпорации авторитетное и, возможно, в конечном счете, исключительное право регистрировать медсестер, а также косвенный контроль над обучением медсестер. Такой хартии получено не было, и в этом смысле оппозиция мисс Найтингейл и ее друзей победила. Споры не утихли, но пока что ее мнение продолжает преобладать,^[223] и официальная регистрация медсестер по-прежнему остается благочестивой надеждой для ее сторонников и ересью для ее противников. Мисс Найтингейл очень сожалела о вражде, но стремилась извлечь добро из зла. "Через сорок лет, - писала она мистеру Рэтбоуну (26 февраля 1891 года), - такая схема не будет абсурдной, если промежуточное время будет усердно и успешно использовано для выравнивания, то есть для того, чтобы все медсестры были, по крайней мере, равны самым квалифицированным медсестрам сегодняшнего дня, и для выравнивания школ обучения таким же образом". "Большую пользу можно принести, - писала она мистеру Джоуэту (май 1892 г.), - побудив нашу сторону к более серьезному отношению к (1) предоставлению домов для медсестер во время их работы по уходу за больными и (2) составлению полных реестров *частных* больниц, отслеживающих карьеру медсестер, прошедших обучение в них". Не было лет, в которых мисс Найтингейл сама дала больше мыслей и проблем, чем в 1891-3, чтобы лично заботиться о делах школы Найтингейл.

В докладе, который мисс Найтингейл было предложено внести свой вклад в Конгресс по женской работе, состоявшемся в Чикаго в 1893 году, она рассматривала всю тему сестринского дела.^[224] Эта работа воплощает в методической форме ее характерные взгляды, и в нем она пользуется случаем в нескольких местах, чтобы коснуться косвенно на полемику, описанную на предыдущих страницах. "За последние сорок лет было создано

новое искусство и новая наука. И вместе с ним новая профессия - так говорят они; мы говорим - *призвание*". Она подробно останавливается на условиях, необходимых для создания хорошей школы подготовки медсестер. Она подробно останавливается на опасностях, которым подвергается сестринское дело. Это "мода, с одной стороны, и, как следствие, отсутствие серьезности; простое получение денег, с другой стороны, и механический взгляд на сестринское дело". "Возможно ли, чтобы свидетельство или сертификат о трехлетнем так называемом обучении или работе в больнице - *любой* больнице с определенным количеством коек - принимался как достаточный документ, подтверждающий право медсестры на место в государственном реестре? Точно так же мы не можем принять справку из любого сада с определенным количеством акров о том, что растения признаны ценными, если они три года находились в саду?" Затем возникла "неминуемая опасность стереотипизации вместо прогресса. Ни одна система не может выстоять, если она не движется вперед. Объекты регистрации, которые не могут быть достигнуты с помощью публичного реестра!" Вся статья написана с большим энтузиазмом. Том, в котором она появилась была посвящена принцесса Кристиана.

В следующем году мисс Найтингейл имела некоторую переписку с принцессой, которая, будучи президентом Королевской британской ассоциации медсестер, разработала схему для зачисления "Резерв военных медсестер" через госпитали, и написал, чтобы проконсультироваться с мисс Найтингейл об этом. Госпитальные сестры, согласно этой схеме, должны были находиться "в подчинении у армейских сестер" - медсестры с большим опытом под началом тех, у кого его меньше. Это показалось мисс Найтингейл ошибкой; она отметила и другие детали, в которых схема показалась ей недостаточно продуманной. Она честно указала на них принцессе, но переписка с обеих сторон была сердечной. Письма от принцессы заставляли мисс Найтингейл восклицать: "Как изящно королевская особа умеет делать вещи!" И со своей стороны она желала быть примирительной. "Мы должны, я думаю, искренне стремиться, - писала она, - сделать все возможное для принцессы Кристианы, пока она держит флаг перемирия, чтобы покончить, насколько это возможно, со всеми этими препирательствами, которые так вредят делу".

В течение всего этого спора в голове мисс Найтингейл роились мысли, которые были глубже, чем все те, что были замечены ранее. У нее была эзотерическая концепция сестринского дела, которая заставляла ее рассматривать его как регистрируемый бизнес в свете почти святотатства. "Профессия - так говорят они; мы говорим - *призвание*". И не только призвание, но и форма, в которой можно найти религиозное удовлетворение. Ее мнение выражено в письме, которое она написала мистеру Джоуэтту в 1889 году в ходе дискуссии с ним о необходимости внешних форм для религиозной жизни: "Вы говорите, что "мистическая или духовная религия недостаточна для большинства людей без внешней формы". И я могу сказать, что не помню времени, когда это не было вопросом моей жизни. Не столько для себя, сколько для других. Для меня самой мистической или духовной религии, изложенной в Евангелии от Иоанна, как бы несовершенно я ни жил в соответствии с ней, было и остается достаточно. Но две мысли, которые Бог давал мне всю мою жизнь, были следующими: во-первых, внедрить мистическую религию в формы других людей (всегда считая, что они проявят ее гораздо лучше, чем я), особенно среди женщин, чтобы сделать их "служанками Господа". Во-вторых, дать им организацию для их деятельности, в которой они могли бы обучаться быть "подручными Господа" (обучение женщин было тогда неизвестно, нежелательно, и это открытие последних тридцати лет. Можно было бы заняться школьным образованием бедных, но тогда было особое призвание к больницам и уходу за больными - как санитарному, так и сестринскому делу.) Это была та "организация", с которой мы начали, чтобы привлечь уважаемых женщин и дать религиозным женщинам "форму" для их

деятельности.... Когда очень много лет назад я планировал будущее, моей единственной идеей была не организация больницы, а организация религии". Теперь "подручные Господа" не могут быть сертифицированы внешними экзаменаторами, а религиозная служба не может быть гарантирована регистрами.

Не кажется ли вам такой взгляд на дело несколько трансцендентным? Во всяком случае, он согласуется с другой основополагающей доктриной мисс Найтингейл, которая в применении к этому спору имела сугубо практическую силу. Сестринское дело, считала она, - это прогрессивное искусство, в котором стоять на месте - значит возвращаться назад. Ни одна нота не звучит так часто в ее "Обращениях к медсестрам". Она считала, как уже можно было понять из приведенного выше краткого изложения ее дела, что сторонники регистрации, сознательно или бессознательно, утратили понимание этой важнейшей истины о сестринском деле. Было бы правильно принять меры предосторожности против самозванцев и провести самое полное расследование. Мисс Найтингейл возражала не против мер предосторожности, а против их обманчивого характера; не против тестов, а против их неадекватности. Единственная реальная и достаточная гарантия, в случае искусства, в котором обучение, как технические и моральные, является непрерывным процессом, она считала, что общественность должна быть в состоянии получить *недавнюю* рекомендацию медсестры, которая должна быть передана от одного врача, больницы, или управляющего к другому с чем-то из той же тщательной записи работы и характера, что она сама требовала в случае Nightingale испытуемых и медсестер.

///

Судьба работы мисс Найтингейл в области здравоохранения как в Индии, так и на родине в эти годы была переменчивой, как и в деле подготовки медсестер, но и здесь был достигнут существенный прогресс в нескольких направлениях. Однажды государственный секретарь поступил на работу в Индийский офис, проявляя большой личный интерес к вопросам санитарии. В офисе возникло некоторое волнение. В окружении министра были один или два человека, которые горячо одобряли идею; было и больше тех, кто качал головой. Должно быть, думали они, министр прямо или косвенно слушал "прекрасную чепуху" некой дамы. Он был слишком впечатлительным. Ему не терпелось все сделать, несмотря на требования экономии. Он слишком торопился. Они взяли его под руку, чтобы успокоить. Они думали, что им удалось добиться того, что он удовлетворится тем, что оставит все как есть. Другая сторона начала осознавать перемены. "Необходимо, - писал один из них некой даме, - чтобы вы немедленно увидели его". Этой дамой, которая была надеждой одной стороны и страхом другой, оказалась мисс Найтингейл. Идентифицировать министра нет необходимости, поскольку эти слова, хотя и относятся к конкретному случаю и времени, приведены здесь в качестве общей аллегории. В течение тридцати лет и более, через все изменения и шансы в политическом мире, мисс Найтингейл была постоянная сила, внушая, внушая, вдохновляя, в интересах лучшего санитарного управления.

В течение некоторого времени после первых месяцев 1885 года политическая ситуация была очень неустойчивой. Правительство, сформированное лордом Солсбери после поражения мистера Гладстона в июне, было лишь "кабинетом смотрителей", и мисс Найтингейл не стоило и близко подходить к кому-либо из них. Кроме того, она инстинктивно считала государственного секретаря по делам Индии безнадежным субъектом. Она была права. Лорд Рэндольф Черчилль был против лорда Рипона и за экономию. Когда правительство лорда Солсбери было свергнуто после всеобщих выборов в декабре, мисс Найтингейл по разным каналам обратилась к мистеру Гладстону и умоляла его направить лорда Рипона в министерство Индии. Он отвечал вежливо, но уклончиво, и столь неоднозначное

назначение было явно маловероятным. Лорд Рипон отправился в Адмиралтейство. Последовали волнения, связанные с первым законопроектом о внутреннем самоуправлении; правительство потерпело поражение; потребовались новые всеобщие выборы, и все пришло в смятение. Доктор Сазерленд, желая уйти с государственной службы (ведь ему уже было почти 80), настойчиво просил мисс Найтингейл разработать меры по защите его ведомства после его ухода. Она убеждала его остаться еще на некоторое время. "Во время политических землетрясений последних 8 месяцев, которые все еще продолжаются, нельзя ожидать постоянного интереса, - писала она ему (20 июля 1886 г.), - к тем, кто так мало постоянен. Эта тема мучает меня". Лорд Рипон, приехавший к ней через десять дней, считал, что время в целом неблагоприятно для добрых дел - мнение, которого склонны придерживаться побежденные министры. "В таких делах бывают волны", - сказал он. "Главное - прийти на гребне волны. Вы бы ничего не сделали для армии и санитарии, если бы не катастрофа в Крыму. Теперь волна направлена против Индии".

Мисс Найтингейл, однако, не позволил себе искушать в бездействии этой теории волны. На данный момент, действительно, ничего нельзя было сделать с министрами дома; но она не пренебрегала культивированием отношений с англо-индийцами и индийцами, занимающими влиятельные посты. В 1885 году она добавила в список своих англо-индийских знакомых сэра Невилла Чемберлена и сэра Питера Ламсдена. Лорд Рей посетил ее (март 1885 года) перед отъездом на должность губернатора Бомбея, и она часто переписывалась с ним на санитарные темы. В октябре лорд Робертс приехал перед тем, как отправиться в Индию в качестве главнокомандующего. Мисс Найтингейл уделила большое внимание этому интервью, доктор Сазерленд заранее снабдил ее замечательным резюме того, что еще можно сделать для улучшения здоровья и благосостояния войск. Командование лорда Робертса было плодотворным некоторые реформы, в которых мисс Найтингейл была пионером. Он создал клуб или институт в каждом британском полку и батарее в Индии. Он закрыл столовые. Он открыл кофейни. Он создал Армейскую ассоциацию воздержания.^[225] Ни одно письмо, полученное мисс Найтингейл в юбилейный год, не могло порадовать ее больше, чем то, которое главнокомандующий в Индии отправил ей из Симлы 6 августа. В этом письме лорд Робертс сообщал ей, что правительство Индии санкционировало работу женщин-медсестер в военных госпиталях. Работа должна была начаться в двух крупных военных центрах - Умбалле и Равалпинди, и 18 медсестер с леди-супервайзером в каждом случае должны были быть немедленно отправлены из Англии. Отбор медсестер был поручен генерал-хирургу Артуру Пейну, который в течение следующего месяца провел несколько бесед с мисс Найтингейл. Так, спустя двадцать два года, была реализована схема, которую она представила сэру Джону Лоуренсу. Мисс Найтингейл виделась с суперинтендантами, прежде чем они уходили, и письма от них теперь добавлялись к стопке тех, которые она получала из больниц по всему миру, сообщая о прогрессе или спрашивая совета. Мисс К. Г. Лох писала из Равалпинди (12 апреля 1888 года), рассказывая о том, что, как всегда говорила мисс Найтингейл, обучение санитарок - самое важное дело для медсестер.

Официальное введение женского медперсонала в индийских военных госпиталях было далеко не единственным удовлетворением, которое мисс Найтингейл получила во время вице-королевства лорда Дафферина. Он заявил, что не разбирается в санитарных вопросах Индии, но обещал научиться; и не только он сдержал свое слово, но и леди Дюфферин была очень заинтересована. Она основала "Национальную ассоциацию по оказанию медицинской помощи женщинам Индии". Мисс Найтингейл давно интересовалась этой темой, и леди Дафферин консультировалась с ней на каждом этапе. Одной из первых необходимых вещей, писала леди Дафферин (19 сентября 1885 года), была поставка

санитарных трактатов. "Используя слово "трактат", я имею в виду несколько маленьких книжек на хиндустани, написанных А.Л.О.Е., которые я вынуждена читать в рамках изучения этого языка. Это истории с моралью, и я не понимаю, почему бы не опубликовать нечто подобное с моралью о здоровье". Мисс Найтингейл приложила немало усилий, чтобы собрать подходящий материал, и в течение всего оставшегося времени вице-короля лорда Дюфферина писала ей почти по почте.

IV

Еще больше было "выстрел", во время вице-короля лорда Дюфферина, санитарной "выстрел" поставляется, как он просил, мисс Найтингейл; но мы должны теперь вернуться в Лондон, где, частично из обстоятельств и частично по необходимости, мисс Найтингейл в настоящее время участвует в активной кампании. За эти годы накопилась большая пачка корреспонденции по вопросу, который в некоторых письмах называется "Наследство Сазерленда". Теперь доктор Сазерленд был в глазах мисс Найтингейл незаменимым человеком. Уже не в личном смысле, как это было описано в предыдущей главе; ведь он был уже очень стар и мог помочь ей лишь в редких случаях. Она уже нашла себе преемника в этом личном смысле, или, скорее, ввела в эксплуатацию место доктора Сазерленда. Сэр Уильям Уэддерберн был в эти последние годы ее самым постоянным сотрудником в индийских делах, а в остальных вопросах она полагалась на сэра Дугласа Гальтона.^[226] Она часто обижалась на задержки доктора Сазерленда, но я думаю, что когда сэр Дуглас сменил его, она, возможно, в каком-то смысле спародировала известную кембриджскую эпиграмму: "Бедный доктор Сазерленд! Мы никогда не чувствовали его потери". Ведь сэр Дуглас Гальтон, хотя и был предан служению мисс Найтингейл, был чрезвычайно занятым и много путешествующим человеком, и ей приходилось довольствоваться крохами его времени. "Поскольку это было некоторое время в темные века, - писала она (13 мая 1887 года), - с тех пор как я видела вас в последний раз - моя память, ослабленная годами, не может определить дату в пределах десятилетия, - я воспользовалась первым днем, который вы любезно предложили". И снова (3 декабря 1889 года): "Я должен взять ваши остатки, поскольку нищие не должны быть богатыми. Да, пожалуйста, ваша собака будет видеть вас завтра по дороге из Юстона столько, сколько вы сможете остановиться". Мисс Найтингейл очень полагалась на советы сэра Дугласа Гальтона; она была очень высокого мнения не только о его глубоких познаниях во всех санитарных вопросах, но и о его здравом рассудке в целом. С личной точки зрения доктор Сазерленд уже ушел, но в официальном качестве он по-прежнему был незаменим. Он был главной движущей силой системы санитарного управления, как для домашней армии, так и для Индии, которую создала мисс Найтингейл. Он был единственным оплачиваемым членом и мозгом Санитарного комитета армии, и именно в этот комитет направлялись санитарные отчеты по Индии. Но ему не терпелось уйти на пенсию. В любой момент его здоровье могло ухудшиться, и он мог подать в отставку до того, как были приняты меры по назначению преемника. Пока он оставался на своем посту, никаких изменений, скорее всего, не произошло бы; но если он уйдет в отставку, вполне вероятно, что преемник не будет назначен, и вся система рухнет. О том, что руководители армии не знают о заслугах доктора Сазерленда, мисс Найтингейл узнала за несколько лет до этого. Обсуждая с тогдашним министром какой-то вопрос об армейском медперсонале, она предложила обратиться к доктору Сазерленду. "Кто он?" - спросил министр; "Я никогда не слышал о нем". В индийском офисе все было примерно так же. "Я не думаю, - писал один из друзей (8 сентября 1886 года), - что в этом ведомстве в целом ценят важность тех обзоров

санитарных вопросов Индии, настоящим автором которых до сих пор был доктор Сазерленд". Он опасался, что вся система рухнет, если она не сможет что-то сделать.

Но и это было не все. Санитарная служба в самой Индии была в опасности. Аннексия Бирмы сделал сокращение необходимо; Финансовый комитет был на работе в рекомендации экономии; и мисс Найтингейл получил частную информацию, что санитарные комиссары были отмечены комитета для уничтожения. Казалось, что все здание рушится. Именно это она имела в виду, когда в ретроспективе Юбилея, процитированной в начале главы, она сказала, что работу тридцати лет нужно сделать заново.

Она со всей своей прежней энергией обратилась к усилиям, соизмеримым с грозящим бедствием. В соответствии со своим обычным методом она сначала проконсультировалась со многими влиятельными друзьями (в том числе с лордом Рипоном), а затем начала действовать с большой энергией. Она написала длинное заявление лорду Дафферину (5 ноября). "Я отправил ваше письмо *в развернутом виде*, - ответил он (18 января 1887 года), - главе Финансового комитета. Вы должны понимать, что из того, что Комитет рекомендует что-то, вовсе не следует, что его рекомендация будет, как само собой разумеющееся, принята правительством. Напротив, я буду самым тщательным образом изучать этот вопрос, к которому вы, естественно, проявляете столь глубокий интерес, и постараюсь, чтобы он был тщательно обсужден в Совете моими коллегами с учетом того, что им будет представлена ваша точка зрения". Через несколько месяцев пришли радостные новости:.

(Лорд Дафферин - мисс Найтингейл.) Симла, 20 августа [1887]. Пишу вам, чтобы сообщить, что индийское правительство окончательно решило не санкционировать предложения Финансовой комиссии об упразднении санитарных комиссаров, по поводу которых вы, естественно, были встревожены. Несомненно, Финансовая комиссия смогла доказать, что эти должностные лица смогли сделать очень мало из-за нежелания или, скорее, неспособности местных властей выделять средства, а в некоторых случаях из-за их собственной вялости и отсутствия энергии. Однако сейчас мы взялись за решение этого вопроса, и результатом атаки на ваших протесте будет не их исчезновение, а то, что они будут вынуждены отдать нам деньги, которые мы на них тратим. Я также предлагаю всем местным органам власти поставить всю тему санитарии на более удовлетворительную основу, создать систему согласованных действий и хорошо продуманную программу, в соответствии с которой из года в год будут проводиться их мероприятия. Не могу выразить, насколько я благодарен сэру Гарри Верни за его любезность, с которой он пишет мне такие интересные и приятные письма. В них он время от времени сообщает мне, боюсь, не о вашем благополучии, а о вашей неутомимой энергии в преследовании ваших благородных и полезных целей.

Тем временем мисс Найтингейл была занята с министрами дома. Во второй половине 1886 года правительство лорда Солсбери заняло прочные позиции, и ее посетили государственные секретари по делам Индии и войны (лорд Кросс и мистер У. Х. Смит). Она нашла лорда Кросса наиболее отзывчивым; в последующие годы он время от времени виделся с ней, и они вели обширную переписку. Мистеру У. Х. Смигу она сделала высший комплимент; в чем-то он напомнил ей, как она пишет в своих записках, Сиднея Герберта. Внешне, да и по ряду реальных характеристик, два человека не могли быть более непохожими друг на друга; но в некоторых отношениях мистер Смит напоминал ее идеал военного министра. Он искренне заботился о благополучии солдат, как физическом, так и моральном, и проявлял быструю и трудолюбивую склонность к административным деталям.

Она несколько раз виделась с мистером Смитом и по его просьбе побеседовала с генеральным капелланом.[227] Казалось, что работа, которую она проделала с Сиднеем Гербертом, может быть возобновлена с мистером Смитом, как вдруг как гром среди ясного неба. Лорд Рэндольф Черчилль подал в отставку. Министерство на некоторое время оказалось в замешательстве, а мисс Найтингейл - в отчаянии. "Нам не везет", - писала она сэру Дугласу Гальтону (23 декабря). "Как только мы, кажется, заполучили двух государственных секретарей, этот Рэндольф уходит! Кабинет придется перестраивать, и, возможно, мы потеряем своих людей. Тем больше причин, чтобы сделать что-то немедленно". Из двух ее "людей" один был взят, другой ушел. Мистер У. Х. Смит стал первым лордом казначейства, а лорд Кросс остался в индийском офисе. "Мне очень жаль отказываться от военного министерства, - сказал мистер Смит мисс Найтингейл, - но мне сказали, что это мой долг, а долг не оставляет выбора". Она умоляла его заняться индоктринацией своего преемника, мистера Эдварда Стэнхоупа. Она уже была знакома с ним, и вскоре он пришел к ней. С особым удовлетворением она услышала о намерении правительства взять кредит на четыре миллиона для строительства новых и реконструкции старых казарм. Это было возобновление работы Сиднея Герберта тридцать лет спустя.[228]

Ранний намек на эту политику заставил мисс Найтингейл еще больше беспокоиться о судьбе Санитарного комитета армии. Если санитарное состояние казарм должно было быть улучшено, было очень важно, чтобы существовал сильный санитарный комитет, который бы контролировал эту работу. Однако поначалу ей не удалось добиться никаких обещаний относительно Сазерлендского наследства. Военное министерство не рассматривало этот вопрос до тех пор, пока не появится вакансия; Министерство Индии ничего не предпринимало, пока не узнало, что намерено делать Военное министерство. В 1888 году произошло то, чего так долго ждали. Доктор Сазерленд подал в отставку. Преемник не был назначен. Весь вопрос, как ей сообщили, находился на рассмотрении, а затем на пересмотре. В конце концов, мистер Стэнхоуп, после бесед с мисс Найтингейл, вновь создал Комитет (июнь 1890 года). Сэр Дуглас Гальтон остался в его составе. Доктор Дж. Марстон был назначен платным членом вместо доктора Сазерленда, а друг и союзник мисс Найтингейл, генерал-хирург Дж. В. Каннингем (бывший санитарный комиссар правительства Индии) был назначен экспертом по Индии. Ее друг мистер Дж. Дж. Фредерик сохранил за собой пост секретаря Комитета. Опасность была миновала.

V

Санитарные отчеты из Индии все еще передавались в Комитет, но мисс Найтингейл и некоторые из ее друзей считали, что пришло время для продвижения в Индии. Лорд Кросс был настолько благосклонен к ней, что представился удобный случай возродить ее прежнюю просьбу о создании санитарного департамента в Индии, который должен быть более непосредственным *исполнительным органом*. Сэр Генри Каннингем (женатый на племяннице сэра Гарри Верни) общался с ней в течение нескольких лет. Он был судьей Высокого суда Калькутты и принимал активное участие в деле санитарного контроля в этом городе. Теперь он подготовил меморандум, в котором отстаивал передовую политику. Соратник мисс Найтингейл по Совету Индии, сэр Генри Юл, подготовил еще один, который был настолько одобрен государственным секретарем, что он приказал распространить его в офисе в качестве проекта предлагаемой депеши правительству Индии. На самом деле этот проект был совместной работой сэра Генри Каннингема, полковника Юла и мисс Найтингейл. Он прошел все инстанции. Над ним трудились. Его рассматривали и пересматривали, печатали и перепечатывали. Иногда мисс Найтингейл сообщали, что он будет принят и отправлен, в других случаях - что его отложили для дальнейшего пересмотра,

повторного обсуждения и пересмотра. В конце концов в какой-то мере устарел, потому что правительство Индии предприняло шаг по собственной инициативе, в соответствии с намерением, о котором лорд Дафферин уже сообщил мисс Найтингейл (стр. 373). Постановлением от 27 июля 1888 года правительство Индии предусмотрело создание в каждой провинции Санитарного совета, который не только консультировал бы правительство и местные власти по вопросам санитарных мер, но и был бы исполнительным органом. Отрывки, в которых настаивается на последнем пункте, могли быть написаны самой мисс Найтингейл.[229] Срок полномочий лорда Дюфферина подходил к концу. Он показал себя искусным учеником "Гувернантки генерал-губернаторов". Как во время путешествия он обещал исполнять ее приказы, так и теперь, возвращаясь домой, он дал отчет о своем управлении.

(Лорд Дафферин - мисс Найтингейл.) SS. Кайзер-и-Хинд в море, 26 декабря [1888 г.]. Мы сейчас на пути домой, у нас прекрасное плавание, благодаря которому мы все прекрасно набираем, и прибудем в Европу совершенно омоложенными. Это всего лишь строка, чтобы извиниться за то, что я послал вам отчет о речи, которую я недавно произнес в Калькутте. Я бы не стал вас беспокоить, если бы не то, что на странице 15 я попытался дать напутствие санитарии.[230] Мои дамы сразу же отправляются домой, а я, увы, вынужден заняться своими делами в Риме, так что отпуск у меня будет только через два-три месяца. Среди первых, чьи руки я надеюсь приехать и поцеловать, будут ваши".

Лорда Дафферина сменил лорд Лэнсдаун, которого мистер Джоуэтт представил мисс Найтингейл. Она дважды виделась с лордом Лансдауном до его отъезда в Индию, и они часто переписывались по санитарным вопросам. "Он много сделал для нас во всех отношениях", - так она отзывалась о его вице-королевстве.

VI

Создание санитарных советов в Индии происходило с должным учетом "периоды индийской космогонии", и мисс Найтингейл наблюдал их формирования и их процедуры тщательно, положив в слова поощрения, разъяснения, или напоминание, всякий раз, когда и где возможность была предложена или может быть сделано. Вскоре стало очевидно, что великое препятствие для санитарного прогресса среди масс Индии лежал, где, возможно, в течение многих поколений он по-прежнему может лежать, в неподвижности вековых обычаев, особенно в деревнях. Просвещение производило некоторое незначительное впечатление, но сила пассивного сопротивления в сочетании с недостатком средств не позволяла надеяться на быстрый или значительный прогресс. Признание этих факторов теперь привело мисс Найтингейл, чтобы сосредоточить свои усилия на деревне санитарии, и схема для сочетания силы образования с финансовой целесообразности формируется мотив для последней из ее индийских кампаний.

Мисс Найтингейл с самым пристальным вниманием следила за законопроектом о санитарной очистке бомбейских деревень, который впервые был предложен в 1887 году. Она проанализировала и раскритиковала его и направила свои соображения лорду Кроссу в Индийский офис, а также лорду Лансдауну и лорду Рию в Индии. Ее основное возражение касалось исключения из сферы действия законопроекта небольших деревень, и это исключение не было включено в пересмотренный проект 1889 года. Она написала письма для распространения в Индии среди туземных ассоциаций, объясняя и поддерживая идею деревенской санитарии.[231] Это было небольшое волнение индийского мнения, и следующая забота мисс Найтингейл было дать ему четкое выражение в Лондоне. Проведение Международного конгресса по гигиене и демографии осенью 1891 года

предоставило такую возможность. Сэр Дуглас Гальтон был председателем организационного комитета конгресса, так что не было никаких трудностей в организации индийской секции. Мисс Найтингейл затем циркуляра туземной ассоциации в Бомбее, умоляя, что представители могут быть отправлены на конгресс, и статьи должны быть представлены индийских джентльменов. Это было сделано, и мисс Найтингейл очень заинтересовалась конгрессом. "Сэр Гарри Верни, - писала она сэру Дугласу Гальтону (1 августа 1891 года), - возобновляет свои приглашения в Клейдон для местных индийских делегатов, "по три или четыре за раз". Я видела, что мистер Бхоунагри, который, кажется, действует от имени других туземных джентльменов, еще не пришел, и попросила его распорядиться этим, как наиболее подходяще для этих джентльменов. Я могу надеяться увидеть их одного за другим, если смогу присутствовать. Я также видел (из делегатов) сэра Уильяма Мура, доктора Пейна и сэра У. Уэддерберна. Мистер Дигби, похоже, проделывает огромную работу.^[232] Помните ли вы, что завтра исполняется 30 лет со дня смерти Сиднея Герберта?" Конгресс открыл принц Уэльский (10 августа), чья речь по этому случаю стала текстом многих передовых статей в прессе. Он сказал, что люди говорят о "предотвратимых болезнях"; но "если их можно предотвратить, то почему бы не предотвратить?". Это было, однако, в индийской секции, что мисс Найтингейл был наиболее заинтересован, и она использовала его для продвижения своих схем. Закон о санитарии в бомбейских деревнях не приносил желаемых результатов, потому что на санитарию не было выделено определенных средств. Санитарное просвещение достигло небольшого прогресса, но недостаточного, учитывая бедность индийских деревень, чтобы можно было смириться с *дополнительным* налогообложением. В этих условиях нельзя ли выделить часть *существующих* налогов (деревенских "кессов") на санитарию в качестве первого взноса? "Пока не будет завершен санитарный минимум, пока на него не будет выделена кесса конкретной деревни, пока тифозная или холерная болезнь все еще распространена, не следует ли отложить требования на любые общие цели?" Так поступила мисс Найтингейл. Она составила меморандум, в котором изложила его в краткой форме, и обратилась к членам индийской секции Конгресса с просьбой подписать его. Сэр Дуглас Гальтон, сэр Джордж Бирдвуд, сэр Уильям Гайер Хантер, сэр Уильям Уэддерберн, доктор Корфилд и доктор Пур были среди тех, кто подписал его. Затем мисс Найтингейл направила меморандум с сопроводительным письмом, в котором более подробно рассматривалось дело, государственному секретарю. Одновременно она написала генерал-губернатору и губернатору Бомбея. Лорд Кросс принял сообщение с большим сочувствием и сразу же (в апреле 1892 года) направил его в правительство Индии. Затем лорд Лансдаун распространил депешу мисс Найтингейл среди местных органов власти, и в последующие годы накопилась внушительная масса печатных документов, "сообщающих о предложениях, сделанных мисс Найтингейл, относительно лучшего применения доходов от деревенских сборов для целей санитарии". Официальная точка зрения, хотя и не была несимпатичной к цели мисс Найтингейл, была против ее финансовой целесообразности; считалось, что другие цели, особенно улучшение дорог и т.д., имеют право на приоритет перед санитарией. "Кажется очевидным, - писал ей сэр Уильям Уэддерберн (7 июля 1893 года), - что вы наиболее эффективно привлекли внимание к этому вопросу. Официальные ответы - это то, чего мы, естественно, ожидали, но, читая между строк, я думаю, что они признают справедливость нашего утверждения и были впечатлены вашими действиями". Возможно, в какой-то степени так оно и было. "Вы наиболее эффективно привлекли внимание к этой теме"; это была, пожалуй, главная услуга, которую в течение этих лет мисс Найтингейл оказала делу санитарной защиты индейцев. Конечно, она была настойчива, запрашивая у сменявших друг друга генерал-губернаторов отчеты о достигнутом прогрессе; ее настойчивость часто заставляла их толкаться локтями с местными правительствами, и поэтому ей можно небезосновательно приписать такой

постепенный прогресс, который был достигнут. Окончательный ответ на предложение мисс Найтингейл был отправлен в депеше государственному секретарю (мистеру Фаулеру) от правительства Индии в 1894 году (28 марта), прилагая письма по ее меморандуму от нескольких местных правительств. Правительство Индии по разным причинам отказалось принять ее предложение; но, признав, что необходимо что-то делать, сочло, что "санитария в ее простейшей форме водопровода и простых уборных должна рассматриваться как , в определенной степени претендующая на провинциальные доходы", и пообещало "предъявить это требование к местным органам власти и управления, как только представится возможность". В сопроводительном письме к мисс Найтингейл от государственного секретаря (9 мая 1894 года), сообщая ей, что мистер Фаулер "склонен принять точку зрения, занятую правительством Индии", выражается уверенность в том, что "Индия выиграет от повышенного внимания, которое ваши действия вызвали к важной теме санитарной реформы в сельской местности". В некоторых ответах местных органов власти, приложенных к депеше, есть фрагменты, которые подтверждают эту уверенность.

Мисс Найтингейл, со своей стороны, была усердна в призывах к индийским джентльменам проявить себя наилучшим образом. В это время у нее был союзник в лице сэра Уильяма Уилсона Хантера, который в своей двухнедельной сводке "Индийские дела" в газете *"Таймс"* иногда подкреплял ее слова или обращал внимание на ее труды. Она призвала своего друга написать подробное описание реальной работы индийской администрации, что он и сделал в 1892 году.^[233] Предисловие к его книге было посвящением мисс Найтингейл. В нем он говорит, что книга была написана по ее просьбе, описывает ее объем и заключает: "Теперь, когда работа закончена, кому я могу посвятить ее более уместно, чем вам, дорогая мисс Найтингейл, - вам, чья жизнь была долгой преданностью пострадавшим на земле, - вам, чье глубокое сочувствие к народам Индии не в состоянии ослабить никакие годы страданий и болезней?" В своих собственных произведениях, написанных в этот период, мисс Найтингейл проповедовала евангелие о миссионерах здравоохранения для сельских районов Индии.^[234] Некоторые упоминания о прогрессе, достигнутом в этом отношении, вы найдете в одной из последующих глав (стр. 406). Она верила в действия государства, но не меньше - в самопомощь, и эта точка зрения подчеркивается в ретроспективе ее работы в Индии, которую она написала или частично написала, вероятно, в качестве подсказок для какого-то издания на местном языке, в 1889 году.^[235] Некоторые отрывки из этого документа, перефразированные здесь, могут завершить этот рассказ о ее последующей работе в Индии.

"Мисс Найтингейл увидела в Прокламации королевы 1858 года текст и живой принцип, который необходимо воплотить в жизнь. Каждый англичанин и каждая англичанка, заинтересованные в Индии, были обязаны по долгу службы и по чести сделать все возможное, чтобы помочь британским подданным понять этот принцип и воплотить его в жизнь. Этому она придерживалась в течение тридцати одного года, преодолевая болезни и переутомление. Впервые ее привлекла в Индию жизненная необходимость здоровья для 200 или 250 миллионов человек, страдающих от санитарного невежества, апатии или пренебрежения, и она считала фактом, что с начала существования мира преступники не уничтожали больше жизни и имущества, чем эпидемические заболевания (результат известных антисанитарных условий) каждый год в Индии. Защита жизни и имущества от предотвратимых эпидемий стоит рядом с защитой от преступников как обязанность правительства, если не выше по значимости. Прежде всего, необходимо было пробудить правительство. Это было сделано Королевской комиссией по санитарному состоянию армии в Индии, которая положила начало практическим действиям в отношении огромного туземного населения. Но трудности были огромны. На вашей стороне должен быть народ. А

народу, увы, было все равно. Нельзя дать здоровье народу против его воли, как нельзя запереть людей против их воли. Под впечатлением от этих фактов мисс Найтингейл увидела необходимость в санитарных миссионерах среди народа, в санитарных руководствах и букварях в школах ("Дайте мне школы страны, и мне будет все равно, кто принимает ее законы"), в санитарных публикациях всех видов, для мужчин, женщин и детей. Санитарный комиссар, по крайней мере в одном случае, [236] был санитарным миссионером, вызывающим: "Будьте здоровы, джентльмены, разве вы не видите, что мы все умираем?". Люди должны быть пробуждены, не призывая Богиню Эпидемий, но призывая Сиркара сделать свою часть работы, а также приложить усилия, чтобы сделать свою в вопросе чистоты и чистой воды. Мисс Найтингейл нашла в местном самоуправлении единственное средство; в местном самоуправлении в сочетании с образованием". В статье также затрагивается интерес мисс Найтингейл к ирригации, землевладению, ростовщичеству, сельскому хозяйству, и во всех этих вопросах она соединяет действия государства с самопомощью. "К местным джентльменам обращается мисс Найтингейл. Она обращается к ним и по вопросам санитарии. И в первую очередь они должны повлиять на своих дам. Пусть они руководят домашней санитарией в своих семьях. Тогда, несомненно, леди будут руководить общей санитарией в Индии, как она это делает в Англии". В другом отрывке, кстати, приводится автобиографическое резюме. "Мисс Найтингейл глубоко симпатизировала благородным усилиям Национального конгресса, который провел уже три сессии, в которых ее умеренная поддержка политических реформ была не менее замечательной по мудрости, чем по лояльности. Но вся ее жизнь была отдана сознательно, не для политического, а для социального и административного прогресса".

VII

В то время, когда работа мисс Найтингейл в Индии была в значительной степени сосредоточена на санитарии деревень, она была не менее занята, хотя и по-другому, работой подобного рода у себя дома. Ее интерес к местным делам в Клейдоне уже был затронут, и он значительно возрос после смерти ее сестры в 1890 году. Леди Верни много лет страдала от болезни, но переносила ее с непоколебимым духом. В мае 1890 года она была в Лондоне, очень больная, и считала часы до своего переезда в Клейдон, но не хотела отказываться от воскресенья в городе - дня, который Флоренс теперь свято хранила для своей сестры. В воскресенье 4 мая леди Верни внесли в комнату Флоренс, и больше сестры не виделись. В понедельник леди Верни перевезли в Клейдон, и там, неделю спустя, в день рождения Флоренс, она умерла. "Вы внесли больший вклад, чем кто-либо другой, - писал сэр Гарри (15 мая), - в то, что она наслаждалась жизнью. Для меня нет такого утешения, как общение с вами. Мы с вами были объектами ее нежной любви, и ее любовь к вам была очень сильной. Мне было приятно слышать, как она говорит о вас, и видеть, как ее лицо, возможно, искаженное болью, выглядит счастливым, когда она думает о вас". Мисс Найтингейл сразу же отправилась в Клейдон, где она оставалась в течение нескольких месяцев. Сэр Гарри, которому сейчас шел 90-й год, очень полагался на свою невестку, и до конца его жизни она посвятила себя ему с постоянной заботой. Он никогда не был счастлив, если много дней не видел ее или не слышал о ней. Дворецкий всегда клал письмо мисс Найтингейл на самый верх утренней стопки своего хозяина, и ни один рот не съедал завтрак, пока он не прочитывал его до конца. Когда он был в деревне, а она в Лондоне, ему всегда хотелось на денек забежать в город - купить новый жилет или проконсультироваться с адвокатом: любой предлог мог послужить поводом, чтобы повидаться с невесткой на Саут-стрит. В Клейдоне говорили, что есть верный способ узнать, симпатизирует ли сэр Гарри новому гостю или нет: если да, то разговор неизменно сводился к мисс Найтингейл. После смерти сестры Клейдон стал загородным домом мисс Найтингейл, и там она проявила всю свою управленческую

скрупулезность. Она вникала в дела сэра Гарри, живо интересовалась помещьем, вникала в условия жизни в деревне, знакомилась с местными врачами. Эти интересы привели ее к убеждению, что деревенская санитария необходима для цивилизации Англии едва ли не меньше, чем Индии, и она видела, что как в Индии, так и в Англии образование должно быть по крайней мере одним из средств цивилизации. Она решила начать свою деятельность там, где выпал ее жребий, - в Бакингемшире.

Время благоприятствовало новому эксперименту. Советы графств были созданы в соответствии с Законом 1888 года. В 1889 году они получили право взимать и расходовать средства на техническое образование. В соответствии с Законом о местном налогообложении 1890 года они получили на эти цели средства, известные как "деньги на виски". Таким образом, средства были доступны, а определение "технического" образования было широким. Почему бы часть этих средств не использовать для обучения науке "Здоровье на дому"? Мистер Фредерик Верни был председателем Комитета по техническому образованию Северного Бакса, и с мисс Найтингейл, как он сказал, "чтобы вдохновить, посоветовать и направить", дело было сделано. Как мы уже слышали, она уже была одержима идеей участковой медсестры как миссионера здоровья. Теперь ей пришлось в голову учредить орден миссионеров здоровья как таковой. Вначале для подготовки женщин к этой работе с помощью лекций и занятий был привлечен окружной санитарный врач (доктор Де'Ат). Обучение было не только теоретическим, но и практическим, поскольку доктор брал своих учениц с собой в некоторые деревни, знакомил их с деревенскими матерями и указывал на конкретные вопросы, в которых знания, полученные при сочувствии, могли бы оказаться бесценными для жителей деревень. После этого проводился независимый экзамен, и дамы, удовлетворительно сдавшие его, после испытательного срока практической работы получали сертификаты миссионеров здоровья, в качестве которых некоторые из них привлекались Комитетом технического образования для посещения и чтения лекций в сельских деревнях. Схема, начатая весной 1892 года, была простой, но, как свидетельствуют огромные пачки документов, мисс Найтингейл много работала в течение двух или трех лет. Она набирала рекрутов; собирала все лучшее, что было известно и что думали о простом санитарном обучении; рассматривала учебные планы и экзаменационные работы; переписывалась с другими комитетами по техническому образованию; писала меморандумы и письма по этому вопросу.^[237] На конференции женщин-рабочих, состоявшейся в Лидсе в ноябре 1893 года, она отправила документ, в котором исчерпывающе рассматривалась вся тема сельской гигиены - документ, который, к несчастью, ни в коем случае не устарел до сих пор, хотя работа, в которой мисс Найтингейл была пионером, разветвилась во многих направлениях. "Нам нужны должным образом квалифицированные санитарные инспекторы", - писала она, и она была в восторге, когда через несколько лет узнала о хорошей работе, проделанной некоторыми женщинами-санитарными инспекторами на севере. Она настаивала на полной квалификации, практическом обучении; а потом потребовалось еще кое-что. Ее последнее слово, обращенное к миссионеру здравоохранения, было тем же, что и к медсестре. "Работа, которая рассказывает, - это работа умелой руки, направляемая холодной головой и вдохновляемая любящим сердцем".

ГЛАВА VIII

МР. ДЖОУЭТТ И ДРУГИЕ ДРУЗЬЯ

Пусть каждый утренний рассвет будет для вас началом жизни, а каждый закат - ее завершением, и пусть каждая из этих коротких жизней оставит в памяти добрые дела, сделанные для других.

Последняя глава была в значительной степени связана с деятельностью мисс Найтингейл в общественных делах и знакомствах, которые она сформировала в связи с ними. В таких делах она была решительной, ясновидящей, методичной. Сэр Бартл Фрер, впервые познакомившись с ней, сказал своему другу, что "очень приятно встретить такого хорошего делового человека, как мисс Найтингейл". Но она была многогранна, и даже в разговоре с мужчинами или женщинами о государственных делах она, как правило, была чем-то большим, чем просто хорошим "деловым человеком". Во многом ее влияние объяснялось тем, что многие из тех, кто впервые увидел ее в деле, стали ее друзьями, и что к качествам хорошего делового человека она добавила качества сочувствующей натуры.

Этот аспект жизни и характера мисс Найтингейл уже был достаточно проиллюстрирован на примере ее отношений с матронами, суперинтендантами и медсестрами. Он может быть обнаружен достаточно ясно, тоже, в рассказе о ее официальной работе с Сидни Герберт и другие из ее ранних союзников. Но в поздние годы она была столь же заметна, как и в ранние, и по отношению к мужчинам, и по отношению к женщинам, с которыми она общалась. Читая ее коллекцию писем от различных врачей и чиновников разного рода, я много раз поражался быстрой смене атмосферы. Переписка начинается с формальной ноты. Ее корреспондент будет "рад знакомству с дамой, которую так справедливо уважают" и т. д. и т. п. Интервью состоялось, прошло несколько писем, и тогда нота меняется. Жены, сыновья или дочери приходили к ней, посылали любезные запросы и послания, и переписка становилась как между старыми друзьями семьи. И молодые, и пожилые чувствовали сочувственное прикосновение манеры мисс Найтингейл. Имя мистера Дж. Дж. Фредерика уже упоминалось на предыдущих страницах. Он был младшим клерком в военном министерстве, когда мисс Найтингейл впервые познакомилась с ним. Не прошло и нескольких месяцев, как она стала активно интересоваться его семьей и различными добрыми делами, которым он посвящал свое свободное время. В годы, о которых шла речь в предыдущей главе, существует обширная переписка с мистером (ныне сэром Робертом) Морантом, в то время воспитателем королевской семьи Сиам. Мисс Найтингейл познакомилась с ним до его отъезда в Сиам; и он пришел к ней, когда он был в отпуске в Англии, "отпуск, очевидно, означает," она написала (24 сентября 1891 года), "работая на его сиамских предметов 23 часа из 24." Сиамские дела интересовали ее почти так же сильно, как и дела самой Индии; но письма показывают, что общественный интерес сочетался с личной, почти материнской привязанностью. Мистер Дж. Крофт, в штате больницы Святого Томаса, который в течение многих лет был медицинским инструктором в Nightingale Probationers, ушел с этой должности в 1892 году, и в ответ на благодарность за рекомендацию описал удовольствие, которое он нашел в работе под "так любящий и восхитительный лидер, как мисс Найтингейл". Полковник Юл впервые познакомился с мисс Найтингейл в официальном качестве члена Совета Индии, отвечающего за санитарные вопросы, но вскоре он полюбил ее как друга. В 1889 году он был болен и написал ей юбилейное письмо (2 мая), в котором, дав совет по некоторым официальным вопросам, сказал: "Пока я жив, а я не рассчитываю на этот долгий срок, для меня будет счастьем думать, что я вступил в общение с Вами - бесполезное, как я боюсь, в Вашей великой задаче:

ведь мои силы уже начали подводить. И вот, дорогая мисс Найтингейл, я уйду: пусть это будет со словами из 4-й книги Моисея, гл. vi., а те, кто придет после нас, вложат в ваши уста слова из Иова, xix".[238] Его силы убывали все быстрее, и в своей последней болезни он жаждал знать, что мисс Найтингейл не забыла его. Она прислала ему послание с горячей благодарностью. "Я буду смотреть на это не как на неправильное применение к себе, - ответил он (17 декабря, за несколько дней до смерти), - а как на часть той большой и щедрой натуры, которую вы готовы применить к другим, которые мало этого заслуживают. Я славлю Бога за привилегию знать вас. Я очень ослабел и не могу писать своей рукой, поэтому пользуюсь рукой одного из моих самых старых и дорогих друзей. Да благословит и сохранит вас Бог до конца, как вы были в течение стольких лет опорой в Христовом Царстве Любви и в этом государстве Англии. Всегда, с глубочайшей привязанностью и почтением, ваш верный слуга, Г. Юл". Силы ее старшего друга и соратника, доктора Сазерленда, быстро иссякали, и он недолго пережил свой уход на покой. Он умер в июле 1891 года. К концу жизни он был очень слаб и почти не мог читать и говорить, но его жена сказала, что получила письмо от мисс Найтингейл с посланиями для него. К ее удивлению, он снова пришел в себя, прочитал письмо до конца и сказал: "Передайте ей мою любовь и благословение". Это были почти его последние слова.

//

Ласковое сочувствие, которое мисс Найтингейл дала своим друзьям, не было недостатка в ее отношениях. В 1889 году одна из самых дорогих из них, ее "тетя Май", умерла в возрасте 91 года. Ее муж, "дядя Сэм" из предыдущих глав, умер за восемь лет до этого; и тяжелая утрата вдовы, похоже, избавила ее от такой отчужденности, какая была между ней и ее племянницей. Они возобновили свою прежнюю ласковую переписку по религиозным вопросам, и мисс Найтингейл снова стала "любящей Фло" прежних лет. "Дорогой друг", - написала она на открытке, отправленной с цветами, когда умерла ее тетя; "прекрасная, любящая душа; смиренный ум высоких и святых мыслей".

Мисс Найтингейл была не из тех людей, которые сохраняют свой такт и доброе внимание для внешнего мира и думают, что прайдное безразличие или грубая откровенность достаточно хороши для семейного круга. Мне рассказали небольшой анекдот, который весьма поучителен в этой связи. Однажды мисс Ирби пришла в садовый зал в Леа Херст, только что закончив беседу с мисс Найтингейл. "Я должна сказать вам, - сказала она, смеясь, одной из младших кузин мисс Найтингейл, - что Флоренс только что сказала; это так похоже на нее. Она сказала мне: "Интересно, не забыл ли Р. убрать ту ветку, которая упала через южную дорогу? Я ответила: "Я спрошу у нее". О, нет, - сказала Флоренс, - не спрашивайте ее об этом. Спросите ее, кого она попросила убрать ветку". Это всего лишь мелочь, но метод был очень характерным. Мисс Найтингейл была дипломатом как в малых делах, так и в больших. Она была осторожна, чтобы не рисковать сделать зло через посредников. Она принимала реальные проблемы для этого, и никогда не казалось, что что-то в этом роде слишком много, чтобы сделать. Ее влияние на всех членов семьи использовалось для того, чтобы сделать отношения между ними более хорошими и близкими. Со многими из младшего поколения своих кузенов и других родственников она поддерживала дружеские отношения. Как мы уже слышали, она очень строго регламентировала свое время, но находила время, особенно в последние годы жизни, чтобы неоднократно видаться с некоторыми из этих молодых друзей. Когда она не виделась с ними, ей нравилось быть в курсе их приходов и уходов, их дел и перспектив, их браков и имущества. Она с глубокой привязанностью хранила память об Артуре Хью Клафе и нежно любила своего кузена, мистера Шора Смита. Она проявляла щедрую заботу о семье мистера Клафа, а семья ее кузена Шора была ей особенно близка.

Маленькая записка миссис Шор Смит - одна из сотен - иллюстрирует любовь мисс Найтингейл к цветам и их друзьям-насекомым:...

10 Саут-стрит, 24 апреля 1894 года. Дорогая, мне так хочется знать, как ты поживаешь. Большое спасибо за твои прекрасные азалии, которые великолепно распустились, и желтые тюльпаны. [389] Запах азалий так напоминает мне Эмбли. На тюльпане сидела бедная маленькая, крошечная, хорошенькая улитка неизвестного мне сорта. Он сказал: "Я была так счастлива в своем саду на тюльпане, а меня похитили в эту ужасную коробку. И что мне теперь делать?" Так что мы его вынесли и аккуратно посадили среди кустов в ящиках на зацепках (сирень). Но я считаю, что он очень требователен к своему питанию и что, по его мнению, он не нашел там ничего достойного. Должно быть, он либо утонул в воде, либо понес наказание за свою особенность. Теперь я возвращаюсь к нашей жестокости, когда мы отпустили вас, даже не причастив к "бутылочке Малыша". Мои самые добрые пожелания Малышу и его Маме. Вечно ваш любящий Ф. Н.

Мисс Найтингейл была крестной матерью сына мистера и миссис Хью Бонэм Картер, Малькольма. С Норманом, гражданским индийцем, младшим сыном мистера Генри Бонэма Картера, она поддерживала переписку. Она была очень привязана к мисс Эдит Бонэм Картер, [239], которая стала медсестрой, и еще несколько родственников, которые виделись с ней и которыми она очень интересовалась. Семейных писем, которые она сохранила, очень много, и среди них те, что относятся к семье, в которую вышла замуж ее сестра, почти так же многочисленны, как и те, что касаются ее собственных родственников. Для Маргарет леди Верни, в частности, мисс Найтингейл был глубокое восхищение и самую нежную привязанность. Она также была привязана к младшему сыну сэра Гарри, мистеру Фредерику Верни, который в эти поздние годы помогал ей во многих ее начинаниях, и которому она, в свою очередь, очень помогла в его. Несколько ее собственных семейных писем, охватывающих большой промежуток времени, лучше всего покажут, на каких приятных дружеских условиях, то серьезных, то веселых, она общалась со своими родственниками:...

(Миссис Клаф.) 35 South Street, Jan. 2 [1873]. Я посветил на издание Байрона (без "Дон Жуана"), которое мы хотели получить. В нем на два тома больше, чем в нашем издании, что может быть мусором. Но *Чайльд Гарольд*, - описания Греции в Повести: Поэмы, - Шильон, - но прежде всего *Манфред*: нет ничего подобного в мире, особенно последняя сцена. Дух там действительно дух - единственный дух из Иова и Савла. [390] Призрак в "Гамлете" - это, конечно, очень грубый неприятный мертвец, живой, непогребенный человек, с самыми вульгарными чувствами, жаждущий мести своему убийце (даже не такой дух, как умирающий), совсем не такой, каким его описывает сын - вор и самозванец, я уверен, собирающийся взять ложки. *Манфред*", на мой взгляд, стоит особняком и является самым духовным взглядом на бессмертие, на то, что такое ад и рай, из всей поэзии в мире. Остается только удивляться, как Байрон вообще смог ее написать.

(Племяннице, [240], которая собиралась в колледж.) 10 Саут-стрит, 22 августа [1881]. Моя дорогая Р. - Тетя Флоренс вся в заботах о тебе и твоём отъезде в Гиртон. Я не могу сказать ничего, что хотел бы, и, не говоря ничего, я попросил бы величайших из "язычников" - Платона, Эсхила, Фукидида - сказать тебе многое. Эсхил, чей *Прометей*, очевидно, является предвестием или, если вам так больше нравится, тем же типом (с Осирисом Египетским), что и Христос: тот, кто принес "дары людям", кто бросил вызов "сильным мира сего" ("княжествам" и "силам" зла), кто страдал за людей, принося им "лучшие дары" ("огонь с неба"), кто мог давать только страдая сам, и кто, наконец, "повел плен". Мне кажется, что я ни в чем не вижу столько *истории Бога* - в религиях мира, которые М. Моль выучил писать на восточных языках, - как в этих великих "язычниках" - персидских, китайских, индийских,

греческих и латинских, но особенно в Эсхиле и Платоне; и, возможно, также в физиологии - *величия* Его работы, тишины Его работы, того, что Он есть дух. Его "слава" и нищета духа - и что быть "нищим духом" составляет Его славу, если быть нищим духом означает полное бескорыстие, совершенную свободу от себя и от самой мысли о себе, от жеманства и от "суетной славы". Мое самое дорогое дитя, счастливо тебе, очень, очень хорошо - это самая глубокая молитва тети Флоренс.

(Племяннице, принявшей вегетарианство) 10 Саут-стрит, 8 ноября [1887 г.]. Дорогая, посылаю тебе два "овоща" в скорлупе. Завтра у нас будет еще несколько свежих. Новый картофель - это, уверяю тебя, *не* овощ. Это яйцо кобылы, снесенное ею, как ты знаешь, в "кобылье гнездо". Ни один вегетарианец не станет его есть. Я посылаю вам немного египетской чечевицы. Я ем ее каждый вечер на ужин, разведенную в молоке, которое я не очень люблю. Вкуснее всего суп из чечевицы, который каждый день готовит арабская кухарка в Египте, на горстке огня, недостаточно большого, чтобы зажарить комараCOPY00
Ever your loving Aunt Florence.

(Племяннице, которая была увлечена кооперативным движением) 10 [391] Саут-стрит, 14 июля [1888]. Дорогая - твоя кооперативная полезность восхитительна. Если бы это не было в наименьшей степени вульгарно, я бы спросил, могу ли я дать им несколько книг. Но я полагаю, что это противоречит всем принципам кооперации. Леди Эшбертон уехала в Мариенбад, чтобы распространять Библии и трактаты на чешском языке. В 20 милях от него, на границе леса, есть очень большое кооперативное поместье, которое она видела и считает вполне успешным. Я поручил ей прислать мне домой (для вас) подробную информацию и, конечно, доказать ее успех. Вы видите, как мои манеры и принципы были испорчены вами, юным пророком. Если вы заметите отклонения, не сваливайте их на меня. Печально, как молодость портит старость. Ваша верная и любящая старая (кооперативная) тетя, Флоренс Найтингейл.

(Миссис Воган Нэш.) Клейдон Хаус, 3 января [1895]. Я никогда не благодарила Вас, разве что в душе, что всегда, за мою прекрасную книгу - *"История Флоренции: первые два века"* Виллари. Она выглядит так интересно, а я всегда интересовался флорентийской историей больше других. Думаю, это произошло благодаря изучению *"Итальянских республик"* Сисмонди, когда я была молодой девушкой (книгу я теперь презираю, негодяй!), и благодаря знакомству с самим Сисмонди в Женеве. Захватывающим выглядит конец этой книги Виллари, где он прослеживает причины упадка и падения Флорентийской республики - само ее богатство и торговля способствовали ее гибели, и показывает, как ее "коммуна" не смогла перерасти в "государство" (это может помочь некоторым размышлениям об индийских деревенских общинах). Но я не вижу, чтобы он показал - хотя я читаю задом наперед, как дьявол, и могу прийти к этому - насколько флорентийские идеи свободы отличались от наших. У них она заключалась в том, что каждый должен иметь долю в управлении всеми остальными; у нас - в том, что каждый должен иметь возможность саморазвития, не причиняя вреда никому другому. Я хорошо помню книгу Виллари *"Савонарола"*: она была опубликована, должно быть, 30 или 40 лет назад (я всегда с энтузиазмом относился к Савонароле). Это была тяжелая, научная, беспристрастная, исчерпывающая книга. Это была книга моего отца: он много читал ее. Кажется, я говорил вам, что у меня есть копии последних вещей, которые когда-либо писал Савонарола, - "Комментариев к двум псалмам": ни слова против его врагов и преследований, ни одного упоминания о них, ни одного сетования, но все одно долгое и горячее стремление к совершенному воссоединению с Отцом света и любви. Добрый Фенци, муж Эвелины Гальтон, сделал для меня эти копии с оригиналов, хранящихся в Палаццо Веккьо.

(Норману Бонэм Картеру.) 10 Саут-стрит, 2 августа [1895]..... Вы увидите по отчетам о всеобщих выборах [392] , что консерваторы получили огромное большинство голосов, а либералы в смятении. Но я старый фогги и занимаюсь этой работой уже 40 лет. И я всегда считал, что побеждает тот, кто обладает гением поиска деталей и еще большим гением умения их применить, и партия тут совершенно не при чем. Мои учителя[241] - то есть школа сэра Роберта Пиля - никогда не заботились о месте, но всегда работали на обе стороны одинаково. Урок жизни я получил от своего маленького котенка, одного из двух. Приходит старый кот и говорит, очень строго: "Я вас сюда не звал, я люблю, чтобы моя миссис была одна!" И бросается на них. Котенок побольше и покрасивее убегает, а маленький *стоит на своем*, и когда старый враг подходит достаточно близко, целует его в нос и мирится. В этом и заключается урок жизни: целовать врага в нос, всегда стоять на своем. Мне очень жаль лорда Солсбери. Большинство всегда в проигрыше.

(Луису Шору Найтингейлу.[242]) 10 South Street, Dec. 21 [1896]. Я много думал о том, что вы сказали по поводу церкви в Леа. Хотелось бы, чтобы Вы посоветовались по этому поводу с кем-нибудь нецерковным, например, с Гарри Б. К. То, что вы говорите, что, если церковь будет построена, владельцы и попечители Леа Херст не должны выступать против этого, - правда. Церковь - это как уэслианцы, еще одна христианская секта, которую нельзя опускать. С другой стороны, сейчас Церковь больше похожа на книжников и фарисеев, чем на Христа. Епископы и Высшая церковь смотрят на работу среди диссентеров как на работу среди язычников. Они бы расстроили всю нынешнюю работу в Леа и Холлоуэе, если бы могли. Христос посмеялся бы над нынешними трудностями с "действительностью орденов". У Него не было догм. Его догмами были, как Он нам ясно говорит, бескорыстие, любовь к Богу и ближнему. В Нагорной проповеди он разбирает на кусочки десять заповедей и показывает нам их дух (без которого они ничто). Он даже высмеивает соблюдение субботы. О том, что сейчас называется "основными доктринами" христианской религии, он даже не упоминает. Высокоцерковный человек и особенно жена высокоцерковного человека расстроили бы все.... Ever your loving Aunt F.

(Норману Бонэму Картеру.) 27 августа [1897 г.].... Желаю вам божьей скорости, мой дорогой друг. Индия - славное поле деятельности, если, конечно, вы будете держаться подальше от "маленьких войн". Поскольку вы не военный, есть шанс, что у вас не будет извращенных взглядов на этот счет. Я иногда вижусь с Чарли. Он очень хороший парень, [393] хотя и военный. Но его разум не искажен "Пограничными войнами". И я знаю, что в Дублине он много сделал для людей. Одна из наших медсестер, сестра Снодграсс, которая умерла сразу после того, как отправилась на зарубежную службу, несколько лет проработала в дублинских военных лихорадочных отделениях. Она очень много сделала для них и заставила многих санитаров исправить свою жизнь. Когда они узнали о ее смерти, то плакали как дети. Я знаю, как тяжело вы работаете. Я тоже. Но ваш Отец помогает мне своим превосходным суждением. Да благословит вас Господь.

(Луису Шору Найтингейлу.) 10 South St., Dec. 23 [1898]. Посылаю небольшой взнос на ваше путешествие. Я одобряю Швейцарию, но хотел бы, чтобы вы проследовали в Италию. Я всегда так делаю. Если ты побеспокоишься об этом клочке бумаги, то поймешь, что, по словам бессмертного Шекспира, "вороны выколют тебе глаза, а орлы съедят то же самое". Сегодня днем ко мне придет доктор, которого я не могу отложить из тех же соображений. Если вы будете так добры и придете, пожалуйста, приходите в пять - всего на полчаса, то есть до 5.30.

Умножьте такие письма в значительной степени; добавьте к ним письма подобного рода, *mutatis mutandis*, адресованные ее "детям" в мире медсестер; добавьте в расчет ее заботу о

слугах и иждивенцах: и станет ясно, насколько точно мисс Найтингейл следовала словам, помещенным в начале этой главы - словам, которые она переписала как "Новогоднее поздравление" на 1889 год. В ее сердце было мягкое место даже для преступников, которые жестоко использовали ее. В июле 1892 года в ее доме на Саут-стрит была совершена кража со взломом. Это было ранним утром, и она заметила грабителя, который на мгновение прилег отдохнуть со своими трофеями (тарелкой и деньгами прислуги) в тайнике за домом. Если бы ее горничные, или полиция, или оба были более бдительны, злоумышленник был бы арестован. Ее чувство ответственности было возмущено, но она сдалась, когда к ней пришел инспектор. "Может быть, и хорошо, что вы не поймали этого человека, - сказала она с усмешкой, - потому что, боюсь, когда вы сажаете их за решетку, толку от них мало". Она любила полицию и в юбилейный год из своего окна наблюдала за тем, как они справляются с толпой. Она отмечала долгие часы работы, подружилась с инспектором на Гросвенор-Гейт и посылала его подчиненным горячий чай и пирожные.

///

Было время, как мы уже слышали, когда дружба мисс Найтингейл с мистером Джоуэттом, хотя и не уменьшилась, но стала ощутимой, по крайней мере, с ее стороны, определенный дискомфорт;^[243] но это время было коротким. Более поздние годы дали повод для возобновления более действенной симпатии; а когда старость начала подкрадываться к ним, друзья еще больше сблизились. Мистер Джоуэтт был глубоко заинтересован во многих из поздних индийских интересов мисс Найтингейл - особенно в тех, которые связаны с образованием, будь то в самой Индии или индийцев и индийских государственных служащих в этой стране. Он познакомил ее с мисс Корнелией Сорабджи, с которой подружился в Оксфорде. Он много говорил и переписывался с мисс Найтингейл об университетских курсах, связанных с Индией. "Я хочу доказать вам, - писал он (14 октября 1887 года), - что ваши слова иногда затрагивают мое взбалмошное или каменное сердце и не совсем брошены на ветер. Поэтому я посылаю вам последний отчет индийских студентов, из которого вы поймете, что сельскохозяйственная химия стала реальностью; и что благодаря ВАМ (хотя я боюсь, что, как и многие другие ваши добрые дела, это никогда не станет известно людям) индийские студенты читают о сельском хозяйстве, а значит, у индийских райтов может появиться шанс быть несколько лучше накормленными, чем до сих пор". Когда лорд Лэнсдаун обосновался в Индии, мистер Джоуэтт решил, что он может без дерзости написать своему другу и рассказать, что ему следует сделать, чтобы стать "действительно великим вице-королем". Что следует предложить? Может быть, мисс Найтингейл подумает? Она отнеслась к намеку со всей серьезностью: воспитание наместников было ее любимым занятием. Не раскрывая конкретного повода, она взяла на совет множество советников и обсудила с ними, какие реформы было бы полезнее всего ввести. Она отправляла свои соображения в Оксфорд, и через мистера Джоуэтта они попадали в Симлу. Мистер Джоуэтт продолжал часто встречаться с мисс Найтингейл и, как правило, останавливался у нее один или два раза в год - либо в Лондоне, либо в Клейдоне. В 1887 году он жил на Саут-стрит, когда ему стало плохо. Мисс Найтингейл нашла его "очень своенравным пациентом"; он не хотел принимать полный покой, который она и доктор считали необходимым; и ей пришлось вступить в тайный сговор с Робертом Браунингом, чтобы оградить его от волнения при встрече с друзьями. "Мне очень стыдно, - писал он по возвращении в Оксфорд (13 октября), - за те неприятности и помехи, которые я причинил вашей работе. Воспоминания о вашей бесконечной доброте никогда не исчезнут из моей памяти". Она прислала ему подробные инструкции по уходу за телом его "Братской задницы". "Как я могу отблагодарить вас за вашу

бесконечную доброту ко мне? Пусть Бог благословит вас 1000 раз в вашей жизни и в вашей работе. Иногда мне кажется, что я слишком много сплетничаю с вами. Это благодаря вашей доброте и сочувствию, и вы знаете, что мне больше не с кем сплетничать". С этого времени мисс Найтингейл постоянно беспокоилась о здоровье своего друга и вступила в регулярную переписку с его экономкой, мисс Найт, которая была благодарна за то, что ей позволили поделиться своими тревогами с таким высоким авторитетом в вопросах здоровья. Во время болезней мистера Джоуэтта мисс Найтингейл ежедневно отправляла ему письма или телеграммы с подробным описанием состояния пациента. Это была ее обычная практика в случае родственников или друзей, о которых она заботилась. Такие бюллетени были особенно многочисленны во время смертельной болезни ее кузины, мисс Хилари Бонэм Картер. Мисс Найтингейл, несомненно, считала, что ее просьба о ежедневных сведениях поможет медсестрам быть на высоте; а иногда случалось, что она сама рекомендовала сиделку. Подобные бюллетени ей присылали и о леди Розбери, с которой она познакомилась, как уже говорилось, в 1882 году. В течение нескольких лет лорд Розбери периодически заходил на Саут-стрит.

Дружба мисс Найтингейл и мистера Джоуэтта должна была быть отмечена между ними интересным образом, потому что мистер Джоуэтт хотел внести свой вклад в план, который занимал много времени мисс Найтингейл в течение 1890 и 1891 годов. Это было связано с одной из главных мыслей ее жизни. Она была, как я уже говорил, страстный статистик. Статистика была для нее почти религиозным занятием. Истинная функция теологии заключалась в том, чтобы выяснить "характер Бога". Закон был "мыслью Бога". Именно с помощью статистики можно было установить и кодифицировать закон в социальной сфере и тем самым раскрыть некоторые аспекты "характера Бога". Таким образом, изучение статистики было религиозным служением. Что касается сферы непосредственного применения, то за тридцать лет до этого она указала на сайте[244], что существуют огромные массивы статистических данных, уже помещенные в правительственные учреждения или легко получаемые в результате действий правительства, которые мало или совсем не используются. Статистика, сказал лорд Броуэм в уже цитированном отрывке, была для законодателя как компас или путеводитель для навигатора; но фактический ход законодательства слишком часто проводился без какого-либо такого компаса или путеводителя вообще. "Кабинет министров", - писала она теперь,[245], - "армия их подчиненных, палаты парламента в большинстве своем получили университетское образование, но не получили образования в области статистического метода". В результате законодательство "не прогрессирует, а движется вкривь и вкось". "Мы принимаем законы, не понимая, что делаем. Военное министерство имеет по некоторым вопросам самую лучшую статистику в мире. Что из них получается? Мало или ничего. Почему? Потому что руководители не знают, как их использовать (за двумя исключениями - Сиднеем Гербертом и У. Х. Смитом). Наша индийская статистика по некоторым вопросам действительно лучше, чем английская. Но в администрации они не используются. Нам нужно не столько (или, по крайней мере, не сейчас) накопление фактов, сколько обучение людей, которым предстоит управлять страной, использованию статистических фактов". Она привела конкретные примеры вопросов, которые она хотела бы тщательно изучить с помощью статистического метода. Каковы результаты двадцати лет обязательного образования? Какая доля детей забывает все, чему их учили в школе? Как повлияло школьное обучение на жизнь и поведение тех, кто его не забыл? Или, опять же, каково влияние городской жизни на потомство, его количество и здоровье? Каков вклад различных классов (в зависимости от социального положения и места жительства) в население следующего поколения? Некоторые из вопросов, которые она надеялась решить с помощью статистического метода, были близки к тем, с которыми более позднее поколение знакомо под названием "евгеника".

Ее друг М. Кетеле положил начало науке "социальная физика". И он, и доктор Фарр надеялись, что она продолжит эту работу. Она часто беседовала на эту тему с мистером Джоуэттом, и вот теперь была предложена схема. Она выделит некоторую сумму денег, он - такую же, и они вместе основали бы в Оксфорде кафедру или лекторий по прикладной статистике. Сначала они договорились посоветоваться с разными друзьями и экспертами. Мистер Джоуэтт, по-видимому, обсуждал этот вопрос с мистером Артуром Бальфуром и профессором Альфредом Маршаллом. О мистере Бальфуре он написал (4 декабря 1890 г.), что "у него больше головы и силы мышления, чем у любого государственного деятеля, которого я когда-либо знал". Мисс Найтингейл со своей стороны вызвала на совет мистера Фрэнсиса Гальтона, который горячо поддержал идею и разработал подробную схему. Однако он выдвинул одно предварительное возражение. Профессор в Оксфорде или Кембридже по любому предмету, который не является основным элементом экзаменационной "школы", - это профессор без класса, и он часто погружается в сонливость. Он предположил, что профессорство будет более полезным, если его присоединить к Королевскому институту. Мистер Джоуэтт, который, возможно, вошел в схему из интереса скорее к мисс Найтингейл, чем к предмету, был не очень полезен в вопросах деталей, но он был готов согласиться с любой схемой, которую приняла мисс Найтингейл. Он выдвинул только два условия: во-первых, ему должно быть позволено внести свой вклад, а во-вторых, профессорство должно называться ее именем. Мистер Гальтон продолжил свои планы, которые, по мере их развития, как оказалось, требуют очень большой суммы денег. Мисс Найтингейл, чьи ресурсы были в значительной степени связаны с поселениями, проконсультировалась со своими попечителями. Они не отрицали, что она могла бы внести 4000 фунтов стерлингов - сумму, которую, как казалось, требовала схема мистера Гальтона в качестве своего вклада, - но они не были страстными статистиками и не преуменьшали возражений против такого подарка. Тем временем время шло; мистер Гальтон был занят другими делами, а сама мисс Найтингейл, будучи сильно занятой в течение этого года (1891) другими делами, отложила эту затею.

Мистер Джоуэтт, кроме того, был очень болен в том же году, имея серьезный сердечный приступ, от которого он едва оправился и который был предвестником конца. В начале октября он провел несколько дней в Клейдоне с сэром Гарри Верни и мисс Найтингейл. По возвращении в Оксфорд ему стало хуже. "Вы, наверное, устали меня слушать, - писал он ей в прощальном письме (16 октября), написанном под диктовку, - и я начинаю думать, что могу и прекратить. Во время болезни мне открылось много интересных вещей, о которых я хотел бы поговорить с вами. Раньше я не представлял себе, что такое смерть и что такое человеческое тело, и теперь очень далек от этого. Я всегда благодарна за то, что знала вас. Я стараюсь до конца оставаться таким, каким был. Надеюсь, вы тоже будете так поступать - так будет лучше. Я надеюсь, что вы проживете еще много лет и будете бесконечно добры к другим. Не бросите ли вы иногда взгляд на моих старых друзей, мисс Найт и миссис [Т.Х.] Грин, и на двух моих юных друзей, Ф. и Дж. Мне было бы приятно, если бы вы время от времени перекидывались с ними парой слов. Но, возможно, это довольно мучительно - пытаться сделать постоянными вещи, которые уже уходят. С любовью, Би Джей". Он думал, что находится на грани смерти, и в завещании, составленном в это время, он завещал "2000 фунтов стерлингов мисс Найтингейл для определенных целей". Это была сумма, которую он намеревался внести в "Профессорство статистики Найтингейла". Однако он одумался и умолял ее сделать то, что она предлагала, и приехать из Клейдона, чтобы увидеться с ним. "Я рад слышать, - писал он (18 ноября), - что вы окажете мне честь и приедете в Баллиол, чтобы увидеться со мной. Акланд пришлет за вами карету на вокзал. Для меня будет большим событием ваш визит". Мистеру Джоуэтту не пришлось ждать почти два года, и он по-прежнему время от времени приезжал к ней. "Я хочу крепко держаться за тебя, дорогой друг, - писал он (26 мая 1892

года), - пока я спускаюсь с холма. Мы с тобой согласны, что последние годы жизни в каком-то смысле самые лучшие и что из них можно извлечь максимум пользы даже в то время, когда здоровье и силы, казалось бы, уже на исходе". В августе 1893 года мистер Джоуэтт снова сильно заболел. Он продиктовал мисс Найтингейл письмо, в котором еще раз порекомендовал ей некоторых из своих друзей. Он немного оправился и приехал в Лондон, чтобы остановиться у мистера и миссис Льюис Кэмпбелл. 18 сентября он надиктовал свое последнее письмо мисс Найтингейл: "Мы заходили к вам вчера на Саут-стрит, но, не найдя никого дома, решили, что вы переехали в Клейдон. Всего вам доброго! Как я обязан вам за всю вашу привязанность. Как много в вашей жизни было для меня. У меня есть только время на несколько слов". 1 октября он умер в доме мистера судьи Райта в Хэмпшире, куда уехал за несколько дней до этого. "Знаете ли вы, - писала мисс Найтингейл миссис Клаф (7 ноября), - что он иногда чувствовал себя счастливым в обществе "Клаф" во время своей последней болезни? С 16 по 23 сентября он находился в Лондоне в доме этих дорогих Льюисов Кэмпбеллов для лечения и ухода. Он лежал так, как ему нравилось, - в тишине, а мистер Льюис Кэмпбелл сидел рядом с ним, - как вдруг открыл глаза и сказал: "О, это вы? Я думал, это Клаф". К письму мисс Найтингейл прикреплено письмо, которое мистер Джоуэтт написал за тридцать два года до этого миссис Клаф в связи со смертью своего друга, ее мужа. В нем он сказал: "Я любил его и думаю о нем каждый день. Я хотел бы, чтобы память о нем, а также о мисс Найтингейл присутствовала со мной в смерти, как о двух людях, чей пример я ценю больше всего, как "ходивших верой"".

В это время у мисс Найтингейл были и другие утраты. "Я потеряла, - писала она, - трех самых близких мне людей за двенадцать месяцев" (1893-94). В феврале 1894 года умер сэр Гарри Верни, и она почувствовала потерю "его мужества, его вежливости, его доброты". В августе умер ее кузен, мистер Шор Смит - "ее мальчик" прежних лет, к которому она всю жизнь относилась с чем-то вроде материнской любви; и она никогда не забывала о нежной и покорной привязанности, которую он проявлял к ее собственной матери. Мисс Найтингейл глубоко переживала эти три утраты, но нота безмятежности отмечала ее преклонный возраст. "Это печальный день рождения, дорогая, - написала она немного позже, - но позвольте мне послать несколько роз, чтобы сказать то, что не могут сказать слова. Мне так много нужно прожить. Я многое потеряла в неудачах и разочарованиях, а также в горе; но, знаешь ли, сейчас, в старости, жизнь для меня еще дороже". Место, освободившееся после смерти мистера Джоуэтта, в некоторых отношениях отныне занимал преподобный Тори Гейдж Гардинер, который время от времени причащал мисс Найтингейл в ее комнате, и чья работа в Южном Лондоне вызывала у нее живой интерес.

Профессорство, которое должны были основать мистер Джоуэтт и мисс Найтингейл, так и не было реализовано. Мисс Найтингейл отложила эту затею в конце 1891 года - "с болью в сердце", по ее словам, ведь это был "предмет всей жизни". Мистер Джоуэтт, зная, что она отказалась от этой затеи, опустил свое завещание в новом завещании, составленном во время его последней болезни. Но когда три года спустя она в свою очередь пришла составлять завещание, то все еще помнила об этой схеме. По ее словам, это был траст, который ей доверили М. Кетеле и д-р Фарр, и он был связан с воспоминаниями о мистере Джоуэтте. Она передала Фрэнсису Гальтону 2000 фунтов стерлингов на определенные цели и заявила, что "эти деньги будут выплачены в приоритетном порядке по отношению ко всем другим завещаниям на благотворительные и иные цели". Она надеялась, что 2000 фунтов хватит на какую-нибудь образовательную работу по использованию статистики, но мистер Гальтон был другого мнения, и в следующем году она отменила завещание кодификацией. В записке карандашом, найденной среди ее бумаг, указана причина: "Я отзываю или аннулирую наследство в 2000 фунтов стерлингов мистеру Фрэнсису Гальтону, потому что он

не считает его достаточным для желаемой мною цели и предлагает создать небольшой Фонд для *исследований*, который, как я полагаю, закончится только тем, что я подарю какую-нибудь бациллу или микроб, а я этого не желаю".

IV

Жизнь мисс Найтингейл, сказал мистер Джоуэтт, была значительной частью его жизни. То, что его жизнь также была значительной частью ее, покажут эти мемуары. Немногие мужчины и женщины знали его так хорошо, и в надписи, которую она послала вместе со своими цветами, она отразила свои воспоминания: "С любовью вспоминаем профессора Джоуэтта, гения дружбы, прежде всего друга Бога". Среди множества писем, полученных ею в связи с его смертью, ни одно не тронуло и не заинтересовало ее так сильно, как письмо лорда Лэнсдауна:...

Симла, 11 октября. Наш дорогой старый друг, если говорить о его телесном присутствии в нашей среде, потерян для нас. Для меня это настоящее горе. У меня не было более постоянного друга, и я не могу [401] выразить благодарность, с которой я вспоминаю его неизменный интерес ко всему, что со мной происходило, и его помощь и наставления в те моменты, когда они были наиболее необходимы. Его слова о том, что он намерен поправиться, "потому что ему еще многое предстоит сделать", трогательны и характерны. Он был из тех, кто никогда бы не успокоился и не сказал, что его дело сделано или что он имеет право отдохнуть от трудов до конца своих дней. Однако было бы очень далеко от истины думать, что его работа подошла к концу, потому что он больше не здесь, чтобы продолжать ее своими руками.

Симла, 25 октября. Из всех правдивых и благодарных слов, которые вы написали о нем, ни одно не кажется мне более правдивым, чем те, в которых вы почти с нетерпением говорите о ничтожных глупцах, считавших, что у него "нет религии". Его религия всегда казалась мне более близкой к той, которой Учитель учил своих последователей, чем религия любого другого мужчины или женщины, которых я встречал, и я сомневаюсь, что кто-либо в наше время сделал так много для распространения истинной религии и христианства в лучшем смысле этого слова.

Все это в точности и глубоко соответствовало тому, что мисс Найтингейл чувствовала по отношению к своему другу. Из всех людей, которых она знала, никто, казалось ей, не вел христианскую жизнь более последовательно, чем мистер Джоуэтт. В своих мыслях о нем она сожалела только об одном. Это было то, что их дружба так и не привела к какому-либо официальному изложению религиозной доктрины. Она не смогла облечь в удовлетворяющую его форму схему Теодицеи, которую они обсуждали на протяжении тридцати лет, а он, по ее мнению, слишком много времени уделял критике и слишком мало - восстановлению. Но в религиозной практике, как богато было его наследие - и в наставлениях, и в примерах! В письмах последних лет жизни мистер Джоуэтт чаще выражал свои мысли, чем в стихотворении Браунинга "*Рабби Бен Эзра*", которое он постоянно рекомендовал мисс Найтингейл. И было еще одно стихотворение, которое он послал ей: *Небесная песнь*, переведенная из Махабхараты сэром Эдвином Арнольдом. "Я думаю, - писал он (6 ноября 1886 года), - она выражает некоторые из самых глубоких мыслей человеческого сердца". Эти два стихотворения, которые мисс Найтингейл прочитала, отметила и выучила, должны были задать ноту ее последним годам.

ГЛАВА IX

СТАРОСТЬ-СМЕРТЬ (1894-1910)

Самые верные, самые безопасные, самые лучшие годы жизни - это последние. Мы должны найти новые способы их использования, делая не так много, но в лучшей манере - экономя, потому что экономия стала необходимой, так как телесные силы, очевидно, становятся меньше: это воля Божья и не может быть избежал или отрицать. - Бенджамин Jowett (*Письмо к мисс Nightingale*, 30 декабря, 1887).

Пусть плоды труда уходят,
Отказавшись от надежды на Меня, с самым смиренным сердцем,
Так и ты придешь; ведь если знать - это больше.
чем усердие, но поклоняться лучше.
Чем знать, а отречься еще лучше.
Рядом с отречением - очень близко -
обитает Вечный Мир.

Сэр Эдвин Арнольд: *Небесная песнь*.

Мисс Найтингейл встретила старость в духе раввина Бен Эзры, и в течение нескольких лет после того, как ей исполнилось 75 лет, она могла наслаждаться "последними днями жизни" с полной отдачей. Кое-что от былой бодрости было утрачено, но кое-что от нежности и покладистости было приобретено. Затем ее силы постепенно иссякли, она все еще была в этом мире, но уже почти не принадлежала ему. Пришло время отречения. Прошло несколько лет задумчивого вечера, а затем наступил конец - или, как страстно верила мисс Найтингейл, начало новой работы в другом мире. В более поздние годы молодой кузен, рассказывая ей о смерти родственника, которого они оба любили, сказал, что теперь, во всяком случае, он находится в покое и мире. Мисс Найтингейл, которая лежала, откинувшись на подушки, мгновенно поднялась и сказала с полным огнем и энергией: "О нет, я уверена, что это огромная деятельность".

Рвение мисс Найтингейл в проповеди евангелия, что последние годы жизни человека должны быть его лучшими, проявляется в серии писем, которые последовательно затрагивают три из основных интересов ее жизни. Первое - кузену, который вот уже тридцать пять лет был ее правой рукой во всем, что касалось школы Найтингейл; второе - политическому деятелю, чьим чаяниям о новой эре в Индии она сочувствовала; и третье - ее старым товарищам по британской армии:-...

(*Генри Бонэм Картеру*.) 10 Саут-стрит, 4 марта [1894 г.]. Мой дорогой Гарри - Ф. Н. не знал или не помнил - более мерзкий я! - что твой день рождения, день, который мы все должны благословлять, был 15 февраля. И не говори "увы!", когда говоришь "это завершает мой 67-й год". Ваше солнце все еще в меридиане, слава Богу! Мистер Джоуэтт всегда говорил, что последние годы жизни были и должны быть лучшими, а о себе он говорил (хотя, боюсь, в последние два года ему пришлось пережить немало страданий и некоторую неблагодарность тех, кого он действительно создал), что эти годы были для него самыми счастливыми - его энергия никогда не ослабевала. Сэр Гарри, необычайно разный человек, часто говорил мне, что последние два или три года были самыми счастливыми. И его энергия, как всегда непостоянная, не ослабевала до самой последней недели его жизни.

Сидни Герберт работал до последних двух недель своей жизни. А мистер Гладстон - ибо это похоже на его смерть[246] - будет оплакиваться не потому, что до последнего момента работал над Домашним правлением, а потому, что до последнего момента поддерживал Палату общин такой, какой она была в те годы, которые я так хорошо помню, в ее лучшие дни под руководством сэра Роберта Пиля, из которых он последний. Разве нет у нас причин радоваться вашей жизни с каждым годом все больше и больше, благодарить вас все сильнее и сильнее и петь не "Dies Iræ", а "Te Deum" за вашу жизнь. И многие другие, кроме нас. Гуди, гуди, дружок! Ты один из тех, кто "открывает Царство Небесное" - то, что "внутри" и здесь - "всем верующим"; и не один из тех, кто прыгает с вершины храма, ничего не зная, а только думая, что "ангелы поднимут их" - как некоторые, кого я мог бы назвать, но воздержусь. И по крайней мере один из "ангелов" всегда оказывается вульгарным ничтожеством. А настоящие "ангелы", которые усердно и детально работают, полностью отрицают "поддержку" прыгающего с пинакля.... Верьте мне, всегда ваш с благодарностью и любовью, Ф. Н.

(Сэру Уильяму Уэддерберну.) 10 Саут-стрит, 13 августа [404] [1896].... У вас нет никаких оснований относиться к будущему с унынием. Провидение еще есть. В этом месяце исполняется 40 лет с тех пор, как я вернулся из Крыма. Видите, как бедно мне помогали, хотя я потерял всех своих друзей среди священнослужителей. Когда я падаю духом, я читаю о герцоге Веллингтоне в битве при Ватерлоо или во время Пенинсульской войны. И я вижу, как он держался. В одиночку он сделал это. И что в итоге? Он спас Европу. Так будет и с вами. Вы спасете Индию.

(Ветеранам Крыма.) 25 октября [1897 г.]. Мои дорогие старые товарищи, я думаю о вас в день Балаклавы и во многие другие дни. В мире, как и на войне, я желаю вам всего наилучшего: Увольняйтесь, как мужчины! Бог, от которого солдаты получают свои приказы, имеет для нас столько же работы для Него в мире, сколько и на войне - слава Его Любви и Мудрости! - и до последних лет нашей жизни, которые должны быть лучшими годами нашей жизни. Никогда не говорите "бедная жизнь". Жизнь - это великолепный дар, если только мы позволим Ему сделать ее такой, здесь и в будущем, для Себя. Да благословит вас всех Господь.

За несколько недель до даты написания письма крымским ветеранам она в своих размышлениях благодарила Бога за все, что Он ей дал: "Работа, постоянная работа, работа с Сиднеем Гербертом, работа с лордом Лоуренсом, и до сих пор без работы". "Я вся пропитана работой", - писала она сэру Дугласу Гальтону (январь 1897 г.). "Вы видите, - сказала она мистеру Бонэм Картеру (сентябрь 1895 г.), - у меня все руки заняты, и я не бездельничаю, хотя люди, естественно, думают, что я уснула или умерла". Один или два раза сообщалось о ее смерти. В другой раз в религиозной прессе появился абзац, в котором говорилось, что мисс Найтингейл, получившая заболевание позвоночника в результате долгого стояния в Крыму, "уже несколько лет находится в больнице Святого Томаса". Этот абзац вызвал целый шквал писем от людей, имеющих "надежные средства" от болезней позвоночника, от верующих целителей, от матерей, у которых были дочери с подобным заболеванием; а в больницу пришло множество цветов и писем с утешениями. "Они ничего не знают, - писала она мистеру Бонэму Картеру (6 июля 1897 года), - какой пресс представляет собой моя жизнь, и часто безнадежный пресс, если бы не вы". Это была насыщенная жизнь, и до самого ее конца она была менее подвержена болезням, чем в прежние годы. Она переросла слабость сердца и нервов, которые часто досаждали в середине жизни, и хотя она все еще держалась в своей комнате, впечатление, которое она теперь производила на всех, кто ее видел, было впечатление крепкой и энергичной старости.

//

Все активные интересы ее жизни по-прежнему занимали ее. Она внимательно следила за ходом санитарной реформы в Индии, и только в 1906 году ее секретарь был вынужден сообщить в Управление по делам Индии, что санитарные документы больше не могут быть ей направлены. Лорд Элгин, сменивший лорда Лансдауна на посту вице-короля в 1894 году, послал к ней своего личного секретаря, сэра Генри Бабингтона Смита, и через него она по-прежнему переписывалась с генерал-губернатором. Дни ее энергичных кампаний прошли; с возрастом она все больше примирялась с теми "периодами индийской космогонии", о которых в годы ее нетерпения напоминал ей лорд Солсбери. Она более полно, чем раньше, осознала, что в Индии санитарное просвещение должно развиваться медленно. В 1898 году она приняла Ага-хана. "Интереснейший человек, - писала она в своем отчете о беседе, - но вы никогда не сможете научить его санитарии. Я никогда раньше не понимала, насколько невозможно для восточного человека заботиться о материальных вещах. Я рассказала ему, как могла, о всех различиях между городом и деревней в течение моей жизни. Как вы думаете, вы улучшаетесь? спросил он. Под улучшением он подразумевал большую веру в Бога. Для него санитария - это нереально и суеверно; религия, духовность - вот единственная реальная вещь". И, кроме того, мисс Найтингейл теперь должна была смириться с ограничениями в том, что она могла надеяться сделать. Эти ограничения и работа в их рамках, которую она все еще была в состоянии сделать, затронуты в статье из ее пера в 1896 году.[247] "Я с болью осознаю, как трудно, как почти невозможно любому человеку, находящемуся на большом расстоянии, сделать что-либо для содействия движению, требующему неустанного труда и наблюдения на месте. Но мне выпала честь время от времени встречать в Англии индийских друзей, искренне желающих получить для своих более бедных соотечественников те блага, которые благодаря санитарной науке постепенно распространяются на массы людей здесь, в городе и деревне, и которые так много делают для укрепления их здоровья и счастья. Поэтому я никогда не упускаю возможности настоять на практическом начале, пусть даже самом незначительном, ибо удивительно, как часто в таких делах прорастает и пускает корни горчичное семя". И далее она рассказала о шагах, которые предпринимал ее друг мистер Малабари для развития санитарного просвещения и даже учреждения должности миссионеров здравоохранения в отдельных районах сельской Индии. Правительство Индии в определенной степени сотрудничало в этой работе. В документе, написанном в 1894 году[248], она выразила "сердечную благодарность лорду Кроссу, лорду Кимберли и мистеру Фаулеру, сменявшим друг друга государственными секретарями Индии, а также лорду Лэнсдауну и лорду Элгину, вице-королям, за личный интерес, проявленный ими" в вопросе санитарной обработки деревень. Она особенно высоко оценила практический и полезный дух, проявленный в депеше правительства Индии от марта 1895 года об учреждении "Книг санитарной инспекции деревень".

///

В армии, тоже, мисс Найтингейл продолжал принимать живой интерес, и сэр Дуглас Гальтон был по-прежнему в пределах - не всегда мгновенно позвонить, чтобы дать ей информацию или совет: -.

(Мисс Найтингейл - сэру Дугласу Гальтону.) 10 Саут-стрит, 24 ноября [1895]. Ах ты турок, ах ты негодяй, сэр Дуглас, не сказать мне, что ты в Лондоне, не вознаградить меня за мою добрую решимость не беспокоить тебя. Я бы задал всего несколько вопросов, но они требуют спешки. (i.) Самый важный: как войска в Кумасси будут снабжаться водой, пригодной для питья, днем и ночью? Спиртовой паек только в качестве лекарства? Будут ли они есть соленую свинину и говядину? Затем об их обуви, чулках и сапогах? Признаны ли они

теперь в штаб-квартире? Наверное, я напрасно тревожусь. Лорд Лэнсдаун так поглощен любительскими затеями по реформе В. О. - не то чтобы я сейчас занимался этим делом; но сейчас мне не хочется писать ему. (ii.) Казармы в Ньюкасле-на-Тайне, депо, где расквартированы 5-е фузилеры, говорят, [407] в ужасном состоянии из-за плохого дренажа: не отрицается, но исправление "обойдется слишком дорого". Мне лично об этом ничего не известно. "Дамская санитарная ассоциация" умирает от желания вмешаться. Сэр Томас Кроуфорд умер, иначе мне следовало бы спросить его совета. (iii.) У нас есть еще одна медсестра (сестра церкви Святого Фомы), которая отправляется в Индию, чтобы присоединиться к армейскому медперсоналу. Трое отправляются на трех кораблях - они не знают куда, каждая идет одна. (И.О. посылает их, как знаменитую *пару* крашенных сурков, которые приплыли на *трех* кораблях, на корочке двухпенсового батона, служившего им провизией во время плавания). Мой просит у меня армейскую медицинскую книжку. Поймите меня правильно: медсестры не должны ничего знать, чтобы на них хорошо смотрели врачи, лечение которых, как мне кажется, осталось таким же, как и 40 лет назад. Но если есть книга, которая могла бы ввести ее в курс дела, не считая ужасного обострения порочной болезни, порекомендуйте ее мне, если сможете".

В 1895 году герцог Кембриджский с неохотой ушел в отставку с поста главнокомандующего, который он занимал почти пятьдесят лет, и сэр Дуглас предложил мисс Найтингейл, чтобы старый солдат обрадовался письму от нее. "Сама бы я никогда об этом не подумала", - ответила она; но, как мы уже видели, в ее сердце было нежное место для герцога[249], и она благосклонно отнеслась к этому предложению. Она прислала сочувственное письмо, в котором, будучи сама старым солдатом, осмелилась поблагодарить герцога за его многочисленные заслуги перед британской армией. "Я получила такой приятный ответ", - сказала она сэру Дугласу. Из ответных слов герцога (1 октября) следует, что любезные комплименты мисс Найтингейл принесли ему некий бальзам на душу в его "великом горе и печали".

Одним из последних вмешательств мисс Найтингейл в административные дела стала настоятельная просьба об улучшении казарм в Гонконге, о которых она получила частную информацию в связи со вспышкой бубонной чумы в 1896 году. Она подготовила тщательное изложение дела и через сэра Дугласа Гальтона обратилась в военное министерство (сэр Эвелин Вуд) и в колониальное ведомство (мистер Чемберлен). Сэр Ивлин Вуд, я уверен, должен был внимательно выслушать все, что она сказала. В 1898 году он назначил ее крестнику[250] и сказал ей, с каким удовольствием он это сделал, "будучи вашим пациентом в 1856 году". Что касается Колониального управления, то она отметила мудрую примету, которую кто-то ей сказал: "Если вы получите частный ответ, дело сделано; если официальный - все кончено". Ее ответ был официальным, но, тем не менее, кое-что было сделано, хотя, как мне кажется, не все, чего она хотела. Другой вопрос, который много занимал мысли мисс Найтингейл в это время был эффект отмены Закона о заразных болезнях, особенно в связи с Индией. В 1896-97 годах был назначен департаментский комитет для отчета о фактах, и было много дискуссий. Мисс Найтингейл осаждали обе стороны за ее мнение. Она нашла в фактах основания для некоторого изменения своих прежних взглядов.[251] Она по-прежнему была против полного восстановления старой системы, но при внимательном изучении фактов решила, что баланс преимуществ, моральных и физических, лежит в основе некоторой степени санитарной предосторожности. Она подписала, с оговоркой,[252] мемориал, выдвинутый принцессой Кристианой, леди Жене и другими, "выражающий нашу тревожную надежду, что будут приняты эффективные меры, чтобы остановить распространение заразных болезней среди наших солдат, особенно в Индии". Было много оскорблений в адрес мисс Найтингейл, и некоторые молились над ней

за такое "отступление". Именно в связи с этим вопросом она написала характерный комментарий об одной из своих подруг: "Она не хочет слушать факты; она хочет быть воодушевленной".

Изучение фактов, продуманность, грамотное управление: вот что постоянно занимало мысли мисс Найтингейл в отношении военных, как и других, дел. Это были вещи, которые неизгладимое впечатление на нее произвела Крымская война. В год бриллиантового юбилея предприимчивый мистер Киралфи задумал организовать выставку викторианской эпохи, в которой один из разделов должен быть посвящен сестринскому делу. Великие дамы подхватили эту идею, и мисс Найтингейл осаждали со всех сторон, чтобы она позволила "представить" себя с помощью фотографий, бюстов, автографов и "реликвий Крымской войны". Мисс Найтингейл при первом же нападении была в своей самой язвительной манере. "О нелепость людей, - писала она, - и вульгарность! "Реликвии", "репрезентации" Крымской войны! Что это такое? Это, во-первых, огромные уроки, которые мы должны были извлечь из ее огромных ошибок и невежества. А еще это обученные медсестры и прогресс гигиены. Таковы "представления" Крымской войны. И я не отдам свой дурацкий портрет (которого у меня нет) или что-то еще в качестве "реликвии" Крыма. Это слишком нелепо. Даже о еде в публичном доме нельзя судить по вывеске на улице. Я не стану *делать вывеску* на выставке. Подумайте о великолепных Королевских комиссиях Сиднея Герберта, которые заложили основу прогресса в британской армии! Подумайте о неустанном труде санитаров! И вы просите у меня фотографию крысы! Да еще в такой момент, когда в Бомбее свирепствует чума!" Но, изложив свои мысли в нескольких письмах на этот счет, мисс Найтингейл позволила своему сердцу быть убежденным. Леди Вантедж, которой она нежно восхищалась, поднялась по лестнице на Саут-стрит, чтобы лично подать иск, и мисс Найтингейл сдалась. "Леди Вантедж была так очаровательна, - писала она, наполовину стыдясь своей капитуляции, - и она не стала "брать", когда я ушла в Королевские комиссии, и она осталась при своем мнении, и она была так любезна, и она такая очень хорошая женщина". Так что "бюст Флоренс Найтингейл" был одолжен, а ее старая "крымская карета", привезенная с чердака в деревне, была залатана, чтобы служить в качестве "реликвии". Один выдающийся писатель (но он был юмористом) рассказывал, что однажды видел, как итальянский шлифовщик органов стоял на коленях перед витриной магазина в переулке Святого Мартина, взяв у дантиста витрину для мощей святых. Возможно, это было слишком далеко; но "надежда на подол одежды" глубоко укоренилась в мужских сердцах. "Нам нужно что-то, что можно любить", - сказал один из друзей мисс Найтингейл, поддержав петицию леди Уонтедж, - "а Королевские комиссии любить нельзя". Крымская реликвия послужила. На выставке видели, как старый солдат подошел к карете и поцеловал ее. Бюст тоже был украшен. "Теперь я должна спросить вас, - писала мисс Найтингейл своему кузену Луи (16 октября 1897 года), когда выставка должна была закрыться, - о моем бюсте. (Здесь я останавливаюсь, чтобы произнести много плохих слов, не подходящих для бумаги. Я также произношу благочестивое пожелание, чтобы бюст был разбит). Я бы и не вспомнил о нем, но мне сказали, что каждый день кто-то приходит, чтобы украсить его живыми цветами. Я благочестиво желаю, чтобы этот человек был спасен. Вы (не знаю, за какие грехи), похоже, мой "деловой человек". Что делать с этим бюстом?" Личные размышления мисс Найтингейл были тем серьезнее, что она соблюдала то, что считала сущим пустяком. Выставка стала для нее поводом для благодарности Богу. "Как неэффективна я была в Крыму! Но Он поднял из него обученных медсестер!"

Воспоминания о Крыме не давали покоя мисс Найтингейл в эти годы. В День Ватерлоо, 1898 год, она сделала интересную заметку: "Какой администратор герцог!"

Каким администратором был герцог! Он выбрал почву для битвы - он, а не враг. Своими конструктивными мерами заставив их принять выбранное *им* место, он, у которого не было штаба, способного помочь ему, сам руководил всем. Он заставил каждый корпус расположиться на выбранном им месте на следующий день; боеприпасы, которые потребуются каждому корпусу, были доставлены ему по *его* приказу (сколько сражений было проиграно из-за недостатка боеприпасов!); он предусмотрел все возможные непредвиденные обстоятельства. Ничем нельзя было пренебречь, ничего нельзя было потерять, ничего нельзя было провалить. Так он избавил Европу от величайшего военного гения, какого только видел мир. Как сильно отличался герцог от лорда Раглана, если не считать того, что оба были благородными джентльменами! Случайный доктор, волонтер, гражданский, человек, о котором никто никогда не слышал, сообщил лорду Раглану в письме, что если не улучшить условия проживания людей, не улучшить их питание и одежду, то через несколько недель у него вообще не будет армии. Лорд Раглан тут же прискакал один, за исключением одного ординарца, сошел с лошади, вошел в палатку своего осведомителя и сказал: "Вы знаете, что я могу предать вас военному суду за это письмо". Тот ответил: "Милорд, именно этого я и хочу. Тогда правда выйдет наружу. А что будет со мной? Но не могли бы вы сначала проехать один, как сейчас, и проверить, правда ли то, что я [411] сказал?" Лорд Раглан так и поступил и убедился, что это чистая правда. Так армия была спасена. Люди умирали от цинги из-за соленого мяса, но берега Эвксинского моря были переполнены скотом.

Начало войны в Южной Африке привело ее мысли к другому интересу, который сильно занимал ее в Скутари, - лучшему трудоустройству солдата в мирное время.

"Лондон полон, - отмечала она (октябрь 1899 года), - слухами о войне с бурами. Не могу сказать, что эти слухи пугают меня. Немногие мужчины и еще меньше женщин видели столько ужасов войны, сколько видела я. И все же я не могу сказать, что война кажется мне безусловным злом. Солдат на войне - это *человек*: преданный своему долгу, отдающий жизнь за своего товарища, свою страну, своего Бога. Я не могу вынести этого: "Сравните его с мирным солдатом в казарме"; вы скажете: "Так неужели у вас всегда будет война? Что ж, я не имею никакого отношения к вопросам войны или мира. Я могу лишь сказать, что вы должны увидеть человека на войне, чтобы понять, на что он способен. Если вы проедете мимо барака, то увидите, что из каждого окна выглядывают две головы, которые бездельничают и болтаются. И единственное существо, которое хоть что-то делает, - это собака, которая несет продукты своей жене, у которой есть щенки. И мораль такова: Обеспечьте солдату активную занятость".

IV

Она не смогла принять никакого активного участия в отправке медсестер в Южную Африку, хотя к ней поступало много запросов, и многие медсестры писали ей с места военных действий. Для "Шотландского госпиталя в Южной Африке" она пожертвовала 100 фунтов стерлингов - дар, который был частично вдохновлен любовью к ее "благодарному и любящему ребенку", мисс Спенсер, матроне Эдинбургского лазарета, которая была очень заинтересована в этой схеме.

Интерес мисс Найтингейл к работе своих старых учеников по всей стране, к обучению своих стажеров в больнице Святого Томаса и к делам сестринского мира в целом не ослабевал в последние годы века. Битва медсестер за регистрацию продолжалась, и время от времени к

ней обращались за помощью. В 1895 году были сделаны определенные предложения. "Должна ли я царственно отказаться от этого, - спросила она, - или дать им отбой?" Она выбрала последнее. Чуть позже одному из ее союзников показалось, что он слабеет. "Я сделала это с той мягкостью, которой я так отличаюсь! Он сдался. Он очень яркий мужчина, с большим присутствием духа, мастерски владеет собой, но принцессы его поражают". Она тоже много работала, советуясь о назначениях. Однако была одна часть мира - Буэнос-Айрес, от которой мисс Найтингейл начала умывать руки. "Из последней партии все вышли замуж в течение года; что толку посылать еще?" Дома "нужны четыре преемника", - писала она (1896), - "и четыре сотрудника воют". Матрона одной из сельских больниц собиралась уйти в отставку: "Я получила от нее два письма и четыре телеграммы во вторник и в другие дни в пропорции". Объем ее сестринской корреспонденции в 1896-97 годах, действительно, так же велик, как и в любое другое время, и она по-прежнему регулярно получала визиты от матрон, сестер и медсестер. "Просмотрев массу записей сестер, экзаменационных работ испытуемых, книг дел и дневников, и имея удовольствие провести много дней с испытуемыми и бывшими испытуемыми", она нашла "много поводов для благодарности" в своей школе; но "поскольку мы всегда стараемся добиться прогресса", она предложила Совету ряд подробных предложений по реформе. В течение нескольких лет она также много консультировала лорда и леди Монтегл в вопросе, который они продвигали, - подготовке медсестер для ирландских работниц. Ее забота о друзьях-медсестрах была постоянной. В год юбилея (1897) королева Виктория пригласила ее приехать в кресле для купания на передний двор Букингемского дворца, чтобы наблюдать за процессией. Она не могла выйти из своей комнаты, но вспомнила о медсестрах и купила несколько мест, чтобы распределить их между ними. Ее очень заинтересовала одна медсестра, которая добровольно отправилась на чумную службу в Индию: "Самый глубокий, тихий, поразительный человек, которого я видела из нашего нынешнего персонала, и такой симпатичный. Не энтузиаст, разве что в старом добром изначальном смысле: Бог в нас. Она твердо и осторожно решила отправиться в чум". После серии интервью с медсестрами и писем от них (1898), мисс Найтингейл отметила некоторые впечатления от типов. Она ценила эффективность, но осуждала обнаруженную ею тенденцию подменять профессионализм сердцем. Кто такие "ангелы-служители"? спросила она. "Ангелы - это не те, кто ходит и разбрасывает цветы: любой непослушный ребенок хотел бы это сделать, даже любой негодяй. Ангелы - это те, кто, подобно медсестре, горничной или мусорщице, выполняют отвратительную работу, устраняя повреждения здоровья или препятствия на пути к выздоровлению, опорожняя помои, обмывая пациентов и т. д., за все это они не получают никакой благодарности. Это Ангелы. Они тоже говорят добрые слова и сочувствуют. Дряблая медсестра, плачущая так, будто у нее сердце разорвется, с передником на голове, потому что бедная маленькая капризная тварь, которая никогда не доставляла ей ничего, кроме неприятностей, умерла, - это Ангел; а медсестра, которая спокойно идет по отделению, отмечая, сколько детей умерло, которые были живы, когда она в последний раз делала обход, - это отнюдь не Ангел".

В таких мыслях у мисс Найтингейл был постоянный единомышленник в лице великой герцогини Баденской, которая из года в год писала ей в выражениях теплой привязанности, сообщая о прогрессе в немецком сестринском деле - отчеты, которые говорили о профессиональном совершенствовании, но также, как считала великая герцогиня, о некотором отсутствии высоких идеалов. Императрица Фредерика тоже продолжала видаться с мисс Найтингейл из года в год, и их беседы были очень сочувственными. Из ее союзников дома мистер Бонэм Картер был полезен не только в ведении школы Найтингейл, но и в управлении ее личными делами. Мистер Рэтбоун до последнего сохранял преданность ей как основательнице современного сестринского дела. "Мне было позволено, - писал он (27 декабря 1897 г.), - работать с вашим вдохновением и мудрыми советами в течение более 35

лет в качестве одного из ваших агентов в вашей великой работе, за что я вам глубоко благодарен. Я остаюсь, пока длится жизнь, вашим преданным другом и, по крайней мере, вашим верным слугой". "Не выходя из своей комнаты, - добавил он, - вы сделали больше для распространения реформ, чем могли бы сделать, имея самое крепкое здоровье и силы". Это не было мнением мисс Найтингейл; она могла только направлять или советовать; в течение многих лет она была вынуждена оставлять действия другим. Ощущение этой немощи не становилось меньше, но с годами оно стало восприниматься как общий удел стариков. Ей не нравилось все, что она видела, но по необходимости и по дисциплине характера она стала менее нетерпеливой. Теперь она могла с нежной терпимостью относиться к свадьбе в своей семье медсестер. Одному "ребенку" она послала подарок: "С наилучшими пожеланиями брака от Ф. Н., хотя и жаль тебя терять. Приходи ко мне". Она даже простила старого друга, чей брак за много лет до этого был воспринят ею как "дезертирство". Она видела вокруг себя много поводов для критики, но ей было достаточно поддерживать свои собственные идеалы, и ее критика стала менее цензурной. "Помни, - говорила она себе в раздумьях, - Бог - не мой личный секретарь". По мере того как исчезали старые друзья, она все внимательнее присматривалась к молодому поколению. Сэр Роберт Роулинсон, более сорока лет переписывавшийся с ней по санитарным вопросам, умер в 1898 году; сэр Дуглас Гальтон - в 1899-м; мистер Рэтбоун - в 1902-м.^[253] Она очень хотела, чтобы заслуги сэра Дугласа Гальтона были правильно оценены в прессе, и предприняла ряд мер для этого. "Человек, которого мы потеряли, - писала она в частном порядке (12 марта 1899 года), - сэр Дуглас Гальтон, был первым королевским инженером, который ввел *санитарные* работы в инженерное дело. Сам глава этих людей в военном министерстве, инженеров Р., сказал мне: "Наше дело - прокладывать дороги и строить мосты, мы не имеем никакого отношения к здоровью и подобной врачебной работе", - или что-то в этом роде. Сэр Д. Г. открыл свои уши, свое сердце и свой разум и направил все свои силы на спасение жизни, работая по своей специальности". "Человек чувствует, - писала она в День всех душ в 1896 году, - что уходят из жизни многие, кто казался важным для мира. Сейчас у меня нет никого, кому я могла бы рассказать о тех, кто ушел. Но тем сильнее я жажду увидеть преемников. Как там говорится в этом стихе: "Тщательное ожидание твари ожидает явления сынов (и дочерей) Божиих". И я благодарен за многие благородные души, которые я знал".

V

Постепенно силы мисс Найтингейл иссякли. Последние пятнадцать лет своей жизни она редко покидала свою комнату на Южной -стрит. Последний раз она приезжала в Эмбли в августе 1891 года. Ее дом был продан в 1896 году, "а мне не нравится, когда меня вывозят из Хэмпшира", - говорила она. В Клейдоне она в последний раз была в 1894-95 годах. В Лиа-Херст, который был сдан в аренду на 10 лет в 1883 году, она не ездила после смерти матери, хотя до конца сохранила интерес к местным делам. Уже в 1887 году она говорила о себе, что "почти ослепла"; а в 1895 году, перечисляя симптомы, о которых следует спросить врача, она включила в список "потерю памяти". Поначалу она запоминала только даты и имена, но через несколько лет эта потеря стала более общей. Зрение, которое беспокоило ее уже некоторое время, теперь отказало. Длинные серии карандашных размышлений прекратились. В поздние годы в них, хотя и было еще много самобичевания, стало больше покоя и надежды. "3-4 ноября 1893 года. Тридцать девять лет назад прибыл в Скутари. Огромные благословения, которые я получил, желания моего сердца, которые исполнились, а теперь меня влекут к Тебе трудности и разочарования". "Возвращение на родину". "Я вошла".

Из-за того, что первым из ее способностей отказало зрение, есть одно исключение из общего утверждения, что отказ был постепенным. Способность писать отпала сразу. Почерк мисс Найтингейл, факсимиле которого уже приводилось, был очень характерным: четким, жирным и аккуратным. Она была одержима идеей делать все, что она берет на себя, настолько идеально, насколько боль может позволить ей. В ее почерке каждая буква хорошо сформирована, каждое слово имеет свое четкое пространство: абзацы, вставки и интервалы расположены аккуратно, чтобы помочь читателю понять смысл; но все это сделано с атмосферой свободы и отличия. В шрифте чувствуется артистизм; можно привести в пример характерное образование буквы *F* в ее подписи. Немногие люди, я думаю, когда-либо писал так много, как мисс Найтингейл сделал своей собственной рукой, и письмо никогда не ухудшилось. Некоторые из ее лучших друзей и помощников - Сидни Герберт, например, и Дуглас Гальтон - писали, когда торопились, худшими руками; и она часто писала карандашом поверх их почти неразборчивых каракулей, точную копию того, что она предполагала, что слова должны быть. Многие из ее собственных писем были написаны карандашом, поскольку она много писала в постели; но она использовала особую марку, приобретенную ее другом мистером Фредериком из Военного министерства, - твердую и нелегко стирающуюся, и ее почерк так же хорош в карандаше, как и в ручке. В ее манере были некоторые отклонения. В середине жизни, как сказал о ней кто-то, ее почерк "скакал по странице, вскидывая гриву". В молодости и в возрасте она была чрезвычайно аккуратна. В самых последних образцах, которые я видел, можно заметить лишь легкую дрожь в строчках; форма букв и интервалы между ними точны, как никогда. Затем зрение отказало, и письмо почти прекратилось.

Примерно с 1901 или 1902 года она не могла ни читать, ни писать, только с большим трудом. На кровати больше не было газет. Руки затекли. Ее глаза смотрели на друзей с еще большей, чем прежде, добротой, но не с прежней проницательной ясностью. В 1902 году мисс Найтингейл убедили принять услуги компаньонки, мисс Кокрейн; которая, уйдя замуж, была заменена в 1904 году мисс Элизабет Босанкет. Потребовалась определенная дипломатия, и сначала было решено, что должность будет называться "леди-экономка". В действительности же это была должность личного секретаря, причем с большой инициативой. Мисс Найтингейл нелегко поддавалась своим недугам; она скрывала их так ловко, что иногда вводила в заблуждение посетителей, которые принимали любезное "да, дорогая" за выражение более интеллектуального понимания и согласия, чем на самом деле за ним скрывалось. Лорд Китченер, который нанес ей визит, отметил мисс Кокрейн после беседы, как внимательно мисс Найтингейл в ее старости следил за происходящим; но она знала, что лорд Китченер придет и подготовился, расспросив мисс Кокрейн полностью и впечатлением на ее собственной памяти, что ее посетитель в последнее время делал. В течение нескольких лет ей нравилось чувствовать, что она все еще находится в движении мира, и чтобы ей читали ежедневную газету - таким образом, в пожилом возрасте она подчинилась занятию, которое в молодости вызывало у нее нетерпеливое отвращение. Ее *"Заметки об уходе за больными"*, написанные почти за полвека до этого, в некоторых отношениях оказались верными, но не в других. Она была равнодушна к некоторым из ее наставлений, а в последние годы не обращала внимания на евангелие открытого окна. Но то, что она заметила в больничных палатах о вкусах других людей, было признано истиной теми, кто ухаживал за ней. Пока она могла видеть, она очень любила, чтобы вокруг нее были цветы. И еще она писала, что тем, кто сам уже не в силах действовать, нравится "слышать о хороших практических действиях других". Именно это она и нашла в старости. Ей нравилось, когда ей читали биографии и эссе, в которых рассказывалось или одобрялось энергичное действие. Она никогда не уставала от некоторых страниц из *"Напряженной жизни"* мистера Рузвельта и выражала свое одобрение, энергично стуча по столу рядом с собой. В течение нескольких

лет ее телесная сила хорошо сохранялась, и она почти не страдала, за исключением иногда возникавшего ревматизма. Она была довольно трудной пациенткой, поскольку не могла заставить себя поверить, что нуждается в уходе. Она не очень-то жаловала появление сиделки. В ее жизни господствовала сильная страсть, и когда сиделка укладывала ее на ночь, она часто меняла все местами, вставала с кровати и шла в соседнюю комнату, чтобы уложить сиделку. Она не понимала, что ее секретарь живет с ней днем и ночью, и когда ей говорили "спокойной ночи", она отвечала: "А теперь, дорогая, как ты поедешь домой? Позволь мне вызвать такси". Ее голос все еще сохранил свое качество. В глубокой старости она декламировала Мильтона и Шелли, а также итальянские и французские пьесы в богатых, полных тонах. Иногда она напевала, все еще сладким и задорным голосом, обрывки итальянских песен. Ее голос, по словам тех, кто часто бывал с ней, казалось, заполнял всю комнату. "Однажды, - рассказывает кузина, - она возражала против того, чтобы ей помогли одеваться, и я была вызвана снизу вверх великолепными легкими криками". Но бунт возникал лишь изредка. На всех, кто ей прислуживал, она производила неизгладимое впечатление неизменной добротой и вниманием.

Флоренс Найтингейл

1907

с акварельного рисунка мисс Ф. Алисии де Биден Футнер

К ней по-прежнему приходило много гостей, помимо кузенов и других родственников. Из старых друзей чаще всего ее видела мисс Полина Ирби. Иногда ее навещал незнакомец, для которого это событие имело почти иератическое значение. Мисс Найтингейл больше всего нравились те посетители, у которых был обильный поток энергичного разговора. Пауза в разговоре, который она могла ожидать, чтобы заполнить, начав новую тему, была напряженной для нее. Меньше всего ее утомляли визиты матрон и сестер милосердия. Она любила слушать об их работе, пациентах и особенно о предложениях по улучшению. Одна из ее подруг-медсестер сделала паузу в разговоре, чтобы спросить: "А я вас не утомляю?" "О, нет, - быстро ответила мисс Найтингейл, - вы даете мне новую жизнь". Диктовать какие-либо сообщения от себя самой теперь было выше ее сил. Из присланных ей сообщений те, которые она дольше всего сохраняла способность воспринимать, были от крымских ветеранов.

VI

Память, зрение и умственное восприятие стремительно ухудшались, когда ей были оказаны венчающие ее жизнь почести (как их считает мир). 28 ноября 1907 года король Эдуард с "большим удовольствием" написал ей письмо с предложением наградить ее орденом "За заслуги" "в знак признания неоценимых заслуг перед страной и человечеством". Для нее был подготовлен подходящий ответ, и 5 декабря сэр Дуглас Доусон от имени короля привез орден - тогда он впервые вручался женщине - на Саут-стрит. Мисс Найтингейл понимала, что ей оказана некоторая любезность, но вряд ли больше. "Слишком добрый, слишком добрый", - сказала она. 16 марта 1908 года ей была вручена свобода лондонского Сити - до этого ее удостоилась только одна женщина, леди Бердетт-Куттс. Мисс Найтингейл с большим трудом удалось подписать с кровати свои инициалы на почетном списке Сити, но сомнительно, что она понимала, что ее просят подписать. Возможно, так было лучше. В годы своей силы она всегда с ужасом и опаской относилась к похвалам мира. В дни слабости, когда силы работать в этом мире покинули ее, она бы посчитала такие почести, если бы понимала их, слишком запоздалыми. Она искала не короны славы, а возможности совершить Новое дело.

Но награды мира могут иметь реальную ценность не только для тех, кто их получает. Значительная честь, оказанная короной мисс Найтингейл, привлекла внимание к ее работе и ее примеру. Не, конечно, что они зависели от случайной помощи в запоминании. Для некоторых мужчин и женщин, чьи годы много, это суждено, что они должны пережить свою славу. С мисс Найтингейл все было не так. Ей было дано стать при жизни традицией и почти институтом; и чем дольше она жила, тем больше, тем шире распространялась ее слава. Уже в свой 80-й день рождения (1900) мисс Найтингейл принимала поздравления от королей и королевских особ, от школ и обществ, от медсестер и ассоциаций медсестер во всех частях света. В Соединенных Штатах имя Флоренс Найтингейл было еще более широко известно и любимо, чем в Великобритании, и уже в 1895 году американский посол (мистер Байярд) попросил чести интервью, чтобы сказать ей, "как сильно ее почитают в Соединенных Штатах". Возможно, поздравления, которые могли бы порадовать мисс Найтингейл больше всего - ведь она любила эффективность и читала *"Душу народа"* - были теми, которые пришли с Дальнего Востока. Из Токио 28 ноября 1900 года принцесса Императорская прислала следующее письмо: "Комитет дам Общества Красного Креста Японии имеет удовольствие передать Вам свои сердечные поздравления по случаю Вашего 80-летнего юбилея. То, что Послание дошло до Вас с опозданием, объясняется огромным расстоянием, которое

отделяет Вашу страну от нашей. Но как бы ни была далека наша страна от Вашей, пример Ваших благородных усилий, ставший теперь историческим, не меньше затронул ее жителей; ведь именно благодаря импульсу, который Вы дали гуманной работе по уходу за больными и ранеными солдатами, обученные медсестры нашего Общества, насчитывающие более 1500 человек, а также члены нашего Комитета, с большим рвением прилагают усилия к изучению и практике, необходимой для полной эффективности в час нужды. Пусть ваш день будет еще долгим, чтобы вы могли видеть, как долговременное влияние вашей работы расширяется благодаря ее собственной добродетели все больше и больше на всех землях земли".

Таким образом, мисс Найтингейл не была забыта, когда государь наградил ее орденом "За заслуги"; но общественная честь установила новый культ ее имени и работы. Среди частных поздравлений, присланных ей, было одно, которое, если бы она была в состоянии его осознать, должно было согреть в ней солдатское сердце. Оно было от лорда Робертса: "Позвольте мне от имени леди Робертс и от себя лично искренне поздравить вас с честью, которую король милостиво соизволил вам оказать. Это действительно честь, оказанная ордену "За заслуги", все члены которого должны гордиться тем, что в его список включено имя Флоренс Найтингейл". Немного позже добрые мысли посетили и германского императора. Он гостил в Нью-Форест. "Его Величество, - писал немецкий посол (10 декабря), - только что завершив приятное пребывание в прекрасных окрестностях вашего старого дома близ Ромси, велел мне подарить вам несколько цветов в знак своего уважения". Мэр ее родного города, Флоренции, прислал поздравления; Патриотическое общество Болоньи сделало ее почетным компаньоном. Со всех концов Великобритании, из доминионов, из Соединенных Штатов сыпались послания. Это была история "Народной героини", повторенная через пятьдесят лет. Просители и охотники за автографами были настойчивы, поэты - усердны. Большое племя флорентийцев, названное в честь героини Крыма, отправляло послания. Предлагались цветы, рукоделие, иллюминированные открытки. Компании девушек-скаутов называли себя "Соловьями". В Америке существовали "Общества Флоренс Найтингейл". "Письма на день рождения Флоренс Найтингейл" стали любимым школьным упражнением. Были ветераны Крыма, которые присылали цветы или сообщения, вспоминая волнующие времена, в которые они "служили с ней", или которые "в старости и страданиях" хотели дать мисс Флоренс Найтингейл знать, что они держат ее "в живом и благодарном воспоминании".

В июне 1907 года в Лондоне состоялась Международная конференция обществ Красного Креста. Королева Александра направила послание, в котором говорилось о "пионере первого движения Красного Креста, мисс Флоренс Найтингейл, чьи героические усилия в интересах страдающего человечества будут признаны и восхищены всеми веками, пока существует мир". По инициативе венгерских делегатов конференция единогласно постановила, что "великое и несравненное имя мисс Флоренс Найтингейл, чьи заслуги на поприще человечества никогда не будут забыты и которая возвела уход за больными в ранг благотворительного искусства, налагает на Восьмую международную конференцию обществ Красного Креста благородную обязанность воздать должное ее заслугам, горячо выразив свое высокое почитание".

В мае 1910 года в нью-йоркском Карнеги-холле состоялось большое собрание, на котором оратор Америки мистер Чоут выступил с хвалебной речью, "свидетельствующей о восхищении всего американского народа великими заслугами и благородной жизнью Флоренс Найтингейл". Собрание, собранное в честь юбилея Школы подготовки медсестер, красноречиво говорило о распространении ее работы, являясь представителем тысячи школ подготовки медсестер в этой стране.

Объект этих дружеских проявлений уже выходил из-под влияния шумихи. Ее зрение ослабло. Ее понимание становилось все более слабым. Ее постоянным лечащим врачом стал доктор Мэй Торн, чье мастерство и неустанная забота во многом облегчили последние годы, проведенные в постели. Сэр Томас Барлоу периодически вызывался для консультаций. Число посетителей теперь ограничивалось двумя-тремя в неделю. Визиты были утомительными, поскольку, когда посетители уходили, она не могла понять, что их больше нет в комнате. Она также не всегда помнила, кто из ее старых друзей еще жив. Она не знала, что сэр Гарри Верни умер, иногда спрашивала его и удивлялась, почему он не приходит. Помимо собственных "племянниц", она по-прежнему виделась с сестрами из больницы Святого Томаса или другими друзьями-медсестрами и иногда могла вопросом или двумя проявить интерес к тому, что они говорили. Одной из последних, кто видел ее за пределами близкого круга, была мисс Прингл, ее близкая подруга, жемчужина предыдущей главы. "Она сидела у огня в знакомой комнате, ее ум был явно занят счастливыми мыслями, и раз или два она говорила тоном, выражающим удовлетворение". Это было в феврале 1910 года. Она уже не могла следить за постоянным чтением, но по-прежнему любила слушать знакомые гимны. Любимым, если судить по тому, как часто стихи из него появляются в ее последних размышлениях, написанных на сайте, был "О Господи, как счастливы мы должны быть, Если б могли мы на Тебя свои заботы переложить, Если б могли от себя отдохнуть". Когда-то это было выражением стремления, теперь, возможно, достижения. Конец наступил очень мирно. В начале августа 1910 года она почувствовала какое-то недомогание, но, казалось, не было причин для немедленного беспокойства. 13 августа она заснула в полдень и больше не просыпалась. Она умерла около половины второго часа дня. Она прожила 90 лет и три месяца.

Родственники отказались от предложения похоронить ее в Вестминстерском аббатстве. Она оставила распоряжение, чтобы ее похороны были максимально простыми и чтобы ее тело до могилы сопровождали не более двух человек. Ее похоронили рядом с отцом и матерью в церковном дворе Ист-Уэллоу, недалеко от ее старого дома в Хэмпшире. Тело несли к могиле шесть ее "детей" из британской армии - сержантов, набранных из нескольких полков гвардии. Ее желание, чтобы за гробом шли только два человека, не было выполнено. Похороны проходили в максимально приватной обстановке, но было собрано множество цветов от людей всех профессий, возрастов и степеней, а дорожка и церковный двор были заполнены огромной толпой мужчин, женщин и детей, большинство из которых были плохо одеты.

Могила семьи отмечена четырехугольным каменным памятником. На двух сторонах - надписи, сделанные мисс Найтингейл, в которых говорится о погребении здесь ее отца и матери; на третьей - надпись в память об их старшей дочери, леди Верни, которая похоронена в Клейдоне. На четвертой стороне - небольшой крест с буквами "F. N." и словами "Born 1820. Умерла в 1910 году". Семья, по ее желанию, не установила никаких других памятников.^[254] Над ее могилой был исполнен гимн епископа Хебера. Она не уставала цитировать его в посланиях своим медсестрам и солдатам, и те, кто был рядом с ней в последние годы, часто были взволнованы тем огнем, который она по-прежнему вкладывала в свои строки:

Сын Божий идет на *войну*,
Царскую корону обрести,
Его кроваво-красное знамя развевается вдали:
Who follows in his train?

Сноски:

[254] Поминальные службы прошли в соборе Святого Павла, в Ливерпульском соборе и во многих других культовых сооружениях. Английская община во Флоренции установила символический мемориал по проекту мистера У. Сарганта в клуатрах Санта-Кроче. В нашей стране будет установлено несколько мемориалов. Армейские медсестры установили мемориальное окно в часовне военного госпиталя в Миллбэнк. В Дерби будет установлена статуя (работы графини Феодоры Глейхен); все средства, которые могут быть получены из Мемориального фонда, будут переданы районным медсестрам в округе. Национальный мемориальный фонд" должен быть направлен, в первую очередь, на создание статуи (автор - мистер Артур Г. Уокер) в каком-нибудь общественном месте Лондона, а затем - в Пенсионный фонд медсестер.

[129] Письмо сэру Бартлу Фреру, 2 июля 1872 года.

Однако в то время она не последовала этому предложению. Она восприняла игнорирование лордом Нортбруком своего обращения к ней как еще одно свидетельство того, что она должна была покинуть свой пост.

[130] В *"Письмах Джона Стюарта Милля"*, 1910, т. ii. с. 100-105.

[131] Цитируется в Библиографии А, № 93.

[132] В некоторых маргиналиях на *"Фьоретти* святого Франциска".

[133] Эдвард Денисон, умерший в 1870 году в возрасте 30 лет.

[134] См. т. I. с. 480.

[135] Писатель-мистик; автор книги *"Пилигрим и святыня"*.

[136] См. т. I. с. 471, п.

[137] *Заметки об институтах для лежащих больных*; см. выше, с. 197.

[138] Я несколько сжал аргументацию в этом письме.

[139] См. *первое* издание, том ii, с. 145, и *второе* издание, том iii, с. 161-162.

[140] Однажды она забыла греческое слово "безграничный" и попросила мистера Джоуэтта подсказать ей. В ответ он процитировал Гомера: "αποτον μεραυα, бушующий ненасытно или без предела", - и язвительно добавил: "Кого это означает?".

[141] См. *второе* издание, т. iii. с. 145.

[142] Ссылки: *первое* издание, том iii. стр. 26 и далее; *второе* издание, том ii. стр. 302 и далее.

[143] "Епископ запретил наши "Стихи" и некоторые другие вещи на законных основаниях - то есть на основании мнения сэра Треверса Твисса (бедняга!). Мы будем помещать их в

отдельную книгу. Он говорит, что "они великолепно подобраны" (*письмо мистера Джоуэтта от 16 марта 1872 года*).

[144] См. Abbott and Campbell's *Life and Letters of Jowett*, vol. ii. pp. 35-36, и "Воспоминания о профессоре Джоуэте" в *"Исследованиях прозы и поэзии"* Суинберна, с. 33. Полное название книги - *"Школьная и детская Библия, подготовленная под руководством преподобного Уильяма Роджерса"* (*The School and Children's Bible prepared under the Superintendence of the Rev. William Rogers*. Лондон: Longmans, 1873).

[145] Он воспользовался ее предложением в постскрипуме (во *втором* издании) к своему "Введению к *Фаэдру*".

[146] Книга сэра Эдвина Арнольда *"Небесная песнь"* (перевод с "Махабхараты"): см. ниже, с. 401.

[147] Письмо мистеру Джоуэтту, 17 апреля 1873 года.

[148] См. Библиографию А, № 67.

[149] Здесь имеется в виду "Обращение к испытуемым" мисс Найтингейл (1872), в котором она написала: "Чтобы быть хорошей медсестрой, нужно быть совершенствующейся женщиной; ведь застойные воды рано или поздно, как и застойный воздух, как мы знаем сами, всегда становятся испорченными и непригодными для использования. Кто-нибудь из нас является *застойной женщиной*?"

[150] Роль домашней сестры была "создана" и эффективно выполнялась в течение 21 года мисс Кроссланд, которая вышла на пенсию в 1895 году. "Около 600 медсестер прошли испытательный курс под ее руководством и впоследствии стали работать медсестрами в больницах или лазаретах общего профиля, или обучаться на районных медсестер для бедных, и очень многие из них стали матронами, суперинтендантами или палатными сестрами". (*Отчет Фонда Найтингейл за 1895 год*).

[151] Инициалы не настоящие.

[152] См. ниже, с. 348.

[153] Библиография А, № 75.

[154] См. выше, с. 125.

[155] Библиография А, № 80.

[156] В 1875 году мисс Мачин перешла из больницы Святого Томаса вместе со штатом медсестер в Главный госпиталь в Монреале.

[157] Полную информацию о ней можно найти в ежегодных *отчетах Фонда Найтингейл* (в настоящее время доступны в библиотеке Британского музея).

[158]

Рукам, которые работают, и глазам, которые видят
Дайте мудрости небесной знания,
Чтобы здоровые и больные, слабые и сильные
Пусть славят Тебя всегда.

[159] Другому суперинтенданту, который вступал в новую должность, мисс Найтингейл прислала в комнату "венки из вечных цветов и кукурузы, чтобы они стали моими маленькими посланниками и рассказали, как вы сеете семена, которые вырастут и станут для нас хлебом жизни, и как работа, которую вы делаете, вечна. Слава Богу за это".

[160] Даты этих обращений см. в Библиографии А, № 63.

[161] Уже в своих *"Дополнительных заметках"* за 1858 год (Библиография А, № 9) она включила предложения по созданию "Фонда обеспечения медсестер".

[162] Здесь использованы следующие материалы: (1) переписка с доктором Фарром (1866); (2) письмо, написанное, но не отправленное в журнал *"Макмилланс"* (1867); (3) черновик очень длинного письма, адресованного неназванному корреспонденту в 1869 году; и (4) статья для *"Девятнадцатого века"*, 1880 (Библиография А, № 103).

[163] Из обращения Сэмюэля Бентона, помощника врача-резидента Хайгейтского лазарета, в память о мисс Энни Хилл (поступила в качестве стажера в больницу Святого Томаса в 1871 году; назначена матроной в Хайгейте в 1872 году; умерла в 1877 году).

[164] Письмо мисс Найтингейл приведено на с. 51 книги полковника Юла *"Мемуары генерала сэра Уильяма Эрскина Бейкера"* (частное издание 1882 г.).

[165] Ссылка на эту тему - смертность от голода - есть в письме мистера Гладстона, которое цитируется ниже, стр. 292.

[166] Кронпринцесса виделась с мисс Найтингейл 8 августа 1874 года.

[167] Письмо мадам Моль, 31 октября 1868 года.

[168] В связи с выбором Дели в качестве новой столицы Индии, наконец-то будет проведена "санитарная регенерация" Дели. (См. *"Таймс"*, 22 апреля 1913 г.).

[169] В 1871 году он составлял 28,96 на 1000 человек; в 1874 году - 37,1. В некоторых районах города этот показатель достигал 80 на 1000 человек.

[170] Например, "Букингемский канал", соединяющий каналы к северу и югу от Мадраса (он был построен в рамках программы помощи голодающим после того, как четверть века находился "на рассмотрении"). Мисс Найтингейл отметила это запоздалое достижение в статье в прессе: см. Библиографию А, № 99.

[171] В 1879 году генеральный регистратор ушел в отставку, и мисс Найтингейл написала лорду Биконсфилду, настаивая на том, чтобы на эту должность претендовал доктор Фарр. Как величайший из английских статистиков и как старший в офисе генерального регистратора, он был бы подходящим человеком, но лорд Биконсфилд отдал назначение сэру Брайджесу Хенникеру. После этого доктор Фарр ушел в отставку с государственной службы. В следующем году он был сделан С.В. (по просьбе мисс Найтингейл, через сэра Стаффорда Норткота).

[172] Это название статьи мисс Найтингейл в *"Добрых словах"*. О ней и других индийских сочинениях см. в Библиографии А., №№ 82, 84, 90, 92, 97-100.

[173] Мистер Фрэнсис Уильям Фокс; он прислал ей свою брошюру *"Реформа в управлении Индией"*, в которой, в частности, предлагалось создать Национальный сельскохозяйственный банк. Письмо мисс Найтингейл на трех листах (18 июня 1879 года)

красноречиво свидетельствует как о ее глубоком знании условий жизни в Индии, так и о ее восторженном интересе к индийским проблемам.

[174] Письмо лорду Литтону напечатано в томе ii. с. 80 книги г-на А. Э. Гаторн-Харди *"Мемуары лорда Крэнбрука"* (1910).

[175] Офис Индии назвал 1 250 000 человек в качестве общего числа погибших во время голода. Мистер Кэрд, изучив этот вопрос в Индии, назвал 4 050 000 человек. Мисс Найтингейл назвала от 5 до 6 миллионов. "Теперь я начинаю думать, - писал сэр Луис Маллет (10 марта 1879 года), когда оценка мистера Кэрда была сделана, - что ваш "Крик" был лучшим выражением истины, чем любое другое высказывание".

[176] Мисс Гастер.

[177] В книге *"Генерал сэр Артур Комтон: His Life and Work"*, написанном его дочерью, леди Хоуп.

[178] См. *"Ирригационные работы в Индии"* Роберта Бертон Бакли, главного инженера Департамента общественных работ Индии (в отставке), второе издание, 1905 год. Это исчерпывающая работа по данной теме, с картами, гравюрами и статистическими данными (такими, которые мисс Найтингейл просила получить у лорда Солсбери). Отчет о некоторых более поздних ирригационных работах можно найти в инженерном приложении к *"Таймс"* от 21 мая 1913 года.

[179] Предвосхищено в "Заявлении о голоде" лорда Керзона в Законодательном совете, Симла, 19 октября 1900 г.: см. *"Речи лорда Керзона"* (Калькутта, 1900), т. ii. стр. 25-27.

[180] Меморандум Управления по делам Индии, 26 апреля 1875 г.

[181] Письмо сэру Бартлу Фреру, 16 февраля 1869 года. Лорд Напьер из этого письма был лордом Напьером и Этриком.

[182] См. т. I. с. 304.

[183] Она поручила своим душеприказчикам поместить его вместе с другими крымскими памятниками "там, где их могут увидеть солдаты".

[184] *Julius and Mary Mohl*, p. 342.

[185] Мемуары полковника сэра Генри Юла, написанные его дочерью, приложенные к 3-му изданию (1903 г.) его перевода *"Книги сура Марко Поло"*, с. 65.

[186] Библиография А, № 136.

[187] См. т. I. с. 8.

[188] Письмо секретарю Общества чистой литературы, 30 марта 1891 г.

[189] Как и в одном случае, когда среди слуг в Леа Херст произошел случай заболевания оспой. Мисс Найтингейл немедленно отправилась руководить уходом за больным и не позволила никому приходить. См. Библиографию А, № 83.

[190] Письмо "тетушке Май", 5 февраля 1880 года.

[191] Знания великой княгини как медсестры пригодились, когда ее отец, император Вильгельм, был ранен во время покушения на его жизнь, предпринятого Нобилинг в 1878

году. Императрица Августа послала через мисс Лис свои самые добрые воспоминания мисс Найтингейл вместе с одной из повязок, сделанных великой княгиней для императора.

[192] Фактически первое издание было выпущено в 1835 году, когда книга называлась *Sur l'Homme et le Développement de ses Facultés, ou Essai de Physique Sociale*. В 1869 году она была значительно расширена, и мисс Найтингейл рассматривает ее как новую книгу.

[193] К сожалению, об этой восхитительной женщине не сохранилось никаких сведений, кроме небольшой статьи в одном из "Обзоров". Ее письма были, как мне сказали, уничтожены после ее смерти в 1912 году; те из мисс Найтингейл среди остальных. Очень большое количество писем от мисс Ирби сохранилось среди бумаг мисс Найтингейл.

[194] Письмо мисс Прингл.

[195] За исключением того, что в марте 1881 года она провела десять дней в отеле Seaford Bay.

[196] Сэр Гарри, однако, выиграл битву.

[197] Капитану Гальтону, 21 августа 1880 года.

[198] А именно: "*Краткие заметки*" (библейские чтения) и размышления о Святом причастии под названием "*Не ешь, а прими*". Подаренные мисс Найтингейл копии частных печатных брошюр Гордона включали также его "*Заметки о расходах в Индии*" (1881).

[199] Письмо, прочитанное на собрании в Олдершоте в поддержку Дома для мальчиков Гордона, 30 августа 1886 года.

[200] См. Библиографию А, № 100.

[201] Подробности см. в Библиографии А, № 97-99, 109-111.

[202] Ставка составляла 24,39 за 1000.

[203] См. особенно свидетельства самого лорда Вулсли, кратко изложенные на с. 35-36 *отчета Комитета по расследованию деятельности армейских госпиталей в 1883 году*.

[204] Подробно о его показаниях можно прочитать в статье, упомянутой ниже, р. 340, л.

[205] Письмо капитану Гальтону, 28 ноября 1883 года.

[206] Соответственно, знак отличия был отправлен ей государственным секретарем 17 июля. В настоящее время он помещен, в соответствии с указаниями в завещании мисс Найтингейл, в музей Объединенного института обслуживания.

[207] "Армейская госпитальная служба", капитан Дуглас Гальтон, в "*Ревью*" от 1 июля 1883 года.

[208] Меморандум генерал-адъютанта напечатан на стр. 1 "*Трудов суда по расследованию деятельности армейского госпитального корпуса в Южной Африке*", Военное министерство, июнь 1882 г.

[209] См. вопросы 6166, 6214, 6215.

[210] В конечном итоге они были приняты с некоторыми поправками преемником лорда Рипона.

[211] Который был переведен из Колониального в Индийский офис в декабре 1882 года.

[212] Единственный успех сопутствовал *gazete Pall Mall Gazette*, которая 22 января опубликовала приветственную статью (автор - мистер Ф. Верни).

[213] Автор статьи - сестра Филиппа Хикс (миссис Лардж) - была той самой "нахальной испытательницей", о которой говорилось выше, стр. 252. Затем она стала матроной детской больницы на Грейт-Ормонд-стрит (1888); основательницей первого "Кооператива для медсестер" на Нью-Кавендиш-стрит, 8 (1892); оставила работу медсестры, чтобы выйти замуж (1898).

[214] У нее было все, и даже больше. Я подсчитала письма. Их было шестьдесят пять, адресованных мисс Уильямс во время ее службы в Египте.

[215] Мисс Найтингейл получила разрешение на дешевую перепечатку "*Популярной жизни генерала Гордона*" мистера К. Х. Аллена для бесплатного распространения за свой счет среди солдат.

[216] См. об этом том I, с. 337.

[217] См. Библиографию А, № 120.

[218] Ассоциация, основанная сэром Генри Бердеттом, из которой вышла Национальная пенсионная программа для медсестер (схема, которую мисс Найтингейл высоко оценила). Она по-другому отнеслась к его "Справочнику медсестер".

[219] Материалы первого общего собрания, 24 февраля 1888 года.

[220] Письмо мисс Найтингейл мистеру Рэтбоуну, зачитанное Тайному совету: см. с. 90 цитируемой ниже книги (р. 362 п.).

[221] Со стороны мисс Найтингейл наиболее эффективными были две статьи: *Желателен ли общий реестр медсестер?* Генри Бонэм Картера (Blades, 1888) и *Что выиграют обученные медсестры, вступив в Британскую ассоциацию медсестер?* Евы Люкес (Churchill, 1889).

[222] Стенографический отчет о слушаниях (21 и 28 ноября) был опубликован в 1893 году под названием "*Битва медсестер*" (Scientific Press).

[223] См. отчет депутации к премьер-министру в "*Таймс*" от 29 апреля 1913 г.

[224] Библиография А, № 131.

[225] См. его "*Сорок один год в Индии*", глава lxvi.

[226] Капитан Гальтон был посвящен в рыцари в 1887 году.

[227] В последующие годы мисс Найтингейл постоянно укоряла себя за то, что не нашла времени на то, чтобы продолжить это последнее открытие и организовать новый крестовый поход за духовное и моральное благополучие солдат. Она уже многое сделала в этом направлении; и столь же часто повторяющийся комментарий мистера Джоуэтта был в точку: "Зачем жаловаться, потому что вы не можете сделать больше, чем вы делаете, что уже больше, чем любые десять женщин могли бы сделать?"

[228] Краткое изложение таких реформ до 1899 года было составлено мистером Фредериком после его ухода из военного министерства и издано в виде "Синей книги": *Record of*

Recommendations concerning Sanitary Improvements in Barracks and Hospitals with the Actual Improvements carried out during the last 50 years ("Запись рекомендаций по улучшению санитарных условий в казармах и госпиталях вместе с фактическими улучшениями, проведенными за последние 50 лет").

[229] Постановление напечатано на с. 38-42 тома хх. ежегодного отчета о санитарных мерах в Индии (1888 г.). С административной стороны она содержит историю движения, начатого "второй королевской комиссией" мисс Найтингейл (1863). Депеша государственного секретаря (10 января 1889 г.), одобряющая резолюцию, полна "соловьиного влияния" (vol. xxi. p. 173): Минута полковника Юла была направлена в качестве приложения к депеше (pp. 173-184).

[230] "Правительство недавно уделило серьезное внимание теме санитарии и наметило направления, по которым, по его мнению, должна проводиться санитарная реформа в наших городах и деревнях. Оно дало санитарии местное место жительства и название в каждом большом подразделении империи; и оно организовало создание ответственных центральных учреждений от одного конца страны до другого, которые будут находиться в тесной связи со всеми местными властями в пределах их соответствующей юрисдикции" (Речь в Калькутте, 30 ноября 1888 г.).

[231] См. Библиографию А, № 115, 118, 119, 122, 123.

[232] Мистер С. Дигби исполнял обязанности почетного секретаря Индийской секции Международной конференции.

[233] *Бомбей, 1885-1890: Исследование индийской администрации.*

[234] Библиография А, №№ 132, 135.

[235] Документ, к сожалению, не полный, частично напечатан на машинке (с несколькими пометками карандашом от руки мисс Найтингейл), а частично написан почерком дамы, которая в это время оказывала ей некоторую секретарскую помощь.

[236] Она, несомненно, ссылается на доктора Хьюлетта.

[237] См. Библиографию А, №№ 126, 133, 134.

[238] Числа vi. 24-26: "Господь благословит тебя и сохранит тебя" и т. д. Иов xxxi. 11-16: "Когда ухо услышало меня, то благословило меня" и т. д.

[239] Дочь мистера Джона Бонэма Картера (см. т. I. с. 29).

[240] Не совсем племянница, но мисс Найтингейл была "тетей Флоренс" для всех своих кузин во втором поколении, а также для детей некоторых старых друзей.

[241] Она писала, надо заметить, в годовщину смерти Сиднея Герберта.

[242] Младший сын мистера Шора Смита, принявшего в 1893 году фамилию Найтингейл.

[243] См. выше, с. 240.

[244] См. т. I. с. 435.

[245] В письме 1891 года к мистеру Джоуэтту.

[246] Он сложил с себя полномочия премьер-министра 3 марта, а 1 марта произнес свою последнюю речь в Палате общин. На тот момент ему было 85 лет.

[247] Библиография А, № 138.

[248] Библиография А, № 135.

[249] Vol. I. p. 385.

[250] В последующие годы мисс Найтингейл уже не так строго, как раньше (см. выше, с. 73), воздерживалась от подобных просьб.

[251] См. выше, с. 75.

[252] Подпись мисс Найтингейл была "с добавлением просьбы о проведении независимого расследования на нескольких станциях в Индии, как это было рекомендовано генерал-губернатором в Совете 4 ноября 1896 года".

[253] О том, как мисс Найтингейл почтила его память, см. выше, с. 124.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характер и жизнь, описанные в этой книге, имели много сторон; и хотя основная истина заключается в их сочетании, в прозаическом изложении необходимо изобразить сначала одну сторону, а затем другую. Художник на холсте показывает все оттенки одновременно. Вот почему портрет великого живописца порой с первого взгляда рассказывает о человеке больше, чем тома его биографии. Но ни один художник не написал портрет мисс Найтингейл в ее расцвете сил, и я должен сделать все возможное с моей кляксой прозы в попытке собрать в какое-то общее впечатление то, что было сказано в этих томах. Я начну с напоминания о некоторых более сильных чертах; они смягчатся, когда я обращусь к другим сторонам характера, которые были проиллюстрированы в этих мемуарах.

Флоренс Найтингейл ни в коем случае не была гипсовой святой. Она была женщиной сильных страстей - не слишком склонной к похвалам, не слишком склонной к прощению; несколько склонной к цензуре, не склонной к забвению. Она была не только нежным ангелом сострадания; она была скорее логиком, чем сентименталистом; она знала, что для хорошей работы нужна как твердая голова, так и мягкое сердце. Мисс Найтингейл сказала о некой великой леди, что "при всей доброте и благожелательности намерений она, в силу отсутствия практических привычек в бизнесе, ничего, кроме пользы и суеты, не приносит, отнимает время и мешает". Мисс Найтингейл не знала ни одного недостатка, который казался бы ей хуже в мужчине, чем быть неделовым; в женщине, чем быть "только энтузиастом". Она не находила применения "ангелам без рук". По своей сути она была "человеком фактов" и "человеком дела". Она одинаково презирала тех, кто действует без знаний, и тех, чьи знания приводят к бесполезным действиям. Сама она была кропотлива в деталях и скрупулезно следила за своими предпосылками. "Хотя я пишу позитивно, - сказала она однажды, - я не думаю позитивно". Она взвешивала каждое соображение, обращалась за компетентным советом, но когда решение было принято, она была решительной и властной - не легкомысленно отклонялась от своего курса, нетерпеливо относилась к промедлению, не очень терпела сопротивление.

Что-то от этого духа прослеживается в ее взглядах на дружбу и в ее привязанностях. Она считала, что мужчины и женщины созданы для того, чтобы работать на благо человеческой расы, и их работа должна быть высшей целью. Мистер Джоуэтт сказал о мисс Найтингейл, что она была единственной женщиной, которую он когда-либо знал, которая ставила общественный долг выше личного. Кто бы ни исполнял волю Отца, он был ей и братом, и сестрой, и матерью. "В Англии, - писала она мадам Моль (30 апреля 1868 года), - для воспитания женщин (и для воспитания мужчин тоже) требуется следующее: дружеские отношения без любви между мужчинами и женщинами. А если между женатыми мужчинами и замужними женщинами - тем лучше.... Я считаю, что женщина, которая заботится о мужчине в силу его убеждений и перестает заботиться о нем, если он изменяет этим убеждениям, достойна самого высокого почитания". Романы - все романы, самые лучшие, - в которых женщины изображаются влюбленными в мужчин без всякой на то причины и готовыми ради любви оставить свои самые высокие занятия, мне совершенно утомительны - так же утомительны, как фокусы жонглера, или переворачивание стола, или спиритический рэп, когда дух говорит "О!" и это так возвышенно, что все женщины покорены. То, что мадам Рекамье уехала в Рим, когда месье де Шатобриан стал министром, для меня все равно что солдат, дезертирующий накануне битвы". Поводом для этого письма послужили сплетни дня о некой великой даме, чья дружба с политиком, как предполагалось, охладела из-за интеллектуальных или политических разногласий. "Я очень уважаю... и считаю, что ее дружба была одной из лучших в истории, и по странной причине - как вы думаете, по какой? Потому что она ее нарушила". То, что она сказала о Шатобриане, с другой точки зрения отражало то, что мистер Джоуэтт написал ей в предыдущем году. "Я ничуть не устал, - писал он (сентябрь 1867 г.), - слушать о лорде Герберте. Это была одна из лучших дружб, которые когда-либо существовали на земле. Сказать ли вам, почему я так говорю? Потому что вы были готовы отправиться в Индию в 1857 году". Преданность общей цели в активной жизни и равное рвение в совместном преследовании ее: таковы были условия, которые мисс Найтингейл требовала в дружбе. Они были реализованы наиболее полно в случае пяти лет ее дружбы с Сиднеем Гербертом - период, о котором она говорила, соответственно, как ее "рай на земле". Именно работа с ним, а не очарование его разговора и манер (хотя у него было и то, и другое, и хотя она была восприимчива к ним), составляла суть ее удовольствия. Она так же мало любила разговоры, как и знания, ведущие в никуда. "Ничто так не утомляет, - говорила она, - как собеседник, который вечно *мусолит* самые глубокие темы и никогда не опускается ниже поверхности; как человек, который вечно расспрашивает и никогда не приходит к какому-либо решению. Я не знаю, был ли Гамлет сумасшедшим. Но он точно свел бы меня с ума".

Тот же позитивный и целеустремленный дух, настроенный скорее на интеллектуальные и активные стороны человеческой натуры, чем на эмоциональные, окрашивает предпочтения мисс Найтингейл в литературе - как в этом письме к мадам Моль (20 мая 1868 года): "Что это значит?" - сказала старая шотландка о *"Потерянном рае"*, и ее оскорбили за эти слова. Я говорю то же самое. *Paradise Lost* ничего не доказывает. *Samson Agonistes* prouve a great deal. Теннисон никогда ничего не доказывает. *Парацельс* Браунинга что-то доказывает. Шекспир, что бы он ни писал, - самые глубокие, самые высокие трагедии, такие как "Король Лир" или "Гамлет", - доказывает все и в большинстве случаев объясняет обычную жизнь каждого из нас". Она была большой любительницей чтения, но предпочитала литературу фактов литературе воображения. "Гадание, - говорила она, - похоже на зевоту, оставляет после себя такое же ощущение, и его не следует допускать, разве что когда человек сильно измотан".

Из всего этого вытекала определенная суровость в отношениях мисс Найтингейл со своими друзьями; определенная неспособность проявить терпимость или понимание других точек

зрения, отличных от ее собственной. Была одна дама, когда-то коллега по работе, , которая обвинила мисс Найтингейл круто иметь "нет понятия о дружбе". Обвинение было неправдой, но можно понять, что имела в виду эта дама. Мисс Найтингейл была склонна к излишней экспрессии и довольно сильно раздражала своих друзей. Кроме того, она не любила независимости и оппозиции. "Мне нравится быть в подчинении у вас", - писала одна из ее подруг-медсестер, всегда очень дорогая ей. Не то чтобы мисс Найтингейл питала слабость к гушам - ни у кого их не было меньше; но если друг в остальном вызывал у нее восхищение здравым смыслом, усердием и так далее, факт "послушания" был не чем иным, как дополнительной рекомендацией. Она была склонна обижаться на любое отвлечение друзей на другие интересы как на дезертирство.

Все это, думаю, иногда будет казаться правдой тем, кто читает настоящие мемуары. Тем не менее, это только часть правды; и потому, что окончательная истина находится в целом, это в некотором смысле неправда вообще. Величие характера мисс Найтингейл и секрет работы ее жизни заключаются в соединении качеств, которые не часто можно встретить в одном и том же мужчине или женщине. Она не была сентименталисткой, но при этом была одержима бесконечным состраданием. Жалость к больным и скорбящим, страстное желание служить им, преданность своим "детям", простым солдатам, сочувствие безмолвным крестьянам Индии - таковы были главные мотивы ее жизни. Она презирала тех, кто был "только энтузиастом"; но не было такой высоты преданности, к которой бы не привел ее обдуманый энтузиазм. Она обладала в равной степени умом и обаянием. Она обладала острым умом, но также и любящим сердцем. Резкость, часто проявляющаяся в ее письмах, не всегда была выражением ее настоящего ума или манеры поведения. Она избегала "широких дорог и зелени"; но полковник Лефрой не менее удачно применил к ней более поздние слова: "Все, кто противится, не находят в тебе гнева, но жалость и правду". В ней в редкой степени сочетались сила и нежность. Мастерски действуя, она была смиренна, вплоть до болезненного унижения, в мыслях. Она была одновременно позитивной и мистической. Все это, как я надеюсь, будет подтверждено в мемуарах.

Любопытный, и больше, вопрос поднимается некоторые из очевидных противоречий в цели мисс Найтингейл, мысли, и характер. Она была очень духовной; она постоянно искала Царство Небесное, и она думала о нем как о царстве души. Однако ее цель может показаться материальной; она стремилась к царству более просторных больниц, более научного ухода, более светлых казарм, более чистых домов, лучше проложенных стоков. В конце концов, именно этот вопрос задал ей Ага-хан, слушая рассказ о санитарных улучшениях за пятьдесят лет ее активной жизни. "Но стали ли ваши люди лучше?" Можно ли представить, что среди них больше тех, кто достиг Царства Небесного в своей душе? И если вы не можете доказать мне, что это так, зачем вы, обладая огромным влиянием и силой, посвятили свою жизнь служению столам?

Что она ответила принцу, я не знаю. О том, что она думала, можно судить по течению ее жизни, характеру ее рассуждений и складу характера. Периодически у нее возникали мысли о главных целях ее жизни, отличных от тех, которые она на самом деле реализовала. Мы слышали о ее желании "найти новую религию для артизанов", и есть письма к мистеру Джоуэтту, в которых она говорит об этом желании - надежде основать на каком-то надежном фундаменте организованное вероучение и церковь - как о стремлении всей своей жизни. Ей пришлось отказаться от него, но никогда, в самых прозаических или материальных своих начинаниях, она не забывала о своих духовных идеалах. Она считала, как показывает ее идеал медсестры, что "нужна душа, чтобы поднять тело даже до чистоты". Она также считала, что чистая конура, хотя и может быть первой необходимостью, - это не цель, а

средство. "Мы должны остерегаться, - писала она, - как думать, что сможем поддерживать "Царство Небесное внутри" при любых обстоятельствах, - потому что есть обстоятельства, при которых человек не может быть хорошим, - так и думать, что Царство Небесное *снаружи* приведет к Царству Небесному внутри".[255]

Особый гений мисс Найтингейл был направлен на управление и порядок; и она должна была использовать свой гений в рамках тех возможностей, которые предоставляли ее пол и обстоятельства. Она любила цитировать отрывок, который она нашла в одной из книг путешествия сэра Сэмюэля Бейкера. "Я, к сожалению, завишу от их движений и больше похожа на осла, чем на исследователя, - то есть меня седлают и увозят в мгновение ока". "Я никогда ничего не делала, - сказала она однажды своему молодому другу, - кроме того, о чем меня просили". Все, кто читал эти мемуары, согласятся, что мисс Найтингейл интерпретировала свои мандаты в широком смысле, допускающем большую инициативу. Тем не менее, это правда в значительной степени, что ее работа была создание обстоятельств, и был, в некоторых областях, зависит от того, что она и г-н Джоуэтт использовал, чтобы назвать "храмы дружбы" с политическими администраторами.

Сфера деятельности мисс Найтингейл была, таким образом, ограничена; но эти ограничения не мешали применению ее фундаментальных идей. "Возможно, - писала она в одном из своих размышлений (1868), - именно то, что я видела страдания и никчемность человеческой жизни (немногие видели больше), вместе с необыкновенной силой, которую Бог вложил в руки совершенно обычных людей (если бы они только использовали ее) для того, чтобы вывести человечество из этого страдания и никчемности, дало мне это интенсивное и постоянно присутствующее чувство Вечной жизни, ведущей к совершенству для каждого из нас, по законам Бога". Мисс Найтингейл не считала, что совершенствование человека, его окончательное единение с Богом может быть достигнуто только путем улучшения санитарных условий. Но она видела, что это поле открыто для нее, и что оно допускает обработку методами, которые, если их применить ко всем сферам жизни, приведут, как она полагала, к одному далекому Божественному событию. "Христианство, - писала она, - заключается в том, чтобы видеть Бога во всем, обнаруживать Его во всем, в порядке или законах как Его морального или духовного, так и политического или социального, и физического миров....Для Христа Бог был всем, для нас же Он кажется ничем, почти, если не совсем ничем, а если Он и есть что-то, то только Бог воскресенья, и только Бог воскресенья, если говорить о том, что мы называем молитвой, а не Бог наших будних дней, наших дел и наших игр, нашей политики и нашей науки, нашей домашней жизни и нашей общественной жизни; нашей палаты общин, нашего правительства, нашей почты и корреспонденции - такая огромная статья в наши дни, нашего министерства иностранных дел и нашего министерства по делам Индии.... Царство Небесное находится внутри, но мы должны сделать его таковым и снаружи. Пока еще нет общественного мнения, его нужно создать, чтобы не совершать ошибок из-за недостатка знаний; предполагается, что достаточно добрых намерений; но ошибки - организованные ошибки - приносят больше бед, чем преступлений.... Изучать, как делать хорошую работу, как вопрос жизни или смерти; "мучиться", чтобы получить практическую мудрость для ее выполнения, - общественного мнения, принуждающего к этому, осуждающего отсутствие этого, мало или нет. Пока вы не создадите такое общественное мнение, мало что будет сделано, разве что случайно или случайными людьми. Но когда у нас будет такое общественное мнение, мы будем недалеко от того, чтобы иметь Царство Небесное внешне, даже здесь".[256] "Я никогда не отчаиваюсь, - писала она за несколько лет до этого, - что в благоприятное для Бога время каждый из нас получит общую пользу от повиновения всем законам, которые Он дал нам для нашего благополучия".

И для этого каждый из нас, в соответствии со своими возможностями, должен был "работать, работать, работать".[257]

Найдя свой уголок в винограднике, мисс Найтингейл посвятила ему всю свою жизнь; в равной степени, с тщательным подбором средств и целей, и с интенсивной преданностью. "Сделать из жизни искусство!" - писала она мадам Моль (20 мая 1868 года). "Это самое прекрасное искусство из всех изящных искусств. И немногие находят его". Это было "единственное, чего не хватало" Дорогуше... У нее была самая прекрасная нравственная натура, которую я когда-либо знал. Но она никогда не делала ничего хорошего ни для себя, ни для других. Потому что она никогда не могла превратить жизнь в искусство. Я иногда говорил ей: "Ты собираешься продолжать в том же духе двадцать лет?" - "Упаковывать всех в ковровые мешки". Она всегда отвечала, что нет. Но она всегда так делала. И если она не продолжала двадцать лет, то только потому, что пришла смерть. Я *вынужден* (из-за своего нездоровья) превратить жизнь в искусство - постоянно думать о ней. Потому что иначе я *ничего не смогу сделать*. (У меня так мало жизни и сил)". Мисс Найтингейл вернулась из Крыма с честью. Но она вернулась и с серьезно подорванным здоровьем. Как естественно могла бы женщина с менее решительным характером почивать на лаврах и погрузиться в жизнь благодатного покоя или в вальсудинарской праздности! Однако она выбрала не лучший, а более суровый путь. Она выработала режим, который отгородил ее от многих привычных удовольствий жизни, в какой-то степени ослабил поток ее домашних привязанностей, но позволил ей на протяжении почти пятидесяти лет, в течение которых она периодически испытывала слабость, следовать своим высшим идеалам и посвятить себя работе на благо общества.

Обстоятельства ее жизни, как они были ей предписаны, и образ ее жизни, как она его строила, чтобы соответствовать им, привели к некоторым другим чертам характера, которые, опять же, на первый взгляд, представляют собой любопытную противоположность. "Она чрезвычайно скромна", - сказали принц-консорт и королева Виктория при встрече с ней, и такое же впечатление она производила на всех, кто с ней соприкасался, будь то в сфере государственных дел или в сфере ухода за больными. Она последовательно и совершенно искренне избегала любой формы народного блеска и славы. Однако в письмах к близким друзьям есть отрывки, которые при первом прочтении оставляют несколько иное впечатление. Она жаждала полного и понимающего сочувствия к своей миссии и своей работе. Судя по всему, она полностью осознавала свои огромные способности; в частных письмах она не всегда заботилась о том, чтобы скрыть или преуменьшить степень своего влияния на людей и дела. В одном из писем к другу она возражала, что глава Кинглейка невыносима, поскольку выставляет ее "королевой трагедий"; но есть и другие письма, в которых она несколько драматизирует себя; в них есть жалость к себе, есть и другое самосознание. Все это, что на поверхностный взгляд может показаться сложной непоследовательностью, допускает, как мне кажется, легкое объяснение, если вспомнить условия ее жизни. Она глубоко осознавала свою особую судьбу, и упорство, с которым перед лицом многих препятствий она цеплялась за свое чувство призвания, позволило ей осуществить его. Сфера женской работы и возможностей настолько расширилась в наши дни, что читателям более позднего поколения, чем поколение Флоренс Найтингейл, возможно, придется приложить некоторые усилия сочувственного воображения, чтобы осознать, каким первопроходцем она была.[258] В ее ранние годы это было смелое новинка для молодой женщины, чтобы положить ее руку на любой солидной работы в политической администрации или других организационных дел. Она познала все это на собственном опыте, и это подчеркивало ее ощущение особого предназначения. Образ ее жизни в то же время на каждом этапе, хотя и по-разному, сталкивал ее с самой собой. В годы юности она не

находила выхода, кроме, как она говорила, "мечтаний"; мечтала о том, что могла бы сделать, представляла себя на том или ином влиятельном месте. Когда ей представилась возможность совершать великие дела, а не мечтать о них, ее юность и ранняя женственность уже прошли. Мисс Найтингейл было тридцать четыре года, когда она отправилась на Крымскую войну. В более поздние годы условия, в которых она жила, снова способствовали, почти по необходимости, привычке к самоанализу: привычка, которая также подтверждалась ее мистическим взглядом на обязанность жить внутренней жизнью сознательной самореализации. Вернувшись с Востока в состоянии нервного истощения, она была поглощена работой, которая не могла ждать. В течение многих лет ее преследовали угрозы скорой смерти. Нужно было быть, нужно было делать. Но делала она их по большей части в одиночестве и без привычной компании. За исключением пяти лет почти ежедневного общения с Сиднеем Гербертом, она не испытывала того влияния, одновременно отрезвляющего и укрепляющего, которое возникает при равном столкновении ума с разумом. В результате появилась болезненность, которая время от времени находила выражение в нотках чрезмерного самосознания.

Однако была и более постоянная нота. Благородство характера мисс Найтингейл и ценность ее жизни в качестве примера должны быть найдены, не в последнюю очередь в фундаментальной скромности нрава и здравомыслия самооценки, которые заставили ее стремиться с последовательной целью, не только на великие дела, но и на выполнение их из самых высоких побуждений. Она никогда не чувствовала, что сделала что-то, что не могло быть сделано лучше; и хотя она, должно быть, сознавала, что совершила великие дела, она постоянно проверяла свои мотивы и находила их несоответствующими ее высшим идеалам. Об одном известном художнике рассказывают, что друг, войдя в его мастерскую, застал его в слезах. "Я создал работу, - сказал он, - которой доволен, и больше никогда не создам". Предчувствие оказалось верным. Больше шедевров не было. Вдохновение идеала ушло. Это вдохновение никогда не покидало мисс Найтингейл в ее стремлении к искусству жизни.

В жизни, как и в других искусствах, спонтанное и, возможно, даже не возрожденное, часто имеет больше очарования, чем приобретенное или усвоенное дисциплиной. И в случае с мисс Найтингейл, ее элементарной энергией ума и силы воли, возможно, для некоторых читателей покажется более восхитительным, чем философия, которую она применяла к своему поведению или приобретенные милости, с которыми она пыталась наказать свой характер. Но как бы то ни было, ее постоянное стремление к тому, что она считала лучшим, и непрекращающийся конфликт, который она вела то с противодействием внешних обстоятельств, то с недисциплинированными импульсами изнутри, придают ее жизни пикантность и остроту.

Ни один человек не знал ее так хорошо в течение стольких лет, как мистер Джоуэтт, и мысли о ее жизни не переставали вызывать у него восхищение. "Большинство людей заняты, - писал он на Рождество 1886 года, - пиршествами и праздниками в кругу друзей и родственников. Вы же уединились в своей комнате, придумывая планы на благо туземцев Индии или английских солдат, как это было на протяжении последних тридцати лет, и постоянно сожалея о своих неудачах, как это было на протяжении последних тридцати лет, хотя в жизни вы добились гораздо большего и более реального успеха, чем любая другая леди вашего времени". И снова: "Есть люди, которые уважают и любят вас не за ореол славы, окружавший ваше имя в Крыму, а за терпеливый труд, который вы с тех пор несете от имени каждого страждущего или несчастного". Для нас, кто может войти даже более полно, чем г-н Джоуэтт, во внутреннюю жизнь мисс Найтингейл, уважение и восхищение вполне может быть еще больше, как мы представляем себе условия, в которых терпеливый труд был

сделан, и помните борьбу красиво чувствительной души в восхождении к пути к совершенству.

Такова картина мисс Найтингейл, которую попыталась нарисовать эта книга. Когда я писал ее, я часто думал вместе с мистером Джоуэттом, что жизнь уединенного работника в одинокой спальне на Саут-стрит была более впечатляющей, чем более известные эпизоды Санта-Филомены в охваченных лихорадкой палатах Скутари или Главной леди, отдающей свои приказы, когда она пробиралась по снегу от хижины к хижине на высотах Балаклавы. Но именно сама мисс Найтингейл, бессознательно, сказала последние слова о своей жизни и характере. Восхваляя одного из своих коллег по работе, а затем давая совет некоторым товарищам, стремящимся к добру, она использовала фразы, которые вполне можно применить и к ней самой: - "Тот, чья жизнь приносит огромную пользу".

"Тот, чья жизнь имеет большое значение для всех: всем будет лучше, чем если бы он не жил; и это улучшение остается навсегда, оно не умирает вместе с ним - такова истинная оценка великой жизни".

"Живите, пока она у вас есть. Жизнь - это великолепный дар. В ней нет ничего маленького. Ибо величайшие вещи вырастают по Божьему закону из самых малых. Но чтобы прожить свою жизнь, вы должны дисциплинировать ее. Вы не должны растрачивать ее на "честные цели, ошибочные поступки, непостоянную волю"; но должны сделать так, чтобы ваши мысли, ваши слова, ваши поступки работали на одну цель, и эта цель - не вы сами, а Бог. Это и есть то, что мы называем характером".

Сноски:

[255] *Suggestions for Thought*, vol. ii. p. 205.

[256] *Миф жизни: Четыре проповеди о социальной миссии Церкви*. К. У. Стаббс, 1880, стр. 86, 98. Мистер Стаббс (впоследствии епископ Труро) процитировал эти отрывки из письма, написанного мисс Найтингейл своей сестре.

[257] Письмо сэру Бартлу Фреру, 27 июня 1868 года.

[258] Некоторые отрывки, которые я процитировал из "*Речей лорда Дерби*", могут помочь в такой работе. См. том I. стр. 272, 305.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- A. Список работ мисс Найтингейл.
- B. Список работ, написанных о ней.
- C. Список ее портретов.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Список печатных работ мисс Найтингейл, опубликованных или распространенных частным образом, в хронологическом порядке

1851

(1) *Учреждение Кайзерсверта на Рейне для практического обучения диаконисс под руководством преподобного пастора Флиднера, включающее в себя поддержку и уход за больницей, детской и промышленной школами, а также женской пенитенциарной колонией.* Лондон: Напечатано воспитанницами Лондонской колониальной школы для невоспитанных детей, Вестминстер, 1851. Октаво, бумажные обертки, стр. 32.

Опубликовано анонимно (см. т. I. с. 93). Было и другое издание (без даты), с другим оттиском: "Лондон: Напечатано в пользу заведения для неполноценных джентльменов, 1 Верхняя Харли-стрит".

1854

(2) *Письма из Египта. Только для частного распространения.* Лондон: Printed by A. and G. A. Spottiswoode, 1854. Октаво, стр. 334 + 79.

После с. 334 следуют письма с отдельной пагинацией. Письма были написаны в 1849 и 1850 годах (см. т. I. с. 95).

1855

(3) *Свидетельства, содержащиеся в докладе о состоянии госпиталей британской армии в Крыму и Скутари, 1855 год.*

Это отчет комиссии из трех человек, посланной герцогом Ньюкастлом (см. т. I. с. 176). Свидетельства мисс Найтингейл приведены на стр. 330-331, 342-343; в тексте отчета есть многочисленные ссылки на них.

1857

(4) *Женские медсестры в военных госпиталях. Предварительный и экспериментальный* меморандум, представленный по запросу государственному секретарю. Напечатано в *The Pamture Papers*, 1908, vol. ii. pp. 381-384.

Этот меморандум был включен, с небольшими изменениями, на стр. 15-19 в *"Вспомогательные заметки"* (см. № 9).

(5) *Ведомости, показывающие добровольные пожертвования, полученные мисс Найтингейл для британских военных госпиталей на Востоке, с указанием способа их распределения в 1854, 1855 и 1856 годах.* Лондон: Харрисон, 1857. Октаво, красная бумажная обложка, стр. 68.

Один из важнейших источников по многим аспектам работы мисс Найтингейл на Востоке. Памфлет содержит планы госпиталей в Балаклаве и Скутари.

(6) Письмо "Колонистам Южной Австралии", датированное 28 января. Напечатано в газете *"Дейли Ньюс"* от 26 августа 1858 года.

Письмо было ответом на мемориал, принятый на собрании в Аделаиде 10 сентября 1856 года в поддержку Фонда Найтингейл.

(7) *Отчет комиссии, назначенной для изучения правил, влияющих на санитарное состояние армии, организацию военных госпиталей и лечение больных и раненых.* Синяя книга, 1858 год.

Показания мисс Найтингейл, представленные в ответ на письменные вопросы, занимают стр. 361-394. Они были перепечатаны в ее *"Заметках о больницах"* (изд. 1, 1859 г.). Приложение LXXII. также было ее работой (анонимной). В определенном смысле весь отчет можно включить в число ее "Сочинений" (см. т. I. ч. III. гл. I. и IV.).

(8) *Заметки о вопросах, влияющих на здоровье, эффективность и управление госпиталями британской армии, основанные главным образом на опыте последней войны. Представлено по просьбе военного министра.* Лондон: "Харрисон и сыновья", 1858. Октаво, стр. 567.

(9) *Вспомогательные заметки о введении женского ухода за больными в военных госпиталях в мирное и военное время. Представлено по просьбе военного министра.* Лондон: "Харрисон и сыновья", 1858. Октаво, стр. 133. С 23 дополнительными страницами (отдельно пронумерованными) "Мыслей, представленных по поводу эвентуального фонда обеспечения медсестер".

Эти важные отчеты (о которых см. т. I. с. 343, 347) не были опубликованы для широкой публики. Было напечатано 500 экземпляров каждого тома, что обошлось мисс Н. в 501 фунт 12 шиллингов.

(10) Различные статьи (без подписи) в газетах о больнице в Нетли.

В июле и августе мисс Н. организовала активную кампанию в прессе по этому вопросу (см. т. I. с. 383), и среди ее бумаг имеется большая коллекция вырезок. Некоторые из статей и т. д., возможно, были написаны друзьями. Среди тех, которые, судя по ее бумагам, принадлежат ей, можно назвать следующие: "Что делать с Нетли?" в *"Экзаменере"* от 24 июля и "Больница Нетли" в *"Субботнем обозрении"* от 28 августа (ее собственное название последней статьи - "Жизненные пилюли Пиля или эликсир Vitæ"). Другие статьи и т. д., вероятно, принадлежащие ей, появились в *"Builder"* от 24 июля, *"Daily News"* от 28 июля (с подписью "Vigilans"), *"Lancet"* от 14 августа и *"Leeds Mercury"* от 21 августа.

(11) "Места и строительство больниц". Три статьи (без подписи) в *"Builder"*, 28 августа, 11 и 25 сентября 1858 года.

Эти статьи были перепечатаны в *"Заметках о больницах"* (1859).

(12) "Заметки о больницах". Два доклада, прочитанных в Ливерпуле. Напечатано в *Transactions of the National Association for the Promotion of Social Science, 1858*, pp. 462-482.

Эти доклады были также напечатаны отдельно (в коричневой бумажной обертке), 8vo, стр. 22, с планом. Они были перепечатаны в *"Заметках о больницах"* (1859).

(13) *Смертность в британской армии, дома и за границей, и во время русской войны, в сравнении со смертностью гражданского населения в Англии. Иллюстрировано таблицами и диаграммами. (Перепечатано из отчета Королевской комиссии, назначенной для расследования правил, влияющих на санитарное состояние армии).* Лондон: Printed by Harrison & Sons, 1858. Книга синего цвета, в жестких сиреневых бумажных обложках, стр. 21.

Это перепечатка приложения LXXII в отчете Королевской комиссии, где говорится, что "таблицы и диаграммы предоставлены доктором Фарром, F.R.S.". Они были подготовлены им для мисс Найтингейл (см. т. I. с. [376](#)).

1859

(14) *Вклад в санитарную историю британской армии во время войны с Россией. Иллюстрировано таблицами и диаграммами.* Лондон: Printed by Harrison & Sons, 1859. Большой фолиант, стр. 16 и диаграммы.

Некоторые экземпляры имеют оттиск "J. W. Parker & Co.". Об этой важной работе см. т. I. с. [386](#). Было напечатано 150 экземпляров.

(15) *Заметки о больницах: два доклада, прочитанные перед Национальной ассоциацией содействия развитию общественных наук в Ливерпуле в октябре 1858 года. С показаниями, данными Королевским комиссарам о состоянии армии в 1857 году. By Florence Nightingale.* Лондон: John W. Parker & Son, 1859. Октаво, стр. 108.

Две статьи (стр. 1-22) см. в т. I. с. [417](#). Их рукописи (озаглавленные отдельно "Заметки о здоровье больниц" и "Шестнадцать санитарных дефектов при строительстве больничных палат") хранятся в Ливерпульской публичной справочной библиотеке, в переплете с письмом мисс Найтингейл о вручении. О "Доказательствах" (стр. 23-88) см. выше, № [7](#). В приложении (с. 89-108) перепечатаны три статьи из "Строителя" (см. выше, № [11](#)). В 1859 году вышло второе издание "Записок о больницах". О третьем издании, которое было практически новой книгой, см. в разделе "1863".

(16) *Заметки о сестринском деле: Что это такое и что это не так. Автор Флоренс Найтингейл.* Лондон: Харрисон (1869). Октаво, стр. 70.

Выпущена в конце декабря 1859 года по цене 5s. Эта книга, наиболее распространенная из всех работ мисс Найтингейл, продавалась очень быстро (15 000 экземпляров в течение месяца после публикации), и было выпущено множество изданий (см. т. I. с. [448](#)).

1860

(17) *Заметки о сестринском деле: Что это такое и что это не так. Флоренс Найтингейл. Новое издание, переработанное и дополненное.* Лондон: Харрисон, 1860. Октаво, стр. 224. Цена 6 с.

Это издание, содержащее много дополнительных материалов, напечатано более крупным шрифтом. [440] Одновременно было выпущено "Популярное издание", в хромой ткани, цена 2s.

Издатель также выпустил брошюру (без обертки), стр. 43, содержащую обзоры и заметки о "Заметках по уходу".

Книга была переиздана издательством Appleton & Co. в Нью-Йорке, а *американские издания* появились в 1860, 1876, 1879, 1883, 1891, 1901, 1906, 1908, 1909 годах.

В Англии книга была наиболее широко распространена в дешевом виде (см. 1861).

Иностранные переводы см. в №№ 22 и 116 (итальянский), 26 (немецкий), 32 (французский).

(18) *Труды Международного статистического конгресса, четвертая сессия, 1860 год.* На этот конгресс (вторая секция, санитарная статистика) мисс Найтингейл представила доклады, которые были напечатаны в различных формах в сборнике "*Труды*" и т. д.

Программа (кварто, стр. 210) содержит ее доклад "Статистика больниц" (стр. 63) с приложением, содержащим ее подробное "Предложение о едином плане статистики больниц" (стр. 65-71).

В *материалах* за вторник, 17 июля, сообщается (стр. 2) о чтении ее доклада одним из секретарей, и ее предложения были приняты, с некоторыми дополнениями к табличной форме. В *материалах* за 18 июля сообщается о дальнейшем обсуждении этих дополнений. *Материалы* от 19 июля содержат (стр. 5) письмо мисс Найтингейл, в котором она соглашается с дополнениями. В *материалах* от 20 июля упоминается, что было зачитано письмо от нее "о предметах для следующего конгресса" (см. (2) ниже).

Отчет Конгресса (кварто, стр. 548) содержит (стр. 173, 174) (1) отчет о бумагах мисс Найтингейл и выводы Конгресса по ним (см. т. I. стр. 431); (2) письмо мисс Найтингейл лорду Шафтсбери о предметах запроса для следующего Конгресса (стр. 177-178).

Копии документов мисс Найтингейл были напечатаны отдельно, с аннотацией обсуждений на Конгрессе по ним. Кварто, в синей бумажной обертке.

(19) *Предложения к размышлению для искателей истины среди артизанов Англии.* Лондон: Eyre & Spottiswoode, 1860. 3 vols. Octavo, pp. 292, 411, 126.

Об этой книге, напечатанной только для очень ограниченного частного тиража, см. т. I. стр. 470 и далее. Второй и третий тома имеют несколько иное название (см. т. I, с. 478): "*Предложения для размышления искателям религиозной истины*".

(20) *Заметка о вопросе депопуляции Новой Зеландии.*

Я не уверен, что эта заметка об аборигенах Новой Зеландии когда-либо печаталась; но, возможно, она была. Она была написана по просьбе сэра Джорджа Грея (см. т. II. с. 78), и ее рукопись была завещана им вместе с другими его бумагами Оклендской публичной библиотеке. Коллекция включает несколько писем мисс Найтингейл. Записка была написана мисс Найтингейл в сотрудничестве с доктором Сазерлендом.

(21) *Записка о причинах ухудшения состояния расы.* Небольшая статья, напечатанная (вероятно, в 1860 году), но, насколько мне удалось выяснить, не опубликованная.

(22) *Cenni sull' Assistenza degli Ammalati. Quello che è assistenza, e quello che non lo è. Di Florence Nightingale. Tradotto dall' inglese da Sabilla Novello.* Turin: Fratelli Bocca, 1860. Octavo, стр. 96. Цена 1 лира 50.

Мисс Сабилла Новелло была сестрой Клары Новелло и, как и та (см. т. I. с. 500), была предана мисс Найтингейл.

1861

(23) *Заметки о сестринском деле для трудящихся. Флоренс Найтингейл. Лондон: Харрисон, 1861.*

Переплетен в хромую красную ткань, стр. 96, цена 7d. Предисловие датировано "Март 1861". Сокращение предыдущей книги, но с некоторыми дополнениями и дополнительной главой под названием "Уход за ребенком" (см. т. I. с. 450). Это дешевое издание было переиздано в 1865, 1868, 1876, 1883, 1885, 1888, 1890, 1894, 1898 годах.

(24) *Сидни Герберт. Бумага, озаглавленная "Private and Confidential" (без другого заголовка и названия) - о его заслугах перед армией. Частная печать. Формат синей книги, стр. 5.*

Содержание этого документа, значительно расширенное, содержится в *"Санитарном управлении армии"* (1862). Документ датирован "2 августа 1861 года" (день смерти Сиднея Герберта); он был написан несколькими днями позже (см. т. I. с. 408).

(25) *Мисс Найтингейл о волонтерском движении* в письме к сэру Гарри Верни. Напечатано на картоне формата фолио, предназначенном, несомненно, для демонстрации в почтовых отделениях, залах и т. д.

Письмо, датированное 8 октября (P.S. Oct. 9) 1861 г., было напечатано в *"Стандарте"* от 12 октября, а его копии были распространены унтер-офицерами 1-й Сассекской добровольческой артиллерии на вечере раздачи призов в Королевском павильоне, Брайтон, 18 октября 1861 г.

(26) *Die Pflege bei Kranken und Gesunden, ... mit einem Vorwort des Geh. Sanitäts-Rath, Dr. H. Wolff, Bonn.* Лейпциг: Брокгауз, 1861.

Немецкий перевод *"Записок по уходу за больными"*, подготовленный подругой мисс Найтингейл, фройляйн Бунзен, "с очень идиотским предисловием, - говорит Ф. Н., - написанным очень умным человеком".

(27) "Статистика больниц и планы больниц". Статья, напечатанная в журнале *"Transactions of the National Association for the Promotion of Social Science"*, 1861, pp. 554-560.

Перепечатана в 1862 году: см. следующий пункт.

1862

(28) *Статистика больниц и планы больниц. Автор Флоренс Найтингейл. Перепечатано из Transactions of the National Association for the Promotion of Social Science (Dublin Meeting, August 1861).* London: Emily Faithfull & Co., 1862. Памфлет, 8vo, стр. 8.

В нее включены типовые статистические формы, одобренные Международным статистическим конгрессом (см. выше, № 18). В ней также приведены планы строящегося в то время "Гербертского госпиталя" в Вулвиче.

(29) *Санитарная администрация армии и ее реформа при покойном лорде Герберте.* Лондон: M'Corquodale & Co., 1862. Памфлет, 8vo, pp. 11.

Доклад, прочитанный на лондонском заседании Конгресса Бьенфайзанс 13 июня 1862 г.; пересмотренная и дополненная версия частного меморандума 1861 г. (№ 24). Документ также был напечатан в томе ii. с. 103-111 сборника *"Труды Лондонского конгресса бьенфэйсанс, сессия 1862 года"*. Лондон: Trübner, 1863.

(30) *Работа диаконисс в Сирии. Обращение от имени Кайзерсвертского приюта диаконисс в Бейруте.* Подпись: "Флоренс Найтингейл, Лондон, 19 сентября 1862 года". На форзаце, фолио.

(31) *Томас Александер, к.б.н., Генеральный директор Медицинского департамента армии.* Памятное письмо мисс Найтингейл, напечатанное в "Weekly Scotsman" от 13 сентября, "Lancet" от 27 сентября 1862 года и многих других газетах.

Письмо было зачитано лордом Элчо при открытии общественного памятника доктору Александру в Престонпансе. "Я могу с уверенностью сказать, - писала она, - что никогда не встречала ему подобных по прямоте цели, непоколебимому нравственному мужеству и честности".

(32) *Des Soins à donner aux Malades: ce qu'il faut faire, ce qu'il faut éviter. Par Miss Nightingale.* Книга переведена с английского языка с разрешения автора. Приведено с письмом М. Гизо и предисловием М. Даремберга. Paris: Didier. Crown 8vo, pp. lxxx. + 301.

Перевод "Записок по уходу за больными" (1860). Биографическая "Заметка о мисс Флоренс Найтингейл" занимает страницы lxi.-lxxvii. Ссылку на письмо Гизо см. в т. I. с. [82](#).

1863

(33) *Доклад Королевской комиссии о санитарном состоянии армии в Индии, 1863 год.* Синяя книга большого формата, 2 тома. В томе I. стр. 347-370, "Замечания мисс Найтингейл по свидетельствам, содержащимся в статистических отчетах" от 21 ноября 1862 года, с иллюстрациями; стр. 371-462, "Резюме тех же отчетов", озаглавленное "Подготовлено доктором Сазерлендом", на самом деле подготовленное им и мисс Найтингейл.

Об этом отчете, который в дальнейшем был ее работой, см. том II. Pt. V., Chaps. [II.](#), [III.](#) Отчет был выпущен в трех различных формах:

(1) Как указано выше.

(2) Сокращенное издание формата octavo (июль 1863 г.). В это издание не вошли ни "Наблюдения" мисс Н., ни "Аннотация".

(3) Пересмотренное сокращенное издание, выпущенное Военным министерством. Оно было подготовлено мисс Найтингейл и включало ее "Наблюдения" (с. 297-344), а также подготовленную ею новую "Аннотацию доказательств" (с. 157-297). Историю этих трех изданий см. в т. II. с. [35-38](#).

(34) *Замечания по фактическим данным, содержащимся в отчетах, представленных Королевской комиссии по санитарному состоянию армии в Индии. Флоренс Найтингейл. (Перепечатано из отчета Королевской комиссии.)* Лондон: Edward Stanford, 1863. Октаво, стр. 92, переплетен в красную ткань. Цена 2s. 6d.

Это переиздание "Наблюдений" со всеми иллюстрациями (см. № 33). В предисловии к книге издатель пишет: "По вопросу, представляющему огромный интерес для страны, представляется желательным, чтобы взгляды мисс Найтингейл были переданы в руки общественности как в Англии, так и в Индии. Те, у кого есть другие тома мисс Найтингейл, таким образом, смогут добавить к ним книгу, которая не уступает ни одной из них по очарованию стиля, и будет способствовать реформе санитарного состояния британской армии, а также способствовать благополучию туземцев Индии."

Выдержки из "Наблюдений" и из статьи "Как люди могут жить и не умирать в Индии" (№ 41) были напечатаны в *"Soldier's Friend"*, 1 июля 1865 года.

(35) *Предложение по улучшению статистики хирургических операций*. Кварто, стр. 7; датировано декабрем 1863 года.

Предложение было представлено на Международном статистическом конгрессе, состоявшемся в Берлине в 1863 году (см. т. I. с. 434). Документ был включен в *третье* издание *"Записок о больницах"* (№ 37).

(36) *Заметка о предполагаемой защите от венерических болезней путем признания проституции и постановки ее под полицейский контроль*. Фолио, стр. 8.

Без подписи и с пометкой "Частная и конфиденциальная". Мисс Н. отпечатала только 20 экземпляров (см. т. II. с. 75).

(37) *Заметки о больницах*. Флоренс Найтингейл. Третье издание, расширенное и по большей части переработанное. Лондон: Longmans, 1863. Кварто, стр. 187.

В это издание вошли (1) два доклада (переписанные) первого издания (но не свидетельства для Королевской комиссии 1857 года); (2) новые главы "Улучшенные планы больниц", "Больницы для выздоравливающих", "Детские больницы", "Индийские военные больницы", "Больницы для солдатских жен"; (3) "Статистика больниц", "А. Общая статистика", "Б. Предложение по улучшению статистики хирургических операций"; (4) приложение "О различных системах ухода за больными".

Из этих материалов (3) А. является по сути перепечаткой № 27, а (3) Б. - № 35.

Из (4) было выпущено отдельное издание, слегка измененное (см. № 38).

Публикация этого третьего издания вызвала оживленную дискуссию в медицинской прессе. *The Lancet* одобрил статистический метод мисс Найтингейл (27 февраля 1864 г.). *Medical Times* (30 января) резко напал на него. Доктор Фарр защищал его (13 февраля), и в течение нескольких недель шла переписка, которая была такой же жаркой, как и профессиональные споры. Рецензии в прессе были очень многочисленны.

(38) *Заметка о различных системах ухода за больными*. Памфлет, 8vo, стр. 5 (напечатано Harrison & Sons).

Перепечатано с небольшими изменениями из приложения к *третьему* изданию *"Записок о больницах"*.

(39) *"Transactions of the National Association for the Promotion of Social Science"*, 1863, содержащий два доклада Ф. Н.: (1) Sanitary Санитарная статистика колониальных школ, с. 475-488 (обсуждение доклада, с. 557). (2) Как люди могут жить и не умирать в Индии, с. 501-510 (обсуждение, с. 557-558).

Перепечатку статьи (1) см. в № 40; статьи (2) - в № 41.

(40) *Sanitary Statistics of Native Colonial Schools and Hospitals*. Флоренс Найтингейл. Лондон: 1863. Памфлет (бумажные обертки сиреневого цвета), с. 67.

1864

(41) *Как люди могут жить и не умирать в Индии. Флоренс Найтингейл. (Прочитано на собрании Национальной ассоциации содействия развитию социальных наук, состоявшемся в Эдинбурге в октябре 1863 года).* London: Emily Faithfull, 1863. Памфлет, 8vo, стр. 11, в бумажных обертках сиреневого цвета.

Эта статья, получившая широкую известность в свое время, появилась в трех формах: (1) в отчетах о собраниях Ассоциации социальных наук (№ 39); также очень подробно о ней сообщалось в *"Шотландце"* от 9 октября 1863 года.

(2) В вышеописанной брошюре, которая, хотя и датирована 1863 годом, была издана только в январе 1864 года. 250 экземпляров были напечатаны только для частного распространения.

(3) *Второе издание*, получившее широкое распространение, появилось в ноябре 1864 г. в издательстве Longmans, 8vo, pp. 18 (сиреневая обертка), с новым предисловием (датированным августом 1864 г.).

(42) *"Предложения относительно санитарных работ, необходимых для улучшения индийских станций"*, подготовленные Комиссией по улучшению барачков и больниц. Синяя книга (Предложения, стр. 1-37), изданная в 1864 году.

Эти "Предложения" подписаны членами комиссии. Они были написаны в основном мисс Найтингейл. Сохранившаяся среди ее бумаг рукопись "Предложений" в том виде, в каком они были отправлены в типографию, написана ее почерком с некоторыми дополнениями доктора Сазерленда. Раздел (и многочисленные иллюстрации в приложении), посвященный дренажу и водоснабжению, был подготовлен мистером Р. Роулинсоном. См. том II. с. 48. *Пересмотренное издание* вышло в 1882 году.

1865

(43) *Замечания Комиссии по улучшению казарм и госпиталей по докладу д-ра Лейта об общем санитарном состоянии армии Бомбея.* Парламентская газета, 1865, № 329.

Первоначальный проект этого документа был подготовлен д-ром Сазерлендом и мисс Найтингейл (см. т. II, с. 54).

(44) *Предложения по системе сестринского дела в больницах Индии.* Письмо секретарю Санитарной комиссии Бенгалии, стр. 18. Подпись: "Флоренс Найтингейл, Лондон, 24 февраля 1865 года". Фолио, стр. 18.

Введение, с. 1-3; подробные предложения, с. 4-18. Вступление (как явствует из документа, хранящегося среди бумаг мисс Найтингейл) было написано сэром Джоном Макнилом. Письмо мисс Найтингейл было включено в качестве приложения в индийский официальный документ (Симла, 29 августа 1866 г.) (см. т. II. с. 55).

(45) *Ассоциация медсестер епархии Личфилда....* By E. J. Edwards. London: Parker, 1865. Брошюра, с письмом Ф. Н. от 13 апреля 1865 г. на с. 1.

(46) *The Organization of Nursing in a Large Town* (an account of the Liverpool Nurses' Training School). С введением и примечаниями Флоренс Найтингейл. Ливерпуль, 1865. Октаво, стр. 103.

Введение мисс Найтингейл занимает страницы 9-16. В книге также содержится (с. 25-26) ее письмо от 30 ноября 1861 года о "Обучении и использовании женщин в больницах, округах и частном сестринском деле".

Шведский перевод, выполненный фрау Энгельскау, вышел в Стокгольме в 1869 году.

(47) *Заметка об аборигенных расах Австралии: доклад, прочитанный на ежегодном собрании Национальной ассоциации содействия развитию социальных наук, состоявшемся в Йорке в сентябре 1864 года.* London: Printed by Emily Faithfull, 1865. Памфлет без обертки, стр. 8.

Заметка" ранее была напечатана в *Transactions of the National Association for the Promotion of Social Science*, 1864, pp. 552-558.

(48) *Смерть пастора Флиднера из Кайзерсверта.* Циркуляр формата кварто, стр. 4; три письма, датированные 21 октября, 21 ноября, 10 декабря 1864 года.

В последнем письме содержится призыв к созданию фонда для поддержки его вдовы и детей. Первые два письма уже были опубликованы в журнале *Evangelical Christendom*, New Series, vol. v. pp. 535-536 (ноябрь), pp. 584-586 (декабрь).

1867

(49) *Отчет Комитета о кубической площади столичных рабочих домов с документами, представленными Комитету.* Blue-book, 1867. Документ xvi. представляет собой "Предложения мисс Найтингейл по вопросу обеспечения, обучения и организации сиделок для больных бедняков в лазаретах рабочих домов", с. 64-79 (датировано 19 января 1867 г.).

Об этом документе см. т. II. с. 135-6. Для мисс Найтингейл были отдельно напечатаны его копии. Folio, pp. 16. Впоследствии (1868 г.) она выпустила сокращенное изложение этого документа: *Метод улучшения сестринского дела в больницах.* Folio, pp. 8 (в некоторых экземплярах есть приложение, pp. 11). Часть содержания была вновь напечатана в 1874 году.

(50) *Сестринское дело в рабочем доме.* Письмо мистеру Уильяму Рэтбоуну от 5 февраля 1864 г., напечатанное на стр. 4-6 книги *Workhouse Nursing: the Story of a Successful Experiment.* Macmillan, 1867.

Это письмо см. т. II. с. 125.

1868

(51) "Уна и лев". Статья в *"Добрых словах"*, июнь 1868 г., с. 360-366.

Рассказ о мисс Агнес Элизабет Джонс, "пионере сестринского дела в рабочих домах". Она была перепечатана, с небольшими изменениями, как "Введение" к *"Мемориалам Агнес Элизабет Джонс, написанным ее сестрой"* (1871), книга, которая выдержала множество изданий (5-е, 1872). Использование статьи мисс [446] Найтингейл в этой книге было несанкционированным, и она возражала против "Мемориалов" как односторонних и болезненных, и не дающих правдивого отчета о работе мисс Джонс. Об этой работе см. т. II. с. 140.

(52) *Меморандум о мерах, принятых для улучшения санитарных условий в Индии до конца 1867 года; вместе с аннотациями санитарных отчетов, которые до сих пор направлялись из Бенгалии, Мадраса и Бомбея.* Напечатано по распоряжению Государственного секретаря по делам Индии в Совете, 1868 год.

Меморандум состоит из (1) резюме санитарного вопроса с 1859 по 1867 год; (2) депеши сэра Стаффорда Норткота от 23 апреля 1868 года; (3) обзора ситуации. Из них (1) написано Ф. Н.; (2) составлено ею; (3) написано ею (см. т. II. с. 154).

1869

(53) "Заметка о пауперизме". Статья в журнале *"Fraser's Magazine"*, март 1869 г., стр. 281-290.

См. т. II. с. 164.

(54) *Отчет о мерах, принятых для улучшения санитарных условий в Индии в течение 1868 года и по июнь 1869 года; вместе с аннотациями* и т. д. Синяя книга.

Вводный меморандум, с. 1-8, в основном написан Ф. Н. (см. т. II, с. 181).

1870

(55) Письмо от 25 мая 1870 г. Совету Бенгальской ассоциации социальных наук в связи с избранием ее почетным членом. Напечатано на стр. xiv., xv. в *"Транзакциях Ассоциации"* (Калькутта, 1870).

О ее работе в Индии в течение 11 лет.

(56) *Санитария Индии*. Напечатано на стр. 1-9 в *"Транзакциях Бенгальской ассоциации социальных наук"* (Калькутта, 1870).

Обращение было отправлено с сопроводительным письмом, датированным 24 июня 1870 года. В записке президента Ассоциации говорится: "Наш помощник-секретарь, Бабу Нилмони Дей, взялся перевести это благородное обращение к народу Индии на бенгальский язык, и забота нашего Совета будет заключаться в том, чтобы до конца года его мудрые и благожелательные издания имели свободный доступ в каждый туземный дом, по крайней мере, в этом президентстве Индии".

(57) *Отчет о мерах, принятых для улучшения санитарных условий в Индии с июня 1869 по июнь 1870 года; вместе с аннотациями* и т.д. Синяя книга.

Включает два материала Ф. Н., а именно:

"Доклад о санитарном прогрессе в Индии", по просьбе автора приложенный к докладу, стр. 40-46. "Письмо в Бенгальскую ассоциацию социальных наук", датированное июнем 1870 года. Перепечатано на стр. 288-291 того же Отчета (см. № 56).

В первом из этих документов мисс Найтингейл критиковала введение [447] противоречивых теорий болезней в санитарные отчеты, как стремящееся запутать общественное сознание и препятствующее расходам на санитарное улучшение. Доктор Маклин, из больницы Нетли, взял исключение из этих взглядов в *Lancet* (29 октября 1870 года), и мисс Найтингейл ответил в номере от 19 ноября 1870 года (стр. 725).

(58) Письмо о франко-германской войне и сестринском деле Красного Креста. Напечатано в *"Таймс"*, 5 августа 1870 года.

См. т. II. с. 199.

(59) *Наказание и дисциплина*. Письмо на Национальный конгресс по пенитенциарной и реформаторской дисциплине, Цинциннати, 1870 год. Напечатано в *Transactions* (Albany, 1871), p. 636.

В письме, датированном "12 ноября 1870 года", содержится призыв к целесообразности заставить воров заплатить исправительными работами за то, что они украли.

1871

(60) *Эмиграция*. Письмо преподобному Хорроксу Коксу, 12 апреля 1871 года. "Публикуется с особого разрешения мисс Найтингейл", на форзаце, стр. 2.

(61) *Вводные заметки об учреждениях для лежачих больных. Вместе с предложением по организации учреждения для подготовки акушерок и акушерских сестер*. Флоренс Найтингейл. London: Longmans, Green & Co., 1871. Октаво, стр. 110.

Об этой книге см. т. II. с. [196](#).

1872

(62) "Замечания о санитарном прогрессе в Индии". Датировано 11 октября 1872 года. Внесено по запросу в *Отчет о мерах, принятых для улучшения санитарных условий в Индии, 1872*, с. 48-49.

(63) *Обращение мисс Найтингейл к медсестрам, проходящим испытательный срок в школе "Фонда Найтингейл" при больнице Святого Томаса. Напечатано для частного распространения*. Датировано маем 1872 года. Кварто, стр. 8.

Копии также были литографированы с листа мисс Найтингейл. Обращение (или иногда называемое письмом) было написано во многие последующие годы (см. ниже в разделах [1873](#), [1874](#), [1875](#), [1876](#), [1878](#), [1879](#), [1881](#), [1883](#), [1884](#), [1886](#), [1888](#), [1897](#), [1900](#), [1905](#)). Замечания по поводу обращений в целом и цитаты см. в т. II. с. [263-268](#).

1873

(64) "Записка" о допросе". Статья в *Fraser's Magazine*, май 1873, с. 567-577.

(65) "Под-"Заметка о допросе". Какой будет наша религия в 1999 году?". Статья в *Fraser's Magazine*, июль 1873 г., с. 25-36.

Об этих статьях см. т. II. с. [218-220](#).

(66) *Обращение мисс Найтингейл к медсестрам-стажерам школы "Фонда Найтингейл" при больнице Святого Томаса и медсестрам, ранее проходившим там обучение*. Напечатано для частного распространения. Кварто, стр. 12. Датировано "23 мая 1873 года".

(67) *Заметки о новой больнице Святого Фомы*. [Это просто заметки о том, чего следует избегать], озаглавленные "Частное и конфиденциальное". Фолио, стр. 4.

(68) *Тюремная дисциплина*. Письмо, датированное "1 сентября 1873 года", адресованное преподобному доктору Уайнсу и напечатанное в газете "Хартфорд Курант" (штат Коннектикут).

Письмо было перепечатано в английских газетах, например, в "Таймс" 11 октября 1873 года.

(69) *Реформа голосования в благотворительных организациях*. Письмо сэру Сиднею Уотерлоу от 30 октября, напечатанное в "Таймс" от 4 ноября 1873 года.

(70) *Письмо медсестрам Эдинбургского лазарета*. Кварто, стр. 5. Датировано 6 декабря 1873 года.

(71) Письмо (литографированное), адресованное указанным (соловьиным) медсестрам Эдинбургского лазарета, Рождество 1873 года.

1874

(72) *Жизнь или смерть в Индии. Доклад, прочитанный на собрании Национальной ассоциации содействия развитию социальных наук, Норвич, октябрь 1873 года. С приложением "Жизнь или смерть от ирригации"*. London: Harrison & Sons, 1874. Памфлет, 8vo, стр. 63, в сиреневой бумажной обертке.

Об этом памфлете см. выше, с. 181. Памфлет был напечатан в нескольких различных формах:

(1) В *"Трудах Ассоциации"*, 1873, с. 463-474.

(2) Для частного распространения в виде памфлета (стр. 14, в белой бумажной обертке) под названием *"Как некоторые люди жили и не умерли в Индии"*. Лондон, 1874 (напечатано Споттисвудом).

(3) С приложением (написанным в мае 1874 г.), как указано выше. Некоторые экземпляры в темно-синей обложке с надписью "Spottiswoode & Co." вместо "Harrison & Sons".

(4) Документ и приложение были напечатаны на с. 47-64 "Голубой книги", *"Отчет о мерах, принятых для улучшения санитарных условий в Индии с июня 1873 по июнь 1874 года"*.

(73) *Обращение Флоренс Найтингейл к медсестрам-стажерам школы "Фонда Найтингейл" при больнице Святого Томаса и медсестрам, которые ранее проходили там обучение. 23 июля 1874 года. Отпечатано для частного пользования*. Кварто, стр. 12.

(74) *"Ирригация и средства передвижения в Индии"*. Статья в *"Иллюстрированных лондонских новостях"*, 1 августа 1874 года; подписана и датирована "30 июля 1874 года".

Статья содержит случайную ссылку на "Билль об Индийском совете лорда Солсбери, этого мастера-труженика и прирожденного правителя людей". Статья была перепечатана в *"Homeward Mail"* от 4 августа и *"Journal of the National Indian Association"* от сентября (стр. 215-219).

(75) *Предложения по улучшению сестринского дела в больницах и о методе подготовки медсестер для больных бедняков*. Фолио, стр. 18 (датировано августом 1874 г.).

Этот документ включает в себя: (1) "Метод обучения медсестер в больнице Святого Томаса (в рамках Фонда Найтингейл)". (2) "Связь управления больницей с эффективностью сестринского дела". (3) "Структурные организации в больницах, необходимые для эффективной работы медсестер". (4) "Районное сестринское дело". Из этих статей (1), (2) и (3) были перепечатаны с некоторыми изменениями из № 49.

(76) *Письмо медсестрам Эдинбургского лазарета* (декабрь 1874 г.). Кварто, на одном листе.

(77) *Земиндар, солнце и горшок для полива, влияющие на жизнь и смерть в Индии*. Фолио, стр. 195; переплетено в две части (стр. 1-84, 85-195).

Об этой работе (так и не изданной в окончательном виде) см. выше, с. 295. На пробных копиях, хранящихся среди бумаг мисс Найтингейл, можно найти множество вариантов названия, например, для первой части - "Система земиндара как влияние на жизнь или смерть в Индии", а для второй - "Жизнь или смерть в Индии при ирригации".

1875

(78) *Обращение Флоренс Найтингейл к медсестрам-стажерам школы "Фонда Найтингейл" при больнице Святого Томаса и медсестрам, которые ранее проходили там обучение. 26 мая 1875 года. Отпечатано только для частного пользования.* Кварто, стр. 12.

1876

(79) *Обращение ... [как в № 78]. 28 апреля 1876 года. Напечатано только для частного пользования.* Кварто, стр. 12.

(80) *Столичная и Национальная ассоциации по предоставлению обученных медсестер для больных бедняков. Об обучении медсестер для больных бедняков. Флоренс Найтингейл. Письмо в газету "Таймс" от Страстной пятницы, 14 апреля 1876 года. Напечатано издательством "Споттисвуд и Ко", 1876 год. Небольшая брошюра (без обертки), стр. 12.*

На других экземплярах имеется надпись: "Напечатано фирмой "Калл и сын", Хоутон-стрит, Стрэнд". Статьи о письме мисс Найтингейл были опубликованы в "*Saturday Review*" от 22 апреля и "*Punch*" от 29 апреля. Памфлет был переиздан в 1881 году.

(81) "Болгарские зверства". Письмо, датированное 15 сентября, в "*Дейли Ньюс*", 18 сентября. Красноречивый призыв к фонду помощи болгарам, адресованный сэру Джону Беннету.

1877

(82) "Голод в Мадрасе". Письмо в "*Иллюстрированные лондонские новости*", 29 июня 1877 года.

Письмо, посвященное ирригации как профилактике голода, было [450] перепечатано в качестве приложения (стр. 25-30) к памфлету под названием "*Мадрасский голод*" сэра А. Коттона. London: Simpkin, Marshall & Co.

(83) *In Memoriam*. В память о Джоне Герри. Небольшая брошюра, стр. 14, в сиреневой бумажной обертке. Написана и напечатана частным образом Ф. Н.

Джон Герри был молодым лакеем, который умер от оспы в Лиа Херст 17 июля 1877 года. В это время в доме находилась мисс Найтингейл, и за ним присматривали две опытные медсестры.

(84) "Индийский голод". Письмо лорду-мэру с приложением чека для фонда помощи Мэншн-Хаусу, напечатанное в "*Дейли телеграф*" от 20 августа.

"Это письмо на вес золота для Фонда", - сказал лорд-мэр, принимая его. Это был искренний призыв о помощи райотам, "более трудолюбивого существа на земле не найти".

(85) *Работа в Брайтоне; или Миссия женщины для женщин.* Автор книг "*Активная служба*", "*Работа среди потерянных*" и др. [Эллис Хопкинс]. С предисловием Флоренс Найтингейл. Ninth Thousand. London: Hatchards, 1877.

Предисловие, датированное "октябрем 1877 года", занимает страницы iii, iv. и представляет собой искренний призыв к спасательной работе.

(86) *Lettre sur le devoir des Femmes de prendre une part active à l'œuvre du relèvement de la moralité publique, et considerations sur les résultats sanitaires de la réglementation dans l'Inde Anglaise.*

Прочитано на конгрессе в Женеве осенью 1877 года. Мне не удалось выяснить, где она была напечатана.

(87) *Письмо медсестрам Эдинбургского лазарета*, датированное "кануном Нового года, 7 часов утра". Quarto, pp. 3.

1878

(88) *Письмо матроне, домашней сестре и медсестрам больницы Святого Томаса.* Кварто, стр. 14.

Литографировано. Датировано "Новый год, 7 утра, 1878". Вместо обычного обращения.

(89) "Кто такой дикарь?" Статья в "Social Notes" (под редакцией С. К. Холла), 11 мая 1878 г., т. i. № 10, с. 145-147.

Описание жизни в трущобах большого города, предлагающее расширить деятельность мисс Октавии Хилл, организовать кофейни, кооперативные магазины и спасательные работы. Машинопись этой работы была выставлена на продажу одним эдинбургским книготорговцем в 1913 году.

(90) "Объединенная империя и индийский крестьянин". Статья в журнале *Национальной ассоциации индейцев*, июнь 1878 г., стр. 232-245.

(91) *Больница Святого Томаса. Памятка для стажеров по отравлению пальцев и т. д.* Листок, стр. 4. Датируется "июль 1878 года".

Составлена Ф. Н. в ходе консультаций, несомненно, с медицинскими работниками.

(92) "Прибытие воды в Индию. By a Commissioner." Статья на сайте, подписанная "Ф. Н.", в "Добрых словах", июль 1878 г., с. 493-496.

Описывается, на языке королевского прогресса, открытие реки Кана Нудди (Слепая река) в округе Хугли.

(93) *Мнения женщин о женском избирательном праве.* Листовка (8vo, стр. 4, напечатана A. Ireland & Co., Манчестер); мнение Флоренс Найтингейл (датированное июлем 1878 г.) занимает стр. 1: -

Вы просите меня изложить причины, по которым я желаю избирательного права для женщин-домовладелиц и женщин-плательщиц. У меня нет причин. Индийский райот должен быть представлен так, чтобы народ мог фактически оценивать себя в соответствии с опросами о том, что ему нужно, и тратить деньги на месте по определенным распоряжениям выборного совета. Если дело обстоит именно так: мы хотим предоставить индийскому туземцу, крестьянину и земиндару, такое местное представительство, *какое только возможно*, в расходовании налогов, которые он платит, то должен ли образованный английский налогоплательщик, *независимо от пола*, быть лишен возможности участвовать в избрании имперских представителей? Кажется, это первый принцип, аксиома: *каждый*

домохозяин или налогоплательщик должен иметь право голоса при избрании тех, кто тратит деньги, которые мы платим, включая, как это происходит, интересы, наиболее жизненно важные для человека - например, образование. В то же время я не жду от этого многого, поскольку не вижу, чтобы, например, в Америке, где избирательное право, как я полагаю, наиболее распространено, было больше (а скорее меньше) того, что действительно можно назвать свободой или прогрессом, чем где-либо еще. Но не может быть ни свободы, ни прогресса без представительства. И мы должны дать женщинам настоящее образование, чтобы они заслужили право быть представленными. В настоящее время *мужчины*, равно как и женщины, не обладают такой подготовкой. И если представляемые не стоят многого, то, конечно, и представители не будут стоить многого".

(94) "Народ Индии". Статья в *"Девятнадцатом веке"*, август 1878 г., с. 193-221.

Об этой статье см. выше, с. [290](#).

1879

(95) *Письмо Флоренс Найтингейл медсестрам-стажерам в школе "Фонда Найтингейл" при больнице Святого Томаса. Пасха, 1879 год. Только для частного пользования.* Кварто, стр. 4.

Это письмо, датированное "Канун Пасхи, 1879, 6 часов утра", также было литографировано в уменьшенном виде.

(96) Больница Святого Фомы: *Меморандум с инструкциями матроны для сестер отделения об обязанностях для испытуемых.* Датируется "Пасха, 1879". Брошюра из 4 стр.

Подпись "S. E. W.". (миссис Уордропер, матрона), но написана Ф. Н.

(97) "Миссионер-медик в Индии". Три статьи в *"Добрых словах"*, июль, август, сентябрь 1879 г., с. 492-496, 565-571, 635-640.

В первой и части второй статьи рассказывается о помощи при голоде в Индии. В остальной части второй статьи в связи с аграрными беспорядками в Декане рассматривается зло, причиняемое ростовщиками (выдержку из этой статьи см. в т. I. с. [87](#) н.). В третьей описывается работа санитарного [452] комиссара в обычное время с особым упором на Бомбей. И вторая, и третья статьи завершаются панегириком лорду Лоуренсу.

(98) *Письмо о сотрудничестве в Индии.* Напечатано на стр. 219-221 журнала *Национальной индийской ассоциации*, май 1879 г.

(99) "Ирригация и транзит воды в Индии". Три статьи в *"Иллюстрированных лондонских новостях"*, 10, 24, 31 мая.

(100) *Можно ли воспитать в Индии образование для воспитания "мужчин"?* Три статьи в журнале *Национальной индийской ассоциации*, август, сентябрь, октябрь 1879 г., с. 417-430, 478-491, 527-558.

1880

(101) *In Memoriam.* Открытка (стр. 4) "от Ф. П. В. и Ф. Н." в память о Фрэнсис и Уильяме Эдварде Найтингейлах (мать и отец Ф. Н.).

Открытка была составлена Ф. Н., чей выбор текстов и т. д. был характерен - *например*, "Живите для Него: тогда, при жизни, при смерти, мы - Его". "Господи, помоги нам полнее использовать себя для Него в нашей работе".

(102) "Женское рабство в Натале". Письмо мисс Найтингейл (от 22 ноября 1879 года) мистеру Джеймсу Хейвуду, напечатанное в "*Друге аборигенов*", апрель 1880 года.

(103) "Больницы и пациенты". Статья, набранная для "*Девятнадцатого века*" за сентябрь 1880 года, но не использованная.

1881

(104) *Письмо Флоренс Найтингейл, 6 мая 1881 года* [медсестрам больницы Святого Томаса]. Литографированное, стр. 16.

1882

(105) "Подсказки и предложения по бережливости". Статья, напечатанная в ежемесячном журнале под названием "*Thrift*", январь 1882 г., стр. 4.

(106) *Подготовка медсестер и уход за больными*. Статьи, занимающие страницы 1038-1043, 1043-1049 "*Медицинского словаря*" Куайна.

Экземпляры статьи мисс Найтингейл были отдельно вычеркнуты, как памфлет (без обертки), стр. 12. В более поздних изданиях словаря статьи были пересмотрены Флоренс Найтингейл Бойд. Выдержки из оригинальных статей были напечатаны на карточке для использования в лазарете Солсбери, 1902 год.

(107) "*Инфекция*". Сэр Дж. Кларк Джервуаз, Барт, с примечаниями мисс Найтингейл. Второе издание. Лондон: Vacher & Sons, 1882. Памфлет в синей бумажной обложке, стр. 63.

Замечания мисс Найтингейл на стр. 62, 63 относятся к первому изданию памфлета (опубликованному анонимно в 1867 году). Они представляют собой нападки на "гипотезу микробов".

1883

(108) *От Флоренс Найтингейл медсестрам-стажерам, проходящим обучение в школе "Фонда Найтингейл" при больнице Святого Томаса, и медсестрам, ранее проходившим там обучение*. 23 мая 1883 года. Литография, стр. 13.

(109) *Немые должны говорить, а глухие - слышать; или: райот, земиндар и правительство*. Доклад, прочитанный на собрании Ост-Индской ассоциации и напечатанный в ее журнале, июль 1883 г., стр. 163-211.

Доклад был прочитан мистером Ф. Верни, председательствовал сэр Бартл Фрер, 1 июня. В том же году Ассоциация перепечатала ее отдельно в виде брошюры (без обертки, стр. 48).

(110) "Наше индейское управление". Статья в "*Девятнадцатом веке*", август 1883 г., с. 329-338.

Защита политики лорда Рипона. Статья в значительной степени принадлежит сэру Уильяму Уэддерберну. "Статья превосходная, - писала она ему (1 августа), - если бы только она была подписана вами, а не мной".

(111) "Билль о бенгальской аренде". Статья в "*Современном обозрении*", октябрь 1883 г., с. 587-602.

1884

(112) *Письмо стажерам Найтингейла* от 3 июля 1884 года. Напечатано в *отчете Фонда Найтингейл за 1883 год*, где на с. 3 приведен отчет о ежегодном собрании (лорд Хоутон в кресле), на котором было зачитано это письмо.

1886

(113) *Медсестрам-стажерам школы Фонда Найтингейл при больнице Святого Томаса. Флоренс Найтингейл. Новый год, 1886. (Только для личного пользования.)* Небольшая брошюра (кремовая бумажная обложка), стр. 16.

(114) *Флоренс Найтингейл - хирургу-майору Г. Дж. Х. Эватту*. Лист с таким названием, напечатанный в связи с "Выборами в Вулвиче, 1886".

В письме, датированном 24 июня 1886 года, дается положительная оценка кандидатуры хирурга-майора Эватта на основании его административного опыта и энергии в "жизненно важных вопросах социального, санитарного и общего интереса". Он баллотировался как либерал и не был избран.

1887

(115) *Санитария в деревнях Индии*. Письмо от 22 февраля 1887 г. объединенным секретарям Ассоциации Бомбейского президентства. Кварто, стр. 3.

Аналогичное письмо было адресовано Пуна Сарваджаник Сабха.

(116) *Note sull' Assistenza ai Malati di Miss Nightingale Tradotto e Abbreviate da A. C. [Comparetti]*. Lucca: Topografia Giusti, 1887.

1888

(117) *Медсестрам-стажерам школы Фонда Найтингейл при больнице Святого Томаса от Флоренс Найтингейл*, 16 мая 1888 года. Только для частного пользования. Литография, стр. 20 (с желтыми обертками).

(118) *Санитария в Индии*. "Письмо мисс Найтингейл", датированное "Лондон, 27 июля 1888 г.", опубликовано в журнале *Общества общественного здравоохранения* [Калькутты], октябрь 1888 г., т. iv. с. 63-65.

1889

(119) *Санитария в деревнях Индии*. Письмо от 20 февраля 1889 г. объединенным секретарям Ассоциации Бомбейского президентства. Кварто, стр. 3.

То же письмо, напечатанное аналогичным образом, было адресовано "Совместным секретарям Пуна Сарваджаник Сабха". Письмо по большей части представляло собой критическое изложение законопроекта о санитарной очистке бомбейских деревень; оно было опубликовано в сводке "*Бомбейской газеты*" от 5 апреля 1889 года.

1890

(120) *Очерк истории и прогресса районного сестринского дела. By William Rathbone. С предисловием Флоренс Найтингейл. Посвящается с разрешения Ее Величества. Лондон: Macmillan, 1890.*

Введение занимает страницы ix.-xxii.

1891

(121) *Послание медсестрам в Ливерпуле. Напечатано на с. 11 Шестьдесят третьего ежегодного отчета Королевского южного госпиталя. Ливерпуль: 1904.*

Послание было отправлено в феврале 1891 года по случаю открытия Дома престарелых. Одна из палат больницы названа в честь мисс Найтингейл.

(122) *Санитария в Индии. Письмо, датированное 16 февраля 1891 года, объединенным секретарям Ассоциации Бомбейского президентства. Кварто, стр. 3.*

Это же письмо было адресовано Пуна Сарваджаник Сабха.

(123) *Санитария в Индии. Письмо от декабря 1891 г. Рао Бахадуру Вишну Морешвару Бхиде, председателю Пуна Сарваджаник Сабха. Кварто, стр. 3.*

Эти открытые письма, предназначенные для "распространения среди местных ассоциаций и влиятельных индийских джентльменов", привлекли большое внимание индийской прессы. Подборка комментариев прессы к ним была напечатана в "*Индиан Спектейтор*" от 10 июля 1892 года. Кроме того, в еженедельном обзоре "Индийские дела" сэра В. В. Хантера в газете "*Таймс*" от 10 января 1892 года появилось упоминание о № 121 [455]. "Письмо мисс Найтингейл образует, - сказал он, - краткий, но практичный кодекс деревенской санитарии".

1892

(124) *Санитария в деревне в Индии. Письмо мисс Найтингейл государственному секретарю по делам Индии (лорду Кроссу), датированное мартом 1892 года, с приложением меморандума, подписанного членами Индийского комитета Международного конгресса по гигиене и демографии (1891). Напечатано в Индии, 15 июля 1892 г., стр. 200.*

См. т. II. с. [379379](#).

(125) Введение к книге "*Бехрамджи М. Малабари: биографический очерк*", Даярам Гидумал. London: Fisher Unwin, 1892.

Введение мисс Найтингейл занимает страницы v.-viii.

(126) *Здоровье на дому. Письма в отчете о подготовке сельских миссионеров здравоохранения и об их лекциях и визитах в деревни под руководством Совета графства Бакс: 1891-92. Уинслоу: Э. Дж. Френч. Памфлет, стр. 50.*

Имеются три письма Ф. Н.: (1) письмо (от 17 октября 1891 г.) мистеру Фредерику Верни о важности подготовки сельских миссионеров; (2) письмо от октября 1892 г. в "Деревенские матери", с. 14, 15; (3) письмо от 21 ноября 1892 г., в котором сообщается об эксперименте и содержится призыв к его продолжению (см. т. II. с. [384](#)).

(127) *Холера: Что мы можем сделать?* Джордж Х. Джордж Х. Де'Ат, медицинский работник здравоохранения Букингема. Букингем: Walford & Son. Брошюра в зеленой бумажной обертке, стр. 19.

Последние страницы (18, 19) предоставлены Ф. Н. Призыв бороться с холерой путем профилактической санитарии; "ибо если холера не придет, мы выиграем день у лихорадки" и т. д.

(128) "Больницы". Статья в *"Энциклопедии Чемберса"*, новое издание, пересмотренное и частично переписанное Ф. Н.

(129) *Королевская британская ассоциация медсестер*. "Замечания мисс Найтингейл о реестре медсестер".

Это было частью аргументации против Королевской хартии, представленной в Тайном совете в ноябре 1892 года. Среди бумаг мисс Найтингейл есть оригинал, машинописная копия и копия на короткой бумаге, сделанная адвокатами оппонентов. Я включаю ее в библиографию, предполагая, что она была напечатана для Тайного совета.

(130) "Миссис Уордропер". Памятная заметка о покойной матроне больницы Святого Томаса, напечатанная одновременно 31 декабря 1892 года в *"Британском медицинском журнале"* (под заголовком "Реформа ухода за больными и покойная миссис Уордропер") и в приложении *"Больничная медицина"* ("Достойная медицинская сестра").

Выдержки см. в т. I. с. 458.

1893

(131) "Sick-Nursing and Health-Nursing." Статья на с. 184-205 книги *"Миссия женщины: серия статей выдающихся писателей о филантропической деятельности женщин на конгрессе"*. Arranged and edited, with a Preface and Notes, by the Baroness Burdett-Coutts. Лондон: Сэмпсон Лоу, Марстон и Ко, 1893. Издание, выпущенное Британской королевской комиссией, Чикагская выставка, 1893 год.

Основная часть работы занимает стр. 184-199. Затем следует "Добавление" о районном сестринском деле, с рассказом о системе "подготовки медицинских сестер" в Баксе и "Программой лекций для миссионеров здравоохранения".

(132) "Лекции о здоровье для индийских деревень". Газета, напечатанная в *Индии*, октябрь 1893 г., с. 305-306.

1894

(133) "Здоровье и местное самоуправление". Введение (стр. i.-ii.) к докладу *Санитарной конференции в Баксе, октябрь 1894 года*. Aylesbury: Poulton & Co.

Введение мисс Найтингейл было также напечатано отдельно в виде небольшого форзаца, стр. 2, под заголовком *"Здоровье и местное самоуправление"*, автор *Флоренс Найтингейл*.

(134) *Учение о здоровье в городах и деревнях. Сельская гигиена*. Флоренс Найтингейл. London: Spottiswoode & Co., 1894.

Памфлет, стр. 27. Перепечатано из доклада, прочитанного на конференции женщин-работниц, проходившей в Лидсе с 7 по 10 ноября 1893 года. Документ также напечатан в *официальном отчете конференции* (Лидс, 1894), с. 46-60.

(135) *Санитария в деревнях Индии*. Доклад для тропической секции 8-го Международного конгресса по гигиене и демографии в Будапеште. Брошюра (без обертки), стр. 8; подписано "Флоренс Найтингейл". Лондон: 20 августа 1894 года".

В качестве приложения перепечатан "Меморандум" 1892 года (№ 122).

1895

(136) *Птицы*. Письмо от 4 февраля 1895 г. "дяде Тоби" из Общества птиц Дикки, напечатанное в еженедельном приложении к газете *"Ньюкасл Кроникл"* от 16 февраля.

1896

(137) "Несколько строк медсестрам работного дома". Дополнение (стр. 53-57) к книге *"Агнес Джонс; или Она сделала все, что могла"* (Agnes Jones; or, She hath done what she could. By Mrs. Roundell, London: Bickers & Sons, 1896.

Несколько фраз из "Дополнения" мисс Найтингейл воспроизведены факсимиле в качестве фронтисписа к этой небольшой книге.

(138) "Миссионеры здравоохранения для сельской Индии". Статья в *India*, December 1896, pp. 359-360.

1897

(139) *Медсестрам и стажерам, прошедшим обучение в "Фонде Найтингейл", июнь 1897 года*. Октаво, с. 17 (в простой белой обертке).

1898

(140) *Письмо Флоренс Найтингейл о Викторианском ордене медсестер в Канаде*. Небольшая брошюра в белой бумажной обертке, стр. 4.

Письмо, адресованное леди Абердин, датировано 5 мая 1898 года. В конце брошюры указано: "Оригинал этого письма полностью написан собственной рукой мисс Флоренс Найтингейл". Оттиск отсутствует.

1899

(141) *Солдат в военное время*. Письмо выжившим в Балаклаве, напечатанное в *Daily Graphic*, 26 октября 1899 года.

В этом письме использованы некоторые фразы, процитированные в т. II. с. 411.

1900

(142) *Всем нашим медсестрам, 28 мая 1900 г.* Литография, стр. 12.

На почерке мисс Найтингейл в этом письме мало признаков возраста. Он смелый и четкий.

(143) *Письмо лорду-провосту Эдинбурга*. Напечатано на стр. 26 официального и иллюстрированного отчета, составленного А. А. Гордоном, об *Эдинбургском и Восточно-Шотландском госпитале для Южной Африки* (Blackwood & Sons).

О поводе для этого письма см. т. II. с. [411](#).

1901

(144) *Памяти Роберта Джеймса барона Вантеджа, В.К., К.К.Б.* Частный мемуар, содержащий на стр. 53 письмо от мисс Найтингейл.

Письмо, датированное 12 июня 1901 года, содержит такие слова: "Лорд Вантедж - большая потеря, но он был и большим приобретением. И то, что он приобрел для нас, никогда не будет потеряно. По моему опыту, такие люди есть только в Англии: человек, у которого было все (выражаясь общепринятым языком), что мог дать ему этот мир, но который работал так же усердно и до последнего, как самый бедный человек, и все ради других, ради общего блага. Человек, чья жизнь имеет огромное значение для всех: *всем* стало лучше, чем если бы он не жил; и это улучшение остается навсегда, оно не умирает вместе с ним - такова истинная оценка великой жизни". Эти слова были процитированы в начале статьи о лорде Уонтедже в "*Эдинбургском обозрении*", январь 1902 года.

(145) *Призыв от имени больницы для неполноценных джентльменов на Харли-стрит.* Письмо в "*Таймс*", 12 ноября 1901 года.

Перепечатано в ежегодных отчетах учреждения за 1902, 1903 и т. д. Письмо, хотя и подписано "Флоренс Найтингейл", не несет на себе отпечатка ее стиля и не совсем точно рассказывает о ее ранней связи с больницей (см. т. I. с. [133](#)). Считается, что письмо было написано для мисс Найтингейл миссис Дайси. Учреждение, переименованное в "Больницу Флоренс Найтингейл для джентльменов", теперь находится в новых помещениях в Лиссон-гроув.

1905

(146) *Новогоднее послание Флоренс Найтингейл медперсоналу Эдинбургского королевского лазарета, январь 1905 года.* Напечатано на открытке.

"Я молюсь от всего сердца, чтобы Бог обильно благословил работу в Эдинбургском лазарете и дал возможность работникам делать ее для Него, в любви, которой мы обязаны Ему".

(147) *Послание ветеранам Крыма.* Напечатано на с. 47 брошюры под названием "*Ассоциация ветеранов Крымского и Индийского мятежей, Бристоль*" (*The Crimean and Indian Mutiny Veterans' Association, Bristol*. Бристоль, 1905 г.

Одно из последних посланий, отправленных мисс Найтингейл. По ее словам, годовщины, отмечаемые ветеранами, "всегда были знаменательными днями и для нее".

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Список печатных работ мисс Найтингейл, опубликованных или распространяемых частным образом, расположенных в хронологическом порядке
(Об ограниченном объеме этого списка см. *предисловие*, том I, стр. [viii](#))

1854

(1) Письмо в "*Таймс*" от 24 октября, написанное "человеком, знавшим мисс Найтингейл".

(2) "Кто такая "миссис" Найтингейл?". Биографическая статья в *Examiner* (перепечатана в *Times*, 30 октября).

Эти два сообщения закрепили популярное представление о мисс Найтингейл. Статью в "*Экзаминере*" см. в т. I. с. 164.

1855

(3) Брейсбридж. "Британские больницы на Востоке". Сообщение в "*Таймс*" от 16 октября 1855 г. о лекции, прочитанной в Ковентри мистером К. Х. Брейсбриджем, дополненное его письмом в "*Таймс*" от 20 октября.

Ссылку на эту лекцию см. в Vol. I. p. 287. Отчет содержит множество подробностей о заслугах и трудностях мисс Найтингейл.

(4) "*Рекорд*" и мисс Найтингейл. Замечания по поводу двух статей, содержащихся в "*Рекорде*" от 1 февраля и 8 марта 1855 года. Лондон: Нисбет, 1855.

Этот памфлет проливает свет на *odium theologicum*, см. т. I. Часть II. Гл. VIII. Мисс Н. была обличена как "полуримская монахиня", "англиканская папистка".

(5) Комитет Роебука. *Отчеты Отдельного комитета по армии перед Севастополем*, 1 марта 1853 г. - 18 июня 1855 г.

Этот отчет см. т. I. с. 176.

(6) S. G. O. *Scutari and its Hospitals*. Автор: почтенный и преподобный Сидней Годольфин Осборн. Лондон: Dickinson Brothers, 1855.

Здесь содержится лучший и наиболее полный рассказ очевидца о работе мисс Найтингейл в Скутари.

1855-57

(7) *Различные рекламные проспекты, популярные песни и т. д.*, посвященные мисс Найтингейл (см. т. I. стр. 266). Их коллекция хранится среди ее бумаг. Ниже приводится текст самой популярной из этих песен:...

Темной одинокой ночью на страшном берегу Крыма
Накануне утром здесь произошли кровопролитие и раздор;
Мертвые и умирающие лежали вокруг, истекая кровью,
Некоторые зывали о помощи, но никого не было.
И вот Бог в милосердии Своем сжалился над их воплями,
И солдаты, столь бодрые поутру, встают.
Так вперед, мои парни, пусть ваши сердца никогда не унывают.
Вас ободряет присутствие милого соловья.

Бог послал эту женщину, чтобы она помогала храбрецам;
Несколько тысяч человек она спасла от безвременной могилы.

Ее глаза светятся от удовольствия, она прекрасна и хороша,
Она понимает нужды раненых.
Некоторых привозили с лихорадкой, с почти угасшей жизнью,
Некоторые с разрушенными конечностями, некоторые разорваны на куски.
*Но они не теряют бодрости духа, их сердца не сдаются,
Их подбадривает присутствие милого соловья.*

Сердце у нее доброе, ни за какие щедроты она не возьмет,
Она готова отдать свою жизнь за бедного солдата;
Она молится за умирающих, она дарит мир храбрым,
Она чувствует, что у солдата есть душа, которую нужно спасти.
Раненые любят ее, как видно,
Она - хранительница солдат, они называют ее своей королевой.
*Пусть Бог даст ей силы, а ее сердце никогда не подведет,
Один из лучших даров Небес - мисс Найтингейл.*

Жены раненых, как они благодарны!
За их мужьями ухаживают и ночью, и днем.
Какой бы ни была ее страна, этот дар дан Богом,
И солдаты говорят, что она - ангел с небес.
Вся хвала этой женщине, и кто может отрицать это.
Эта женщина была послана в утешение человеку:
*Будем надеяться, что вы больше не будете на них ругаться,
Обращайтесь с ними хорошо, и они станут такими же, как мисс Найтингейл.*

1856

(8) *Восточные больницы и английские медсестры; рассказ о двенадцатимесячном опыте работы в больницах Кулалли и Скутари.* By a Lady Volunteer. 2 тома. 1856; 3-е изд. в одном томе. 1857.

Автор, мисс Фанни М. Тейлор, была членом второй группы медсестер, которая отправилась вместе с мисс Стэнли.

(9) *Sayah; or, the Courier to the East.* [By H. Byng Hall.] London: Chapman & Hall.

Содержит общую характеристику мисс Найтингейл от человека, посетившего Скутари.

(10) Макнилл. Речь сэра Джона Макнилла на крымском банкете в Эдинбурге, дословно переданная в *Daily News*, 3 ноября 1856 года.

Прекрасная оценка мисс Найтингейл, с многочисленными подробностями ее работы в Скутари.

(11) *Фонд Найтингейл. Report of Proceedings at a Public Meeting held in London, on Nov. 29, 1855.... Offices of the Nightingale Fund, 5 Parliament Street.* Брошюра в желтой обложке, стр. 36 + 16 + 24.

Страницы 1-36, отчет о публичном собрании; страницы 1-16, "Приложение". Выдержки из передовых статей в лондонских журналах и т. д.; с. 1-24, "Добавления", отчет об общественных собраниях в провинциях, 1856 г. и т. д.

Тираж. 1856 г.

(12) *Пророчество Ады, покойной графини Лавлейс, о ее подруге мисс Флоренс Найтингейл.* Написано в 1851 году. Музыка сочинена У. Х. Монтгомери. Лондон: G. Emery & Co. [без даты].

Стихотворение - "Портрет, взятый из жизни" - напечатано на обороте песни (см. т. I. с. 38, 142).

1857

(13) Дэвис. *Автобиография Элизабет Дэвис, медсестры из Балаклавы.* Под редакцией Джейн Уильямс. 2 vols. Hurst & Blackett, 1857.

Дэвис была одной из участниц мисс Стэнли. Она служила поваром в Главном госпитале в Балаклаве. Хотя это работа явно необразованной и предвзятой женщины, книга полезна как иллюстрация интриг против мисс Найтингейл в Крыму и как отражение враждебности, которую ее строгая дисциплина вызывала среди некоторых медсестер. Книге не стоит доверять. Мисс Найтингейл сделала очень едкие замечания по поводу романов этой старой женщины о лорде Рагланде и других.

(14) Пинкоффс. *Опыт работы гражданского лица в восточных военных госпиталях....* Питера Пинкоффса, доктора медицины, бывшего гражданского врача госпиталей Скутари. William & Norgate.

В главе vii "Провидение госпиталя в бараке" рассказывается о работе мисс Н. Это один из самых важных авторитетов, поскольку является свидетельством очевидца и медика; но доктор Пинкоффс не был в Скутари до середины 1855 года.

(15) *Кулинарная кампания Соьера: исторические воспоминания о последней войне.* By Alexis Soyer. Лондон: G. Routledge, 1857.

Также представляет большую ценность как запись очевидца и участника работы мисс Найтингейл.

1860

(16) Неопубликованный документ, найденный среди бумаг мисс Найтингейл, написанный "Р. Р.", рядовым 68-го легкого пехотного полка, в котором он рассказывает о том, как ухаживал за ней. Он был комиссован из Крыма, и в январе 1855 года мистер Брейсбридж выбрал его в качестве посыльного при мисс Найтингейл: Vol. I. p. 256.

1861

(17) "Что сделала и делает Флоренс Найтингейл". Статья [миссис С. К. Холл] в журнале *St. James's Magazine*, апрель 1861 года.

В ней, *среди прочего*, рассказывается о первых днях "медсестер Найтингейл".

1862

(18) *Опыт английской сестры милосердия*. By Margaret Goodman. Smith, Elder & Co., 1862.

Мисс Гудман была одной из "селлониток" (см. т. I. с. 159); она дает несколько подробный рассказ об уходе за больными.

(19) *Отчет об ассигнованиях из фонда Найтингейл*. Перепечатано с небольшими дополнениями из доклада, прочитанного сэром Джошуа Джеббом на заседании Ассоциации социальных наук в 1862 году. Памфлет, 8vo, стр. 12.

Были просмотрены различные другие публикации подобного рода, такие как: *Deed of Trust and other Deeds relating to the Nightingale Fund* (London: Blades, 1878); и ежегодные отчеты Комитета Совета Фонда Найтингейл с 1862 по 1910 год.

(20) *Поездка в Константинополь ... и мисс Найтингейл в больнице Скутари*. By L. Dunne. Лондон: Дж. Шеппард.

В прошлом автор был бригадиром Н.М. Stores на Босфоре.

1863

(21) Хорнби. *Константинополь во время Крымской войны*. Леди Хорнби. С иллюстрациями в хромо-литографии. Лондон: Бентли, 1863.

Содержит несколько личных впечатлений Ф. Н. (см. т. I. с. 285, 296). Леди Хорнби была женой сэра Эдмунда Гримани Хорнби, Его Величества британского комиссара в Турции во время Крымской войны.

1864

(22) *A Book of Golden Deeds*. [Автор Шарлотта М. Йонге]. Macmillan, 1864.

На титульном листе этой книги, ставшей очень популярной, была помещена репродукция статуэтки "Дама с лампой", а в предисловии упоминалась мисс Найтингейл.

(23) *Пример женщины и работа нации: A Tribute to Florence Nightingale*. Лондон: Уильям Риджуэй, 1864.

Рассказ о работе Санитарной комиссии США (1861 г.), вдохновленной американскими женщинами. "Все, что здесь описано, - говорит автор в Посвящении Флоренс Найтингейл, - вы имеете право считать результатом своей собственной работы" (см. т. II. с. 9).

1865

(24) *Флоренс Найтингейл. Лекция, прочитанная в театре Медицинского колледжа 9 ноября 1865 года*. Майором Г. Б. Маллесоном. Калькутта, 1865.

1874

(25) *Томас Грант, первый [римско-католический] епископ Саутварка*. By Grace Ramsay [псевдоним Kathleen O'Meara]. Smith, Elder & Co., 1874.

В главе vii. приводится полный отчет о миссии монахинь Бермондси под руководством мисс Найтингейл.

1874-80

(26) *Жизнь принца-консорта*. By Sir Theodore Martin. 5 vols. Smith, Elder & Co.

Упоминания о мисс Найтингейл содержатся в томе iii.

1880

(27) *Вторжение в Крым*. Автор А. В. Кинглейк. Том vi. "Зимняя смута". Blackwood & Sons, 1880.

Глава xi. в основном посвящена рассказу о "Главной леди" (мисс Найтингейл).

1881

(28) *Narrative of Personal Experiences and Impressions during a Residence on the Bosphorus during the Crimean War*. By Lady Alicia Blackwood. London: Hatchard, 1881.

Рассказ одной из помощниц мисс Найтингейл (см. т. I. с. [197](#)).

1886

(29) *Жизнь и деятельность 7-го графа Шафтсбери*. By Edwin Hodder. 3 vols. (1886), popular ed. 1 vol. (1887).

Содержит некоторые упоминания о Крымской войне, стр. 503 *и далее*, и письма Ф. Н., 505, 581.

1887

(30) Mohl. *Письма и воспоминания Юлиуса и Марии Моль*. By M. C. M. Simpson. Kegan, Paul & Co., 1887.

Несколько упоминаний о мисс Найтингейл ("F--"); также воспоминания леди Верни, приведенные в томе I. стр. [21](#).

1895

(31) *Das Rote Kreuz*, № 23, 1895. Издается в Берне. На стр. 206-209 статья доктора Йорди из Берна о "Мисс Флоренс Найтингейл, первом пионере Красного Креста" с письмом с сайта от 4 сентября 1872 года.

В письме содержится благодарность за доклад, прочитанный М. Дюнаном в Лондоне о работе Красного Креста (см. т. II. с. [205](#)).

(32) *Жизнь и переписка сэра Бартла Фрера*. By John Martineau. 2 vols. John Murray, 1895.

Содержит несколько писем от мисс Найтингейл.

(33) *История Хайлендской бригады в Крыму*. Основана на письмах, написанных в 1854-56 гг. подполковником Энтони Стирлингом. Remington & Co., 1895.

На важность этой книги для понимания работы мисс Найтингейл указывается в томе I. с. [167](#).

1897

(34) *Life and Letters of Benjamin Jowett*. Авторы Эвелин Эббот и Льюис Кэмпбелл. 2 vols. John Murray, 1897.

Содержит выдержки из большого количества писем мистера Джоуэтта к мисс Найтингейл (хотя это и не указано), а также случайные упоминания о ней.

1900

(35) Howe. *Воспоминания: 1819-1899*. Джулия Уорд Хоу.

Цитируется, том I. стр. 37, 43.

1904

(36) Алоизий. *Воспоминания о Крыме*. By Sister Mary Aloysius [Doyle]. London: Burns & Oates, 1904.

Личные воспоминания одной из ирландских монахинь, отправившейся под началом миссис Бриджмен с партией мисс Стэнли.

(37) *Emma Darwin, Wife of Charles Darwin: A Century of Family Letters*. Под редакцией ее дочери, Г. Э. Личфилд. 2 vols. Частное издание, 1904.

Цитируется том I. pp. 15, 96, 446.

(38) Tooley. *Жизнь Флоренс Найтингейл*. By Sarah A. Tooley. London: S. H. Bousfield & Co., 1904.

Содержит несколько писем, воспоминания ветеранов Крыма и т. д.

1905

(39) *William Rathbone: a Memoir*. By Eleanor F. Rathbone. Macmillan, 1905.

Многочисленные упоминания о мисс Найтингейл и рассказы о предприятиях, в которых она участвовала вместе с мистером Рэтбоуном.

1906

(40) Стэнмор. *Сидни Герберт, лорд Герберт из Леа*. A Memoir. By Lord Stanmore. 2 vols. John Murray, 1906.

Здесь приводится важная переписка между Сиднеем Гербертом и мисс Найтингейл.

1907

(41) *История сестринского дела*. М. Аделаида Наттинг и Лавиния Л. Док. 2 vols. G. P. Putnam's Sons, 1907.

Прекрасный рассказ об "эволюции систем ухода за больными", справедливая оценка мисс Найтингейл и обширные выдержки из ее трудов.

(42) *Письма королевы Виктории, 1837-1861 гг.* Под редакцией А. К. Бенсона и виконта Эшера. 3 vols. John Murray.

Цитируется или упоминается в томе I. стр. 217, 274.

1908

(43) Панмур. *The Panmure Papers....* Edited by Sir George Douglas and Sir George Dalhousie Ramsay. London: Hodder & Stoughton, 1908. 2 vols.

Эта коллекция, хотя и не проливает свет на самые важные отношения мисс Найтингейл с лордом Панмуром, содержит несколько писем, представляющих интерес.

(44) *St. John's House. Краткий отчет о шестидесятилетней работе, 1848-1908 гг.* 12 Queen Square, Bloomsbury, London, W.C. Памфлет.

Содержит некоторые сведения о наборе медсестер для Крымской войны и два письма от мисс Найтингейл.

1910

(45) Библиография. *Выставка некоторых работ Флоренс Найтингейл в педагогическом музее Учительского колледжа Колумбийского университета с 16 мая по 1 июня 1910 года.* Памфлет, стр. 8.

Этот каталог содержит (1) краткую "Биографическую справку"; (2) каталог работ Ф. Н., представленных на выставке; (3) краткий каталог "Работ о Флоренс Найтингейл".

(46) *Упражнения в честь пятидесятой годовщины основания Флоренс Найтингейл Первой школы обучения. Карнеги-холл, город Нью-Йорк, среда, 18 мая 1910 года.* Памфлет, стр. 24.

Отчет о различных выступлениях мистера Чойта и других.

(47) *Флоренс Найтингейл: сила в медицине.* Выступление на выпускных занятиях Школы подготовки медсестер при больнице Джона Хопкинса, 19 мая 1910 года. Генри М. Хёрд, доктор медицины, Балтимор, 1910.

Прекрасная оценка работы мисс Найтингейл как основательницы современного сестринского дела, как санитары и как реформатора армии.

(48) *Письма Джона Стюарта Милля.* Под редакцией Хью С. Р. Эллиота. 2 vols. Longmans & Co., 1910.

Письма Милля за 1860 год (см. т. I, с. 471) находятся в т. I, с. 238-242; его письмо от 31 декабря 1867 года (см. выше, с. 217) - в т. II, с. 100-105.

(49) *Мемуары достопочтенного сэра Джона Макнилла, генерала К.Б., и его второй жены, Элизабет Вильсон.* Их внучкой. John Murray, 1910.

Содержит несколько писем от мисс Найтингейл.

(50) 15 августа и позже. *Некрологи* о мисс Найтингейл в газетах. Те, что написаны с наибольшим знанием дела, были опубликованы в "*Таймс*" и "*Манчестер Гардиан*".

(51) "Некоторые личные воспоминания о мисс Флоренс Найтингейл", автор "Ламорна" [с серией писем от Ф. Н.]. В журнале "*Nursing Mirror and Midwives' Journal*", 3 сентября 1910 г., с. 347-349.

(52) "Флоренс Найтингейл, О.М., R.R.C." Майор К. Е. Поллок, Королевский армейский медицинский корпус. Перепечатано из журнала *Королевского армейского медицинского корпуса*, октябрь 1910 г. Лондон: John Bale, Sons & Danielsson.

Содержит несколько официальных документов (сейчас находятся в Public Record Office), относящихся к крымской миссии мисс Найтингейл (см. т. I. с. 188).

1911

(53) *The Life and Letters of Sir John Hall, M.D., K.C.B., F.R.C.S.* By S. M. Mitra. Longmans, Green & Co., 1911.

Представляет значительный интерес (см. т. I. с. 169).

1912

(54) *Eine Heldin unter Helden (Florence Nightingale)*. Von J. Friz. Stuttgart, 1912. Verlag der Evang. Gesellschaft.

Из этой книги я привел цитату в томе I. стр. 92 н. Она также содержит несколько писем мисс Найтингейл, в основном к семье Флиднер.

Без даты

(55) Wintle. *История Флоренс Найтингейл*. By W. J. Wintle. Лондон: Союз воскресных школ.

Содержит некоторые воспоминания крымских ветеранов.

ПРИЛОЖЕНИЕ С

Список портретов, фотографий и т. д. Флоренс Найтингейл

Достоверных изображений мисс Найтингейл, за исключением ранних лет ее жизни, очень мало. Когда она стала знаменитой, она избегала публичности. Ее очень редко фотографировали, и, как правило, она отказывалась сниматься для своего портрета. Спрос на ее портреты был велик, и этот спрос породил предложение. В этот список включены, за одним вероятным исключением (№ 5), только те портреты, которые являются подлинными.

(1) 1820-1. Акварельный рисунок Ф. Н. в младенчестве на коленях ее итальянской кормилицы Балии. В Лиа Херст.

(2) 1828. Акварельный рисунок миссис Найтингейл с двумя дочерьми (Флоренс сидит на коленях матери). Хранится у миссис Леонард Канлифф, дочери сэра Дугласа Гальтона. Воспроизведено в качестве фронтисписа к тому I.

(3) 1828. Акварельный рисунок миссис Найтингейл с двумя дочерьми, выполненный А. Е. Шалоном. В Клейдоне. (Похож на предыдущий, но не идентичен ему по костюму).

(4) 1839. Акварельный портрет Флоренс Найтингейл (сидит) и ее сестры Парфенопы (стоит) работы Уильяма Уайта. Находится у миссис Колтман.

(5) ок. 1840. Небольшой портрет маслом работы Огастуса Л. Эгга, Р.А. В Национальной портретной галерее (№ 1578). Эта картина была куплена у миссис Салис Швабе (поклонницы мисс Найтингейл, с которой она была немного знакома) мистером Уильямом Рэтбоуном с целью ее представления нации; и была подарена Портретной галерее в 1910 году миссис Рэтбоун в соответствии с желанием ее мужа. Учитывая эти факты, а также то, что атрибуция Эгга согласуется с датами, попечители приняли портрет как подлинный. Семья мисс Найтингейл, однако, сомневается, так ли это. Нет общего сходства. Лицо пухлое, а все

остальные портреты в этом возрасте показывают худое лицо. Узкий гребень носа Ф. Н. не передан. Каштановый цвет волос на портрете не соответствует жизни. Брови не похожи друг на друга. Выражение лица нехарактерно. Все другие ранние портреты, даже совсем незначительные, отличаются особым сдержанным, самообладающим выражением лица. Платье и украшения не в характере; и мисс Найтингейл никогда не носил кольца в ушах. Если портрет действительно ее, и выполнен опытным художником, он вряд ли мог быть сделан с натуры.

(6) с. 1845. Карандашный набросок мисс Хилари Бонэм Картер. Находится у мисс Б. А. Клаф. Воспроизведено в томе I. р. 3838.

(7) с. 1850. В полный рост, стоит у постамента, на котором сидит сова. Гравировано Ф. Холлом с карандашного рисунка Парфенопы Найтингейл (леди Верни). Воспроизведена в *"Иллюстрированной Таймс"* от 2 февраля 1856 года и в качестве фронтисписа к *"Альманаху Виктории"* и *"Модному напоминанию"* за 1857 год.

(8) с. 1852. Большая карандашная голова, скопированная около 1880 года Дж. Р. Парсонсом с рисунка леди Истлейк. Оригинал был в плохом состоянии и, как полагают, был уничтожен. Копия находится в Лиа Херст.

(9) с. 1852. Фотография, три четверти лица, почти профиль; три четверти длины, сидит, читает. Полосатый шарф. Сделана в Германии. В Клейдоне.

(10) 1854. Фотография, сидя, смотрит вниз, у Килберна, затем на 222 Риджент-стрит. Сделана во время работы мисс Найтингейл на Харли-стрит. Было два положения, как указано в письме, которое миссис Сазерленд заметила под № 15: "в одном - взгляд вниз, в другом - поднятые глаза". Именно эти фотографии некоторые члены семьи мисс Найтингейл считали лучшими.

(11) 1854. Набросок; сидит, читает книгу; белый цветок в волосах; красный крест на шее. "Н. М. В. С. del." [Мисс Хилари Бонэм Картер, чьи инициалы, однако, были J. H. V. C.] "Опубликовано 28 ноября 1854 года П. и Д. Колнаги: подлинная серия Колнаги". Был также опубликован нецветной оттиск того же рисунка, который, в свою очередь, был адаптирован в различных формах - например, в оттиске, опубликованном компанией "В. Бемроуз и сыновья", с надписью "Мисс Флоренс Найтингейл, добрая самаритянка из Дербишира, читающая рассказы об ужасных страданиях наших храбрых раненых солдат" и т. д. и т. п.

(12) 1855. Мисс Флоренс Найтингейл и мистер Брейсбридж на холме Кэткарт, 8 мая 1855 года. Литографировано Дэем и опубликовано. Этот рисунок был сделан леди Верни и леди Энн Блант по небольшому наброску миссис Брейсбридж. Было опубликовано множество других гравюр, еще более отдаленных от жизни, таких как: "Флоренс Найтингейл в военном госпитале в Скутари" (цветная гравюра, опубликованная 16 марта 1855 года издательством Read & Co., 10 Johnson's Court, Fleet Street); "Мисс Флоренс Найтингейл, друг солдат" (рисунок Элстона, опубликованный 1 мая 1856 года издательством Ellis, 51 Jewin Street, City); и "Большой военный госпиталь в Скутари" (опубликованный, с сентиментальной легендой, 24 февраля 1855 года издательством Stannard & Dixon, 7 Poland Street).

(13) 1856. Картина маслом, изображающая мисс Найтингейл, принимающую раненых в Скутари, автор Джерри Барратт. Гравировка "Флоренс Найтингейл в Скутари, миссия милосердия", С. Беллин. Картина находится во владении сэра Перси Бейтса, барта.

(14) 1856. Фотография, три четверти длины, три четверти лица, стоя, сделана компанией The London Stereoscopic Co. Эта фотография была сделана по просьбе королевы Виктории и часто воспроизводилась.

(15) 1856. Гипсовая статуэтка; стоящая, с лампой в правой руке, работа мисс Хилари Бонэм Картер. В Леа Херст. Существует несколько копий или версий с некоторыми отличиями. Одна из них находится в больнице Святого Томаса; другая - у мистера Генри Бонэм-Картера; третья - в Клейдоне. Вторая версия, по совету г-на Вулнера, Р.А., была сделана менее полной в юбке. Также была сделана маленькая версия в уменьшенном масштабе (около 15 дюймов в высоту), которая получила широкое распространение. Существует письмо мисс Найтингейл от миссис Сазерленд (июнь 1866 года), в котором она пишет: "Есть фотографии статуэтки, которые (хотя это кажется странным) более характерны, чем настоящие портреты, ни один из которых, кроме "совиного" [№ 7], который вы презираете, не дает реального представления о том, какой вы были десять лет назад".

(16) с. 1858. Фотография в полный рост, полное лицо, стоя, автор Гудман. Семья мисс Найтингейл считала ее лучшим изображением; воспроизведено в томе I. стр. [394](#).

(17) 1862. Мраморный бюст работы сэра Джона Стилла. Этот бюст, подаренный мисс Найтингейл унтер-офицерами и солдатами британской армии, был помещен в музей Королевского института объединенной службы в соответствии с положениями ее завещания. Его копия находится в Леа Херст.

(18) 1864. Начало работы над головой Г. Ф. Уоттса, Р. А. Мисс Найтингейл была уговорена сэром Гарри Верни принять мистера Уоттса в одном или двух случаях, который сделал только начало портрета. Он очень слабый, и мистер Уоттс считал его пока неудачным. Он надеялся, что сможет возобновить работу, но отказался от этой идеи, когда портрет сделал сэр Уильям Ричмонд. Незаконченное полотно находится в Лимнерслизе.

(19) 1887. Портрет маслом в полный рост сэра У. Б. Ричмонда, Р.А. В Клейдоне. Воспроизведен в качестве фронтисписа к этому тому. 1887 год - год окончательной работы над портретом; портрет был начат ранее.

(20) с. 1890. Фотография, лицо сбоку, в вуали, полковник Г. Ллойд Верни.

(21) 1891. Фотография в три четверти длины, сидящий на кушетке, анфас, автор С. Г. Пейн и сын, Эйлсбери. Снято в Клейдоне.

(22) 1906. Две фотографии мисс Найтингейл в ее комнате; автор - мисс Э. Ф. Босанкет. Одна из них, увеличенная, воспроизведена выше, с. [306](#).

(23) 1907. Два акварельных рисунка (и репродукция), мисс Ф. Амисия де Биден Футнер. Один из них воспроизведен выше, с. [404](#). Эти рисунки, изображающие мисс Найтингейл в ее комнате на Саут-стрит, находятся в распоряжении различных членов семьи.

(24) 1908. Рисунок мелом графини Феодоры Глейхен. В Виндзоре, выполненный (с натуры) по приказу короля Эдуарда VII для коллекции портретов членов ордена "За заслуги".

КОНЕЦ

Оригинальная орфография и незначительные несоответствия в написании и форматировании сохранены.

Несоответствующий дефис оставлен в оригинале.

В таблице ниже перечислены все исправления, внесенные в оригинальный текст.

стр. 14: и прусское Bauerinnen → Bäuerinnen

стр. 69: внимание к "гигиенистам" → "гигиенистам

р 69: о консультировании гигиенистов → гигиенистов

р 75: [54] Ниже, р → р.

р 78: быть "спасителем" людей → людей.

р 89: (4 октября [1865] → [1865])

р 112: 24 PRINCES GATE, Feb. → Feb.

р 128: гораздо более неукротимый → неукротимый

р 145: consigning sanitary adminisstration → администрация

р 151: Это было 27 июля → 27.

р 154: цивилизация Индии" → цивилизация Индии")

р 184: pp. 519-534. → 534.)

р 190: Принцесса отправила фройляйн → фройляйн

р 235: детскость мудрости → мудрость.

р 237: und stiller Auf → auf

р 248: или сестры-уорды → сестры.

р 284: в 1874 году 37.1 → 37.1.

р 285: другие, за излишнее подчеркивание → излишнее подчеркивание.

р 285: was not the → Was

р 288: сказал ей весело → сухо

р 304: "Но эти удовольствия → Но

р 328: 21 августа 1880 года → 1880.

р 369: можно ожидать". она → ожидать", она

р 384: №№ 126, 133 → 133,

р 388: вещь была очень характерная → характерная.

р 389: Вечно ваш любящий Ф. Н." → N.

р 390: была "тетя Флоренс" → Флоренс.

р 401: во всем, что случилось → случилось

р 428: это письма к мистеру, → мистеру.

р 441: des Geh. Sanitäts → Sanitäts-Rath

р 447: Дисциплина, Цинцинатти → Цинциннати

р 455: By George H. De' Ath → Де'Ат

р 471: i. 361, 376, → 376;

р 477: De' Ath -> De'Ath

р 483: ii. 117, → ii. 117;

р 486: См. также *Daily News* → См. также *Daily News*

р 488: (1) Хронологический → [(1)

р 489: (16 октября) → (16 октября), i. 155

р 495: 261, 262, 142 → 342

р 506: (1866) посещает Ф. Н. → - (1866) посещает Ф. Н.